ИОСИП БРОЗ ТИТО

Евгений Матонин

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Первая полная биография на русском языке Иосипа Броз Тито — основателя и многолетнего руководителя социалистической Югославии, самого известного и вместе с тем самого загадочного мирового политика. Мало кто из крупнейших государственных деятелей оставил после себя столько легенд, мифов и тайн, сколько он. Партизан с монархическими полномочиями, коммунист-подпольщик, поражавший своими сибаритскими привычками даже миллиардеров, борец со сталинизмом, арестовавший собственную жену, — культу его личности мог бы позавидовать сам Сталин. Все эти парадоксы удивительным образом сочетались в этом человеке, и все загадки его биографии до сих пор вызывают бурные дискуссии во всем мире. Чем дальше в прошлое уходит эпоха Тито, тем больше его имя обрастает легендами и мифами. Книга Евгения Матонина, основанная на документальных материалах и свидетельствах близких соратников Тито, тщательно восстанавливает подлинную, а не легендарную биографию этого противоречивого, но чрезвычайно колоритного политика и человека.

- Евгений Матонин. Иосип Броз Тито
  - ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ
  - БУРНАЯ МОЛОДОСТЬ
    - Мальчик из Загорья
    - «Я обычный солдат, которому пожимал руку член императорской семьи!»
    - Русский фронт, плен и революция
  - В ПОДПОЛЬЕ
    - Возвращение домой
    - Коммунист-профессионал
    - Суд и тюрьма
  - АГЕНТ КОМИНТЕРНА
    - Броз превращается в Тито
    - Тайные миссии за границей
    - «Я не был уверен, что и меня не заберут…»
    - Тито — генеральный секретарь
    - «Лучше война, чем пакт!»
  - ВОЙНА
    - 1941 год: от Загреба до Ужице
    - «Я едва не погиб на раскисшей дороге»
    - Фочинская республика и полемика с Москвой

- 100 тысяч рейхсмарок за голову Тито
- Битва на Неретве и переговоры с немцами
- «Мне показалось, что удар пришелся в самое сердце»
- Дипломатические интриги
- «Чудесное спасение» и рождение легенды
- В Белград через Москву

○ ВЛАСТЬ
- «Мы не будем разменной монетой»
- Признание и месть
- «Берегите свое здоровье. Оно еще понадобится для Европы»
- «Тито — наш любимый учитель»
- Перед разрывом

○ ТИТО ПРОТИВ СТАЛИНА
- Зима 1948 года: первые заморозки
- Сталин и Тито переписываются
- «Товарищ Тито, мы тебе клянемся…»
- Голый остров
- Парадоксы культа
- Югославия в блокаде
- Тито «стучится в двери» Запада
- Тито на работе и дома
- «Заводы рабочим? Вот это по-марксистски!»
- Югославская «оттепель»
- «Улыбайся, Йованка!»

○ ТИТО И ХРУЩЕВ, СПОРЫ О СОЦИАЛИЗМЕ
- «Мы подождем и посмотрим». Смерть Сталина
- Триест и первые контакты с Москвой
- Джилас и Тито
- Тито в «стране чудес»
- Хрущев в Югославии
- Тито в Москве
- «Они посеяли ветер, а пожали бурю». Бурный 1956-й
- «Новый экономический курс»
- Хрущев «отлучает» Тито от марксизма
- Серо-буро-малиновая страна
- «На кой черт вам нужен этот лагерь?»

○ «В СТРАНЕ СОЛНЦА И ТОВАРИЩА ТИТО»
- «Мы еще не настолько состарились…»
- «Главный турист Югославии». «Неприсоединение»
- Тито, история и «мастера культуры»

- ПОЗОЛОЧЕННАЯ ЭПОХА
  - «Работай, не работай, а радио играет!»
  - Падение Ранковича и «демократизация»
  - «Белградский июнь» и «Пражский август»
  - «Много писали, что Югославия распадется, когда я уйду»
  - «Хорватская весна» и «сербские либералы»
  - В погоне за Нобелевской премией
- ПОСЛЕДНЕЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ
  - «Я могу со дня на день уйти, а меняться ничего не будет»
  - Любовь, интриги и развод
  - «Если бы я надел на себя все ордена, то был бы похож на Бокассу»
  - 1979 год: все в последний раз
  - Долгая смерть и «похоронная разрядка»
- ПОСЛЕСЛОВИЕ
  - Наследство и наследники
- ИЛЛЮСТРАЦИИ
- ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИОСИПА БРОЗ ТИТО
- ЛИТЕРАТУРА

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21

- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65

- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109

- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153

- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197

- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241

- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285

- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329

- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373

- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406
- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409
- ○ 410
- ○ 411
- ○ 412
- ○ 413
- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416
- ○ 417

- ○ 418
- ○ 419
- ○ 420
- ○ 421
- ○ 422
- ○ 423
- ○ 424
- ○ 425
- ○ 426
- ○ 427
- ○ 428
- ○ 429
- ○ 430
- ○ 431
- ○ 432
- ○ 433
- ○ 434
- ○ 435
- ○ 436
- ○ 437
- ○ 438
- ○ 439
- ○ 440
- ○ 441
- ○ 442
- ○ 443
- ○ 444
- ○ 445
- ○ 446
- ○ 447
- ○ 448
- ○ 449
- ○ 450
- ○ 451
- ○ 452
- ○ 453
- ○ 454
- ○ 455
- ○ 456
- ○ 457
- ○ 458
- ○ 459
- ○ 460
- ○ 461

- ○ 462
- ○ 463
- ○ 464
- ○ 465
- ○ 466
- ○ 467
- ○ 468
- ○ 469
- ○ 470
- ○ 471
- ○ 472
- ○ 473
- ○ 474
- ○ 475
- ○ 476
- ○ 477
- ○ 478
- ○ 479
- ○ 480
- ○ 481
- ○ 482
- ○ 483
- ○ 484
- ○ 485
- ○ 486
- ○ 487
- ○ 488
- ○ 489
- ○ 490
- ○ 491
- ○ 492
- ○ 493
- ○ 494
- ○ 495
- ○ 496
- ○ 497
- ○ 498
- ○ 499
- ○ 500
- ○ 501
- ○ 502
- ○ 503
- ○ 504
- ○ 505

- ○ 506
- ○ 507
- ○ 508
- ○ 509
- ○ 510
- ○ 511
- ○ 512
- ○ 513
- ○ 514
- ○ 515
- ○ 516
- ○ 517
- ○ 518
- ○ 519
- ○ 520
- ○ 521
- ○ 522
- ○ 523
- ○ 524
- ○ 525
- ○ 526
- ○ 527
- ○ 528
- ○ 529
- ○ 530
- ○ 531
- ○ 532
- ○ 533
- ○ 534
- ○ 535
- ○ 536
- ○ 537
- ○ 538
- ○ 539
- ○ 540
- ○ 541
- ○ 542
- ○ 543
- ○ 544
- ○ 545
- ○ 546
- ○ 547
- ○ 548
- ○ 549

- ○ 550
- ○ 551
- ○ 552
- ○ 553
- ○ 554
- ○ 555
- ○ 556
- ○ 557
- ○ 558
- ○ 559
- ○ 560
- ○ 561
- ○ 562
- ○ 563
- ○ 564
- ○ 565
- ○ 566
- ○ 567
- ○ 568
- ○ 569
- ○ 570
- ○ 571
- ○ 572
- ○ 573
- ○ 574
- ○ 575
- ○ 576
- ○ 577
- ○ 578
- ○ 579
- ○ 580
- ○ 581
- ○ 582
- ○ 583
- ○ 584
- ○ 585
- ○ 586
- ○ 587
- ○ 588
- ○ 589
- ○ 590
- ○ 591
- ○ 592
- ○ 593

- ○ 594
- ○ 595
- ○ 596
- ○ 597
- ○ 598
- ○ 599
- ○ 600
- ○ 601
- ○ 602
- ○ 603
- ○ 604
- ○ 605
- ○ 606
- ○ 607
- ○ 608
- ○ 609
- ○ 610
- ○ 611
- ○ 612
- ○ 613
- ○ 614
- ○ 615
- ○ 616
- ○ 617
- ○ 618
- ○ 619
- ○ 620
- ○ 621
- ○ 622
- ○ 623
- ○ 624
- ○ 625
- ○ 626
- ○ 627
- ○ 628
- ○ 629
- ○ 630
- ○ 631
- ○ 632
- ○ 633
- ○ 634
- ○ 635
- ○ 636
- ○ 637

- ○ 638
- ○ 639
- ○ 640
- ○ 641
- ○ 642
- ○ 643
- ○ 644
- ○ 645
- ○ 646
- ○ 647
- ○ 648
- ○ 649
- ○ 650
- ○ 651
- ○ 652
- ○ 653
- ○ 654
- ○ 655
- ○ 656
- ○ 657
- ○ 658
- ○ 659
- ○ 660
- ○ 661
- ○ 662
- ○ 663
- ○ 664
- ○ 665
- ○ 666
- ○ 667
- ○ 668
- ○ 669
- ○ 670
- ○ 671
- ○ 672
- ○ 673
- ○ 674
- ○ 675
- ○ 676
- ○ 677
- ○ 678
- ○ 679
- ○ 680
- ○ 681

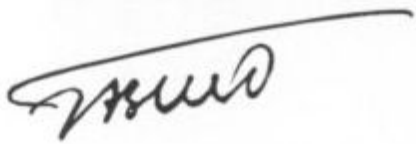
- ○ 682
- ○ 683
- ○ 684
- ○ 685
- ○ 686
- ○ 687
- ○ 688
- ○ 689
- ○ 690
- ○ 691
- ○ 692
- ○ 693
- ○ 694
- ○ 695
- ○ 696
- ○ 697
- ○ 698
- ○ 699
- ○ 700
- ○ 701
- ○ 702
- ○ 703
- ○ 704
- ○ 705
- ○ 706
- ○ 707
- ○ 708
- ○ 709
- ○ 710
- ○ 711
- ○ 712
- ○ 713
- ○ 714
- ○ 715
- ○ 716
- ○ 717
- ○ 718
- ○ 719
- ○ 720
- ○ 721
- ○ 722
- ○ 723
- ○ 724
- ○ 725

- ○ 726
- ○ 727
- ○ 728
- ○ 729
- ○ 730
- ○ 731
- ○ 732
- ○ 733
- ○ 734
- ○ 735
- ○ 736
- ○ 737
- ○ 738
- ○ 739
- ○ 740
- ○ 741
- ○ 742
- ○ 743
- ○ 744
- ○ 745
- ○ 746
- ○ 747
- ○ 748
- ○ 749
- ○ 750
- ○ 751
- ○ 752
- ○ 753
- ○ 754
- ○ 755
- ○ 756
- ○ 757
- ○ 758
- ○ 759
- ○ 760
- ○ 761
- ○ 762
- ○ 763
- ○ 764
- ○ 765
- ○ 766
- ○ 767
- ○ 768
- ○ 769

- ○ 770
- ○ 771
- ○ 772
- ○ 773
- ○ 774
- ○ 775
- ○ 776
- ○ 777
- ○ 778
- ○ 779
- ○ 780
- ○ 781
- ○ 782
- ○ 783
- ○ 784
- ○ 785
- ○ 786
- ○ 787
- ○ 788
- ○ 789
- ○ 790
- ○ 791
- ○ 792
- ○ 793
- ○ 794
- ○ 795
- ○ 796
- ○ 797
- ○ 798
- ○ 799
- ○ 800
- ○ 801
- ○ 802
- ○ 803
- ○ 804
- ○ 805
- ○ 806
- ○ 807
- ○ 808
- ○ 809
- ○ 810
- ○ 811
- ○ 812
- ○ 813

- ○ 814
- ○ 815
- ○ 816
- ○ 817
- ○ 818
- ○ 819
- ○ 820
- ○ 821
- ○ 822
- ○ 823
- ○ 824
- ○ 825
- ○ 826

Евгений Матонин. Иосип Броз Тито



ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

…Когда-то в Социалистической Федеративной Республике Югославии говорили, что у них в стране есть почти всё: и горы, и море, и леса, и поля, шесть республик, четыре языка и пять народов (а народностей со своими языками — так вообще больше двадцати), три религии, два алфавита. Только вот партия — одна, и Тито — один. Это высказывание считалось язвительным и ехидным, но теперь многими воспринимается совершенно по-другому. Ведь нет «одного Тито» — и нет всей страны. Ну а партия — так и бог с ней.

Человек с именем Иосип Броз и псевдонимом «Тито» создал эту Югославию и был ее бессменным руководителем. Из прожитых им 88 лет он 35 лет управлял ею. После его смерти страна с трудом протянула еще одно десятилетие и развалилась, наведя при этом ужас на весь мир.

При Тито Югославия была страной перманентного поиска. В ней появилось много такого, чего больше не было нигде. Например, два главы страны — Тито и «руководящий коллективный орган» Президиум СФРЮ — или семь (!) Академий наук. Ну и, конечно, ее собственный путь в социализм — с самоуправлением, свободой и культом личности Тито, которому мог бы позавидовать и сам товарищ Сталин. Этот «особый путь» надолго сделал Тито нежелательным персонажем советской историко-биографической литературы.

Ну а потом Тито умер, исчез Советский Союз, исчезла и сама титовская Югославия. Лишь кровавые события на Балканах 90-х годов прошлого века вновь возродили интерес к его фигуре. В статьях и других работах о событиях в бывшей Югославии часто встречался недоуменный вопрос: как Тито больше тридцати лет удавалось под лозунгом «Братство! Единство!» сохранять страну, народы которой, казалось бы, только и мечтают перерезать друг друга?

«…Тому, кто не знает, как хорошо жилось при Тито, я уже ничем помочь не смогу», — сказал как-то известный югославский (сербский) актер Раде Шербеджия, которому пришлось сыграть маршала в одном из фильмов.

«Титостальгия» характерна сегодня для всех бывших югославских республик. Несмотря на то, что созданные им конструкции развалились, похоронив под своими обломками тысячи граждан страны, простиравшейся некогда «от Вардара до Триглава», фигура самого Тито навсегда осталась в народной памяти.

…С конца 80-х годов прошлого века в СССР и России появилось немало новых работ о советско-югославских, а также российско-югославских отношениях, в которых Тито часто уделялось довольно много места, но его полной биографии на русском языке почему-то так и не было написано. Это довольно странно. Фигура Тито очень привлекательна как для биографа, так и для читателей. В его жизни было практически все, что может составить сюжет хорошо закрученного детективно-приключенческого романа, — война, многочисленные любовные романы, политические интриги, покушения, заговоры и т. д. и т. п. Не говоря уже о множестве тайн, которые до конца не разгаданы до сих пор.

Кем же все-таки был этот человек? Ответ на этот вопрос на самом деле не так прост, как кажется. Коммунист и аристократ. Партизанский командир и неофициальный монарх. Сталинист и самый главный враг сталинистов. Руководитель европейской страны, ставший лидером «третьего мира». Создатель самого демократического режима среди восточноевропейских государств и гонитель диссидентов.

Человек, сделавший невозможное, — создавший на пестрых и постоянно кипящих Балканах мощную региональную социалистическую «империю», которая рухнула сразу же после его смерти. Русофил и англофил, а заодно и австрофил. Большой любитель красивой жизни и красивых женщин и одинокий в старости человек, самыми верными друзьями которого остались только собаки. «Любимый вождь и учитель», о котором вся Югославия рассказывала анекдоты.

Он совершил 150 зарубежных визитов, посетив 68 стран. Из самых известных лидеров не встречался только с Мао Цзэдуном и Шарлем де Голлем.

Он три раза был награжден высшей наградой Югославии — орденом Народного Героя и шестнадцатью другими югославскими орденами. У него было 98 орденов и медалей 59 стран мира. Его избрали почетным доктором три югославских и четыре зарубежных университета.

По своей первой специальности он был слесарем и до конца жизни считал себя пролетарием и коммунистом. Но жил как царь, в распоряжении которого находилось больше двадцати вилл, личные охотничьи угодья, три личных зоопарка, корабли и яхты, «голубой поезд» и самолеты. Его жизнедеятельность обеспечивали более тысячи человек. При этом самой крупной личностью в истории он считал Ленина.

На его похороны приехали более двухсот делегаций. Это были самые масштабные похороны XX века.

И так далее, и тому подобное. В нем как будто бы жили разные люди с самыми различными взглядами, убеждениями и характерами. И все вместе они назывались «Иосип Броз Тито».

Говорят, когда-то императрица Екатерина II, рассмотрев очередной «дерзкий», но весьма недешевый по тому времени проект Ломоносова, заметила: «Хорошо же, но пусть он впредь не забывает, что Ломоносов при России, а не она при нем». Пожалуй, в ситуации с Тито было все наоборот. Югославия, небольшая европейская страна, благодаря ему играла роль важнейшего фактора на мировой арене, с которым считались и Советский Союз, и Америка. Так что не он был при Югославии, а Югославия при нем, что, по мнению многих, было не так уж плохо для самой Югославии.

Однажды его спросили, что он, марксист и атеист, думает о смерти и смысле жизни. «Смерть зависит от того, как вы прожили жизнь, — ответил Тито. — Если вы сделали что-то полезное, это вас переживет. Если кто-то во время своей жизни играл в мире важную роль, мир не пропадет после того, как он умрет. То, что он сделал, останется… Люди никогда не забывают положительные дела государственных деятелей. Они всегда помнят их достижения»[1].

Уже после развала Югославии на стенах домов бывших югославских городов не раз появлялись надписи: «Слесарь был лучше!»

БУРНАЯ МОЛОДОСТЬ

Мальчик из Загорья

В 1952 году, в автобиографии, написанной с помощью его многолетнего югославского биографа Владимира Дедиера для американского журнала «Лайф», Тито указал, что родился 25 мая 1892 года. Но уже в следующем году, в югославском издании автобиографии, дата его появления на свет значилась как 7 мая 1892 года. Первая из этих дат всегда отмечалась как национальный праздник Югославии, а вторая — не отмечалась вообще.

Судя по всему, будущий маршал Тито родился все же 7 мая 1892 года. Эта дата значится в книге о рождениях, браках и смертях, которая велась в католической церкви села Тухелю для всей округи. На 79-й странице этой книги, под номером 95, записано, что Иосип Броз родился 7 мая, а крещен 8 мая 1892 года. Там же отмечено, что его родители землепашец Франьо Броз и Мария Броз, урожденная Явершек, живут в селе Кумровац и что их кумом на крещении был Павао Юрич с женой Францей, а священником — падре Юрай Чвек.

Но откуда же тогда взялось 25 мая?

Есть версия, что во время войны его день рождения из-за боев отметили с запозданием — 25 мая. С тех пор так и пошло. Любопытно, что уже в 1944 году даже немцы знали, что маршал Тито отмечает день рождения именно 25 мая. Неслучайно на этот день они назначили операцию по его захвату.

За время своей долгой жизни Тито сообщал в анкетах не только о своих различных днях рождениях. Он и свое настоящее имя писал по-разному. Он называл себя и Йозефом, и Иосифом, и Йосефом, и Иосипом Брозовичем, и Иваном Брозом. Иногда его называли и «Иосип Брозович Тито».

Не меньше слухов ходило и о его национальности. Считается, что он наполовину хорват, наполовину словенец. Однако говорили, что он венгр, чех, русский, польский еврей, австриец или итальянец. Слухи о его национальности подогревал и необычный акцент Тито. Сам он объяснял его тем, что родился и рос в тех местах, где говорят и по-сербскохорватски, и по-словенски, поэтому и сам он говорил со словенским акцентом.

Ну и наконец, как почти у каждого известного человека, у маршала Тито существовала собственная «тайна происхождения». Согласно этой версии он был внебрачным ребенком венгерского

графа Эрдели, предкам которого принадлежали развалины одного из старинных замков вблизи Кумровца. Якобы граф, увидев в маленьком Иосипе большие способности, долгое время заботился о нем и успел даже дать неплохое образование.

Есть и другая версия: якобы граф Эрдели был масоном и привлек к работе в масонской ложе молодого и способного Броза. Масоны же помогли ему получить образование и вообще «выйти в люди» и даже похоронили его по-масонски — под белой мраморной плитой. Советский разведчик и корреспондент газеты «Известия» Леонид Колосов пошел еще дальше: он утверждал, что в масоны Тито принял сам Уинстон Черчилль. «В том же 1947 году Черчилль во время личной встречи торжественно объявил своему новому „другу“, что тот принят в члены мирового масонства и уже назначен магистром одной из лож. Назначение было подкреплено чеком в несколько миллиардов долларов на личные расходы вождя югославских народов. Точная цифра — секрет масонской бухгалтерии», — писал Колосов. Оказывается, что в могиле останков Тито нет и что «по масонским обычаям покойный маршал был похоронен в горах в одной из маленьких церквушек. Где находится эта масонская церквушка, пока неизвестно»[2]. Как говорится, «по comments».

Но оставим мифы и вернемся к биографии Тито. Село Кумровац в Хорватском Загорье, где он появился на свет, и тогда, и сейчас находится в составе Хорватии. С той лишь разницей, что сегодня — это независимое государство, а в конце XIX века Хорватия входила в состав Австро-Венгерской империи.

Официальным отцом Иосипа был, разумеется, не граф, а сельский кузнец Франьо Броз. Тито описывал его как сухого, жилистого человека с орлиным носом и «черного как черт». Он признавался, что не сохранил о нем теплых воспоминаний. «Он был все время пьян, — рассказывал он, — ругался в бога, душу и мать и мог вполне ударить кого-нибудь из детей без всякой на то причины»[3].

О своей матери Марии Явершек он вспоминал куда с большей теплотой. Отец Тито был хорватом, а Мария — словенкой. Эти южнославянские народы много лет жили рядом, и между ними никогда не было национальной вражды. И те и другие исповедовали католицизм. И несмотря на то что они говорят на разных языках, отношения между ними всегда были теснее и теплее, чем, скажем, у хорватов с сербами, которых объединял один язык (они говорят на различных диалектах сербско-хорватского/хорватско-сербского языка), но разъединяла религия — сербы всегда были православными.

Тито вспоминал свою мать-словенку как высокую и

белокурую женщину. Энергичную, экономную, строгую, но справедливую. Отмечал Тито и ее набожность.

Франьо и Мария поженились, когда ему было 24 года, а ей — 16. Сколько у них было детей — точно не известно. По одним данным — 15, по другим — 10. Тито родился седьмым по счету и прожил из них дольше всех — 88 лет.

Дом семьи Броз был самым большим в Кумровце, но жили они в нем скученно, вместе с двоюродными братьями и сестрами. Всем там не хватало ни места, ни еды. «Мое детство было тяжелым», — вспоминал Тито.

С семилетнего возраста Иосипу вменялось в обязанность пасти скотину, обрабатывать мотыгой посевы, пропалывать грядки. И все же семья Броз никогда не считалась бедной, а тем более нищей. Франьо даже раздавал деньги в долг своим соседям. Иногда он посылал маленького Иосипа с долговыми расписками по селу. Тито ненавидел это занятие. «Другие крестьяне, так же как и мой отец, были в долгах как в шелках, голодные, и у каждого куча детей, — рассказывал он. — Мне приходилось выслушивать проклятия и жалобы, но затем почти всегда мне все-таки давали деньги»[4].

7 июля 1900 года Иосип Броз пошел в школу, которая находилась в Кумровце. Ему повезло: школы были не во всех селах, хотя начальное образование в Австро-Венгрии считалось обязательным для всех. Он провел в этой школе четыре года и считался неплохим учеником, что и подтверждают сохранившиеся в архивах аттестаты его успеваемости за 1900–1905 годы. Большинство из выставленных ему оценок — «тройки» и «четверки», которые тогда считались, соответственно, «хорошими» и «очень хорошими» отметками. Были и «двойки» — по чтению и чистописанию, а в первом классе за чтение будущий маршал умудрился даже схлопотать «кол»[5]. Причина была в том, что Иосип гораздо лучше говорил по-словенски и никак не мог освоить хорватский литературный язык.

По настоянию матери, которая хотела, чтобы сын стал священником, Тито поступил в церковь мальчиком-служкой. Но священник однажды отвесил ему оплеуху, после чего Иосип больше ни разу не переступил порога церкви.

Пощечина священника была лишь одним из проявлений несправедливости, которая царила вокруг. Тито, по его рассказам, остро чувствовал ее. Например, хорваты по сравнению с венграми считались гражданами второго сорта. В 1903 году в Хорватии вспыхнули волнения. В районе Кумровца появились венгерские войска, подавлявшие выступления хорватов. Крестьяне должны были кормить и содержать этих солдат. В доме Брозов больше

месяца жили четверо венгров, которых они кормили за собственный счет.

«Когда я был маленьким мальчиком, — вспоминал Тито, — мне ужасно хотелось стать портным. Каждый загорский крестьянин мечтал о красивой одежде»[6]. Он и потом всю жизнь, даже на войне, считался «элегантным мужчиной», но тогда, после школы, ему было не до красивой одежды. Как и многим другим, Тито оставалось только одно: взять котомку с вещами и хлебом и отправиться на заработки. Два сына из семьи Брозов уже ушли из дома в поисках работы и пропитания. Отец попытался было отправить на заработки и Иосипа — в далекую Америку, но из этого ничего не вышло. Ему не удалось собрать денег на билет.

Через 70 лет во время визита в Германию Тито спросили: что бы с ним стало, если бы он все же уехал тогда в Европу или в Америку? «Тогда бы вы сейчас разговаривали с миллионером», — отшутился он.

Однажды к Брозам приехал в гости один из родственников. Он был в военной форме. Иосип с восторгом смотрел на нее. Но родственник посоветовал ему пойти для начала в официанты и пообещал в этом помочь. «Официанты, — говорил он, — всегда хорошо одеты, всегда вращаются среди приличных людей. Работа непыльная, и всегда будешь сыт». И Иосип решил отправиться в город Сисак для того, чтобы стать официантом. Через 40 лет Тито признавался, что тогда его в первую очередь соблазнило то, что официанты, в его представлении, тоже должны были красиво одеваться[7].

«Я обычный солдат, которому пожимал руку член императорской семьи!»

По сравнению с его родным селом, Сисак показался Тито очень большим городом. Однако работа официанта ему не понравилась. И вскоре он решил пойти учеником в мастерскую одного старого чеха-слесаря, который давно уже жил в Хорватии.

В мастерской он работал каждый день по 12 часов, а два раза в неделю ходил в школу. Так продолжалось три года. Хозяин к ученику относился хорошо, но однажды между ними произошел конфликт. Чех зашел в мастерскую и увидел, что Броз, вместо того чтобы работать, читает вслух другим ученикам последний выпуск «Приключений Шерлока Холмса». Тогда эти «Приключения» выходили отдельными тонкими книжками. Иосип копил на них деньги, которые получал за изготовление ключей или за починку соседям замков. За «халтуру», как бы сказали сейчас.

Хозяин подобрался к Иосипу, отобрал книгу и дал ему пощечину. Эта пощечина имела такой же эффект, как и оплеуха, полученная когда-то от священника. Иосип в ту же ночь ушел от хозяина, но его задержала полиция и привела обратно. Хозяин извинился, и конфликт между ними был исчерпан.

В 1909 году в мастерской появился помощник мастера из Загреба по фамилии Шмидт, который рассказал ученикам множество интересных вещей. Например, о комете Галлея, авиаторе Фармане и его последователях. «Он вообще был хорошим парнем, — вспоминал Тито. — Накануне 1 мая 1909 года он сказал нам, что скоро будет рабочий праздник и что мы все должны принести цветы и зеленые ветки и в этот день празднично украсить нашу мастерскую. К сожалению, Шмидт вскоре уехал от нас…»

Место Шмидта занял другой помощник мастера по фамилии Гаспарич. Он еще больше говорил с учениками о политике, рассказывал о неких социал-демократах, которые борются против капиталистов и против оболванивания народа попами. «Мне это понравилось, — говорил Тито, — я с детства не любил ни монахов, ни попов»[8].

Осенью 1910 года Иосип закончил свое обучение и стал квалифицированным мастером по металлу. Он решил уехать в Загреб, столицу Хорватии. Загреб тогда считался большим городом, в нем насчитывалось более 80 тысяч жителей.

В Загребе он проработал недолго — всего два с половиной месяца. Однако за это время в его жизни произошли важные события. Восемнадцатилетний Иосип вступил в Союз рабочих-металлистов и Социал-демократическую партию Хорватии и Славонии. Ему выдали членский билет и значок, изображавший две руки, сжимающие молот.

Он зарабатывал 2 кроны 30 геллеров в день. За жилье платил 20 крон в месяц, а на еду уходило 7 крон в неделю. Килограмм мяса тогда стоил 2 кроны, а хлеба — 36 геллеров.

Броз хотел вернуться домой, в Кумровац, в новом, модном и красивом костюме, купленном на заработанные им самим деньги. Костюм стоил не меньше 20 крон. Он все-таки сумел накопить денег. «Я пошел в магазин и выбрал за 20 крон красивый новый костюм, — рассказывал Тито. — Отнес его к себе домой, а потом вернулся в мастерскую, чтобы проститься с друзьями. Когда я вернулся домой, двери комнаты были широко открыты, а моего нового костюма и след простыл. Я вынужден был пойти к старьевщику и купить за 4 кроны старый, поношенный костюм, лишь бы только не возвращаться домой в Загорье в той же самой одежде, в которой я работал как подмастерье»[9].

Родители встретили его хорошо. Некоторое время он прожил дома, помогая отцу и брату делать черепицу и цементные трубы. Но как-то он услышал разговор отца и матери. Они говорили, что не стоило три года учиться, чтобы делать трубы. Тогда Иосип сел на поезд и уехал в Любляну. В кармане у него было 10 крон.

В Любляне он обошел почти все мастерские, но везде ему сказали, что работы нет. Кто-то посоветовал попытать счастья в городе Триесте, на берегу Адриатики, и Тито отправился туда. Денег на поезд у него не было, поэтому он шел пешком, а иногда его подвозили на телегах местные крестьяне. Ночевал он в основном в конюшнях и хлевах для скотины. В последнюю ночь путешествия ему пришлось спать рядом с коровой, которая изжевала и порвала его костюм. «Мне вообще не везло с костюмами», — признавался Тито много лет спустя.

Он был поражен видом огромного порта Триеста, но работу и здесь не нашел. Вскоре он уехал в Словению, где поступил на фабрику металлоизделий в небольшом городке Камник.

В Камнике Тито вступил в местный гимнастический клуб «Сокол». Молодежное спортивное движение «Сокол» было основано в Праге в 1862 году, официально оно считалось неполитическим, но фактически стало основой для распространения идей панславизма. Через дорогу от клуба «Сокол» находился клуб «Орлы». И если считалось, что «соколы» несли антиавстрийский и югославянский дух, то «орлы» — прямо противоположный.

Однако «Сокол» притягивал Иосипа и по другой причине — ему нравилась яркая форма общества и шляпа с перьями. Тито купил себе такой костюм в рассрочку и принимал участие в каждом параде «соколов», браво маршируя позади оркестра.

Тито оставался в Камнике до 1912 года, когда заводоуправление закрыло завод, предложив рабочим деньги, если те согласятся поехать на работу на одну из принадлежавших фирме фабрик в городе Ценков, в Чехии. Иосип Броз согласился: помимо заработка для него открывалась дорога к еще одной его мечте — увидеть мир. Он, кстати, тогда снова подумывал об Америке и даже купил книгу Эптона Синклера «Джунгли» об американской жизни. Книга стоила примерно столько же, сколько он зарабатывал за день.

Тито и его товарищи прибыли в Ценков. Но оказалось, что компания их обманула — решила использовать в качестве штрейкбрехеров во время забастовки местных рабочих-чехов. Тогда представители двух славянских народов объединились и уже вместе отказались выходить на работу. В итоге администрация предприятия была вынуждена повысить зарплату

и тем, и другим. Тито вспоминал, что чешские рабочие их очень полюбили, а для него самого это время было одним из самых лучших в жизни.

Но вскоре он снова пустился в странствия. Не от нужды, а в поисках новых впечатлений. Заводы «Шкода» в Пльзене не произвели на него особого впечатления, как, впрочем, и «грязные» промышленные предприятия Мюнхена. Промышленный Рур понравился ему куда больше. А в октябре 1912 года он переехал в Вену.

Вскоре Броз получил работу на большом автозаводе «Даймлер», который находился недалеко от Вены. Там он увлекся автомобилями на всю жизнь. «Я даже пошел в водители-испытатели и управлял огромными мощными автомобилями с их тяжелыми медными частями, резиновой грушей-рожком и наружным тормозом, чтобы они не слишком резвились», — не скрывая своего восхищения, рассказывал Тито много лет спустя[10].

По воскресным дням Тито отправлялся в Вену. У него не было денег на дорогие театры и концертные залы, поэтому иногда он вставал у входа или у ограды ресторана и слушал, как оркестр играет вальсы Штрауса, пока его не прогонял метрдотель. Впрочем, заработка рабочего и водителя-испытателя вполне хватало на то, чтобы посещать кабаре или популярные тогда мюзик-холлы, прежде всего «Орфеум» с его фокусниками, клоунами, приятной венской музыкой и танцами.

Иосип хотел как следует научиться танцевать и брал уроки танцев. Он научился танцевать вальс, однако так и не овладел кадрилью или полонезом. Он также брал уроки фехтования.

В то же самое время, когда молодой Иосип Броз пытался на свой лад «покорить» Вену, в столице Австро-Венгрии жил еще один молодой человек. Он уже успел дважды провалиться на экзаменах в Венскую академию изобразительных искусств, и ему приходилось зарабатывать на жизнь рисованием почтовых карточек и продавать на улице свои акварели. Молодой человек мечтал стать знаменитым и добился этого: через два десятилетия Адольфа Гитлера будет знать весь мир.

Возможно, что их пути с Тито даже пересекались где-нибудь на венских площадях. Но вряд ли они могли найти общий язык. Гитлер уже тогда был озлоблен и терпеть не мог «еврейские» и «мещанские» оперетты, а молодой Тито, наоборот, любил музыку, оперетту и вообще саму жизнь.

…В мае 1913 года ему исполнился 21 год. По законам Австро-Венгрии он должен был идти на военную службу. То, что Тито рассказывал о своих первых армейских днях, очень похоже

на первые дни службы во все времена.

Как только он попал в казарму, к нему сразу же прицепился капрал, который считал, что призывник Броз пострижен не по уставу. Он взял ножницы и лично постриг Иосипа. Он же заставлял солдат наизусть выучивать имена и титулы всех полководцев из императорской семьи. Тем, кто не мог их запомнить, он бил щелбаны по лбу.

Все это происходило уже в казармах 25-го домобранского полка в Загребе. Броза призвали сначала в один из императорских полков в Вене, где его приписали к артиллерии, однако он подал просьбу о переводе его в Загреб. Тито объяснял это тем, что хотел бы служить со своими земляками-хорватами.

В Хорватии, как составной части Австро-Венгрии, существовали как «императорские», так и «домобранские» полки. В первых служба считалась более почетной, но там она продолжалась три года и команды отдавались на немецком языке. В «домобранских» полках команды отдавались по-хорватски, да и служить в них надо было лишь два года. Просьбу Броза удовлетворили.

Он, видимо, был хорошим солдатом — его вскоре направили в школу младшего офицерского состава, которую он закончил в звании «водник» (примерно «младший сержант»). Зимой 1913/14 года Иосип Броз научился кататься на лыжах на склонах гор возле Загреба. Он считался одним из лучших фехтовальщиков полка и на общеармейских соревнованиях даже вышел в финал. В финальном поединке Броз встретился с неким австрийским графом, и, как он потом рассказывал, судья этому графу всячески подсуживал. В конце концов Броз не выдержал и запротестовал. Судьи и офицеры, следившие за поединком, возмутились: как обычный водник из рабочих смеет подвергать сомнению вердикт офицера! Протест отклонили, и поединок продолжился. Однако Иосип, взбешенный несправедливостью, нанес графу сильный, но запрещенный в соревнованиях удар. Его дисквалифицировали, а графа объявили победителем. Но серебряная медаль все же досталась Брозу. Много лет спустя, рассказывая своему сыну Мишо об этом поединке, Тито признался, что ему до сих пор стыдно за свое поведение и за тот запрещенный удар, который он нанес своему сопернику[11].

Медаль и диплом ему вручал австрийский эрцгерцог Иосиф Фердинанд. «Вот я, рабочий, сын безземельного крестьянина, чей единственный капитал — это руки и профессия, а принимаю поздравления от эрцгерцога, — вспоминал Тито. — Я, обычный солдат, которому пожимал руку член императорской семьи!»[12] За успехи на соревнованиях Тито дали месяц отпуска, однако он

не успел его отгулять, так как прогремели выстрелы в Сараеве.

28 июня 1914 года боснийский серб Гаврило Принцип застрелил в Сараеве эрцгерцога Франца Фердинанда и его жену княгиню Софию. Покушение подготовила подпольная организация «Млада Босна».

О том, кто на самом деле стоял за сараевским покушением, споры ведутся до сих пор. Приводятся самые различные версии — от «русского следа» до интриг в имперской верхушке. Дальнейшие события хорошо известны. 28 июля Австро-Венгрия объявила войну Сербии, обвинив ее в подготовке сараевского убийства. В ответ на это союзник Сербии Россия объявила всеобщую мобилизацию. Использовав этот предлог, Германия 1 августа объявила войну России. В тот же день Россия объявила войну Германии. В начале августа в войну вступили Франция и Англия. Война стала мировой.

42-я домобранская дивизия, в которой служил Иосип Броз, попала на сербский фронт. Здесь он постепенно двигался вверх по военно-служебной лестнице. Сначала ему присвоили звание старшего водника, а потом он стал адъютантом в штабе дивизии и получил лычки штабс-фельдфебеля. О том, как он воевал против Сербии, Тито старался не упоминать.

В австро-венгерской армии против Сербии воевало очень много славян — хорватов, словенцев и даже сербов, — подданных императора. Когда позиции двух противоборствующих сторон находились поблизости, солдаты начинали переругиваться. Однажды сербы окружили часть австро-венгерской армии и предложили ей сдаться. «Сдавайтесь, а не то все погибнете как дураки!» — кричали они. «Когда это ты видел, чтобы сербы сдавались?» — ответили им по-сербски из австрийских окопов[13].

В декабре 1914 года сербские войска перешли в контрнаступление и, разгромив австрийцев в битве на реке Колубаре, освободили территорию своей страны. На Балканах наступило временное затишье.

Вероятно, Броз тоже участвовал в битве на Колубаре — его дивизия, во всяком случае, там была. Уже после смерти Тито появились сведения, что он получил на сербском фронте медаль за храбрость[14], хотя документальных подтверждений им пока нет.

В его официальных биографиях этот период обычно пропускали или упоминали о нем в нескольких словах. Это и понятно — в социалистической Югославии могли бы неправильно понять рассказы о подвигах будущего «всенародно любимого» маршала Тито во время империалистической, захватнической войны против сербов. Дивизия, в которой он служил, находилась

в Сербии до конца 1914 года. В начале января 1915 года она оказалась уже на русском фронте.

Русский фронт, плен и революция

В январе 1915 года Броз увидел Россию. Правда, это была не совсем Россия, а Галиция, Карпаты. 25-й полк 42-й домобранской дивизии сразу попал в самую гущу событий.

Даже много лет спустя он помнил жуткие русские холода, перебои в снабжении войск, когда хорошее обмундирование и кожаные сапоги, выданные им в начале войны, заменили на сапоги из такого негодного материала, что они буквально растаяли на ногах, а шинели промокали насквозь. Тито старался заботиться о своем взводе, состоявшем, кстати, только из жителей хорватского Загорья. Броз командовал взводом разведки, и это занятие ему нравилось, потому что, как он потом говорил, там «нужно было думать своей головой» и поощрялось проявление инициативы.

Однажды во время вылазки его люди захватили 80 русских, которые беспечно спали в одном из сельских домов. Некоторые из подчиненных предлагали их расстрелять, однако Тито отверг это предложение, и всех пленных доставили на австрийские позиции. Не исключено, что к такому шагу его подтолкнуло не только человеколюбие. Дело в том, что, как сам признавался Тито, за каждого пленного он получал денежное вознаграждение — две кроны[15].

За бои на русском фронте Броз был удостоен серебряной медали «За храбрость», однако так никогда ее и не получил. Вскоре он попал в плен, а потом ему уже было не до награды. Австрийцы о медали, впрочем, не забыли. Когда в феврале 1967 года Тито находился с официальным визитом в Вене, они попытались ее ему вручить. Но он медаль не принял, сказав, что, вероятно, это ошибка и что наградили какого-нибудь другого Броза.

Весной 1915 года началось русское наступление в Карпатах. К этому времени 25-й домобранский полк перевели из Галиции в Буковину. Русская артиллерия накрыла полк, в котором служил Броз, прямо на марше. Взрывной волной его подбросило в воздух, а потом ударило о землю. Иосип был тяжело контужен, его отправили в госпиталь. Однако, судя по всему, там он пробыл недолго. В конце марта — начале апреля он уже воевал у деревни Окно. Там же и попал в русский плен.

Об обстоятельствах своего пленения Тито рассказывал не раз. Правда, он называл различные даты этого события: 22 марта, 25

марта или 4 апреля.

Русские, по его словам, прорвали австрийские позиции, и батальон Тито оказался в окружении. Они неожиданно увидели, как с тыла их атакуют черкесы из так называемой Дикой дивизии. «Мы стойко отражали атаки пехоты, наступавшей на нас по всему фронту, но неожиданно правый фланг дрогнул и в образовавшуюся брешь хлынула кавалерия черкесов, уроженцев азиатской части России, — вспоминал Тито. — Не успели мы прийти в себя, как они вихрем пронеслись через наши позиции, спешились и ринулись в наши окопы с пиками наперевес. Один черкес с двухметровой пикой налетел на меня, но у меня была винтовка со штыком, к тому же я был хорошим фехтовальщиком и отбил его атаку. Но, отражая нападение первого черкеса, вдруг почувствовал ужасный удар в спину. Я обернулся и увидел искаженное лицо другого черкеса и огромные черные глаза под густыми бровями». Этот черкес вогнал будущему маршалу пику под левую лопатку.

Брозу повезло — пика черкеса ударила в кость. Но все равно рана оказалась глубокой. Он попал в плен. Его поместили в санитарный эшелон, состоящий из раненых австрийских солдат. В Свияжске, недалеко от Казани, где разместили госпиталь, он пролежал 13 месяцев. Рана долго не заживала, но кроме ранения он переболел еще тяжелым воспалением легких, а потом и сыпным тифом, эпидемия которого свирепствовала среди военнопленных. На его кровати повесили красную метку, означавшую, что раненый скорее всего не выживет. На стене висела икона, и в бреду он ругался со святыми, изображенными на ней. Броз подозревал их в том, что они хотят украсть его вещи. Когда он пришел в себя, соседи по палате рассказали ему об этой ссоре со святыми[16].

Но Тито все же встал на ноги. Он начал учить русский язык и читать Толстого, Тургенева, Куприна. Через дорогу от госпиталя жили две гимназистки, которые постоянно передавали ему книги.

В октябре 1915 года Германия и Австро-Венгрия начали новое наступление против Сербии. Они захватили Белград, а их союзник, Болгария, нанес удар с востока. Сербы, сопровождаемые десятками тысяч беженцев, были вынуждены отступать через Черногорию и Албанию к Адриатике. Их путь был в буквальном смысле устлан трупами — за время отступления сербы потеряли около ста тысяч человек от голода, холода, болезней и стычек с неприятелем. Тем временем в начале 1916 года Германия, Австро-Венгрия и Болгария оккупировали Сербию и Черногорию. Все эти события вошли в историю Сербии под названием «сербской Голгофы».

Выйдя к морю, сербы оказались в тупике — дальше идти было некуда, а обещанная ранее помощь союзников продовольствием и кораблями не поступала. Единственная на Балканах армия, сражавшаяся на стороне Антанты, оказалась на грани полного уничтожения. Пока союзники медлили, Николай II лично обратился в Париж и Лондон с требованием помочь сербским войскам, пригрозив, что в противном случае Россия выйдет из Антанты. Угроза подействовала. Итальянские корабли начали перевозить сербов на греческий остров Корфу. Там же разместилось и сербское правительство, которое отступало вместе с войсками и беженцами[17]. Сербскую армию удалось сохранить, и позже ее части перебросили на фронт у греческого города Салоники, который летом 1916 года открыли страны Антанты.

Тито, безусловно, знал об этих событиях. Из Свияжска его перевели в городок Алатырь в Чувашии. Ему предлагали вступить в Добровольческий корпус, который формировался из военнопленных славян для борьбы с немцами и австрийцами, но он отказался. «Социалисты считали, — объяснял он позже, — что мы должны идти воевать не за Великую Сербию и не за Великую Хорватию, а за Югославию, в которой объединятся равноправные народы… Мы отказались присягать сербскому королю… Нас перевели в лагерь военнопленных в небольшой городок Ардатов в Симбирской губернии».

Его, как младшего офицера, не имели права принуждать к работе, однако он сам был не против чем-нибудь заняться. Некоторое время Иосип работал механиком на мельнице в селе Каласееве, а в свободное время читал.

В конце 1916 года его отправили в другой лагерь военнопленных — в город Кунгур тогдашней Пермской губернии. Там его и застала Февральская революция.

После революции жизнь военнопленных мало изменилась. Они по-прежнему строили железную дорогу. Тито сблизился с группой рабочих, которые читали работы Ленина, — тот как раз тогда, в апреле 1917 года, вернулся в Петроград из-за границы и выступил со своими «Апрельскими тезисами», объявив курс на подготовку социалистической революции.

Вскоре Броз решил бежать в Петроград. Он спрятался в товарном поезде среди мешков с зерном и уже через несколько дней был в столице. Он приехал накануне знаменитых «июльских дней» — 3–5 июля в Петрограде прошли вооруженные демонстрации, организованные большевиками. Фактически речь шла об отстранении от власти Временного правительства.

«Я был воодушевлен силой и организованностью этих

демонстраций и увидел, какую силу представляет рабочий класс… — вспоминал Тито. — Я был с демонстрантами вблизи большого железнодорожного вокзала, когда с крыши вокзала был открыт огонь из пулемета. Много рабочих было убито. Тогда начались массовые аресты… Я несколько дней скрывался под мостами через Неву, а потом решил бежать на родину. Я сказал себе: еду в Югославию делать революцию, еду домой»[18].

Выступления большевиков подавили, Ленин бежал в Финляндию и укрылся в шалаше в местечке Разлив. Очевидцы вспоминали, что теперь чуть ли не каждый прохожий считал своим долгом поймать большевика — «провокатора» и «немецкого шпиона». На улицах шли стихийные аресты.

Броз сумел перебраться в Финляндию, но там его схватила полиция. Его отправили в Петроград, где посадили в Петропавловскую крепость. Он сидел в маленькой, полной крыс камере, буквально в двух шагах от Невы, и думал, как быть дальше. Недели через три его отвели на допрос. «Кто вы такой?» — спросил его следователь. Тогда, собравшись с духом, он ответил, что он — австрийский военнопленный. Следователь только усмехнулся. «Ну и дурак, что раньше не сказал, — заметил он. — Мы бы тебя давно выпустили»[19]. В полиции, по словам Тито, думали, что он какой-нибудь важный большевик.

Его — вместе с другими беглецами — снова отправили в Кунгур. На станции Екатеринбург, перехитрив охранника, он сел в другой поезд, на котором доехал до Омска. В Омске власть была у большевиков, и там его задержали красногвардейцы. Иосип написал два заявления: просьбу о предоставлении ему российского гражданства и просьбу о приеме в партию большевиков. Успели ли тогда рассмотреть его заявления и удовлетворить их — неясно. Советская власть в Омске вскоре пала.

«Частенько писали, что в России я принимал деятельное участие в Октябрьской революции и гражданской войне. К сожалению, это не совсем так, — честно признавался Тито. — Я прослужил несколько месяцев в Красной интернациональной гвардии, но никогда не сражался на фронте, поскольку все еще был слаб после ранения и болезни…»

Тито читал советские газеты. Из вождей революции больше всего он, конечно, слышал о Ленине. Немного о Троцком. «Что же касается Сталина, — отмечал он, — то за время моего пребывания в России я ни разу не слышал его имени»[20]. Это, впрочем, было сказано в 1952 году, когда Тито уже успел «поссориться» со Сталиным.

В России к этому времени находилось около семидесяти

тысяч чехов, которые дезертировали из австро-венгерской армии. Они хотели продолжать войну против немцев и австрийцев. Но поскольку советское правительство заключило с Германией и Австро-Венгрией Брестский мир, то была достигнута договоренность перебросить чехов во Владивосток, а оттуда французскими кораблями — на Западный фронт. Весной 1918 года эшелоны с чехами растянулись по всей стране до Дальнего Востока.

14 мая в Челябинске эшелон с чехами встретился с эшелоном бывших пленных венгров, отпущенных большевиками по условиям Брестского договора. Между чехословаками и венграми отношения были, мягко говоря, напряженными. Кто-то из венгров бросил в чехов камень (по другой версии — чугунную ножку от печки), который тяжело ранил чешского солдата. Чехи бросились разбираться и убили одного из венгров. На следующий день советские власти в Челябинске арестовали нескольких чехословаков.

В ответ на это чехи силой освободили своих товарищей, а заодно и свергли советскую власть в Челябинске. Разгромив отряды Красной гвардии, они заняли еще несколько городов. По всей линии Транссибирской магистрали, на которой находились чешские эшелоны, заполыхало восстание. К чехам присоединялись и различные антибольшевистские силы. В Самаре, например, было создано новое правительство — Комитет членов Учредительного собрания (разогнанного большевиками в январе 1918 года). Это положило начало формированию других антибольшевистских правительств по всей территории России. Тогда же чехословаки и казаки заняли Омск.

После падения Омска Тито скрывался в селе Михайловка. Там он некоторое время работал на паровой молотилке, а потом нанялся в один киргизский аул машинистом на мельницу к богатому киргизу Исайе Джаксенбаеву.

Пока будущий маршал скрывался в киргизском ауле, мир бурлил. Осенью 1918 года поражением Германии и Австро-Венгрии закончилась Первая мировая война. Она изменила карту Европы. В прошлое ушли Российская, Германская и Австро-Венгерская империи. На месте Австро-Венгрии возникли несколько независимых государств, в том числе и Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев — будущая Югославия, — о создании которого было объявлено 1 декабря 1918 года.

В новое Королевство вошли Сербия, Черногория, бывшие австро-венгерские провинции Хорватия, Словения, Босния, Герцеговина, а также часть южной Венгрии (Воеводина) и часть Македонии, которую после войны передали Сербии. Во главе

Королевства встал сербский король Петр Карагеоргиевич. Надо сказать, что новое государство создавалось на добровольной основе и представители югославянских народов сами передали власть сербскому королю. Они не могли не понимать, что в новом государстве Сербия займет доминирующую роль. Сербы во время войны понесли самые большие потери на Балканах, а возможно, даже и в мире, и Англия с Францией теперь были не против объединения югославян под сербской короной — союзником Антанты.

В России тем временем разгоралась Гражданская война. Сибирь осенью 1918 года оказалась под властью адмирала Александра Колчака, объявленного Верховным правителем России. В этом качестве Колчака признали и страны Антанты.

Все это время Иосип Броз жил среди киргизов. Тито утверждал, что не скрывал своих симпатий к большевикам. Он советовал своему хозяину Джаксенбаеву: «Не давай зерна Колчаку, Исайя. Все равно придут большевики». — «А придут ли, Иосип?» — «Обязательно придут», — уверял Тито. Такие, по его воспоминаниям, между ними велись разговоры[21]. Осенью 1919 года Красная армия выбила белых из Омска.

Броз вступил в контакт с югославской коммунистической организацией, которая работала как секция омской организации РКП(б). В партию, по его словам, его тоже приняли «югославские товарищи». Это произошло в феврале или марте 1920 года. Если так, то в РКП(б) он вступил со второй попытки. Однако по другим данным, эти просьбы так и остались без ответа, поскольку личность Броза некоторым «товарищам» из партийного начальства представлялась сомнительной и кое-кто даже считал, что он «бежал от Красной Армии»[22].

Но не только партийные дела влекли его в Омск. Еще когда он жил в деревне Михайловке, то познакомился там с дочерью крестьян Дарьи и Дениса Белоусовых Пелагеей. Сам Тито называл ее Полиной или Полькой. Ему тогда было уже 25 лет, а Пелагее недавно исполнилось 14.

Как именно произошло их знакомство — об этом никогда не рассказывали ни он, ни она. Неизвестно также, как Пелагея выглядела в ранней молодости. На более поздних фотографиях мы видим красивую женщину с простым русским лицом и, вероятно, темно-русыми волосами. Интересно, что даже те, кто знал Пелагею уже в Югославии, никак не могли вспомнить, была она блондинкой или брюнеткой[23]. О жизни с ней в России сохранилось очень мало свидетельств самого Тито. Главное из них — его рассказ на допросе в полиции Загреба 5 августа 1928 года. «Я обвенчался с Пелагеей Денисовной Белоусовой в церкви

города Омска, когда там у власти находился Колчак, — говорил он. — Потом, поскольку этот брак не был признан большевиками, я зарегистрировал гражданский брак с нею в Омске в 1920 году»[24].

7 сентября 1920 года они зарегистрировали свой брак уже по советским законам в Боголюбском райисполкоме Омской области. В свидетельстве о браке говорится, что в брак вступают Иосиф Брозович, электромеханик, и невеста Пелагея Денисовна Белоусова, крестьянка, которая изъявила желание взять фамилию Брозович. Одним из свидетелей был брат невесты Иван Белоусов. Броз Тито даже в брак вступил не под своим настоящим именем[25].

К этому времени он уже твердо решил вернуться домой. Но не один, а с женой. Однажды ему попалась в омской газете статья «В Хорватии крестьяне поднялись на восстание». «Все это, — отмечал он, — неудержимо влекло меня на родину»[26]. Вскоре вместе с женой он выехал из Омска. «Так завершился еще один круг в моей жизни», — вспоминал Тито[27].

Завершая же главу о первом «русском периоде» в его биографии, нельзя не отметить, что следы его пребывания в Омске остаются и сейчас. В частности, одна из улиц города носит имя Тито. Но сегодня на ней расположен ресторан «Колчак». Такая вот историческая загогулина.

В ПОДПОЛЬЕ

Возвращение домой

В сентябре 1920 года Иосип Броз был назначен комендантом транспорта бывших австро-венгерских военнопленных, которых при посредничестве германского посольства советская Россия возвращала домой. Он ехал не один, а с женой Пелагеей — она ждала ребенка.

Они прибыли в словенский город Марибор. Тут Броза включили в список «подозрительных элементов», поскольку он вернулся из советской России. Потом они переехали в Загреб.

Таким образом, через шесть с лишним лет войны и плена Иосип Броз вернулся на родину. Его мать умерла еще в 1918 году — во время эпидемии гриппа. Узнав об этом, Иосип расплакался[28].

Отец Тито незадолго до смерти жены поссорился с ней и переехал в другое село. Он много пил и продал свою землю. Однако в Кумровце Броза тепло встретили братья и сестры.

Сначала он подался в официанты, а затем вновь занялся кузнечным ремеслом. Платили ему жалкие три кроны в час, чего едва хватало, чтобы заплатить 600 крон в месяц за крошечную комнатушку. Вскоре ему удалось устроиться механиком на мельницу в селе Велико Тройство недалеко от Загреба. Они с Пелагеей и поселились в этом селе. Начиналась его новая жизнь в новой стране.

Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев объединило 12 миллионов человек — близких по языку, культуре и менталитету, но все-таки разных народов, имевших к тому же различную религию и довольно непростые отношения друг с другом. В нем уже тогда стали появляться первые, пока еще мелкие, трещины. Недаром Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев, сокращенно СХС, хорваты расшифровывали так: «Сербы хотят всего» («Srbi Hoce Sve»), а сербы: «Только хорваты мешают» («Samo Hrvati Smetaju»). В новом Королевстве сербы были доминирующей нацией не только в численном отношении. Они составляли большинство в офицерском корпусе в армии, на гражданской службе и в полиции. Сербы считали, что заслужили это своим героическим поведением в недавней войне. Однако другие народы, прежде всего хорваты, начали проявлять признаки недовольства. Они считали, что в новом государстве им отвели второстепенную роль.

28 ноября 1920 года в Королевстве состоялись выборы в Учредительное собрание, которое должно было принять Конституцию государства. В выборах принимали участие и коммунисты (компартия Югославии была образована в апреле 1919 года). Они оказались на третьем месте, получив 12 процентов голосов и 59 мандатов. Больше было только у Демократической партии и у Сербской радикальной партии.

Успехи коммунистов сильно встревожили правительство. Когда в конце года они развернули кампанию по организации всеобщей забастовки, правительство в ночь на 30 декабря выпустило декрет, фактически запрещавший деятельность компартии, а также коммунистическую агитацию.

Тем временем в Учредительном собрании развернулись дебаты: быть Югославии монархией или республикой. Против монархии, кроме коммунистов, выступали Хорватская крестьянская партия и Югославянская республиканская партия. Несмотря на все различия в политических программах, они придерживались единой тактики — бойкота голосования по вопросу о конституции, по которой страна объявлялась монархией. Монархисты предложили депутатам принять коллективную присягу на верность королю Александру, который должен был вступить на престол 17 августа 1921 года. Сторонники республики отказались и покинули зал заседания. В их отсутствие 28 июня 1921 года была принята Конституция страны. Сербо-хорвато-словенское государство официально объявлялось королевством во главе с династией Карагеоргиевичей.

На следующий день, когда будущий король, а пока еще принц-регент Александр принес присягу конституции и выходил из здания парламента, молодой серб-коммунист бросил в его автомобиль бомбу. Александр остался невредим, но были ранены десять человек.

КПЮ заявила, что не имеет никакого отношения к этой и другим подобным акциям, но парламент — Народная скупщина — 2 августа 1921 года принял «Закон о защите безопасности и порядка в государстве». Компартия объявлялась вне закона. За коммунистическую деятельность теперь полагалось суровое наказание вплоть до пожизненного заключения и даже смертной казни. Король Александр, который воспитывался при русском царском дворе и охотно давал приют белогвардейцам и вообще русским эмигрантам, терпеть не мог ни русских, ни югославских, ни каких-либо других коммунистов. Они отвечали ему тем же.

Тито позже язвительно высмеивал предприимчивого короля: «Он не только убедил парламент увеличить его содержание по

цивильному листу, но и возглавил Национальный банк, а в конечном итоге даже сделался фермером. Он прибрал к рукам бывшее государственное хозяйство в Топчидере (пригород Белграда. — *Е. М.)* и продавал на белградском базаре яйца и овощи, соревнуясь с крестьянами. Солдаты королевской гвардии гнули на него спину без всякой платы и торговали на рынке в военных штанах и гражданских пальто королевскими овощами. Ушлый король также открыл предприятие по производству вина и сливовицы в Тополе и Демир Капия. Вся эта собственность была освобождена от налогов на том основании, что это личные владения короля!»[29]

Но что же делал в это время Иосип Броз? В большинстве его биографий говорится, что именно в 1920-м он стал членом компартии. Сам Тито, как уже говорилось, рассказывал, что его приняли в югославянскую секцию РКП(б) в 1918 году в Омске. Правда, по другой его версии, он вступил в нее в 1919 году. По третьей, в югославянскую секцию РКП(б) его приняли в Омске, но в марте — апреле 1920 года, а членом КПЮ он стал в ноябре того же года. В некоторых биографических справочниках утверждается, что Тито стал членом партии в октябре 1920-го. По другим версиям — не раньше середины 1924 года[30].

Точно известно лишь, что все это время вместе с Пелагеей он жил в селе Велико Тройство, где работал на мельнице Самуэля Поляка. Когда они вернулись из России, Пелагея была уже на девятом месяце беременности. Однако ребенок умер через несколько дней после родов.

Согласно другим сведениям, после смерти первого ребенка Пелагея родила еще одного. Но и он умер. Потом у нее родились сын Хинко и дочь Златица, которым тоже не суждено было долго прожить.

Иосип сам похоронил Златицу на небольшом сельском кладбище. Тут же был похоронен и его сын Хинко, умерший от дизентерии. В начале 1924 года Броз поставил на могиле детей памятник — один из самых богатых для того времени. На нем выбили строки: «Пусть мир и тишина царят над вашим гробом. Неизмеримую печаль и боль мы унесем с собой. Скорбящие родители». В верхней же части памятника были высечены католический крест и надпись: «Здесь покоятся в мире Божьем Златица Броз, возраст 2 года, и ее братик Хинко, возраст 3 дня».

Эти крест и надпись на памятнике, по мнению некоторых сербских исследователей, подтверждают, что Тито тогда еще не был коммунистом, так как отрицание религии и религиозных обрядов было в то время одним из главных условий приема в любую коммунистическую партию[31]. Но вряд ли надгробие

свидетельствовало об убеждениях Тито. Скорее всего оно было данью тем привычным для него традициям, в окружении которых он вырос. Да и какой памятник своим детям на балканском сельском кладбище мог тогда поставить даже самый убежденный коммунист? Не со звездой же, в самом деле.

В то время он постепенно приобретал популярность среди местных рабочих, которые с симпатиями относились к идеям коммунизма. В партии шли дискуссии о дальнейшей тактике борьбы. «Умеренные» считали, что к запрету КПЮ привели действия слишком радикальных элементов и что только отказом от насилия можно сделать партию популярной среди народных масс. На одном из собраний Броз обрушился на «умеренных» с резкой критикой. «С таким руководством, — сказал он, — КПЮ никогда не будет в состоянии прийти к власти».

Вскоре его выбрали в Окружной комитет КПЮ. Он должен был заменить одного из рабочих-коммунистов, который умер от чахотки. Коммунисты и социал-демократы решили устроить умершему «революционные» похороны, хотя семья была против и пригласила католического священника. Когда гроб вынесли из дома, кто-то из социал-демократов начал говорить речь, но священник и семья попросили его замолчать. Однако коммунисты устроили шествие к могиле с венком в виде серпа и молота. Иосип Броз произнес краткую речь, поклявшись умершему товарищу «бороться за те идеи, которым ты всегда был верен». После этого над могилой развернули красный флаг.

Вся эта история стала быстро известна властям — на «коммунистическую агитацию» пожаловался священник. Полиция арестовала нескольких активных участников акции, в том числе и Броза. Через восемь дней состоялся суд. Однако арестованным повезло — прокурор был православным и терпеть не мог того священника, который обвинил Броза и его товарищей в «коммунистической агитации». Он постановил, что их вина не доказана[32].

Броз вернулся на мельницу в селе Велико Тройство. 2 февраля 1924 года у них с Пелагеей родился сын Жарко — единственный из всех их детей, кто выжил. Между тем после ареста Броз окончательно превратился в глазах властей в «неблагонадежный элемент». Его то и дело вызывали на допросы в полицию и приходили к нему домой с обысками. Еще больше осложнилась его жизнь после того, как летом 1925 года умер хозяин мельницы Самуэль Поляк. Новый хозяин поставил вопрос ребром: либо Броз занимается политикой, либо работает у него.

Обсудив ситуацию с товарищами по партии, Броз решил устроиться на судоверфи в Кралевице, городе на побережье

Адриатики: он хотел быть «в гуще рабочих масс».

Кралевица находится рядом с полуостровом Истра, который после Первой мировой войны достался Италии, хотя Королевство СХС тоже претендовало на него. С итальянцами велись постоянные пограничные споры, и их отголоски сказывались даже на работе верфи, на которую устроился Броз. Согласно договоренностям итальянцы передали соседям несколько захваченных ими во время войны катеров, принадлежавших Австро-Венгрии. Но перед этой передачей они разобрали их чуть ли не до винтика, сняв самые ценные узлы и механизмы. Рабочие верфи смогли их восстановить, и, вспоминая об этом, Тито не скрывал гордости. «Когда первый торпедный катер вышел в испытательный рейс, нашей радости не было предела, — рассказывал он. — Поршни надрывно скрипели, и мы переживали, как бы старое железо не треснуло под давлением. Но все прошло хорошо»[33].

Тито до конца жизни любил различные механизмы и с удовольствием возился с ними. Однако в Кралевице работа механика скорее нужна была ему для основной — политической — деятельности. Он организовал ячейку компартии, а также спортивный и художественный кружки для рабочих и постарался, чтобы для них в Загребе купили музыкальные инструменты. Тито передал в кружок свою библиотеку из пятидесяти книг. Среди них были «Железная пята» Джека Лондона, «Женщина и социализм» Августа Бебеля и «Мать» Горького. По словам Тито, свой дом, где он жил с женой и сыном, он превратил в клуб-читальню для рабочих.

Между тем администрация задерживала зарплату рабочим на целых семь недель и среди них зрело недовольство. Броз призвал к забастовке. Она продолжалась девять дней, после чего администрация пошла на уступки и выплатила рабочим все долги. Однако главных зачинщиков «беспорядков» она все же уволила. Среди них был и Тито.

И снова перед ним возникала проблема: что делать? На этот раз он оставил Пелагею и сына в Кралевице, а сам отправился в Сербию. Там он устроился в вагонное депо города Смедеревская Паланка. Работа в депо предоставляла богатый материал для партийной деятельности, чем Броз, конечно, не замедлил воспользоваться.

17 марта 1927 года в профсоюзной газете «Организовани радник» в Загребе появилась статья, в которой рассказывалось о тяжелом положении рабочих в депо Смедеревской Палан-ки. Статья была подписана псевдонимом «Брадоп». Считается, что из-за этой статьи его и уволили из депо. Но была и другая причина

— он заступился за рабочего, которого подвергли несправедливому штрафу.

К этому времени Броз был хорошо известен полиции, и никто из работодателей не хотел брать «бунтовщика» и «коммуниста». В партии решили перевести Иосипа на исключительно партийно-профсоюзную работу. Вскоре его назначили секретарем профсоюза рабочих-металлистов Загреба, а потом — и всей Хорватии. «Мне было тогда 35 лет, — вспоминал Тито, — и эти события стали переломным моментом в моей жизни, так как я стал руководителем в рабочем движении и теперь занимался только им»[34]. Весной 1927 года Иосип Броз окончательно превратился в «профессионального революционера».

Коммунист-профессионал

Новый, 1927 год Броз встречал один, без семьи. Он обещал приехать в Кралевицу к жене и сыну, но так почему-то и не приехал.

Пелагея в 1926 году тоже вступила в КПЮ и вполне понимала все трудности и опасности, которым подвергался ее муж. Много лет спустя, в 1977 году, встречаясь с делегацией загребских коммунистов, Тито сказал, что тогда перед ним встал вопрос: кормить себя, жену и ребенка или же бороться за идеи коммунизма. «Я всем пожертвовал, чтобы заниматься этим (политикой. — *Е. М.)»,* — заметил он[35].

Летом 1927 года он стал не только профсоюзным лидером, но и одним из руководителей загребской партийной организации. Она тогда считалась многочисленной — в ней состояло около 80 человек.

Всего лишь за семь лет властям удалось нанести сильный удар по коммунистам. Если в 1921 году в партии было почти 60 тысяч членов, то в 1927-м — чуть больше трех тысяч. Ее раздирали споры и конфликты между различными фракциями. «Правые» во главе с одним из основателей КПЮ профессором Белградского университета, математиком и философом Симой Марковичем считали развитие нелегальной деятельности тупиковым путем. «Левые», наоборот, утверждали, что главное значение имеет как раз нелегальная работа, а некоторые из них призывали к сбору оружия, подготовке вооруженного восстания и даже не исключали проведение терактов против наиболее одиозных представителей властей и крайне правых организаций.

Разделяло их и отношение к национальному вопросу. «Правые» считали, что его можно решить путем реформ, в рамках конституции. «Левые» же были убеждены, что его решит только

революция и свержение династии Карагеоргиевичей. Первых поддерживали в основном сербы, вторых — хорваты, недовольные сербской доминацией в стране. В январе 1924 года в Белграде прошла нелегальная III конференция КПЮ. Сторонники Симы Марковича потерпели поражение, а его самого обвинили в «великосербском шовинизме». Конференция вообще заклеймила «великосербский режим» и приняла резолюцию, в которой настаивала на праве наций на самоопределение, вплоть до отделения[36].

Симпатии Тито были на стороне «левых», хотя и не крайних радикалов. Полиция теперь не оставляла его в покое. В один июльский день 1927 года, когда он работал в загребском комитете профсоюза металлистов, к нему вошли несколько полицейских в штатском и сказали, что он арестован. На его вопрос: «За что?» — ответили: «Вы совершили столько нарушений закона, что мы можем арестовать вас когда угодно и предъявить не меньше десятка обвинений!» Полиция обыскала штаб-квартиру профсоюза и квартиру самого Броза. У него изъяли вырезанную из газеты фотографию Ленина, выписку из книги загса о браке с Пелагеей, удостоверение, выданное советскими властями в Омске, письма и книги. Его самого в наручниках отправили в тюрьму города Огулин. Были арестованы еще шесть его товарищей, работавших на верфи в Кралевице. Однако его отделили от остальных и посадили в камеру с уголовниками. Впрочем, его это не пугало — он не боялся уголовников и не презирал их. Более того, он рассказывал ворам и мошенникам о профсоюзах и о том, чего добиваются коммунисты.

С точки зрения современной российской действительности, обстановка в тогдашней Югославии была довольно странной. Коммунистов и противников режима преследовали, но при этом суды вовсе не «штамповали» приговоры. Обвинение в «коммунистической деятельности» требовалось еще доказать, что не всегда удавалось.

Процесс по делу Броза проходил в октябре 1927 года и был закрытым по соображениям «государственной безопасности». Броза признали виновным, и он получил семь месяцев заключения. Приговор был не слишком суровым: суд решил, что его принадлежность к КПЮ доказать полностью не удалось. Но адвокатов и самого Тито он не устроил, и они обжаловали его. Дальше произошло странное: Иосипа почему-то выпустили на свободу до рассмотрения его апелляции. Он сразу же перешел на нелегальное положение и в суд уже не явился.

Теперь Броз жил в Загребе и выдавал себя за состоятельного инженера-строителя. Он носил темные очки, отлично сшитые

модные костюмы, ходил в дорогие магазины и рестораны, где встречался с другими партийными активистами.

Тито нравился такой образ жизни. В нем было все, что он любил — и борьба за революцию, и возможность красиво одеваться и красиво жить. Казалось бы, полностью противоположные вещи удивительным образом сочетались в нем уже тогда, в молодости. Тито считал, что «буржуазные привычки» в одежде и манере поведения вовсе не противоречат коммунистическим убеждениям. Недаром впоследствии в западных газетах его будут называть «самым элегантным коммунистом мира».

Как профсоюзному лидеру ему была положена неплохая по тем временам зарплата — две тысячи динаров в месяц. Правда, и в этом вопросе не обошлось без проблем. Руководство профсоюза металлистов в Белграде, состоявшее из «правых», отказывалось платить Брозу. Тогда загребские металлисты решили «взять на содержание» своего секретаря и скидывались для него по два динара в месяц с каждого.

25 февраля 1928 года в Загребе состоялась нелегальная VII конференция городской коммунистической организации. В Загребе, как и во всей КПЮ, тогда шла борьба между «правыми» и «левыми», и «левые» оказались в большинстве. Броз, однако, в своем содокладе резко раскритиковал оба течения. Он заявил, что главная задача коммунистов — провести «безусловную большевизацию» КПЮ и по примеру ВКП(б) создать единую большевистскую организацию. Он также предложил, чтобы Исполком Коминтерна взял на себя руководство КПЮ и очистил ее от фракций. На конференции Тито избрали политическим секретарем Загребского горкома КПЮ. Старый горком был распущен.

Это был важный шаг к партийной вершине. Более того, именно тогда, в феврале — марте 1928 года, о 36-летнем коммунисте и профсоюзном активисте Иосипе Брозе узнали в Москве. На конференции в Загребе присутствовал посланник Коминтерна по фамилии Милкович, которому очень понравился доклад Иосипа Броза и его решительный настрой. Скорее всего, он же и сообщил руководству Коминтерна о способном хорвате.

20 июня 1928 года страна была взбудоражена трагедией, случившейся прямо на парламентской сессии. Один из депутатов-монархистов, серб из Черногории Пуниша Рачич, расстрелял из револьвера лидера оппозиционной Хорватской крестьянской партии Степана Радича. Вскоре Радич умер от полученных ран.

Уже в день покушения в Хорватии начались волнения. Хорваты чувствовали себя оскорбленными — раздавались голоса,

что одного из хорватских лидеров убили сербы и что надо свергнуть «сербского короля». На улицах Загреба три дня продолжались столкновения с полицией. Коммунисты предложили партии Радича выступить единым фронтом, но та отказалась. Тогда КПЮ призвала к вооруженному восстанию в Хорватии, что, разумеется, было полной авантюрой. Выступления рабочих в Загребе были быстро подавлены. В ходе этих событий погибли несколько полицейских и участников выступлений.

Все это время полиция снова пыталась арестовать Броза. Однажды, когда полицейские появились в штаб-квартире профсоюза и спросили, где сейчас Иосип Броз, он, честно глядя им в глаза, ответил, что его нет на месте. В другой раз ему пришлось отстреливаться. Наконец его арестовали и привели в его собственный кабинет в Союзе рабочих-металлистов для проведения обыска. Броз попросился в туалет, а там, протиснувшись через небольшое окошко, сбежал.

Полиция провела обыск в его квартире, где обнаружила пистолет, четыре немецкие гранаты с пятью взрывателями к ним, 19 пистолетных и 16 винтовочных патронов. Тогда же была арестована и Пелагея Белоусова, которая заявила, что не знала, что у ее мужа есть пистолет. Однако когда ей показали рукописную листовку с призывами рабочих к выступлениям, она признала, что почерк, которым она написана, похож на почерк ее супруга.

Тито арестовали лишь 4 августа 1928 года на одной из конспиративных квартир. Его связали, отвели в участок и сильно избили. От него требовали признать, что он является активистом компартии. Он отказывался, и тогда его снова начинали бить. Тито сказал одному из полицейских: «Смелый ты парень, если бьешь связанного человека!»[37] Ему удалось передать из тюрьмы статью, которая называлась «Крик из ада югославских застенков». Он писал, что его пытают и мучают, требуя выдать всех, кто входит в руководство партии. Впрочем, двадцать лет спустя, когда Тито спросили, пытали ли его в 1928-м, он ответил, что его оскорбляли и били, но пыток не было[38].

Для Пелагеи, которую арестовали почти в одно время с ним, все обошлось более благополучно. На первых же допросах Тито стал ее выгораживать, заявив, что она ничего не знала о его деятельности. Прямых улик у полиции не оказалось, и вскоре Пелагею выпустили на свободу.

Пока муж сидел в тюрьме, ей приходилось очень тяжело. Свою небольшую зарплату — она работала полировщицей на мебельной фабрике — Пелагея тратила на сына Жарко и на переводы Тито. Она с Жарко жила в одной семье, которая с

большим сочувствием относилась к ней, а дети любили «тетю Польку» (второе имя Пелагеи было Полина)[39].

Однажды за Пелагеей и Жарко пришел неизвестный мужчина, и они исчезли, не успев проститься со своими хозяевами. Через некоторое время поползли слухи, что Пелагея и Жарко находятся в Советском Союзе. Так оно и было — их переправили туда при помощи партийной организации Загреба и советских дипломатов в Вене.

А процесс по делу Броза начался 6 ноября 1928 года. Вместе с ним перед судом в Загребе предстали еще четыре коммуниста. Газеты окрестили его «процессом бомбометателей». Так он и вошел в историю.

Суд и тюрьма

В первый же день зал судебных заседаний был забит до отказа. Броза доставили в зал суда утром на второй день процесса — 7 ноября. Лучшего варианта для него и быть не могло. В этот символический для всех коммунистов мира день — годовщину Октябрьской революции — он был настроен по-боевому и хотел превратить суд в трибуну для обвинений королевского режима.

Для начала Брозу зачитали обвинение. Его обвиняли в принадлежности к запрещенной компартии и хранении огнестрельного оружия и боеприпасов. Когда судья спросил, признает ли он себя виновным, Броз ответил, что действительно является членом компартии, однако не признает тот закон, который делает его виновным. «Вы глупо жертвуете своей молодой жизнью», — заметил на это судья. «Я за свои идеалы готов пожертвовать и своей жизнью», — ответил Тито под аплодисменты зала[40].

«Его лицо напоминает вам о стали, — писал о нем один из репортеров. — Его горящие глаза смотрят из-за очков трезво и одновременно энергично. Большинству зрителей наверняка известно то упрямство, с которым он придерживается своих воззрений, ведь, пока он говорил, зал слушал его затаив дыхание»[41]. Именно тогда, во время «процесса бомбометателей», в газетах впервые появились его изображения. Поскольку фотографировать в зале суда запрещалось, редакции посылали на процесс художников.

Когда подсудимым предоставили последнее слово, Тито начал говорить о том, как он стал коммунистом. Однако его лишили слова за «коммунистическую пропаганду» и вывели из зала. Уже выходя, он крикнул: «Да здравствует коммунистическая партия Югославии! Да здравствует Третий Интернационал!»

Он получил пять лет заключения. Впрочем, Броз не собирался смиряться с ролью мученика. Уже через несколько недель после приговора он попытался бежать.

Все развивалось как в старинных приключенческих романах. Один из охранников, симпатизировавших коммунистам, передал Тито в камеру спрятанный в куске хлеба напильник, и он осторожно начал пилить прутья решетки на окне. Он перепилил уже пять из шести прутьев, но сбежать не успел — его перевели в другую камеру, а потом и в тюрьму Лепоглава, недалеко от родного Загорья.

Тито привезли в эту тюрьму в те дни, когда в стране происходили важнейшие политические события. 6 января 1929 года король Александр запретил политические партии, распустил парламент и отменил конституцию 1921 года. Вскоре было объявлено о переименовании Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев в Королевство Югославия. Это должно было символизировать государственное и национальное единство населявших его народов.

Менялось и национально-территориальное устройство страны. Теперь она делилась на области (бановины), причем старые, исторические границы между Сербией, Хорватией, Словенией и другими национальными территориями ликвидировались, а в каждой из бановин обязательно должны были проживать представители нескольких народов. Хорватию разделили на две бановины, а Сербию — на пять. Все национальные эмблемы, знамена, гимны, газеты и т. д. были запрещены. Король пытался создать в стране что-то вроде американского «плавильного котла», из которого выплавлялась бы единая нация югославов. При этом, однако, не скрывалось, что сербы по-прежнему играют в Югославии главную роль.

Новое правительство возглавил генерал Петар Живкович. С коммунистами военная диктатура теперь вообще не церемонилась. Один из лидеров партии Джуро Джакович был просто убит вскоре после ареста. Оставшиеся на свободе представители руководства КПЮ эмигрировали из страны.

Тито, можно сказать, повезло. Если бы он в это время не находился в тюрьме, не исключено, что и его ожидала бы судьба Джаковича. Ему удалось устроиться работать на тюремную электростанцию. Проверяя электропроводку, он получил возможность посещать камеры, в которых сидели другие заключенные. Ему даже выделили помощника — это был художник и писатель Моше Пьяде. В 1925 году Пьяде как члена КПЮ и редактора коммунистической газеты осудили на 20 лет тюрьмы.

Вскоре в Лепоглаву перевели члена Загребского горкома КПЮ и хорошего знакомого Броза Андрию Хебранга, осужденного на 12 лет тюрьмы. Были здесь и другие коммунисты, которым предстояло сыграть в будущей югославской революции различные, но весьма заметные роли.

«Для нас, коммунистов, на каторге… не было вакуума, — вспоминал Тито. — Мы сумели превратить ее в школу, партийную школу… Я, например, помимо всего прочего, учил языки. Вначале — эсперанто, затем перешел на английский. С появлением Моше Пьяде мы начали читать и изучать марксистские теоретические труды, так как Пьяде переводил „Капитал“, ему были доступны все эти книги»[42]. Пьяде также рисовал портреты своих товарищей по заключению. Сохранился и портрет Тито того времени.

Вскоре тюремное начальство стало подозревать, что коммунисты наладили связь со своими товарищами на воле и готовили побег. Поэтому в мае 1931 года Броза и группу его товарищей перевели в Словению, в тюрьму города Марибор. Здесь условия были хуже — первые несколько месяцев Тито держали в одиночке, запрещали прогулки и общение с другими заключенными.

Позже Тито перевели в общую камеру, где сидели еще семь человек. Им разрешалось получать книги, газеты и журналы. Тито продолжал совершенствовать свой английский язык: он регулярно читал британский журнал «Экономист» и много лет спустя говорил англичанам, что это был отличный журнал. Получали в тюрьме и марксистские книги. Для этого применяли нехитрый трюк: к работам Маркса или Ленина приклеивали обложки от приключенческих романов, и охрана свободно пропускала их в тюрьму.

Броз по-прежнему получал деньги от Пелагеи. Теперь уже из Москвы. «Недавно я получил от нее письмо и фотографию Жарко, — писал Тито из тюрьмы в мае 1932 года. — Сынишка так вырос, что я с трудом узнал бы его. Жена пишет, что он учится хорошо. Написал мне и он: спрашивает, когда я к ним приеду? Кроме того, прислал мне некоторые свои рисунки. Главное, что им там хорошо, и это меня очень радует»[43]. Последний раз он получил от Пелагеи перевод 24 июня 1933 года.

Он отсидел свой срок «от звонка до звонка». 16 ноября 1933 года — день в день — ему выдали его вещи и немного денег, чтобы он мог купить себе пачку самых дешевых сигарет. Но, как только Тито вышел за ворота тюрьмы, его снова арестовали и вернули обратно. Таким издевательским образом полиция отыгралась за то, что он скрылся от нее в 1927 году, когда его

выпустили на свободу до решения апелляционного суда. Ему предстояло отсидеть еще четыре месяца. Их он провел в тюрьме города Огулин. 16 марта 1934 года Броз наконец-то вышел на свободу.

Через 20 лет, когда бывший подсудимый Броз уже был маршалом Тито и президентом Югославии, трое из пяти судей, засадивших его в тюрьму, были еще живы и получали от правительства пенсию. Еще раньше, в 1946 году, к Тито обратился сын начальника мариборской тюрьмы. Его отец теперь сам находился за решеткой, и он просил облегчить его участь. Тито распорядился его освободить, что сильно удивило тех, кто сидел вместе с ним в Мариборе и помнил начальника тюрьмы как «настоящего садиста». Но Тито никогда не отличался мстительностью и злопамятностью. Особенно по отношению к людям, которые в политическом отношении ему уже не были опасны.

Пока Тито сидел за решеткой, разразился мировой экономический кризис. В 1933-м в Германии пришел к власти Гитлер. В Советском Союзе полным ходом шли индустриализация и коллективизация, а также «строительство» культа личности Сталина. Америка признала СССР, а в Испании произошла революция — там свергли короля.

В январе 1929 года адвокат из Загреба Анте Павелич в ответ на установление королевской диктатуры объявил о создании «Хорватской повстанческой революционной организации». Так как «повстанец» по-хорватски «усташа», то и организация Павелича вошла в историю как движение «усташей». Сам же Павелич носил титул «вождя» — «поглавника». Главная цель усташей состояла в создании независимой Хорватии, и добиваться этого они решили с помощью террора — прежде всего против сербских политиков.

Павелич эмигрировал в Италию и оттуда планировал теракты. Самым громким из них стало убийство в Марселе 9 октября 1934 года короля Югославии Александра и министра иностранных дел Франции Луи Барту. Считается, что покушение совместно организовали усташи и македонские и болгарские националисты, которые боролись за независимость Македонии от Сербии. По другой версии, за покушением стоял Берлин, стремившийся предотвратить югославо-французское сближение и привести к власти в Белграде «германофилов»[44].

После смерти Александра королем стал одиннадцатилетний Петр II, но вся фактическая власть сосредоточилась в руках принца-регента Павла. Все эти события еще окажут немалое влияние на жизнь Тито, а с усташами ему предстоит столкнуться

буквально лицом к лицу. Но пока же он вернулся в родной Кумровац.

Правда, долго он здесь не задержался. В один прекрасный день Броз попросту исчез из села и снова ушел в подполье. Вскоре он уже был в Вене.

В Вене тогда находился ЦК КПЮ. Он пытался руководить оставшимися коммунистами в Югославии. В 1932 году временным главой ЦК по решению Коминтерна стал Иосип Чижинский (псевдоним — Милан Горкич). Он долгое время прожил в эмиграции в Москве, работал в Коминтерне.

В июле 1934 года Броз отправился с отчетом в столицу Австрии. В Вене ему подыскали небольшую квартиру. На следующий день к нему пришел чуть ли не весь ЦК. «Горкич и остальные члены ЦК набросились на меня как пчелы на мед — вспоминал Тито. — Они хотели как можно больше узнать о том, что происходит в Югославии»[45].

Он пробыл в Вене несколько недель и за это время узнал, что его кооптировали в члены ЦК. Вернувшись в августе 1934 года в Югославию, он принялся за работу — ему предстояло провести партийные конференции в Хорватии и Словении.

В Словении он впервые увидел Эдварда Карделя — 24-летнего школьного учителя, который уже успел два года отсидеть в тюрьме за коммунистическую деятельность. Кардель станет вторым человеком в титовской Югославии. Тогда же он познакомился с 22-летним сыном профессора Люблянского университета Борисом Кидричем. Кидрич к тому времени тоже успел побывать в тюрьме — он провел в ней год. Кидрич будет считаться одним из главных теоретиков «социалистического самоуправления» в Югославии.

Затем Тито снова направился в Вену. В кармане у него лежал поддельный чешский паспорт. В столице Австрии должно было пройти заседание ЦК, но из-за преследований австрийской полиции его решили провести в Чехословакии, в городе Брно. Броз пересек границу с очередным фальшивым паспортом — на этот раз на имя чешского парикмахера Еричека.

Пока проходили все эти переезды, в Любляне состоялась IV общеюгославская конференция КПЮ. Впрочем, «конференция» — это, наверное, громко сказано. Она проходила в глубоком подполье под предлогом празднования Рождества. Всю партию представляли 11 человек, которые тем не менее избрали 12 членов ЦК и 9 кандидатов, а также 5 членов политбюро. В политбюро был избран и Иосип Броз. Политическим секретарем ЦК избрали Милана Горкича.

29 декабря 1934 года политбюро решило направить Иосипа

Броза на работу в Москву.

АГЕНТ КОМИНТЕРНА

Броз превращается в Тито

20 февраля 1935 года пассажирский поезд медленно переполз через советскую границу. В поезде появились пограничники, попросившие пассажиров предъявить документы. Со вкусом одетый господин сорока с небольшим лет протянул им австрийский паспорт на имя Йозефа Гофмахера. Пограничник просмотрел его, козырнул и вернул документ владельцу.

Вскоре господин Гофмахер уже расхаживал по перрону пограничной станции Негорелое, рассматривая портреты Ленина и Сталина, а также фотографии Кремля, Красной площади, сибирских и уральских заводов-гигантов. Он чувствовал сильное волнение. Господином Гофмахером был коммунист-подпольщик Иосип Броз, а чувства коммуниста, попавшего в то время в Советский Союз, он описал сам. «В самые тяжелые часы, в мрачные ночи бесконечных допросов и издевательств у следователей, в дни убивающего одиночества в камерах и карцерах нас всегда поддерживала вера, что наши мучения не напрасны, что все же существует сильная, мощная страна, правда, далеко от нас, в которой осуществлены все наши идеалы, за которые мы боролись, — вспоминал он. — Это была первая родина рабочих, в которой уважали труд человека, в которой господствовали любовь, дружба, искренность. С какой радостью, когда я вышел из тюрьмы, я слушал по радио полночный бой кремлевских курантов и вдохновляющие звуки „Интернационала“. Так думал и чувствовал не только я, но и тысячи других товарищей, с которыми я общался в то время»[46].

21 февраля 1935 года он был уже в Москве. Начинался один из самых загадочных периодов его жизни.

Иосип с огромным любопытством рассматривал город. Он прогулялся по улице Горького (недавней Тверской) и поселился в гостинице «Люкс», находившейся на той же улице в доме номер 36. Этот пятиэтажный отель (сейчас в этом здании находится гостиница «Центральная») был практически полностью предоставлен в распоряжение зарубежных коммунистов — сотрудников Коминтерна. Новым ее постояльцем, которому отвели небольшую комнату номер 275 на четвертом этаже, был Фридрих Фридрихович Вальтер. Этот очередной псевдоним Броза стал, пожалуй, вторым по популярности среди всех его многочисленных вымышленных имен.

У него было множество псевдонимов — Старый, Георгиевич, Вальтер, Ради, Брадон, Пепо, Драгомир, Хаузер, Исакович, Ивица, Новак, Отто, Петар, Радник, Металац, Тимо, Титус, Виктор, Викторов, Загорац, Яромир, Иван Томанек, Джон Карлсон, Славко Бабич, Спиридон Мекас, Карл Зайнер, Иван Констаньшек, Йозеф Гофмахер, Иван Кисич, Иосип Брозович, Иосип Брозович Тито и т. д. Но во всем мире узнают его как «Тито». Откуда же появилось у него это странное имя?

Самый старый документ, в котором встречается псевдоним «Тито», — это докладная записка в ЦК КПЮ от 2 августа 1934 года. В 1946 году он говорил о своем псевдониме американским журналистам: «Это моя подпольная фамилия… „Тито“ в хорватском языке является одной из фамилий и не имеет никакого другого значения»[47].

В 1949 году он утверждал, что «псевдоним Тито взял в 1937 году», а три года спустя в автобиографии для журнала «Лайф» повторил это. Однако в его первой официальной биографии в Югославии говорилось, что имя «Тито» Иосип Броз взял в 1934 году. Очевидно одно: к концу 1930-х годов он уже пользовался этим псевдонимом наряду с другими «подпольными» фамилиями.

До сих пор не совсем понятно, что означает и само слово «Тито». Действительно ли это просто хорватская фамилия, как утверждал он сам? Правда, в других случаях Броз говорил, что это не фамилия, а хорватское имя. Современные историки и этнографы с ним не согласны — в Хорватии, по их словам, нет такого имени, а фамилия встречается довольно редко.

Люди, знавшие его долгое время, считали, что псевдоним возник из склонности Броза отдавать распоряжения. Якобы он любил повторять: «Ты сделай то, а ты — то» (ti — to, a ti — to). Ну а западные газеты писали, что «Тито» — это вовсе и не человек, а подпольная международная сеть, которая называется «Тайная Интернациональная Террористическая Организация». Тито, вероятно, только усмехался. Он любил загадочность не меньше, чем хорошие костюмы.

Броз прибыл в Москву в неспокойное время. 1 декабря 1934 года в Ленинграде был убит Киров, и по всей стране прошли аресты сторонников бывшей внутрипартийной оппозиции. Считалось, что за убийством Кирова стоят именно они. Бывшие лидеры оппозиции Зиновьев и Каменев получили, соответственно, 10 и 5 лет тюрьмы, а советские газеты изрыгали проклятия в адрес высланного шесть лет назад за границу Троцкого, называя его организатором убийства. Подозрение в троцкизме стало одним из самых тяжелых обвинений против и советских, и зарубежных коммунистов.

Условия в гостинице «Люкс» были скромными. Отдельная небольшая комната. В конце коридора — общая кухня и общие туалеты. Во дворе — баня. По сути, это была большая коммуналка.

Постояльцы предпочитали завтракать, обедать и ужинать в ресторане на первом этаже. На работу Тито обычно ходил пешком — по улице Горького до Моховой, где тогда находилось одно из зданий Коминтерна. Кроме этих ежедневных походов на работу он в свободное время много гулял по Москве, ходил в Большой театр. Иногда подрабатывал лекциями, которые читал слушателям Ленинской школы и Коммунистического университета национальных меньшинств Запада. За лекцию ему платили 20 рублей. Кстати, в это же время в аспирантуре Ленинской школы в Москве учился и Эдвард Кардель. Здесь они возобновили свое знакомство.

Тито вспоминал, что именно тогда он познакомился с руководителями Коминтерна и многими видными коммунистами — Георгием Димитровым, Морисом Торезом, Пальмиро Тольятти, Вильгельмом Пиком и другими. В июле — августе 1935 года он принимал участие в работе VII конгресса Коминтерна с совещательным голосом, который проходил в Доме союзов. На нем Тито впервые увидел Сталина. Его удивило, что за месяц работы конгресса Сталин появился в президиуме только один или два раза, причем садился за одной из мраморных колонн. «Больше мы его не видели, — рассказывал Тито. — Называли его Хозяином. Так было принято в то время»[48].

Однако самым непонятным и таинственным до сих пор остается главный вопрос: что именно в это время делал Тито в Москве?

В его прижизненных биографиях утверждалось, что его направили в Советский Союз представителем КПЮ в «Красном интернационале профсоюзов» или «Профинтерне» — международной профсоюзной коммунистической организации. Однако на самом деле в этой организации Тито не работал ни дня. Первые несколько месяцев он был приписан к балканскому секретариату Коминтерна без четко обозначенных обязанностей, затем назначен референтом в том же секретариате. Но вскоре все секретариаты распустили в рамках общей реформы аппарата Коминтерна. Чем же он занимался все остальные месяцы?

Когда в 90-х годах прошлого века начали приоткрываться архивы Коминтерна, стали известны весьма любопытные подробности пребывания Тито в Москве. Он, например, регулярно встречался с сотрудниками отдела кадров Исполкома Коминтерна. Первый его контакт с «кадровиками» состоялся 4

марта 1935 года. Два сотрудника — Якубович и Шпинер попросили его подробно рассказать о себе и дать характеристику на товарищей по партии. Тито написал подробную автобиографию, и с его слов были записаны развернутые характеристики на восьмерых видных югославских партийцев, включая лидера партии Милана Горкича. Тито заметил, что у того есть один недостаток — «он концентрирует все в своих руках… Возможно, не имеет достаточного доверия к политическим способностям товарищей». «В его личной жизни я не замечал ничего плохого, — продолжал Тито. — Живет очень скромно, за женщинами не бегает. Семьи не имеет. Но имеет одну женщину, я не знаю где, кажется в Чехии, знакомую, к которой он ездит, когда получает возможность уехать, во время отпуска. Это бывает всего 2–3 раза в год и не больше чем на пару дней»[49].

Кем же были эти загадочные Якубович и Шпинер? Фигура первого остается до сих пор неизвестной, вторым же, по словам самого Тито, был болгарский коммунист и сотрудник отдела кадров Исполкома Коминтерна Иван Караиванов. Много лет спустя Тито откровенно скажет о нем: «Он служил в НКВД и работал в аппарате Коминтерна»[50].

Вскоре Тито вообще исчез из Москвы. Считается, что весь апрель 1935 года он провел в Крыму на лечении в санатории. Но никаких следов этого лечения в архивах не сохранилось. Есть версия, что в это время он проходил спецпроверку, возможно, даже на Лубянке[51].

Встречаются утверждения, что тогда он был завербован НКВД. Но они не подкреплены документальными фактами. Означает ли это, что Тито стал работать на советскую разведку или же стал «секретным сотрудником», грубо говоря, стукачом?

В том, что Тито сотрудничал с советской разведкой, нет никаких сомнений. Возможно, он даже не имел непосредственных контактов с сотрудниками Иностранного отдела Главного управления госбезопасности НКВД СССР. Дело в том, что помимо политической и военной разведок (Разведупр РККА) в СССР существовала еще и разведка при Коминтерне. Ее функции выполняли Специальный отдел, Отдел партийного строительства, Отдел международных связей, Военно-конспиративная комиссия Исполкома Коминтерна, и практически любой проверенный функционер Коминтерна становился потенциальным агентом этих «спецслужб». Точно так же, как и обязанностью любого сотрудника было сотрудничество с отделом кадров, своего рода службой безопасности Коминтерна.

Тито был в Москве почти два года и за это время неоднократно встречался с сотрудниками отдела кадров. Он

произвел на «кадровиков» Коминтерна хорошее впечатление. Именно при их поддержке его включили в состав югославской делегации на VII конгрессе Коминтерна[52]. Тито присутствовал на заседаниях конгресса под именем Фридриха Вальтера с правом совещательного голоса. На конгрессе генеральным секретарем Коминтерна был избран известный болгарский коммунист Георгий Димитров. С ним Тито предстояло встретиться еще не раз.

Пока же он оставался рядовым функционером Коминтерна. При этом проходил обучение, о котором все еще мало что известно. Из Тито готовили «секретного агента Коминтерна».

Подготовка в СССР иностранных коммунистов для работы в их родных странах велась еще с начала 1920-х годов. Теперь ее цель немного изменилась. Если раньше на первое место ставилась задача подготовки взятия коммунистами власти, то к середине 1930-х годов советское руководство уже не верило в близкую «мировую революцию» и поэтому важнейшее место в подготовке «агентов Коминтерна» занимала разведывательная работа в пользу СССР.

При Коминтерне существовали секретные военно-политические курсы, на которых слушатели изучали приемы конспирации, шифровальное дело, радиодело, общую военную подготовку, языки. Как правило, слушателями этих курсов становились хорошо проверенные иностранные коммунисты, желательно 25–45 лет, владеющие какой-либо профессией, способные к иностранным языкам. Тито практически идеально соответствовал этим требованиям.

После окончания работы конгресса Коминтерна Тито с югославской делегацией отправился в поездку по Советскому Союзу. Он посетил Свердловск, Куйбышев, Челябинск, Магнитогорск и в середине сентября возвратился в Москву. А потом в его биографии снова начинается период, о котором почти ничего не известно.

Об этом периоде своей жизни Тито практически никогда не рассказывал. О нем существуют лишь самые отрывочные сведения. Хорошо знавшие его люди утверждали, что он посещал занятия по военной тактике при школе Красной армии, где его проверяли на физическую крепость и выносливость. Одно из испытаний на выносливость требовало, чтобы человек две минуты стоял в проруби по шею в воде, температура которой была едва ли выше нуля[53]. Если это правда, то возникает вопрос: где именно все это происходило и когда — уж не зимой ли 1935/36 года?

Следы Тито снова появляются только в марте — апреле 1936

года[54]. На одной из многочисленных анкет, заполнявшихся им в то время, сохранилась интересная помета. В графе «Отметка об исполнении» значится: «Сотрудник посольства, 29.05.1936». Какого посольства — неизвестно. Вероятно, в конце мая 1936 года он выезжал за границу для выполнения какого-то специального задания.

Точно можно сказать только то, что Тито в 1936 году улаживал в Москве свои личные проблемы.

После того как Пелагея Белоусова-Броз с сыном Жарко приехала в 1929 году в Москву, она была направлена на учебу все в тот же Коммунистический университет национальных меньшинств Запада (КУНМЗ), в котором учились — фактически или формально — многие иностранные коммунисты. В целях конспирации ей дали другое имя — Елена Александровна Николаева и перевели из КПЮ в ВКП(б). Она считалась политэмигранткой, и только в 1933 году ей выдали советский паспорт.

После университета она работала в Казахстане преподавателем истории партии, потом ее перевели на должность инструктора Шиловского райкома партии Рязанской области. Тито, приехав в Советский Союз, начал разыскивать свою семью. Жарко сначала жил в детдоме сотрудников Коминтерна под Ивановом, потом оттуда сбежал, связался с «плохой компанией» и в итоге попал в интернат для малолетних правонарушителей под Ленинградом. Там его и разыскал Тито[55].

Летом 1935 года Пелагея приехала в Москву на курсы повышения квалификации партийных работников, и они с Тито и Жарко втроем прожили два месяца в «Люксе». Вероятно, тогда же они решили развестись.

Их брак был официально расторгнут 19 апреля 1936 года загсом Октябрьского района Москвы. Больше они никогда не виделись.

Пелагее Белоусовой в будущем пришлось несладко. Ее дважды репрессировали, и только в 1957 году она была реабилитирована, но без права проживания в Москве. Пелагея жила и работала в городе Истре Московской области[56].

В 1960-х годах она рассказала одному разыскавшему ее югославскому историку, что Тито развелся с ней по двум причинам: во-первых, он считал, что она плохо заботилась о Жарко, а во-вторых, якобы узнал о ее любовной связи с одним из сотрудников Коминтерна. Никакой связи, по ее уверениям, не было[57].

Жарко Броз приезжал из Югославии повидаться с матерью, но сам Тито Пелагее даже не писал. 12 марта 1967 года она

скончалась от инфаркта[58]. Говорят, что Тито распорядился, чтобы югославский посол в Москве отнес от его имени венок на ее могилу.

Летом 1936 года обстановка в Москве становилась все более мрачной. Да и не только в Москве, но и во всей стране. Поездив по Советскому Союзу осенью 1935 года, Тито так описывал то, что увидел: «Я стал свидетелем вопиющего карьеризма. Разговаривая с колхозниками, заметил, как они расталкивают друг друга, если им хочется что-то сказать, люди же в Москве как-то сторонились друг друга, опасаясь вступать в разговоры. Я не был в Москве, когда там происходили крупные чистки. Но в 1935 году арестам уже не было видно конца, и те, кто арестовывал, вскоре тоже становились жертвами новых арестов. Люди исчезали в одну ночь, и никто не осмеливался спросить, куда они пропали… И никто не осмелился спросить, в чем, собственно, их вина»[59].

Как-то Тито спросили, как он умудрился уцелеть в 1930-е годы в Москве. На что он вполне откровенно ответил, что всегда думал, с кем и о чем ему говорить. «Никогда не было так трудно, как в то время, — отмечал он. — Я не был уверен, что и меня не схватят»[60].

В конце августа в Москве прошел судебный процесс по делу Зиновьева, Каменева и других бывших руководителей партии. Их обвиняли в том, что они по указанию Троцкого подготовили убийство Кирова и собирались убить Сталина и других советских вождей. Все 16 подсудимых были расстреляны 25 августа 1936 года.

А уже 31 августа Тито вызвали в отдел кадров Исполкома Коминтерна и предложили в очередной раз составить характеристики на руководителей КПЮ, многие из которых находились тогда в СССР. В результате появилась обширная «Стенограмма сведений, данных тов. Вальтером о членах ЦК и кандидатах». Судя по ее размерам, Тито рассказывал о них не меньше нескольких часов[61]. В этих «характеристиках» он старался быть объективным и отмечал не только отрицательные, но и положительные черты своих товарищей по партии.

Когда о «характеристиках» стало известно историкам, разразился спор: как оценивать поступок Тито? Считать его «характеристики» доносами или нет? Ведь многие из тех, о ком он рассказывал, потом были уничтожены. И кем тогда считать самого Тито? Ведь он-то, в отличие от своих товарищей, не только уцелел в сталинских чистках, но и возглавил КПЮ.

Этот спор еще не закончен, но кое-что уже можно сказать определенно. Сотрудничество с «органами безопасности», «характеристики» на своих товарищей вплоть до «разоблачения»

некоторых из них, публичное осуждение разнообразных «врагов» и беспрекословное одобрение любых решений руководства ВКП(б) и Коминтерна — все это было нормой жизни для тех партийных, государственных и коминтерновских функционеров, которые хотели остаться не просто «в обойме», но и на свободе. Одних это заставляла делать вера в идеалы, за которые они боролись, других — убеждение в непогрешимости советского руководства, третьих — страх за свою жизнь или жизнь своих близких, четвертых — карьерные соображения, пятых — все сразу. Тито, скорее всего, относился к последним.

«Мой долг революционера, — говорил он, — обязывал меня не критиковать, не помогать враждебной пропаганде против СССР… И мной, и многими другими из нас руководила тогда одна мысль: не сделать ничего, что могло бы навредить дальнейшему развитию международного коммунистического движения»[62].

Тито в 1930-е годы жил по правилам, которые были установлены другими. Через много лет он искренне будет ужасаться царившей в Советском Союзе обстановке, но не станет скрывать, что составлял «характеристики» на товарищей. Он утверждал, что старался делать это с большой осторожностью. Но о том, что некоторых из них он называл «ненадежными», «слабыми в политическом отношении», а то и прямо — «вредителями», Тито не говорил ничего.

Вряд ли его действия можно назвать доносительством в чистом виде, но некоторые из его поступков, которые тогда органично вписывались в портрет твердого коммуниста-революционера, уже через 20–30 лет могли бы показаться весьма сомнительными с точки зрения морали и нравственности. И скорее всего он сам это хорошо осознавал. Вопрос о том, как он выжил в условиях, когда почти все руководство партии погибло во время репрессий, бродил за ним всю жизнь как призрак коммунизма.

Осенью 1935 года у Тито появилось новое увлечение. Это была Йоаганна Кениг, жена одного из руководителей германского комсомола Эрнста Вольвебера, осужденного в Германии на 15 лет каторги. В Москве она работала под партийным псевдонимом Эльза Люция Бауэр. В 1935-м ей только-только исполнился 21 год. Она работала в аппарате Коминтерна и тоже жила в гостинице «Люкс», где они с Тито и познакомились.

О Люции Бауэр сохранилось очень мало сведений. Осенью 1936-го они с Тито решили пожениться. Тито волновала судьба сына Жарко. По некоторым данным, он хотел, чтобы они втроем переехали в Югославию, когда появится такая возможность и

когда им подберут надежные документы[63]. Этого, однако, так никогда и не произошло.

13 октября 1936 года в загсе Октябрьского района Москвы — в том самом, который недавно разводил Тито и Пелагею, — был зарегистрирован брак Фридриха Вальтера и Люции Бауэр[64]. Им оставалось быть вместе только три дня. 16 октября Тито отправится на очередное задание Коминтерна за границу и больше Люцию никогда не увидит.

О причинах отъезда Тито из Москвы известно с его собственных слов. Обстановка в ЦК КПЮ, который тогда находился в Вене, складывалась «нездоровая» — не прекращалась фракционная борьба. В итоге членов ЦК КПЮ вызвали в Москву и сняли со своих постов, оставив только Милана Горкича.

Руководство Коминтерна утвердило состав нового политбюро ЦК КПЮ. Генеральным секретарем был назначен Гор-кич, а организационным секретарем — Тито. Тито предложил, чтобы руководство партии вернулось в Югославию, но Горкич выступил против. В конце концов приняли решение разделить руководство партии: генеральный секретарь должен остаться за границей, а часть политбюро во главе с Тито — отправиться в Югославию. Коминтерн эту идею одобрил[65]. Гор-кичу предоставили право вето на все решения, которые принимало руководство КПЮ. Тито согласился на такие условия.

Если верить Тито, то он фактически становился вторым человеком в партии и руководителем всей ее работы в Югославии. Однако обнаруженные в последнее время архивные документы показывают, что никаким организационным секретарем Тито не был. Руководство КПЮ состояло из секретаря Горкича и четырех членов так называемого «оперативного руководства» — Тито, Сретена Жуйовича, Родолюба Чолаковича и Адольфа Мука. Все они имели одинаковые полномочия.

Не подтверждается также, что именно Тито получил особые полномочия — руководить работой партии в Югославии и подготавливать условия для создания руководства КПЮ, которое находилось бы непосредственно в стране. Но если так, то с каким заданием он поехал в Югославию?

Тайные миссии за границей

16 октября 1936 года Тито с югославским паспортом на имя Ивана Кисича выехал из СССР. Он добрался до Вены, где встретился с руководством КПЮ. Но ехать в Югославию почему-то не торопился и еще полтора месяца колесил по различным европейским городам. В чем состояла задача его миссии —

остается тайной.

8 декабря в Вену из Москвы вернулся Горкич. На заседании политбюро было принято решение о переезде ЦК КПЮ в Париж, а Тито получил новое задание — ехать в Югославию для подготовки югославских добровольцев, которые хотели бы помочь Испанской республике «в борьбе против фашизма». В Испании летом 1936 года начался мятеж генерала Франко.

Но и это задание Тито не торопится выполнять. Все это выглядело очень странно. Но если Тито так поступал, значит, у него была на это санкция еще какой-то, более важной, чем Милан Горкич, «инстанции». Ею могла быть только Москва. Такое странное поведение Тито иногда объясняют тем, что он выполнял задание коминтерновских или советских спецслужб, занимаясь воссозданием сети их агентов, сильно потрепанной провалами и арестами[66].

Между тем в январе 1937 года в Москве начался новый политический процесс. На этот раз на скамье подсудимых оказались 17 бывших партийных и государственных руководителей СССР — Пятаков, Радек, Серебряков, Сокольников и другие. 13 из них были расстреляны. Тито откликнулся на приговор в газете «Пролетер», нелегальном органе КПЮ. Он писал, что «гнев советского народа и пролетарская правда своей силой свернули головы этих невиданных злодеев», что даже «честные американские специалисты», работавшие в Советском Союзе, подавали в отставку, так как не могли терпеть преступлений в экономике «разных Пятаковых и др.»[67].

Тем временем руководство КПЮ заканчивало подготовку грандиозной операции по переброске в Испанию югославских добровольцев. Для этой цели за 750 тысяч франков арендовали пароход «Корсика». Он должен был перевезти в Испанию более пятисот человек.

2 марта пароход подошел к югославскому острову Брач на Адриатике. Море было неспокойно, поэтому погрузку добровольцев отложили на сутки. К тому времени полиция уже обратила внимание на подозрительных личностей, которые «скапливались» в этом районе. Место для посадки на «Корсику» было выбрано неудачно — рядом находилась летняя резиденция принца-регента Павла, и в округе всегда сохранялись усиленные меры безопасности. В итоге полиция дождалась, пока добровольцы погрузились на пароход, и задержала его вместе с ними. Был арестован и руководитель операции, член политбюро ЦК КПЮ Адольф Мук. В тюрьме он выдал многих коммунистов и их явки. Тито назовет Мука «крупнейшим предателем нашей партии».

Задание Коминтерна не было выполнено. Югославов в Испанию начали перебрасывать небольшими группами и поодиночке, что было гораздо сложнее. Тем не менее Тито утверждал, что в испанской войне участвовало примерно полторы тысячи югославов, из которых погибла примерно половина[68].

Существует версия, что и сам Тито некоторое время провел в Испании. В августе 1976 года, когда знаменитая испанская коммунистка Долорес Ибаррури приезжала в Белград, она говорила, что знает товарища Тито еще по Испании. В советских архивах сохранилась послевоенная справка о биографии Тито. В ней прямо указывалось, что Тито «участвовал в национально-революционной борьбе испанского народа (1936–1939)»[69].

В листовках с предложением награды за голову Тито, которые распространяли немцы во время войны, говорилось, что в Испании и Советском Союзе он знакомился с «террористическими методами ГПУ». В конце сентября 1944 года в Румынии с ним встретился недавно назначенный на должность начальника штаба советской военной миссии в Югославии знаменитый советский диверсант и «дедушка советского спецназа» полковник Илья Старинов. Старинов прославился своими операциями еще в Испании, и когда его представили Тито, тот сказал по-русски: «Наконец-то я воочию вижу вас, Рудольфо! Надеюсь, что наша совместная работа будет полезной»[70]. Под псевдонимом «Рудольфо» Старинов воевал в Испании, но откуда Тито знал это, если сам он в Испании якобы никогда не был?

Когда он стал маршалом, а его фотографии начали печататься во всех газетах мира, десятки людей писали ему письма и утверждали, что знали его еще по Испании. Тито обычно отвечал, что они что-то перепутали. Только однажды он почти проговорился — в автобиографии, написанной в 1952 году для американского журнала «Лайф». «Я никогда не сражался в Испании, хотя много раз утверждали противоположное и сам я хотел бы этого, — отмечал Тито. — Только один раз я на короткое время посетил Испанию и провел всего один день в Мадриде»[71]. Но когда и с какими целями происходило это «краткое посещение», Тито так никогда и не уточнил.

Поведение Тито выглядит странно. Если он действительно был в Испании, то зачем ему понадобилось скрывать это? Наоборот, этот факт добавил бы ему уважения и популярности. Остается предполагать, что его поездка туда была связана с заданиями коминтерновских спецслужб, о которых он по каким-то причинам не хотел рассказывать.

При всех своих таинственных делах за границей Тито не забывал о Люции и сыне Жарко, оставшихся в Москве.

Сохранилось несколько писем, которые он отправлял ей в марте — мае 1937 года. Тито писал на немецком языке. Из писем видно, что он надеялся вскоре увидеться с женой и сыном за границей, что беспокоился о Жарко.

Жарко был способным и музыкально одаренным подростком — он прекрасно играл на трубе, — но с очень трудным и необузданным характером. Он дружил как с детьми сотрудников Коминтерна, так и с московской шпаной. После одной из выходок попал в милицию и снова угодил в детдом. По одним данным, все в тот же дом для «коминтерновских детей» под Ивановом, по другим — в интернат для несовершеннолетних правонарушителей. Но и у жены Тито тогда возникли серьезные проблемы.

Еще в марте 1936 года в СССР было принято решение о чистках среди политэмигрантов. В июле 1937 года в Москву срочно вызвали Милана Горкича. Он предполагал, что ему устроят «головомойку» за провал операции с пароходом «Корсика». Некоторые из друзей пытались уговорить Горкича остаться в Париже, но он отказался. «Если я не поеду, меня обвинят в том, что я предатель, вор, который сбежал с партийной кассой, агент полиции или Уолл-стрита», — говорил он в то время одному из своих друзей[72]. Горкич уехал в Москву, и больше его никогда не видели. 19 августа он был арестован, обвинен в том, что является «английским шпионом», и расстрелян 1 ноября 1937 года.

Имел ли Тито отношение к печальной судьбе Горкича? «Прежде всего, я получил задание от Коминтерна скинуть все руководство, которое тогда находилось за границей», — вспоминал он сам много лет спустя[73]. Как он должен был это сделать, Тито не уточнил. Но вряд ли он мог сыграть какую-нибудь роль в аресте Горкича — решение об этом принималось на совсем другом, гораздо более высоком уровне.

В момент отъезда Горкича в Москву Тито был в Югославии, где подбирал новые партийные кадры и сообщал о них в Москву. Коммунистов в Югославии было мало — в 1937 году их насчитывалось не более 1500 человек, да и к тому же большая их часть находилась в эмиграции или тюрьмах. Только за 1935–1936 годы власти арестовали 950 членов партии.

Приходилось создавать партийные организации практически с нуля. В начале 1937 года Тито встретился в Загребе с 26-летним Милованом Джиласом, приехавшим из Белграда. Джилас был родом из Черногории, изучал литературу и право в Белградском университете, вступил в КПЮ и уже отсидел три года в тюрьме. Причем сидеть ему пришлось с Моше Пьяде, которого Тито

хорошо знал по своему тюремному заключению.

Между Тито и Джиласом завязался разговор о партийных делах. Джилас отметил про себя, что он уже где-то видел этого человека, но никак не мог припомнить, где именно. Он вспомнил об этом только на обратном пути в Белград, в поезде, — это же был человек с портрета, который показывал ему Моше Пьяде в тюрьме. А на том портрете был изображен рабочий Броз. Так, значит, Тито и есть рабочий Броз![74]

Вероятно, Джилас познакомил Тито с Александром Ранковичем, 28-летним сербским коммунистическим и профсоюзным активистом. Партийная карьера Ранковича была чем-то похожа на карьеру Тито — рабочий, член профсоюза, член КПЮ, подпольщик. В 1928 году он издавал в Белграде нелегальную коммунистическую газету и был арестован. Во время следствия его били, но никого из товарищей он не выдал. Суд приговорил его к шести годам тюрьмы, которые он провел в тюрьмах Сремска Митровица и Лепоглава. Теоретически они с Тито могли даже встречаться в тюрьме, хотя об этом ничего не известно. В 1936 году, уже отсидев свой срок, он стал членом Сербского краевого комитета партии и одним из немногих из его состава избежал ареста.

В отличие от пылкого и прямолинейного черногорца Джиласа, серб Ранкович был очень спокойным и сдержанным, но не менее решительным человеком. Вместе они привлекли к работе студента Белградского университета Иво Лолу Рибара. Он стал руководителем югославского комсомола и был назначен руководителем Центральной молодежной комиссии при ЦК КПЮ.

Иво Лола Рибар родился и вырос в состоятельной семье, а его отец доктор Иван Рибар был известным югославским политиком леводемократического толка. В 1937 году Джилас и Ранкович, отдавая должное способностям 21-летнего студента, были недовольны его «буржуазными» манерами. Он модно одевался, а Джилас никак не мог привыкнуть к его привычке гасить недокуренные до конца сигареты. В общем, его считали пижоном. Но со временем Иво Лола Рибар станет одним из самых любимых членов партии.

Еще одним «человеком Тито» стал уже знакомый ему Эдвард Кардель, приехавший в 1937 году из Москвы в Югославию.

В марте 1938-го, когда Тито приезжал в Белград, Джилас и Иво Лола Рибар познакомили его с журналистом Владимиром Дедиером, который уже успел поработать корреспондентом самой известной сербской газеты «Политика» в Лондоне, побывать в качестве журналиста в Испании и при этом принимать участие в коммунистическом движении. Позже он станет личным

биографом Тито и посвятит изучению его биографии практически всю свою жизнь.

Таким образом, вокруг Тито собралось несколько коммунистов молодого поколения, которые вскоре станут основой нового руководства партии.

Горкич, уехав в Москву, пропал, и ЦК партии в Париже встревожился. Тито срочно вызвали из Югославии. В столицу Франции он прибыл 17 августа. 28 августа Тито отправил письмо своему формальному начальнику по Коминтерну — члену Секретариата Исполнительного комитета (ИККИ), ответственному за компартии Балканских стран, Вильгельму Пику. Он просил разъяснить, что происходит. «Уже четыре недели мы не имеем никаких вестей ни о Сомера (псевдоним Горкича. — *Е. М.),* ни от Флайшера (представитель КПЮ в ИККИ Иван Гржетич. — *Е. М.)»,* — недоумевал Тито. Но ответа не было[75].

Все следующие месяцы Тито буквально забрасывал письмами Вильгельма Пика. С августа 1937-го до марта 1938 года он написал ему пять писем, два отчета и послал одну телеграмму.

Однако Москва упорно молчала. Тито потом утверждал, что летом 1937 года, после ареста Горкича, он получил от нее полномочия возглавить временное руководство партии, но это молчание красноречиво свидетельствует совсем о другом. Не исключено, что и сам Тито, как и другие члены руководства КПЮ, в это время оказался под подозрением. К тому же он пока не знал, что 21 сентября в Москве была арестована его жена Люция. В декабре того же года она была расстреляна по обвинению в «шпионаже в пользу фашистской Германии».

Когда стало понятно, что Горкич в ближайшее время не вернется, в руководстве партии развернулась настоящая борьба за власть. Тито участвовал в ней как один из претендентов на пост лидера партии.

Среди противников Тито особенную активность проявили Иван Марич, Лабуд Кусовац, Петко Милетич (он был руководителем парторганизации тюрьмы в городе Сремска Митровица, которая насчитывала 180 коммунистов).

Милетич, например, хотел бежать из тюрьмы и развернуть среди своих сторонников деятельность по созыву чрезвычайного съезда партии, на котором он выдвинул бы свою кандидатуру на пост ее руководителя. Узнав об этом, сторонники Тито сместили его с должности главы тюремного комитета, поставив на его место Моше Пьяде.

Тито, видимо, решил рискнуть и 23 марта 1938 года обратился прямо к Димитрову. Посетовав на то, что он уже восемь месяцев находится без «моральной и материальной

помощи», но всеми силами старается спасти «фирму» (партию), Тито просил у главы Коминтерна поддержки своих планов — ликвидировать партийный центр в Париже и создать новое временное руководство партии в Югославии, жаловался на своих конкурентов — Марича и Кусовца и заверял, что полностью отдает себе отчет в том, какую ответственность он берет на себя перед Димитровым[76].

Но Димитров не ответил, и 1 апреля Тито направил ему еще одно письмо, в котором настоятельно предлагал создать новое руководство партии из новых, «рабочих кадров», «не засоренных горкичевщиной», и предупреждал, что было бы ошибкой формировать руководство партии из его старого состава.

Тито по собственной инициативе послал Димитрову очередную порцию «характеристик» на членов руководства партией. В частности, о Горкиче он высказался как о малоизвестном в стране политике, которого «никто не знает, кроме нескольких интеллигентов, которые ничего не значат». «Его случай, — заметил Тито, — не будет иметь каких-либо серьезных последствий для фирмы». Не забыл он и о себе. Тито отметил, что он «никогда не был ничьим человеком, а только человеком фирмы». «Таким и останусь»[77], — заключил он.

К этому времени в Париже уже наверняка знали об аресте Горкича, хотя официальная информация об этом из Москвы пришла только в конце апреля 1938 года. Что интересно: Димитров сообщил об этом не югославам, а руководству французской компартии для передачи Тито и Ивану Маричу и Лабуду Кусовцу, то есть главным претендентам на пост нового руководителя КПЮ. Оно состояло из четырех пунктов: «1). Ваш генеральный секретарь Милан Горкич арестован как английский шпион; 2). Остальное руководство КПЮ распускается, все его члены остаются в Париже в распоряжении Коминтерна; 3). Работа в самой партии в Югославии приостанавливается до тех пор, пока Коминтерн не примет особого решения на этот счет; 4). Выделение денежных средств для партии и С КОЮ (комсомол. — *Е. М.)* прекращается до тех пор, пока Коминтерн не примет особого решения на этот счет»[78].

Этот документ создавал для претендентов на власть в партии совершенно новую ситуацию. Для них оставалось два выхода — либо плыть по течению, дожидаясь, как изменится ситуация в Москве, либо по-прежнему доказывать ей свою незаменимость. Тито выбрал второй, более опасный вариант. Остается не очень понятным, делал ли он это самостоятельно, на свой страх и риск, или же к нему снова поступил соответствующий «сигнал» от «кураторов» в «подводной части айсберга Коминтерна».

Весной 1938 года активность Тито в партийных делах просто «зашкаливает». В начале мая он создал так называемое «временное руководство КПЮ», в которое вошли Кардель, словенец Франц Лескошек, Ранкович, Джилас, Иво Лола Рибар и другие.

В июне Тито решился на рискованный шаг — просил разрешить ему приехать в Москву.

Только поездка в Москву могла сделать его признанным главой партии, но при этом он прекрасно понимал, что может никогда не вернуться оттуда, как и Горкич. В то время для коммуниста Югославия и тем более Париж были, пожалуй, более безопасными местами, чем столица «первого в мире государства рабочих и крестьян».

«Ситуация в нашей семье (партии. — *Е. М.),* — писал Тито Димитрову, — требует, чтобы наш вопрос решился как можно скорее. Поэтому прошу тебя сделать все, чтобы я получил разрешение на въезд…» Однако Димитров молчал. Тито написал ему снова, но только 8 августа ему наконец-то дали въездную советскую визу.

Как теперь известно, он получил ее во многом благодаря своему знакомому по пребыванию в Москве Иосипу Копиничу. Копинич формально учился в Коммунистическом университете нацменьшинств Запада и Ленинской школе, но на самом деле проходил в СССР «спецподготовку». В югославской литературе Копинича неизменно называют человеком, который был связан с советскими спецслужбами либо вообще являлся советским разведчиком.

Летом 1938 года Копинич возвращался из Испании через Париж в Москву. Тито попросил взять его письмо и передать Димитрову. Некоторое время Копинич ходил по различным коминтерновским инстанциям и в итоге добился своего — Тито разрешили приехать в СССР. За эту и другую помощь Тито сохранил к Копиничу благодарность на всю жизнь.

Вскоре Тито отправился в Москву. Впереди его уже в который раз ожидала полная неизвестность.

«Я не был уверен, что и меня не заберут…»

24 августа Тито уже был в Москве и снова поселился в «Люксе». Он обратил внимание, что в ресторане гостиницы никто не садится с ним за один стол[79]. Вероятно, говорил он позже, многие были уверены, что его вскоре арестуют, и не хотели появляться рядом с ним. Тогда действительно казалось, что КПЮ вот-вот будет расформирована, а почти все ее руководители,

начиная с Горкича, сидели в тюрьмах. За время репрессий в СССР было арестовано более восьмисот югославов.

Как утверждал Тито, вскоре после приезда он встретился с Димитровым, от которого узнал об аресте Горкича[80]. Димитров также сообщил, что Тито назначен генеральным секретарем ЦК, а весь старый состав ЦК отправлен в отставку. «У меня не было амбиций брать на себя руководство партией и я никогда об этом не думал, — вспоминал Тито. — …Я не думал, что стану вождем, но хотел, чтобы вождь был одним из тех людей, которые могут работать, а коллектив был крепким… Поэтому я принял предложение Димитрова и сказал ему: „Мы смоем с себя позор!“ А он мне ответил: „Работайте!“»[81]. Но этот рассказ лишь отдаленно похож на правду.

Тито не сразу встретился с Димитровым. В первый месяц своего пребывания в Москве он писал отчеты и объяснительные записки о деятельности партии и своей собственной работе. За это время он направил в Секретариат Коминтерна семь отчетов, общим объемом в 70 страниц. Например, 23 сентября Тито подготовил заявление, которое назвал «Мои отношения с лицами, которые разоблачены как вредители и враги нашей партии».

Речь в заявлении шла о девяти руководителях КПЮ, семь из которых уже были арестованы и расстреляны, а двое находились под подозрением НКВД. Больше всего внимания Тито уделил Милану Горкичу. Он самокритично признавался, что не сразу разглядел в нем врага, но уже в 1937 году был «очень недоволен вредительской политикой Горкича». Примерно в таком же стиле он охарактеризовал еще нескольких партийцев, а в заключение добавил: «Если нужны данные еще о ком-нибудь, кого я здесь не вспомнил, то прошу об этом напомнить мне»[82].

Через четыре дня, 27 сентября 1937 года, ему пришлось писать другое объяснение. На этот раз о своих женах. Тито объяснял причины своего развода с Пелагеей тем, что «она является главным виновником того, что мой сын Жарко стал хулиганом и пропащим ребенком» и что она сама «в бытовой жизни ведет себя аморально». Заботой о сыне он объяснял и свой брак с Люцией: «Я это сделал потому, что она согласилась стать матерью мальчика и заботиться о нем». Тито указывал, что считал жену «проверенной», хотя и «очень наивной и политически неразвитой», и предостерегал не иметь никаких связей с эмигрантами из Германии, чтобы ее «кто-нибудь не использовал для вражеских целей по отношению к СССР»[83].

«Я не был уверен, что и меня не заберут в один прекрасный день», — вспоминал об этом периоде Тито[84]. Ведь не только он писал «характеристики» на своих товарищей, писали и на него —

его конкуренты по борьбе за власть в КПЮ.

Пока шли бесконечные проверки и «отписки», Тито поручили перевести на сербскохорватский недавно вышедшую «Историю ВКП(б). Краткий курс». Вообще-то главным переводчиком считался известный югославский коммунист и ветеран войны в Испании Владимир Чопич, а Тито и еще один коммунист по фамилии Йованович должны были ему помогать. Они дошли до второй главы, когда Чопича арестовали, а затем и расстреляли. Тито и Йованович ждали, что со дня на день придут и за ними, но продолжали переводить «Краткий курс».

Когда они закончили перевод, югославский коммунист Озрен Мюллер (его судьба сложилась трагически: в 1948 году он поддержал резолюцию Информбюро против Тито, попал в концлагерь на Голом острове, где и умер. — *Е. М.)* обвинил Тито в троцкизме. В качестве доказательства он указывал, что Тито неточно перевел некоторые абзацы из «Истории ВКП(б)» и сделал это сознательно. Дело рассматривала Контрольная комиссия ИККИ, но «троцкистского умысла» не обнаружила.

За перевод Тито заплатили хороший гонорар. На него он купил на Кузнецком Мосту перстень с бриллиантом. Он говорил, что сделал это, чтобы иметь возможность продать его в случае финансовых трудностей. За эту покупку конкуренты Тито обвинили его в «склонности к буржуазным манерам».

Тито вспоминал, что большую помощь ему оказывал болгарин Иван Караиванов. «Кроме того, что он был сотрудником НКВД, он еще работал в аппарате Коминтерна, — рассказывал Тито. — Я ему жаловался, спрашивая, почему меня так долго задерживают, в то время как мое присутствие требуется в стране. Он мне как-то посоветовал написать письмо Сталину. Нет, сказал я, лучше, если он не будет знать обо мне. Я Сталину не писал»[85].

Тито не писал Сталину, зато писал Димитрову. Он просил принять его и в конце концов «решить вопрос КПЮ». Однако Димитров не торопился. И понятно почему: к нему поступали «характеристики» и на Тито. В них сообщалось, например, что Тито — это «фактически провокатор» и «человек Горкича»[86]. Димитров анализировал всю эту информацию.

Он принял Тито только 30 декабря и сразу заявил, что дела в руководстве КПЮ «неважные и гнилые», что «в верхушке КПЮ все фракционеры, и вы — фракционер», что «сейчас мы не можем утвердить партийное руководство». Далее он сказал, что Тито поручается «временная задача» — отправиться в Югославию, показать на деле, что он «добросовестно проводит указания ИККИ», и вернуться с докладом. По словам Димитрова, Тито «не имеет полного доверия ИККИ» и его еще надо заслужить. «Вы

являетесь не центральным руководителем КПЮ, — говорил он, — а звеном, которое связывает нас с югославским пролетариатом и югославскими деятелями… Если вы сейчас приедете в Париж и будете заявлять и разыгрывать роль — вот я, уполномоченный ИККИ, чтобы одних направлять в США, а других в Югославию, то ваше дело пропащее… Нет единоличного руководителя партии КПЮ, а есть группа товарищей… в которую вы входите… Вы не имеете права сам решать… вам срок дается три месяца…»[87]

Тито вспоминал, что Димитров тогда сказал ему: «Слушай, Вальтер, на этот раз мы больше не будем шутить. Я бы хотел помочь, чем только могу, но другие этого не хотят. Смотри, обеспечь консолидацию в Югославии как можно скорее»[88]. Действия этих «других» последовали очень скоро: 7 января 1939 года секретарь ИККИ Дмитрий Мануильский предложил отложить поездку Тито в Югославию, ставил ему в вину провал операции с переброской добровольцев в Испанию летом 1937 года и высказывал предположение, что он «полностью деградировал». Манульский предлагал снять его с ответственных должностей в КПЮ и перевести на менее ответственную работу[89].

Отъезд Тито из СССР задерживался, и он прекрасно понимал, чем это может грозить. Он почти с отчаянием просил Димитрова разрешить ему уехать. «Дорогой товарищ Димитров, — писал он, — я прошу Вас, сделайте все, чтобы ускорить мой отъезд… Я не боюсь никаких трудностей и сделаю все, чтобы спасти нашу партию и оправдать то доверие, которое Вы мне дали»[90].

Димитров разрешил Тито уехать, и в конце января 1939 года он вылетел из Москвы. «Я должен быть благодарен Димитрову за то, что меня не арестовали», — не раз говорил маршал.

Ситуация в мире тем временем осложнялась. В сентябре 1938 года в Мюнхене Гитлер заключил с англичанами и французами соглашение о разделе Чехословакии, а весной 1939-го Германия оккупировала уже всю Чехословакию.

В Югославии 11 декабря 1938 года на выборах в Скупщину победил правящий Югославский радикальный союз и у власти осталось правительство Милана Стоядиновича. Однако вскоре в правительстве начались раздоры и Стоядинович ушел в отставку. 4 февраля 1939 года новый кабинет возглавил Драгиша Цветкович.

Новое правительство заключило с руководством оппозиции во главе с хорватом Владимиром Мачеком соглашение («споразум» по-сербски), которое предусматривало создание коалиционного правительства и образование Хорватской бановины во главе с баном. Сам Мачек занял пост вице-премьера. В каком-то смысле «споразум» оттянул развал Югославии. В

1938–1939 годах югославские правящие круги всерьез опасались, что Германия и Италия используют хорватский вопрос для расчленения страны по чехословацкому сценарию. Так оно в итоге и произошло, только позже.

В это время Тито формировал «временное правительство партии». 15–18 марта на озере Бохинь в Словении состоялось заседание этого «временного руководства». В его состав входили все те, кого одобрил Коминтерн: Джилас, Иво Лола Рибар, Кардель, Ранкович, загребский рабочий Иосип Краш, словенские рабочие Франц Лескошек и Миха Маринко, сам Тито. Ранкович и Маринко на заседание добраться не смогли.

Главной задачей этого заседания стало «очищение» руководства партии от «троцкистов» и других «врагов народа». Поэтому оно исключило из КПЮ Горкича и других старых руководителей партии, арестованных в СССР. Были исключены из партии также и непосредственные конкуренты Тито в борьбе за пост секретаря ЦК — Марич, Кусовац и Милетич.

Тито фактически возглавил «чистку» КПЮ. Правда, членов компартии было мало — около трех тысяч человек (в 1920-м — 65 тысяч человек), так что «чистить» особо было некого. Тем не менее из нее исключили около семисот коммунистов[91].

Тито не раз вспоминал потом об этих событиях. 19 апреля 1959 года, по случаю 40-летия основания КПЮ, он говорил, что партия «из-за политики Сталина потеряла большую часть своих кадров», и назвал фамилии Филиповича, Чопича, Хор-ватина и других. «Наша обязанность вспомнить об этих товарищах и отдать им должное», — сказал Тито[92]. Но он никогда прямо не признавал, что ответственность за «чистку» во многом лежит и на нем.

Новое поколение партийного руководства представляли в основном кадры, подобранные и одобренные самим Тито и преданные ему. Тогда и началось формирование той партии, которая в 1948 году скажет «нет» самому Сталину. Но до этого было еще далеко, а пока Тито считал, что выполнил задание Коминтерна. «Сейчас уже могу сообщить Вам, что я выполнил почти все поручения, данные Вами, — писал он Димитрову. — Однако для этого мне понадобилось не три, а 4,5 месяца»[93]. В начале августа 1939 года Тито выехал с «отчетом о проделанной работе» в Москву.

Тито — генеральный секретарь

Пока Тито находился в пути, в мире произошло два важнейших события. 23 августа в Москве был подписан Договор о

ненападении между СССР и Германией, так называемый «пакт Молотова — Риббентропа», а 1 сентября Германия напала на Польшу. Вскоре Англия и Франция объявили войну Гитлеру — началась Вторая мировая война.

В первые же дни своего пребывания в Москве Тито приступил к составлению отчета о положении в стране и в КПЮ, а также о ее задачах в свете новой войны. Однако с задачами партии в условиях начавшейся войны все оказалось непросто.

Дело в том, что Советский Союз находился как минимум в состоянии дружеского нейтралитета по отношению к главному агрессору — гитлеровской Германии. Между Москвой и Берлином был заключен сначала пакт о ненападении, а затем и договор о дружбе и границе, и все коммунисты в мире должны были поддержать эти шаги советского правительства.

17 сентября 1939 года начался «освободительный поход Красной Армии» на Западную Украину и Западную Белоруссию, которые тогда входили в состав Польши. 30 ноября СССР начал войну с Финляндией. Исполком Коминтерна разослал компартиям категорические указания поддержать эту войну[94]. Но ни пакт Молотова — Риббентропа, ни война СССР с Финляндией популярностью за границей не пользовались. В глазах многих европейцев Москва выглядела агрессором и союзником Гитлера. КПЮ, как и другие компартии, дисциплинированно поддержала как пакт, так и войну с Финляндией.

Тито в это бурное время в Югославии еще не было, хотя уже не было и в Москве. Несмотря на все его усилия, официальный мандат от Коминтерна на руководство партией он так и не получил. 23 ноября 1939 года Секретариат ИККИ заключил, что «чистки» против «оппортунистов» велись недостаточно энергично, партия еще слабо работает в профсоюзах, в селе, плохо идет обучение кадров. Для устранения этих недостатков Тито предстояло снова отправиться в Югославию.

26 ноября Тито выехал поездом в Одессу. Затем — на пароходе в Стамбул. У него в кармане лежал канадский паспорт на имя Спиридона Мекаса — инженера, находившегося в СССР на работе по контракту. Однако возникли неожиданные трудности.

Сотрудники Коминтерна, готовившие для Тито документы, допустили прокол — они не учли, что для граждан Канады необходима въездная виза в Югославию. Тито попросил прислать ему другой паспорт из Югославии, и в Стамбул отправилась 25-летняя словенка Герта Хаас — курьер ЦК КПЮ, будущая гражданская супруга Тито.

Герта родилась в городе Марибор, ее отец был немец, а мать

— словенка. Еще в молодости начала заниматься подпольной работой и познакомилась с Тито летом 1937 года в Париже. Официально она приезжала туда в составе студенческой делегации, а на самом деле с секретным поручением ЦК КПЮ — доставить документы югославских добровольцев, направлявшихся в Испанию. По некоторым данным, Герта вскоре стала личным курьером Тито и у них начался роман. Во всяком случае, из Стамбула Тито писал своему другу Копиничу в Москву: «Она очень добрая и много заботится обо мне. Хочет, чтобы мы обвенчались. Вероятно, так и сделаю, хватит быть неженатым»[95].

Привезенные Гертой документы Тито снова забраковал и решил возвращаться в Югославию все же с канадским паспортом.

Он купил билет первого класса на пароход «Граф Савойский», который шел по маршруту из Неаполя в США. Однако, путая следы, поехал в Неаполь поездом, проходившим через Загреб, и там незаметно вышел из поезда. А через несколько дней прочитал в газетах, что «Граф Савойский» был остановлен в Гибралтаре. Английские власти пытались обнаружить на нем некоего советского шпиона, который направлялся в Канаду[96]. Британские спецслужбы тоже не зря ели свой хлеб. «Но я в то время уже сидел в Загребе», — не без самодовольства говорил Тито.

В Загребе он в очередной раз поменял свою «легенду» — превратился в инженера Славко Бабича. Инженер Бабич жил в фешенебельном районе города со своей молодой женой Марией Шарич (это имя использовала Герта Хаас), прекрасно одевался, носил на левой руке тяжелый перстень, посещал самые модные и дорогие рестораны и разъезжал по городу на небольшом «Форде», который был куплен для нужд ЦК КПЮ. Тито органично сливался с буржуазной средой и делал это явно не без удовольствия.

Весной 1940 года в Европе закончилось затишье, установившееся после захвата Польши. 9 апреля немцы высадили десант в Дании и Норвегии. 10 мая Германия перешла в наступление против Франции, Бельгии и Голландии. Через шесть недель Франция запросила перемирия, а немцы вошли в Париж.

Но Тито весной и летом 1940 года интересовала не столько «большая политика», сколько организация подпольной партийной работы. В мае в Югославию приехал Иосип Копинич, который работал под псевдонимом «товарищ Воздух». В начале июня в Загребе под его руководством заработала радиостанция ЦК КПЮ и с Москвой была установлена круглосуточная связь.

Когда Тито вернулся в Югославию, руководство партии обсуждало вопрос о зарплатах лидерам КПЮ. До этого ответственные партработники получали две тысячи динаров в

месяц, что составляло зарплату учителя. Тито предложил, чтобы заплата члена политбюро увеличилась до трех тысяч. Члены политбюро спросили Тито, сколько, по его мнению, должен получать он сам как глава партии (хотя пока еще официально не назначенный на эту должность). Он назвал сумму в шесть тысяч динаров в месяц, и с ней все согласились.

К весне 1940 года югославское правительство стало склоняться к нормализации отношений с Советским Союзом. Главной причиной этого были сложные отношения с Италией — в Белграде по-прежнему опасались нападения итальянцев. Зимой начались советско-югославские экономические переговоры, а 24 июня 1940 года между Москвой и Белградом были установлены дипломатические отношения.

Сближение с Москвой не изменило положения коммунистов. Они по-прежнему находились в глубоком подполье. Тито все лето готовил V съезд КПЮ, который должен был утвердить новое руководство партии во главе с ним. Разумеется, для этого требовалось получить «добро» Коминтерна. Но в Москве идею проведения съезда не поддержали — из-за опасений, что его делегаты будут арестованы. Тито предлагалось провести конференцию — с гораздо меньшим числом участников. Рекомендации, отправленные из Москвы 15 октября 1940 года, имели для Тито важнейшее значение. Впервые в официальном документе Коминтерна он был назван «секретарем ЦК КПЮ», то есть руководителем партии.

Конференцию решили провести в доме учителя французского языка в селе Дубравы, под Загребом. Тито арендовал его на шесть месяцев.

V конференция КПЮ работала с 19 по 23 октября. Ее открыл Тито. Присутствовали 105 человек, а с техническим персоналом —110 человек[97]. Тито представил «нашего гостя» — Иосипа Копинича. Он находился на конференции в качестве очень важной персоны — представителя Коминтерна и передал делегатам самые лучшие пожелания от Димитрова. Никому из делегатов не разрешалось покидать дом, пока конференция не закончится. Исключение было сделано только для Тито и Герты.

В своем докладе Тито осудил как «британских и французских империалистов» за их роль в «развязывании войны», так и «верных слуг капитализма» — социал-демократов. Еще больше досталось от него югославскому правительству — за то, что недостаточно решительно оказывает отпор немецкому и итальянскому фашизму. «Народы Югославии, — сказал Тито, — не хотят быть рабами немецкой и итальянской олигархии».

Тито предупредил об опасности троцкизма, который, по его

словам, представляет из себя уже «не идеологическое движение, а заговор предателей», уделил место и «моральному облику коммуниста», заявив, что коммунисты не должны пьянствовать, потому что в нетрезвом состоянии могут выдать партийные тайны, а закончил свое выступление здравицами: «Да здравствует наш великий вождь и учитель товарищ Сталин!» и «Да здравствует его верный ученик и соратник Димитров, руководитель Коминтерна!». Но они повисли в гробовой тишине: делегаты не аплодировали, так как соблюдали конспирацию.

Конференция избрала ЦК КПЮ из 22 членов и 16 кандидатов, а также политбюро из семи человек. В него вошли Кардель, Джилас, Ранкович, Франц Лескошек, Раде Кончар (секретарь ЦК КП Хорватии), черногорский коммунист Иван Милутинович и, наконец, сам Тито — в качестве генерального секретаря.

Руководители партии «титовского призыва» были значительно моложе его самого — на 10, а то и на 20 лет. Неудивительно, что они часто называли Тито «Старый» (другой вариант перевода — «Старик»), Эта «партийная кличка» сохранилась за ним на всю его долгую жизнь.

Об итогах конференции он подробно информировал Димитрова. «От имени трудящихся Югославии мы приветствуем в твоем лице славную, непобедимую большевистскую партию, свергнувшую на $^1/_6$ земного шара капиталистическое рабство и под твоим мудрым руководством осуществившую вековые чаяния всех угнетенных — коммунизм», — говорилось в приветствии[98].

Дни 19–23 октября 1940 года стали для Тито триумфальными. Наконец-то он добился того, к чему стремился — поста руководителя партии.

«Лучше война, чем пакт!»

Всю осень, зиму и весну 1940–1941 годов в мире шла грандиозная дипломатическая игра. Югославии в этой игре отводилось далеко не самое последнее место.

27 сентября 1940 года в Берлине был подписан «пакт трех держав» — Германии, Италии и Японии. Германская дипломатия оказывала давление на Балканские страны, требуя от них тоже присоединиться к пакту. 20 ноября это сделала Венгрия, 23-го — Румыния, 1 марта 1941 года — Болгария. В Югославии многие понимали, что и ей скоро придется выбирать.

Весной 1941 года Тито жил в Загребе, по-прежнему разъезжал по партийным делам на «форде» в сопровождении Герты Хаас в качестве шофера. Герта недавно сообщила ему важную новость: она ждет от него ребенка, который должен родиться в мае —

июне. Тито любил детей, и подобное известие не могло его не обрадовать. Однако у него в это время уже «наклевывался» новый роман.

Весной 1941 года Тито стал обращать внимание на студентку философского факультета Белградского университета Даворьянку Паунович. Ей тогда было 20 лет, она закончила гимназию в городе Пожаревац, поступила в университет, где активно занималась нелегальной партийной работой. К тому же она входила в состав ЦК Союза коммунистической молодежи. Тито и Даворьянка познакомились в Загребе, куда ее весной 1941-го направили изучать радиодело. Разница в возрасте — почти 30 лет — ни его, ни ее не смущала[99].

Как и Герта Хаас, Даворьянка вскоре стала курьером политбюро ЦК партии. Ей дали конспиративное имя — Зденка Хорват. Многие, включая Тито, будут называть ее Зденкой.

Тем временем Гитлер готовился напасть на Грецию. Берлин дал ясно понять Белграду, что не потерпит в тылу немецких войск недружественной ему Югославии. В феврале 1941 года Германия потребовала от Югославии присоединиться к Тройственному пакту.

Югославское правительство колебалось до самого последнего момента, а затем выдвинуло свои условия: в обмен на присоединение к пакту Германия должна признать нейтралитет Югославии в войне, не перевозить через ее территорию войска и передать ей после захвата Греции город Салоники. Гитлер согласился.

1 марта он принял югославского принца-регента Павла. По некоторым данным, Гитлер сообщил ему о своих планах вскоре начать войну против СССР. После разгрома Советов, добавил он, во главе России нужно поставить царя, и почему бы царем не быть представителю сербской династии Карагеоргиевичей? 25 марта в Вене был подписан протокол о присоединении Югославии к Тройственному пакту.

Как только эта новость дошла до Белграда, там начались стихийные демонстрации, которые проходили под лозунгом «Лучше война, чем пакт!». Инициаторами демонстраций были студенты Белградского университета, к ним присоединились рабочие и население города. 27 марта демонстрации достигли своего апогея.

На следующий день мир узнал новое сенсационное известие — правительство принца-регента Павла свергнуто, на престол возведен семнадцатилетний король Петр II, а новое руководство страны возглавил генерал ВВС Душан Симович.

Наиболее распространенная версия гласит, что события в

Белграде были делом рук английской разведки. Хотя, например, знаменитый советский разведчик Павел Судоплатов утверждал, что переворот был организован в Москве, поскольку Сталин решил таким образом оттянуть начало войны Германии с СССР[100]. Это действительно произошло. Гитлер был взбешен и пообещал стереть Югославию с лица земли. В тот же день, 27 марта, он распорядился начать наступление против Югославии одновременно с началом операций против Греции — 6 апреля. Нападение на СССР переносилось в связи с этим на четыре недели. Ранее его планировалось начать 15 мая.

Узнав о событиях в столице, Тито 28 марта вылетел из Загреба в Белград. Он летел на небольшом самолете «Локхид», который чуть было не потерпел аварию из-за поломки в двигателе.

В тот же день он провел совещание с участием всех руководителей КПЮ, заявив, что и при новом правительстве партия должна требовать «союза с СССР». Между тем из Москвы Коминтерн прислал новые инструкции. «Не подставляйте под удар и не бросайте преждевременно в огонь авангард народа, — писал Тито Димитров. — Еще даже и близко не подступил момент решительной схватки»[101]. Димитров советовал Тито «на данном этапе» отказаться от уличных демонстраций. Понять суть этой рекомендации несложно — Москва старалась не обострять отношений с Берлином.

Новое правительство генерала Симовича тоже не хотело обострения отношений с Германией. Формально оно не стало аннулировать протокол о присоединении Югославии к Тройственному пакту. Но в конце марта Белград обратился к Советскому Союзу с предложением заключить «военно-политический союз на любых условиях, которые предложит советское правительство, вплоть до некоторых социальных изменений, осуществленных в СССР, которые могут и должны быть произведены во всех странах»[102].

В Москву срочно вылетела югославская военная делегация. На переговорах, которые начались 3 апреля, югославы предложили свой проект договора о дружбе и союзе, в котором даже давалось согласие на ввод в Югославию советских войск. Они выражали готовность «немедленно принять на свою территорию любые вооруженные силы СССР, в первую очередь авиацию»[103]. Советской стороне были переданы разведданные о том, что Гитлер разработал план нападения на СССР.

Однако Сталин, связанный с Германией пактом о ненападении, не мог позволить себе заключать такие далеко идущие соглашения. В результате между СССР и Югославией был

подписан только Договор о дружбе и ненападении. Подписи под ним в присутствии Сталина поставили Молотов и югославский посол в Москве Гаврилович. Подписание состоялось около трех часов утра 6 апреля. После подписания договора участники отправились на банкет, который закончился в семь часов утра. Сталин на банкете рассказывал югославам о новом вооружении в Красной армии и о возможностях оказания помощи Югославии. Посол Гаврилович отмечал: «У него поразительная воля, все под его контролем. Все в его руках, он полон сил и энергии. Несравненный Сталин, о великий Сталин!»[104]

Рано утром 6 апреля, когда банкет в Кремле еще не закончился, первая волна немецких самолетов сбросила свои бомбы на Белград — несмотря на то что югославское правительство еще два дня назад объявило его «открытым городом», безопасность которого обеспечивалась международным правом. В городе не было ни одного зенитного орудия, о чем в Берлине прекрасно знали. В 11 часов утра начался второй налет. В общей сложности в налете на Белград участвовали 234 бомбардировщика и 120 истребителей. После бомбежки 6 апреля удары по городу наносились также 7, 11 и 12 апреля.

Количество погибших в результате бомбежек по различным данным составляет от двух до десяти тысяч человек. Биограф Тито Владимир Дедиер так описывает то, что происходило тогда в городе: «В самом центре Белграда бомба попала в церковь Успения, служившую убежищем для жителей близлежащих кварталов — именно там поспешила укрыться свадьба: невеста в белом, женихе розой в петлице, священник в расшитых золотом одеждах — всего две сотни человек… Живым назад не вышел никто… В 11 утра последовал второй налет, еще более варварский, чем первый. Анархия в городе была полной… Одна бомба попала в зоологический сад, и по горящему городу разбежались дикие животные: белый медведь с жалобным рычанием бросился в реку Сава»[105].

Бомбежка Белграда, проведенная немцами под кодовым названием «Страшный суд», стала началом скоротечной «апрельской войны» против Югославии. Вместе с немцами участие в югославской кампании приняли итальянские, венгерские и болгарские войска. Более или менее серьезное сопротивление они встретили со стороны частей, в которых преобладали сербы. Хорваты, словенцы, боснийцы сражались неохотно, а то и вообще отказывались это делать. Некоторые из высших офицеров-хорватов приказывали сдавать оружие и арестовывать сербов и открывали фронт.

8 апреля Тито созвал заседание ЦК КПЮ и ЦК КПХ в Загребе.

На нем коммунисты решили, что руководство Югославии не способно оказать сопротивление. Но многие из членов компартии вступали в армию и шли воевать. Другие, наоборот, считали, что это империалистическая война, и дезертировали, третьи собирали и прятали оружие — на будущее.

10 апреля, почти не встречая сопротивления, немецкие войска вошли в Загреб, 13 апреля — в Белград. Король Петр улетел в Грецию. Правительство Симовича провело последнее заседание в черногорском городке Никшич, на котором было решено, что Югославия как государство не капитулирует, а король и правительство отправляются в эмиграцию. Однако военное сопротивление постановили прекратить. Вскоре правительство вылетело в Грецию, оттуда — в Египет, а потом уже перебралось в Лондон, где обосновался и король Петр.

17 апреля был подписан акт о капитуляции югославской армии, по которому шесть тысяч офицеров и 340 тысяч солдат и младших командиров были объявлены военнопленными.

Всего лишь за 11 дней Королевство Югославия, самое крупное государство на Балканах, рухнуло, словно карточный домик. Гитлер сдержал свое слово: еще шли бои, а Югославию уже начали стирать с лица земли. 10 апреля на территории Хорватии было создано Независимое Государство Хорватия во главе с лидером усташей «поглавником» Анте Павеличем. В НГХ также вошли Босния и Герцеговина и сербский Срем — пограничная с Хорватией северо-западная область Сербии.

Северную часть Словении аннексировала Германия, южную — Италия. Итальянцам также достались Черногория и часть Далмации. Большая часть Косова и вся Метохия, а также Западная Македония были включены в созданную Италией Великую Албанию. Болгария получила юго-восточную часть Сербии и восточную и центральную части Македонии. К Венгрии отошли плодородные земли Воеводины. Все, что осталось от Сербии, поступило в распоряжение верховного командования вермахта. Позже, правда, немцы там тоже начали создавать марионеточные органы управления.

История первой, королевской Югославии на этом закончилась. Однако начиналась история другой, «титовской» Югославии. Начавшаяся война сделает псевдоним «Тито» известным на весь мир, а его самого — легендарной фигурой, маршалом и человеком, которого в истории будут упоминать наравне со Сталиным, Черчиллем, Рузвельтом или де Голлем.

ВОЙНА

1941 год: от Загреба до Ужице

Тито встретил начало войны в Загребе. Вскоре туда из Белграда прибыл и Кардель. Он рассказал подробности о бомбардировке города. Например, о том, как чудом остались в живых Джилас и Светозар Вукманович-Темпо. (Светозар Вукманович, псевдоним «Темпо» (1912–2000), — югославский коммунист, в 1941 году — один из руководителей сербской организации КПЮ, впоследствии — участник народно-освободительной войны, народный герой Югославии. После войны занимал руководящие посты в компартии и социалистической Югославии.) Во время налета они решили не спускаться в подвал, а остались наверху. Бомба «прошила» весь дом сверху донизу, пробила потолок в подвале и там взорвалась. Погибли все, кто скрывались в подземелье, а Джилас и Темпо отделались лишь синяками, испугом и были с ног до головы испачканы грязью и пылью[106].

10 апреля части вермахта вошли в столицу Хорватии. Многие жители города встречали их цветами и нацистскими приветствиями с выкриками «хайль!». В самые первые часы оккупации Тито приказал как следует «почистить» нелегальную квартиру, на которой он жил. Из нее вынесли партийную литературу и спрятали в надежном месте.

В тот же день, 10 апреля, Тито созвал нелегальное заседание ЦК КПЮ и ЦК КПХ. Коммунисты решили продолжать борьбу, был создан Военный комитет во главе с Тито, а место работы самого ЦК постановили перенести в Белград.

Коммунисты оказались в двойственном положении. Ведь Германия оставалась «дружественным» СССР государством, и Москва официально поздравляла Гитлера с победами на европейских фронтах. 8 мая 1941 года по требованию Берлина Москва разорвала дипломатические отношения с правительствами оккупированных Бельгии, Голландии и Югославии. Правда, в очень обтекаемой форме. Югославскому послу в Москве Гавриловичу объявили, что с его правительством утеряна связь, полномочия посольства потеряли силу и теперь его сотрудники будут рассматриваться в качестве «частных лиц». Через месяц после нападения Германии на СССР того же Гавриловича поставили в известность, что СССР формально не прерывал отношений с Югославией[107].

Многие до сих пор критикуют Тито за то, что он выжидал и не начинал вооруженную борьбу до 22 июня. Однако он следовал директивам Коминтерна, в которых не давалось разрешения на начало вооруженного выступления. Тито говорил, что партия сделает это только после нападения Германии на Советский Союз, и докладывал Димитрову: «Мы организовываем боевые отряды, воспитываем свои военные кадры, готовим вооруженное восстание в случае нападения на СССР»[108].

Тито готовился к переезду в Белград. Коммунисты спрятали свой партийный архив в выгребной яме во дворе, а деньги и золото из партийной казны — в дымоходе. Когда Загреб был освобожден, все партийное имущество снова извлекли из тайников.

Помимо партийных, Тито предстояло уладить и свои личные дела. Герта должна была родить буквально со дня на день. Он попросил своих товарищей позаботиться о ней. Она проводила его на вокзал, где они и расстались. 24 мая Герта родила сына Александра, которого все будут называть Мишо. Его Тито увидит только после войны, а Герте предстоит еще немало тяжелых испытаний…

Вечером 22 мая Тито уехал из Загреба. В кармане у него лежало поддельное удостоверение личности на имя инженера Славко Бабича, представителя чешской фирмы «Шкода», приехавшего из Загреба в командировку. В пригороде Белграда Земун его встретила Даворьянка Паунович. В Белграде в мае 1941 года царил террор оккупантов. За появление на улицах в вечерние часы расстреливали на месте. Двери в домах и квартирах запирать запрещалось. Долгое время Тито спал не раздеваясь, положив под подушку парабеллум, и несколько раз менял места своего проживания. На всякий случай он всегда держал под рукой целый арсенал — 16 гранат и два пистолета.

В конце мая Тито сумел встретиться с советским военным атташе в Белграде генералом Самохиным, которому сообщил, что немецкие части, принимавшие участие в нападении на Югославию, теперь перебрасываются через Венгрию и Румынию на восток, к советской границе, а в Загребе немецкие офицеры открыто говорят о скором нападении на СССР. Он передал написанный им для Коминтерна отчет «О положении и событиях в Югославии» и послал в Загреб телеграмму для передачи в Москву. В ней Тито сообщал о передвижении германских войск на восток и о своем обязательстве поднять восстание в случае нападения Германии на СССР. Сообщение было передано в Москву по радиостанции Иосипа Копинича — этот канал связи просуществует до февраля 1942 года[109].

Постепенно в Белград стали поступать сведения о создании партизанских групп. Сербам в Хорватии, Воеводине, Боснии или Косове приходилось бежать в горы, чтобы их не уничтожили усташи, венгры, албанские или мусульманские националисты. Так что самые первые очаги восстания были ответом не на призывы коммунистов и даже не на германскую или итальянскую оккупацию, а на террор и этнические чистки со стороны новоявленных правительств.

22 июня 1941 года Тито собрал членов ЦК. Германия напала на Советский Союз, и теперь можно было начинать открытую борьбу и призывать народ к восстанию, не оглядываясь на различные политические обстоятельства.

«Пробил решающий час… — говорилось в воззвании ЦК КПЮ к народам Югославии. — Драгоценная кровь героического советского народа проливается не только во имя защиты страны социализма, но и во имя окончательного социального и национального освобождения всего трудового человечества. Поэтому это и наша борьба, и мы должны поддержать ее всеми силами, вплоть до наших жизней»[110]. В тот же день из Москвы пришла телеграмма. «Учитывайте, что на данном этапе речь идет об освобождении от фашистского рабства, а не о социалистической революции», — говорилось в ней. Под телеграммой стояла подпись «Дед» — под этим псевдонимом подразумевалось руководство Коминтерна[111].

В следующей своей телеграмме Коминтерн уже призывал КПЮ «не медля ни одной минуты» разворачивать партизанскую войну: «Поджигайте военные заводы, склады, нефтехранилища, аэродромы, разрушайте железнодорожную, телефонную и телеграфную сеть, не пропускайте перевозки войск и боеприпасов. Организуйте крестьян, чтобы они захватывали хлеб, угоняли в леса скот. Нужно всеми средствами терроризировать врага, чтобы он чувствовал себя как в осажденной крепости»[112]. Считается, что именно 22 июня был основан и первый коммунистический партизанский отряд — это произошло вблизи города Сисак в Сербии.

В первые дни после нападения Германии на СССР многие в руководстве КПЮ были уверены в скорой победе СССР. Между хорватскими партизанами даже возникли серьезные разногласия: взрывать предприятия и мосты или сохранить их для нужд Красной армии, прихода которой ждали через два-три месяца. Сторонников диверсий даже обвиняли в том, что они не верят в силу советского оружия.

Такие же настроения были в Сербии и Черногории. Там даже начали раньше времени косить пшеницу — чтобы русским

парашютистам было удобнее приземляться[113]. Джилас тоже верил в скорую победу СССР. Когда он сказал об этом Тито, тот, хотя и выразил уверенность в победе, заметил, что борьба все же предстоит очень долгая.

4 июля состоялось расширенное заседание политбюро ЦК КПЮ. Оно проходило на вилле владельца крупнейшей и старейшей сербской газеты «Политика» Владимира Рибникара, который сочувствовал коммунистам. Было принято решение направить членов ЦК полномочными представителями в различные районы страны: Джиласа — в Черногорию, Карделя — в Словению, Сретена Жуйовича — в Сербию, Вукмановича-Темпо — в Боснию и Герцеговину. Для Хорватии создавался целый оперативный штаб в составе Владимира Поповича, Раде Кончара и Андрии Хебранга. Было решено создать Главный штаб Народно-освободительных партизанских отрядов Югославии во главе с Тито, который вместе с Ранковичем и несколькими другими руководителями пока оставался в Белграде. Вскоре сведения о восстании начали приходить со страны: 7 июля оно началось в Сербии, 12-го — в Черногории, 22-го — в Словении, 27-го — в Хорватии и Боснии и Герцеговине и, наконец, 11 октября — в Македонии.

Эти даты, конечно, являются весьма условными. Но в социалистической Югославии они отмечались как официальные дни начала восстания в различных республиках.

Тогда же появились и главные лозунги югославских коммунистов: «Смерть фашизму — свобода народу!» и «Братство и единство!». И если с первым все было более или менее понятно, то со вторым дело обстояло куда сложнее. Никаким «братством и единством» в Югославии 1941 года и не пахло. На месте разгромленного королевства появилось множество «государственных» марионеточных образований со своими «вооруженными силами», а также вооруженные отряды различных националистических движений. Не говоря уже о том, что вооруженные силы оккупантов насчитывали 520 тысяч немцев, 300 тысяч итальянцев, 100 тысяч венгров и 30 тысяч болгар[114]. И они далеко не всегда ладили между собой и своими югославскими союзниками.

В Независимом Государстве Хорватия (НГХ) были созданы собственные вооруженные силы — Хорватский домобран, а также отдельные формирования усташей — Усташска войница. В 1941 году вооруженные силы НГХ вместе с усташами составляли примерно 80 тысяч человек, а в последующие годы увеличились до 200 тысяч человек[115]. НГХ стало одним из самых верных союзников Гитлера и отправило своих легионеров на советско-

германский фронт.

Формально главой НГХ стал племянник итальянского короля Виктора Эммануила III Аймоне де Аоста, герцог Сполетто, который принял хорватское имя, став Томиславом II. Новоявленный король, однако, так никогда и не побывал в Хорватии. Вся исполнительная власть находилась в руках поглавника (фюрера) Анте Павелича.

Главная задача, которую поставил перед своими сторонниками Павелич, состояла в превращении Хорватии в «родину чистого душой и телом народа, лишенного расовых примесей и очищенного от личностей, чуждых его католической религии»[116]. Хорваты были объявлены «арийцами». Впрочем, Павелич и его сподвижники оговаривались, что и «наши братья-мусульмане — те же самые чистокровные хорваты»[117]. Все «неарийское» население лишалось гражданских прав, но при этом считалось «принадлежащим государству».

Репрессиям в НГХ сразу же подверглись евреи и цыгане. Но Павелича больше всего беспокоил не «еврейский» (по некоторым данным, его жена Мара тоже была еврейкой), а «сербский» вопрос. Сербское население в Хорватии было довольно многочисленным — около двух миллионов человек и поэтому представляло немалую опасность для идеи «чистого хорватского государства». Уже через несколько дней после провозглашения НГХ на сербов начались гонения. Теперь они должны были носить на рукаве синюю повязку с буквой «Р» («Pravoslavac» — «Православный»), им запрещалось при письме использовать кириллицу, запрещались все сербские общества и организации, началась конфискация их земли и имущества. Сербам, евреям и цыганам было запрещено посещать в городах общественные места, ходить по тротуарам, заходить в «хорватские» магазины или селиться вне специально определенных районов. Таблички на магазинах и учреждениях, гласившие: «Вход для сербов, евреев, цыган и собак запрещен», появились именно в «независимой Хорватии»[118].

Первая волна уничтожения нехорватского населения прошла весной и летом 1941 года. Считается, что усташи уничтожили около 50 тысяч евреев и от 700 тысяч до миллиона сербов[119]. Правда, сегодня в независимой Хорватии утверждают, что эти цифры были сильно преувеличены «титовской пропагандой».

Существует известная фотография: усташ из дивизии «Черный легион» позирует с отрезанной головой сербского партизана — четника. Помимо отрезания голов — пилой или специальным кривым ножом, который сами усташи называли «серборезкой», — у них существовали и другие излюбленные

способы убийств — удары по голове дубинами, молотами, закапывание в землю и т. д. Трупы бросали в реку Саву, и они плыли до самого Белграда. На трупы клали записки: «В Белград, королю Петру».

Итальянский писатель Курцио Малапарте вспоминал, как он встречался с Павеличем. «Пока мы разговаривали, — писал он, — я смотрел на плетеную хлебницу, стоящую на письменном столе слева от поглавника. Крышка была поднята, и было видно, что она полна моллюсков, так мне показалось… „Это далматинские устрицы?“ — спросил я у поглавника. Анте Павелич поднял крышку хлебницы… и сказал, улыбаясь своей доброй и усталой улыбкой: „Это подарок моих преданных усташей — здесь двадцать килограммов человеческих глаз“»[120].

Министр образования и культа НГХ Миле Будак так сформулировал цель «национальной политики» своего государства: «Одну часть сербов мы убьем, другую вышлем, а тех, кто останется, окрестим в католическую веру». Примерно 240 тысяч сербов были насильственно переведены в католичество. Но часто эта программа выражалась в более коротком лозунге: «В Дрину или за Дрину!» (Дрина — пограничная река между Хорватией и Сербией).

В самой Сербии немцы создали Гражданский комиссариат во главе с бывшим главой полиции Белграда Миланом Ачимовичем (расстрелян в 1946 году. — *Е. М.)*. 29 августа Ачимовича сменило Правительство народного спасения во главе с генералом Миланом Недичем — бывшим военным министром королевского правительства. Вскоре началось формирование вооруженных сил его правительства — в них, по различным данным, состояли от 30 до 40 тысяч человек. С Недичем сотрудничали и добровольцы сербского националиста Дмитрия Льотича и его организации «Збор». В 1942 году эти формирования получили название «Сербский добровольческий корпус».

Между тем на юго-западе Сербии, на Равна Горе, 11 мая 1941 года был образован штаб одного из первых в Югославии антигерманских военных формирований. В этом районе разместился отряд военнослужащих бывшей югославской армии во главе с полковником Драголюбом (Дражей) Михайловичем, объявивший себя в подчинении королевского правительства в эмиграции и позже получивший название «Королевская армия в Отечестве». Чаще всего отряды Михайловича называли «четниками». Это одно из старинных сербских названий партизан, которое использовалось еще в конце XVII I–XIX веке, когда сербы воевали против турок. Четники Михайловича весной и летом 1941 года появились и в Боснии, чтобы помочь сербскому

населению в его начинающейся борьбе против усташей. Но были и другие четники — формирования капитана Косты Печанца, которые почти с самого начала стали сотрудничать с немцами.

В сентябре немцы разрешили создать в Сербии «Русский охранный корпус» («Русский корпус») из белогвардейцев-эмигрантов. В нем служили около 12 тысяч человек.

На территории Косово и Метохии и в северо-западной части Македонии вместе с итальянцами действовали отряды албанских националистов «Бали комбатар» («Национальный фронт»). Позже на основе этой организации была создана дивизия СС «Скендерберг».

В Черногории, которую итальянцы объявили «суверенным королевством», опорой «новой власти» стали отряды «зеленых». Кроме них, действовали формирования «белых» — четников, выступавших за союз с Сербией и воевавших против итальянцев, и, наконец, «красных» — партизан-коммунистов. При этом все эти силы в той или иной степени считали себя русофилами и крайне неприязненно относились к немцам, напавшим на «мать Россию».

Во всем этом разнообразии вооруженных сил национально-политических групп разобраться было нелегко. Война 1941–1945 годов в Югославии во многом напоминала Гражданскую войну в России с ее многочисленными повстанческими армиями, отрядами и еженедельной сменой власти в маленьких городках. Однако, в отличие от России, война в Югославии носила не только социальный, но еще и освободительный и межнациональный характер. Другими словами, в Югославии воевали все против всех.

Почти четыре месяца Тито нелегально находился в Белграде. Среди всеобщего разброда, охватившего югославское общество после стремительного разгрома королевства, у коммунистов сохранились неплохая организация и четкий план действий. Компартия, в которую в начале войны входили лишь 12 тысяч человек, росла по мере роста движения Сопротивления.

Превращение освободительной войны в революционную и захват власти были и оставались одними из главных задач КПЮ. «Теперь должны быть приняты все меры для захвата власти, — говорил Тито 27 апреля, — дабы ее больше никогда не захватила буржуазия, дабы восстание против оккупантов развивалось так, чтобы не превратиться в буржуазную революцию и чтобы непосредственно пришли к власти рабочие массы»[121].

Уже в конце июля было решено создать в Сербии освобожденную территорию — чтобы разместить на ней органы управления партизанскими отрядами. Сначала предполагалось создать ее в Восточной Сербии — как можно ближе к советским

границам. Но так как надежды на скорый приход Красной армии с каждым днем становились все менее реальными, Тито предложил перенести ее в Западную Сербию, в окрестности города Ужице.

«Освобожденная территория» в Ужице появилась даже быстрее, чем Тито ожидал. Вскоре он решил, что пришло время ему самому перебираться к партизанам. 16 сентября он отправился на Белградский вокзал. На этот раз по документам Тито значился командиром четы (отряда) «пронемецких» четников по фамилии Дрински. Фальшивые документы ему помог раздобыть его знакомый православный священник Милутинович, который сейчас тоже ехал с ним. Их сопровождали две девушки — курьеры политбюро Даворьянка Паунович и Веселинка Малинска. Элегантно одетый господин в компании девушек и священника не должен был вызывать никаких подозрений. С ними был еще боевик-коммунист Яша Райтер, который отвечал за безопасность Тито, но не знал, кого охраняет. Он все время держал руку в кармане пальто, где у него находился револьвер.

Расчеты подпольщиков полностью оправдались. Они спокойно сели в вагон, и вскоре поезд тронулся. Но через некоторое время встал. Пассажирам сказали, что коммунисты взорвали мост через реку Мораву.

Тито и его спутникам пришлось несколько часов идти пешком — до станции Сталач, где они снова сели на поезд и доехали до города Чачак, а оттуда — до Ужичкой Пожеги. Там они нашли извозчика. Тот сначала отказывался их везти и говорил, что постоянно в лесах кто-то стреляет. Потом посмотрел на Тито и спросил: «А вы тоже в лес собираетесь?» Тито показал на свою добротную одежду — кожаное пальто, шляпу — и спросил: «А разве такие идут в лес?» Извозчик вздохнул: «В лесу, брат, всякие есть. Даже в цилиндрах!»[122]

Так, то на телеге, то верхом, то пешком, они добрались до села Робайе, где наконец-то наткнулись на первые партизанские дозоры. Тито и его спутники показались партизанам подозрительными, они даже собирались их арестовать. Однако Тито потребовал, чтобы их доставили в штаб. В штабе его опознал один из командиров.

На освобожденной территории в глаза Тито сразу же бросилась одна важная деталь. Несмотря на то что руководство КПЮ «избегало говорить о революции», у всех партизан на пилотках, кепках или фуражках были пришиты красные звезды. Их, как правило, вырезали из плотной материи. Вскоре звезда появилась и на пилотке самого Тито. Кто-то подарил ему советскую эмалированную звездочку с серпом и молотом, и на

многих фотографиях военного времени Тито запечатлен именно с ней. Кстати, и саму пилотку партизаны стали называть «титовкой».

На партизанских территориях Тито проведет три последующих года — до октября 1944-го.

«Я едва не погиб на раскисшей дороге»

В середине сентября 1941 года, когда Тито перешел на освобожденную территорию, даже самым крайним оптимистам становилось ясно, что Красная армия в ближайшее время на Балканы не придет. Кроме того, начавшееся по инициативе КПЮ восстание имело лишь временный и ограниченный успех. В Словении, Хорватии, Боснии и Герцеговине действовали только отдельные партизанские группы.

В Черногории восставшие заняли почти все города, кроме столицы — Цетинье. Муссолини приказал начать широкомасштабную операцию против партизан. К середине августа их оттеснили в горы, операции сопровождались жестокими репрессиями против населения, которое начало обвинять коммунистов в том, что те их просто «подставили». К тому же партизаны попутно проводили «социалистическую революцию», отбирая землю и собственность у зажиточных крестьян и расстреливая «шпионов» и «предателей». Для патриархальных черногорцев это было, мягко говоря, непонятно. Раздраженный неудачей восстания, Тито вскоре отозвал из Черногории Джиласа за «ошибки» и «левый уклон».

В Македонии восстание вообще пока не началось. Там коммунисты никак не могли договориться, кто должен руководить им — югославы или болгары. Только в октябре Коминтерн разъяснил: Македония остается в составе Югославии, югославская часть Македонии должна стать базой для восстания.

Наибольших успехов партизаны добились в Сербии. Кроме того, в Западной Сербии, буквально по соседству с освобожденной партизанской территорией, находился и главный штаб четников Дражи Михайловича. Стоит сказать несколько слов об этом человеке, который оставил заметный след в истории войны на Балканах и в биографии Тито.

Полковник Драголюб (Дража) Михайлович родился 27 апреля 1893 года. Он был «военным до мозга костей», прошел две Балканские и Первую мировую войны. Как один из лучших югославских офицеров, учился во французской военной академии, работал военным атташе в югославских посольствах в Болгарии и Чехословакии.

Нападение на Югославию Михайлович встретил в Сараеве, где занимал должность начальника оперативного отдела штаба 2-й югославской армии. Еще в мирное время он предлагал высшему командованию в случае войны отвести армию от границ в горы, чтобы перейти к партизанской войне. Однако его предложение не приняли.

Узнав о капитуляции югославской армии, Михайлович, находившийся тогда в Боснии, отказался ее признать. Его отряд направился в Сербию и 11 мая прибыл в район Равна Гора. Этот день считается началом движения четников или «Равногорского движения».

К Михайловичу присоединялись офицеры и солдаты разбитой югославской армии, а также сербские крестьяне. Сначала его движение не носило никакой политической окраски, хотя, как верный присяге военный, он объявил о своем подчинении королю Петру. Коммунистов Михайлович, как монархист и офицер королевской армии, терпеть не мог.

Но теперь была другая ситуация. Коммунисты превращались в реальную силу. Некоторые подразделения четников принимали участие в совместных с партизанами операциях. Михайловича это страшно раздражало. Его тактика состояла в том, чтобы наращивать силы и ждать из Лондона сигнала для выступления.

У Тито же были другие задачи. Москва требовала от партизан активных действий и создания единого фронта с «проанглийскими» четниками. Сталину совсем не нужна была гражданская война в Югославии в тот момент, когда от помощи союзников зависело очень и очень многое.

О том, какое значение имели для Тито переговоры с Михайловичем, говорит хотя бы тот факт, что их первая встреча состоялась уже через два дня после прибытия Тито в партизанскую зону — 19 сентября 1941 года.

Тито отправился к Михайловичу в сопровождении пятнадцати партизан на двух автомобилях. С четниками они встретились в одном из домов села Струганик, недалеко от Равна Горы. Тогдашний соратник Тито Сретен Жуйович так вспоминал об этой встрече: «В центре стоял большой стол. С одной стороны сели мы с Тито, с другой — Дража со своими людьми… Наши восемь сопровождающих стояли за нашими спинами с автоматами в руках, а за Дражей Михайловичем — его сопровождающие. Наши — молодые, хорошо выбритые, только некоторые из них с усами, а сторонники Дражи — все с длинными бородами»[123]. Они дали обещание не бриться до тех пор, пока последний захватчик не будет изгнан из страны. Бороды и черные флаги с черепом и скрещенными костями стали

символом движения четников.

Когда разговор зашел о совместных боевых акциях против немцев, Михайлович спросил у Тито: как быть с организацией обороны в случае нападения немцев на освобожденную территорию? Тито попробовал показать на карте пути возможного немецкого наступления, но выяснилось, что военную карту читать он совершенно не умеет. Тогда Михайлович взял у него карту и преподал целый урок из стратегии партизанской борьбы, благо эту науку он преподавал еще в военной академии[124].

Когда Тито, представляясь, назвал свой псевдоним, Михайлович спросил: «Это ваше единственное имя?» — «Пока этого довольно», — ответил Тито. «А откуда вы?» — поинтересовался Михайлович. «Оттуда, с севера», — сказал Тито, вероятно, имея в виду Хорватию. Но Михайлович подумал, что Тито русский, к тому же ему показалось, что он говорит с русским акцентом[125].

На этой встрече они договориться так и не смогли. Но решили, что партизаны и четники не должны нападать друг на друга.

По некоторым данным, в операции по освобождению от немцев города Ужице отдельные подразделения четников тоже принимали участие. Ужице был освобожден 23 сентября, и именно этому городу было суждено стать столицей Ужицкой республики или сербской Красной республики, как ее называли. Вскоре в город прибыл и Тито.

Он обосновался в здании Народного банка, примыкавшем к склону горы, где находились банковские хранилища. В левом крыле этих хранилищ было устроено бомбоубежище, а в правом — оружейный завод, изготовлявший 400 винтовок марки «Партизанка» в день. За время существования Ужицкой республики здесь было изготовлено 16,5 тысячи винтовок. На крышу самого банка водрузили красную звезду.

В городе работали предприятия, в частности табачная фабрика, выпускавшая сигареты «Красная звезда». С 19 октября в Ужице начала выходить газета «Борба», орган ЦК КПЮ. Вскоре ее главным редактором был назначен отозванный из Черногории Джилас.

Еще в начале октября Тито сообщал в Москву, что «партизанская армия в Югославии насчитывает около 100 тысяч человек и около 30 тысяч четников, которые являются нашими союзниками»[126], и просил прислать оружие и боеприпасы. Он уточнял, что теперь в руках партизан оказалось несколько аэродромов, куда могли бы приземлиться советские самолеты.

Эти просьбы в Москву поступали уже давно, и Димитров,

который поддерживал связь с Тито, не раз докладывал о них Молотову и Сталину. «Говорил с Молот[овым] по поводу просьбы югославских] товарищей перебросить им оружие, — записал Димитров в своем дневнике 12 сентября. — Он ответил: „Это сейчас нельзя. Огромная нужда у нас самих. Большие потери надо заполнить“»[127].

В это время в Югославию добралась первая английская военная миссия во главе с капитаном Уильямом Хадсоном. Их задержали партизаны и доставили в Ужице, где Хадсон сказал Тито, что они посланы в штаб Михайловича, куда их вскоре и препроводили[128].

22 сентября отряд четников и партизан выбил немцев из города Крушевац и несколько дней удерживал его. 28 сентября такой же объединенный отряд освободил от немцев город Горний Милановац. 2 октября четники и партизаны взяли город Чачак и вели бой за город Кралево[129].

В ответ на эти акции немцы казнили заложников из числа мирных жителей. За убитого немецкого солдата могло быть казнено от пятидесяти до ста человек. Когда в окрестностях города Крагуевац отряд партизан или четников (точно это до сих пор не установлено) уничтожил 10 и ранил 26 гитлеровцев, немцы расстреляли 2323 человека, среди которых было около трехсот учеников и учителей городской гимназии. По другим данным, расстреляно было около семи тысяч человек за 70 убитых немецких солдат.

Ранее похожая трагедия произошла в Кралеве. Там было расстреляно 300 заложников. По югославским данным, в Кралеве и окрестностях жертвами расстрелов в общей сложности стали от семи до восьми тысяч человек. До конца оккупации бывшей Югославии в 1944 году вермахт, по оценкам югославских историков, уничтожил около 80 тысяч заложников.

Можно представить, с каким настроением встречались после расстрелов в Кралеве и Крагуевце Тито и Михайлович. Второе свидание между ними состоялось через неделю после бойни в Крагуевце — в ночь на 27 октября в здании школы села Браичи.

Содержание встречи известно и в партизанской, и в четнической интерпретации, каждая из которых сводится в основном к упрекам и обвинениям в адрес противоположной стороны. Михайлович предложил, чтобы партизаны передали под его контроль Ужице и Чачак, но Тито отклонил это предложение.

Впрочем, Тито был согласен с тем, чтобы Михайлович стал Верховным главнокомандующим всеми силами Сопротивления, но теперь уже отказался руководитель четников — Тито настаивал на активизации военных действий, а Михайлович,

наоборот, советовал не форсировать события и ссылался на недавние карательные меры оккупантов, которые не остановятся и перед новыми массовыми репрессиями[130].

Тито предлагал Михайловичу создать временные органы власти, но это предложение полковник тоже не принял — ведь это означало бы подвергнуть сомнению законность королевской власти. Из двенадцати предложений Тито он принял только шесть, и те с различными оговорками. Например, они договорились о том, что партизаны будут передавать четникам половину выпускаемой продукции их оружейной фабрики в Ужице, а четники партизанам — половину оружия и снаряжения, которые получат от англичан.

А через несколько дней произошло событие, которое сорвало и без того непрочное соглашение между партизанами и четниками. В ночь на 2 ноября четники напали на столицу «Красной республики». Что послужило причиной этой акции — точно не понятно до сих пор. Михайлович утверждал, что партизаны, сразу после его встречи с Тито, первыми напали на четников. Есть и другая версия: якобы когда был захвачен Народный банк в Ужице, партизаны и четники договорились поделить обнаруженные в нем средства пополам, однако Тито поделился с ними только девятой частью захваченных денег. Джилас в беседах с советскими представителями позже говорил, что в банке находилась огромная сумма, равная 45 миллионам советских рублей[131]. Партизаны же были убеждены в том, что приказ напасть на них четники получили из Лондона через капитана Хадсона.

Но, напав на Ужице, четники вскоре сами оказались на грани разгрома. Их спас только случай. Когда партизаны уже окружили штаб на Равна Горе, кто-то из них услышал, как Московское радио называет Михайловича вождем всех сил Сопротивления. Об этом доложили Тито, который сначала не поверил этому рассказу, но приказал прекратить наступление. «Мы не должны создавать Советскому Союзу проблем во внешней политике», — сказал он.

Тито обижало благожелательное отношение Сталина к четникам. Он, конечно, понимал политическую подоплеку этого, но как коммунист все же ждал большего внимания от страны, во многом ради интересов которой он и воевал.

Советские историки в течение многих лет отрицали, что в начале войны Сталин признавал главной силой Сопротивления в Югославии отряды Михайловича, указывали, что связь с партизанами была редкой и ненадежной. К тому же полученные от Тито последние сообщения подтверждали, что партизаны и

четники смогли договориться. И, наконец, советские СМИ в то время часто ссылались на данные агентств и газет союзных и нейтральных стран. Поэтому и фамилия Михайловича, как одного из руководителей Сопротивления, вполне могла звучать и в программах Московского радио[132].

С другой стороны, Москва действительно не хотела обострять отношения с Лондоном, который настойчиво требовал от нее признать Михайловича «национальным вождем» югославского Сопротивления.

Нападение четников не помешало партизанам провести в Ужице торжества, посвященные 24-й годовщине Октябрьской революции. По этому случаю состоялся парад, который Тито принимал в звании Верховного главнокомандующего Народно-освободительными партизанскими отрядами Югославии (НОПОЮ). Были также проведены праздничная демонстрация, концерты и, как принято говорить, «народные гулянья». Надо сказать, что на партизанской территории постепенно устанавливались «советские» порядки — с национализацией предприятий и земли, реквизицией имущества у «буржуазных элементов» и даже постепенным зарождением правящей «партизанской бюрократии». Руководители партизан жили в лучших условиях, ездили на трофейных машинах и окружали себя молодыми симпатичными секретаршами. «На то у них и власть, — ехидно заметила как-то по этому поводу жена Джиласа. — В Сербии невозможно представить министра без любовницы»[133].

Тито еще пытался договориться с Михайловичем. 20 ноября в городе Чачак представители обеих сторон подписали соглашение, которое предусматривало прекращение взаимной вражды, совместные действия против оккупантов, освобождение пленных и создание комиссии по расследованию причин конфликта между партизанами и четниками. В этой связи Михайлович сообщил в Лондон, что ему удалось остановить «братоубийственную войну»[134].

Считается, однако, что к этому времени Михайлович уже установил связь с поставленным немцами «правительством» Недича и провел переговоры с представителями немецкого командования. Немцы заявили ему, что если он хочет, чтобы командование вермахта не рассматривало его как врага, то должен формально подчиниться «правительству» Недича. Но Михайлович отказался.

28 ноября немцы начали наступление на Ужицкую республику и довольно быстро сломили сопротивление партизан. К тому же кто-то установил мину на оружейной фабрике в Ужице,

сильный взрыв уничтожил и саму оружейную фабрику, и склады оружия и боеприпасов. Тито чудом не пострадал, хотя в момент взрыва находился рядом с фабрикой.

После восьмидневных боев Тито стало ясно, что Ужице не удержать. 29 ноября, когда к городу уже приближались немецкие танки, он отдал приказ отступать к горным районам Санджака и Восточной Боснии, захватив с собой раненых, печатный станок и несколько ящиков серебра. Тито не без юмора описывал, как он, еще несколько бойцов и командиров и англичанин Хадсон, выбравшись из Ужице, чуть было не попали в руки немцев. Тито и его спутники бросились бежать. «Хадсон бежал очень быстро, но и я бежал хорошо, несмотря на тяжелое кожаное пальто, „шмайсер“, большой пистолет — „маузер“ и противотанковую гранату, которую я носил с собой, — вспоминал Тито. — … Я бежал изо всех сил, а около нас свистели пули. Я боялся: вот, сейчас, сейчас! Хадсон, у которого были длинные ноги, несся легко, как искусный атлет, и намного нас обогнал. К счастью для нас, короткий день поздней осени был уже на исходе, туман и вечерние сумерки ухудшали видимость»[135].

Они добежали до рощи, где передохнули. Чуть позже встретили небольшой отряд партизан. Тито едва держался на ногах и, когда представился случай сесть, сразу же провалился в глубокий сон. «Я, — рассказывал он, — можно сказать, едва не погиб на раскисшей дороге между селами Забучье и Любани… Ни один Верховный главнокомандующий ни одной армии, вероятно, не пережил таких моментов в своей судьбе»[136].

Джилас, Кардель и Ранкович, которые шли другим маршрутом, с беспокойством дожидались Тито в условленном месте. Он появился лишь поздно ночью. Джилас бросился его обнимать, а Кардель так разволновался, что у него не нашлось слов. Тито снял с себя автомат, попросил воды и затем объявил, что отступление придется продолжить.

Партизаны проходили по 30 километров в день и теперь уже находились в итальянской зоне оккупации. Итальянцы однажды окружили село, в котором они становились. Тито как раз заканчивал бриться, когда итальянцы появились на расстоянии 200 метров от его дома. Схватив автомат, он выбежал на улицу и возглавил оборону. Партизаны сумели уйти, но итальянцы с досады сожгли дом, где находился Тито. Им достались его фотоаппарат и лошадь.

7 декабря в селе Дренови состоялось заседание ЦК КПЮ, на котором Тито объявил, что считает необходимым уйти в отставку с поста генсека ЦК. «Партия не должна нести ответственность за все провалы», — заявил он. «Я едва успел воскликнуть: „Но это же

бессмысленно!“ — вспоминал Джилас. — Мы… постарались хорошенько обосновать наши доводы. Москва не поймет отставки Тито и сделает вывод, что в партии начался раскол. Было видно, что Тито доволен нашей реакцией. Тем не менее из этого вовсе не следует, что ему хотелось „проверить“ нас. Нет, им двигало чувство ответственности за поражение в Сербии… В ходе заседания он взял себя в руки и вел себя так, как будто ничего не произошло»[137].

Пока партизаны отступали через Санджак в Боснию, немцы в Сербии решили разделаться и с Михайловичем. 6–7 декабря они провели так называемую «Операцию „Михайлович“». Руководитель четников с небольшим числом своих сторонников скрылся в горах Западной Сербии. Германское командование объявило его в розыск, назначив за его голову награду в 200 тысяч динаров.

Зима 1941/42 года, когда Михайлович скрывался в сербских селах, а его движение в Сербии оказалось практически разгромлено, стала, как ни странно, апогеем его популярности. Сначала король Петр присвоил ему звание бригадного генерала, а затем, 19 января 1942 года, — звание дивизионного генерала. Еще раньше Михайлович был назначен военным министром югославского правительства в изгнании, а его отряды провозглашены «Королевской армией в Отечестве». О своем назначении Михайлович узнал из новостей Би-би-си. Он тогда пошутил: «Было бы хорошо, если бы они нам теперь прислали лимузин»[138].

Тито тем временем постепенно оправлялся от тяжелого поражения в Сербии. 21 декабря он сделал первый шаг к преобразованию партизанских отрядов в регулярную армию. В этот день (день рождения Сталина) была образована Первая пролетарская бригада. В нее входило 1200 человек — в основном сербов и черногорцев, — которые, по словам Джиласа, «были вооружены автоматическим оружием»[139]. «Сообщаем, — докладывал Тито в Москву, — что флаг у этой бригады — красный. С серпом и молотом. Это, по существу, вооруженные силы партии»[140].

День образования Первой пролетарской бригады до самого конца существования социалистической Югославии отмечался как День армии. Правда, после конфликта между Тито и Сталиным в 1948 году его перенесли на один день вперед — на 22 декабря.

В последние дни 1941 года температура воздуха упала до 26 градусов. Тито сильно простудился, но двигался вместе со всеми. На марше партизаны проводили старый год. «Прощай, 1941-й год!

Чтоб ты никогда не повторился! — записал в своем дневнике Владимир Дедиер. — Да здравствует победа! Да здравствует наша партия!»[141]

25 января 1942 года партизаны вошли в небольшой городок Фоча — в самом сердце боснийских гор. Здесь Тито решил разместить Верховный штаб. В партизанской войне начинался новый этап.

Фочинская республика и полемика с Москвой

Город Фоча расположен в горах Восточной Герцеговины, недалеко от границ с Черногорией и Сербией. В 1941 году власть тут менялась так часто, что запасливые жители держали дома сразу несколько флагов. Еще до прихода партизан здесь развернулась ожесточенная гражданская война. Сербам резали горло над огромным чаном для изготовления вина, а мусульман топили живьем. С приходом партизан Тито межнациональная резня прекратилась. Партизаны несли с собой принципиально иную идеологию — интернационализм. Хотя их часто не понимали — взаимное ожесточение было слишком велико.

Тито попытался навести порядок: он отдал приказ прекратить расстрелы пленных немцев и итальянцев, рассчитывая со временем обменять их на коммунистов, которые сидели в тюрьмах Белграда, Загреба и других городов.

Расстрелы и конфискации имущества у местного населения, которые практиковались во время Красной республики в Ужице, тоже были категорически запрещены. Однажды Тито выступал на площади Фочи перед добровольцами, которые недавно вступили в партизаны. Неожиданно засевшие в горах четники открыли по партизанам огонь. Тито остался совершенно спокоен. «Эти четники, которые стреляют в нас, через год сами присоединятся к нам», — сказал он. Эти слова хорошо запомнили многие из тех, кто тогда стоял на площади. Потом они рассказывали, что через год многие из четников действительно присоединились к партизанам[142].

В Фоче партизаны попытались снова создать что-то вроде своего временного государства — как это было в Ужице. Над городом развевались партизанские флаги — югославские сине-бело-красные триколоры с красной пятиконечной звездой. Проводились лекции, партсобрания, митинги, концерты. Снова стала выходить газета «Борба».

В городе обнаружили большое количество запасов табака и папиросной бумаги и наладили выпуск сигарет. Один мастер изготовил клише, с помощью которого на сигаретах ставили

название — «Партизан. Сигареты „Дрина“» — и звезду. Дело в том, что до войны лучшими сигаретами в Югославии считались именно «Дрина», и автор этого текста, видимо, хотел сказать, что и партизанская «Дрина» ничем не хуже. Известно, что и Тито курил эти сигареты.

Партизаны использовали также старые конверты и марки, оставшиеся еще от довоенной королевской Югославии. Но это не смущало сторонников Тито, они припечатывали сверху красную звезду. Такие экземпляры превратились в наше время в настоящую филателистическую редкость.

По случаю 1 Мая был организован турнир по футболу. В нем участвовали команды Верховного штаба, сборная города, молодежная сборная Фочи и команда одного из батальонов. Во время одного из матчей игроки то и дело обвиняли судью в нечестном судействе. За окончательным решением обращались к Тито. В конце концов он не выдержал. «Хорошо, тогда я буду судить, чтобы дело не дошло до драки», — сказал он, после чего взял свисток и побежал в центр поля[143].

Тито поселился в одной из гостиниц Фочи. Рядом с ним жили Джилас, Ранкович, Жуйович, Кардель, Пьяде. Они видели Тито практически каждый день. Кроме них и нескольких штабных офицеров свободный доступ к Верховному главнокомандующему имела его личный секретарь Даворьянка Паунович — Зденка. Партизаны ее не любили — за сложный и сварливый характер. «Зденка отличалась таким нравом, что огрызалась даже на самого Тито, — вспоминал Джилас. — Во время вражеских наступлений она вела себя так, будто главной задачей стран „оси“ было уничтожение в первую очередь ее. Как-то раз она закатила такую истерику, что Тито, устыдившись, спросил меня в замешательстве: „Черт возьми, что с ней творится?“»[144] Больше всего Зденка боялась воздушных налетов.

Многие удивлялись — ведь раньше, в подполье, она проявила себя с самой лучшей стороны.

Кроме того, она постоянно ругалась с окружающими и повышала голос не только на ближайших соратников Тито — Джиласа и Ранковича, но и на него самого. Однажды, отвечая на жалобы соратников на ее поведение, Тито схватился за голову и сказал: «Знаю, знаю. Мне из-за этого стыдно, но что я могу сделать, если не могу и минуты прожить без этой женщины!»[145]

В Фоче Тито узнал новости о своем сыне Жарко. Он в 17 лет ушел добровольцем на фронт, участвовал в боях под Москвой и под деревней Крюково потерял руку. В конце марта в одной из программ Московского радио на сербскохорватском языке сообщили, что за боевые заслуги и героизм Жарко Брозу

присвоено звание Героя Советского Союза. Тито восторженно писал Моше Пьяде: «Сейчас он находится в Москве, вышел из госпиталя. Как видишь, это единственный югослав, который добился этой высшей награды. Боже мой, дети обгоняют своих родителей». 31 марта Димитров сообщил Тито, что Жарко живет в Москве, в гостинице «Люкс», и «посылает Вам привет»[146].

Правда, с награждением Жарко Броза ситуация оказалась не очень понятной. Звезду Героя он не получил. Жарко был награжден орденом Отечественной войны II степени, но, судя по указу Президиума Верховного Совета СССР, только 14 апреля 1944 года. Жарко тогда жил в Москве и учился в Высшей военной школе при Генштабе Красной армии[147].

Как только в непрерывных боях наступала передышка, Тито сообщал в Москву о том, что с ними происходило в последнее время. Он отмечал, что в Боснии есть аэродром, на который могут сесть советские самолеты. «Ждем самолеты каждый день и каждую ночь. Пришлите нам автоматическое оружие, боеприпасы, ручные гранаты, горные пушки и другое. Пришлите и нескольких ваших военных специалистов», — писал Тито. Однако самолетов все не было. 19 марта Тито сообщал Москве: «У нас критическая ситуация с боеприпасами. Просим сделать все возможное, чтобы послать нам боеприпасы и военные материалы. Сообщите, можем ли мы надеяться и когда». 29 марта Димитров отвечал Тито: «Прилагаются все усилия помочь вам вооружением. Технические трудности, однако, огромные. На их преодоление в ближайшее время, к сожалению, нельзя рассчитывать. Просьба иметь это в виду и стараться всяческими способами пока добывать оружие у врага и рационально использовать наличное у вас оружие»[148].

В партизанской среде в это время царила чуть ли не религиозная вера в СССР и Сталина. «Краткий курс истории ВКП(б)» читали почти как Евангелие, самой популярной книгой у партизан была «Как закалялась сталь» Николая Островского. Партизанские песни пели на мотив знаменитых советских песен: «По долинам и по взгорьям», «Эй, комроты, даешь пулеметы!» или «Броня крепка и танки наши быстры». Сколько же народных песен о Сталине и России было сложено в это время, наверное, никто точно не считал. Была такая песня: «Ой, Сталин, наш народный Боже, / Без тебя весь мир жить не может. / Давайте, братья, мерить Дрину, / Чтобы строить мост Сталину». Или такая: «Ой, Россия, мать ты наша, / А все мы — войско ваше. / Мы проходим сквозь огонь и воду, / Чтобы народу дать свободу… / Ой, Россия, дорогая наша мать! / Тебя всегда так будем звать!»

После разгрома немцев под Москвой в ЦК КПЮ решили, что «война быстрыми темпами близится к своему завершению», а

значит, нужно готовиться к социалистической революции в Югославии.

В Москве этих оценок, однако, не разделяли. 5 марта Димитров в своей телеграмме задавал Тито недоуменные вопросы: «Неужели кроме коммунистов и сочувствующих им нет других югославских патриотов, с которыми вы могли бы вместе бороться против оккупантов? Трудно согласиться с тем, что Лондон и югославское правительство идут вместе с оккупантами. Должно быть, в этом вопросе имеется большое взаимное непонимание. Просим вас серьезно подумать обо всей вашей тактике и работе…»[149] «Зачем, к примеру, нужно было организовывать специальную Пролетарскую бригаду?» — спрашивал он в этой связи.

Тито с замечаниями не согласился. «На основе наших сообщений Вами сделано ошибочное заключение, — писал он. — Сторонники правительства в Лондоне не все и не открыто сотрудничают с оккупантами в борьбе против партизанской и добровольческой армии Югославии. Они борются против нас под именем Недича, которого называют лучшим сыном Сербии. Отряды Д. Михайловича сейчас влиты в армию Недича. Это жандармы, офицеры и бандитские шайки четников Печанца». Что же касается Пролетарских бригад, то Тито подчеркнул, что их начали создавать только зимой и что они как раз были образованы для того, чтобы объединить всех патриотов в борьбе против оккупантов[150]. Кстати, 1 марта 1942 года была создана Вторая Пролетарская бригада. В нее вошли около тысячи бойцов.

Осторожный Пьяде, который был в курсе полемики, предложил Тито заменить звезды на пилотках на югославские трехцветные ленточки. И вообще, признал он, «нас занесло влево». Но Тито лишь разозлился на Пьяде за его «философствования».

15 января 1942 года немцы и хорватские домобране начали наступление на партизан, которое вошло в историю под названием «Второго вражеского наступления». Чтобы избежать окружения, бойцы Первой Пролетарской бригады в тридцатиградусный мороз совершили переход через перевал Игман. «Игманский марш» позволил сохранить главные силы партизан. В марте Первая и Вторая Пролетарские бригады освободили большую часть территории в Черногории, Герцеговине, Восточной Боснии и Санджаке.

Правда, в Черногории наседали четники. Их положение серьезно улучшилось. Югославское эмигрантское правительство договорилось с правительством Черчилля о помощи Михайловичу

оружием, военными материалами и деньгами. На острове Мальта было подготовлено около двухсот тонн грузов для четников. В апреле началась их переброска отрядам Михайловича. Тогда же соглашение о помощи четникам с югославским правительством заключили и американцы. У партизан же с патронами и боеприпасами дело было плохо. Четники презрительно называли их «сталинскими пятипатронниками» — часто бойцам полагалось всего лишь пять патронов на винтовку. Мучил партизан и постоянный голод. Главным их «блюдом» были овсяный хлеб и дикие груши. «Тито совсем отощал», — записал в дневнике Владимир Дедиер[151].

Так называемое «Третье вражеское наступление» на освобожденную территорию началось в середине апреля. Операция против партизан носила кодовое название «Трио». Итальянские дивизии и отряды четников наступали из Черногории в Восточную Боснию. Немцы с усташами и домобранами — на участке между Сараевом и рекой Дрина. Их тоже поддерживали отряды четников. Активные действия против партизан начались также в Черногории, Санджаке и Герцеговине.

На этот раз удержать свои позиции партизаны не смогли. 10 мая они оставили Фону. Фочинская республика просуществовала 110 дней. В таких невеселых обстоятельствах Тито встретил свой 50-й день рождения.

В Черногории, где Тито вместе с Верховным штабом провел вторую половину мая и июнь 1942 года, на него порой накатывали приступы раздражения, и тогда он кричал на своих товарищей. Потом ему становилось стыдно, и он долго сидел в своей палатке, не имея сил смотреть им в глаза. Тито снова писал в Москву, что не знает, что отвечать на вопрос партизан: «Почему Советский Союз не шлет нам помощь?» — хотя сам прекрасно знал на него ответ — немцы на Восточном фронте снова перешли в наступление. В этих условиях Тито принял решение — совершить поход из Черногории в северо-западную часть Боснии, чтобы создать там новую освобожденную территорию и объединить силы с хорватскими партизанами. От этого плана попахивало авантюризмом — партизанам предстояло пройти с боями почти 250 километров по горам и ущельям.

100 тысяч рейхсмарок за голову Тито

Марш на север начался 24 июня. Когда во время перехода партизаны слушали по радио передачи из Лондона, в которых говорилось о «героических партизанах генерала Михайловича», Тито охватывало бешенство. Пока они пробирались через горы

Боснии, югославский король Петр посетил с официальным визитом Вашингтон, и по радио снова заговорили об успехах «бесстрашных бойцов генерала Михайловича».

Но 6 июля радиостанция «Свободная Югославия», которая вещала из Уфы и подчинялась Коминтерну, передала заявление, написанное Тито. В нем Михайлович осуждался как «предатель и немецкий пособник». Это был сигнал коммунистам всего мира о том, как надо относиться к четникам. Однако на официальной позиции Москвы это никак не сказалось: в августе 1942 года уровень дипломатического представительства югославского королевского правительства в Советском Союзе был повышен до ранга посольства.

На Тито эта новость произвела тяжелое впечатление. Он тогда не знал, что повышение ранга дипломатических представительств оккупированных европейских стран предпринималось одновременно всеми участниками антигитлеровской коалиции в качестве жеста, который должен был подчеркнуть непризнание нацистской оккупации. Но из Москвы вскоре потребовали: «Срочно сообщите краткое содержание документов, которыми вы обладаете, о роли Дражи Михайловича. Хорошо проверьте подлинность этих документов… Не исключено, что некоторые документы могут быть умышленно сфабрикованы самими оккупантами»[152].

В это время партизаны с боями продвигались в Западную Боснию. Они шли через горные перевалы, настолько высокие, что в разгар лета партизаны замерзали от холода. В своих мемуарах Джилас вспоминает, как в боснийском городке Ливно партизаны захватили в плен около семисот усташей и домобран. Большинство усташей, в том числе и одну женщину, которая на допросах твердо отстаивала свои убеждения, расстреляли. Партизаны усташей не щадили, тем более что во время своего перехода они видели следы их «деятельности» — убитых и изуродованных сербов.

К ноябрю 1942 года, когда главные силы Тито подошли к Западной Боснии, партизанская война была в самом разгаре. Тито постепенно создавал из отдельных отрядов бригады. Под непосредственным руководством Верховного штаба было уже семь бригад, в Западной Боснии — так называемой Боснийской Крайне — было сформировано еще шесть. В Хорватии действовало 18, в Словении — четыре бригады. Из этих сил 1 ноября Верховный штаб сформировал три, а 8 ноября еще пять дивизий. Кроме них продолжали действовать отдельные партизанские бригады, батальоны и отряды. Таким образом, партизанская армия Тито все больше превращалась в регулярную.

2 ноября началась операция по освобождению города Бихач. К 15 ноября была освобождена почти вся Боснийская Крайна. Усташи и домобране потеряли около восьмисот человек убитыми, партизаны —130. Было взято в плен 855 солдат и 135 офицеров сил НГХ. Большинство домобран были отпущены по домам, а усташи в основном расстреляны. 18 ноября Верховный штаб выпустил извещение о расстреле 130 усташей с объяснением причин казни[153].

«В конце 1942 года Бихач стал столицей освобожденной территории, которая занимала почти пятую часть довоенной Югославии, а по своей площади превышала размеры некоторых европейских стран, как, например, Бельгия, Швейцария и другие», — писал Тито[154]. Действительно, с освобождением Бихача и Боснийской Крайны освобожденные партизанские зоны слились в большую территорию площадью почти в 50 тысяч квадратных километров. В истории она осталась под названием Бихачской республики.

Тито приурочил взятие Бихача к 25-й годовщине Октябрьской революции. Верховный штаб и он сам заняли старинный княжеский замок, построенный еще в XVI веке.

Именно здесь, в Бихаче, был создан прообраз нового правительства Югославии. Перед этим Тито, конечно, посоветовался с Москвой. 19 ноября Димитров прислал Тито пожелания Коминтерна: «…считать новую структуру не правительством, а политическим органом народно-освободительной борьбы», не противопоставлять его югославскому правительству в Лондоне, не выдвигать лозунг о республике, учитывать, что Советский Союз находится в «договорных отношениях» с югославским королем и правительством и что открытое выступление против них создаст дополнительные трудности в отношениях между союзниками. Тито ответил: «С Вашими советами мы согласны, так и поступим».

26–27 ноября в Бихаче состоялось учредительное заседание Антифашистского веча народного освобождения Югославии (АВНОЮ). АВНОЮ было провозглашено «общенациональным и общепартийным политическим представительством народно-освободительной борьбы». Его политическая программа была очень умеренной: освобождение от оккупантов, независимость страны и демократия, проведение свободных выборов после войны, равноправие всех народов Югославии, гарантии неприкосновенности частной собственности, признание рыночной экономики. Даже председателем Исполкома АВНОЮ был избран не коммунист, а старый югославский политик, один из лидеров довоенной демократической партии и бывший председатель

Учредительной скупщины Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев Иван Рибар. Первым подписанным Рибаром документом была приветственная телеграмма Сталину.

В то время западный мир еще мало что знал о партизанах. Зато Михайловича западные газеты изображали «югославским богатырем» и «чудо-человеком». Апогей славы Михайловича пришелся на 1943 год. 2 февраля руководитель Свободной Франции генерал де Голль наградил Михайловича Военным крестом. В 1943 году в Голливуде сняли эпопею о четниках «Четники — сражающиеся партизаны».

О Тито же там почти не слышали. Считается, что первое упоминание о нем на Западе относится к февралю 1942 года, когда в бюллетене советского посольства в Лондоне «Soviet War News» появилась подписанная им приветственная телеграмма Верховного штаба по случаю 24-й годовщины Красной армии[155]. Спецслужбы Англии и Америки гадали, кем может быть этот человек. Сначала предполагали, что это — Лебедев, советский военный атташе в Белграде перед войной. 20 ноября 1942 года газета «Нью-Йорк таймс» написала, что Тито — венгерский коммунист. Другие газеты утверждали, что «Тито» — это не человек, а сокращенное название некой «Третьей Интернациональной Террористической Организации». Были версии, что Тито — это женщина. Даже в конце 1944 года, когда о Тито уже знали во всем мире, «Нью-Йорк таймс» писала, что существуют самые различные теории о том, кто он такой. И что одна из них сводится к тому, что было три Тито и что, как только погибал один из них, следующий занимал его пост, «подчеркивая тем самым свое бессмертие, подобно легендарной птице Феникс»[156].

Долгое время о Тито мало что знали и оккупанты и их пособники. 7 декабря 1942 года отделение специальной полиции Управы Белграда подготовило по требованию начальника службы безопасности «правительства» Недича справку о нем: «Некоторые данные указывают, что Тито — это на самом деле еврей Моше Пьяде, художник из Белграда, коммунист, осужденный на 14 лет»[157].

Авторы документа еще не знали, что днем раньше в Бихаче газета «Борба» поместила фотографию Тито. Именно эта публикация раскрыла настоящую личность Верховного главнокомандующего. Экземпляр «Борбы» попал в полицию НГХ, которая сравнила фотографию с хранящимися в полицейских архивах снимками известных коммунистов. 13 февраля в германскую миссию в Загребе поступили сведения, что Тито — это известный хорватский коммунист Иосип Броз.

20 марта 1943 года Тито «удостоился» подробного упоминания в главной газете Гитлера — органе НСДАП «Фелькнишер беобахтер». В ней была помещена его фотография из полицейского архива в Загребе. Вслед за этим немцы выпустили листовку с фотографией Тито, в которой называли его «большевистским агентом, осквернителем церквей, вором и разбойником с большой дороги, который хотел создать в стране советскую республику и вообразил, что он призван „освободить“ народ». Сообщалось, что Тито участвовал в войне в Испании и прошел подготовку в Советском Союзе, где «освоил все террористические методы ГПУ». «Тот, кто докажет, что обезопасил этого преступника или передаст его ближайшим представителям немецкой власти, получит награду в размере 100 000 рейхсмарок золотом, а кроме того, совершит и национальный подвиг, так как освободит народ и отечество от бича большевистского кровавого террора», — говорилось в листовке[158].

К началу 1943 года Народно-освободительная армия насчитывала около 150 тысяч бойцов и состояла из двух корпусов, восьми дивизий, 31 бригады и 36 отдельных партизанских отрядов. Информация о действиях партизан стала постепенно просачиваться на Запад.

В конце 1942 года к Михайловичу на парашюте был заброшен полковник Бейли. Командующий четников пригласил английского офицера на празднование православного Рождества. На празднике Михайлович объяснил англичанам «градацию» своих врагов: это партизаны, хорваты, мусульмане и усташи, а когда с ними справятся, настанет черед немцев и итальянцев. После осени 1941 года Михайлович лично не участвовал в прямых переговорах с немцами, однако командиры его отрядов сотрудничали с оккупантами, особенно с итальянцами.

Гитлер был очень недоволен тем, что итальянцы помогают четникам, и в феврале 1943 года поставил этот вопрос перед Муссолини. Муссолини послушался союзника и прекратил помощь четникам в Черногории.

Но к этому времени Югославия стала превращаться в один из важнейших участков европейского театра военных действий. Гитлер считал, что союзники могут нанести удар на Балканах, и был не так уж далек от истины. Как известно, Черчилль действительно предлагал начать вторжение в Европу именно на Балканах, но не смог договориться по этому вопросу со Сталиным.

Для Гитлера было очевидно, что прошлые победные реляции командования вермахта и пособников Германии не имеют ничего

общего с действительностью. Он приказал к весне 1943 года ликвидировать «Титоланд» — так он называл партизанскую республику. Гитлер утвердил план операции «Вайс» («Белый»). Главная ее цель состояла в окончательном уничтожении партизан.

В операции планировалось задействовать пять немецких, включая 7-ю дивизию СС «Принц Евгений», четыре итальянские дивизии, силы НГХ и отряды четников — всего 90 тысяч человек. Немцы и усташи должны были атаковать партизан в районе Бихача с севера. На юге и западе должны были действовать итальянцы и четники. Командовал операцией генерал-полковник Лер.

Битва на Неретве и переговоры с немцами

…Операция «Вайс» началась 20 января 1943 года шквальным огнем немецких танковых орудий, артиллерии и налетами с воздуха по всей Западной Боснии — Герцеговине. Партизаны вынуждены были отходить к реке Неретве, где их ожидали четники и итальянцы. Положение партизан сильно осложняли более четырех тысяч больных и раненых, а также мирные жители, отступавшие вместе с ними. К тому же среди них свирепствовала эпидемия тифа. 30 января Тито почти в отчаянии просил Москву: «Неужели спустя 20 месяцев после нашей героической борьбы, почти сверхчеловеческой борьбы, нельзя найти возможность помочь нам?» Москва молчала почти две недели. Только 12 февраля Димитров снова ответил, что помочь невозможно. «Многократно мы обсуждали лично с Иосифом Виссарионовичем пути и средства оказания вам помощи, — писал он. — …Как только эти возможности будут добыты, сделаем все необходимое»[159].

В конце февраля партизаны вышли к реке Неретве. Однако перейти ее не смогли, натолкнувшись на четников. «Перед нами лежит ущелье Неретвы, — писал Дедиер в дневнике. — Быстрая река шириной 80 метров, на другом берегу — горные кручи высотой в 2200 метров. А четники находятся повсюду, со всех сторон на окружающих горах. Нам остается лишь небо, но даже и оно полно самолетов с рассвета до заката»[160]. «Мы были прижаты к горам, со всех сторон были немцы, — подтверждал и сам Тито. — Впереди — река Неретва, мосты через которую были все еще в наших руках. С нами было четыре тысячи раненых, и я должен был их спасти. Весь день и ночь шел бой за горный проход. Если бы немцы прорвались в долину, где мы были, то все раненые погибли бы. Отдав приказания и ожидая результатов боя, я всю ночь ходил по маленькой мельнице, где был мой штаб. Должно быть, именно в ту ночь я еще сильней поседел. Теперь мне предстояло решать, куда прорываться: через горы в Боснию или через реку в Санджак. Я решился на последнее — там немцы были слабее. Но для того чтобы план удался вполне, я решился на хитрость и, к удивлению самих войск, приказал взорвать все мосты через Неретву и части своих дивизий наступать по направлению к Боснии. Они двинулись, разбили немецкую дивизию и стали прорываться дальше. Немцы стянули туда все силы от реки, а я тем временем навел новый мост и стал переправлять войска в Санджак. И если та минута, когда я ходил ночью по мельнице, была самой тяжелой, то минута, когда я

увидел, как последний из четырех тысяч раненых переправился через Неретву, была самой счастливой из всех, какие я могу вспомнить»[161].

План Тито удался — в ночь на 9 марта под огнем авиации и артиллерии противника партизаны перешли Неретву. Сам он перешел на другой берег Неретвы одним из последних — 11 марта. Части НОАЮ смогли прорваться в Черногорию и Санджак. Главная цель операции «Вайс» или «Четвертого вражеского наступления», как ее называли югославы, не была достигнута. В эти тяжелые мартовские дни 1943 года Тито пошел на весьма необычный и дерзкий шаг, о котором историки не перестают спорить до сих пор. Он решил заключить перемирие с немцами.

Опыт переговоров с немцами у партизан уже был. Осенью 1942 года они достигли договоренности об обмене пленными, что позволило освободить старого друга Тито Андрию Хебранга, который с начала оккупации Югославии находился на нелегальной работе в Хорватии. В феврале 1942 года его арестовала полиция НГХ. После освобождения Хебранг занял должность политического секретаря ЦК КП Хорватии.

Теперь Тито тоже хотел обменяться пленными и договориться с немцами о том, чтобы обращаться с пленными и ранеными в соответствии с международными конвенциями. Не исключалось, судя по всему, и временное перемирие с немцами, которое бы партизаны использовали для борьбы с четниками. Когда Тито изложил Джиласу, Ранковичу и Пьяде свой план, Джилас спросил его: «А что на это скажут русские?» — «Ну, они ведь тоже думают в первую очередь о своем народе и о своей армии», — ответил Тито.

В предыдущих боях партизаны захватили в плен командира одного из батальонов 718-й немецкой дивизии майора Артура Штрекера. Его и решили послать через линию фронта с письмом, в котором партизаны предлагали начать переговоры. Немцы согласились и указали время и место первой встречи. Тито утвердил состав партизанской делегации. В нее вошли Джилас (под псевдонимом Милош Маркович), командир Первой Пролетарской дивизии Коча Попович и бывший адвокат Владимир Велебит (под псевдонимом Владимир Петрович), который прекрасно говорил по-немецки. Тито обратился к Велебиту еще и с личной просьбой — проследить за тем, чтобы его жена Герта Хаас была тоже включена в список для обмена военнопленными. Во время разговора Тито несколько раз возвращался к этой теме.

С мая 1941 года они с Гертой больше не виделись. Не видел Тито и своего сына Мишо. Герта оставалась в Загребе, в подполье,

но была арестована. Правда, усташи не знали, кого именно им удалось захватить, иначе ее судьба могла сложиться по-другому.

Усташей ввели в заблуждение ее имя и фамилия — похожие на немецкие. И это спасло Герте жизнь. Что же касается ее с Тито сына Мишо, то партийная организация Загреба смогла пристроить его в одну из семей местных «фольксдойче» — хорватских немцев. В ней он и прожил почти до конца войны.

На рассвете 11 марта Джилас, Попович и Велебит, подняв белый флаг, отправились к немцам. Переговоры велись в Сараеве и Загребе, и договоренность об обмене пленными была достигнута довольно быстро — девять немецких офицеров обменивались на 17 подпольщиков и захваченных партизан, сидевших в концлагере усташей. Немцы удивлялись: почему партизаны настаивают на том, чтобы и Герта Хаас была в числе этих семнадцати человек? Джилас на это сказал, что она — подруга одного из партизанских генералов. Немцы удовлетворились этим объяснением.

Если верить Джиласу, то партизаны давали понять, что их главный враг — четники и что если немцы перестанут нападать на партизан, то и они готовы прекратить акции диверсий и саботажа против них. Немецкий генерал фон Хорстенау спросил, что партизаны будут делать, если в Югославии высадятся силы союзников. Ему ответили, что если это произойдет без договоренности с ними, то партизаны, безусловно, будут воевать против англичан и американцев. «Мы действительно в это верили, — писал Джилас, — что нам придется воевать с ними, если… они станут подрывать нашу власть, то есть будут поддерживать четников»[162].

Тито всегда утверждал, что «мартовские переговоры» были всего лишь тактической уловкой Верховного штаба с целью выиграть время для того, чтобы разгромить четников и не дать им объединиться с войсками союзников, которые, как тогда предполагалось, могут высадиться в районе Южной Адриатики. «В Верховном штабе в конце марта сложилось впечатление, что немецкое командование поддалось тактическому маневру представителей Верховного штаба и временно приостановило состояние вражды», — вспоминал Тито[163]. Но реакция Берлина на предложение партизан была резко отрицательной. «С мятежниками не ведут переговоров, — заявили там. — Их расстреливают!»[164]

Однако обмен пленными все же завершился успешно. Среди партизан появилась и Герта Хаас. Все в окружении Тито знали, что он живет с Даворьянкой Паунович. Герта пришла к нему, однако застала дома только Даворьянку. Даворьянка сказала ей:

«Знаешь, дорогая, в этой комнате нет места для двух женщин!» Возмущенная Герта нашла Тито. «Кто эта женщина? Разве я не твоя законная супруга?» — спросила она его перед всеми. Смущенный Тито смог только выдавить из себя: «Ну, договоритесь…» — «Мне не о чем договариваться!» — громко сказала Герта. Вскоре она уехала в Словению. Это был окончательный разрыв между ними. Тито она так и не простила.

Говорили, что после смерти Даворьянки в 1946 году Тито написал Герте длинное письмо, просил вернуться к нему. Ее ответ состоял из одного предложения: «Дорогой мой, Герта Хаас терпит от мужчины унижение только один раз!»[165]

После войны она жила закрыто, отказывалась участвовать в торжественных мероприятиях и принимать государственные награды. Она вышла замуж и родила еще двух дочерей. Герта молчала и после смерти Тито, и после развала Югославии, хотя ей было о чем рассказать. В одном из редких интервью она сказала: «Нас разлучила война. Без войны все могло было быть по-другому»[166]. 9 марта 2010 года все газеты, радиостанции и телеканалы бывшей Югославии сообщили о кончине Герты Хаас. Ей было 96 лет.

О переговорах с немцами Тито не мог не сообщить Москве. Ответ пришел сухой и раздраженный, в нем явно чувствовались сталинские интонации: «Нас привело в замешательство то обстоятельство, что вы обмениваетесь с немцами пленными, что посылаете к ним делегации, которые ведут различные переговоры с немцами, а также то, что немецкий посланник выразил пожелание встретиться лично с вами. В чем дело?.. Просим вашего объяснения по этому вопросу». Тито не скрывал своего огорчения. Он попытался еще раз объяснить причину своих поступков и заверял Москву: «Можете быть уверены в том, что наша борьба и впредь окажется незапятнанной»[167].

Этот эпизод биографии «легендарного Маршала» долгие годы попросту замалчивался официальными югославскими историками. Первым о нем публично заговорил сам Тито.

В своем выступлении по случаю 35-летия битвы на Неретве, 12 ноября 1978 года, в местечке Яблаица, он так рассказывал о происшедшем: «У меня возникли трудности в отношениях со Сталиным, которого я информировал через Коминтерн. Я сообщил, что мы с немцами обмениваемся пленными, поскольку, среди прочего, нас изводил голод и люди от истощения падали замертво. Он мне ответил очень грубо, указав, что мы обмениваемся пленными с врагами. А с кем другим обмениваться пленными, если не с врагами? Тогда я Сталину ответил кратко: если не можете нам помочь, оставьте нас в покое, мы как-нибудь

сами выкрутимся. Когда в 1944 году я встретился со Сталиным в Москве, он меня довольно остро критиковал за этот ответ. Я на него посмотрел и сказал: товарищ Сталин, если бы вы были на моем месте, то, вероятно, ответили более грубо. Тогда он отшутился… Уверен, мало кто не одобрит то, что мы сделали. Мы спасли сотни наших людей, хороших борцов и активистов»[168].

В этот же день Тито заявил еще и следующее: «Кто может нас сегодня упрекнуть в том, что мы предпринимали шаги, чтобы укрепить наши ряды, разумеется, не прекращая при этом боевых действий. Ни у кого из нас даже мысли не было, что немцы перестанут сражаться против нас. Мы знали только: им нужна передышка, чтобы разработать новый стратегический план, но были уверены, что вновь начнем сражаться друг с другом… Но, как я уже сказал… мы проводили в жизнь стратегический план передислокации частей в направлении Черногории, Санджака и далее Косова, Южной Сербии и Македонии для их пополнения новыми силами»[169].

«Мне показалось, что удар пришелся в самое сердце»

Когда Тито получил донесение о начале нового наступления немцев, он воскликнул: «Мы никогда прежде не были в большей опасности! Нам придется вернуться обратно в Западную Боснию! Другого выхода нет!» «Вот и все наши переговоры», — с горечью заметил Джилас, но Ранкович ответил ему: «Сейчас у нас нет времени, чтобы обсуждать этот вопрос»[170]. Времени у них действительно было мало. 15 мая 1943 года немцы и их союзники начали против партизан операцию «Шварц» («Черный»). Теперь против главных сил Тито — примерно 20 тысяч бойцов — было задействовано, по различным оценкам, 100–120 тысяч солдат и офицеров Германии, Италии, НГХ и четников.

Ожесточенные бои продолжались всю вторую половину мая и начало июня. НОАЮ продвигалась на северо-запад. План Тито состоял в том, чтобы перейти реку Сутьеску, а затем резко повернуть на юг, выскользнув, таким образом, из кольца окружения.

Нужно было двигаться как можно быстрее, но и теперь, как во время перехода к Неретве, скорость движения армии сильно сдерживали обозы с больными и ранеными. Тито выпустил короткий приказ: «Не бросать ни одного раненого!» Он приказал сотрудникам Агитпропа, который возглавлял Джилас, отложить все дела и помогать санитарам в перевозке раненых бойцов. Телег и тем более машин для их перевозки не хватало, да и в горы они поднимались с трудом. Партизаны сажали раненых на лошадей:

один вел лошадь, а другой придерживал раненого в седле. Но об этом узнали немцы и перебили всех лошадей в округе. Теперь каждого раненого несли два бойца.

Битва на Сутьеске вошла в историю еще и как самое ожесточенное сражение, в котором пленных не брала ни одна из сторон. Некоторые раненые бойцы кончали жизнь самоубийством. Джилас видел, как одна из партизанок была ранена в бедро и не могла двигаться. Тогда ее муж застрелил ее, а потом застрелился сам.

24 мая Тито получил важные новости: во-первых, англичане собираются прислать к партизанам военную миссию: во-вторых, Москва сообщила, что распущен Коминтерн (решение об этом было принято 15 мая 1943 года). Тито предположил, что это неожиданное решение принималось, видимо, без согласования с компартиями, однако был доволен — Гитлер лишился оснований утверждать, что агенты Коминтерна готовят мировую революцию. «Кроме того, коммунистические партии теперь смогут проявить собственную инициативу», — считал он[171].

Британская военная миссия прибыла в ночь на 28 мая. Англичане стали свидетелями самых ожесточенных боев в долине реки Сутьески 8–13 июня. Партизаны были зажаты со всех сторон и пытались пробиться через кольцо окружения в горы Восточной Боснии. Тогда, по оценкам югославских историков, погибло восемь тысяч бойцов армии Тито.

В бою при Сутьеске была тяжело ранена жена Дедиера Ольга. Через несколько дней она умерла от гангрены. «Было темно, в кронах гигантских елей гудел ветер, — вспоминал Дедиер. — Ножами и голыми руками мы вырыли Ольге могилу — лопат у нас не было. Немцы уже заняли находившуюся на равнине деревню — там можно было бы попросить лопаты. Партизан-подрывник Лазо руками выгребал из могилы землю. „Владо, мы добрались до камня“, — сказал он. Мы опустили мою жену в эту неглубокую могилу, прикрыли ее дерном и сверху завалили камнями. Мы сняли шапки, грянул четырехкратный ружейный салют, и партизан Лазо воскликнул: „Да освятится ее память!“ Затем мы двинулись в темный лес догонять наших товарищей»[172].

9 июня Тито с членами британской миссии и охраной вышли на небольшую лесную поляну. В это время появились немецкие самолеты, полетели бомбы. «Я укрылся за стволом сломанного бука, когда рядом со мной разорвалась бомба и все покрылось мраком, — рассказывал Тито. — Мне показалось на какие-то секунды, что я погиб. Мою собаку — Люкса, прикрывшую мне голову своим телом, разорвало на части… Чуть дальше лежал

погибший английский капитан Стюард, и его ноги торчали вверх… Еще дальше Джуро (Джуро Вуйович — ординарец и охранник Тито. — *Е. М.)*… Среди этого опустошения я вдруг увидел на искореженном дереве небольшую лесную птичку, издававшую жалобные звуки. Взрывом ей перебило ногу и повредило крылья… Это крохотное создание стояло на одной ноге, подергивая крылышком. Эта картина глубоко врезалась мне в память»[173].

Когда Тито услышал вой бомб, то бросился на землю, а сверху на него навалилась овчарка Люкс. Она спасла ему жизнь — большинство осколков попало в собаку. Сам Тито был ранен осколком бомбы в левую руку, выше локтя. «Что-то меня сильно ударило, и мне показалось, что удар пришелся в самое сердце, — вспоминал позже Тито. — …Прошло уже много времени, и я почувствовал, что рука у меня совсем онемела… И только на другой или даже на третий день Ольга (Ольга Милошевич — врач при Верховном штабе. — *Е. М.)* вспомнила, что надо бы посмотреть, что там с моей рукой. А рука-то уже почернела.

Пришли и другие врачи и волнуются: щупают руку и думают, что у меня газовая гангрена. „Нет, — сказал я им, — тогда бы все омертвело выше, а не ниже“». Опасения не подтвердились, хотя Тито несколько дней проходил с высокой температурой.

12 июня партизаны все же сумели разорвать кольцо окружения и начали уходить в Восточную Боснию. 22 июня Тито сообщил в Москву, что очередное, пятое наступление немцев и их союзников провалилось. Джилас, который командовал арьергардом, увидел Тито и Ранковича лишь в начале июля, в небольшой пещере у местечка Кладань. «Ранкович выглядел как туберкулезный больной, которому осталось жить считаные дни, а у Тито пальцы стали такими тонкими, что купленный им в Москве перстень для продажи на случай нужды соскользнул и потерялся»…

Тито переживал о погибшей собаке так же, как о погибших товарищах. Даже во время кровавой войны в нем сохранялась — и сохранилась на всю жизнь — любовь к животным. После пятого наступления в армии царил голод, и один из интендантов забил старую партизанскую корову, переставшую давать молоко. Когда Тито узнал об этом, то пришел в ярость и приказал понизить интенданта в звании. Дело в том, что корова прошла с партизанами все бои и походы и была всеобщей любимицей. Ранкович посоветовал виновнику переждать где-нибудь гнев командующего, а сам взялся уладить конфликт. Вскоре во время разговора с Тито он сказал ему: «Знаешь, а ведь эта корова сломала ногу и не могла идти с нами». Когда Тито возмущенно

спросил, почему никто не сказал ему об этом раньше, Ранкович ответил: «Ты и так разволновался, и мы все перепугались». После этого интенданту вернули его прежнее звание. Тито вместе с товарищами тоже отведал мяса несчастной коровы. Голод и война все же давали о себе знать[174].

10 июля 1943 года союзники высадились на Сицилии. 25 июля итальянский король Виктор Эммануил арестовал Муссолини. Пока англичане и американцы наступали на Рим, армия Тито заняла небольшой боснийский город Яйце, где 24 августа обосновались Верховный штаб, АВНОЮ и ЦК КПЮ. Теперь Яйце стал столицей нового «Титоланда».

8 сентября Италия официально капитулировала. Итальянские части в Югославии складывали оружие. Встревоженные немцы провели шестое наступление, в ходе которого старались не столько разгромить партизан, сколько занять территорию на побережье Адриатического моря, чтобы обезопасить себя от внезапной высадки союзников. Им удалось захватить Сплит, Дубровник, хорватское Приморье и все острова в Адриатике, кроме острова Вис. Однако в руках партизан оказалось большое количество трофейного итальянского оружия, которым в ближайшие месяцы они вооружили около 80 тысяч человек. Кроме того, некоторые итальянцы дезертировали из армии и переходили к партизанам. Из них даже создали отдельную «Гарибальдийскую бригаду».

Вскоре после капитуляции Италии англичане направили в Югославию еще две военные миссии. Одна из них, под руководством кадрового военного, бригадного генерала Чарлза Армстронга, была заброшена к Михайловичу, другая, под руководством бригадного генерала сэра Фицроя Маклина, — к Тито. Маклин, бывший дипломат, работавший в Советской России и знавший русский язык, затем — депутат парламента от консервативной партии, ушел в армию добровольцем. Инструктируя Маклина перед заброской к Тито, Черчилль сказал ему, что партизаны в Югославии, вероятно, собираются создать коммунистическое государство. В своих воспоминаниях Черчилль писал, что был высокого мнения о Тито. «Как только в его душе и мыслях коммунистическая доктрина слилась воедино со жгучей любовью к родной стране, переживавшей страшные муки, — отмечал британский премьер-министр, — он стал вождем и к нему примкнули люди, которым нечего было терять, кроме своей жизни, которые были готовы умереть, но умереть, уничтожая врага»[175].

Маклин добрался до партизанской территории 17 сентября, и в первый же вечер его отвели к Тито. Тито понравился

англичанину своей откровенностью, свободой в суждениях и юмором. После формального разговора они еще долго сидели за рюмкой сливовицы. В тот поздний вечер между ними возникло что-то вроде взаимной симпатии, и это чувство потом переросло в настоящую дружбу, которая продолжалась всю жизнь.

6 ноября Маклин направил в Лондон свой первый доклад. Он писал, что партизаны контролируют значительную территорию Югославии и что силы Тито составляют 26 дивизий, насчитывающих в общей сложности 220 тысяч человек. По его оценке, войска Тито сдерживали 14 дивизий вермахта. Маклин также сообщал, что на территориях, контролируемых партизанами, соблюдаются свобода вероисповедания, неприкосновенность частной собственности, нет классовой вражды и массовых казней. Итогом его меморандума стало поистине сенсационное предложение: начать оказывать помощь партизанам, прекратив оказывать ее Михайловичу.

До сих пор сербские националисты обвиняют Маклина в том, что он помог Тито прийти к власти. Но он был убежден: если не оказывать помощь партизанам, то вскоре это сделает Советский Союз. Партизаны рано или поздно все равно возьмут власть, поэтому уже сейчас надо думать о будущем, предупреждал Маклин.

В конце ноября Маклин вернулся в Каир, где встретился с Черчиллем, который возвращался со знаменитой конференции «большой тройки» в Тегеране. Маклин приехал к премьеру на виллу, которая находилась возле самых пирамид, и застал его еще в постели. Правда, Черчилль уже курил сигару.

Маклин изложил премьеру свои соображения. В частности, о том, что в Югославии после войны Тито и его соратники наверняка будут строить «советскую систему»[176]. В ответ на это Черчилль, пыхнув сигарой, спросил: «А вы не собираетесь жить в Югославии после войны?» — «Нет, сэр», — ответил Маклин. «И я не собираюсь, — сказал Черчилль. — А поскольку это так, чем меньше мы с вами будем беспокоиться о политическом облике правительства, которое они создадут, тем лучше… Нас интересует, кто из них наносит немцам наибольший урон»[177]. Черчилль, конечно, лукавил. Ему было далеко не все равно, кто возьмет власть в Югославии. Но сейчас главной проблемой действительно был разгром Германии, а все остальное можно было отложить на потом.

Уже осенью 1943 года британские самолеты начали сбрасывать партизанам оружие и боеприпасы. Но продолжалось и оказание помощи четникам. Тито жаловался в Москву, что «англичане присылают смехотворное количество оружия и что его

недостаточно, чтобы… вооружить два батальона»[178].

В Яйце, несмотря на бомбежки, было решено провести вторую сессию АВНОЮ. Делегаты на нее прибывали со всех концов страны, некоторым пришлось преодолеть более 300 километров, но все они несли с собой оружие. Город был украшен флагами и лозунгами, играли оркестры, проводились парады и демонстрации, на улицах танцевала молодежь. Силами «Театра народного освобождения» был поставлен «Ревизор» Гоголя, а также пьесы из партизанской жизни. В такой обстановке Тито сделал исторический шаг, который он хотел, видимо, сделать еще в Бихаче. Но тогда против него был Коминтерн. Однако теперь Коминтерна уже не существовало, да и ситуация на фронтах изменилась кардинальным образом. Именно поэтому Тито и его соратники решили объявить о создании временного правительства новой Югославии.

«Во время подготовки этого решения Центральный комитет коммунистической партии на своем заседании постановил, что Москве ни о чем сообщать не следует, пока все не будет закончено, — утверждал Джилас. — И действительно, реакция Москвы на решения в Яйце была до такой степени отрицательной, что радиостанция „Свободная Югославия“, обслуживавшая из Советского Союза повстанческое движение в Югославии, часть этих решений даже не передала в эфир. Советское правительство, следовательно, не поняло самого важного шага югославской революции — шага, который превращал революцию в новый строй и выводил ее на международную арену. Только после того как стало очевидным, что Запад на решения в Яйце реагирует сочувственно, Москва изменила свою позицию и примирилась с действительностью»[179].

«Я боялся ставить их в известность о том, что мы созываем вторую сессию, как сделали это годом раньше в Бихаче», — вспоминал и сам Тито[180]. На деле же все обстояло немного по-другому. Информация об открытии сессии и ее повестке дня ушла в Москву, но — так, чтобы у Москвы не было возможности отреагировать до начала работы конференции[181]. К тому же Тито не стал сообщать, что АВНОЮ намерено запретить королю возвращаться в страну.

Накануне открытия сессии произошла трагедия. У партизан имелся немецкий легкий бомбардировщик «Дорнье-17», который пригнал им дезертир из хорватской армии. На этом самолете Тито по просьбе Маклина решил отправить в Каир югославскую военную миссию. Возглавить миссию должен был Иво Лола Рибар, руководитель югославского комсомола. В момент, когда ее члены садились в самолет, в воздухе появился немецкий

бомбардировщик и сбросил бомбы на аэродром. Одна из них попала прямо в самолет с делегацией. Погибли почти все люди, находившиеся в нем, в том числе и Рибар.

В тот день отец Иво Лола Рибара Иван, избранный год назад председателем Исполкома АВНОЮ, приехал в Яйце из Словении. Он не знал о гибели сына, так же как не знал, что еще раньше в Черногории погиб его второй сын — Юрица. Эти печальные новости сообщил ему сам Тито. Когда он сказал, что Иво погиб сегодня, Иван Рибар долго молчал, а потом спросил: «А где сейчас Юрица? Он уже знает о смерти брата?

Для него это будет тяжелым ударом». Тито замолчал, собираясь с духом, потом подошел к несчастному отцу, взял его за руку и тихо произнес: «Юрица тоже погиб в схватке с четниками в Черногории, месяц назад». Иван Рибар обнял Тито, сказав: «Нелегка наша борьба»[182].

Как вспоминал Джилас, на похоронах Иво Лола Рибара он не смог сдержать слез. Плакали и другие партизаны — Иво любили все, в том числе и сам Тито. Моше Пьяде, который считался среди партизан самым лучшим оратором, на этот раз был так взволнован, что с трудом находил слова и смог произнести только: «Революционеры — это мертвые люди, ушедшие в вечный отпуск». Это были слова какого-то французского революционера[183].

Вторая сессия АВНОЮ состоялась в ночь на 30 ноября. На ней присутствовали 142 делегата. Большинство из них были коммунистами, хотя присутствовали и представители других партий. Тито выступил с главным докладом. После него должны были состояться прения. Однако в зале раздавались бурные овации, и председательствующий заявил, что «судя по вашим аплодисментам… могу констатировать, что АВНОЮ единодушно одобрило доклад товарища Тито»[184]. Сессия АВНОЮ приняла следующие решения:

АВНОЮ объявляет себя верховным законодательным и исполнительным органом власти Югославии и в качестве такого органа образует Национальный комитет освобождения Югославии со всеми полномочиями и функциями народного правительства;

новая Югославия будет построена на федеративной основе и состоять из шести республик — Сербии, Хорватии, Словении, Македонии, Черногории и Боснии и Герцеговины, причем все они будут обладать равными правами;

национальным меньшинствам гарантируются все права; все решения королевского правительства в эмиграции объявляются недействительными;

королю Петру II запрещается возвращаться в Югославию до проведения референдума, на котором будет решен вопрос о государственном устройстве страны.

Под бурные овации было принято приветствие АВНОЮ Сталину и решение о присуждении Тито звания маршала.

На следующий день информация о решениях АВНОЮ ушла в Москву. После войны у Тито спросили, как великие державы отреагировали на решения в Яйце. Он ответил, что самыми первыми отреагировали немцы, которые начали наступление на столицу «партизанской республики». «Сталин же сказал, что мы воткнули ему нож в спину, — сказал Тито. — „Как он посмел, как он мог это сделать, не сказав ничего?“ — говорил тогда Сталин Димитрову. А мы их и не хотели спрашивать…»[185] Но если Сталин и был возмущен, то на отношениях с Тито в то время это никак не отразилось.

Дипломатические интриги

Во время сессии АВНОЮ Сталин находился в Тегеране на конференции «большой тройки». На ней обсуждались и югославские дела. Черчилль выступил горячим сторонником помощи Тито — оружием и даже группами специально обученных коммандос. Его поддержал и Рузвельт. Однако Черчилля удивила реакция Сталина, который заявил, что роль Югославии в войне является маловажной. Впрочем, советское правительство согласилось послать к Тито военную миссию[186]. Но даже если Черчилль правильно описал ситуацию, вряд ли эта реакция Сталина была искренней. Скорее всего, он только делал вид, что ситуация в Югославии его мало интересует, вынуждая союзников сделать ход первыми. К тому же уже 30 ноября он знал обо всем, что произошло в Яйце, а Черчилль узнает об этом лишь через несколько дней.

Но Черчилль быстро понял, что западные союзники оказались перед лицом новой реальности. Вскоре он встретился с королем Петром и предупредил его, что Англии, возможно, придется отказаться от поддержки Михайловича, ради того чтобы попытаться сохранить хотя бы саму монархию. О том, какое значение он придавал ситуации в Югославии, говорит хотя бы тот факт, что в январе 1944 года в штаб Тито вместе с возвратившимся в Югославию Маклином прибыл и сын самого Черчилля — Рэндольф. Когда Сталину доложили об этом, он заметил: «Имейте в виду, сыновья премьеров так просто на парашютах не прыгают и в чужих штабах без определенных целей не появляются»[187].

Сталин был прав: Маклин и Черчилль-младший привезли Тито важное послание от британского премьера: правительство Великобритании не будет оказывать никакой военной помощи Михайловичу, «а только Вам… путем поставок морем, поддержки с воздуха и операциями коммандос». Но Черчилль подчеркивал, что Великобритания будет продолжать поддерживать официальные отношения с королем.

«Король Петр II, — писал Черчилль, — мальчиком вырвался из предательских когтей регента принца Павла и прибыл к нам как представитель Югославии и как юный принц в беде. Со стороны Великобритании было бы не по-рыцарски и нечестно отступиться от него. Не можем мы требовать от него и того, чтобы он порвал все связи со своей страной. Я надеюсь поэтому, Вы поймете, что мы, во всяком случае, сохраним официальные отношения с ним, оказывая Вам в то же время всю возможную военную помощь».

Тито регулярно советовался по этим вопросам с Москвой. В телеграмме Черчиллю от 9 февраля он отмечал, что «НКОЮ должен быть признан западными союзниками в качестве единственного правительства Югославии, а король Петр II должен подчиниться законам АВНОЮ… Вопрос о монархии будет решаться после освобождения свободным волеизъявлением народа»[188]. Тремя днями раньше точно такие же условия для сотрудничества с королем пришли в телеграмме от Димитрова.

23 февраля 1944 года в город Дрвар, где с конца января находился Тито, Верховный штаб и англо-американская миссия, прибыла и советская военная миссия во главе с генерал-лейтенантом Николаем Корнеевым.

Тито приветствовал советскую миссию: «Мы вас давно ждали. Наши народы, наши бойцы, командиры и политические комиссары со страстным желанием ожидали тот день, когда смогут увидеть вас в своей среде… по всеобщему народному ликованию вы можете видеть, какие вы для нас дорогие гости»[189].

Однако Маклин в своих мемуарах рисует менее радужную картину этой встречи. Тито, по его утверждению, встретил Корнеева с плохо скрываемой неприязнью. К тому же его новая овчарка Тигр то и дело пыталась укусить советского генерала. Тито с усмешкой говорил: «Антирусский пес».

Корнеев и члены миссии были одеты в новые мундиры с золотыми погонами и в узкие, начищенные до блеска сапоги. По словам Маклина, русские потребовали выстроить отдельный туалет для генерала. Партизаны удивились: «Даже английский генерал Маклин ходит в ближайшие кусты». Однако все же

построили деревянную хибарку и побелили ее. Первый же немецкий самолет засек эту будку и сбросил на нее бомбу.

Через два месяца в Советский Союз отправилась и югославская военная миссия. Ее возглавлял генерал-лейтенант Велемир Терзич. В ее состав Тито включил члена политбюро ЦК КПЮ и члена Верховного штаба Милована Джиласа — ему для этого случая специально был сшит мундир генерала. Перед отлетом Тито поручил ему выяснить возможность официального признания Москвой НКОЮ в качестве законного правительства Югославии, попросить оказать соответствующее влияние на союзников и увеличить военную помощь партизанам. Тито поручил также передать просьбу о займе в 200 тысяч долларов на расходы югославских миссий на Западе. Он подчеркнул, что «эту сумму, как и расходы на помощь медикаментами и оружием, мы возвратим после освобождения страны»[190]. Кроме того, миссия должна была отвезти в Москву архив Верховного штаба и ЦК КПЮ.

Была у Тито и личная просьба: поговорить с его сыном Жарко, который учился в Москве, и передать ему от имени отца, чтобы он хорошо учился и вел себя как подобает. Джилас повез в Советский Союз эскизы новых югославских банкнот и орденов, а также размеры Тито для пошива ему формы маршала.

Джилас — хотя и весьма субъективно — описал поездку в своей нашумевшей книге «Беседы со Сталиным». Он был первым руководителем КПЮ, которого принял Сталин. Встреча состоялась 19 мая в Кремле и продолжалась 75 минут. «Быть принятым у Сталина — это было наивысшим признанием героизма и страданий партизанских бойцов и нашего народа… Вмиг исчезло все отрицательное в СССР, а все недоразумения между нами и советскими руководителями потеряли значение и вес, как будто их не бывало», — отмечал он[191].

По признанию Джиласа, он был «воодушевлен» состоявшимся со Сталиным разговором. Сталин не обещал признать НКОЮ в качестве правительства, но было видно, что он бы сделал это, если бы считал, что условия для такого признания уже созрели. Сталин интересовался у Молотова: «Нельзя ли как-то перехитрить англичан с тем, чтобы они признали Тито, который один только и сражается против немцев?» На это Молотов ответил: «Нет, это невозможно, они прекрасно информированы о событиях в Югославии». — «А вы, может быть, думаете, что мы, если мы союзники англичан, забыли, кто они и кто Черчилль? — говорил Сталин. — У них нет большей радости, чем нагадить своим союзникам, — в первой мировой войне они постоянно подводили и русских, и французов. А Черчилль? Черчилль, он такой, что,

если не побережешься, он у тебя копейку из кармана утянет. Да, копейку из кармана! Ей-богу, копейку из кармана! А Рузвельт? Рузвельт не такой — он засовывает руку только за кусками покрупнее. А Черчилль? Черчилль — и за копейкой». Сталин предупредил, что Тито следует опасаться «английского коварства». Особенно когда речь идет о его жизни. «Ведь они убили генерала Сикорского (Владислав Сикорский — польский генерал и политик, глава польского правительства в изгнании. Погиб 4 июля 1943 года в авиакатастрофе близ Гибралтара. О причинах его гибели до сих пор существует множество версий, в том числе — касающихся причастности к катастрофе английских, советских или германских спецслужб. В ноябре 2008 года тело Сикорского было эксгумировано и обследовано польскими экспертами, но никаких новых фактов, проливающих свет на его гибель, обнаружено не было. — *Е. М.)* — а Тито бы и тем более. Что для них пожертвовать двумя-тремя людьми для Тито — они своих не жалеют!» — заявил Сталин. «Сталин несколько раз повторил эти предостережения, а я по возвращении передал их Тито», — заметил по этому поводу Джилас.

В изображении Джиласа, Сталин был похож на строгого, но справедливого и доброго дедушку. Иногда Сталин почти по-родственному укорял югославов, объясняя, что не надо «пугать» тем, что в Югославии к власти придут коммунисты. «Зачем вам красные пятиконечные звезды на шапках? Не форма важна, а результаты, а вы — красные звезды! Ей-богу, звезды не нужны! — сердился Сталин. Но он не скрывал, что его раздражение невелико, — это был только упрек». Джилас возразил, что «красные звезды снять невозможно, они стали уже традицией и приобрели в глазах наших бойцов определенный смысл». Сталин остался при своем мнении, но настаивать не стал.

Сталин сказал, что заем в 200 тысяч долларов — это «мелочь и что это мало поможет», но эту сумму им дадут. После заверений Джиласа в том, что за поставку вооружений и другого материала после освобождения страны обязательно заплатят, Сталин возмутился. «Вы меня оскорбляете, вы будете проливать кровь, а я — брать деньги за оружие! Я не торговец, мы не торговцы, вы боретесь за то же дело, что и мы, и мы обязаны поделиться с вами тем, что у нас есть». При обсуждении вопроса о способах доставки советской военной помощи в Югославию было решено обратиться к союзникам с просьбой открыть в Италии советскую авиабазу. «Попробуем, — сказал Сталин. — Увидим, каковы позиции западных союзников и до какой степени они готовы помогать Тито»[192].

Сталин приказал выделить беспроцентный заем в размере

миллиона рублей, причем в соглашении подчеркивалось, что «условия о погашении займа будут определены дополнительно по договоренности сторон»[193].

Кроме материальной югославам оказали и моральную помощь, которая была для них не менее важной. В «Правде» и журнале «Война и рабочий класс» напечатали статьи Джиласа, соответственно, о войне в Югославии и о Тито. Джилас признавал, что советская пресса еще «никогда не печатала таких высоких хвалебных оценок в отношении какого-либо живущего деятеля» (кроме Сталина, конечно). Тито, по его словам, тоже был очень польщен статьей[194].

Югославская делегация удостоилась высшего доверия со стороны Сталина: он пригласил ее к себе на дачу ужинать. Сталин на ужине очень интересовался Югославией. «Рассказывали и анекдоты, — вспоминал Джилас, — и Сталину особенно понравился один, который рассказал я. Разговаривают турок и черногорец в один из редких моментов перемирия. Турок интересуется, почему черногорцы все время затевают войны. „Для грабежа, — говорит черногорец, — мы — люди бедные, вот и смотрим, нельзя ли где пограбить. А вы ради чего воюете?“ — „Ради чести и славы“, — отвечает турок. На это черногорец: „Ну да, каждый воюет ради того, чего у него нет“. Сталин с хохотом прокомментировал: „Ей-богу, глубокая мысль: каждый воюет ради того, чего у него нет!“»[195].

Когда Джилас спросил, нет ли каких-либо замечаний по поводу работы югославской компартии, Сталин ответил: «Нет. Вы ведь сами знаете лучше, что надо делать». Еще при первой встрече партизаны преподнесли Сталину свои скромные подарки — винтовку «Партизанка», выпущенную в 1941 году в Ужице, и опанки — обувь из сыромятной кожи. Теперь же, перед отъездом югославов, Сталин передал подарок Верховного Совета СССР для Тито — золотую саблю. От себя Джилас купил Тито в Каире шахматы из слоновой кости.

В феврале 1944 года в одном из сел вблизи сербского города Валево Михайлович организовал конференцию, в которой участвовали 274 известных политика довоенной Югославии, а председательствовал на ней лидер сербской социал-демократической партии Топалович. Эта конференция должна была стать альтернативой II сессии АВНОЮ. Ее делегаты высказались за демократическую Югославию, проведение свободных выборов и создание югославской федерации после освобождения страны от оккупантов, осудив при этом стремление коммунистов захватить власть. Однако конференция провозгласила верность королю Петру и его правительству.

Копию своей резолюции делегаты послали Черчиллю, однако он на нее даже не ответил.

Между тем помощь союзников Тито росла: если до осени 1943 года англичане перебросили партизанам 800 тонн оружия и военных материалов, то за оставшиеся 18 месяцев войны — 60 тысяч тонн[196]. Как правило, эти операции согласовывались с Верховным штабом партизан и одобрялись Тито.

С согласия Тито союзники подвергли Белград мощной бомбардировке 16 и 17 апреля. В налете участвовало около шестисот самолетов. Целью этой акции были военные заводы, расположенные в пригородах города. Однако и сам Белград пострадал не меньше, чем во время немецкой бомбардировки 1941 года. Погибло, по различным данным, от 1000 до 1200 человек. По злой иронии судьбы, эта бомбардировка, так же как и бомбардировка 1941 года, пришлась на православную Пасху. Уже после развала Югославии в Сербии была популярна версия, что Тито, как хорвату, жаль не было Белграда, в то время как хорватские города авиация союзников якобы не бомбила. Но это не так. Хорватские города тоже подвергались налетам союзников: например, 22 апреля сильной бомбардировке подвергся Загреб.

В мае 1944 года помощь союзников Михайловичу была прекращена. Король Петр вскоре отправил в отставку кабинет министров вместе с Михайловичем. Новое правительство возглавил заместитель председателя хорватской крестьянской партии доктор Иван Шубашич. Черчилль настаивал на переговорах Тито с Шубашичем, Сталин был тоже не против. Но Тито пока что раздумывал.

«Чудесное спасение» и рождение легенды

Еще первый официальный биограф Тито Владимир Дедиер задумался над вопросами: какие на самом деле чувства испытывает Югославия по отношению к Тито? И есть ли в его популярности что-то похожее на культ личности Сталина? И сам же отвечал: «Ничего этого не существует в Югославии». Мы же, однако, поспорим с ним.

Тито являлся бесспорным лидером югославских революционеров. Он был старше и опытнее других, да еще и имел «мандат» на руководство, одобренный в самой Москве. К тому же в появлении культа личности будущего маршала немаловажную роль сыграл и менталитет народов страны. В годы войн, потрясений и борьбы с врагами они всегда хотели видеть вождя и спасителя, за которым готовы были пойти в огонь и воду, тем более если он обещает им не только свободу, но и

справедливость.

Если верить Александру Ранковичу, то идея начать создавать образ «народного вождя героического маршала Тито» возникла осенью 1942 года. Происходило это довольно буднично: Тито, Ранкович, Кардель и Джилас собрались на импровизированное совещание «под буком на какой-то горе», и вскоре Джилас сказал: «Мы слишком мало популяризируем Тито. У нас должен быть вождь, вокруг которого могли бы сплотиться массы… Так же, как и у русских, у которых есть Сталин». «Тогда-то, — рассказывал Ранкович, — мы и начали создавать культ Тито, а потом это приняло уже стихийные размеры». Важным моментом на этом пути стал день 29 ноября 1943 года, когда Тито было присвоено звание маршала. Тогда он даже смутился и заметил: «Не будет ли это чересчур? А русские не обидятся?» Соратники стали уверять его, что нет, не обидятся: «Ведь мы тоже имеем право на своего маршала». «Тито заслуживал это звание, — считал Ранкович, — а войска и движение (народно-освободительное. — *Е. М.)* обрели советское руководство, которое стало противовесом традиционному монархическому»[197]. То, что Ранкович назвал руководство «советским», не случайно — руководители югославских партизан в то время действительно были «советскими», если не по государственной принадлежности, то по духу.

В зале Дома культуры, где проходила сессия АВНОЮ, висел один из самых первых «официальных» портретов Тито. Его написал словенский художник Божидар Якац. Потом он был размножен в нескольких сотнях экземпляров. Тито позировал и известному хорватскому скульптору Антуну Августовичу, и вскоре его бюст из глины был установлен в Яйце. Джилас тогда заметил: «Тито как-то неожиданно погрузнел и больше никогда уже не вернул себе тот худощавый, жилистый облик, благодаря которому он в годы войны выглядел так неповторимо и привлекательно»[198].

Драматические события во время немецкого десанта на «столицу» партизанской республики город Дрвар в мае 1944 года, когда Тито едва не погиб, только увеличили его популярность. О нем теперь писали все ведущие газеты мира.

В январе 1944 года Тито решил перевести Верховный штаб в маленький городок Дрвар, находящийся к югу от Яйце. Сам он поселился в небольшом домике у входа в горную пещеру, в нескольких километрах от Дрвара. Каждый день он ездил на джипе — подарке Черчилля — в сам город, где находился штаб, а вечером возвращался в свой домик. Штабной домик тоже находился рядом с пещерой.

Еще с конца 1943 года до партизан доходили сведения о подготовке немецкой операции по захвату Тито. Но она началась тогда, когда ее ждали меньше всего, — в воскресенье 25 мая, когда в Дрваре готовились отмечать день рождения Тито. Ему исполнялось 52 года.

Операция под кодовым названием «Россельшпрунг» («Ход конем») разрабатывалась в обстановке строжайшей тайны. В десанте на Дрвар были задействованы 500-й парашютно-десантный батальон СС и подразделения дивизии «Бранденбург». О цели операции десантники узнали только за два часа до ее начала, когда самолеты поднялись в воздух с аэродрома города Кралево. Тогда же им раздали фотографии Тито.

24 мая Тито, как обычно, приехал в Дрвар. Они с Карделем решили остаться в городе, поскольку на следующий день были запланированы торжества по случаю дня рождения маршала.

«Рано утром 25 мая меня разбудил ординарец, который был в карауле, и сказал, что какие-то самолеты летят где-то далеко над Динарой (горный хребет в Боснии. — *Е. М.),* — рассказывал Тито. — Я вышел из барака, который находился над спуском в пещеру. Посмотрел в бинокль и увидел какие-то очень скоростные самолеты. Думаю, это были „фокке-вульфы“. Меня сразу же охватило какое-то тревожное чувство». Тито оно не обмануло.

Примерно в половине седьмого над Дрваром появились первые бомбардировщики. Около получаса они бомбили город, затем настала очередь транспортных самолетов, которые тянули за собой планеры с десантниками. Планеры приземлялись на поля в окрестностях города, а из транспортников посыпались парашютисты. Тито страшно злился, наблюдая эту картину, — ведь за несколько дней до этого он приказывал оборудовать вокруг города пулеметные гнезда, но его приказ не был выполнен[199].

«Немцы искали меня, — рассказывал Тито. — В те дни портной в Дрваре шил мне маршальскую форму. Парашютистам ничего другого, кроме этого мундира, разорванного осколками бомб, не досталось… Все жители Дрвара знали, где я нахожусь. А у каждого парашютиста была моя фотография. Они подходили то к одному, то к другому жителю города, показывали фотографию, спрашивали: „Тито, Тито, где Тито?“ Но никто ничего не сказал им. Даже дети… А мы сверху за всем этим наблюдали. Из пещеры нельзя было выйти, кроме как через русло протекавшего в ней ручья. Один наш товарищ, ординарец, прекрасный молодой человек, хотел было выйти наружу, но ему сразу же попала пуля в голову… Смотришь на все это и ощущаешь себя беспомощным. Я

взял винтовку и хотел стрелять, но мне не дали. Смотрю, немцы внизу сели в мой джип и гоняют на нем»[200].

Вместе с Тито в домике были Зденка, овчарка Тигр и охрана. Через некоторое время здесь собрались 12 мужчин и 8 женщин. Около 10 часов утра стало ясно, что находиться на этом месте опасно. Немцы обстреливали подступы к пещере из минометов и горных орудий, и не исключалась вероятность, что они вскоре начнут прочесывать эту местность. Тогда Тито принял решение уходить.

Из парашютных строп был сплетен канат, а в задней комнате домика разобран пол. Затем по этому канату Тито и все остальные начали спускаться вниз по руслу пересохшего водопада. «Я первым спускался по канату, — вспоминал Тито, — а моя собака Тигр обходила стороной и, глядя, как я спускаюсь, все время лаяла… Несколько раз я тянулся к пистолету, чтобы застрелить собаку, так как она привлекала к нам внимание, но все же не мог этого сделать. В конце концов немцы поняли, что здесь кто-то есть, и начали стрелять по пещере… Если бы они бросили часть своих сил выше, на плато над пещерой, нам бы пришлось гораздо тяжелее. Но они этого не сделали, и это была их большая ошибка»[201].

Так выглядели события со слов самого Тито. Однако есть и другая их версия. Она принадлежит соратнику Тито Александру Ранковичу. Правда, он излагал ее уже после того, как произошел их конфликт с Тито.

Ранкович рассказывал, что Тито смог выбраться из пещеры только благодаря героизму курсантов офицерской школы и их преподавателей, которые задержали немцев чуть ли не с одними револьверами и ножами в руках. Ранкович послал к Тито Сретена Жуйовича с запиской: «Ты немедленно должен выходить. Все под контролем». Но Тито не выходил. Тогда Жуйович схватил автомат и закричал: «Выходи, старый трус! Хочешь сдаться немцам и, как командующий, спасти свою голову, но погубить и предать нашу борьбу!» Тито, рассказывал Ранкович, уже надел маршальский мундир и ждал немцев, чтобы им сдаться. Однако Жуйович заставил его выйти из укрытия. «Бойцы охранного батальона и молодежь погибали, защищая его, пока он отступал с толпой своих секретарш», — отмечал Ранкович[202].

Однако непонятно, как Ранкович мог знать подробности того, что происходило в пещере, если его самого в тот момент там не было? И почему Жуйович во время конфликта с Тито в 1948 году ни разу не обвинил его в трусости? Почему сам Ранкович заговорил об этом, только когда разошелся с Тито? Тем не менее эту версию и после распада СФРЮ вспоминают довольно часто.

Тем временем Тито и все, кто был с ним, начали подниматься на горное плато, которое находилось над их убежищем. Немцы их заметили и открыли огонь, но Тито был уже слишком далеко. Впрочем, они довольно быстро вычислили, куда мог скрыться Тито, и организовали преследование. В воздухе кружили разведывательные самолеты и бомбардировщики, и партизаны подвергались бомбежкам и обстрелам. Однажды немецкий снаряд разорвался недалеко от Тито, который ехал на лошади. Сам он не пострадал, но был ранен один из офицеров советской военной миссии.

Положение было крайне сложным. Англичане при отступлении сумели унести комплект радиоаппаратуры и наладить связь с базой в Бари. Генерал Корнеев попросил англичан передать в Бари его просьбу, чтобы советский самолет забрал членов миссии и перевез их в Италию. При этом он начал уговаривать Тито лететь вместе с ним. Тито сначала категорически отказался. Начальник британской миссии полковник Вивиан Стрит заверил его, что потом, в любой удобный момент его снова смогут перебросить на югославскую территорию. «И я подумал — у нас есть остров Вис (его тогда удерживали части НОАЮ. — *Е. М.),* там мы будем на нашей территории, — вспоминал Тито. — Они предлагали лететь в Италию. Я сказал, что в Италию не полечу. Мне сказали, что добраться по-другому нельзя, — сначала надо лететь в Италию, потом на Вис. Тогда я согласился. В те дни я впервые покинул оперативные части»[203].

Для перевозки Тито, членов его штаба и сотрудников военных миссий было решено использовать советские самолеты, которые базировались на аэродроме союзников в Бари. В Москве сильно беспокоились о судьбе Тито. Сталин лично дал приказ — найти Тито и вывезти его в безопасное место.

Все радиостанции базы в Бари ждали сигнала из Югославии. Наконец 3 июня радист одного из советских самолетов принял радиограмму генерала Корнеева: прибыть в ночь на 4 июня в район Купрешко Поле, примерно в ста километрах от Дрвара. Командир экипажа самолета майор Александр Шорников приказал готовиться к вылету, а сам отправился в штаб английского командования[204].

Но в штабе ему показали телеграмму из Югославии с просьбой прибыть 5 июня, то есть на день позже, чем было указано в радиограмме, которую получил советский радист. Это могла быть ошибка радиста, но Шорникова мучили сомнения. Вдруг промедление с вылетом приведет к гибели Тито и иностранных военных миссий?

Вылетать без разрешения британского командования Шорников не имел права. Тогда он решил пойти на хитрость: попросил разрешения вылететь в разведывательный полет, и англичане ему это разрешили. Вечером 3 июня транспортный С-47 под командованием майора Шорникова вылетел из Бари — но не на разведку, а за Тито.

Летчики с трудом нашли нужный им район и начали кружить над ним, пока в разрывах облаков не увидели кодовые огни. Шорников с большим трудом посадил самолет.

Через полчаса после посадки на аэродроме появились Тито, другие руководители партизан, сотрудники иностранных военных миссий. Шорников доложил о прибытии. Тито спросил, сколько людей может взять самолет. Было принято решение взять на борт 20 человек. Среди них: Тито, Кардель, Ранкович, генерал Корнеев, полковник Стрит, Даворьянка Паунович и другие. Тито сел в самолет первым, но его овчарка Тигр никак не хотела залезать в самолет. Даже когда Тито был уже внутри, Тигр вдруг прыгнул на хвостовую часть самолета и начал отчаянно царапать обшивку. «Это случилось так неожиданно для нас, — вспоминал Шорников, — что все остановились в ожидании исхода необычного поединка собаки с самолетом, волнуясь за животное, которому каждая секунда угрожала падением». Но тут в проеме двери самолета показался Тито и позвал собаку. Услышав голос хозяина, она осторожно спрыгнула на землю и вскоре была уже у входа в самолет, виновато жмуря глаза. Пока Тито отвлекал собаку, летчики осторожно подняли ее и посадили в кабину. Тигр не сопротивлялся, но, оказавшись рядом с хозяином, снова принял властный и грозный вид.

Дальнейшая посадка проходила без происшествий. Около 22 часов самолет взлетел и взял курс на Бари. Однако у Шорникова весь полет не выходил из головы случай с собакой. «Если бы Тигр, не рассчитав свой прыжок, попал лапами не на металлический стабилизатор, а на обтянутую материей левую часть руля высоты, то обшивка руля под тяжестью собаки была бы разрушена, что привело бы к срыву задания, — думал он. — Оставленный на посадочной площадке самолет был бы утром замечен немцами и уничтожен».

Около полуночи самолет приземлился в Бари. Самолет Шорникова в ту же ночь еще раз летал в Купрешко Поле и вывез оттуда еще 20 человек. История с двумя телеграммами, в которых были указаны различные даты вылета, так и не прояснилась. Не исключено, что все дело было в интригах англичан и союзники хотели сами вывезти Тито.

Мастерство и храбрость советских летчиков Тито не забывал

никогда. Вскоре Шорникову, его второму пилоту Калинкину и штурману Якимову было присвоено звание Героев Советского Союза, а бортовой техник Галактионов и бортовой радист Вердеревский награждены орденами Ленина. Югославское правительство присвоило Шорникову, Калинкину и Якимову звание Народных Героев Югославии, а Галактионов и Вердеревский были награждены орденами «Партизанская Звезда».

5 июня войска союзников заняли Рим, а 6 июня пришли известия о начале высадки союзных сил в Нормандии — долгожданный второй фронт в Европе был наконец-то открыт. В ночь на 7 июня Тито на британском миноносце «Блекмур» отбыл из Бари на остров Вис. Там Тито вскоре обосновался в пещере Орловица в восточном склоне горы Хум. Здесь для него, Зденки и Тигра устроили вполне комфортабельное жилье. Пещеру разделили на комнаты, спальню, конференц-зал. Устроили даже что-то вроде кровати для Тигра. В тот же день на Вис прибыла и советская миссия во главе с генералом Корнеевым.

Корнеев поздоровался с Тито и начал представлять ему офицеров миссии. Среди них был и молодой поручик (лейтенант) с одной рукой и в новенькой югославской форме. Он представился Тито: «Товарищ маршал, поручик Жарко Броз прибыл для прохождения службы!» Это был сын Тито, которого он последний раз видел в Москве еще мальчиком.

12 июня на Вис из Москвы прибыл Джилас. Он буквально разрывался от впечатлений от Сталина и России. Джиласа встречали все руководители партизанского движения. Затем началось заседание ЦК, на котором он отчитывался о своей поездке в Москву. Его товарищей больше всего интересовало, как выглядит Сталин, как он говорит и что думает о югославах. «Было уже поздно, и я чувствовал себя уставшим, когда ужин и беседа у Тито закончились, но я продолжал отвечать на вопросы Ранковича и других товарищей, — писал он. — В течение двух следующих дней я только и делал, что рассказывал… все о Советском Союзе, Сталине и Красной Армии»[205].

Как только Тито появился на Висе, Черчилль повел на него настоящее «дипломатическое наступление». Британский премьер решил попробовать «продавить» свой план создания коалиции «Тито — король Петр». Он сообщил Тито, что на Вис направляются сам югославский король и глава эмигрантского правительства Иван Шубашич. Король задержался на Мальте, ожидая результатов встречи Тито и Шубашича. Но Тито после консультаций с Москвой решил уклониться от свидания с Петром, а вести переговоры только с Шубашичем.

Переговоры проходили 15–16 июня. 16 июня Тито и Шубашич

подписали соглашение о сотрудничестве «в борьбе против оккупантов и в деле восстановления страны». При этом в нем не затрагивались решения АВНОЮ и не поднимался вопрос о будущем короля и монархии. Предусматривалось, что королевское правительство будет состоять из прогрессивно настроенных министров, которые никогда не боролись с партизанами.

В начале июля генерал Корнеев вылетал в Москву для консультаций, и Тито передал письмо для Сталина, в котором писал, что хотел бы побеседовать с ним по многим «крупным вопросам», сообщал, что готов прибыть в Москву для их обсуждения в начале августа. «Но я хотел бы, чтобы Вы считали это не моей нескромностью, а единственно глубоким стремлением выяснить до мирных переговоров некоторые вопросы и определить по ним позицию, так как полагаю, что это в интересах Балканских стран и Советского Союза», — писал он Сталину.

Англичане приглашали его в Италию на встречу с главнокомандующим войсками союзников в зоне Средиземноморья фельдмаршалом Генри Вильсоном. Генерал Корнеев его отговаривал. «Фельдмаршал Вильсон является лишь командующим войсками на одном из театров военных действий, а вы — фактически глава нового югославского государства, — говорил он. — Поэтому вряд ли стоить ехать на встречу с Вильсоном»[206]. Когда же Тито узнал, что на этой встрече должен появиться еще и Шубашич, он окончательно решил не ехать в Италию.

Англичане прибегли к другой тактике. С одной стороны, Черчилль сообщил, что готов сам встретиться с Тито после его переговоров с Вильсоном. С другой — британское правительство резко уменьшило помощь югославам. Эти факторы заставили Тито изменить свое решение. Он согласился на поездку в Италию и 6 августа вылетел с острова Вис в Казерту.

В тот же день Тито встретился с фельдмаршалом Вильсоном. Он также посетил штаб генерала Александера, главнокомандующего силами союзников в Италии. Затем побывал в Риме, осмотрел Вечный город и вернулся в Казерту.

Тем временем Черчилль прибыл в Неаполь, туда же отправился и Тито. Их встреча состоялась 12 августа на вилле бывшей королевы Италии Виктории. Тито взял с собой и сына Жарко. Пока они ждали Черчилля на террасе, им предложили кофе. В это время лежавший под столом Тигр увидел кошку, вскочил и опрокинул столик с чашками и блюдцами. Тито попросил Жарко увести собаку. Так сын Тито и не увидел

Черчилля.

Погода была жаркой. Черчилль появился в белом легком костюме и белой рубашке. Тито же был в расшитом золотом голубом мундире, который Черчилль в своих мемуарах признал «великолепным», но заметил, что он совсем не подходил для такой жары.

Любопытно сравнить воспоминания об этой, безусловно, исторической встрече, которые оставили обе стороны. Дедиер со слов Тито описывал ее начало следующим образом: «Черчилль начал с того, что похвалил нашу армию, потом перешел к операциям в Югославии. Выразил сожаление, что слишком стар и не может прыгать с парашютом, иначе сам прибыл бы сражаться в Югославию. „Но вы послали своего сына“, — ответил Тито. В это мгновение на глазах Черчилля появились слезы»[207]. Сам Черчилль изображал начало встречи без подобных лирических моментов: «Я повел всех за собой в большую комнату, стены которой были завешаны картами фронтов… Беседуя, я показал на карте полуостров Истрию и спросил Тито, куда его войска могли бы быть посланы для сотрудничества с нами, если мы сможем достигнуть полуострова с восточного побережья Италии… Тито сказал, что, хотя сопротивление немцев в последнее время усилилось и потери югославов увеличились, он может собрать значительные силы в Хорватии и Словении и, несомненно, высказаться за операцию против полуострова Истрия, в которой могли бы участвовать югославские войска»[208].

Дедиер: «Основной проблемой, вокруг которой шли переговоры, был вопрос о короле Петре. Черчилль спросил Тито, согласится ли он встретиться с королем. Тито сослался на решения АВНОЮ о запрещении королю возвращаться в страну, указав, что король непопулярен из-за своих поступков во время войны…

Черчилль снова спросил Тито: готов ли он встретиться с королем хотя бы на каком-нибудь корабле. Тито ответил, что он ничего не имеет против того, чтобы он прибыл по приглашению Черчилля на военный корабль, и если там будет король Петр, то он может увидеться и с ним. Черчилль понял, что из этого ничего не получится, и махнул рукой. В дальнейшем разговоре Черчилль сказал, что, может быть, Тито принял бы короля в Югославии как летчика. Тито ответил на это: „Пусть приезжает и сражается так, как сражаемся все мы“»[209].

Черчилль: «Потом мы перешли в небольшую гостиную и я начал задавать ему вопросы о его отношениях с королевским югославским правительством. Он сказал, что все еще идут ожесточенные бои между партизанами и Михайловичем, который

опирается на помощь немцев и болгар. Примирение невозможно. Я ответил, что у нас нет желания вмешиваться во внутренние дела Югославии, но мы желаем, чтобы его страна была сильна, едина и независима. Доктор Шубашич весьма предан этой идее. Тито ответил, что понимает наши обязательства в отношении короля Петра, но ничего поделать тут не может, пока не закончится война. Тогда решение примет сам югославский народ»[210].

Черчилль выразил сомнение, что большая часть сербского крестьянства была бы довольна введением в Югославии коммунистической системы. Тито ответил, что уже не раз заявлял о том, что не собирается вводить такую систему. Черчилль заметил, что помнит об этих заявлениях, но хотел бы услышать об этом от самого Тито. Кроме того, он спросил маршала, может ли тот подтвердить свои намерения публично. Тито, однако, возразил: если он так поступит, то у многих сложится впечатление, будто он делает это под давлением. Черчилль поинтересовался, как Тито относится к созданию славянской федерации «от Адриатического до Черного моря». Тито ответил, что является сторонником югославской федерации. В свою очередь он сказал Черчиллю, что после войны Югославия имеет право получить полуостров Истрия и итальянский город Триест. Черчилль высказался неопределенно: Триест важен для операций союзников в Австрии, и раз итальянцы теперь воюют на их стороне, вряд ли будет справедливо отбирать у них Триест. На этом их первая официальная встреча закончилась. Черчилль пригласил Тито на обед.

Перед обедом произошел небольшой инцидент с участием охранников Тито Бошко и Прля. Черчилль, видимо, решил пошутить и, вытащив золотой портсигар, прицелился им как пистолетом в живот Тито. «Он, в отличие от меня, не знал одного, — писал Маклин. — Бошко и Прля, за плечами которых было три года партизанской войны, обладали молниеносной реакцией… так что если бы им показалось, что жизнь маршала в опасности, они с превеликим удовольствием размазали бы по стенке всех трех членов „большой тройки“. В одну долгую секунду я увидел, как дернулись их пальцы на спусковых крючках… Но вслед за этим Тито начал смеяться. Уинстон, видя, что его шутка оказалась удачной, тоже рассмеялся»[211]. Тито и Черчилль понравились друг другу и на всю жизнь сохранили эту взаимную симпатию.

У Тито сложились хорошие отношения и с большинством британских офицеров. Исключением был, пожалуй, капитан Ивлин Во — известный английский писатель, который прибыл в

английскую миссию на Вис во многом благодаря Рэндольфу Черчиллю, своему хорошему знакомому. Он, словно в насмешку над Тито, продолжал всем твердить, что Тито — это на самом деле женщина. В конце концов, о шутках писателя узнал и сам Тито. Однажды, когда маршал в одних плавках вылез из моря, то столкнулся с английскими офицерами, среди которых был и Во. Их представили друг другу. Тито, улыбаясь, просил: «Капитан Во, вы и теперь думаете, что я женщина?» Во смутился и ничего не ответил. Но лучше относиться к Тито он так и не стал. В своих донесениях в Лондон он писал, что Тито является врагом католической церкви и что партизаны преследуют священников и верующих. В Лондоне не прореагировали на его предупреждения, и тогда Во послал копию своего доклада папе римскому. Писателя хотели даже отдать под суд за разглашение служебных тайн, однако все же спустили дело на тормозах[212].

Тито и Черчилль встретились еще 13 августа. Тито и Шубашич уехали на Вис и после консультаций выпустили декларацию о сотрудничестве. К тому времени советские войска были уже на Балканах и 6 сентября вышли на югославо-румынскую границу.

Тито официально обратился к советскому правительству с просьбой о вступлении Красной армии на территорию Югославии. Он объяснил это тем, что у НОАЮ нет достаточного количества тяжелого вооружения и танков, чтобы разбить немецкие войска. 5 сентября большая группа руководителей партизанского движения Югославии была награждена советскими орденами. Тито получил орден Суворова I степени, Кардель — орден Ленина, Ранкович, Джилас, Жуйович, Йованович, Вукманович-Темпо — ордена Кутузова I степени. Еще через две недели Тито вылетел в Москву.

В Белград через Москву

Этот полет готовился как самая настоящая секретная операция. Англичане и американцы понятия не имели, что идет подготовка к переброске Тито в Москву.

Тито плохо переносил полеты, поэтому был разработан план короткого маршрута — через Адриатическое море, Югославию, линию фронта с посадкой в румынском городе Крайова. Хотя полет предстоял рискованный, Тито на него согласился.

19 сентября 1944 года два советских транспортных самолета Си-47 вылетели из Бари и сели на острове Вис. За несколько минут до взлета появился Тито. Не успел он занять свое место, как в кабину буквально впихнули Тигра. Тито не собирался брать

его с собой, но пес так разволновался, что пришлось передумать. Полет прошел без приключений. В Крайове Тито встретил генерал Корнеев. Вместе с маршалом прилетел и генерал-майор Бранко Обрадович, командующий артиллерией НОАЮ. Выйдя из самолета, он взял горсть земли и поцеловал ее. «Что это ты делаешь, Бранко?» — удивленно спросил его Тито. «Это же русская земля…» — сказал генерал. «Нет, Бранко, нет… Это румынская земля», — заметил Тито[213].

Тем временем часовые у пещеры Тито на Висе говорили посетителям, что маршал очень занят и просит его не беспокоить. Когда же стало известно, что он исчез, Черчилль сказал: «Тито сбежал». Этот внезапный отъезд оскорбил британца. Узнав об этом, Тито заметил: «Недавно Черчилль отправился в Квебек для встречи с президентом Рузвельтом, но я об этом узнал только после его возвращения оттуда. Однако это меня ничуть не обидело»[214].

21 сентября Тито был уже в Москве. Его принял Сталин. «До того я видел его только издали, например на VII Конгрессе Коминтерна, — рассказывал Тито. — На этот раз у меня с ним было несколько встреч: две-три в его кабинете в Кремле, дважды он приглашал меня к себе домой на ужин. Одной из первых проблем, которую мы обсудили, был вопрос о совместных операциях наших двух армий… Я попросил у него одну танковую дивизию, которая помогла бы нашим частям при освобождении Белграда… Сталин сказал: „Вальтер (так звали меня в Москве), я дам вам не танковую дивизию, а танковый корпус!“

Потом мы говорили о том, какую часть Югославии можно освободить совместными силами, куда пойдут советские войска, а куда наши, и, наконец, сколько времени их войска останутся у нас. Тут мы условились, что они нам дают в качестве помощи для освобождения Белграда один танковый корпус, а затем их войска покинут Югославию…

Вообще-то первая встреча со Сталиным была довольно прохладной. Главная причина этого, думаю, состояла в моих телеграммах во время войны, особенно в той, которая начиналась словами: „Если не можете помочь, то хотя бы не мешайте!“ Это мне подтвердил и Димитров, с которым я встречался после первой беседы со Сталиным. Димитров мне сказал: „Вальтер, Вальтер, Хозяин был страшно зол на вас из-за этой телеграммы… От злости он топал ногами…“ Тем самым Димитров хотел дать понять, что, в сущности, он защищал меня перед Сталиным.

Во время этой первой встречи со Сталиным царила довольно напряженная обстановка. Мы, так или иначе, спорили почти по всем вопросам, которые обсуждали. Тогда я заметил, что Сталин

не терпит, когда ему кто-то противоречит. В разговоре с окружающими его людьми он вел себя грубо, раздраженно. Из членов Политбюро ЦК ВКП(б) он время от времени спрашивал мнение только Молотова и то не дослушивал его ответы до конца, продолжая развивать свою мысль.

Я не привык к подобным беседам, поэтому дело доходило до неловких ситуаций. Например, Сталин говорит: „Вальтер, имейте в виду, буржуазия в Сербии очень сильна!“ А я ему спокойно отвечаю: „Товарищ Сталин, я не согласен с вашим мнением. Буржуазия в Сербии очень слаба“. Сталин замолкает и хмурится, а остальные за столом — Молотов, Жданов, Маленков, Берия — с ужасом наблюдают за этим. Сталин затем начал расспрашивать о других буржуазных политических деятелях Югославии, интересуясь, где они, что делают, а я ему отвечаю: „Этот подлец, предатель, сотрудничал с немцами“. Сталин спрашивает о другом. Я ему отвечаю то же самое. На это Сталин вспыхнул: „Вальтер, да у вас все подлецы!“ А я ему отвечаю: „Точно, товарищ Сталин, каждый, кто предает свою страну, является подлецом“. Сталин снова мрачнеет, а Маленков, Жданов и другие смотрят на меня исподлобья…

Сталин начал меня убеждать в том, что надо вернуть на престол короля Петра. Мне кровь ударила в голову: как он может нам советовать это! Я взял себя в руки и ответил ему, что это невозможно, что у нас народ взбунтовался бы, что в Югославии король является олицетворением предательства, что он сбежал, оставив народ в наиболее трудное время, что династия Карагеоргиевичей ненавистна народу из-за коррупции и террора. Сталин молчит, а потом мне коротко отвечает: „Не следует возвращать его навсегда. На время, а потом, в подходящий момент, нанесете ему удар ножом в спину“…

Сталин молчал, а потом прямо спросил меня: „Скажите, Вальтер, что бы вы делали, если бы англичане действительно высадились в Югославии?“ Я ему ответил, что мы дали бы им самый решительный отпор. Сталин молчал. Очевидно, ему этот ответ не понравился. Возможно, в этот момент он размышлял о разделе сфер влияния в Югославии?..

Сталин пригласил меня на свою дачу на ужин. Официантка в белом переднике внесла различные блюда в закрытой посуде и поставила их на стол, так что каждый обслуживал себя сам. Здесь до глубокой ночи произносились различные тосты. Я не привык к крепким напиткам, и для меня это было мучением. В какой-то момент я вышел на улицу, так как мне стало плохо. Я вслух ругал себя сам за то, что пил, и вдруг слышу сзади голос Берия: „Ничего, ничего, бывает…“»[215].

28 сентября ТАСС сообщило, что «несколько дней назад» советское командование обратилось к Национальному комитету освобождения Югославии и Верховному штабу НОАЮ и партизанских отрядов Югославии «с просьбой дать согласие на временное вхождение советских войск на югославскую территорию, которая граничит с Венгрией. Национальный комитет и Верховный штаб Югославии согласились удовлетворить просьбу советского командования». Почти ничего из этого сообщения не соответствовало действительности: «советское командование» не обращалось к НКОЮ, а НКОЮ тогда понятия не имел об этой «просьбе». И далеко не все члены НКОЮ и Верховного штаба знали, что Тито ведет переговоры в Москве. Наконец, Красная армия вошла на территорию Югославии не со стороны Венгрии, а со стороны Румынии и Болгарии.

Последние дни перед приходом Красной армии на югославскую территорию Тито провел в Крайове, в штабе командующего 3-м Украинским фронтом маршала Федора Толбухина. Здесь они дорабатывали план Белградской операции.

Тито в это время часто беседовал с начальником штаба советской военной миссии в Югославии полковником Ильей Стариновым. Он приглашал его в гости в свой особняк. «Этот особняк, — вспоминал Старинов, — охранялся сотрудниками так называемой „десятки“ — той, которая охраняла Сталина и его соратников. Позднее, когда Тито узнал об этом, он был явно озадачен. Я видел, как Тито тяготился приставленным к нему подразделением чекистов под начальством заместителя начальника охраны Сталина».

Наедине, по словам Старинова, Тито вел себя просто и не давал почувствовать разницы в званиях. «Как-то в одной нашей беседе, — писал Старинов, — Тито высказался отрицательно о деятельности руководства румынской и венгерской компартий. Резкость его поразила меня. „Нельзя руководить борьбой, сидя в Москве. Победу на блюдечке не получишь. Надо было организовать базы в горах и оттуда направлять всю деятельность. Такие горы есть и в Болгарии, и в Румынии, и в Чехословакии…“ Что меня поражало в Тито — это знание обстановки в тылу противника. Мне приходилось присутствовать, когда ему докладывали о военных действиях. Он задавал вопросы или давал указания так, словно сам был там недавно»[216]. А вот обо всем, что касалось советских партизан, Тито говорил с восхищением. Он считал, что необходимо глубоко изучать и всесторонне применять советский опыт партизанской войны.

В ночь на 29 сентября 1944 года войска 3-го Украинского фронта перешли границу Болгарии с Югославией и вступили на

югославскую территорию.

Четники Дражи Михайловича в Сербии вели бои против партизан, но вместе с тем спасали сбитых американских пилотов. Как военная сила они потеряли свое значение. Многие четники сбривали бороды и присоединялись к партизанам. Особенно быстро этот процесс пошел после того, как король Петр, которому тогда как раз исполнился 21 год, выступил 12 сентября по радио из Лондона, призвав четников переходить под военное командование Тито. Это было следствием заключенного соглашения между Тито и Шубашичем, да и к тому же короля к этому подталкивал Черчилль.

Четники не оказывали сопротивления Красной армии, считая ее своим союзником в борьбе против немцев. Михайлович даже попытался вступить с советскими представителями в переговоры о сотрудничестве, однако официально его предложение было отвергнуто. Хотя были случаи, когда отдельные советские командиры сотрудничали с командирами отрядов четников, вызывая тем самым недовольство у партизан.

Осенью 1944 года основные силы Михайловича начали отступление из Сербии в Боснию. Туда же перебазировался и штаб Михайловича.

До самой смерти маршала между Белградом и Москвой продолжалась полемика о том, кто сыграл решающую роль в освобождении страны от оккупантов. Югославы не умаляли заслуг Красной армии, но считали, что решающая роль в изгнании немцев принадлежит НОАЮ. В Москве же утверждали, что без Красной армии победа Тито была бы невозможна.

В этом споре цифры о количестве солдат и офицеров Красной армии, воевавших в Югославии в течение нескольких месяцев, свидетельствовали не в пользу Тито. В освобождении Югославии участвовало более четырехсот тысяч советских солдат и офицеров. Получалось, что только в операциях на территории Сербии, Воеводины и северных районов Хорватии было задействовано больше советских военнослужащих, чем было к тому времени во всей НОАЮ (она насчитывала тогда 250–300 тысяч человек).

Черчилль считал, что приход русских на Балканы может иметь самые серьезные последствия для Центральной и Южной Европы. Он предлагал провести новую встречу «большой тройки», чтобы разграничить сферы влияния на Балканах. Рузвельт с этой идеей согласился и предложил провести встречу в конце года на Сицилии. Однако Черчилль ждать не хотел и 27 сентября отправился в Москву для переговоров со Сталиным. Рузвельт был не в восторге от решения Черчилля и дал понять, что не считает,

что британский премьер может выступать в Москве от имени президента США.

Черчилль вспоминал, что в Москве их встретили «исключительно сердечно». Первая встреча со Сталиным состоялась вечером 9 октября 1944 года. Черчилль сказал: «Давайте урегулируем наши отношения на Балканах. Ваши армии находятся в Румынии и в Болгарии. У нас есть там интересы, миссии и агенты. Не будем ссориться из-за пустяков. Что касается Англии и России, согласны ли вы на то, чтобы занимать преобладающее положение на 90 процентов в Румынии, чтобы мы занимали также преобладающее положение на 90 процентов в Греции и пополам — в Югославии?» Пока переводчик переводил его слова Сталину, Черчилль взял лист бумаги и написал:

«Румыния
Россия — 90 процентов
Другие — 10 процентов
Греция
Великобритания (в согласии с США) — 90 процентов
Россия — 10 процентов
Югославия — 50:50 процентов
Венгрия — 50:50 процентов
Болгария
Россия — 75 процентов
Другие — 25 процентов».

Черчилль передал эту бумагу Сталину. Сталин взял синий карандаш и, поставив на листе большую «птичку», вернул его Черчиллю. Затем наступило длительное молчание. Наконец Черчилль сказал: «Не покажется ли несколько циничным, что мы решили эти вопросы, имеющие жизненно важное значение для миллионов людей, как бы экспромтом? Давайте сожжем эту бумажку». — «Нет, оставьте ее себе», — ответил Сталин[217]. Об этой договоренности Тито стало известно гораздо позже. Впрочем, Кардель и Джилас считали, что договоренность Сталина с Черчиллем была скорее дипломатическим маневром, и не усматривали в ней ничего неприятного для себя[218].

Тито высказывал пожелание, чтобы югославские части первыми вошли в Белград, и Сталин согласился. Бои за Белград начались 14 октября и продолжались неделю. 20 октября командир Первого Пролетарского корпуса НОАЮ генерал-лейтенант Пеко Дапчевич и командир 4-го гвардейского механизированного корпуса Красной армии генерал-лейтенант танковых войск Владимир Жданов доложили командованию, что Белград освобожден.

ВЛАСТЬ

«Мы не будем разменной монетой»

16 октября 1944 года Тито переехал из Крайовы на югославскую территорию — в город Вршац. Он хотел как можно скорее оказаться в только что освобожденной столице Югославии, однако его уговаривали подождать. Член Верховного штаба Сретен Жуйович писал Тито: «В Белград мы прибыли 23-го утром… В городе нет света и воды. Их дадут через три дня. Поэтому желательно подождать с приездом»[219].

К тому же ехать было опасно: 23 октября при переправе через Дунай подорвался на мине катер, на котором находился член политбюро ЦК КПЮ и член Верховного штаба Иван Милютинович. Так что Тито выехал в Белград только 25 октября.

До Дуная он добирался на автомобиле, а переправлялся через реку на советском военном катере. На белградском берегу его встретил командующий Первым Пролетарским корпусом НОАЮ генерал-лейтенант Пеко Дапчевич. Они отправились в один из самых престижных районов Белграда — Дединье, чтобы подобрать резиденцию для маршала.

Тито осмотрел дворцы и виллы в Дединье, где раньше жили самые богатые и знатные люди Югославии, и приказал привести их в порядок для нужд новой власти. Белый дворец принца-регента Павла понравился ему больше других зданий. Понравились ему и так называемый Старый дворец короля Александра, и двухэтажная вилла на Румынской улице, 15. До войны она принадлежала сербскому миллионеру Ацевичу, а во время оккупации в ней проживал немецкий губернатор по экономическим вопросам Нойхаузен.

По распоряжению Тито Белый дворец решили превратить в государственную резиденцию главы новой Югославии, Старый дворец — в место приемов для лидеров зарубежных стран. На вилле на Румынской улице поселился сам маршал.

31 декабря 1944 года Тито устроил во дворце большой прием для своих соратников. В этот день он получил по почте анонимное письмо, которое сильно испортило ему настроение. «Счастливого Нового года в чужом доме!» — говорилось в нем[220], «Тито же коммунист, а не король, почему же он живет во дворце?» — недоуменно спрашивали недавние партизаны. Но Тито не жил во дворце, хотя проводил там большую часть своего рабочего дня.

Вскоре он окончательно переехал на виллу на Румынской улице, которую переименовали в Ужицкую — в честь партизанской Ужицкой республики, — а в Белый дворец ходил на работу.

После освобождения Белграда Тито принял человека, который в последующие 17 лет будет в буквальном смысле его тенью. О партизанских подвигах 27-летнего командира 13-й Пролетарской бригады Первого Пролетарского корпуса и коменданта недавно освобожденного города Земун Милана Жежеля он слышал от своих соратников. Пригласив его к себе, Тито поручил ему сформировать гвардейскую дивизию, которая должна обеспечить безопасность руководителей «народной власти»[221]. Вскоре Жежель станет и начальником личной охраны Тито.

28 октября 1944 года Тито провел смотр войск Первого Пролетарского корпуса. Именно тогда он произнес слова, которые потом ему еще вспомнят: «Мы предупреждаем всех тех, кто занимается различными спекуляциями либо в нашей стране, либо за ее пределами, что они жестоко ошибаются, если думают, что те плоды, за которые мы пролили столько крови, будут для нас потеряны… Мы больше не будем детским мячиком или разменной монетой! Мы в этой борьбе заслужили право равноправно, вместе с союзниками, участвовать и в этой войне, и в строительстве новой Европы, а не только Югославии»[222].

Вся первая неделя после освобождения Белграда прошла в напряженных переговорах с Шубашичем. Соглашение между ними было подписано 1 ноября.

По соглашению Тито и Шубашича из НКОЮ и сторонников короля создавалось единое правительство. АВНОЮ по-прежнему оставалось высшим законодательным органом страны — до созыва Учредительной скупщины, которая должна была принять решение о государственном устройстве Югославии. До этого момента королю запрещалось возвращаться в страну. На освобожденных территориях разрешалось функционирование некоммунистических партий, которые не запятнали себя сотрудничеством с врагом.

Сталин одобрил это соглашение. 24–25 ноября он встречался с прибывшими в Москву Карделем и Шубашичем. Кардель в своих мемуарах утверждал, что в Москву должен был ехать сам Тито, однако в самый последний момент он вдруг передумал и направил в советскую столицу его, своего заместителя по НКОЮ. По одной из версий, это было связано с первой серьезной размолвкой, которая произошла между Тито и Сталиным в конце октября 1944 года[223].

Речь шла о «недостойном поведении» отдельных советских солдат и офицеров в Югославии. Во время нахождения Красной армии на ее территории были отмечены случаи грабежа, изнасилований и прочих правонарушений. Известный советский поэт Борис Слуцкий, служивший осенью 1944-го офицером политотдела 57-й армии, освобождавшей Югославию, вспоминал: однажды председатель Сербского крайкома КПЮ Благое Нешкович говорил о жалобах югославов на отдельные поступки представителей Красной армии, но потом улыбнулся и добавил: «Что говорить о пустяках?! НАША Красная Армия пришла в Белград!»[224]

Но, с другой стороны, Джилас отмечал, что «югославские коммунисты представляли Красную Армию идеальной», поэтому эти инциденты произвели на них очень тяжелое впечатление. То же самое можно сказать и о простых сербах, встречавших русских с цветами и неподдельной радостью. Тито, пригласив к себе главу советской военной миссии генерала Корнеева, «изложил ему проблему в весьма вежливой и смягченной форме». Однако Корнеев стал протестовать против «клеветы на Советскую армию». Присутствовавший на встрече Джилас объяснил, что такие случаи могут быть использованы врагами, которые сравнивают поведение красноармейцев и английских офицеров. В ответ на это Корнеев, по словам Джиласа, заявил, что решительно протестует против «оскорбления Красной Армии, наносимого путем ее сравнения с армиями капиталистических стран»[225]. Поскольку встреча с Корнеевым закончилась безрезультатно, 29 октября 1944 года Тито обратился с письмом прямо к Сталину, обозначив несколько тем, которые его особенно беспокоили: советские военные нарушают «Ваши приказы и забирают себе трофейное имущество, а не оставляют его югославам; вмешиваются во внутриполитические вопросы Югославии, они занимают заводы и фабрики, откуда вывозят станки и оборудование». Тито просил Сталина разобраться в этих проблемах[226].

Ответ Сталина пришел через два дня. Он резко указал на то, что никаких его приказов о передаче югославам трофейного имущества не было и что трофеи принадлежат той армии, которая их захватила. «Но меня поражает тот факт, — писал Сталин, — что отдельные инциденты и проступки отдельных офицеров и солдат Красной Армии у вас обобщаются и распространяются на всю Красную Армию… Нетрудно понять, что в семье не без урода, но было бы странно оскорблять всю семью из-за одного урода. Если бы красноармейцы узнали, как товарищ Джилас и те, кто не дал ему отпора, считают, что английские офицеры в моральном отношении выше советских офицеров, они

бы ахнули от такого незаслуженного оскорбления». Далее Сталин так же сухо сообщал о помощи, которая будет в ближайшее время оказана югославам, — грузовики, 50 тысяч тонн пшеницы, вооружение[227].

Это письмо оставило у Тито неприятный осадок. Вполне возможно, что в такой ситуации он действительно решил лишний раз не появляться у Сталина.

Во время переговоров с Карделем и Шубашичем в Москве Сталин несколько раз вспоминал о «случаях клеветы» на Красную армию. «Вождь народов» резко отзывался и о внутренней политике Тито, полагая, что в вопросе о судьбе короля можно было бы действовать более гибко и считаться с «единством антигитлеровской коалиции». Когда Кардель сказал, что в рядах НОАЮ состоит 300 тысяч человек, Сталин раздраженно махнул рукой: «Каких там триста тысяч? Знаю я эти ваши партизанские цифры… Кроме того, ваши партизаны слабо сражаются. Не нюхали они пороху. Посмотрите на болгар — вот это армия!»[228]

У Карделя сложилось впечатление, что он говорил это с расчетом на то, чтобы Шубашич передал этот разговор Черчиллю. Когда Шубашича не было, тон вождя резко менялся. Он спрашивал о здоровье Тито и довольно мягко советовал разрешить королю вернуться в страну, а затем уже разобраться с ним. Замечания Сталина Тито учел.

На Ялтинской конференции (4–11 февраля 1945 года) Сталин, Рузвельт и Черчилль окончательно договорились по югославскому вопросу. Правда, Черчилль во время дискуссии назвал Тито диктатором, на что Сталин возразил: «Тито вовсе не диктатор». 7 марта 1945 года на основе рекомендаций Ялтинской конференции Тито сформировал правительство Демократической Федеративной Югославии (ДФЮ). Он стал председателем Совета министров и министром обороны. Министром иностранных дел был назначен Шубашич, а заместителем Тито — лидер демократической партии и представитель эмигрантского правительства Милан Грол. Другим заместителем Тито стал Кардель. В целом же сторонники короля получили в правительстве только три места из почти тридцати. Правительство ДФЮ было официально признано всеми участниками антигитлеровской коалиции.

Но вскоре после формирования правительства у Тито возникли новые трения со Сталиным. Сталин был недоволен тем, что в состав кабинета без согласования с Москвой был включен Милан Грол. Кроме того, он раскритиковал принятую правительством ДФЮ декларацию — в частности, за «недооценку должной роли Советского Союза» в войне.

15 марта Тито собрал заседание политбюро ЦК КПЮ, на котором критика со стороны Сталина была признана справедливой. В ответном письме Сталину политбюро давало обещание впредь советоваться с советским правительством по всем конкретным вопросам.

В конце марта Сталин пригласил Тито лично посетить Москву. Югославская делегация отправилась с визитом в советскую столицу 5 апреля. В нее входили глава МИДа Шубашич, министр по делам Черногории Джилас и другие. Это был первый зарубежный визит Тито в качестве главы правительства. В Москве же его встречали по самому высшему разряду и с такими же почестями, которые оказывали Черчиллю или де Голлю.

О закулисной стороне этого визита известно, прежде всего, со слов Джиласа, описавшего его в своей книге «Беседы со Сталиным». На следующий день после прибытия югославов в Москву Тито принял Сталин, а Молотов провел переговоры с Шубашичем. 11 апреля Тито и Молотов подписали советско-югославский Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве. Сталин устроил в честь Тито официальный обед в Кремле. Все собравшиеся обращались друг к другу официально — «господин». Обстановку разрядил Сталин. Он встал, поднял бокал и, обратившись к Тито, назвал его «товарищем», добавив, что не хочет называть его «гос-полином». За столом сразу же стало веселее. Заулыбался даже Шубашич, хотя, по мнению Джиласа, «трудно было поверить, что он делал это искренне»[229].

На следующий день Шубашич отбыл из Москвы в Сан-Франциско на первую сессию ООН, а Тито еще оставался в СССР. Сталин в это время дважды приглашал его к себе на дачу ужинать. На этих ужинах были только коммунисты и там не было необходимости прибегать к протокольным условностям.

«В отношениях между Сталиным и Тито было что-то особое, недосказанное — как будто между ними существовали какие-то взаимные обиды, но ни один, ни другой по каким-то своим причинам их не высказывал, — отмечал Джилас. — Сталин следил за тем, чтобы никак не обидеть лично Тито, но одновременно мимоходом придирался к положению в Югославии. Тито же относился к Сталину с уважением, как к старшему, но чувствовалось, что он дает отпор, в особенности сталинским упрекам по поводу положения в Югославии».

Когда, например, Джилас заметил, что в Югославии существует власть по советскому образцу, Сталин возразил, что это — не советская власть, а что-то среднее между де Голлем и

Советским Союзом. Потом Сталин начал поддразнивать Тито, плохо отзываясь о югославской армии и хорошо — о болгарской. Тито, с трудом сдерживаясь, заверил его, что югославская армия быстро избавится от своих недостатков.

Но больше всего Сталин придирался к Джиласу — он все еще помнил его слова о Красной армии. Кстати, Джилас за это извинился. «Вы, конечно, читали Достоевского? — перебил его Сталин. — Вы видели, какая сложная вещь человеческая душа, человеческая психология? Представьте себе человека, который проходит с боями от Сталинграда до Белграда — тысячи километров по своей опустошенной земле, видя гибель товарищей и самых близких людей! Разве такой человек может реагировать нормально? И что страшного, если он пошалит с женщиной после таких ужасов? Вы Красную Армию представляли идеальной. А она не идеальная и не была бы идеальной, даже если бы в ней не было определенного процента уголовных элементов — мы открыли тюрьмы и всех взяли в армию… Воина надо понимать. И Красная Армия не идеальна. Важно, чтобы она била немцев — а она их бьет хорошо, — все остальное второстепенно».

В тот вечер, вспоминал Джилас, все много ели, пили, поднимались бесконечные тосты. Когда югославы возвращались с ужина, Тито, тоже не переносивший большого количества алкоголя, заметил: «Не знаю, что за черт с этими русскими, что они так пьют — прямо какое-то разложение!»[230]

Тито находился в СССР до 20 апреля. Однако итоги своего визита он фактически подвел в интервью газете «Красная звезда», которое было опубликовано 15 апреля. «Я беседовал с маршалом Сталиным, — сказал он. — Простой и спокойный человек, великий полководец и государственный деятель, он с большим вниманием отнесся к нуждам нашей страны»[231]. Именно во время этого визита в Москву Тито подарили новый перстень, который он носил уже до конца жизни.

По возвращении в Белград Тито с радостью увидел среди встречающих своего пятилетнего сына от Герты Хаас Александра — Мишо. Он видел его первый раз в жизни. Все эти годы Мишо прятали от усташей и немцев, потом перевезли на освобожденную территорию, где его воспитывали соратники и друзья маршала. Большую заботу о нем проявил Иван Стево Краячич. Ныне Краячич был начальником государственной службы безопасности ОЗНА (Отдел по защите народа) по Хорватии, впереди его ожидала хорошая карьера, а главное, неизменная признательность и благодарность Тито за то, что он сделал для его сына. Однако только после окончания войны Мишо был

официально зарегистрирован под фамилией Броз.

Тем временем война подходила к концу. Советские войска готовились к штурму Берлина. В Югославии, когда Тито был еще в Москве, началось наступление на Сремском фронте, где кровавые и тяжелейшие бои длились с осени 1944 года. Сремский фронт считается одной из самых трагических страниц народно-освободительной войны в Югославии.

Фронт был открыт после освобождения Белграда и проходил примерно по западным границам Сербии. Для немцев удержать свои позиции на данном участке было очень важно — это позволяло им перебросить свои войска из Греции, Македонии и Косова на север, в том числе и в Германию. Тяжелые бои длились до 12 апреля, когда югославская армия начала наступление. Через день фронт был прорван на всю глубину и для югославов открылась дорога к Загребу и Словении.

Потери югославов на Сремском фронте до сих пор точно не установлены. По официальным данным, за 175 дней боев погибли 13 тысяч бойцов НОАЮ, 1100 бойцов Красной армии, участвовавших в боях осенью 1944 года, 623 бойца болгарской Народной армии. Однако есть и другие цифры: 30–40 тысяч погибших. Для пополнения частей Сремского фронта в Сербии проводилось несколько мобилизаций. Критики Тито говорят, что тогда был уничтожен весь цвет сербской романтически настроенной молодежи и что такой массовый героизм был попросту бессмыслен, поскольку судьба немцев на Балканах уже была решена. Бои на Сремском фронте якобы рассматривались Тито и его соратниками как возможность доказать свою состоятельность как военных руководителей и право Югославии на плоды победы наравне с другими союзниками. Но после прорыва Сремского фронта стало ясно: немцы в Югославии долго не продержатся. В начале мая были освобождены Босния, Хорватия и Словения, 8 мая югославские войска вступили в Загреб.

В конце апреля из Загреба решил бежать «поглавник» Анте Павелич. 30 апреля он отправил из Загреба специальный поезд, в котором находилось 48 ящиков золота, а также ящики с различными ценностями и редкими коллекциями марок. 5 мая Павелич бежал из Загреба с последними немецкими частями и нашел убежище в Австрии[232]. 15 мая были уничтожены последние немецкие группировки в Словении и Каринтии. Этот день отмечался в социалистической Югославии как День победы.

1–2 мая югославские войска освободили полуостров Истрия и заняли город Триест. К Триесту также прорывались части англо-американских войск. Еще в феврале 1945 года Тито и

главнокомандующий силами союзников на Средиземноморье фельдмаршал Александер договорились, что одна часть Истрии должна перейти под югославское военное и гражданское управление, а другая — включая сам Триест и города Горица и Пула, — под западное военное управление с югославской гражданской властью. Тито не был уверен, что югославские войска займут этот район раньше западных союзников[233]. Однако англичане и американцы опоздали.

От Тито теперь требовали выполнить февральское соглашение, а югославы стремились сохранить Триест и всю область. Ситуация обострялась. Триестский кризис угрожал привести к большому военному столкновению недавних союзников.

Сталин потребовал от Черчилля и Трумэна учесть «законные претензии Югославии» в зоне Триеста, а Тито посоветовал искать компромисс. Однако в самый разгар кризиса, 27 мая, Тито выступил с большой речью в Любляне. То, что он сказал в этой речи, в Москве расценили как недружественный выпад против Советского Союза.

«Нам хотят навязать мнение, что мы ставим союзников перед свершившимся фактом, — говорил Тито. — Я решительно отрицаю… от имени всех народов Югославии, что мы намерены что-либо захватить силой… Но мы решительно требуем справедливого завершения (войны. — *Е. М.),* мы требуем, чтобы каждый у себя был хозяином; мы не будем платить по чужим счетам, мы не будем разменной монетой, мы не хотим, чтобы нас вмешивали в политику сфер интересов… Нынешняя Югославия не будет предметом сделок и торгов».

Его выступление произвело крайне отрицательное впечатление на Сталина. «Скажите товарищу Тито, что если он еще раз сделает подобный выпад против Советского Союза, то мы вынуждены будем ответить ему критикой в печати и дезавуировать его», — написал он советскому послу в Белграде[234].

Тито принял критику, а споры вокруг Триеста между тем продолжались.

В начале июня югославы информировали Москву, что в районе спорной зоны западные союзники сконцентрировали около пятисот танков. Сталин не хотел идти на прямую конфронтацию с Западом и еще раз посоветовал Тито найти компромисс. И Белград вынужден был отступить. 9 июня в Белграде министр иностранных дел Югославии Шубашич и послы Англии и США подписали соглашение о временном управлении Триестом. Зона вокруг города была разделена временной

демаркационной линией, она делила Юлийскую Крайну на зону «А» (в нее входил и сам Триест), оккупированную англо-американскими войсками, и зону «Б», контролируемую вооруженными силами Югославии.

По сути, Триестинский кризис закончился крупным дипломатическим поражением Тито. Еще несколько лет обсуждался статус этого города, и все это время Триест был тем местом, в котором начинающаяся «холодная война» вполне могла превратиться в «горячую».

Не удалось югославам получить и австрийские провинции Штирия и Каринтия, населенные преимущественно словенцами. Западные страны упрямо стояли на том, что они должны остаться за Австрией, и Сталин предпочел лишний раз не раздражать союзников. Вместе с тем к Югославии при поддержке СССР отошли от Италии полуостров Истрия, город Зара (Задар) с прилегающими островами, город Фиуме (Риека), остров Пелагоза в Адриатическом море с прилегающими островами, а также основная часть Юлийской Крайны за исключением Триеста. Кроме того, ей была передана вся Воеводина (пограничная с Венгрией область), а также Косово. Югославия смогла удержать северные части исторической Македонии.

Трения, которые в это время возникали между Сталиным и Тито, не оказывали пока что большого влияния на общее состояние советско-югославских отношений. 29 июня 1945 года, поздравляя Сталина с присвоением ему звания генералиссимуса, Тито писал: «Народы Югославии никогда не забудут проявленной Вами отеческой заботы и оказанной благотворной помощи в наиболее трудное время борьбы за свободу своего отечества»[235].

О доверительности отношений между Москвой и Белградом говорит хотя бы тот факт, что Сталин поддержал инициативу Берии и наркома госбезопасности Меркулова направить в Югославию тридцать сотрудников 6-го управления НКГБ СССР во главе с заместителем начальника этого управления, комиссаром госбезопасности Шадриным для усиления охраны Тито[236].

9 сентября Тито был награжден высшей советской военной наградой — орденом «Победа». Советские газеты опубликовали его большие фотографии с подписью «Маршал Югославии Иосип Броз Тито» и указ Президиума Верховного Совета СССР, в котором сообщалось, что Тито награждается «за выдающиеся успехи в проведении боевых операций большого масштаба, способствовавших достижению победы Объединенных наций над гитлеровской Германией»[237]. Тито получил орден «Победа» под номером 19.

29 сентября орден торжественно вручили Тито в советском

посольстве в Белграде. Из всех своих наград Тито особо ценил именно эту и демонстративно носил орден даже тогда, когда в советских газетах его называли «кровавым палачом» и «бандитом».

Признание и месть

Но пока подобные обвинения в адрес Тито раздавались с Запада. Именно там впервые стали помещать газетные карикатуры, на которых югославский маршал был подозрительно похож на Геринга. Газеты писали, что армия Тито угрожает Австрии, Италии и Греции, а внутри страны царят террор и репрессии.

Сталин брал своего союзника под защиту. 21 июня 1945 года в послании Черчиллю он, например, писал: «Никак нельзя согласиться с тем, что фельдмаршал Александер в официальном публичном обращении допускал сравнение маршала Тито с Гитлером и Муссолини. Такое сравнение несправедливо и унизительно для Югославии».

Оппозиция Тито внутри страны обвиняла его в узурпации власти, угрожая вызвать правительственный кризис[238]. Однако реакция Москвы смешала ее карты. Сталин не раз заявлял союзникам, что советская сторона не располагает сведениями о нарушении Тито соглашения с Шубашичем и что оно, по его мнению, «выполняется маршалом Тито полностью и целиком».

Оппозицию Тито представляли демократическая партия Милана Грола, Хорватская крестьянская партия Ивана Шубашича и несколько других группировок. Шансов на успех у них было крайне мало. Во-первых, оппозиция работала в условиях изоляции и сильного давления со стороны новых, революционных властей. А во-вторых, Тито и недавние партизаны действительно пользовались популярностью. Эту популярность всячески подогревала пропаганда.

В распоряжении Тито было немало инструментов, с помощью которых можно было «смести с дороги» противников. Главным из них являлась служба государственной безопасности ОЗНА, созданная 13 мая 1944 года. Во главе ОЗНА стоял его ближайший соратник, член политбюро ЦК КПЮ Александр Ранкович. К сотрудничеству с госбезопасностью в обязательном порядке должны были привлекаться, например, дворники, сторожа, швейцары, управдомы — то есть все те, кто мог непосредственно контролировать граждан и их посетителей в любое время[239].

Сотрудники ОЗНА имели практически неограниченные полномочия. В ответ на жалобы и возмущения тех граждан,

которые были недовольны их действиями, Тито, выступая 7 июля 1945 года в городе Младеновац, заметил: «В Югославии существуют небольшие группы лиц, да и за границей тоже есть подобные критики, которые считают, что ОЗНА следует распустить… Что же, я помню, что было время, когда и я очень хотел, чтобы распустили жандармерию… Если ОЗНА наводит страх, который до костей пробирает тех, кто не любит новую Югославию, то делает это для пользы народа»[240].

В марте 1946 года ОЗНА был переименован в Управление государственной безопасности (УДБ) и переведен в структуру министерства внутренних дел. Управление по-прежнему возглавлял Ранкович. Еще одной мощной спецслужбой Тито была контрразведка югославской армии (КОС), тоже образованная в марте 1946 года. Кроме того, к марту 1946 года в стране насчитывалось 30 тысяч сотрудников народной милиции[241].

Одной из главных задач, стоявших перед спецслужбами, был окончательный разгром оставшихся вооруженных отрядов противников Тито. Во время войны погибло, по официальным данным, 305 тысяч бойцов НОАЮ[242]. Многие из партизан и коммунистов погибали не только от рук немцев или итальянцев, но и от усташей, четников, мусульманских или албанских националистов. Когда в 1942 году итальянцы приговорили захваченного ими генерального секретаря компартии Хорватии Раде Кончара к смертной казни, он заявил: «Я не ищу у вас пощады. Но и мы не будем щадить вас». Теперь его слова сбывались.

Тито еще 21 ноября 1944 года пообещал амнистию всем противникам, если они добровольно сложат оружие до 15 января 1945 года и если за ними нет военных преступлений.

14 мая 1945 года он направил приказ Главному штабу армии в Словении: «Требую принять самые энергичные меры для того, чтобы любой ценой предотвратить убийства военнопленных и всех арестованных нашими военными частями, организациями или отдельными лицами»[243].

Неслучайно этот приказ был направлен Тито именно в Словению. Югославская армия в некоторых местах перешла австрийскую границу, а в Австрии скопилось около двухсот тысяч югославских беженцев из числа «врагов народа». Они находились на территории, занятой британскими войсками. Опасаясь дальнейшего наступления партизан в Австрии и осложнения ситуации в районе Триеста, англичане выдали Тито его врагов.

24–29 мая югославам передали около 23 тысяч человек. То, что произошло с ними потом, является одной из самых мрачных и пока не до конца изученных страниц в истории титовской

Югославии. Несколько тысяч выданных британцами противников Тито были расстреляны в лесах вблизи словенского городка Кочевье. Роль самого Тито в этих событиях до конца еще не ясна. Один из организаторов операции майор Сима Дубайич в 1990 году рассказал белградскому журналу «Дуга», что к нему пришли руководители словенского ОЗНА и передали приказ о расстреле. Журналисты спросили его: считает ли он, что Тито знал об этом приказе. Он ответил: «Конечно. Никто не мог принять такого решения, кроме Тито»[244].

Известно, что в мае 1945 года в Австрию перешли глава НГХ Анте Павелич, министр внутренних дел НГХ, «хорватский Гиммлер» Андрия Артукович, комендант концлагеря Ясеновац Макс Люборич и другие люди, которые числились в списках военных преступников и приметы которых были хорошо известны англичанам. Однако они как в воду канули, а потом вдруг возникли в Аргентине, Испании, США и других странах, где вели вполне спокойную жизнь. Павелич умер в Мадриде в 1959 году, будучи заочно приговорен в Югославии к смертной казни. Артуковича власти США выдали югославам только в 1986 году — уже после смерти Тито. Он умер в тюремном госпитале.

Некоторые из видных коллаборационистов все же оказались в руках Тито. Самой крупной фигурой из них был Милан Недич, укрывшийся осенью 1944 года в Австрии, но выданный англичанами под давлением югославов 1 января 1946 года. Правда, его дело не удалось довести до суда — 5 февраля во время допроса Недич выбросился из окна и разбился насмерть.

Некоторые антититовские формирования все еще продолжали вооруженное сопротивление. Борьба с отрядами националистов в Косове продолжалась, к примеру, до конца 1946 года[245].

Еще одной проблемой для нового режима оставались четники Дражи Михайловича. После вступления на территорию Сербии Красной армии руководство «Королевской армии в Отечестве» отдало приказ не вступать с ней в столкновения — четники заявили, что считают советские войска «союзниками» по борьбе с оккупантами. «Да здравствует СССР! Да здравствует король!» — говорилось в листовках, которые они распространяли осенью 1944 года[246]. Однако советская сторона считала Михайловича коллаборационистом — часто его представителей арестовывали или разоружали.

Основные силы четников были окончательно разгромлены в боях с НОАЮ 12–13 мая 1945 года в юго-восточной части Боснии у горы Зеленгора. Взятые в плен четники были в основном расстреляны в течение следующей недели. По некоторым

данным, число погибших у Зеленгоры и расстрелянных после взятия в плен четников составило 9300 человек. Однако к концу 1945 года, по оценкам ОЗНА, в Сербии все еще действовали около 1200 «вооруженных мятежников». Руководителям госбезопасности пришлось признать, что свое обещание полностью уничтожить четников к началу 1946 года выполнить не удалось. Не удавалось пока схватить и самого Дражу Михайловича[247].

5–7 августа в Белграде прошел конгресс Народно-освободительного фронта Югославии (НОФ). Помимо КПЮ в него вошли и другие партии — Независимая демократическая партия, Союз землепашцев, Народная крестьянская партия, Югославская республиканская партия, Народная радикальная партия и другие. Все они предпочли признать ведущую роль коммунистов и согласились работать под их руководством. Тито выступил с большой речью, а потом отвечал на вопросы делегатов. Его спросили — какой форме правления быть в Югославии в будущем — монархической или республиканской? Тито решительно высказался за республику. Но окончательное решение по этому вопросу должна была принять Учредительная скупщина, выборы в которую назначались на 11 ноября.

Тито публично пообещал, что выборы будут «самыми демократическими» в истории Югославии. Выступая по радио Белграда 12 сентября, он сказал, что в них не будут участвовать только «предатели своей родины» и «прислужники оккупантов», которых, по его словам, «к счастью, очень мало»[248].

Мало или много — это смотря как считать. По официальным югославским данным, более трехсот тысяч человек к концу войны эмигрировали из страны, а с оккупантами и их пособниками сотрудничали около двухсот тысяч[249]. На основе новых революционных законов из избирательных списков были вычеркнуты 194 158 человек. По другим данным, только в Сербии из списков были вычеркнуты 1 миллион 852 тысячи, в Хорватии — 401 501, в Боснии и Герцеговине — 168 741, Словении — 159 512, Македонии — 45 278, Черногории —13 656 человек[250].

Советник американского посольства в Белграде Гарольд Шанц записал в своем дневнике: «В стране господствует всеобщий страх. Он заметен везде, и в частной, и в общественной жизни. В городах режим использует комитеты и шпионов, которые у него есть в каждом квартале и в каждом доме… Хуже всего, когда слышишь, как люди, которые боролись против немецкой военной машины во время расцвета ее могущества, теперь высказываются в том духе, что „Гитлер, все-таки, может быть, был прав“, и, сравнивая ОЗНА с гестапо, говорят, что гестапо было еще приличным учреждением»[251].

Казалось бы, Тито можно было не беспокоиться за результаты выборов. Однако он отнесся к предвыборной кампании очень серьезно — как будто ему противостояли равные по силам соперники. Тито ездил по стране, раздавал предвыборные обещания и такие же предвыборные подарки. Так, например, он послал от своего имени в Боснийскую Крайну 50 вагонов с продовольствием, посудой и «мануфактурой». Ведущие газеты страны тут же восторженно отозвались об этом поступке маршала[252].

Заместитель Тито в правительстве и лидер демократов Милан Грол пробовал вести против коммунистов агитацию в своей газете «Демократия», однако все закончилось тем, что профсоюзы отказались ее печатать. Помещения газеты в нескольких городах попросту сожгли. 18 августа в знак протеста против «нарушения Тито соглашения о временном правительстве», а также «принципов демократии и свободы слова» Грол подал в отставку[253].

8 октября 1945 года в отставку подал и министр иностранных дел Иван Шубашич. Оппозиция призвала своих сторонников к бойкоту выборов, поскольку, по ее заявлениям, в той обстановке, которая сложилась в Югославии, проведение свободных и демократических выборов было невозможно.

Тито ответил на это проведением грандиозных мероприятий в свою поддержку. Была отпразднована, например, первая годовщина освобождения Белграда. По этому поводу «освободители города» получили подарки от «благодарного населения». Сталину был передан золотой меч работы известного югославского мастера Томы Росандича, ковер с национальным орнаментом, национальная одежда, столик, вырезанный из дуба. Тито же получил собственный бронзовый бюст работы скульптора Сретена Стояновича, серебряную фигуру, которая изображала материнство, и другие подарки[254].

В Белграде прошел военный парад — первый после войны. После парада центр города заполнили толпы празднично одетых людей — на улицы вышло не менее 250 тысяч человек. Играла музыка, многие танцевали народные танцы, слышалась песня «Мы — молодое войско Тито, с нами весь народ идет!».

Между тем 17 октября правительство США обратилось к Москве и Лондону с призывом отложить выборы в Югославии, объясняя это тем, что три державы, как гаранты соглашения Тито — Шубашич, должны добиться заключения нового соглашения, которое бы «восстановило основу для их сотрудничества в объединенном временном правительстве». 21 октября пришел ответ из Москвы: никаких нарушений соглашения советская

сторона не увидела. Тито в тот же день выступил на митинге в Белграде и подтвердил, что выборы пройдут в объявленные сроки.

6 ноября Вашингтон и Лондон снова потребовали от Тито отложить выборы, однако встретили решительный отказ. Югославов снова поддержали в Москве. Англичанам и американцам ничего не оставалось, как смириться со своей неудачей.

Официальные итоги выборов подтвердили полный триумф коммунистов и их сторонников. В них участвовало 88 процентов избирателей. 96 процентов голосов получили кандидаты Народного фронта. Они заняли все места в Учредительной скупщине, причем в ее новом составе 80 процентов депутатов были коммунистами.

Уже 29 ноября по предложению сербской делегации созванная Учредительная скупщина провозгласила Югославию Федеративной Народной Республикой. 1 декабря Тито, выступая на заседании Скупщины, заявил, что «правительство, которое было создано по соглашению между Национальным комитетом освобождения Югославии и королевским правительством в Лондоне, уходит в отставку»[255]. Однако Скупщина отставку не приняла — она выразила правительству Тито полное доверие и наделила полномочиями для дальнейшей работы. Это решение было встречено бурной овацией и криками «Да здравствует Тито!». Овации не смолкали несколько минут.

19 декабря правительство ФНРЮ во главе с Тито признал Советский Союз, 22-го — это с явной неохотой сделали США и Великобритания. Таким образом, Тито теперь де-юре стал официально признанным вождем нового государства.

У него были все причины встречать Новый, 1946 год в хорошем настроении в своей резиденции. После того как ушли иностранные дипломаты, обстановка стала совсем неофициальной. В разгар веселья группа молодых офицеров, в основном черногорцев, подхватила Тито на руки. Сам Тито, смеясь, воскликнул: «Сербы, не уступайте, черногорцы захватывают у вас гегемонию!»[256]

31 января 1946 года Учредительная скупщина единогласно приняла Конституцию Федеративной Народной Республики Югославии. Никто и не думал скрывать, что образцом для нее стала так называемая сталинская Конституция СССР от 1936 года.

Югославия провозглашалась «федеративным народным государством с республиканским строем, союзом равноправных народов». По конституции, в Югославию входило шесть союзных республик, а Сербия в своем составе имела две автономные

области — Воеводину и Косово и Метохию. Статус нации, в отличие от королевской Югославии, теперь предоставлялся македонцам, черногорцам и боснийским мусульманам. Национальным меньшинствам гарантировались права культурного развития и пользования родным языком.

Верховным органом государственной власти объявлялась Народная скупщина. Между ее сессиями роль «коллективного президента» страны выполнял Президиум Народной скупщины во главе с председателем. Исполнительным органом власти провозглашалось правительство ФНРЮ также во главе с председателем[257].

31 января Тито снова объявил, что правительство уходит в отставку, но Скупщина тут же поручила ему сформировать новый кабинет министров. На следующий день она единогласно утвердила его состав. Газеты писали: «Маршал Тито встал с правительственной скамьи и поднялся на трибуну. Появление маршала Тито Народная скупщина встретила бурными овациями. Овации были такими длительными, что товарищ Тито долго не мог начать свое выступление. Несколько раз сквозь бурные аплодисменты пробивался его голос: „Товарищи!“ — но аплодисменты не стихали. Со всех сторон слышалось единодушное: „Да здравствует Тито!“»[258] На следующий день, 2 февраля, Тито также единогласно был избран Верховным главнокомандующим.

В марте — уже в своем новом качестве — Тито отправился в первые зарубежные визиты в Польшу и Чехословакию. Когда он вернулся, его ждала приятная для него новость: наконец-то силы безопасности сумели схватить генерала Михайловича.

Михайлович с небольшой группой соратников скрывался в Восточной Боснии. В сентябре 1945 года он вернулся в Сербию. ОЗНА сумел взять в плен и перевербовать одного из близких к нему офицеров. Затем его вместе с группой сотрудников ОЗНА под видом четников направили к Михайловичу, чтобы выманить того из убежища и убедить перебраться на новое место. Михайлович согласился и во время перехода был арестован[259]. По некоторым данным, операция против Михайловича была разработана по советским рецептам, которые применялись для ликвидации националистического подполья в Западной Украине, и с участием советских советников[260].

Михайловича стали готовить к открытому судебному процессу. Главное обвинение против него состояло в сотрудничестве четников с оккупантами. Во время следствия с ним обращались вполне корректно и содержали в неплохих условиях. Чтобы избежать упреков в национальных

предрассудках, в состав суда включили только сербов.

Суд над Михайловичем начался 10 июня в Доме гвардии, в белградском пригороде Топчидер. Этот суд не был похож на знаменитые московские процессы 1930-х годов. По духу и стилю он больше походил на революционные трибуналы, которые судили английского короля Карла I или французского монарха Людовика XVI[261].

Михайлович давал откровенные показания, так как считал, что скрывать ему нечего и совесть его чиста. Он не признал себя виновным в измене. Его выступление с последним словом продолжалось почти четыре часа. В нем он цитировал слова знаменитого черногорского правителя и поэта Петра II Негоша о «мировом вихре». «Я оказался в водовороте событий и идей, — сказал Михайлович, — но все-таки остался всего лишь солдатом. Я убежден, что шел правильным путем… Судьба была по отношению ко мне немилосердной, когда вдруг бросила меня в этот мировой вихрь… Я во многое верил, многое хотел сделать и многое начал, но этот мировой ураган в итоге уничтожил и меня самого, и мое дело»[262].

Суд отказался принять к сведению показания членов американской миссии при штабе Михайловича, а также пилотов союзной авиации, сбитых над территорией Югославии и спасенных четниками (было спасено около пятисот человек). Из 47 пунктов обвинения Михайлович был признан виновным по восьми. Главное из них состояло в том, что он и «так называемые „четники Дражи Михайловича“ и „Королевская армия в Отечестве“ имели своей целью с помощью вооруженной борьбы и террора в сотрудничестве с оккупантами поддержать оккупацию и подавить вооруженное восстание и освободительную борьбу сербского и других народов Югославии».

15 июля он и еще восемь его сподвижников были приговорены к расстрелу. Адвокаты уговорили Михайловича направить Тито прошение о помиловании. Тито сначала колебался, но потом, не без влияния Джиласа и Ранковича, отказался удовлетворить его. Уже 17 июля Михайлович был расстрелян. Где он похоронен — неизвестно.

Суд и казнь Михайловича вызвали волну резкой критики в адрес Тито на Западе. Особенно негодовали американцы. Летом 1946 года их отношения с Белградом были хуже некуда. Американские военные самолеты часто нарушали югославское воздушное пространство. В августе югославы сбили два американских военных самолета, погибли пять американских летчиков. В США началась невиданная по своим размерам антиюгославская кампания. Американские власти заявили Тито

протест, посольство США в Белграде предупредило о возможности «ответа» с моря и воздуха, газеты призывали сбросить на Югославию атомную бомбу, а во время похорон американских летчиков один из офицеров громко прокричал: «Тито — хайль Гитлер!»[263] В это время Кардель встретился с Молотовым на международной конференции в Париже. Молотов, поздравив его с успехом, посоветовал все же третьего самолета не сбивать[264].

Тито послушался этого совета. А когда американцы пригрозили вынести этот инцидент на обсуждение Совета Безопасности ООН, он принес извинения и согласился заплатить 150 тысяч долларов американскому правительству и семьям погибших летчиков.

Еще одной проблемой для Тито были отношения с Римско-католической церковью в Хорватии. Сразу же после окончания войны он попытался навести мосты между новой властью и католиками. 2 июня 1945 года Тито встретился с представителями католического духовенства и удивил их, заявив, что он тоже католик[265]. Джилас и Агитпроп, который он возглавлял, были в недоумении. На всякий случай в газетах вместо слов «я, как католик» было напечатано «я, как хорват».

На встрече с Тито не было загребского архиепископа Алоизия Степинаца. Он в это время уже две недели сидел в тюрьме. Потом его выпустили, и они с Тито разговаривали по телефону. «Это был мужской разговор», — вспоминал впоследствии Степинац. Степинац публично критиковал власть за то, что она конфисковала имущество католических священников, а некоторых арестовала. Удивительно, но Степинац умудрился даже напечатать несколько статей, в которых защищал католическую церковь НГХ. Преступления против сербов и представителей других национальностей Степинац называл «ошибками людей, которые вели себя так, как будто не существует никакой церковной власти».

Эти статьи настолько возмутили Тито, что он вступил с архиепископом в открытую полемику. 25 октября было опубликовано его открытое письмо Степинацу. «Епископы изображают из себя героев и заявляют, что будут бороться даже в том случае, если под угрозой окажутся их жизни, — писал Тито. — …Но почему же епископы не выпустили подобное „пастырское послание“ и не потребовали, чтобы его читали во всех церквях во время Павелича и немцев? Послание против страшного истребления сербов в Хорватии, в котором были уничтожены сотни тысяч женщин, детей и мужчин?.. Если они сейчас говорят, что готовы пожертвовать собой, то тогда они

хранили молчание не из-за боязни усташей, а потому, что были согласны с ними».

Даже его недруги понимали, что маршал во многом прав. К тому же Степинац пока еще мало походил на жертву его режима. Он оставался на свободе, хотя находился под плотным наблюдением ОЗНА.

Однажды во время поездки Тито по Далмации местные жители рассказали ему, что священники пугают народ разными карами, если они будут поддерживать новую власть. «Пусть они остаются в церкви — им там и место», — ответил Тито. «Но они явно не любят эту власть», — заметил кто-то. «Когда-то реакционные священники говорили, что всякая власть — от Бога, — сказал Тито. — Сегодня они говорят, что наша власть — не от Бога. И что нам делать? Сложить руки и ждать, пока они одобрят эту власть?»[266]

Несколько лет спустя Тито объяснял американскому журналисту Джорджу Селдсу, почему они не сразу арестовали архиепископа. «Я попросил его уехать из страны, например в Рим, — говорил Тито, — но он отказался. Я призвал вмешаться папу, но ответа из Ватикана так и не получил… И лишь тогда власти арестовали Степинаца»[267].

Степинац был арестован 30 сентября 1946 года. Его обвинили в измене родине, сотрудничестве с врагом, насильственном обращении сербов в католичество. Вместе с архиепископом перед Верховным судом Хорватии вскоре предстало еще 15 человек, в том числе такие одиозные командиры усташей, как Эрих Лисак и Иван Шалич. Степинаца защищал тот самый загребский адвокат Здравко Политиа, который когда-то был адвокатом Тито на так называемом «процессе бомбометателей» в 1928 году.

11 октября был объявлен приговор: к смерти приговорили только усташей Лисака и Шалича, а всех остальных — к различным срокам заключения. Степинац получил 16 лет тюрьмы и три года поражения в гражданских правах. Он отбывал заключение в тюрьме Лепоглава, в довольно комфортных условиях. Степинац пробыл в тюрьме пять лет, после чего его все же выпустили, но оставили под домашним арестом в его родном городке Крашич. Здесь Степинаца постоянно охраняли несколько сотрудников ОЗНА.

29 ноября 1952 года папа Пий XII возвел в сан кардиналов 14 священнослужителей. Среди них был и Степинац. В ответ на это Югославия прервала дипломатические отношения с Ватиканом. В 1960 году Степинац скончался, и Тито разрешил устроить ему торжественные похороны в кафедральном соборе Загреба. В 90-х годах прошлого века в независимой Хорватии Степинац был

объявлен национальным героем.

Тито, безусловно, считал Степинаца преступником, но в его отношении к нему проскальзывало что-то вроде уважения достойного противника. Хотя Тито и не любил церковь с тех пор, как в детстве сельский священник дал ему пощечину.

«Берегите свое здоровье. Оно еще понадобится для Европы»

Несмотря на все победы, награды и признания, 1946 год оказался для Тито тяжелым в личном плане. Еще летом 1944 года Даворьянка Паунович отправилась в Москву на лечение: у нее обнаружили туберкулез. Она вернулась в Белград только осенью, после освобождения города, и поселилась на вилле Тито.

Впрочем, она в это время не так уж часто виделась с Тито, которого занимали срочные государственные дела. Сохранилось несколько писем, которые он написал ей. Все они начинаются словами «Дорогая Зденка!» и заканчиваются — «С сердечным приветом. Старый». В письмах Тито чувствовалась искренняя теплота и забота о своей подруге. Он посылал ей книги, газеты, лекарства, сообщал последние новости. Жаловался на усталость, загруженность делами, рассказывал о том, что делают его сыновья. «В Праге я купил для тебя небольшой подарок, — писал он, — это часы, которые я прошу тебя принять с пожеланиями выздоравливать как можно скорее»[268]. «Я знаю, что тебе сейчас тяжело, но сильная воля ведет к выздоровлению», — утешал он ее в другом письме.

1 мая 1946 года в Белграде, как и в других городах Югославии, проходили праздничные торжества. Они продолжались несколько часов, которые Тито простоял на трибуне и все это время с трудом сдерживался, чтобы не показать народу своего горя — в этот праздничный день умерла Зденка.

Смерть Даворьянки стала для него тяжелейшим ударом. После недолгих размышлений он решил похоронить ее в парке перед Белым дворцом. На похороны не пригласили даже ближайших соратников Тито, и они проходили без всякого торжественного ритуала. Все-таки Зденка была майором Югославской армии и могла рассчитывать на проводы с воинскими почестями.

Тито никому и никогда не рассказывал об этих похоронах. Остались только легенды. Одна из них гласит, что он лично похоронил свою Зденку, другая утверждает, что Тито был настолько расстроен, что даже не нашел в себе сил прийти на похороны. Говорили, что Зденка сама просила похоронить ее в

парке, чтобы Тито как минимум два раза в день проходил мимо ее могилы: когда шел на работу в Белый дворец и когда возвращался обратно домой. Позже, когда хозяйкой его дома стала Йованка Броз, она предложила перенести могилу Зденки на кладбище в ее родной Пожаревац, но Тито резко отклонил это предложение[269]. До самой смерти он следил за тем, чтобы на ее могиле каждый день были свежие цветы.

Долго горевать из-за смерти Даворьянки у Тито не было возможности. Уже в конце мая 1946 года его ожидало важнейшее событие — визит в Москву.

Югославская делегация прибыла в Москву 27 мая 1946 года. Вместе с Тито были Ранкович, Кидрич, Коча Попович и другие. Попович подробно описал визит югославов в Кремль, где их ожидал Сталин. Первое впечатление от Кремля — «что ты находишься в каком-нибудь тихом санатории, вокруг стояла тишина, как будто все было погружено в вату». Еще югославам бросилась в глаза безупречная чистота. Простая обстановка и толстые ковры в коридорах, которые заглушали шаги.

Наконец их ввели в комнату с длинным столом для совещаний. Там уже находились Сталин, Молотов и советский посол в Югославии Лаврентьев. Сталин сразу же направился к Тито и поздоровался с ним. Тито представил ему членов югославской делегации. Сталин, пожав всем руки, сказал Молотову: «Вячеслав Михайлович, посмотри, какие красивые, сильные люди, сильный народ!»

После этого Сталин сел за стол, все остальные последовали его примеру. Сталин пододвинул к себе блокнот, начал в нем что-то чертить и в то же время задавал Тито различные вопросы. Сталин, например, спросил о здоровье Карделя и Джиласа. Тито ответил, что с ними все в порядке, они просто не смогли приехать. «Здесь и так половина нашего правительства», — заметил Тито. Он от имени всего народа поблагодарил Сталина за поддержку в вопросе о Триесте, но Сталин заметил, что «англичане и американцы не хотят отдать вам Триест». После этого он резко переменил тему, спросив Тито, каким будет в Югославии урожай и успели ли югославы провести посевную. Тито начал рассказывать о проблемах экономического развития страны, а Сталин, кивая головой, говорил: «Поможем. Поможем…»

Некоторое время они обсуждали экономические проблемы, затем Сталин заговорил о военных и внешнеполитических вопросах. Его очень интересовала Албания, он подробно расспрашивал об обстановке в этой стране, об отношениях в ЦК албанской компартии, о соотношении сил в ее руководстве. Тито

ответил, что албанцы предлагают заключить с ними договор о защите независимости, поскольку это поможет им в случае угрозы со стороны итальянского флота. Сталин согласился, но заметил, что нужно найти для этого соответствующую форму. «Для создания федерации время еще не пришло, — сказал он. — С Болгарией тоже. Сейчас главный вопрос — это Триест. И его надо решить прежде всего. Но если вы хотите сейчас заключить договор с Албанией, то можно сделать и то, и другое».

Сталин спросил, каковы планы югославов на вечер. Тито ответил, что их нет. «Правительство, а государственного плана нет», — улыбаясь, заметил Сталин и предложил всем перекусить.

Вскоре подали машины и все поехали из Кремля на сталинскую дачу в Кунцево. В столовой сели за длинный стол. Из советских руководителей на ужине были также Молотов, Жданов, Булганин и Берия. Обстановка за столом была простой и дружеской.

Сталин налил себе перцовки и произнес тост за гостей. Тито тоже произнес тост — за Сталина и советский народ. Так, за тостами и разговорами проходил час за часом. Потом Сталин встал, завел патефон и стал ставить на него различные пластинки. В основном это были русские народные песни. Он даже стал приплясывать и напевать под музыку. Его соратники разразились восторженными восклицаниями. Но настроение у Сталина вдруг изменилось. «Я долго не проживу, — сказал он. — Физиологические законы не отменишь». Все принялись доказывать ему, что он не прав и проживет еще долго. «Нет, нет, — повторял Сталин, — физиологические законы необратимы». Затем, посмотрев на Тито, сказал: «Тито должен беречься. С ним не должно ничего случиться. Так как я долго не проживу, а он останется для Европы… Черчилль мне рассказывал о Тито, говорил, что Тито — хороший человек, а я ответил Черчиллю: „Мне это неизвестно, но если вы говорите, значит, так оно и есть. Постараюсь и я узнать Тито“».

Сам Тито рассказывал об этом эпизоде примерно то же самое, но все-таки немного по-другому. По его словам, Сталин сначала спросил его: «Как ваше здоровье?» Тито ответил, что с ним все в порядке. «Берегите свое здоровье, — сказал Сталин, — оно еще понадобится для Европы»[270].

После этого он взял рюмку с перцовкой и предложил Тито выпить с ним на брудершафт. Они чокнулись и обнялись. «Сила у меня еще есть», — сказал вдруг Сталин и, подхватив Тито под мышки, три раза приподнял его под звуки какой-то русской народной песни, доносившейся из патефона. Потом он предложил и другим югославам выпить с ним на брудершафт. Поповича он

мягко ударил по руке с рюмкой и сказал: «Когда пьют на брудершафт, рюмку держат в правой руке!» Настроение у него снова улучшилось. Он стал шутить. Ранковичу, например, посоветовал остерегаться Берии, а Берию спросил: «Ну, кто из вас двоих друг друга завербует?»

Снова начались тосты. Сталин советовал югославам разводить в своей стране эвкалипты, пообещав прислать им саженцы, говорил, что это самое лучшее дерево для строительства кораблей. Ужин закончился только в пять часов утра.

Второй раз Сталин пригласил Тито к себе на дачу вместе с Димитровым, и на этом ужине они обсуждали возможность создания организации, которая должна заменить Коминтерн. Сталин, Тито и Димитров договорились, что возобновление деятельности Коминтерна в какой-либо форме исключено и что новая структура должна иметь сугубо информационный характер[271]. Сталин спросил Димитрова: «Как вы думаете, кто мог бы быть инициатором: вы, Вальтер или французы?» Димитров предложил Тито, но Тито ответил, что «лучше пусть будут французы».

Тито находился в Советском Союзе 15 дней. Как и в прошлый раз, югославы привезли подарки для советских руководителей. Только теперь это были отнюдь не партизанские винтовки и не опанки. Сохранился список этих подарков:

платиновые часы с бриллиантами для дочери генералиссимуса И. Сталина;

золотые часы с бриллиантами для супруги господина В. Молотова;

золотой браслет дочери господина В. Молотова;

золотые часы марки «Патек» супруге господина А. Микояна;

золотые часы марки «Юго» супруге господина А. Жданова;

золотые часы марки «Этерна» супруге господина Л. Берия;

золотые часы марки «Ревю» супруге господина Н. Булганина;

платиновое кольцо с камнем овальной формы супруге господина Вышинского;

золотые часы марки «Этерна» супруге господина Деканозова;

платиновые часы с камнем круглой формы супруге маршала Толбухина.

Как говорилось в сопроводительной записке, эти «скромные подарки» передаются в знак «глубокого уважения Маршала к этим людям»[272]. «Сталин был очень расположен по отношению ко мне», — вспоминал Тито.

Во время визита Тито в Москве умер председатель Президиума Верховного Совета СССР Михаил Калинин. 5 июня, во время церемонии его похорон, Сталин неожиданно пригласил

Тито — единственного из находившихся на Красной площади глав иностранных делегаций — подняться на центральную трибуну Мавзолея Ленина. На Западе тут же поспешили объяснить это тем, что Сталин готовит себе наследника в лице Тито.

1946–1947 годы можно назвать апогеем любви и дружбы между Москвой и Белградом. В июне 1945 года Кардель даже заявил советскому послу: «Мы бы хотели, чтобы Советский Союз видел в нас представителей одной из будущих советских республик, а не представителей другой страны, самостоятельно решающей свои вопросы; а КПЮ — как часть ВКП(б)»[273]. Имя Сталина в югославских газетах ставили даже впереди имен Маркса, Энгельса и Ленина.

В январе 1947 года у Тито случился острый приступ аппендицита. Когда его уже готовили к операции, позвонил Сталин и предложил прислать советских хирургов. Уже через несколько часов на виллу Тито в Словении прибыли хирурги Смотров и Бакелев. Югославские врачи могли и сами выполнить эту операцию, но внимание, проявленное Сталиным, говорило о многом. В итоге маршала оперировала смешанная советско-югославская команда медиков.

Тито хорошо перенес операцию, однако через некоторое время у него воспалились швы. Вызвали советских хирургов. Как вспоминал начальник охраны Тито генерал Жежель, доктор Бакелев принес какие-то препараты и начал смазывать швы, но в этот момент Жежель почувствовал от него сильный запах алкоголя. Он буквально вытолкал его из комнаты и приказал немедленно позвать югославских врачей. Как утверждает Жежель, они сказали ему, что он спас маршала от заражения крови и смерти.

Хирург Бакелев, по словам Жежеля, протрезвел и, поняв, что произошло, покончил жизнь самоубийством. А доктора Смотрова отвезли в Загреб, где он должен был осмотреть еще одного высокопоставленного пациента. Когда Смотров поднимался к нему по лестнице, у него случился инфаркт и он умер на месте[274]. Жежель утверждал, что предотвратил покушение на Тито, которое было организовано по приказу Сталина. Но эта версия выглядит странно. Да и сам Тито впоследствии ни разу не упоминал об этом случае как о попытке покушения на него.

Возможно, имела место врачебная ошибка, усугубленная еще и тем, что советские хирурги хорошо «отметили» удачно проведенную операцию. И не очень трезвый доктор Бакелев мог обработать швы Тито не тем препаратом. Осознав, к чему могла привести его ошибка, Бакелев наверняка мог свести счеты с

жизнью. Он прибыл к Тито по личному указанию Сталина и знал, что «вождю народов» станет известно все…

19 апреля 1947 года эта тема косвенно затрагивалась на переговорах в Кремле, когда Сталин принимал Эдварда Карделя. Он передал Сталину «сердечные приветы от товарища Тито». «Как чувствует себя товарищ Тито?» — поинтересовался Сталин. «Как прошла операция?» — добавил Молотов. «Товарищ Тито чувствует себя очень хорошо, — ответил Кардель, — операция прошла удачно. Жаль только, что врач Смотров умер». — «От чего?» — спросил Сталин. «От сердечного приступа», — сказал Кардель. «Может, много выпил? Хирурги, знаете, любят много выпить», — заметил Сталин. «Нет, он вообще не пил, насколько нам известно», — ответил Кардель. Сталин, улыбаясь, обратился к Молотову: «Ты направил Тито ноту по этому поводу?» — «До этого не дошло, так как Тито обо всем нас заблаговременно проинформировал. Поэтому вопрос считается исчерпанным», — также улыбаясь, ответил Молотов. После этого разговор перешел на другие темы. Поскольку стороны решили считать вопрос исчерпанным, они, вероятно, согласились с тем, что причиной инцидента было поведение советского хирурга.

Кардель на этом приеме у Сталина затронул вопрос «о положении и поведении советских специалистов в Югославии». Ранее Тито заявил, что правительство Югославии будет вынуждено сократить число советских военных специалистов, поскольку их оклады в четыре раза выше окладов командующих армиями и в три раза выше, чем оклады министров ФНРЮ[275]. Тогда Сталин, у которого еще была свежа в памяти история с высказываниями Джиласа в адрес советских офицеров, усмотрел в этом нежелание югославов усваивать опыт Советской армии. Теперь же, когда Кардель высказался в том смысле, что было бы неплохо, чтобы советские и югославские специалисты больше консультировались друг с другом, Сталин не менее резко ответил: «Специалисты находятся там для того, чтобы их слушали, а не для того, чтобы сидеть у вас сложа руки». Кардель поспешил выразить благодарность советским специалистам[276].

Вопрос о советских специалистах еще больше обострился летом 1947 года. В это время югославское правительство приняло решение запретить партийным и государственным органам предоставлять им какую-либо информацию экономического характера, а контроль за исполнением этого решения был возложен на УДБ. В Москве расценили это решение как «проявление недоверия и недружелюбия» и как попытку установить слежку за советскими специалистами.

Югославам пришлось объясняться: они уточнили, что ЦК

КПЮ и правительство по-прежнему готовы делиться информацией с советской стороной[277]. Казалось бы, инцидент был снова улажен, но, как показало время, в Москве о нем не забыли.

Тито в это время исправно следовал в фарватере советской политики. В июне 1947 года американский госсекретарь Маршалл предложил помощь США странам, пострадавшим от Второй мировой войны. Сталин считал, что этот план подорвет советское влияние в Европе. Под давлением Москвы союзники СССР бойкотировали совещание по «плану Маршалла», которое открылось 12 июля в Париже, и Югославия не была исключением.

С 22 по 27 сентября 1947 года в польском курортном местечке Шклярска Поремба в окрестностях Вроцлава прошло совещание представителей коммунистических и рабочих партий девяти стран. Семь из них представляли страны Восточной Европы. Приехали также делегации французской и итальянской компартий. От КПЮ на совещание направились Кардель и Джилас.

Основной доклад делал первый секретарь Польской объединенной рабочей партии ЦК (ПОРП) Владислав Гомулка. Было решено создать новую международную коммунистическую организацию — «Информационное бюро коммунистических и рабочих партий» (Коминформ). Местом для штаб-квартиры Коминформа и редакции его печатного органа был избран Белград. Это говорило о высоком доверии «вождя народов» к Тито.

Для штаб-квартиры Коминформа в Белграде было выделено солидное здание в центре города — до войны в нем размещался крупный банк. В конце октября в столицу Югославии прибыл советский представитель в Коминформе Павел Юдин — философ по образованию. Как пишет Дедиер, о нем ходила такая поговорка: «Юдин — лучший философ среди шпионов, и лучший шпион среди философов».

Газета Коминформа «За прочный мир, за народную демократию!» тоже печаталась в Белграде. Она выходила на русском, английском, французском и сербскохорватском языках. Печатала ее типография «Борбы», в которой для этих целей было выделено несколько специальных помещений. Первые экземпляры каждого номера специальным самолетом отправлялись в Москву. Однажды по требованию Юдина был сожжен уже отпечатанный тираж газеты — оказалось, что Сталину не понравилась опубликованная в газете речь первого секретаря компартии Греции Захариадиса[278].

Но, конечно, роль Юдина не ограничивалась выпуском

газеты. Югославы впоследствии будут считать его одним из тех людей, которые должны были выполнить тайный сталинский замысел — обуздать независимость Югославии с помощью Коминформа.

Интересны в этом смысле оценки сложившейся осенью 1947 года ситуации в официальных «Очерках истории российской внешней разведки». Их авторы отмечают, что высокое положение, которое заняли югославы в Коминформе, для Тито таило «серьезную опасность». «Все его действия стали взвешиваться как бы на аптекарских весах, и в Москве с этого момента возросло стремление жестче контролировать югославов, так как все их возможные новации в деле построения социализма непосредственно отражались на авторитете „старого центра“»[279]. Действительно, поток критической информации о Тито и его окружении уже шел в Москву по дипломатическим и разведывательным каналам.

27 сентября 1947 года — в последний день работы учредительного совещания Коминформа — Тито выступил на II съезде Народного фронта в Белграде. Вот как выглядело это выступление в интерпретации советского посла Лаврентьева. «Тито, — отмечал он в своем донесении в Москву, — ни словом не обмолвился о помощи Советского Союза, оказанной Югославии в этой борьбе (за освобождение Югославии. — *Е. М.),* о его влиянии на весь ход освободительной борьбы, хотя элементарно ясно, что Югославия освобождена была Красной Армией и что Советский Союз как внешнеполитический фактор играл решающую роль в процессе становления Югославии… Тито рассматривает процесс освобождения Югославии, процесс социально-экономического преобразования страны лишь с местных национальных позиций, тем самым впадая в национальную ограниченность».

В этом донесении Лаврентьев явно передергивал факты. Доклад Тито был посвящен Народному фронту «как общенародной политической организации» и совершенно не был связан с теми вопросами, о которых писал советский посол. Поэтому его претензии к Тито в данном случае были надуманными.

Но мало того что Лаврентьев оценивал действия и выступления Тито, он еще и давал рекомендации своему руководству в Москве: «Не сочтете ли Вы возможным, чтобы критические замечания по докладу Тито были высказаны в рабочем порядке представителю югославской компартии в Москве?»[280]

Конец 1947 года ознаменовался прямо-таки необыкновенной

активностью советского посла. 31 декабря 1947 года Лаврентьев послал в Москву подборку материалов по теме «Тито и армия». А 8 января 1948 года направил в Центр телеграмму, в которой эти материалы были подвергнуты разгромной критике. Комментируя статью начальника Генштаба югославской армии генерал-полковника Кочи Поповича «Тито — организатор побед народно-освободительной войны», Лаврентьев писал в Москву: «Возведение Поповичем маршала Тито в ранг крупных военных теоретиков является не чем иным, как просто угодничеством перед Тито, который, очевидно, принимает это угодничество за действительную оценку своих военных качеств». И снова он дает советы Москве: «…не сочтете ли целесообразным дать критику указанных документов в журнале „Военная мысль“, который поступает и для военных руководителей Югославии? Кроме того, не сочтете ли возможным по военной линии высказать критические замечания Джиласу, который во время своей поездки в Москву по поручению Тито поставит на рассмотрение Совпра (советского правительства. — *Е. М.)* ряд военных вопросов?»[281]

10 января к критике Тито подключился и советский военный атташе в Белграде генерал-майор Сидорович. Он зашел еще дальше посла Лаврентьева. Генерал указал, что непонятно, «какой идеологии придерживаются сейчас и будут придерживаться в Югославии». Более того, советский военный атташе (!) предлагал Москве (!) «указать на эти ошибки в порядке обмена опытом по линии Информбюро некоторых компартий» (!). Это первый известный документ, в котором сделано предложение рассмотреть «югославские ошибки» на заседании Коминформа.

Складывается какая-то парадоксальная картина. Посол СССР предлагает своему руководству критиковать ближайшего в то время стратегического союзника, причем сделать эту критику предметом политических дискуссий между двумя партиями. А всего лишь военный атташе посольства осмеливается предложить сделать критику Тито вопросом международного коммунистического движения, вторгаясь в область деятельности самого Сталина. Факт по тем временам просто невероятный.

Что же заставляло советских дипломатов действовать именно так? Вряд ли они проявляли самостоятельность в таком деликатном и опасном вопросе. Скорее всего, они уже тогда выполняли задание Москвы, собирая, на всякий случай, компромат на Тито. Очевидно, что такое задание могло исходить только от одного человека — Сталина.

8 января 1948 года, анализируя причины допущенных Тито идеологических ошибок, Лаврентьев прямо обвинил маршала в «проявлении вождизма». Но, конечно, Лаврентьева возмущал не

«вождизм» Тито сам по себе. Советский посол вполне откровенно писал об этом: «Известно, что именно тов. Сталин призвал развивать партизанскую вооруженную борьбу в условиях оккупации и обосновал необходимость этой борьбы»[282].

Другими словами, вина югославского руководства состояла в том, что возвеличивание Тито зашло так далеко, что его фактически поставили вровень с самим Сталиным. И в этом, надо признать, Лаврентьев был прав. В самом деле, «великим вождем», «любимым учителем», «отцом народов» и «гениальным полководцем» в мире до недавнего времени был только один человек — Сталин, а теперь им стал еще и Тито.

«Тито — наш любимый учитель»

Как-то во время войны, когда на одном из заседаний начали провозглашать здравицы в его честь, маршал поднялся и сказался: «Всем тем, что я достиг, я обязан нашей партии. Я был неграмотный молодой человек, и партия меня взяла, дала мне образование и сделала из меня настоящего человека. Я ей обязан всем»[283].

В другой раз, во время разговора о ведущей роли народных масс в истории, Тито заявил: «Все это чепуха! Часто и от одной личности зависит, как будет развиваться история». Не приходится сомневаться, что себя Тито тоже считал одной из таких личностей.

Листая страницы югославских газет начиная с осени 1944 года (некоторые из них выходили уже в освобожденном Белграде), можно легко проследить, как развивался процесс возвеличивания Тито. Например, 9 ноября в Белграде открылось заседание Великой скупщины народного освобождения Сербии. Тито появился на нем в маршальской форме и с недавно полученным советским орденом Суворова I степени на груди. Сопровождала его целая свита генералов. В газетных отчетах сообщалось, что «весь зал, как один человек, поднялся на ноги», и приветствия в адрес Тито не прекращались, несмотря на его просьбы к участникам заседания занять свои места. Однако те не садились, потому что хотели перед началом работы услышать речь Тито[284]. Но кульминация наступила, когда инженер из городка Сурдулица Михайло Джурич предложил присвоить Тито звание Народного героя Югославии. «Зал… содрогнулся от многолюдного крика „Тито! Тито!“, который сразу же превратился в новый клич: „Герой Тито! Герой Тито!“» — писала газета «Политика»[285]. 29 ноября орден Народного героя был торжественно вручен маршалу.

В течение 1945 года процесс возвеличивания Тито принял поистине стихийный характер. «Любимый вождь», «великий учитель», «отец наших народов», «гений народно-освободительной борьбы» — эти и другие эпитеты в его адрес раздавались на рабочих и молодежных митингах, партийных собраниях, спортивных праздниках и вообще почти повсеместно. Изображения «любимого вождя» вывешивали во всех государственных и общественных учреждениях, а во время праздников несли на демонстрациях вместе с портретами Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Югославская пропаганда особо культивировала образ маршала и «полководца Победы», и это было понятно всем: ведь даже враги не могли оспаривать огромную роль Тито в недавней борьбе против оккупантов. Тито и сам охотно поддерживал этот образ, часто появляясь в маршальской форме.

Официальный день рождения Тито — 25 мая — сразу же после освобождения Югославии был провозглашен государственным праздником. Был разработан и специальный ритуал его проведения. Центральное место в нем занимала так называемая «эстафета молодости», которая ежегодно приурочивалась к этому дню. Тысячи лучших представителей югославской молодежи бежали по дорогам страны, передавая друг другу эстафетную палочку со звездой или факел. А 25 мая в Белграде двое самых достойных вручали ее самому маршалу. Этот праздник должен был символизировать верность молодого поколения «любимому учителю».

«Из всех краев нашей прекрасной Федеративной Народной Республики Югославии, — отмечала газета „Политика“ 24 мая 1946 года, — по плодородным полям и сквозь густые леса, через реки, от Триглава до Скопье, от голубой Адриатики до сремских и банатских равнин десятки тысяч самых лучших представителей нашей молодежи днем и ночью несут пламенные поздравления всего нашего народа ко дню рождения маршала Тито»[286]. Толпы народа стояли на тротуарах и приветствовали участников эстафеты. В центре города находилась трибуна с представителями «народной власти». Участник эстафеты поднимался на трибуну, передавал эстафетную палочку и флаг своей республики и провозглашал: «Передаю поздравления товарищу Тито от Народной Республики Сербии!»

После того как свои «эстафеты» вручили все участники, торжественная процессия во главе с тогдашними ближайшими соратниками Тито Ранковичем, Джиласом и Сретеном Жуйовичем двигалась к резиденции маршала. Тито ждал ее у входа и принимал «эстафету», а также рапорт и поздравления

представителей молодежи. С каждым годом день рождения Тито отмечался все более и более пышно. «Эстафету молодости» маршалу стали вручать на главном стадионе в Белграде в присутствии десятков тысяч зрителей.

Как уже говорилось, в Белграде Тито большую часть рабочего дня проводил в Белом дворце, а жил в резиденции на Румынской улице, которая была вскоре переименована в Ужицкую. Многие, впрочем, считали, что он и живет в Белом дворце. «Он как будто всю жизнь прожил во дворце», — писал о нем англичанин Фицрой Маклин. Однажды Маклин заметил, как секретарша Тито Ольга спарывала королевские эмблемы с постельного белья, а сам Тито честно объяснил, что это имущество князя Павла, которое конфисковано из-за его «предательского поведения»[287]. В 1948 году у Тито появилась еще одна знаменитая резиденция — на архипелаге Бриони. Официально она называлась «летней резиденцией» маршала.

Эти острова были хорошо известны богатым туристам из Европы. В конце XIX века весь архипелаг купил австрийский стальной магнат Пауль Купельвейзер, построил здесь отели, морские причалы, крытый бассейн с подогреваемой морской водой, спортивные площадки, поля для игры в гольф и даже водопровод, который проложили по морскому дну. Тогда же на острова начали завозить зебр, антилоп, верблюдов, слонов и других экзотических животных. Острова постепенно превратились в место отдыха европейской политической и деловой элиты. Сюда несколько раз приезжали германский кайзер Вильгельм II и австрийский эрцгерцог Франц Фердинанд.

На островах осушили болота, но одно все-таки оставили. По приглашению Купельвейзера рядом с ним работал известный микробиолог Робер Кох — он изучал личинки малярийных комаров и разрабатывал способы борьбы с малярией. На Бриони потом в его честь открыли барельеф.

После войны острова, входившие в состав Италии, отошли к Югославии и вскоре были закрыты для туристов. Это было связано как раз с тем, что здесь обустраивалась летняя резиденция Тито. В итоге она стала представлять из себя комплекс из трех вилл. «Ядранка» и «Бриунка» были построены еще раньше для знатных гостей островов, а для Тито — реконструированы. А знаменитая Белая вилла, которая и стала домом Тито на Бриони, была построена в 1952 году.

Со временем именно резиденция на Бриони стала символом роскошной жизни Тито. Окруженная тропической растительностью и различными экзотическими зверями, которых Тито дарили во многих странах мира, она вызывала неизменный

восторг у гостей маршала, среди которых были президенты, короли, известные политики, звезды кино, театра и спорта. Говорят, что император Эфиопии Хайле Селассие, увидев Бриони, воскликнул: «Теперь-то я понимаю, что это значит — жить по-царски!»

В 1950 году, когда Тито уже был объявлен в СССР «изменником» и «палачом», в Москве была подготовлена специальная справка об имуществе маршала:

«Владения Тито

Тито владеет огромными богатствами. В его распоряжении находится 22 владения:

1. Королевский дворец на Дединье.

2. Роскошная вилла на Румынской ул. в Белграде.

3. Целый остров Бриони в Адриатическом море с дворцами, пляжами, зверинцами, флотилией увеселительных судов.

4. Несколько роскошных вилл на побережье Адриатического моря, на Брду в Словении, Плитвицах в Хорватии.

5. Огромный заповедник с дачами и подземными военными базами в Хан Пиеске — настоящее феодальное владение.

6. Имения в Белье, Илоке, Бачке.

7. Имение в Земуне.

8. Виноградники и погреба во Вршце.

Земельные владения Тито составляют 1 % территории Югославии — более 250 000 га (пахотной земли, лесов, виноградников, пляжей, заповедников)»[288].

Формально автор этого документа (он остался неизвестным) был не прав. Тито не владел всем этим имуществом, оно считалось собственностью государства. Но, разумеется, никому и в голову не пришло бы поставить под сомнение право маршала пользоваться им. В этом Тито мало чем отличался от других коммунистических вождей. А вот красивые вещи и вообще «красивую» жизнь он любил и не скрывал этого. «Все, что было его, должно было быть самым лучшим, самым дорогим, самым роскошным, — утверждал Джилас, — даже дичь, которую он стрелял на охоте, — самой крупной. Это сначала вызывало протесты многочисленных партийных идеалистов и интеллектуалов, которые были рядом с ним в первые послевоенные годы. Но в этом он был для них недоступен».

«В те послевоенные годы, — откровенно продолжал Джилас, — мы, из руководства, часто и легко меняли виллы, заказывали для них обстановку из „государственных резервов“ и картины, чью ценность мы не умели даже оценить… Я никогда не слышал, чтобы Тито выговаривал кому-нибудь из руководителей за их слишком роскошную жизнь или за слишком дорогие

торжества, которые они устраивали за счет государства»[289].

Кроме королевских дворцов Тито «наследовал» также и королевский поезд. Вскоре его переделали — выпустили новые вагоны, а в его состав включили два бронированных паровоза. Вагоны и локомотивы выкрасили в голубой цвет, поэтому поезд Тито вскоре стали называть «голубым поездом». Есть, впрочем, и другая версия происхождения этого названия: якобы Тито распорядился покрасить его под цвет своей маршальской формы. Да и охрана Тито, названная вскоре Президентской Гвардией, тоже носила голубые мундиры.

Поезд включал в себя личный вагон-салон Тито, три вагона для соратников и обслуживающего персонала, ресторан, который мог также превращаться в кинозал, кухню, служебный вагон, в котором находилась радиостанция, служебные помещения охраны и пр., и, наконец, вагон для перевозки автомобилей маршала. Вагон Тито состоял из двух спален, рабочего кабинета, ванной комнаты, гардеробной. Внутри поезд был отделан деревом ценных пород, мог развивать скорость до 140 километров в час.

Писатель Константин Симонов увидел Тито осенью 1947 года на конгрессе Народного фронта в Белграде. Он показался ему «каким-то холеным и броско нарядным». «Тито был необыкновенно нарядно одет, — вспоминал Симонов, — в каком-то весьма шедшем ему мундире, с перстнями на пальцах. Он был гостеприимен и, я бы сказал, обаятелен, если бы это обаяние не было каким-то подчеркнутым, осознанным и умело эксплуатируемым. Он был радушен со всеми, с нами тоже… Но сам он был не таким, как в сорок четвертом году. Другим, чем в первый ноябрьский праздник в освобожденном Белграде. Там он был первым среди своих товарищей, неоспоримо первым, а здесь была встреча вождя с народом, встреча, требовавшая если не кликов, то шепота восхищения». Это вдруг напомнило Симонову одну из завершающих сцен в фильме «Падение Берлина», которая туда была вставлена по предложению самого Сталина: Сталин (его играл Михаил Геловани), в белом мундире на аэродроме среди встречающих его ликующих людей. Симонов удивлялся: почему Сталин при его уме и иронии заставил вставить «эту чудовищную по безвкусице сцену, кстати, не имеющую ничего общего с исторической действительностью?» Видимо, полагал Симонов, Сталин считал, что главное лицо победившей страны — Верховный главнокомандующий ее армии, он должен остаться в памяти народа этакой выбитой на бронзе медалью. Тито, по его мнению, выступал в той же роли[290].

Культ Тито в Югославии строился по образцу культа личности Сталина. Культ самого «великого вождя», как и культ

Советского Союза, занимал в Югославии очень важное место. В стране торжественно отмечались все главные советские праздники. Но, справедливости ради надо сказать, что как бы югославы ни стремились демонстрировать свое почитание Сталину, оно постепенно отходило на второй план по сравнению с культом Тито. Даже по числу портретов и упоминаний в газетах и выступлениях Сталин стал уступать ему.

Сталин не мог не заметить, что рядом с ним появляется еще один «вождь» и «любимый учитель». И не мог не сделать соответствующих выводов. Впрочем, культ Тито был не единственной причиной, которая привела к неожиданному для всего мира разрыву между Москвой и Белградом в 1948 году.

Перед разрывом

В начале 1990 года близкий соратник Тито, а потом и его противник Милован Джилас приехал в Москву. В Москве, где Джилас не был уже более сорока лет, полным ходом шла перестройка и его, как всемирно известного критика коммунизма и диссидента, буквально рвали на части. Но мы договорились с Джиласом об интервью еще перед его отъездом из Белграда, и он свое обещание сдержал.

Среди прочего я спросил его: была ли какая-то конкретная причина, которая и привела к разрыву отношений между Москвой и Белградом? Джилас пожал плечами. «Я помню, как переживал Тито, когда все это началось, и было видно, что он искренне не понимает, что происходит. Мы все не понимали. Только Сталин знал, зачем он начал этот конфликт. Причина была у Сталина в голове»[291].

Когда Тито был жив, югославы так объясняли причину этого странного конфликта: югославская революция была самобытной и независимой, так же как и практика строительства социализма под руководством Тито. Этот новый путь к социализму пришел в столкновение со сталинским догматизмом и стремлением Москвы «наказать» Тито за излишнюю самостоятельность. Другими словами, как говорил один американский сенатор, «если Маркс был коммунистическим богом, Ленин — коммунистическим Христом, Сталин — первым коммунистическим папой, то Тито стал коммунистическим Мартином Лютером»[292].

Между тем в этой версии немало слабых мест. Ведь и сам Тито и до конфликта, и в самом его начале не раз подчеркивал, что Югославия строит социализм в соответствии с учением Ленина — Сталина и в соответствии с советским опытом.

В отношениях между Советским Союзом и Югославией в первые послевоенные годы не раз возникали некоторые шероховатости и разногласия. Но казалось, что они благополучно разрешались — в том числе и на встречах с самим Сталиным. Однако существовали проблемы, в которых эти разногласия так и не исчезли окончательно. И потом именно они были соответствующим образом интерпретированы Сталиным и использованы им для развязывания конфликта с Тито. Это — целая группа международных проблем: гражданская война в Греции, отношения Югославии и Албании, вопросы создания федераций стран «народной демократии».

Гражданская война в Греции между партизанами-коммунистами и королевским правительством, которое поддерживали Англия и США, велась со времени освобождения этой страны от немецкой оккупации. И морально, и материально партизанам помогали Албания, Болгария и особенно Югославия. В декабре 1947 года коммунисты образовали Временное демократическое правительство Греции, а его представители выступали по Белградскому радио с обращениями к народу. На югославской территории проводились совещания греческого коммунистического руководства, там также работала радиостанция «Свободная Греция», подчинявшаяся Временному правительству.

И греческое правительство, и Запад считали Тито чуть ли не главным виновником войны. И даже рассматривали варианты ударов по Югославии в том случае, если югославская армия начнет оказывать явную помощь греческим партизанам.

Намерения Запада ставили Сталина перед нелегким выбором: и в случае вмешательства англичан и американцев, и в случае их нападения на Югославию Советскому Союзу тоже пришлось бы вмешиваться в конфликт. Но это грозило большой, возможно, даже ядерной войной в Европе. Так что активность югославов в поддержке своих греческих единомышленников представляла для Москвы дополнительную головную боль. Но далеко не единственную.

Еще больше, чем грекам, югославы помогали Албании. Они первыми признали Временное демократическое правительство Народной Республики Албании, а его глава Энвер Ходжа был награжден в июле 1946 года во время своего первого зарубежного визита (в Белград) орденом Народного Героя Югославии.

Во время переговоров Тито поинтересовался мнением Ходжи об идее объединения Югославии и Албании в федерацию. Это позволило бы, по его мнению, решить многие экономические вопросы, а кроме того, и проблему албанского меньшинства в

Югославии. Тито позже говорил, что Ходжа чуть ли не со слезами на глазах просил ускорить процесс создания федерации Югославии и Албании[293]. Понятное дело, албанцы утверждали прямо противоположное: что Тито настаивал на создании федерации, а они сомневались в этой идее.

Ходжа весьма саркастически описал в своих мемуарах прием, который дал Тито в его честь. Вся обстановка свидетельствовала, по его мнению, о моральном разложении югославского руководства уже летом 1946 года. Белый дворец, где проходил прием, был полон гостей в вечерних костюмах, а сам Тито был в парадной маршальской форме и с перстнем на пальце, в котором сверкал большой бриллиант. Именно он, а не албанская делегация, в честь которой и устраивалось это мероприятие, находился, по словам Ходжи, в центре всеобщего внимания, а албанцы чувствовали себя крайне неловко. Правда, Ходжа признавал, что Тито вел себя с ним очень любезно. Пригласив с собой албанцев и советского посла Лаврентьева, Тито увел их из зала в небольшой и также роскошно обставленный грот в парке, где продолжилась уже неформальная беседа, а потом предложил Ходже осмотреть Белый дворец. «Я выдержал и эту последнюю пытку», — патетически замечает Ходжа[294].

Остановимся же более подробно на том, как Тито «пытал» албанского руководителя, и предоставим слово ему самому. «Поднявшись наверх, — вспоминал Ходжа, — мы вошли в окруженную деревянными перилами галерею… Стены были увешаны картинами. Кто из нас был знаком с ними? Никто. Тито, как хозяин, хвастливо рассказывал нам об их авторах, об их художественной и коммерческой ценности. Мы делали вид, будто изумлялись всему этому, а на самом деле думали о нуждах своего народа. Тито открыл одну дверь и вошел внутрь, мы последовали за ним. „Это рабочая комната“, — сказал он. Это была красивая комната с большими окнами, на стенах ее висели картины, в углу стоял рабочий стол со всеми письменными принадлежностями, на столе все было ценное; не было ни одной книги, ни одной тетради. На краю стола — никелированный самолет в миниатюре на красиво никелированной железной подставке; Тито нажал кнопку, и самолет начал вертеться. Это была игрушка! „Ее подарили мне рабочие“, — сказал Тито.

Из рабочей комнаты мы перешли в другую комнату, в которой стояли изящные кресла, большая радиола и вполне модная мебель. „Это передняя, здесь я завтракаю, — сказал Тито. — Радиолу эту подарил мне Готвальд“ (Клемент Готвальд, в то время председатель Центрального комитета КПЧ и президент Чехословакии. — *Е. М.)*. Оттуда он отвел нас в спальню, в которой

стояла большая роскошная кровать с кружевным постельным бельем, на ней лежала шелковая пижама; он открыл даже и шкафы, полные костюмов, рубашек и т. д. Не забыл он показать нам также светлую уборную.

После этого Тито сказал, что покажет нам и парткабинет, в который, как он выразился, „никто не может входить, ключи от него я ношу в кармане“. Мы говорили про себя: „Он делает нам большую честь; посмотрим, что это за священная комната“. Это была комната, как и все другие. На стене висела какая-то схема. „Это секрет, — сказал Тито, — это схема партийного строительства. Съезд, Центральный комитет, областные комитеты, их аппараты и первичные организации“. У одной из стен стоял небольшой шкаф с книгами Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, в другом углу — сейф. Это была „секретная комната“, с осмотром которой мы закончили вечер, пожелав маршалу спокойной ночи».

С таким же сарказмом Ходжа описал и церемонию награждения его высшим югославским орденом Народного героя заметив при этом, что «после всех зол, причиненных титовцами нашей партии и нашей стране, все эти награды мы вернули им обратно в знак протеста… Я возвращался с каким-то необъяснимым чувством, — заключает он, — верил, но в то же время был разочарован надменностью и скандальной роскошью Тито, которая еще тогда была очевидной. Я спрашивал себя: сойдемся ли мы с Тито характером, сойдемся ли мы с ним в наших делах?»[295].

Пока Ходжу терзали эти смутные сомнения, Югославия выделила Албании беспроцентный кредит в размере двух миллиардов динаров и фактически обязалась создать, вооружить и оснастить албанскую армию.

Однако в албанском руководстве возникли серьезные разногласия по вопросу дальнейшего сближения с Югославией. Части его представителей во главе с министром экономики Нако Спиру совсем не нравилось повсеместное проникновение югославов в Албанию. Если верить Ходже, то югославы обвинили Спиру в том, что он — «агент империализма, проводящий антиюгославскую политику»[296]. Когда же албанцы вызвали его на заседание политбюро албанской компартии для дачи объяснений, Спиру застрелился, отправив перед этим в советское посольство письмо, в котором обвинял югославов в своей смерти.

Этот случай обеспокоил советское руководство, и Сталин пригласил югославов в Москву. Тито рассчитывал уладить разногласия на этих переговорах. По его распоряжению в югославскую делегацию вошли Джилас (такое пожелание в

телеграмме высказал Сталин), министр обороны Коча Попович, замминистра обороны и ответственный за военную промышленность Миялко Тодорович и начальник политуправления югославской армии Светозар Вукманович-Темпо. Делегация отправилась в Москву поездом 8 января.

Встреча югославов со Сталиным, Молотовым и Ждановым состоялась вечером 17 января в Кремле. После обычных приветствий Сталин сразу же перешел к делу: «А у вас там, в Албании, стреляются члены Центрального комитета! Это нехорошо, очень нехорошо!»

Джилас начал объяснять, что Спиру противился объединению Албании и Югославии, но Сталин неожиданно прервал его. «У нас в Албании нет никаких особых интересов, — сказал он. — Мы согласны на то, чтобы Югославия проглотила Албанию!» При этом Сталин сложил вместе пальцы правой руки и поднес их ко рту, как бы глотая[297]. Джилас возразил, что они не хотят глотать Албанию, а хотят объединяться с ней, но тут вмешался Молотов. «Так это и значит проглотить!» — заметил он. А Сталин добавил: «Да, да, проглотить. Но мы с этим согласны: вам надо проглотить Албанию — чем скорее, тем лучше». При этом вся атмосфера встречи, по свидетельству Джиласа, была «сердечной и более чем дружеской».

«Между нами нет разногласий, — продолжал Сталин и обратился к Джиласу: — Вот вы лично и составьте Тито от имени советского правительства телеграмму об этом и пришлите мне ее завтра». Джилас очень удивился и даже переспросил Сталина, а тот подтвердил: да, такую телеграмму он должен написать Тито от имени советского правительства. После официальной части Сталин пригласил югославскую делегацию на свою дачу ужинать, и ужин, по сложившейся сталинской традиции, затянулся до глубокой ночи.

Телеграмму «от имени советского правительства» Джилас действительно написал — на листочке из тетради в клеточку. Он сохранился в югославских архивах. Ее текст, в принципе, подтверждает изложенную в мемуарах Джиласа версию — Сталин согласился на объединение Югославии и Албании[298]. Почти то же самое Джилас сообщил в Белград в своей собственной депеше. Правда, в обеих телеграммах он передавал пожелание Сталина не слишком спешить с объединением. «Товарищ Сталин считает, что самое важное — сохранить форму албанской независимости и свободного определения… чтобы не возникало впечатления, будто югославы хотят их (албанцев. — *Е. М.)* поработить, и тому подобное», — писал Джилас[299].

Казалось, Тито мог торжествовать: Сталин полностью

поддержал его в албанском вопросе. Никто и представить себе не мог, что до резкого обострения отношений с Москвой остается всего лишь несколько дней…

Помимо югославо-греческих и югославо-албанских, Москву также беспокоили и югославо-болгарские отношения. 30 июля — 1 августа 1947 года на встрече Тито и руководителя Болгарии Георгия Димитрова на озере Блед в Словении был заключен ряд соглашений между двумя странами. Но главное, что на ней был согласован и одобрен текст бессрочного Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Югославией и Болгарией. Этот документ вызвал весьма недоброжелательную реакцию Сталина.

Еще в конце войны между югославами и болгарами начались переговоры о создании федерации или конфедерации Югославии и Болгарии. Варианты предлагались разные, но все они, естественно, поступали на утверждение в Москву. Так, например, в январе 1945 года Сталин не одобрил идею вхождения Болгарии в Югославию в качестве одной из ее республик. Он считал, что это должен быть равноправный союз, и одобрил идею разработки договора о таком союзе[300].

Однако планы союза стали известны англичанам и американцам, и они выступили против его заключения: поскольку Болгария, как страна, находящаяся в стадии перемирия, по их мнению, не имела права заключать его до тех пор, пока с ней официально не будет подписан мирный договор. Советское руководство вынуждено было с этим согласиться и рекомендовало Белграду и Софии подождать с заключением договора о союзе до подписания мира с Болгарией.

Тито и Димитров послушались. Они решили не оглашать текст договора. Однако по результатам их переговоров был опубликован протокол, в котором упоминалось о разработке бессрочного Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Западные газеты тут же подняли шум. Договор расценили как «угрозу миру на Балканах», «попытку советской экспансии на юг», «наступление на Грецию» и т. д.

12 августа 1947 года Сталин поручил советскому послу в Белграде Лаврентьеву передать Тито срочную телеграмму. «Советское правительство считает, что оба правительства допустили ошибку, заключив пакт, к тому же бессрочный, до вступления в силу мирного договора (с Болгарией. — *Е. М.),* несмотря на предупреждения Советского правительства, — гласила она. — Советское правительство считает, что своей торопливостью оба правительства облегчили дело реакционных англо-американских элементов, дав им лишний повод усилить

военную интервенцию в греческие и турецкие дела против Югославии и Болгарии»[301]. Сталин предупреждал, что Москва не может взять на себя ответственность за пакты, которые «заключаются без консультаций с Советским правительством». Почти такая же телеграмма была направлена и Димитрову.

Историк Леонид Гибианский справедливо заметил, что телеграмма Сталина находилась не в ладах с логикой. Во-первых, обвинения Тито и Димитрова в излишней торопливости можно принять лишь с большой натяжкой. Мирный договор с Болгарией был подписан еще в феврале 1947 года на Парижской мирной конференции и официально вступал в силу с сентября. Между тем югославы и болгары по результатам встречи в Бледе объявили о том, что договор о союзе между ними только разработан и согласован, а это значит, что он мог быть подписан уже после вступления в силу мирного договора. Другими словами, они не нарушали сталинских рекомендаций.

И наконец, как их «торопливость» могла дать англо-американцам «лишний повод усилить военную интервенцию в греческие и турецкие дела против Югославии и Болгарии»? Очевидно, что такой повод мог дать им только сам факт заключения югославо-болгарского союза, который, как уже говорилось, рассматривался Западом как реальная угроза своим интересам на юге Европы. Но вот против этого союза Сталин-то как раз и не возражал. Другими словами, острое недовольство Сталина могло быть вызвано не столько какой-либо реальной опасностью, связанной с «торопливостью» Тито и Димитрова, а какими-то другими причинами. Либо он был вообще против этого договора, но старался пока скрывать истинные мотивы своих действий, либо его больше всего возмутило то, что Тито и Димитров предварительно не уведомили Москву о своих действиях[302]. Истинные причины поступков Сталина, впрочем, всегда понять сложно.

Несмотря на противоречия в сталинской телеграмме, и Тито, и Димитров тут же признали свою ошибку. Получив телеграмму Сталина, болгарский руководитель направил шифровку Тито: «Необходимо аннулировать этот акт до наступления благоприятного времени после консультаций с СССР». Тито, в свою очередь, сообщил в Москву, что готов опровергнуть сообщения о югославо-болгарском договоре, «если на это согласны болгары»[303]. Опровергать, правда, ничего не понадобилось. 15 сентября вступил в силу мирный договор с Болгарией, и уже на следующий день Сталин дал Тито и Димитрову «добро» на подписание договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Договор был подписан 27

ноября. Опять-таки с учетом сталинских пожеланий: не «бессрочно», а на 20 лет, а текст договора заблаговременно был отослан в Москву на согласование. Казалось, что и этот инцидент в советско-югославских отношениях к началу 1948 года был исчерпан.

Однажды Тито спросили: когда он впервые почувствовал, что в его отношениях со Сталиным происходит что-то не то. «В 1947 году, — ответил он, — когда они начали обвинять нас в том, что мы занимаем недружественную позицию по отношению к их специалистам. Тогда я увидел, что это похоже на известную басню, в которой волк обвиняет ягненка в том, что тот мутит воду, хотя и пьет после него. Тогда я почувствовал, что что-то не в порядке»[304].

Но вряд ли именно эта история стала непосредственной причиной для атаки на Югославию. И даже не проблемы с Грецией, Албанией и Болгарией — при желании их можно было бы довольно быстро решить. Сталина беспокоило что-то еще, чего, по его мнению, нельзя было решить простым вызовом Тито «на ковер».

Что же так не нравилось Сталину в Тито? Главное, по нашему мнению, было в том, что поступавшие к Сталину донесения из Югославии постепенно убеждали его: Тито мнит себя фигурой если не такой же, то сопоставимой с ним, Сталиным, величины.

ТИТО ПРОТИВ СТАЛИНА

Зима 1948 года: первые заморозки

Первым раундом переговоров Джиласа со Сталиным Тито остался доволен. Он был настолько окрылен согласием Сталина признать югославские интересы в Албании, что уже 19 января совершил шаг, который во многом и оказался для него роковым.

Тито обратился к албанскому лидеру Энверу Ходже с предложением создать в районе албанского города Корча югославскую военную базу и разместить там дивизию югославской армии. Необходимость такого шага Тито видел в защите Албании от «греческих монархо-фашистов при поддержке англо-американцев». 20 января Ходжа с идеей Тито согласился.

В эти дни произошло еще одно событие, которое подтолкнуло развитие конфликта.

17 января, возвращаясь поездом из Бухареста, где был подписан договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Болгарией и Румынией, болгарский руководитель Георгий Димитров отвечал на вопросы журналистов. Спросили его и о возможном создании федерации восточноевропейских стран. Димитров ответил, что когда этот вопрос созреет, то народы «Румынии, Болгарии, Югославии, Албании, Чехословакии, Польши, Венгрии и Греции — запомните, и Греции! — его решат».

Слова Димитрова наделали много шума. Получалось, что он как бы раскрывал планы Москвы и ее союзников в отношении Греции, где еще шла гражданская война. На Западе поднялась шумиха по поводу «агрессивных планов Москвы».

Сталин был вне себя. «Трудно понять, — раздраженно писал он Димитрову, — что побудило Вас сделать такие неосторожные и непродуманные заявления»[305].28 января «Правда» уже открыто осудила заявление Димитрова, назвав идею федерации и таможенного союза «проблематической и надуманной»[306]. Копию этой телеграммы Сталин распорядился послать Тито. 4 февраля — опять-таки Димитрову и Тито — были направлены телеграммы, разъясняющие, почему Москва считает заявления болгарского руководителя «вредными».

Тито был полностью согласен со Сталиным. 19 января Джилас в Москве получил шифровку Ранковича из Белграда. «Товарищ маршал, — писал Ранкович, — поручает тебе попросить их (советских руководителей. — *Е. М.)* повлиять на болгарских товарищей, чтобы те были осторожнее, делая заявления.

Особенно мы имеем в виду последнее заявление Димитрова в Румынии о Греции, о федерации восточноевропейских народов и о роли болгаро-югославского пакта. На основании его заявлений о Греции американцы и греческая реакция могут попытаться свалить вину (за гражданскую войну в Греции. — *Е. М.)* на страны — соседей Греции. Вообще, такие заявления вредны, и могут подумать, что это является и нашей позицией»[307].

Таким образом, позиции Сталина и Тито по вопросу создания «Восточноевропейской федерации» сначала совпадали. И казалось, что на фоне критики такого заслуженного в коммунистическом мире человека, как Димитров, доверие «вождя народов» к Тито высоко как никогда.

Однако Джиласа в Москве не оставляли странные ощущения — как будто в советско-югославских отношениях происходит что-то не то. Состоялась, например, встреча с министром вооруженных сил СССР Булганиным, который пообещал рассмотреть просьбу югославов о поставке советской военной техники. Однако переговоры вдруг начали затягиваться. Ничем не закончились и переговоры с министром внешней торговли СССР Микояном. «Было ясно, — констатирует Джилас, — что колеса советской машины заторможены в югославском направлении». Он утверждал, что в это время в гостиничных номерах еще и установили прослушивающую аппаратуру[308].

Ни Джилас, ни даже Тито не знали, что к Сталину из Белграда поступила информация, которая привела «вождя народов» в еще большее раздражение, чем заявления Димитрова — о планах югославов создать военную базу в Албании.

Тито принял это решение, не поставив в известность Москву. Советский посол в Белграде Лаврентьев узнал о нем из собственных источников и уже 21 января направил в Центр соответствующее донесение. Лаврентьев особо подчеркивал, что «все вопросы, относящиеся к этим албано-югославским переговорам, решались и решаются без участия советских военных советников при югославской армии»[309]. Другими словами, «младшие братья» Советского Союза говорили и делали что хотели, не согласовывая свои поступки с Москвой.

29 января Тито сообщили, что Лаврентьев просит срочно его принять. Он заявил, что Москва обеспокоена тем, что вступление югославских войск в Албанию может быть использовано «англосаксами» для военного вмешательства под предлогом «защиты независимости Албании».

Тито подтвердил, что договоренность о введении югославской дивизии в Албанию достигнута с Энвером Ходжей. По его мнению, «нужно дать понять греческим монархистам, что

Югославия будет серьезно защищать Албанию» в случае нападения на нее греков при поддержке англичан.

Он попросил Лаврентьева сообщить в Москву, что не разделяет опасений советских товарищей, но пока приостановит отправку дивизии в Албанию, а если Советский Союз сочтет, что это нецелесообразно, то Югославия последует его рекомендации. Тито в полушутливом тоне заметил, что если все же Греция захватит Южную Албанию, то «Югославия вместе с Советским Союзом будет расхлебывать эту кашу»[310]. Но его объяснений Москва как будто и не услышала.

1 февраля Лаврентьев передал Тито новое послание из Москвы за подписью Молотова. Оно было написано уже совсем другим языком.

«Товарищу Тито.

Из Вашей беседы с т. Лаврентьевым видно, что Вы считаете нормальным такое положение, когда Югославия, имея договор о взаимопомощи с СССР, считает возможным не только не консультироваться с СССР о посылке своих войск в Албанию, но и даже просто информировать СССР об этом в последующем порядке. К Вашему сведению сообщаю, что Совпра (советское правительство. — *Е. М.)* совершенно случайно узнало о решении югославского правительства относительно посылки Ваших войск в Албанию из частных бесед советских представителей с албанскими работниками. СССР считает такой порядок ненормальным. Но если Вы считаете такой порядок нормальным, то я должен заявить по поручению Правительства СССР, что СССР не может согласиться с тем, чтобы его ставили перед свершившимся фактом. И, конечно, понятно, что СССР, как союзник Югославии, не может нести ответственность за последствия такого рода действий, совершаемых югославским правительством без консультаций и даже без ведома Советского правительства.

Тов. Лаврентьев сообщил нам, что Вы задержали посылку югославских войск в Албанию, что мы принимаем к сведению. Однако, как видно, между нашими правительствами имеются серьезные разногласия в понимании взаимоотношений между нашими странами, связанными между собой союзническими обязательствами. Во избежание недоразумений следовало бы эти разногласия так или иначе исчерпать. Молотов»[311].

Резкий и обвинительный тон письма неприятно поразил Тито. Лаврентьев сообщал, что Тито прочитал послание дважды и, «необычайно взволнованный, сказал, что не ожидал, что Советское правительство придает этому делу такое значение. Он признает, что была допущена ошибка» и что впредь всегда будут

проводиться консультации с Советским Союзом по внешнеполитическим вопросам. Тито заявил, что югославская дивизия не будет введена в Албанию и что в этой ошибке виновен он, Тито, как главнокомандующий. В конце беседы Тито заметил, что не согласен с Молотовым в том, что между правительствами двух стран существуют серьезные разногласия и что это был единственный случай, когда Югославия не согласовала своих действий с Советским Союзом. На это Лаврентьев возразил, что в прошлом году Югославия вопреки рекомендациям Москвы заключила договор о сотрудничестве с Болгарией, и это произошло еще до вступления в силу мирного договора с этой страной. «На это, — отмечает советский посол в своем донесении, — Тито ничего не ответил»[312].

Тито снова признал свои ошибки, но Сталина это уже не интересовало.

2 февраля Лаврентьев передал Тито новое послание из Москвы. «Мы считаем, что у нас с Вами имеются серьезные разногласия по внешнеполитическим вопросам… — говорилось в нем. — Просим прислать в Москву двух-трех ответственных представителей югославского правительства для обмена мнениями. Приглашены также представители болгарского правительства. Срок приезда не позже 8–10 февраля. Сообщите Ваше мнение. Молотов»[313].

Очевидно, что Сталин вызывал к себе «на ковер» не просто каких-то «ответственных представителей», а самого Тито. Тем более что болгарскую делегацию возглавил Димитров — несмотря на болезнь, он не осмелился не поехать в Москву. А вот Тито поступил иначе. Он остался в Белграде, сославшись как раз на плохое самочувствие. Это, по мнению Джиласа, говорило о существующем взаимном недоверии[314]. Тито помнил о судьбе своего предшественника Милана Горкича, который приехал в Москву в 1937 году и больше оттуда никогда не вернулся.

Югославию на встрече у Сталина представляли Эдвард Кардель, тогдашний глава правительства Хорватии Владимир Бакарич и присоединившийся к ним в Москве Джилас. О встрече можно составить представление по воспоминаниям ее участников с югославской стороны — Джиласа и Карделя[315], а также по записям в «Дневнике» Димитрова, который много лет вел лидер болгарских коммунистов[316]. С советской стороны, по некоторым данным, запись беседы вел зам главы советского МИДа Зорин, но она до недавнего времени оставалась еще нерассекреченной.

Вот как описывает начало встречи Джилас.

Около девяти вечера 10 февраля их посадили в автомобиль и отвезли в Кремль. Там минут пятнадцать югославы ждали

болгарскую делегацию. Когда она приехала, их всех сразу повели к Сталину. Встреча в кремлевском кабинете Сталина началась примерно в 9.15 вечера.

Кроме него самого с советской стороны присутствовали Молотов, Маленков, Жданов, Суслов и заместитель министра иностранных дел Зорин. Первым слово взял Молотов, который заявил, что возникли серьезные разногласия между СССР, с одной стороны, и Болгарией и Югославией — с другой. И стал пояснять какие.

Тут вмешался Сталин, до этого молча рисовавший что-то в своем блокноте. «Товарищ Димитров слишком увлекается на пресс-конференциях, — сказал он. — А все, что говорит он, что говорит Тито, за границей воспринимают, как будто это сказано с нашего ведома». Димитров оправдывался, но Сталин его все время перебивал, все больше и больше распаляясь. «Да, но вы не посоветовались с нами! — воскликнул он. — Мы о ваших отношениях узнаем из газет! Болтаете, как бабы на перекрестке, все что взбредет вам в голову, а журналисты подхватывают!» Димитров признал, что они ошиблись, но добавил, что на этих ошибках они учатся. Сталина это нисколько не смягчило: «Учитесь! Занимаетесь пятьдесят лет политикой и исправляете ошибки! Тут дело не в ошибках, а в позиции, отличающейся от нашей!»

Джилас в этот момент посмотрел на Димитрова и увидел, что тот покрылся красными пятнами. Сталин между тем продолжал критиковать болгар, заявив, что федерация между Болгарией и Румынией — это полная чепуха. «Другое дело, — добавил он, — федерация между Югославией, Болгарией и Албанией. Тут существуют исторические и другие связи. Эту федерацию надо создавать чем раньше, тем лучше. Да, чем скорее, тем лучше, если возможно — завтра! Да, завтра, если возможно! Сразу и договоритесь об этом!» Кардель заметил, что работа над югославо-албанской федерацией уже идет. Однако Сталин возразил: «Нет, сначала федерация Югославии и Болгарии, а потом к ним присоединится уже Албания». Потом добавил, что следует создать также федерации Румынии с Венгрией и Польши с Чехословакией.

У Димитрова же этот эпизод изображен так.

Сталин заявил, что «югославы, видимо, боятся, что мы отнимем у них Албанию. Албанию вам следует взять, но умно… Только три федерации возможны и естественны: 1. Югославия и Болгария; 2. Румыния и Венгрия; 3. Польша и Чехословакия. Вот такие федерации возможны и реальны. Конфедерация между ними — это что-то надуманное… Создавайте ее, если хотите,

завтра. Это естественно, и мы не имеем ничего против. Мы только против комсомольских методов объединения. Федерацию следует подготовить, чтобы она была приемлема для общественного мнения внутри страны и за границей… Вы тут ошибаетесь. Вам нельзя мешкать с объединением трех стран — Югославии, Болгарии, Албании… Лучше начать с политического объединения и тогда направлять войска в Албанию — тогда это не может служить предлогом для нападения. Было преждевременно создавать федерацию, пока не было договора о мире с Болгарией. Но теперь Болгария нормальное и полноправное государство. Сегодня, по-моему, вам нельзя откладывать этот вопрос — лучше его ускорить…».

Джилас вспоминал, что после этих слов все замолчали. Вероятно, осознавали важность услышанного — ведь «вождь народов» развернул перед ними картину настоящего переустройства Европы. Потом болгары опять попытались оправдываться тем, что проект договора с Румынией они предварительно посылали в Москву, но Сталин в очередной раз набросился на Димитрова: «Ерунда! Вы зарвались, как комсомолец. Вы хотели удивить мир, как будто вы все еще секретарь Коминтерна. Вы и югославы ничего не сообщаете о своих делах. Мы все узнаем на улице — вы ставите нас перед свершившимися фактами!»

В «Дневнике» Димитрова сталинская критика в его адрес описывается очень похоже: «Вы старый политический деятель. О какой ошибке можно говорить? У вас есть другая постановка, хотя, может быть, вы и сами не осознаете это. Нельзя давать интервью так часто. Хотите сказать нечто новое и удивить весь мир! Вы говорите, как будто вы еще Генеральный секретарь Коминтерна и даете интервью коммунистической газете. Вы даете пищу реакционным элементам в Америке для убеждения общественного мнения в том, что Америка не делает ничего особенного, когда создает западный блок, потому что на Балканах имеется не только блок, но и таможенная уния…

Будут говорить: „Вы создаете не только блок, но и объединяете целый ряд государств — против кого?“ Зачем вам нужен подобный блок? Наконец, если хотите объединиться, зачем поднимать такой шум вокруг этого? Вы или неопытные люди, или увлекаетесь, как комсомольцы, которые, как бабочки, летят прямо на пламя. Для чего вам все это нужно? Зачем облегчаете положение наших врагов в Англии, Америке, Франции?»

Джилас отмечал, что до этого момента Сталин в основном метал громы и молнии в адрес болгар. Но вот, наконец, слово получил Кардель. Покраснев и втянув голову в плечи, он сказал,

что в целом не видит никаких расхождений в политике между Югославией и СССР. Однако Сталин грубо прервал и его: «Ерунда! Расхождения есть, и глубокие! Что вы скажете насчет Албании? Вы вообще не проконсультировались с нами в отношении ввода своих войск в Албанию!»

У Димитрова эти слова Сталина выглядят следующим образом: «Если Тито вводит туда дивизию или только полк, это не ускользнет от внимания Америки и Англии. Они начнут кричать, что Албания оккупирована. Разве Албания официально обращалась к Югославии за помощью? И тогда эти мерзавцы из Англии и Америки явятся в роли защитников албанской независимости… Югославия будет представлена как страна, которая оккупирует другую независимую страну. И тогда, безусловно, возможна военная интервенция. Американские корабли, базы стоят. Это будет самая удобная и благородная позиция для Америки. Когда начинаешь войну, надо строить фронт, как выгодно тебе, а тут просто подставили свою спину, чтобы она была бита американцами».

Кардель, по словам Джиласа, сказал, что югославы всегда советуются с Москвой, но Сталин опять прервал его: «Неправда! Вы вообще не советуетесь! Это у вас не ошибка, а принцип — да, принцип!»

Потом Сталин перешел к Греции. «Верите ли вы в успех восстания в Греции?» — спросил он у Карделя. Кардель начал говорить, что если не усилится иностранная интервенция и если не будут допущены крупные политические ошибки, то… Но Сталин снова прервал его: «Если, если! Нет у них никаких шансов на успех. Вы думаете, что Великобритания и Соединенные Штаты — самая мощная держава в мире — допустят разрыв своих транспортных артерий в Средиземном море! Ерунда! А у нас флота нет. Восстание в Греции надо свернуть как можно скорее».

У Димитрова так описывается этот же момент встречи: «Сталин: В Греции они хотят иметь базу и не пожалеют средств, чтобы сохранить там такое правительство, которое их слушается. Это большой международный вопрос. Если свернуть партизанское движение, не будет повода напасть на вас. Не так легко начать сегодня войну, если у них не будет такого повода, что вы организуете в Греции гражданскую войну. Если вы убеждены, что партизаны имеют шансы на победу, это — другой вопрос. Но я сомневаюсь в этом»[317].

Димитров заговорил об экономических отношениях с Советским Союзом, но Сталин его снова прервал: «Об этом мы будем говорить с совместным болгаро-югославским правительством». Правда, в конце разговора он вроде бы

попытался смягчить напряжение: «Мы, ученики Ленина, тоже часто расходились во мнениях с самим Лениным, даже ссорились по некоторым вопросам, но потом — всё, подискутировали, определили точки зрения — и шли дальше». На этом встреча закончилась.

На следующий день Молотов пригласил Карделя в Кремль для подписания соглашения о консультациях между СССР и Югославией по внешнеполитическим вопросам. Он положил на стол два экземпляра документа в синих папках и сухо сказал: «Подпишите». Кардель был настолько подавлен всем происшедшим, что подписал соглашение неправильно — поставил свою подпись на том месте, где должна была стоять подпись Молотова. Потом ему пришлось повторить эту процедуру.

Кардель сообщил Молотову, что Тито готов приехать в Москву в марте или апреле — для того чтобы устранить разногласия по вопросу об Албании[318]. Молотов, посоветовавшись со Сталиным, сказал, что Сталин к идее приезда Тито отнесся положительно[319]. Димитров записал в своем «Дневнике»: «Обедали в Мещерино с югославскими товарищами. Договорились, что ЦК-югославский и ЦК-болгарский изучат сразу вопрос об ускоренном объединении Болгарии и Югославии в единую федерацию»[320]. Через три-четыре дня после кремлевского разговора югославская делегация вылетела в Белград. По словам Джиласа, «на заре нас отвезли на Внуковский аэродром и без всяких почестей пихнули в самолет»[321].

Что на самом деле двигало Сталиным, когда он в феврале 1948 года разворачивал перед ошеломленными болгарами и югославами картину переустройства Европы? Возможно, он не случайно настаивал на скорейшем создании именно югославо-болгарской федерации. Эти страны возглавляли два самых влиятельных и известных лидера — Тито и Димитров. Объединение Югославии и Болгарии могло бы существенно усилить контроль Москвы над ними. Но это, разумеется, лишь одна из версий.

После разговора у Сталина Джилас сказал, что придется, наверное, создавать федерацию с Болгарией, однако Кардель ему возразил: «Такая федерация помогла бы Сталину забросить к нам троянского коня, после чего он убрал бы Тито, а затем и наш ЦК». Впрочем, отправив в Белград телеграмму, они закончили ее такими словами: «Не следует упускать из виду, что товарищ Сталин испытывает любовь ко всему ЦК КПЮ, особенно к товарищу Тито».

12 февраля 1948 года, когда югославы еще находились в

Москве, французская газета «Фигаро» напечатала сообщение своего корреспондента из Бухареста: «Румынские рабочие снимают со стены портрет Тито».

В это время к Тито зашел его будущий биограф Владимир Дедиер. «Ты знаешь, что происходит в Румынии? — спросил его Тито. — Они приказали снять все мои портреты. Ты, наверное, уже читал об этом в сообщениях иностранных агентств?» Как вспоминал Дедиер, его удивила серьезность, с какой Тито сказал это. Сам он читал об этих событиях, но считал, что это очередная журналистская «утка».

Тито затянулся сигаретой. «Какое прекрасное было время во время войны, в дни Пятого наступления, когда мы были окружены немцами со всех сторон, — сказал он. — Тогда мы знали что предоставлены сами себе, и пробивались, как могли и как умели… А сейчас… Когда есть все условия нам помочь, русские нам вставляют палки в колеса…»[322]

«Посмотрим, что будет дальше, — добавил он, помолчав. — В Москве сейчас Кардель, Джилас и Бакарич». — «Разве они не обсуждают там вопросы военной помощи и инвестиции в нашу военную промышленность?» — спросил Дедиер. «Не только это. Речь идет о гораздо более серьезных вещах», — заметил Тито[323].

Странные происшествия тем временем продолжались. 28 февраля на приеме в Тиране по случаю 30-й годовщины Советской армии поверенный в делах СССР в Албании Гагаринов произнес тост: «За товарища Тито, если он работает на укрепление сил и единства демократического блока». Югославский посол тут же заявил, что за здоровье товарища Тито можно выпить и без всяких оговорок. В Белграде Кардель выразил по этому поводу недоумение советскому послу Лаврентьеву.

Две недели после возвращения югославской делегации из Москвы Тито пытался понять, что происходит. Только 1 марта 1948 года в резиденции Тито в Белграде состоялось расширенное заседание политбюро ЦК КПЮ. «Наши отношения с Советским Союзом в последнее время зашли в тупик», — констатировал он, открывая его.

Тито сказал, что русские выступают за немедленное создание югославо-болгарской федерации, однако он лично сейчас против этого. «Русские оказывают на нас экономическое давление», — заявил Тито, призвав «выдержать это давление», потому что «здесь речь идет о независимости нашей страны».

Потом слово взял Кардель. Он отметил, что Сталин говорил с ними «грубо, как с комсомольцами», и что русские с помощью создания федерации хотят усилить свое влияние на Югославию. После небольшой дискуссии Тито спросил: «Считает ли кто-то из

товарищей, что существуют разногласия во внешней политике?» Видимо, руки не поднял никто, и маршал констатировал: «Нет».

Затем выступили Кардель, Джилас, Вукманович-Темпо, Борис Кидрич, Ранкович, Коча Попович. Итоги обсуждения подвел Тито, сказав, что время для создания федерации сейчас не самое лучшее, потому что югославы создали свою федерацию в ходе войны и нужно еще много работать над ее укреплением. К тому же, заметил он, «Болгария — нищая страна, они должны выплатить грекам 45 миллионов репараций». Болгары форсируют создание федерации, но экономические условия для этого, по словам Тито, еще не созрели, и «мы бы себя обременили». Более того, заметил Тито, «в идеологическом плане они (болгары. — *Е. М.)* отличаются от нас, — сказал он. — Это был бы троянский конь в нашей партии».

«Было бы ошибочно соблюдать коммунистическую дисциплину, если это вредит какой-либо новой концепции, — продолжал он. — …Мы не пешки на шахматной доске. Пока не прояснится, пока не выкристаллизуется вся ситуация, федерация неосуществима»[324].

Как рассказывал Джилас автору, Тито внес предложение о своей отставке. Все бурно запротестовали. Отставка не состоялась. Отмолчался только Сретен Жуйович (партийный псевдоним — «Черный»), Если все было именно так, то дальше станет понятно, почему он молчал.

Заседание 1 марта имело историческое значение. Если болгары во главе с Георгием Димитровым полностью подчинились Сталину и на 40 ближайших лет Болгария превратилась в самого тихого и послушного сателлита Москвы, то Югославия пошла другим путем. Но, несмотря на то что югославы совещались в обстановке строгой секретности, все подробности заседания вскоре стали известны Сталину.

В истории конфликта Тито со Сталиным не последнюю роль сыграли два человека, от которых на первый взгляд не зависело принятие никаких стратегических решений.

Во-первых, это тот самый Сретен Жуйович, «Черный», который, по рассказу Джиласа, отмалчивался, когда все бурно убеждали Тито не уходить в отставку. Старый революционер, член руководства КПЮ еще при Милане Горкиче и единственный человек из «старого» состава ЦК, которого Тито в 1938 году включил в сформированное им новое политбюро. Во время войны — один из организаторов восстания в Сербии, член Верховного штаба НОАЮ. После войны — министр финансов и генеральный секретарь Народного фронта. Имел звание генерал-полковника югославской армии, югославские и советские награды.

После войны Жуйович начал поддерживать тесные связи с советскими представителями в Югославии и информировать их о том, что происходит в югославском руководстве. Сначала это казалось вполне естественным. Но, когда отношения между Москвой и Белградом стали осложняться, такое поведение выглядело уже совсем по-другому.

На следующий день после заседания у Тито Жуйович пришел к советскому послу в Белграде Анатолию Лаврентьеву. Это — второй человек, который сыграл немалую роль в развязывании конфликта. Он и раньше указывал Москве на «недружественные» поступки Тито, а с марта 1948 года для него наступил поистине «звездный час».

Со слов Жуйовича Лаврентьев составил срочную телеграмму в Москву. В отличие от лаконичного и сухого югославского отчета о заседании у Тито, она написана гораздо более красочно и вместе с тем гораздо более пристрастно.

Например, если Тито говорил, что совершил ошибку, не информировав заранее Москву о намерении послать дивизию в Албанию, то в телеграмме Лаврентьева указывалось, что он сейчас уже «не уверен, нужно ли было вообще уведомлять Советский Союз по этому вопросу». Слова Тито об экономических трениях с Москвой звучали так: «Оказывается, Советский Союз хочет экономически захватить Югославию. Он (Тито. — *Е. М.)* и раньше думал, что Советский Союз хочет захватить руководящую роль в Югославии, хотя об этом ни с кем не говорил»[325]. Как отмечал Лаврентьев, у Жуйовича осталось ощущение, будто Тито боится, как бы кто-нибудь не отобрал у него власть и в какой-либо степени не ущемил его авторитет[326]. Текст этой депеши представляет собой не просто «информацию к размышлению», а фактически подводит тех, кто ее будет читать в Москве, к выводу: у власти в Белграде стоят люди, которым ни в коем случае нельзя доверять. И если раньше предупреждения Лаврентьева о «недружелюбном» поведении Тито не вызывали ответной реакции в Москве, то теперь все резко изменилось.

7 марта Молотов поручил Лаврентьеву сообщить Жуйовичу, что «ЦК нашей партии благодарит т. Жуйовича, считая, что он делает хорошее дело как для Советского Союза, так и для народа Югославии, разоблачая мнимых друзей Советского Союза из югославского ЦК».

Лаврентьев продолжал передавать информацию. Его главным источником по-прежнему оставался Жуйович. Он, например, советовал Москве через посла, как эффективнее всего «разоблачить» Тито. Лучше всего, по его мнению, было бы поставить вопрос о присоединении Югославии к СССР, и Тито не

смог бы отклонить это предложение, «не разоблачив себя». Но такую идею не позволяет осуществить международная обстановка, поэтому, считал Жуйович, может быть, лучше пригласить его и югославскую делегацию в Москву для открытого разговора. Если они будут отрекаться, тогда Жуйович согласен выступить с разоблачениями Тито.

Сам Жуйович признался, что у него бродят даже такие мысли: «Уж не договорились ли между собой Тито и англо-американцы…» Чуть позже он сообщал, что «Тито и другие вынашивают мысль своего теоретического обоснования построения социализма новым путем и что Югославия является примером такого развития. Поэтому проявляется стремление оторваться от Советского Союза, а также проявляется настроение охаивания положения в СССР»[327].

Югославы понятия не имели, что все их секретные обсуждения известны Москве. Это видно по встрече Тито и Лаврентьева, которая состоялась 11 марта. Тито сыпал недоуменными вопросами. Почему СССР отказывается заключить с Югославией торговое соглашение? Что означал странный тост посланника Гагаринова? Почему у советских товарищей не нашла положительного ответа просьба Югославии о строительстве ее военно-морского флота в СССР? Может быть, в СССР чем-то недовольны Югославией? Но ведь даже, заметил Тито, в одной семье бывают неполадки между братьями.

Интересные детали вспоминает тогдашний корреспондент ТАСС в Белграде Л. Латышев: «Сообщения из Белграда тогда печатались в советских газетах практически ежедневно. Интерес к происходящему в Югославии и вокруг нее был огромным. Но в начале 1948 года наши корреспонденции все реже стали появляться в газетах, а потом и вовсе исчезли… В редакции лишь говорили: „Давай присылай информацию“. Я присылал, но положение не менялось»[328].

18 марта раздался первый удар грома. Москва объявила, что отзывает из Югославии всех своих военных и гражданских специалистов — потому что они окружены «недружелюбием». Тито был очень взволнован и попытался доказать, что произошло какое-то недоразумение. Он просил советское правительство «откровенно» сообщить, «в чем здесь дело», и указать на то, что, по его мнению, не соответствует хорошим отношениям между двумя странами[329].

Когда Тито писал свое письмо, то не мог знать, что днем раньше, 19 марта, секретарю ЦК Суслову была подана записка «Об антимарксистских установках руководителей Югославии в вопросах внутренней и внешней политики». В ней Тито и его

соратники обвинялись в игнорировании марксистско-ленинской теории, проявлении недружелюбного отношения к СССР и ВКП(б), оппортунизме по отношению к кулачеству, переоценке своих достижений строительства социализма, а также в том, что они допускают элементы авантюризма во внешней политике, претендуя на руководящую роль на Балканах и в придунайских странах и отрицают роль СССР как решающей силы лагеря народной демократии и социализма[330]. Таким образом, в бой против Тито готовилась вступить «тяжелая идеологическая артиллерия».

Последняя группа гражданских специалистов отправилась в Москву 27 марта. В тот же день Молотов сообщил советскому послу, что в Белград вылетает его помощник Лавров с письмом, «которое вам надлежит немедленно передать по назначению»[331]. Речь шла о письме Сталина и Молотова Тито и ЦК КПЮ, с которого началась вторая — и гораздо более драматическая — стадия советско-югославского конфликта.

Сталин и Тито переписываются

27 марта посол Лаврентьев и советник-посланник посольства СССР Армянинов отправились в Загреб, где на своей вилле «Вайс» находился Тито. В руках Лаврентьев держал письмо Сталина и Молотова, которое после взаимных приветствий сразу же передал Тито. Тито быстро пробежал его глазами. По его словам, когда он прочитал первые строчки, его «как будто громом поразило». «Ох, как мне было тяжело, — вспоминал он позже. — Я стоял, опершись о край стола, и читал это длинное письмо. Во мне происходило что-то ужасное, я был страшно огорчен»[332].

Тито бросились в глаза гриф «Секретно» в верхнем правом углу первой страницы письма и длинная подпись в конце: «По поручению ЦК ВКП(б) Молотов, И. Сталин. 27 марта 1948 г., Москва». Он сел и начал читать письмо более внимательно. «Я сдерживался как мог и старался не выдать своего волнения, — рассказывал Тито. — Лаврентьев подошел ко мне поближе, не спуская с меня глаз. Не удержавшись, он, не дожидаясь, пока я дочитаю письмо до конца, а в нем было восемь страниц, спросил: „Когда мы получим ответ?“ Я ему коротко ответил на русском: „Мы обсудим и ответим“. Потом сказал „до свидания“. Он повернулся и вышел»[333].

Тогдашнее состояние Тито легко понять. Адресованное «Товарищу Тито и другим членам ЦК югославской компартии» письмо Сталина и Молотова было написано в крайне грубых и оскорбительных для югославов выражениях. Больно их уколол и

тот факт, что оно было передано им именно 27 марта — в этот день в 1941 году начались массовые выступления против союза с Гитлером.

«Нам известно, — говорилось в письме, — что в Югославии бытуют различные антисоветские высказывания, как например, что „ВКП(б) вырождается, что в СССР господствует великодержавный шовинизм“, что „СССР стремится экономически поработить Югославию“, что „Коминформ — средство ВКП(б) для подчинения других партий“ и тому подобные. Эти антисоветские заявления обычно прикрываются левацкой фразеологией о том, что социализм в СССР перестал быть революционным, что только Югославия является настоящим носителем революционного социализма. Конечно, смешно слушать подобные сказки о ВКП(б) из уст сомнительных марксистов типа Джиласа, Вукмановича, Кидрича, Ранковича и других. Но дело в том, что такие заявления давно бытуют в среде многих руководящих деятелей Югославии, продолжают иметь место и сейчас, создают атмосферу антисоветизма, которая ухудшает отношения между ВКП(б) и КПЮ».

Далее утверждалось, что хотя в Москве и признают право югославов на критику, эта критика должна быть «открытой и честной», а югославы «действуют из-за спины», официально «фарисейски хваля и вознося до небес» ВКП(б), поэтому «такая критика превращается в клевету, в попытку дискредитировать ВКП(б)» и «взорвать советскую систему». В этом руководители КПЮ сравнивались с Троцким, который, «как известно, был выродком» и заклятым врагом ВКП(б) и Советского Союза. «Мы считаем, что политическая карьера Троцкого достаточно поучительна», — многозначительно подчеркивали авторы.

Югославские руководители обвинялись в том, что в КПЮ «не чувствуется внутрипартийная демократия», а «партийные кадры поставлены под контроль министра государственной безопасности», что в партии отсутствует «дух классовой борьбы» и наблюдается потакание «капиталистическим элементам». Югославов сравнили с меньшевиками, отметив, что «т. Ленин уже тогда охарактеризовал этих меньшевиков как пакостных оппортунистов и ликвидаторов партии».

Москва возмущалась, «почему английский шпион Велебит продолжает оставаться в системе мининдела Югославии в качестве первого помощника министра». (Владимир Велебит — участник партизанской войны, находился на подпольной работе в Загребе; потом — член Верховного штаба НОА и ПОЮ, член югославских военных миссий в Египте и Италии, глава военной миссии в Англии. После войны — замминистра иностранных дел.

Из-за своей длительной работы на Западе Велебит и удостоился сталинского звания «английский шпион». Кстати, после обвинений Москвы в свой адрес Велебит подал в отставку с поста замминистра. Затем возглавлял Комитет по туризму, был послом в Англии, снова замминистра иностранных дел, занимал другие ответственные посты. Умер в 2004 году в возрасте 96 лет.) Советское правительство, заявляли Сталин и Молотов, не может поставить свою переписку с югославским правительством под контроль английского шпиона и не может вести откровенную переписку с югославским правительством через систему мининдела Югославии.

В заключении послания резюмировалось: «Таковы факты, вызывающие недовольство Советского правительства и ЦК ВКП(б) и ведущие к ухудшению отношений между СССР и Югославией». Письмо было отпечатано на машинке, а в конце было дописано уже от руки: «27 марта 1948 г., Москва. По поручению ЦК ВКП(б) В. Молотов, И. Сталин»[334].

Прочитав письмо, Тито позвонил в Белград и попросил членов политбюро срочно приехать к нему. Тут же, буквально на одном дыхании, он принялся составлять ответ Сталину. За два часа он исписал 33 листа. Когда из Белграда приехали Кардель, Джилас, Ранкович и Кидрич, Тито дал им прочитать «московское послание» и свой ответ. Они решили вынести вопрос о письме Сталина и ответе Москве на заседание пленума ЦК КПЮ, назначенного на 12 апреля.

Когда пленум начал работу, Тито уже понимал, что может рассчитывать на его поддержку. Однако это были для него тяжелые дни. «Я очень люблю русский народ, — говорил он. — Я там (в России. — *Е. М.)* провел шесть лет… Революция была для меня тем, чем я жил всю дальнейшую жизнь до сегодняшнего дня. Октябрьская революция — необычная революция, а этот народ — очень хороший народ»[335].

Пленум ЦК КПЮ открылся в 10 часов утра. Первым слово взял Тито. Он рассказал, как развивался конфликт, зачитал письмо Сталина. «Это письмо, — заявил он, — результат страшной клеветы, неправильного информирования. Прошу, чтобы обсуждение проходило в спокойной и хладнокровной обстановке. Должны высказаться все члены ЦК. Если запросят, мы направим в ЦК ВКП(б) протокол заседания».

Потом начались прения. Все были согласны с тем, что сначала нужно направить в Москву ответ. Вариант, написанный Тито, был одобрен почти единогласно.

Против выступил только Сретен Жуйович. «Такая позиция и такие выступления в отношении СССР и ЦК ВКП(б) вызвали у

меня неприятные ощущения, — сказал он. — …Я убежден, что любое, даже малейшее замечание со стороны ВКП(б) должно стать для нас сигналом для изменения нашей позиции… Как мы можем убедить членов нашей партии в том, что мы на правильном пути, если так не считают Сталин и ВКП(б)?»

Здесь Тито перебил его: «Ты, Черный, значит, считаешь, что мы идем по капиталистическому пути, что наша партия растворилась в Народном фронте и что в нашем правительстве есть шпионы?» Жуйович ответил, что надо разобраться в этих вопросах. «Я не боюсь зависимости от Советского Союза, — добавил он. — Я считаю, что наша цель состоит в том, чтобы наша страна вошла в состав СССР»[336].

Это был один из самых эмоциональных моментов заседания. Джилас вспоминал, что во время выступления Жуйовича Тито нервно вскочил со своего места, стал ходить по кабинету и все время шептал: «Измена! Измена! Измена партии, стране и народу!» Потом стремительно сел на свое место и отшвырнул в сторону портфель. «Вскочил и я, — пишет Джилас. — Слезы гнева и боли стояли в моих глазах. „Черный, — крикнул я, — ты знаешь меня больше десяти лет! Ты в самом деле думаешь, что я троцкист?“ На мой вопрос Жуйович ответил уклончиво: „Я так не думаю, но вспомни свои последние заявления о Советском Союзе…“» Джилас в порыве эмоций заявил, что если Сталин считает его троцкистом, то ему остается только покончить с собой[337].

Тито заявил, что всё, чего югославы добились во время войны, является вкладом в развитие мирового социализма и они имеют право на равных разговаривать с Советским Союзом. Он признал, что «у нас есть явления головокружения и зазнайства», но это потому, что «мы строим социализм, охваченные невиданным энтузиазмом». Согласиться с письмом, сказал Тито, значит, быть подлецом и признать то, чего нет. Обращаясь к Жуйовичу, Тито сказал одну из самых знаменитых своих фраз на этом пленуме: «Ты, Черный, присвоил себе право любить Советский Союз больше меня»[338].

По словам Тито, «пленум должен принять решение о случае с Черным. Дальнейшее сотрудничество с Черным было бы невозможным». И хотя это «тяжелый момент», но никто «не имеет права любить свою страну меньше, чем СССР». На этом в заседании был объявлен перерыв.

На следующий день Тито начал с того, что ознакомил участников с так называемым «делом Андрии Хебранга». От Хебранга поступило письмо, в котором он также высказывался в поддержку Сталина и его письма.

Еще в конце сентября 1944 года Тито осудил секретаря ЦК Компартии Хорватии Хебранга за «сепаратистские взгляды, национальную нетерпимость и авторитарное поведение». После этого его перевели в Белград и назначили председателем Экономического совета и плановой комиссии, а также министром промышленности правительства Тито — Шубашича. Но и на этих постах у него возникли разногласия с Тито. Хебранг считал планы индустриализации страны «утопией», выступал за более тесную интеграцию экономик Югославии и Советского Союза и за использование советской системы планирования. В январе 1945 года он возглавлял югославскую экономическую делегацию, которая отправилась с визитом в Москву, где Хебранга принимал Сталин.

После возвращения из Москвы Хебрангу были предъявлены обвинения в том, что он «саботирует меры государственного руководства в отношении развития народного хозяйства», а также в «тайной передаче советским представителям любых данных, которые они у него просили». Впрочем, в мемуарах некоторых участников тех событий, а также работах югославских историков прямо указывается другая причина разлада между Тито и Хебрангом — неожиданно возникшая симпатия к последнему со стороны Сталина.

По одной из версий, Сталин именно его готовил в «преемники» Тито[339]. Поэтому и телеграммы югославскому руководству из Москвы теперь приходили на имя «товарищей Тито и Хебранга», а не «Тито и Карделя», как было раньше. Тито не мог не заметить этого. Хебранг тогда заявил, что поскольку Тито ему не доверяет, то единственно логическим выводом из такой ситуации стала бы его отставка.

Позицию Хебранга расценили как «попытку внести разлад в руководство КПЮ» и осудили его за то, что он «в недопустимой форме обвинил товарища Тито в том, что он лично его не терпит». Было решено исключить Хебранга из политбюро и вынести ему строгий выговор за фракционную деятельность, а также за «уступчивость СССР в экономических вопросах и неверие в экономические силы Югославии».

Это был первый крупный конфликт в руководстве КПЮ после ее прихода к власти. Сталин не мог не знать о нем, но у нас нет никаких свидетельств, что он как-то отреагировал на преследование своего нового протеже (если, конечно, Хебранг им действительно был).

Теперь же, выступая на пленуме, Тито заметил, что Хебранг и Жуйович «сошлись на беспринципной основе»[340]. Участники пленума снова обрушились с критикой на Жуйовича.

Высказывались предположения (вполне верные), что письмо Сталина написано на основе информации Жуйовича. Впрочем, он и не думал отрицать свои контакты с советским послом.

Для расследования «дела Жуйовича — Хебранга» была образована комиссия ЦК. Тито внес свои предложения — исключить Жуйовича из ЦК, но не исключать из партии, «помочь ему освободиться от его тяжких заблуждений, а он должен доказать, что верен партии». Тито подчеркнул, что теперь и речи быть не может о его отставке, а также об отставках Ранковича или Джиласа. «Мы не имеем права уходить в отставку, мы должны бороться», — сказал он[341].

Пленум выразил полное доверие Тито. Текст ответного письма в Москву был в целом одобрен. 19 апреля югославский посол в Москве Попович вручил Молотову письмо, подписанное Тито и Карделем, а также сообщил ему о прошедшем пленуме ЦК. Сталин внимательно прочитал это письмо и оставил на нем свои замечания, сделанные синим карандашом.

Югославы писали, что их поразили тон и содержание письма (это место Сталин подчеркнул). «Мы, — говорилось в письме, — не в состоянии объяснить Ваши выводы иначе, как тем, что Правительство СССР получает неточную и тенденциозную информацию…» (Сталин поставил на полях знак «нотабене»). Основными виновниками «неточных и клеветнических сведений», которые передавались советским представителям, являются Жуйович и Хебранг (Сталин пишет на полях: «Подло»), которые стремятся расколоть партию и помешать развитию социализма в стране. «Мы не понимаем, — писали югославы, — почему до сегодняшнего дня представительство СССР не старалось прежде всего проверить такую информацию у ответственных лиц нашей страны» (сталинское замечание: «Проверяли»).

Югославы недоумевали: почему, когда Кардель, Джилас и Бакарич были в Москве, эти темы вообще не затрагивались в переговорах? (Сталин реагирует на это двумя замечаниями: «Хе-хе» и «Проверяли».)

Они спрашивали: на основе какой именно информации Советский Союз критикует югославских руководителей и сравнивает некоторых из них с Троцким? «Можно ли поверить, что люди, которые отбыли по 6, 8, 10 и более лет на каторге — кстати, и за свою работу по популяризации достижений СССР, — могут быть такими, какими они показаны в письме? Нет, нельзя…» (Сталин подчеркнул эти строки, а на полях написал: «А Троцкий?»)

«Это те самые люди, — продолжали югославы, — которые во главе восставшего народа, с винтовкой в руках, при самых

тяжелых условиях боролись на стороне Советского Союза как единственные, искренние союзники, которые верили в самые черные дни в победу СССР, и именно потому, что верили тогда — они и сегодня верят в советскую систему, в социализм». Это место Сталин тоже подчеркнул и заметил: «Нет, неедиственные» (так в оригинале. — *Е. М.)*.

Югославы возмущались и той ролью, которую сыграл, по их мнению, в развитии конфликта посол Лаврентьев, указывая, что посол ни от кого не имеет права «требовать сообщений о работе нашей партии — это не его дело». При этом заверяли, что всегда готовы делиться информацией с ЦК ВКП(б). Тито и Кардель заверяли, что Югославия «непоколебимо идет к социализму» и что «СССР в лице нынешней Югославии при нынешнем руководстве имеет самого верного друга и союзника, готового в случае трудных испытаний разделить с народами СССР добро и зло». ЦК КПЮ предлагал ЦК ВКП(б) направить в Югославию своих представителей для ознакомления на месте с положением дел в стране и партии. «С надеждой, что Вы примете наше предложение, направляем Вам наш дружеский привет», — этими словами Тито и Кардель заканчивали свое послание[342].

Сталин также внимательно прочитал переданное Поповичем Молотову сообщение о работе пленума ЦК КПЮ и исключении из состава ЦК Жуйовича и Хебранга. Правда, никаких замечаний на нем он не оставил, однако скорее всего многочисленные подчеркивания текста и отметки на полях красным карандашом сделаны именно им[343].

Несмотря на сталинские ехидные замечания, Тито прислал в Москву вполне достойный ответ. Он сделал все возможное, чтобы «сохранить свое лицо» и вместе с тем попытаться сгладить возникшие противоречия. Но его позиция, похоже, больше не интересовала Сталина. В Москве уже несколько дней знали, что напишут им югославы.

Дело в том, что сразу после окончания работы пленума ЦК КПЮ Сретен Жуйович снова отправился на встречу с советскими представителями. И снова рассказал все, что в секретной обстановке говорилось на заседании.

Чуть позже Лаврентьев послал в Москву детальный отчет о пленуме. Эта телеграмма содержит весьма любопытные подробности, которых нет в югославском протоколе заседания. «Тито останавливался на том, — пишет Лаврентьев со слов Жуйовича, — что Советский Союз пытался нанять в Югославии своих людей для сбора информации помимо компартии. Он привел случай вербовки советским шифровальщиком Степановым шифровальщика Тито… При попытке завербовать русскими

одного югославского офицера последний застрелился…

Тито зачитал письмо ЦК ВКП(б). По поводу Велебита Тито сказал, что не имеется серьезных данных, позволяющих обвинить Велебита в связях с английской разведкой…

Тито сказал, что письмо ЦК ВКП(б) основывается на ложных сведениях и оскорбительно для КПЮ…

Был принят текст ответного письма. Все согласились, кроме С. Жуйовича, который… выступил против позиции, занятой ЦК КПЮ по отношению к Советскому Союзу и ЦК ВКП(б)…

Далее был поставлен вопрос о Жуйовиче… Джилас спросил, где Жуйович был 6 апреля, и, не дождавшись ответа, сказал, что „Жуйович был у Лаврентьева. Недостойно союзному министру ездить к послу“… На заседании было единогласно принято предложение комиссии об исключении С. Жуйовича из членов ЦК»[344].

Хотя переписка между Москвой и Белградом носила секретный характер, Сталин еще в начале апреля предпринял шаги, чтобы она стала известна другим компартиям — членам Информбюро. Им было направлено первое письмо в адрес Тито. В конце апреля в Белград начали поступать первые резолюции этих партий — естественно, с осуждением югославов. Тито был крайне возмущен этим фактом, и югославы выразили очередной протест Москве, однако он тоже уже ничего не мог изменить.

…Югославия торжественно отметила праздник 1 Мая. Города были украшены красными флагами и революционными лозунгами. В Белграде состоялась самая большая демонстрация после освобождения города — в ней приняли участие почти 200 тысяч человек.

Тито появился на правительственной трибуне ровно в 8 часов утра. За ним на нее поднялись другие партийные, государственные и военные руководители. Западные журналисты заметили, что среди них не было ни Жуйовича, ни Хебранга. Жуйович в тот день прошел мимо трибуны в колонне демонстрантов. По одной из версий, он оказался там потому, что у него был приказ из Москвы: попытаться использовать демонстрацию в своих целях. Если это даже и было так, то у него ничего бы не вышло: почти каждый его шаг контролировался органами госбезопасности, а телефоны прослушивались. «Где-то в это время, — вспоминал Кардель, — мы заключили в тюрьму Хебранга и Жуйовича, причем не за их взгляды, а из-за опасения, что они могут перейти границу и уйти в Румынию»[345].

Есть, впрочем, и такая версия: в случае успеха сталинского давления на Югославию Жуйович должен был стать генеральным секретарем ЦК КПЮ, а Хебранг — председателем Совета

министров. Тито же, если бы признал свои ошибки, занял бы пост министра обороны. Естественно, маршала такой вариант не устраивал.

Жуйович и Хебранг были арестованы 7 мая. Их обвинили в «разглашении партийной и государственной тайны», а Жуйовичу еще инкриминировали попытку «провести внутренний путч в ЦК». Сначала они были доставлены в небольшой городок Сремска Каменица и находились там под усиленной охраной, пока комиссия ЦК расследовала их дело. Потом они были переведены в белградскую тюрьму Главняча. Джилас утверждал, что вопрос об их аресте принимал лично Тито[346].

Пока происходили все эти события, из Москвы (4 мая) пришло второе письмо. В нем насчитывалось 25 страниц, и оно было еще резче и категоричнее первого. Все югославские аргументы отвергались. Тито и других руководителей страны обвиняли в тех же грехах, что и в первом письме, только в более грубом тоне и более развернутом виде. Сталин и Молотов предлагали рассмотреть вопрос о КПЮ на ближайшем заседании Информбюро.

Тито и его соратники не были, конечно, безгрешными людьми. И некоторые из обвинений в их адрес можно было бы, наверное, признать справедливыми — например, в зажиме демократии, контроле органов госбезопасности за гражданами, раздувании культа личности Тито и т. д. Однако напрашивается вопрос: «А судьи кто?» Когда читаешь письма Сталина, то иногда появляется впечатление, что диктатора Тито критикуют демократы-правозащитники, а не Сталин с Молотовым, которые с помощью органов госбезопасности фактически разгромили свою собственную партию, да и не только ее.

Обида югославов была такой глубокой еще и потому, что при всей своей показательной самостоятельности они, как уже отмечалось, старались максимально копировать советскую модель социализма, искренне считая, что она является самой передовой общественной системой в истории. И вдруг за это их объявляют чуть ли не врагами! И кто объявляет — тот самый человек, о котором в Югославии пели: «Ой, Сталине, ти народне боже, без тебе се живети не може».

Югославы резко сменили тон. Их ответ был составлен корректно, но уже холодно и отстраненно. Письмо состояло всего из четырех абзацев — фактически Тито ставил точку в споре.

«Товарищам И. В. Сталину и В. М. Молотову.

Получили ваше письмо от 4 мая 1948 года. Излишне писать, насколько тяжкое впечатление произвело на нас и это письмо. Оно убедило нас в том, что напрасны наши попытки доказать

даже с помощью фактов, что все обвинения против нас — результат неправильного информирования.

Мы не избегаем критики по принципиальным вопросам, но в этом деле чувствуем себя настолько неравноправными, что не можем согласиться с тем, чтобы сейчас решать проблему в Информбюро. Партии-участницы уже получили без нашего предварительного уведомления ваше первое письмо и выразили свою позицию. Содержание вашего письма не осталось внутренним делом отдельных партий, а вышло за дозволенные рамки. Последствия таковы, что сегодня в некоторых странах, например в Чехословакии и Венгрии, оскорбляют не только нашу партию, но и страну в целом, как это было во время пребывания нашей парламентской делегации в Праге.

Последствия всего этого для нашей страны очень тяжелые.

Мы хотим ликвидировать вопрос и на деле доказать, что обвинения против нас несправедливы, то есть что мы настойчиво строим социализм и остаемся верными Советскому Союзу, остаемся верными учению Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Будущее покажет, как и прошлое уже показало, что мы добьемся того, что вам обещаем.

По поручению ЦК КПЮ И. Броз Тито, Э. Кардель.

Белград, 17 мая 1948 г.»[347].

Несмотря на отказ Тито обсуждать конфликт на сессии Информбюро, Сталин продолжал упорно настаивать, чтобы югославские руководители присутствовали на ней. 19 мая в Белград прибыл заместитель заведующего отделом внешней политики ЦК ВКП(б) Мошетов, который привез еще одно письмо из Москвы. Оно было подписано Сусловым. Письмо удивляет, во-первых, своим никудышным литературным стилем, а во-вторых, дружеским тоном по отношению к Тито.

«Товарищу Тито.

Дорогой товарищ. ЦК ВКП(б) вносит предложение созвать в первой половине июня, примерно 8–10 июня, Информбюро девяти компартий для обсуждения вопроса о положении в компартии Югославии.

Что касается созыва Информбюро, то ЦК ВКП(б) со своей стороны предлагает созвать Информбюро в одной из южных областей Украины, что было бы, по мнению ЦК ВКП(б), удобным для большинства компартий с тем, чтобы в случае Вашего приезда ЦК ВКП(б) определил конкретный пункт, где будут проходить заседания Информбюро, и сообщил об этом дополнительно.

Просьба по возможности в кратчайший срок сообщить в ЦК ВКП(б) свои мнения по нашим предложениям о порядке дня,

сроке и месте созыва Информбюро.

С товарищеским приветом,

Секретарь ЦК ВКП(б) М. Суслов»[348].

Мошетов вручил это письмо Тито лично, в его кабинете. Как вспоминал маршал, он читал краткое послание Суслова с предложением приехать в Киев (скорее всего, о Киеве упомянул в разговоре Мошетов, так как в письме он не упоминается. — *Е. М.)* и думал про себя: какая разница, куда ехать — в Киев, Москву или еще куда-нибудь? А потом обратился к Мошетову. «Я сказал: нет, мы не поедем. Сказал, что нас уже обвинили, а теперь приглашают сесть на скамью подсудимых, а мы не знаем почему», — вспоминал Тито[349].

Тут Тито заметил, что взгляд Мошетова устремлен на что-то за его спиной, и сразу понял, что привлекло внимание советского представителя. В кабинете Тито висели большие портреты Ленина и Сталина. По странному совпадению, буквально перед приходом Мошетова портрет Сталина сорвался с гвоздя. Его поставили на шкаф и прислонили к стене. «А он подумал, что я снял портрет, но еще не успел его спрятать», — рассказывал Тито[350].

20 мая пленум ЦК КПЮ единогласно подтвердил, что КПЮ не будет участвовать в заседании Информбюро. Помимо принципиальных соображений у Тито имелись вполне прагматические причины не уезжать из страны в этот напряженный момент. «Я хорошо понимал, что означала бы эта моя поездка, — говорил Тито впоследствии. — Ну хорошо, я уже прожил свою жизнь, мог бы поехать и там погибнуть… Но я знал, что от этого не будет пользы, наоборот, трагедия будет продолжаться»[351]. По словам Джиласа, Тито в это время сказал ему: «Если нам суждено погибнуть, то пусть нас убьют на нашей территории»[352]. Суслову был направлен ответ. Югославы не остались в долгу — он тоже начинался обращением «Дорогой товарищ». И если письмо Суслова удивляет своим косноязычием, то ответ ему — огромным количеством ошибок. Вероятно, это связано с волнением того, кто перепечатывал послание.

«ЦК ВКП(б), товарищу Суслову.

Дорогой товарищ.

Ваше пысьмо я получил 19-го мая с. г. Вручил мне его тов. Мошетов. Нашу точку зрения о приглашению представителя ЦК КПЮ на заседание Информбюро, мы сообщили, два дня до получения Вашего пысьма, в ЦК ВКП(б) через Советское Посольство в Белграде.

Ваше пысьмо мы обсудыли на заседанию Пленума ЦК КПЮ и одногласно принято решение не принять приглашение на

заселение Инфомбюро иза причин которие указаны в пысьме ЦК ВКП(б).

С товарищеским приветом,

По поручению ЦК КПЮ Тито». (Орфография и пунктуация оригинала сохранены. — *Е. М.*)[353]

Москва, однако, продолжала настаивать на приезде Тито. Ведь заседание Информбюро должно было превратиться в своего рода «идеологический процесс» над ним, а он своим отказом приехать срывал Сталину все планы.

В мае было сделано несколько попыток предотвратить разрыв. Генсек и лидер Польской объединенной рабочей партии Владислав Гомулка предлагал выступить посредником между Москвой и Белградом. Такое же предложение сделал и первый секретарь Социалистической единой партии Германии (СЕПГ) Вильгельм Пик. Но никто из лидеров стран Восточной Европы не прислал Тито поздравлений по случаю его дня рождения 25 мая. Исключением стал Димитров, от которого пришла короткая телеграмма: «Братские поздравления и самые лучшие пожелания по случаю Вашего дня рождения».

17 июня поздравление Димитрову послал и Тито — вождь болгарской компартии отмечал свой день рождения. Димитров не отвечал на эту телеграмму больше недели, и Тито думал, что он вообще на нее не ответит. Тем более что в Бухаресте в это время уже шло заседание Информбюро, на котором гневно осуждали Югославию. Однако 26 июня телеграмма от Димитрова все-таки пришла. Она гласила: «Сердечно благодарю за Ваши поздравления по случаю моего дня рождения». В сложившейся ситуации это был весьма смелый шаг…[354]

Тем временем в Москве узнали об аресте Жуйовича и Хебранга, и эта новость еще больше разозлила Сталина. Тито предупредили, что если их ликвидируют физически, то Политбюро ЦК КПЮ будут считать уголовными преступниками. Далее ЦК ВКП(б) потребовал, чтобы следствие по их делу проходило «с участием представителей ЦК ВКП(б)». Это из ряда вон выходящее требование в Белграде отклонили. Но в Москве не унимались. 19 июня Тито было передано еще одно письмо, в котором прямо заявлялось, что «всю ответственность за судьбу Жуйовича и Хебранга несет отныне главный представитель государственной власти в Югославии — премьер Тито».

В этот же день в Белграде получили еще одну телеграмму: «ЦК КПЮ. Информбюро, собравшись для обсуждения вопроса о положении в КПЮ, приглашает представителей ЦК для участия в работе Информбюро. В случае Вашего согласия Информбюро будет ожидать Ваших представителей не позднее 21 июня в

Бухаресте…» Однако и это приглашение ЦК КПЮ отклонил, заявив, что не может направить своих представителей на заседание Информбюро, так как не согласен с его повесткой дня и вообще считает «глубоко неверным основывать обвинения против братской компартии на односторонней информации»[355]. Было понятно — обратной дороги уже нет.

«Товарищ Тито, мы тебе клянемся…»

Заседание Информбюро проходило 19–23 июня в пригороде Бухареста, в одном из бывших королевских дворцов. Советскую делегацию возглавляли Жданов, Маленков и Суслов. Жданов выступил с докладом «О положении в КП Югославии». Сталин еще в Москве внимательно прочитал текст его выступления. На основе доклада Жданова и была принята знаменитая резолюция «О положении в Компартии Югославии».

Югославские руководители обвинялись в закулисной критике ВКП(б) и СССР, в непризнании марксистской теории классовой борьбы в переходный период, в проведении неправильной политики в деревне, в отказе от национализации земли и ликвидации кулачества, в принижении роли рабочего класса, в «ликвидаторских тенденциях» в отношении КПЮ, в ревизии марксистско-ленинского учения о партии и в ее «растворении» в Народном фронте, в отсутствии внутрипартийной демократии, самокритики и насаждении в партии «чисто турецкого, террористического режима», в национализме и разрыве с интернационализмом.

«Информбюро не сомневается, что в недрах компартии Югославии имеется достаточно здоровых элементов, верных марксизму-ленинизму, верных интернационалистическим традициям югославской компартии, верных единому социалистическому фронту, — указывалось в резолюции. — Задача этих здоровых сил КПЮ состоит в том, чтобы заставить своих нынешних руководителей открыто и честно признать свои ошибки и исправить их, порвать с национализмом, вернуться к интернационализму и всемерно укреплять единый социалистический фронт против империализма, или, если нынешние руководители КПЮ окажутся неспособными на это — сменить их и выдвинуть новое интернационалистическое руководство КПЮ. Информбюро не сомневается, что компартия Югославии сумеет выполнить эту почетную задачу»[356]. В Советском Союзе резолюция была опубликована 29 июня — в газете «Правда» она заняла всю вторую полосу.

Радиостанции Бухареста, Праги и Софии начали передавать

содержание резолюции около трех часов ночи 29 июня, и рано утром Тито уже знал его. Прочитав ее текст, он несколько часов ходил взад и вперед по своей комнате.

Тем же утром Тито созвал пленум ЦК КПЮ. На нем был принят первый ответ югославов на резолюцию. Его проект написал Джилас, который утверждал, что набросал его ночью. На пленуме его выслушали с торжественным вниманием, а Тито сказал: «Очень хорошо! По-моему, это может стать основой для нашего ответа!»

Начальник охраны Тито генерал Жежель вспоминал, что в одной из резиденций маршала установили по тем временам настоящее чудо техники — факсимильный аппарат. Одним из первых факсов был полный текст резолюции Информбюро. Тито стоял перед факсом и внимательно читал выползающую из него бумажную полосу, которая достигала примерно трех метров в длину. Он долго читал резолюцию, а потом со всей силы грохнул кулаком по столу. «Нет, Сталин… твою мать, никогда не будет так, как ты хочешь!» — крикнул он. Как утверждает Жежель, эта сцена привела его в полнейшее изумление: он впервые слышал, как Тито ругается нецензурными словами[357].

Население Югославии узнало о резолюции вечером 30 июня. Посол Лаврентьев сообщал в Москву, что в 20 часов «все радиостанции передали заявление пленума ЦК КПЮ от 29 июня по поводу резолюции Информбюро о положении в югославской компартии. В заявлении полностью отвергается резолюция Информбюро и оправдывается линия, занимаемая ЦК КПЮ.

Кроме того, в заявлении были переданы следующие документы: 1. Письмо ЦК КПЮ Информбюро о причинах отказа ЦК КПЮ участвовать в совещании Информбюро. 2. Обращение ЦК КПЮ ко всем членам партии, излагающее решение политбюро ЦК об исключении из партии Хебранга и Жуйовича. 3. Заключение партийной комиссии по делу Хебранга и Жуйовича. 4. Решение политбюро ЦК КПЮ от 19 апреля 1948 года по письму Хебранга»[358].

В заявлении ЦК КПЮ говорилось, что резолюция основана на «неточных и необоснованных утверждениях…». Отвергнув все выдвинутые обвинения, ЦК КПЮ подчеркнул, что «в результате партии, рабочему классу, трудящимся, народам Югославии нанесена величайшая историческая несправедливость»[359]. 30 июня резолюцию напечатала газета «Борба», выходившая тогда тиражом 500 тысяч экземпляров. А рядом был напечатан ответ ЦК КПЮ. Таким образом, югославские граждане получили возможность сравнить аргументы и позиции сразу двух сторон. Для «советских товарищей» это выглядело просто невероятным. В

Москве были уверены, что Тито и его окружение постараются всеми способами скрыть полный текст обвинений в свой адрес.

Обвинения, выдвинутые недавними друзьями и товарищами, были ударом не только для Тито. Для большинства югославов это был настоящий шок. Отмечались случаи, когда люди, читая опубликованную резолюцию, заливались слезами прямо на улицах.

Среди югославов в первые дни конфликта ходили слухи, что настоящими его виновниками являются Молотов, Жданов и Маленков и что они обманывают Сталина. Другие говорили, что советское руководство стало жертвой происков и обмана со стороны врагов и разведок капиталистических стран. Эти иллюзии были настолько сильными, что с различных собраний и митингов по адресу «Москва, Кремль, Сталину» посылали телеграммы и письма, в которых хотели рассказать «вождю» всю правду.

Один из митингов в Белграде принял, например, такое обращение к Сталину: «Наш дорогой товарищ И. В. Сталин! С нашего большого митинга Народного фронта Пятого района шлем тебе теплые приветствия и через тебя всему Советскому Союзу. Товарищ Сталин, мы в тебя глубоко верим, верим, что ты сделаешь все, чтобы снять с нас несправедливые обвинения, которые брошены всей нашей стране, нашей партии, нашему Центральному Комитету.

Наша любовь к тебе, ко всему Советскому Союзу, ко всему, что вы сделали для всего человечества, — безгранична. Вместе с тем мы уверены, что ты сделаешь все, чтобы в скором времени истина восторжествовала. Да здравствует нерушимое братство Советского Союза и ФНРЮ! Да здравствует наш учитель любви к Советскому Союзу тов. Тито! Да здравствует наш великий друг И. В. Сталин!»[360]

Не раз на митингах говорилось, что югославы «не верят» прозвучавшим из Москвы обвинениям, так как все они воспитаны «в духе безграничной любви к Советскому Союзу и славной ВКП(б)»[361]. А строители Нового Белграда, осудив на своем собрании резолюцию Информбюро, отправились на работу с песней: «А как будет он (Новый Белград. — *Е. М.)* готов, к нам приедет Сталин, приедет Молотов!»

В мире мало кто верил, что Тито сможет удержаться у власти. На Западе даже называли точную дату его свержения — 21 июля 1948 года. В этот день в Белграде должен был открыться V съезд КПЮ.

Съезд КПЮ проходил на одной из окраин Белграда — Топчидере, в Доме гвардии. В самом городе тогда еще не было

зала, который мог бы вместить более двух тысяч делегатов, избранных от 468 175 членов КПЮ и 55 тысяч кандидатов. Работу съезда в прямом эфире передавали югославские радиостанции. Всю неделю, пока шел съезд, страна сидела у радиоприемников.

Тито выступил на съезде с докладом, который продолжался почти восемь часов. Он производил двойственное впечатление. «Сейчас нас со всех сторон пытаются учить азбуке марксизма-ленинизма, — говорил Тито, — однако эти учителя ломятся в открытую дверь и, приводя цитаты из Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, не обращают внимания на то, что мы эти цитаты уже применили и применяем на практике *(Бурные аплодисменты.)».* Тито выразил надежду, что ВКП(б) пришлет своих представителей и те на месте убедятся в искренности намерений югославских коммунистов. Он еще раз повторил, что Сталина ввели в заблуждение.

Конец его выступления потонул в овациях и криках «Да здравствует товарищ Тито!», «Да здравствует КПЮ!», а также «Сталин — Тито!» и «Да здравствует вождь прогрессивного человечества товарищ Сталин!». Преодолевая шум, Тито завершил свой доклад словами: «Да здравствует Советский Союз, руководящая сила в борьбе за победу мира, демократии и социализма во всем мире, во главе с вождем и учителем прогрессивного человечества товарищем Сталиным!» И снова в зале несколько минут продолжались бурные овации. Как фиксирует стенограмма съезда, «все присутствующие встают и долгое время скандируют „Сталин — Тито!“»[362].

В зале почти не было иностранных гостей, хотя приглашения на съезд были посланы многим компартиям, в том числе и ВКП(б). Однако в Москве его отклонили, а другие коммунисты не осмелились поступить иначе. Но на съезде работали советские журналисты — корреспондент ТАСС Латышев и корреспондент «Правды» Борзенко. Латышев направил в Москву подробное изложение доклада Тито. Он всю ночь диктовал по телефону, а под утро его разбудил Сергей Борзенко. Пока они добирались на трамвае до Топчидера, Борзенко сказал: «Ночью звонил редактор и предупредил, что „Правда“ уже выступила по съезду. Но я-то ничего не писал. Что же теперь будет?» В перерыве заседания съезда к Борзенко подошел Джилас и с негодующим видом протянул советскому журналисту сообщение ТАНЮГ. «Если вы герой, пойдите и скажите сами этим людям в глаза, что вы о них написали», — сказал он, показав в сторону зала заседаний. Заметка в «Правде» называлась «Под защитой танков и пушек», в ней говорилось, что съезд проходит в «изоляции от собственного народа», а место его проведения «окружено танками и пушками».

«Началось заседание, — вспоминал Латышев. — …Что делать? Ждать, пока выйдет на трибуну Джилас, и демонстративно уйти? А может, потихонечку выйти сейчас, пока на нас не обращают внимания? Остроумный Борзенко в шутку предложил: „Давай останемся, а когда будем выходить, наступим на сапог вон того генерала. Нас обязательно поколотят. Представляешь, какая сенсация будет!“ Генералом был начальник генштаба Коча Попович. Но было не до шуток, и мы ушли еще до появления Джиласа на трибуне. На скамейке в парке слушали, как в громкоговорителе после каждой фразы Джиласа делегаты скандировали: „Долой!“»[363]. Через день журналисты все-таки вернулись на съезд. Тито посмотрел в их сторону и кивнул головой.

Впрочем, после смерти Тито и распада СФРЮ появились данные, что съезд проходил в обстановке, близкой к боевой, что агенты югославских спецслужб буквально наводнили Дом гвардии, который больше был похож на военный лагерь, чем на место, в котором проводился съезд, а в окружавшем его парке были установлены пулеметы и зенитные орудия[364].

Однако подавляющее большинство делегатов съезда поддержали Тито. Съезд подчеркнул, что Югославия является страной, принадлежащей «социалистическому лагерю во главе с СССР» и признающей ведущую роль ВКП(б) в мировом рабочем движении. Выражалась уверенность, что возникшие разногласия не отразятся на межгосударственных отношениях и что Югославия сможет и впредь рассчитывать на поддержку и помощь со стороны СССР. Съезд пригласил советских товарищей провести своего рода «инспекционную поездку» по Югославии. Тито демонстрировал, что не хочет углублять возникший конфликт, и явно искал компромисса.

Ключевым вопросом стали выборы нового ЦК. Это был последний шанс «здоровых сил» в КПЮ сменить руководство партии во главе с Тито. Голосование было тайным. За кандидатуру Тито высказались 2318 делегатов, а против — только пять. В зале раздались аплодисменты, восклицания и призывы, которые затем перешли в песню, в первый раз прозвучавшую именно на съезде: «Товарищ Тито, мы тебе клянемся, что с твоего пути мы не свернем!» Делегаты пели одну песню за другой и в конце концов запели «Интернационал».

Закрывая съезд, Тито сказал, что, хотя партия находится в тяжелой ситуации, «наша победа все равно будет обеспечена»[365]. Съезд, о котором многие годы в Югославии писали, что он сказал «твердое „нет“ Сталину», закончился призывом Тито: «Да здравствует великий Советский Союз во главе с гениальным

Сталиным!»[366]

Голый остров

Летом 1948 года Тито объявил о начале открытой дискуссии среди коммунистов. Собрания проходили во всех парторганизациях, и каждому была предоставлена возможность голосовать — за позицию Тито или за позицию Москвы. Заместитель секретаря парткома Белградского университета Предраг Миличевич вспоминал, что на партсобраниях машиностроительного, медицинского и других факультетов студенты (бывшая партизанская молодежь) единогласно «голосовали за нерушимую дружбу с СССР и ВКП(б)». За линию Тито, по словам Миличевича, голосовали только секретари и члены партийных бюро из соображений карьеризма и будучи предварительно подготовленными к последующим событиям[367].

Но результаты общепартийной дискуссии снова закончились поражением «здоровых сил» в КПЮ, на которые рассчитывали в Москве. Из 468 175 членов КПЮ и 51 612 кандидатов в члены КПЮ за резолюцию Информбюро высказались 55 тысяч коммунистов и кандидатов в члены партии. Но, несмотря на свою победу, Тито и его окружение вовсе не собирались недооценивать опасность, которая исходила от «информбюровцев» — так начали называть сторонников Москвы. Вскоре против них в Югославии начался настоящий террор.

«Первыми информбюровцами» называют Сретена Жуйовича и Андрия Хебранга. Заодно с ними прихватили некоторых их друзей и знакомых. Однако массовые аресты начались позже — в августе 1948 года.

18 августа 1948 года газета «Борба» напечатала сообщение МВД Югославии о гибели «при попытке к бегству через границу» генерал-полковника, бывшего начальника Верховного штаба Народно-освободительной армии Югославии, героя войны Арсо Йовановича. Появились утверждения, что в Москве хотели сделать Йовановича главой «югославского правительства в эмиграции».

Йованович, будучи капитаном Королевской армии Югославии, присоединился к партизанам после капитуляции югославского правительства в апреле 1941 года. Способного офицера заметил Тито. В декабре 1941 года он стал начальником Верховного штаба НОАЮ и дослужился до звания генерал-майора, а позже и до генерал-полковника. Официальный биограф Тито Владимир Дедиер считает, что Тито «продвигал» Йовановича не только из-за его профессиональных способностей,

но и по политическим причинам — этот пример должен был показать офицерам старой югославской армии, что и у партизан можно сделать блестящую военную карьеру. Йованович оставался начальником Верховного штаба до 1946 года, а потом уехал на учебу в Москву, где был слушателем Высшей военной академии им. Ворошилова.

Как утверждают югославские источники, его завербовала советская разведка. Он вернулся в Югославию в мае 1948 года и, несомненно, задумывался о том, что ему делать в случае открытого разрыва Тито со Сталиным. Йованович был убежденным русофилом и к тому же чувствовал, что ему не доверяют. Бывшему начальнику Верховного штаба доверили лишь пост начальника Военной академии ФНРЮ. Офицеры, прошедшие обучение в СССР, уже находились под наблюдением органов безопасности.

Как гласит югославская версия, Йованович вместе с двумя другими офицерами — генерал-майором Бранко Петричевичем и полковником Владом Дапчевичем — ожидали, что на V съезде партии оппозиция даст бой Тито. Когда же этого не произошло, они решили бежать в Румынию. Йованович вместе с поддержавшим резолюцию Информбюро послом Югославии в Бухаресте Голубовичем якобы должны были провозгласить создание «революционного правительства», которое сразу же собиралось объявить режим Тито незаконным.

В ночь на 13 августа Йованович, Петричевич и Дапчевич выехали из Белграда в направлении румынской границы. Там они нашли местного жителя и попросили его организовать для них охоту. Вечером, когда все вышли на «охоту» вблизи границы, офицеры приказали проводнику вести их в Румынию. У самой границы наткнулись на засаду милиционеров, которые ловили контрабандистов и конокрадов. Завязалась перестрелка. Йованович был убит. Петричевич и Дапчевич скрылись, но вскоре были арестованы. Их осудили на 20 лет тюрьмы.

Версия советской стороны была совершенно другой. 8 сентября «Правда» напечатала некролог, в котором сообщалось, что Йованович был «душой, мозгом всех важнейших стратегических и тактических операций», что он «солидаризовался с известным решением Информбюро» и был «злодейски убит палачами Ранковича». Документальных подтверждений того, что убийство Йовановича было заранее спланировано югославскими спецслужбами, до сих пор не обнаружено, но смерть генерала сыграла большую роль в дальнейшем обострении конфликта.

В том же номере «Правды» от 8 сентября, где был

опубликован некролог Йовановичу, читатели могли увидеть и большую статью под названием «Куда ведет национализм группы Тито в Югославии» за многозначительной подписью «Цека». Стиль статьи и использованные в ней выражения заставляют некоторых исследователей предположить, что ее писал или, по крайней мере, сильно редактировал сам Сталин. В статье, в частности, указывалось, что Йованович был убит за то, что «сомневался в правильности националистической и террористической политики группы Тито. В связи с этим в Югославии открыто говорят, что группа Тито вырождается в клику политических убийц». «Цека» делал вывод, что «фракция Тито» находится в партии в меньшинстве, поэтому «установила в партии жестокий террористический режим с его репрессиями, арестами и убийствами» и находится «в состоянии войны со своей партией».

Впрочем, на самом деле в Москве прекрасно знали, что Тито полностью контролирует ситуацию в стране. В отчете за 1948 год посол в Белграде Лаврентьев отмечал, что «нельзя рассчитывать только на внутренние силы для изменения политического положения в стране»[368]. В Черногории, Южной Сербии и Боснии были случаи, когда сторонники Сталина уходили в леса и горы. В черногорском городке Биело Поле в партизаны ушел, например, весь местный партийный комитет. Но все эти группы отличались малочисленностью и были быстро разгромлены[369].

В чем были правы советские пропагандисты, так это в том, что в Югославии действительно начался политический террор. К осени 1948 года аресты сторонников Информбюро шли уже полным ходом. Тема репрессий против «информбюровцев» была в Югославии запретной до конца 80-х годов прошлого века.

Как утверждал Джилас, именно Тито осенью 1948 года лично принял решение о создании концлагерей, в том числе и на Голом острове[370]. Он не был ни садистом, ни тираном от рождения, и ему вряд ли доставляла удовольствие борьба против своих же вчерашних товарищей. Однако его действия вписывались в логику политической борьбы того времени. Решающим доводом в пользу создания лагерей стал аргумент Карделя: «Если мы не создадим этот лагерь, Сталин превратит в один лагерь всю Югославию».

До сих пор идут споры о том, сколько заключенных прошли через «исправительные лагеря» в Югославии. Еще в декабре 1952 года газета Коминформа «За прочный мир, за народную демократию!» писала, что «клика Тито — Ранковича» бросила в эти лагеря 250 тысяч человек, но эта цифра скорее всего является завышенной. По другим данным, число заключенных составило

от 16 312[371] до 40–60 тысяч человек[372].

На пустынных и каменистых островах Голый и Свети-Гргур в Адриатике были созданы «Центры общественно-исправительного труда». Так назывались концлагеря для информбюровцев. По иронии истории, во время Первой мировой войны на Голый остров власти Австро-Венгрии ссылали русских военнопленных.

Именно здесь, на этом небольшом клочке земли (его площадь составляет всего 4,7 квадратного километра) был создан самый известный и самый страшный югославский концлагерь. Для Югославии Голый остров стал таким же мрачным символом террора и репрессий, как ГУЛАГ для Советского Союза. Лагерь был открыт 9 июля 1949 года — в этот день на нескольких кораблях была доставлена первая группа заключенных из Хорватии.

На Голый остров попали многие известные и заслуженные югославские революционеры. Среди них были даже 12 участников Октябрьской революции и Гражданской войны в России, 36 участников Гражданской войны в Испании, 23 федеральных и республиканских министра. Были и самые обычные, и даже случайные люди. Одного из них забрали, например, за то, что он забыл поаплодировать на празднике, посвященном дню рождения Тито.

Режим на Голом острове был крайне жестоким. Избиения и издевательства над заключенными, по свидетельствам очевидцев, проходили ежедневно. Их обливали холодной водой или, наоборот, держали целыми днями на жаре, при температуре в 40 градусов, связывали колючей проволокой, пытали электричеством или заставляли лаять по-собачьи или есть собственные экскременты. Фантазия охраны была в этом смысле поистине неистощима, однако почти под каждую пытку подводили «идеологическую основу». Чаще всего заключенным задавали один и тот же вопрос: «„Ты за Сталина или за Тито?“ И требовали, чтобы тот громко кричал в ответ: „За Тито!!!“ — „За кого???“ — „За Партию!!!“ — „За кого???“ — „За народ!!!“ — „За кого???“ — „За социализм!!!“» От профессора из Черногории Блажо Раичевича потребовали, чтобы он покаялся в том, что в свое время не понял, что Тито — великий коммунист, а Сталин — нет. Раичевич отказался. Тогда несколько охранников повалили профессора на землю и начали прыгать на нем, пока он не умер[373].

Разумеется, о том, что происходило в концлагерях, югославская общественность не знала. Все выпущенные с Голого острова давали клятву под страхом возвращения обратно молчать о том, что с ними происходило на самом деле. Знал ли Тито, что

происходит в лагерях? Если нет, значит, просто не хотел знать.

В августе 1951 года Ранкович прибыл на Голый остров. Естественно, к его приезду готовились. Зэки встретили Ранковича громогласным скандированием «Тито!» и «Тито — ЦК!». Ранкович увидел среди заключенных одного старого товарища и протянул ему руку, а тот — то ли от шока, то ли от слабости — потерял сознание и упал на землю. Когда Ранкович вышел из лагеря, то не мог сдержаться, «…вашу мать, — сказал он, — в кого же вы превратили наших людей?» Удивительно было слышать эти слова от человека, который являлся одним из разработчиков всей системы «исправления информбюровцев», однако после приезда Ранковича режим на Голом острове несколько смягчили. Впрочем, по другим свидетельствам, вскоре все послабления заключенным были снова отменены.

Газеты и журналы время от времени писали о бывших заключенных, которые «перевоспитались», вернулись к честной трудовой жизни и не уставали за это благодарить партию и «лично товарища Тито». После двух с половиной лет заключения «перековался», например, «первый информбюровец» Сретен Жуйович. Все это время против него не велось никакого следствия.

Осенью 1950 года к Жуйовичу в тюрьму неожиданно принесли газеты, которые он не получал со дня своего ареста. Потом Жуйович попросил, чтобы с ним встретился кто-нибудь из руководства. На встречу отправились Джилас и Ранкович. Разговор между ними получился вполне корректным.

«Что ты сейчас думаешь о конфликте с русскими после того, как ты все это прочитал?» — спросил Джилас. «Да они же империалисты!» — ответил Жуйович. «Ну и что ты теперь думаешь о своем деле?» — спросил Ранкович. «Я ошибся. Я очень сильно заблуждался». — «Ты должен объяснить общественности свою позицию».

Югославы использовали Жуйовича в весьма эффективной пропагандистской операции. Они распространили информацию о том, что он якобы убит в тюрьме. Когда же новость об «убийстве» Жуйовича попала в газеты и на радио Советского Союза и других стран «народной демократии» и они выступали с гневными комментариями в адрес «кровавой клики Тито», Жуйович появился перед общественностью. В «Борбе» было напечатано его покаянное письмо, а 25 ноября 1950 года он выступил на пресс-конференции, на которой было множество иностранных журналистов.

Накануне Тито заметил, что лучшим выходом было бы теперь освобождение Жуйовича из заключения. «Очевидно, — сказал

он, — что в нем произошел переворот, и мы должны ему помочь». За это предложение члены политбюро проголосовали единогласно[374]. Вскоре Жуйовича действительно освободили из тюрьмы, а потом даже снова приняли в партию. Он работал коммерческим директором «Борбы» и директором Экономического института в Белграде, но до своей смерти в 1976 году в политическую жизнь уже не возвращался.

Судьба же Андрии Хебранга, еще одного из самых первых «инфомбюровцев», сложилась куда трагичнее. Свою вину он не признал и от поддержки Информбюро не отказался. 11 июня 1949 года надзиратель обнаружил его висящим на батарее парового отопления в камере тюрьмы Главняча. По официальной версии, Хебранг покончил жизнь самоубийством, однако многие в это не верят и утверждают, что Хебранга убили. Тайна смерти Хебранга не раскрыта до сих пор. Неизвестно даже, где он похоронен.

Итак, с возможным внутренним сопротивлением в партии и стране Тито удалось справиться достаточно быстро. В июне 1950 года он мог позволить себе даже призвать умерить подозрительность, захлестнувшую югославское общество, и не смешивать бдительность с бездоказательными обвинениями[375].

Между тем немало югославов уже в первые месяцы конфликта оказались за границей. Побеги из Югославии превратились в серьезную проблему для югославских властей. Кардель даже как-то сказал: «Каждый день от нас бежит какой-нибудь коммунист, офицер или служащий». Это было, конечно, преувеличением, но побеги действительно продолжались.

После побега Арсо Йовановича самым известным и дерзким побегом из Югославии стал инцидент с генерал-майором Перо Попиводой, который на самолете — «кукурузнике» По-2 — перелетел с аэродрома в Земуне в Румынию. Потом случаи бегства с угоном самолетов стали повторяться довольно часто. Один пилот сбежал в Болгарию на самолете Як-9П, другой, туда же, на самолете Ил-2. Бежали летчики и на Запад. Скажем, за первые 10 месяцев 1951 года было отмечено 17 угонов самолетов, и 11 из них — в западные страны.

По официальным данным УДБ, за время конфликта из Югославии в страны «народной демократии» сбежали 263 военнослужащих, в том числе один генерал — Попивода. Интересно, что в то же время на Запад нелегально «ушли» 336 солдат и офицеров югославской армии.

Бежали и сотрудники дипломатических и торговых представительств, студенты и специалисты, отказавшиеся вернуться домой, и обычные граждане. Не вернулся на родину после появления резолюции Информбюро посол Югославии в

Румынии Голубович, считавшийся одним из самых активных деятелей антититовской эмиграции.

8 декабря 1948 года заместитель заведующего отделом внешних сношений ЦК ВКП(б) Борис Пономарев сообщал в докладной записке Маленкову, что вернуться на родину отказались более пятисот югославов, которые были слушателями военно-учебных заведений и студентами советских вузов. Они, по словам Пономарева, предлагали образовать единое руководство югославской политэмиграции и создать оперативные группы для переброски материалов и людей в страну. Пономарев предлагал согласиться с этими предложениями[376].

Эти инициативы вполне соответствовали планам Москвы, где считали, что югославы-эмигранты должны стать ударным отрядом для борьбы с режимом Тито. Вскоре в странах Восточной Европы начали действительно создаваться центры югославских политэмигрантов, а в Москве был создан координационный центр всей югославской эмиграции, главой которого назначили бывшего генерала ВВС Перо Попиводу. В СССР ему было присвоено звание генерал-майора советских ВВС. С мая 1949 года этот центр начал издавать газету «За социалистическую Югославию», в Праге выходила газета «Нова Борба», другие издания печатались в Румынии, Болгарии, Албании и нелегально переправлялись в Югославию. С июля 1949 года на Югославию начала вещать эмигрантская радиостанция «Свободная Югославия».

К концу 1949 года численность югославской «информбюровской» эмиграции составляла примерно пять тысяч человек. В Москве начала работу организация с длинным и очень патетическим названием — «Союз югославских патриотов за освобождение от фашистского ига клики Тито — Ранковича и империалистического рабства». Эмиграция, несмотря на свою малочисленность и напряженную работу югославских спецслужб, все-таки еще несколько лет подряд доставляла Тито немало хлопот.

Парадоксы культа

Почти всю вторую половину 1948 года в Югославии можно было наблюдать поистине сюрреалистические картины. На митингах против «клеветнической кампании» кричали «Да здравствует Сталин!», сторонников Информбюро уже сажали в тюрьмы, а на первых полосах газет рядом помещали портреты Сталина и Тито.

Тито еще несколько месяцев после принятия резолюции не

вступал в открытую полемику с Москвой. Однако долго так продолжаться не могло. 6 ноября 1948 года Тито направил Сталину поздравление по случаю 31-й годовщины Октябрьской революции. Оно было гораздо более сдержанным, чем в прошлые годы: «Позвольте от имени народа и правительства ФНРЮ передать теплые поздравления по случаю 31-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Желаю народам Советского Союза больших успехов в строительстве коммунизма, в создании своего великого, счастливого и ничем не омраченного будущего»[377]. Но празднование годовщины Октябрьской революции прошло в Югославии помпезно. В общественных местах, как и раньше, вывесили портреты Сталина и Тито. Впрочем, из этих портретов вскоре останется только один — самого Тито. Его культ личности достиг своего апогея именно во время конфликта с Москвой.

Вскоре Тито уже сознательно противопоставляли Сталину — теперь маршал подавался народу как символ независимости страны и строитель антисталинского, альтернативного социализма. Именно тогда, в период конфликта с Москвой, начал формироваться тот несколько необычный имидж Тито, который позже будет известен всему миру, — антисталинист и «либеральный коммунист», но с очевидными сталинистскими повадками.

До сих пор в республиках бывшей Югославии идут дискуссии: отличался ли культ Тито от культов других диктаторов? Скорее всего, не отличался вообще. Он был продуктом той же самой системы, что и культы Сталина, Мао или, скажем, Энвера Ходжи, — системы государственного социализма. Точно так же раздувание и поддержание культа Тито стало одной из главных задач государства. Точно так же сам он доказывал, что сосредоточение власти в руках небольшой группы людей во главе с ним есть мера временная и вынужденная, поскольку в Югославии пока еще сильны проявления «предрассудков прошлого». «Мы не могли бы создать новое государство из-за старых пережитков, которые существуют еще в сознании наших людей и которых уже нет у людей на Западе, — сказал как-то Тито. — Поэтому мы должны были применить известные меры принуждения, чтобы направить развитие страны в демократическом направлении»[378].

Конечно, были и различия, но они не носили принципиального характера. Скажем, Тито, в отличие от того же Сталина, никогда не был аскетом, да и не стремился выглядеть им. Он не скрывал свои пристрастия — к комфорту, хорошей одежде, сигарам или автомобилям.

В 1949 году американский журнал «Лайф» опубликовал большой очерк о Тито с фотографиями. На них маршал был запечатлен во дворцах, с лошадьми, собаками и т. д. Джилас тогда сказал Тито, будто у него сложилось впечатление, что журнал рассказывает о каком-то латиноамериканском диктаторе. «Тито покраснел, — вспоминал Джилас, — и промолчал. Но ничего не изменилось, кроме того, что некоторое время он осторожно себя вел с западными фотографами»[379].

Джилас утверждал, что Тито лично — вместе с модельерами — придумывал и мундир маршала. Он был украшен золотом и золотым шитьем. Тито носил форму нескольких видов — цвета «хаки», голубую, темно-синюю, а позже иногда и ослепительно белую. На темно-синей форме, которую он в конце 1940-х — начале 1950-х надевал в более торжественных случаях, из чистого золота были выполнены маршальские погоны, околыш фуражки и кокарда на ней, пуговицы, массивный герб страны на ремне.

Джилас ехидно замечал, что золотой герб на ремне был таким массивным, что ремень на маршале все время немного «провисал». В отличие от советских генералов и маршалов, носивших в парадных случаях не менее богатые, но наглухо застегнутые до самого подбородка кители, Тито надевал под китель белую рубашку с черным галстуком. Одно время он носил сапоги, но позже окончательно перешел на модные дорогие ботинки — даже тогда, когда выезжал на военные маневры. Элегантный облик «вождя революции» дополняли неизменный перстень с бриллиантом, массивная авторучка с золотым пером, очки в золотой оправе, сигарета в длинном изогнутом мундштуке, а иногда и сигара. Как вспоминали его соратники, Тито нередко менял одежду по три-четыре раза в день — в зависимости от впечатления, которое он хотел произвести на тех, с кем встречался[380].

Все эти подробности приводились Джиласом после его конфликта с Тито. А в 1940-х годах именно он, как глава Агитпропа, был одним из главных разработчиков стратегии по созданию культа «любимого маршала». Джилас попытался «теоретически» объяснить феномен бурной любви югославов к Тито. Он писал, что в Югославии было много великих людей, но только в Тито народ впервые увидел человека, который одинаково велик для всех и одинаково любим всеми — сербами, хорватами, словенцами, черногорцами и македонцами. Тито, писал Джилас, в первый раз за всю историю смог объединить югославские народы во время кровопролитной войны. «В личности Тито, — отмечал он, — концентрируются вековые стремления наших народов к братству и единству, в ней

соединяются все благородные мечты наших предков, но с Тито начинается и новая эпоха наших народов — эпоха совместной жизни в братстве и равноправии»[381].

В какой степени все то, о чем писал Джилас, было правдой? Сегодня можно точно сказать: правдой, но далеко не всей. Тито действительно объединил народы Югославии, но лишь тех их представителей, которые боролись под коммунистическими знаменами. Победа Тито была победой не только в войне против оккупантов, но и в жестокой гражданской войне, в которой против него воевали представители тех же самых народов. Тито действительно хотел построить новую страну на основе идей «братства и единства», но, как показало время, эти идеи в стране так и не укоренились.

Если сразу после войны пропаганда изображала маршала Тито в основном в ореоле «героического полководца», «освободителя страны» и «народного героя», то с течением времени он постепенно превращался в «мудрого государственного руководителя», «крупного международного деятеля» и даже «видного теоретика марксизма».

«Клянусь Богом и товарищем Тито, что буду хранить эту высокую награду как святыню и останусь верным идеалам, за которые погиб мой сын», — сказал как-то отец одного из партизан, принимая орден Народного героя, которым посмертно был награжден его сын. Для простого народа Тито все больше и больше превращался в живого Бога или в человека, который стоял с Богом на одном уровне. Но опять же: в отличие от того же Сталина, который представлялся советскому народу грозным, могучим и неприступным богом, Тито выглядел богом гораздо более земным.

В литературе о маршале описан такой эпизод. Однажды Тито решил пройтись по Белграду. Чтобы его не узнали, он надел шляпу, темные очки, взял трость и вместе с начальником своей охраны генералом Миланом Жежелем вышел на улицу. Вскоре им повстречались две женщины с кошелками в руках. «Кума, смотри, ведь это же Тито! — закричала одна из них, уронив сумки. — Вы ведь Тито, правда?» — спросила она у растерявшегося маршала. «А как вы узнали?» — спросил он ее. «Да я вас всегда узнаю, даже если вы три пары очков нацепите», — радостно ответила та[382].

В другой раз Тито решил пообедать в одном из ресторанов курортного города Опатия в Хорватии с несколькими друзьями. Однако не успели они сесть за стол, как сотни людей собрались у ресторана и начали скандировать: «Тито, Тито!» Тито не раз говорил, что мечтает посидеть в ресторане как обычный посетитель, потягивая пиво из кружки[383]. Трудно себе

представить, чтобы Сталин — даже в самом ближайшем кругу — мог вслух говорить что-то подобное.

После разрыва с Советским Союзом новый смысл приобрело и празднование дня рождения Тито. Югославскому руководству нужно было показать всему миру, и прежде всего Сталину, что вся страна поддерживает «любимого Маршала». В «эстафете молодости» 1949 года приняли участие 350 тысяч человек. Официальная пропаганда расценила грандиозные масштабы празднования как «самый лучший ответ» на «позорные обвинения» Информбюро, поскольку «вождь и учитель» был… главной целью «их отравленных стрел, их грязной клеветнической пропаганды»[384].

После смерти Сталина Тито предложил называть 25 мая Днем молодости, и этот день отмечался в Югославии до 1987 года. Хотя праздник приобрел более «демократичные» черты, в его основе по-прежнему лежала идея преданности и любви югославской молодежи к своему «учителю и вождю».

Впрочем, иногда Тито надоедали эти прославления. Во время одной из встреч с бойцами молодежных трудовых бригад (югославских стройотрядов), когда уже закончилась официальная часть и гости приступили к ужину, за столами начали петь партизанские песни. В том числе и известную «Белую фиалку», которая начиналась словами: «Товарищ Тито, белая фиалка, тебя любит вся молодежь». Тито молча выслушал песню, а потом вдруг сказал: «Если вы не знаете ничего другого, то перестаньте. А меня, наконец, оставьте в покое!»[385]

Создание культа Тито многие годы было в Югославии важнейшей частью государственной политики. Его выстраивали планомерно и основательно, и, надо сказать, потрудились на совесть. Когда в 50-х годах прошлого века политическая и экономическая система Югославии действительно начала подвергаться ощутимой либерализации, культ Тито сохранился почти в неприкосновенности. Культ Тито умер вместе с той Югославией, которую он создал.

Югославия в блокаде

После первого года конфликта Белград и Москва смогли сделать для себя весьма важные выводы. Югославы окончательно поняли, что примирения уже не будет. В Москве же осознали, что первый советский натиск Тито выдержал. Вскоре миру были предъявлены «доказательства» того, что Тито — «агент империализма», для чего была разработана настоящая спецоперация.

В Венгрии к этому времени уже активно шло следствие по так называемому «делу Ласло Райка» — бывшего главы МВД и МИД этой страны, старого венгерского коммуниста и ветерана испанской войны. В июле 1949 года венгерское руководство докладывало руководству Коминформа: «Райк впервые начал давать отдельные показания… предполагаем, что Тито, Джилас и Ранкович — шпионы, завербованные Испанией и Францией. Райк имел с ними связи». Материалы предстоящего показательного процесса по делу Райка согласовывали с Москвой, а проект обвинения был утвержден лично Сталиным.

На процессе, который начался 16 сентября в Будапеште, Райка и других подсудимых обвинили в том, что «заговорщики хотели превратить Венгрию в югославскую колонию, колонию Тито, который вместе со своей бандой дезертировал из лагеря социализма и демократии в лагерь иностранного капитала и реакции и сделал, таким образом, Югославию вассалом империалистов»[386].

22 сентября Райку был вынесен смертный приговор (его привели в исполнение 15 октября). 28 сентября Москва объявила, что расторгает Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Югославией от 11 апреля 1945 года. При этом вина за разрыв договора была возложена на югославов, которые, как отмечалось в ноте советского МИДа, «вели и продолжают вести свою враждебную и подрывную работу против СССР не только по своей инициативе, но и по прямым заданиям империалистических кругов»[387]. В октябре из Москвы был выслан югославский посол, а в ноябре — югославский временный поверенный. Фактически дипотношения между Москвой и Белградом оказались заморожены.

С 16 по 19 ноября 1949 года под Будапештом проходило третье заседание Коминформа. Оно приняло резолюцию, название которой говорило само за себя: «Югославская компартия во власти шпионов и убийц». Утверждалось, что «Тито и его клика» являются «агентами империалистических разведок,

завербованными ранее и замаскированными, пока их не разоблачили». Ставилась задача создания в Югославии новой, подпольной компартии.

По примеру Москвы двусторонние договоры с Белградом расторгли и правительства стран «народной демократии». За короткий период оказались разорванными 46 различных договоров и соглашений с Югославией. Поданным югославских источников, ФНРЮ недополучила 95 процентов обещанных советских кредитов, а торговый дефицит страны увеличился до пяти миллиардов динаров или на 49 процентов от югославского экспорта.

Советские союзники проявляли и собственную инициативу. Например, Венгрия прекратила платить югославам репарации за причиненный во время войны материальный ущерб. Румыния в одностороннем порядке приостановила почтовое и железнодорожное сообщение с ФНРЮ, а Албания прервала со своими соседями вообще все связи. В ноябре 1949 года последовал ответный шаг Белграда: он разорвал договор о дружбе с Албанией, объяснив это небывалым размахом антиюгославской истерии в этой стране. Год спустя Югославия разорвала с Тираной официальные дипломатические отношения.

К концу 1949 года Югославия оказалась в экономической, культурной и морально-политической блокаде со стороны своих недавних друзей и союзников. А поскольку отношения с западными странами у режима Тито были тоже плохими, то блокада оказалась почти полной.

Вот как описывает очевидец югославские города в это время. «Снабжение населения, особенно в городах, было очень скудным. Витрины зияли пустотой. Вместо товаров на них стояли портреты членов Политбюро. В это время возник анекдот о „советских агентах“, которые тайно проникли в Югославию и потом доложили Сталину: „Все-таки они строят социализм!“ —„Как???“ — возмутился Сталин. — „Да. У них все отлично. Так же, как и у нас. И в магазинах ничего нет. Ну все совсем как у нас“[388]. К концу 1949 года дефицит продуктов питания настолько стал тревожить граждан страны, что Тито пришлось публично пообещать: правительство не допустит голода в стране».

В 1952 году журналисты спросили Тито: были ли раскрыты за время конфликта с Советским Союзом какие-нибудь серьезные заговоры? «Никаких заговоров не было, — ответил маршал. — Речь может идти только об отдельных людях, которые из страха перед Советским Союзом или по привычке считали, что Сталин гораздо умнее нас… Но это были единицы. Опасности для общественного строя они не представляли»[389].

По данным же югославских спецслужб, в 1948 году было, например, зафиксировано 2477 различных случаев поддержки резолюции Информбюро. Это были совершенно различные выступления — от заявлений, что Сталин не может ошибаться или о невозможности воевать против русских, до попыток организации подпольных групп. В последующие годы конфликта число подобных выступлений снизилось, хотя они не прекращались никогда. Время от времени в городах появлялись надписи: «Смерть Тито!», «Да здравствует Сталин!» и т. д.

Шпиономания в Югославии в эти годы достигла внушительных размеров. В октябре 1951 года прошел судебный процесс по делу 14 человек во главе с инженерами Путником и Трудичем. Их обвиняли в шпионаже в пользу СССР и в том, что «вредители» якобы мешали строительству железных дорог. Этот процесс был очень похож на советские показательные процессы 1930-х годов — он был открытым, присутствовали даже иностранные журналисты, обвиняемые признавали свою вину. Путника и Трудича приговорили к смертной казни, но потом, правда, помиловали[390].

В том же 1951 году группа «вредителей» была раскрыта в редакции газеты «Борба». Служба госбезопасности утверждала, что раскрыла в редакции группу сторонников Информбюро, а у одного из них найден список сотрудников, которые должны быть арестованы и расстреляны сразу же после занятия Белграда Советской армией[391].

Арестовывали даже людей из ближайшего окружения Тито. Забрали, например, его сапожника Бошко Чолича, который непрерывно находился при маршале с 1942 года. Следствие утверждало, что после войны его завербовала советская разведка и произошло это тогда, когда в стране работала съемочная группа советского художественного фильма «В горах Югославии». Чолич показывал кинематографистам места боев, и тогда-то якобы его и сделали «шпионом-миной», как называл таких людей сам Тито. По данным следствия, Чолич проделал дыру в одном из помещений Тито и установил там подслушивающий прибор. Он получил 20 лет тюрьмы, отсидел 12 лет, а потом был выпущен на свободу.

Летом 1949 года в Югославии начались аресты русских эмигрантов, проживавших там после Октябрьской революции. Их обвиняли в шпионаже в пользу советских спецслужб и в антигосударственной деятельности.

Надо сказать, что довольно масштабная разведывательная и диверсионная деятельность против «клики Тито» действительно имела место. В странах Восточной Европы было создано более

двадцати центров, которые занимались организацией разведывательной работы, созданием диверсионных групп и заброской их в Югославию. Диверсанты забрасывались в страну из Албании, Венгрии, Болгарии и Румынии. По данным югославской стороны, только за первый год конфликта было зарегистрировано 219 вооруженных пограничных инцидентов, и их число неизменно возрастало. В 1952-м их было уже 2390. Весной 1951 года МИД Югославии выпустил «Белую книгу» об агрессивных действиях Советского Союза и стран Восточной Европы против ФНРЮ. Книга в четыреста с лишним страниц была разослана государствам — членам ООН в качестве официального документа. На международное сообщество она произвела большое впечатление.

Советская пропаганда старалась создать картину, что настоящие коммунисты и патриоты в Югославии день ото дня усиливают свою героическую борьбу против «клики Тито», и не скрывала, что они пользуются поддержкой Советского государства. 6 мая 1950 года заместитель Председателя Совмина СССР и член политбюро ЦК ВКП(б) Николай Булганин громогласно заявил в Праге: «Народы Югославии достойны лучшей судьбы, и мы верим, что недалек тот час, когда они одержат победу над фашистской кликой Тито — Ранковича». 11 мая Тито ехидно прокомментировал эти слова: «Это всего лишь пожелание маршала Булганина. Такие пожелания высказываются уже два года… Но они и в будущем останутся всего лишь пожеланиями».

На самом деле знающие люди в Москве прекрасно понимали: рассчитывать на смену режима Тито изнутри нет никаких оснований. Сторонники Информбюро были фактически разгромлены.

Летом 1950 года в Югославии прошли выборы в Народную скупщину. Победа сторонников Тито была полной — кандидаты Народного фронта под руководством КПЮ получили 93 процента голосов, а Тито — мандат на формирование правительства. Это событие окружение маршала решило отметить вручением ему ордена Героя Социалистического Труда.

Тито и его окружение гораздо больше беспокоил в это время другой, и самый опасный для них вариант развития конфликта. Еще с июля 1948 года в югославском руководстве шли дискуссии: решатся ли русские на вторжение в страну? И если оно все-таки произойдет, то что делать в этом случае? Этот вопрос был далеко не праздным. Многие югославы просто не представляли, как они смогут сражаться против Красной армии, на которую столько лет чуть ли не молились.

Первые сведения о концентрации советских войск и войск стран «народной демократии» на югославских границах начали появляться осенью 1948 года. Больше всего об этом писали западные газеты, но в Белграде обратили внимание, что советская сторона, обычно опровергавшая «домыслы» западных журналистов, на этот раз подозрительно молчала. Тогда в Белграде расценивали это как способ психологического давления со стороны СССР. Тито в моменты наибольшего напряжения даже демонстративно оставался в своей резиденции на Бриони. «Конечно, Сталин очень хотел бы, чтобы я быстро возвращался в Белград, чтобы потом сказать, что у нас здесь паника начинается», — говорил он.

Однако угроза вторжения для югославов представлялась все более и более реальной. Насколько серьезно сам Тито воспринимал ее, видно из важнейшего для его биографии документа, который был обнаружен совсем недавно. Это — дневник, который вел маршал.

О том, что Тито ведет дневник, раньше не упоминали ни его биографы, ни его ближайшие соратники. Летом 2009 года среди коробок и папок с документами из личного архива Тито сербский публицист Перо Симич обнаружил два небольших блокнота, исписанных почерком, очень похожим на титовский. Он сразу же обратил внимание на характерные для Тито ошибки в написании некоторых слов и смешение различных диалектов сербскохорватского языка, о которых Симич знал очень хорошо, поскольку давно уже занимался исследованием жизни Тито. Публикация дневника Тито вызвала самую настоящую сенсацию.

Впервые можно было увидеть (именно увидеть) мысли Тито о важнейших событиях, которые он излагал на бумаге не для «истории», а лично для себя. «Я никогда не собирался вести дневник, — замечает Тито в первой записи от 2 ноября 1950 года, — но ежедневная практика показывает, что я все-таки должен начать эту тяжелую работу, несмотря на сильную загруженность другими делами. В будущем он конечно же послужит мне своего рода напоминанием, поэтому я буду отмечать здесь только наиболее существенные события»[392].

Тито вел дневник недолго. Последнюю запись он сделал 18 февраля 1951 года. Однако и за эти три с половиной месяца он успел оставить на бумаге множество интереснейших деталей из своей жизни.

Он был почти уверен в том, что СССР и его союзники рано или поздно начнут военную операцию против Югославии. «Для социалистической Югославии сейчас самый опасный момент, — отмечает он 3 декабря 1950 года. — Никто из западных стран,

включая Америку, сейчас не готов к войне, будет не готов еще минимум год… Нам пришлось бы драться в одиночестве, если бы на нас кто-то напал». На следующий день прошло заседание политбюро. Тито предложил усилить меры безопасности для партийного и государственного руководства на случай нападения с востока. Предполагалось, в частности, расселение правительственного района Дединье в Белграде. «Нужно, чтобы руководители нашли себе другие квартиры, а члены Политбюро ночевали со своими семьями в других местах — ведь если дойдет дело до бомбардировок, то все они пострадают», — заметил Тито[393].

Вскоре Тито предложил увеличить военные расходы до 23 процентов национального дохода — уровень финансирования вооруженных сил и военных программ был в это время в Югославии одним из самых высоких в Европе. Если в 1948 году военный бюджет страны составлял 300 миллионов долларов, то в 1950–1952 годах — примерно 655 миллионов, то есть увеличился более чем в два раза[394].

«В последние дни я много размышлял о возможности нападения на нашу страну Советского Союза и его сателлитов, о стратегии нашего сопротивления и т. д.», — записал Тито 26 декабря 1950 года. Он считал, что в этом случае война будет состоять из трех фаз: первая — комбинированная оборона с помощью регулярной армии и партизанских отрядов; вторая — отступление под натиском превосходящих сил противника, вывод главных сил и югославской молодежи в определенные районы для реорганизации движения сопротивления и подготовки третьей фазы и одновременное развертывание партизанской борьбы, в которой бы приняли участие от 100 до 150 тысяч бойцов; третья — наступление на оккупантов, в котором приняли бы участие хорошо вооруженные и отдохнувшие отряды сопротивления. Тито оговорился, что о такой стратегии речь может идти в том случае, если «неприятель осуществит вторжение в нашу страну с такими силами, что мы не смогли бы удержать большую часть территории»[395].

Маршал поделился своими размышлениями с другими членами политбюро и представителями Генерального штаба, и они с такой стратегией согласились. Впрочем, рассматривались и другие варианты. «Я спросил товарищей, что они думают о том, что мы отступим и с территории нашей страны с сильной армией, чтобы потом с такой же армией и вернуться. Только таким образом мы спасем социализм в нашей стране». Товарищи Тито, разумеется, согласились и с этими его мыслями.

Вскоре был принят план обороны, согласно которому в

случае вторжения югославская армия должна отступать на территорию, которая получила название «стратегической», — то есть в горы. Поскольку, по мнению югославов, война могла затянуться на долгое время, «на стратегической территории» стали спешно возводить предприятия военного назначения, создавать склады продовольствия, оружия, снаряжения и боеприпасов. Были подготовлены и несколько запасных штабов для Тито и командования югославской армии — их оборудовали в пещерах в горах Боснии.

В начале 1950-х годов началось постепенное перевооружение Югославской армии (22 декабря 1951 года она стала называться Югославской Народной армией). Задача состояла в том, чтобы ликвидировать зависимость армии от советских военных поставок. Уже в 1949 году югославы начали выпускать собственный истребитель-бомбардировщик «Икарус S-49A», на котором стояли сначала советские, а потом французские двигатели. Впрочем, задача оснащения армии оружием только югославского производства не была решена до самого распада страны.

Тито и его соратники не раз говорили, что вторжение русских и их союзников наверняка бы состоялось, если бы не война в Корее, которая началась летом 1950 года и отвлекла внимание Сталина от планов военной кампании на Балканах. В 1957 году в уже снова дружественную Югославию с визитом прибыл министр обороны СССР маршал Жуков. В частных разговорах с югославскими руководителями он кое-что рассказал о плане Сталина по вторжению в Югославию. Как говорил Жуков, первый удар должны были нанести танковые дивизии, а одновременно с переходом югославской границы должна была начаться высадка десанта в самое «сердце» «стратегической территории» Тито — в Боснии. Планировалось, что вместе с советскими войсками в операции будут принимать участие и силы других стран «народной демократии». По данным югославской разведки, одним из наиболее активных сторонников вторжения был Вальтер Ульбрихт — руководитель недавно созданной ГДР[396].

Были и другие «сигналы». После венгерского восстания 1956 года высокопоставленный офицер венгерской армии Бела Кирай бежал на Запад (на родине он был заочно приговорен к смертной казни, приговор был отменен только в 1989 году). Он утверждал, что на первом этапе операции предусматривалась организация массовых беспорядков в Югославии. В качестве следующего шага предполагалось создание так называемого временного государственного органа в виде «Народного комитета» из числа югославских эмигрантов и противников Тито внутри Югославии.

На третьем этапе это «правительство» выступило бы от имени «восставшего народа» с просьбой о помощи к коммунистическим правительствам соседних стран, прежде всего Румынии и Венгрии. После признания так называемого «повстанческого правительства» этими странами вооруженные силы Румынии, Венгрии, а при определенных условиях и Болгарии, а также СССР должны были провести совместную операцию по свержению Тито и установлению просоветского правительства.

Сведения о подобном сценарии развития событий дошли и до Белграда. 30 декабря 1950 года Тито записал в дневнике: «Сегодня мы получили информацию из надежных источников, что русские с помощью своих союзников готовят в 1951 году расправу с нашей страной. Их план состоит в следующем: вызвать мятеж в какой-нибудь части нашей страны, а потом бросить туда т. н. освободительные бригады, которые бы начали действовать под видом сражающегося югославского народа. Таким образом, они могли бы вмешаться и с помощью союзников, и даже сами. Мы должны предпринять все меры, чтобы расстроить эти планы»[397].

Насколько у всех были натянуты нервы, видно хотя бы по такому эпизоду. 21 января 1951 года Тито получил информацию из Македонии: через территорию этой югославской республики из Болгарии в Албанию летят около ста самолетов — истребителей и бомбардировщиков. Тито тут же собрал политбюро и высказал предположение, что русские, вероятно, хотят превратить Албанию в стратегический плацдарм для будущего нападения на Югославию и накапливают там силы. Радио Белграда срочно передало новость в эфир. Но вскоре выяснилось, что через воздушное пространство Югославии пролетели всего лишь два транспортных самолета, которые перевозили в Албанию какие-то грузы. «Нам пришлось опровергнуть наше прежнее сообщение…» — отмечает Тито в дневнике[398].

Готовил ли на самом деле Сталин вторжение в Югославию или же передвижения войск на ее границах были средством психологического давления на Тито — этот вопрос до сих пор остается открытым. Понятно, что без прямого участия Советского Союза такая операция не имела бы никакого смысла. А чтобы подготовиться к ней, советское руководство должно было сосредоточить в Болгарии, Румынии и Венгрии немалые силы. Фактов переброски такого количества советских войск к границам Югославии не выявлено. Да и реакция западных стран была бы непредсказуемой — вплоть до оказания военной помощи Югославии. Из сообщений разведки следовало, что дальнейшее давление на Югославию может привести к ее полному и открытому переходу в западный лагерь, что конечно же совсем не

отвечало интересам советского правительства. Начиная с 1950 года советская разведка регулярно докладывала в Кремль, что западные послы в Белграде в разговорах с Тито и другими югославскими руководителями все чаще прощупывают возможность присоединения Югославии к НАТО[399].

Нельзя сказать, что все годы конфликта Тито панически боялся покушения на свою жизнь со стороны агентов советских спецслужб. Однако, как опытный государственный лидер, к тому же прекрасно знающий Сталина, он не мог исключать, что такое покушение может состояться в любой день и в любую минуту. Иногда члены «ближнего круга» Тито, включая его самого, даже спорили, как будет действовать Сталин: начнет военное вторжение в страну или сначала устроит покушение на жизнь Тито? В апреле 1951 года у Тито случился сильный приступ желчно-каменной болезни и ему пришлось делать операцию. После операции он сказал: «Как бы, наверное, Сталину было приятно, если бы она получилась неудачной. Как бы легко он от меня избавился»[400].

В Югославии были арестованы несколько групп «террористов», которые, по официальным данным, готовили покушения, но даже если эти обвинения и соответствовали действительности, то речь шла об операциях, которые УДБ пресекала без особых проблем. Но готовились ли в это время в Кремле и на Лубянке более изощренные, по-своему «виртуозные» планы устранения Тито, до сих пор точно неизвестно.

Один из планов советского покушения на Тито (если таковой, разумеется, действительно имел место) известен со слов Павла Судоплатова, возглавлявшего после войны особую группу МГБ СССР, которая занималась, в частности, ликвидацией врагов Советского Союза за границей. В своих мемуарах Судоплатов описывает, как буквально за два дня до своей смерти Сталин вызвал к себе руководство МГБ (в том числе и его) и попросил ознакомиться с одним документом. Это, по словам Судоплатова, был написанный от руки план покушения на Тито. В нем говорилось:

«МГБ СССР просит разрешения на подготовку и организацию теракта против Тито с использованием агента-нелегала „Макса“ — тов. Григулевича И. Р., гражданина СССР, члена КПСС с 1950 года (справка прилагается)».

Далее, по утверждению Судоплатова, планировалось:

«1. Поручить „Максу“ добиться личной аудиенции у Тито, во время которой он должен будет из замаскированного в одежде бесшумно действующего механизма выпустить дозу бактерий легочной чумы, что гарантирует заражение и смерть Тито и

присутствующих в помещении лиц. Сам „Макс“ не будет знать о существе применяемого препарата. В целях сохранения жизни „Максу“ будет предварительно привита противочумная сыворотка.

2. В связи с ожидаемой поездкой Тито в Лондон командировать туда „Макса“, используя свое официальное положение и хорошие личные отношения с югославским послом в Англии Велебитом, попасть на прием в югославском посольстве, который, как следует ожидать, Велебит даст в честь Тито. Теракт произвести путем бесшумного выстрела из замаскированного под предмет личного обихода механизма с одновременным выпуском слезоточивых газов для создания паники среди присутствующих, чтобы создать обстановку, благоприятную для отхода „Макса“ и скрытия следов.

3. Воспользоваться одним из официальных приемов в Белграде, на который приглашаются жены дипломатического корпуса… Теракт произвести таким же путем, как и во втором варианте, поручив его самому „Максу“, который как дипломат, аккредитованный при югославском правительстве, будет приглашен на такой прием. Кроме того, поручить „Максу“ разработать вариант и подготовить условия вручения через одного из коста-риканских представителей подарка Тито в виде каких-либо драгоценностей в шкатулке, раскрытие которой приведет в действие механизм, выбрасывающий моментально действующее отравляющее вещество. „Максу“ предложено было еще раз подумать и внести предложения, каким образом он мог бы осуществить наиболее действенные мероприятия против Тито».

Как вспоминал Судоплатов, ознакомившись с документом, он сказал Сталину, что считает предлагаемые методы покушения на Тито «наивными». Кроме того, по его мнению, агент «Макс» не подходил для подобного поручения, так как никогда не был боевиком-террористом. «Как бы мы о Тито ни думали, мы должны отнестись к нему как к серьезному противнику, который участвовал в боевых операциях в военные годы и, безусловно, сохранит присутствие духа и отразит нападение», — отметил он. Сталин прервал его и, обратившись к находившемуся здесь же главе МГБ Игнатьеву, сказал, что это дело надо еще раз обдумать, приняв во внимание внутренние «драчки» в руководстве Югославии.

Судоплатов начал «думать», однако через два дня умер Сталин и идея покушения на Тито была окончательно похоронена[401].

Мемуары Судоплатова — пока что единственный источник

информации о попытке Сталина убрать Тито. Известный советский разведчик Иосиф Григулевич, известный также как член-корреспондент АН СССР и автор многих историко-политологических работ о странах Латинской Америки под псевдонимом «Лаврецкий», по понятным причинам, никогда до своей смерти в 1988 году не упоминал о том, что готовился выполнять подобную миссию, а может быть, и не знал, что его к ней готовили. Во всяком случае, ни в Советском Союзе, ни в постсоветской России наличие таких планов официально никогда не признавалось.

Тито «стучится в двери» Запада

В годы советско-югославского конфликта не было ни одной крупной газеты или журнала, которые не помешали бы карикатуры на Тито и его окружение. Толстый человек на кривых коротких ногах, в фуражке с высокой тульей, с топором в руках, с которого стекает кровь, в одном кармане — пачка долларов, в другом «Майн кампф», правая рука поднята в нацистском приветствии, и с нее тоже капает кровь — таким был самый распространенный карикатурный образ Тито. Правда, сюжеты часто менялись. Югославского руководителя, к примеру, рисовали у американской кассы с деньгами в руках и подписью:

Старается Тито
И вся его свита,
Чтоб были довольны
Тузы Уолл-стрита.

Был еще Тито-паук в виде нацистской свастики, Тито и его соратники в виде кривоногих бульдогов, тявкающих на поводке Дяди Сэма, или Тито в виде девицы на панели с подписью «Брозтитутка». Говорят, что изобретение очень популярного тогда эпитета принадлежало Самуилу Маршаку — он использовал его впервые в стихах к очередной карикатуре на Тито в исполнении знаменитых Кукрыниксов (художники Куприянов, Крылов и Соколов):

Теперь Тито совсем не то,
Он изменился не на шутку:
Он был Иосиф Тито Броз,
А стал Иосиф Брозтитутка.

Стихи и очерки Константина Симонова, Сергея Михалкова, Николая Тихонова и многих других авторов, в которых прославлялся «легендарный маршал Тито», были запрещены. Впрочем, те же Симонов, Михалков, Тихонов и многие другие мастера советской культуры тут же взялись за создание его нового образа. Скажем, Михалкову принадлежит такой «сатирический портрет» Тито:

Жаждой зла наполнен туго,
Патентованный бандюга.
Он всех подряд повесить рад,
Законченный дегенерат.

Малоизвестный в то время писатель Орест Мальцев вообще остался в истории как раз благодаря конфликту с Тито. Его роман «Югославская трагедия» стал, пожалуй, символом всей антититовской кампании. В нем Тито был выписан самыми черными красками: он и агент Англии и США, и изменник делу коммунизма, и просто неприятный, жуликоватый человек, пренебрегающий всеми нормами морали. По одним данным, Мальцев выполнял заказ ЦК, по другим — кандидатуру автора одобрил лично Сталин и он же сам правил рукопись. Как бы то ни было, но «Югославская трагедия» за два года выдержала более двадцати изданий тиражом в несколько миллионов экземпляров. Она принесла Оресту Мальцеву Сталинскую премию второй степени за 1951 год.

Читал ли Тито то, что пишут о нем в Советском Союзе? Конечно читал. Можно только догадываться, что именно творилось в его душе, когда он читал, что его сравнивают с Герингом, или рассматривал карикатуры на самого себя.

Все эти годы Тито находился в странной ситуации. Для бывших друзей — уже враг, а для бывших врагов — еще не друг. Он никуда не выезжал из Югославии — в течение пяти лет не покинул ее ни на один день, и никто из руководителей других стран не приезжал к нему.

«Этот год был для нас очень тяжелым, — записал он в дневнике 31 декабря 1950 года, — но кто знает, что несет нам следующий». Новый, 1951 год Тито встретил в своей резиденции, в компании своих товарищей — Ранковича, Гошняка, Карделя, Кочи Поповича и других. Потом всей компанией они пошли в клуб. «Там было слишком скучно, так как всю ночь смотрели какие-то фильмы», — записал Тито. На следующий день рано утром он отправился на охоту, которую считал чуть ли не самым лучшим отдыхом для себя.

4 февраля 1951 года он записал: «Сегодня я был в Банате (область на северо-востоке Сербии. — *Е. М.)* на охоте на диких гусей, однако сумел подстрелить только одного. Было довольно холодно, но снега не было. Я смотрел на поля и боялся даже подумать, что холода без снега могут снова уничтожить осенние посевы. Сейчас я жду снега так же сильно, как летом ждал дождя»[402]. Мысли о засухе, которая поражала Югославию несколько лет подряд, не оставляли Тито почти никогда.

Перед ним стояли две важнейшие задачи — срочно накормить население страны и укрепить ее обороноспособность. И то и другое он, в конце концов, решил сделать с помощью Запада. Осенью 1950 года правительство Югославии обратилось к США с просьбой об оказании продовольственной помощи.

31 октября 1950 года в Белграде Тито встретился с американским послом в Югославии Джорджем Алленом. Посол сообщил, что президент Трумэн не против оказания помощи Югославии, но для этого хотел бы заключить с Белградом двустороннее соглашение. Аллен принес с собой и проект этого соглашения. Оно гласило, что американская помощь предоставляется Югославии, чтобы последствия засухи не могли подорвать ее обороноспособность, и что Югославия обязуется вернуть ее путем продажи товаров, в которых США испытывают недостаток и которые необходимы им для оборонных целей[403]. Посол заметил, что заключение соглашения наверняка приведет к новым резким нападкам со стороны Советского Союза — в том числе и лично в адрес Тито. Впрочем, Тито и сам это прекрасно понимал.

В его дневнике сохранились следы размышлений по этому вопросу. Тито оказался перед сложным выбором. В нем еще жила старая «коминтерновская» закалка, в соответствии с которой принимать помощь от классовых врагов, к тому же помощь на военные цели, было недопустимо. «Я знаю, что Информбюро снова получит повод для нападок на нас, ну да ладно», — в конце концов замечает он в дневнике[404].

Югославы согласились с американскими условиями, и уже в декабре 1950 года в США был принят Закон о чрезвычайной помощи Югославии. 6 января 1951 года состоялось его подписание[405]. В Югославию начало поступать американское, британское и французское продовольствие, прежде всего американская пшеница. Затем — продовольственные посылки различных международных организаций. Молодой американский конгрессмен Джон Фицджералд Кеннеди встретился с Тито в Белграде, чтобы лучше понять, какая еще помощь нужна Югославии. Благодаря западной помощи стране удалось пережить

тяжелую зиму 1951 года. «Нас ругают за то, что мы приняли американскую пшеницу, — заметил как-то Тито. — А я утверждаю, что она лучше советской пшеницы, которую мы вообще не получили».

Итак, осенью 1950 года Тито решился «постучаться в двери Запада»[406]. Он не мог не понимать, что созданная им система переживает жестокий кризис. К концу 1950 года становилось все более очевидным, что выбранная в качестве примера советская модель социализма в Югославии работает плохо. Блокада и практически полная международная изоляция страны сделали недостатки государственно-бюрократического социализма еще более очевидными.

Задания первой югославской пятилетки, начавшейся в 1947 году, оказались невыполненными. В стране по-прежнему существовала карточная система распределения. Очереди и дефицит товаров были обычным делом. То и дело возникали панические слухи, что заканчиваются то хлеб, то спички, то керосин. Поскольку официальная пропаганда твердила одно, а в реальной жизни граждане видели совсем другое, это не могло не подрывать среди них доверия к власти, за которую многие из югославов совсем недавно сражались с оружием в руках.

В начале 1949 года II Пленум ЦК КПЮ провозгласил курс на коллективизацию сельского хозяйства. В 1950 году в стране было уже создано около семи тысяч Крестьянских трудовых кооперативов (КТК), которым было передано 2 миллиона 226 тысяч гектаров земли[407]. Крестьяне не горели желанием вступать в КТК, и государство пыталось привлечь их туда то уговорами, то угрозами и прямым принуждением. В этом смысле югославская коллективизация ничем не отличалась от сталинской.

Уже в 1949 году в селах возникли первые подпольные группы, которые начали борьбу с коллективизацией. А весной 1950-го в нескольких районах страны вспыхнули настоящие восстания. Самым крупным из них было так называемое Цазинское восстание, охватившее 5–7 мая 1950 года несколько районов на западе Боснии и в соседней Хорватии. В нем участвовали 20 сел. Причем руководили им бывшие «титовские партизаны» — первоборцы (то есть те, кто воевал в партизанах с 1941 года), а участвовали в нем не только «середняки», но и бедные крестьяне, недовольные почти насильственной коллективизацией[408]. В нескольких городах прошли забастовки и митинги протеста рабочих. В народе все чаще поговаривали, что до войны, при короле, жили, может быть, и тяжело, но такого, как при коммунистах, все равно не было.

По плану первой пятилетки строились и развивались прежде всего предприятия тяжелой промышленности. Производство предметов потребления сокращалось, достать их было сложно, что вызывало частые жалобы и недовольство граждан. Более 50 процентов доходов югославов уходило на продукты питания. В городах не хватало жилья — его строительство опять-таки уступало довоенным темпам. В 1954 году только 17 процентов квартир в Югославии имели ванну, 32 процента — туалет и 29 процентов — водопровод[409]. Понятно, какое настроение было у обитателей этих квартир, когда они видели особняки и виллы тех, кто призывал их «еще теснее сплотиться вокруг партии и товарища Тито для строительства и защиты нашего социализма».

Весной и летом 1952 года Тито несколько раз публично обещал народу, что пройдет еще год-другой и в стране все изменится к лучшему[410]. Однако летом 1952 года страну поразила еще одна, гораздо более тяжелая, засуха.

4 января 1951 года Тито принял посла Греции. Они говорили о том, как улучшить отношения между двумя странами. В дневнике Тито сделал такое замечание: «Я заметил, что ему с трудом удается скрывать, что он нас ненавидит — как реакционер, который ненавидит все прогрессивные страны и всех прогрессивных людей»[411]. Однако Тито теперь приходилось иметь дело именно с такими людьми. Они становились его стратегическими партнерами.

Запад сначала довольно сдержанно реагировал на советско-югославский конфликт. До конца 1949 года режим Тито поддерживал советскую политику на международной арене, поэтому на Западе выжидали. Но со временем победила точка зрения, согласно которой общественный строй в Югославии являлся не самой главной проблемой для западных стран. Главное — чтобы Тито занимал независимую от Москвы позицию.

Вслед за экономической и продовольственной помощью в Югославию пошла и помощь военная. 14 ноября 1951 года в Белграде было подписано соглашение о военной помощи США Югославии. Любопытно, что с югославской стороны его подписал сам Тито, а с американской — «всего лишь» посол США в Белграде Джордж Аллен. Вскоре в Югославию начали поступать американские самолеты, вертолеты, танки, артиллерийские орудия, различное военное снаряжение и материалы. Другие западные страны тоже начали оказывать ей военную помощь.

По соглашению американцы должны были оказать Тито военную помощь на сумму в 765,5 миллиона долларов, однако некоторые исследователи считают, что ее размеры значительно превысили эту цифру[412]. В 1955 году американская военная

миссия в Белграде официально состояла из 124 сотрудников.

Экономические условия, на которых оказывалась вся эта помощь, были для Югославии тяжелыми. Югославия, например, должна была продавать США по заниженным ценам стратегическое сырье — медь, хром, цинк, свинец, бокситы и др. Югославия признала и долги королевского правительства в сумме 238 миллионов долларов и согласилась выплатить иностранцам компенсацию за национализированную собственность — на это ушло еще 100 миллионов долларов. Когда же дело дошло до соглашений о кредитах, то югославам пришлось пойти на такие же тяжелые условия — срок их погашения составлял 4–5 лет, а ставки — до 11 процентов годовых.

Но и результаты западной помощи стали видны довольно быстро. Уже к середине 1950-х годов югославские заводы могли полностью обеспечивать армию стрелковым оружием, минометами, артиллерией и боеприпасами. За счет американской помощи было построено 37 военных заводов, и к 1956 году оборонная промышленность страны насчитывала уже 95 предприятий, на которых работало 95 тысяч человек[413]. За 10 лет (до 1961 года) Югославия получила от западных стран в виде займов и безвозмездной помощи 3,7 миллиарда долларов[414].

Однажды на встрече со студентами Тито спросили: зачем нам столько военных заводов? Тито начал объяснять, что над Югославией собираются тучи, что ее независимость под угрозой и т. д. Потом, подумав немного, добавил: «Когда все это будет позади, мы будем продавать оружие. А за оружие можно получить хорошие деньги. Ну а на этих заводах когда-нибудь будем производить товары для народа». Тито спросили, дорого ли стоят реактивные самолеты. Дорого, сказал Тито, но они нам нужны. «Если у тебя нет острых зубов, то в сегодняшнем волчьем мире не выживешь», — добавил он.

Советская разведка в это время внимательно отслеживала попытки Запада окончательно перетащить Тито на свою сторону. В феврале 1952 года разведка доложила Сталину, что США стараются превратить Югославию в «военный плацдарм для нападения на СССР и страны народной демократии» и что в этих целях ведут переговоры о вступлении Белграда в региональный военный союз с Грецией и Турцией, с помощью которого американцы собираются косвенно присоединить Югославию к НАТО[415]. Правда, еще через год Сталин получил донесение о том, что «титовцы по внутриполитическим соображениям» считают нежелательным для себя присоединяться к военному союзу в составе Греции, Турции и Югославии (так называемый «Балканский пакт»), а хотят ограничиться «секретными военными

конвенциями».

Американцы действительно пытались отвести «Балканскому пакту» роль «правого фланга НАТО». Однако в этом вопросе они натолкнулись на сопротивление Тито. Он не раз заявлял, что процесс сближения с Западом имеет свои границы и что, несмотря на всю оказанную Западом помощь, Югославия не перейдет в «лагерь империализма и реакции» и останется социалистической страной.

27 ноября 1952 года, выступая на заседании Исполкома ЦК партии, Тито в довольно резком тоне высказался о западных партнерах. Излагая, в частности, ход переговоров с делегацией НАТО во главе с командующим войсками США в Европе генералом Хенди, он сказал, что «они вели себя по отношению к нам как к зависимой стране, но наши эту позицию отклонили и держались с достоинством»[416]. Тито не скрывал своих опасений — западные страны хотят получать от Югославии как можно больше важной военной информации, постепенно превращая ее в зависимое от них государство. «Мы не должны вступать в Атлантический пакт, — подытожил он. — Следует вести переговоры с греками и турками». Причем, по словам Тито, переговоры «следует поднять на политический уровень, а не ограничиваться исключительно военной стороной дела»[417].

28 февраля 1953 года в Анкаре был подписан Договор о дружбе и сотрудничестве между Югославией, Турцией и Грецией. Его подписание давало Югославии возможность установить хорошие отношения с Грецией и Турцией (членами НАТО) и главное — рассчитывать на поддержку этого военного блока в случае советского нападения.

Где бы остановился Тито в своем военном и политическом сотрудничестве с Западом, если бы не смерть Сталина в марте 1953-го? Скорее всего, рано или поздно Югославия не только формально, но и фактически оказалась бы на стороне западных стран. К этому ее неумолимо толкала логика острейшего противостояния с советским блоком. Находиться в гордом одиночестве Югославия долго не могла, и скорее всего только нормализация отношений с Москвой приостановила процесс ее перехода в западный лагерь.

Вероятно, тогда Тито и понял одну весьма важную вещь — для его Югославии гораздо выгоднее не присоединяться ни к одному из военно-политических союзов, а балансировать между ними. «Мы можем… использовать, с одной стороны, противоречия между капиталистическими странами, а с другой стороны, противоречия между великими державами», — говорил Тито на встрече со студентами Института общественных наук в

Белграде 20 января 1951 года[418].

Тогда, в начале 1950-х, Югославия оторвалась от советского берега, начала свой дрейф к западным берегам. Тито как будто в воду глядел, когда чуть раньше записал в своем дневнике, что «Информбюро… по своему старому обычаю, опять будет орать, что мы в конце концов сбросили маску и перешли к империалистам. Я глубоко уверен, что наши успехи за границей стали сильным ударом по их позициям, и именно поэтому они так и беснуются»[419].

Этот «дрейф», конечно, не остался незамеченным в Москве. В отчетном докладе ЦК партии, который по поручению Сталина прочитал в октябре 1952 года на XIX съезде КПСС Маленков, Югославия, Греция и Турция были названы странами, которые «успели уже превратиться в американские колонии, а правители Югославии, все эти тито, кардели, ранковичи, джиласы, пьяде и прочие, — давно уже определились в американские агенты, выполняющие шпионские задания своих американских „шефов“ против СССР и народно-демократических стран»[420]. Никто тогда не мог подумать, что очень скоро эти оценки в Москве постараются поскорее забыть…

Тито на работе и дома

В мае 1952 года Тито исполнилось 60 лет, хотя выглядел он моложе. На фотографиях того времени — элегантный светский мужчина либо в военной форме, либо в превосходно сшитых модных костюмах. Он больше похож на процветающего бизнесмена, чем на революционера и коммуниста. Американский журнал «Тайм» в это время назвал Тито одним из самых стильных политиков мира.

Осенью 1950 года одна из американских киностудий снимала документальный фильм о Югославии. Один из его эпизодов должен был быть посвящен тому, как проводит свой обычный день маршал Тито. Тито согласился на участие в съемках, хотя с явной неохотой. «Сегодня мне пришлось заняться одним делом, которое никогда не приносило мне удовольствия», — отметил он в дневнике[421]. Американским киношникам повезло: чтобы не терять времени, он во время съемок провел две настоящие, а не постановочные встречи, на которых присутствовали Джилас, Кардель, Ранкович.

Тито, хотя и часто встречался с журналистами, в душе их, видимо, не особенно любил. Но количество заявок на интервью с ним, приходивших от иностранных журналистов, исчислялось сотнями. Многие хотели узнать, как живет этот коммунист в

модных костюмах и с голливудской улыбкой, бросивший вызов самому Сталину. Но и в самой Югославии повседневная жизнь маршала была скрыта от посторонних глаз.

Обычно Тито вставал рано: летом в 5.30, зимой — в 7 утра. Не меньше получаса делал шведскую гимнастику — эту привычку он приобрел еще в молодости. Затем шел в душ, а после душа в любую погоду уходил на прогулку в парк. До завтрака успевал просмотреть срочные донесения и шифровки, которые поступили ночью. Если приходили очень важные депеши (прежде всего телеграммы от Сталина), секретарям разрешалось будить его. Около восьми утра садился завтракать и давал краткие рабочие указания секретарям. После завтрака, если не было никаких официальных встреч или поездок, уходил работать к себе в кабинет. По дороге на несколько минут задерживался у клеток с птицами — у него было много птиц, в основном канарейки — и проверял, есть ли у них корм и вода.

Потом Тито просматривал югославские и иностранные газеты и сводки международных информационных агентств. Во время работы он курил, но старался выкуривать не больше двадцати сигарет в день. Читал он в очках.

После газет наступала очередь писем и официальных документов. Каждое утро его помощники составляли список всех писем и краткое содержание каждого из них. Такие аннотации печатались на маленьких листах бумаги и прикреплялись к самому письму. Тито, как правило, просматривал все письма и писал на них свои резолюции. К нему, как к любому руководителю, приходили жалобы и просьбы, но были и другие послания. Когда стало известно, что у маршала появились проблемы с желчным пузырем, к нему стали приходить различные рецепты народной медицины. В 1950 году пришло письмо от крестьянина, который был проводником, когда Тито и Верховный штаб НОЛЮ выбирались из окруженного Дрвара. Теперь этот крестьянин сообщал, что изобрел вечный двигатель, и просил Тито о поддержке. Тито написал ему длинный ответ, в котором доказывал, что вечных двигателей не бывает, и советовал бывшему проводнику использовать свою энергию для более полезных открытий.

Бывали и другие просьбы. Некоторые граждане просили его крестить их детей. Впрочем, в этом не было ничего необычного. По традициям сербского и других югославских народов приглашение крестить детей означало проявление огромного уважения. Тито, прекрасно знавший эти традиции, относился к ним с пониманием. Сам, правда, он детей не крестил, но однажды отправил для этого в одно из сел Шумадии своего генерала

Велемира Терзича, который стал крестным отцом дочери стрелочника железнодорожной станции Малый Пожаревац Любомира Косанича, отца десятерых детей.

Крещение состоялось в сельской церкви. Кум Тито прислал подарки: мать получила отрез на платье, ее дочь Слободанка — 10 тысяч динаров, пеленки и различную одежду, что по тем временам было действительно очень существенной помощью. Отец сиял от счастья и радости. «Я направил приглашение маршалу Тито крестить моих детей, — сказал он, — но боялся, что он откажется. Знаете, я ведь бедный человек». «Тем больше была его радость, когда ему сообщили, что крестить его ребенка прибудет посланник маршала Тито», — замечала газета «Политика»[422].

Иногда к Тито приезжали его старые друзья и знакомые — еще по школе или деревне, где он жил. Но это было очень редко — раз-два в год. Тогда они оставались гостить у него на несколько дней и обязательно получали от хозяина различные подарки.

Когда Тито принимал иностранных гостей, то рядом с ним всегда находился переводчик. Сам маршал неплохо знал английский, русский, чешский, немецкий языки, читал по-итальянски и по-французски — но предпочитал, чтобы ему переводили разговор с иностранным собеседником. Тито считал, что английский язык он, например, знает «слабо», и в начале 1951 года стал брать четыре урока английского в неделю. «Старательно занимался английским языком», — записал он, к примеру, 5 февраля 1951 года в дневнике.

Зато немецким он владел свободно и на официальных встречах с германскими или австрийскими политиками часто говорил своим переводчикам, что они могут отдохнуть. Как-то в ФРГ Тито вместе с германским канцлером Вилли Брандтом сели в одну машину, решив поговорить по дороге в резиденцию. Тито сказал своему переводчику, что он ему пока не нужен. Кортеж тронулся, а растерянный переводчик побежал рядом с ним. Местная служба безопасности чуть не подняла тревогу, увидев, что кто-то бежит рядом с кортежем, и могла запросто пристрелить переводчика. Все, к счастью, обошлось[423].

Тито всегда очень внимательно слушал своего собеседника. Иногда он бывал вспыльчивым и раздражительным, но с возрастом становился все более выдержанным и тактичным в разговоре. «Я стараюсь не принимать решений, пока злюсь, — говорил он. — Боюсь переборщить. Поэтому делаю это уже тогда, когда успокаиваюсь»[424].

Перед обедом Тито еще раз шел прогуляться по саду или

немного играл на рояле. В 1952 году на 60-летний юбилей ему подарили аккордеон, и он любил время от времени поиграть и на нем, хотя стеснялся этого и закрывал дверь в комнату. Однажды Владимир Дедиер, услышав звуки аккордеона из покоев Тито, спросил, кто это у него играет. Тито неохотно признался, что это был он.

Тито предпочитал классическую музыку — особенно Бетховена и Чайковского. Из более легкой музыки любил венские вальсы, а вот джаз не переносил. Однажды ему сказали, что молодежь сейчас очень любит джаз. «Все это так, — ответил Тито, — но вот лично я принадлежу к старшему поколению». Скорее консервативными можно назвать и его пристрастия в живописи. Он любил художников Возрождения и ранних импрессионистов. А различный авангардизм был совсем не в его вкусе.

Не любил Тито и социалистический реализм в живописи. «Такое впечатление, что эти картины писали люди без души, а в руках у них были лопаты, а не кисти», — говорил он. Но в социалистической Югославии таких работ было предостаточно, и Тито был одним из главных их героев.

Тито интересовался футболом и болел за белградский «Партизан». Однако на стадион не ходил — как он сам говорил, «чтобы не мешать болельщикам своим присутствием». Каждую субботу он уезжал из Белграда на охоту. Хотя часто просто ходил с ружьем по лесам — это было для него еще одним видом прогулки и полноценного отдыха.

Как у любого человека, у него были свои комплексы. Он, например, стеснялся своего почерка, считая его ужасным. Летом 1952 года Дедиер готовил к печати первую официальную биографию Тито и хотел опубликовать в ней факсимиле ответа Тито на первое письмо Сталина с обвинениями в адрес Югославии. Этот ответ Тито написал от руки. Дедиер отобрал одну страницу, но Тито пытался возражать: «Не надо брать эту страницу. Посмотри, какой здесь у меня ужасный почерк». Дедиер, шутя, ответил: «Какой у тебя почерк — вообще не имеет значения. Еще в самом начале книги каждый читатель сможет понять, что ты в школе получал самые плохие оценки по чистописанию»[425].

Обедал Тито в час дня. Он любил ту еду, которой его когда-то кормили родители в его родном Загорье. Особенно куриную чорбу — густую похлебку. Это, конечно, не означало, что в резиденции Тито не готовили более изысканных блюд. Например, во время встречи с Хрущевым в августе 1959 года к обеду были поданы копченый лосось, консоме из дичи, салат «Мимоза»,

молодая ягнятина по-златиборски (выдержанная в молоке и жаренная с лавровым листом и розмарином) с картофелем и каймаком (разновидность мягкого сыра), телятина с овощами, яблочный штрудель, а также югославские вина и крепкие напитки[426].

Тито слыл очень хлебосольным хозяином. Иногда он шел на кухню, надевал фартук и, засучив рукава, сам готовил для гостей различные блюда. Его жена Йованка (они поженились в 1952 году) говорила, что Тито — настоящий мастер в приготовлении яблочного штруделя (в Хорватии — «штрудла»). **«У** него, — восхищалась Йованка, — тесто получается тонким, как лист бумаги». Тито любил утром сам варить кофе для себя и для жены, а когда у него оставался кто-нибудь ночевать, то и для гостей. Гости хвалили и титовский кофе, и особенно титовские «штрудлы». Они просили добавки, и было видно, что хозяину это приятно. «Когда я был в подполье, — объяснял Тито свою тягу к кулинарии, — мне самому приходилось готовить себе еду. Ну и, конечно, я кое-что запомнил из того, что делала моя мать, — у нее-то готовка превращалась в настоящее искусство»[427].

После обеда Тито либо спал, либо читал. Из писателей он особенно любил Бальзака, Гёте, Марка Твена, Драйзера, Стендаля, Киплинга и Джека Лондона. «Два дня я читал, никуда не выходя из дома, — записал он в дневнике 1 декабря 1950 года. — Читал китайского писателя Тун Лина „Солнце над рекой Саньгань“, потом „Таинственный остров“ Жюля Верна, потом „Диалектику природы“ Энгельса»[428].

После сна или чтения он занимался спортом. «Чтобы поддерживать хорошую форму, он начал играть в теннис, — вспоминал Густав Влахов, в то время его личный секретарь. — Он также любил ходьбу, езду верхом и плавание. Я выступал в роли спарринг-партнера и немного тренера»[429]. Любил Тито и шахматы, но, как вспоминали его соратники, играл в них очень даже средне. Однажды Тито проиграл Дедиеру с разгромным счетом 2:6, хотя Дедиер считался довольно слабым игроком.

После занятий спортом Тито уходил в кабинет и работал до ужина. Ужин накрывали к семи часам вечера. После ужина он приглашал своих товарищей посмотреть кино. В этом Тито был похож на Сталина — тот тоже любил смотреть кинофильмы вместе со своими приближенными. После сеанса Тито и его гости еще некоторое время беседовали и играли в бильярд. Расходились примерно около полуночи. Чаще всего с ним были его самые близкие соратники — Кардель, Джилас и Ранкович. Джилас вспоминал, что это были разговоры на равных, когда каждый вел себя в соответствии со своим темпераментом, и все

старались понять друг друга, смотрели друг другу в глаза, хотя при этом вовсе не обязательно соглашались во всем. Забегая вперед стоит отметить, что в будущем только Кардель останется рядом с Тито. Джилас и Ранкович станут его жертвами. Но это будет позже.

С теми, кто его обслуживал и охранял, Тито вел себя ровно и спокойно — он не стремился быть для них «любимым учителем» и «великим вождем». Многих из них он знал еще с войны. Тот же Джилас замечает, что Тито специально держал их всех на некотором расстоянии от себя — в его окружении то и дело возникали интриги и ссоры. Иногда Тито шутил по этому поводу: «Невероятно, как портятся люди в моем присутствии».

Как видим, повседневная жизнь маршала мало чем напоминала «божественную». Правда, иногда Тито все же вживался в роль «вождя — бога» и это приводило к поистине анекдотическим случаям. Летом 1946 года, когда на Югославию обрушилась сильная засуха, Тито по вечерам выходил из своего дома, чтобы лично осмотреть небо — потому что метеорологи, в очередной раз не обещавшие осадков, «могут и наврать»[430].

«Заводы рабочим? Вот это по-марксистски!»

В ноябре 1950 года Тито отправился на очередную охоту, однако вернулся домой в плохом настроении. Когда он зашел в чей-то виноградник и присел отдохнуть, появился местный крестьянин, который довольно грубо обругал «любимого руководителя». Потому что тот стрелял по воронам.

Об этом маршал упомянул в своем дневнике. «Не знаю, что бы случилось с таким человеком, скажем, в СССР, информбюровских странах, да и вообще в любой стране мира…»[431]

В начале 1950-х годов Тито не раз задавали вопрос: когда же тот путь в социализм, который выбрала Югославия, улучшит жизнь народа? Ответы были не слишком логичны и последовательны. В июле 1951 года он заявил: «Мы хотим, чтобы лучшая жизнь, которую мы строим, была создана уже для нынешнего поколения». Однако уже в сентябре, выступая перед членами молодежных бригад на строительстве железной дороги, уточнил: «Мы не должны все делать сами. Когда я говорю „мы“, то имею в виду нас, старших, и вас, нынешних молодых. Не обязаны мы, старшие, и вы, молодое поколение, делать революцию, вести войну до победы, а теперь и завершить строительство социализма. Пусть работают другие, которые придут после нас». Однако в октябре 1951 года Тито сказал: «Я и

все мы, которым поставлена задача руководить этой страной, думаем о том, чтобы результатами этих грандиозных усилий наших народов наслаждалось уже нынешнее поколение»[432].

Авторитет КПЮ, завоеванный в годы войны, в послевоенные годы снижался. «Власть народа» превращалась в пустое понятие — всем было понятно, что власть сосредоточена в руках политбюро ЦК КПЮ во главе с Тито.

В партии и в государстве быстрыми темпами шел процесс расслоения. В январе 1949 года по предложению Ранковича была официально создана особая прослойка в партии — партийная номенклатура. В номенклатуру ЦК партии входили девять тысяч различных должностей[433]. Эта прослойка пользовалась доступом к особым материальным благам и привилегиям.

В Югославии существовала целая сеть магазинов спецснабжения. Они делились на несколько категорий. В магазинах первой категории могли «отовариваться» члены ЦК, высшие государственные служащие и иностранные дипломаты, во второй — генералы и высшие армейские офицеры, в третьей — руководство союзных республик, и так далее. Доходы партийных и государственных чиновников в несколько раз превышали размеры обычных для того времени зарплат.

В то время как средняя зарплата по стране составляла три тысячи динаров, зарплата Тито сразу после войны составляла 20 тысяч динаров в месяц плюс еще 35 тысяч различных выплат. В 1953 году зарплата Тито достигла уже 150 тысяч динаров, и, кроме того, еще 10 тысяч ему платили в качестве детского пособия. К 1958 году она увеличилась до 250 тысяч и 11 200 динаров детского пособия[434]. Но, конечно, деньги для Тито играли символическую роль — он находился на полном государственном обеспечении.

В это время в руководстве КПЮ уже шли дискуссии о природе сталинского социализма. Одним из первых на «перерождение» советского социализма указал Джилас и, в частности, на то, что социализм в СССР превратился в государственный капитализм, которым управляет «иерархически дифференцированная каста бюрократов».

Тито в своих оценках в это время был более осторожен, хотя и сам критиковал советскую систему. «Октябрьская революция, — говорил он 16 июля 1950 года в Народной скупщине, — дала возможность государству взять средства производства в свои руки. Но эти средства производства и сейчас, 33 года спустя, по-прежнему находятся в руках государства. Осуществился ли в таком случае лозунг „Заводы — рабочим!“? Конечно, нет. Рабочие не принимают никакого участия в управлении заводами, это

делают директора, то есть чиновники, которых назначает государство. Рабочие имеют только право и возможность работать, и в этом их положение не сильно отличается от положения рабочих в капиталистических странах»[435].

Вся эта критика советского социализма звучала вполне обоснованно, однако в воздухе все время висел вопрос: а что же происходит в самой Югославии? Руководство страны резко критиковало принципы сталинского социализма, но при этом получалось, что критиковало и себя тоже. Очевидно, что нужна была идея, на основе которой в Югославии могло бы начаться строительство «подлинного», «несоветского» социализма. Такой идеей и стало рабочее самоуправление.

Возможность реформ на основе самоуправления обсуждалась в ближайшем окружении Тито почти четыре года — с 1949-го по 1953-й. Официальная югославская историография потом пыталась доказать, что сама природа югославского социализма изначально основывалась на базе самоуправления и народной демократии и что именно в этом якобы и была главная причина конфликта со «сталинской системой». Однако вряд ли можно относиться к этому тезису серьезно. Перевод страны на рельсы самоуправления был в общем-то вынужденным шагом.

Кто и при каких обстоятельствах первым высказал мысль, что социализм в Югославии должен строиться на основе самоуправления, неизвестно. Точно можно сказать лишь одно: это был не Тито. Да и сам он никогда не приписывал авторство этой идеи себе. А вот Джилас подробно рассказывал, как мысль о самоуправлении пришла ему в голову. В тот день он читал «Капитал» Маркса и дошел до места, где говорилось об «ассоциациях свободных производителей» как об одной из форм перехода к коммунизму. «И вот она, идея! — восклицал Джилас. — Весь наш экономический механизм надо упростить таким образом, чтобы управление перешло в руки тех, кто работает на предприятиях, а государство взимало бы с них только налоги». Когда же об этой идее рассказали Тито, то, по словам Джиласа, он сначала не выказал особого энтузиазма. «Наши рабочие еще не созрели для этого», — заметил он. Однако потом, пройдясь по кабинету, вдруг воскликнул: «Заводы рабочим! Вот это по-марксистски!»[436] После этого началось триумфальное шествие самоуправления по стране.

26 июня 1950 года недавно избранная Народная скупщина Югославии одобрила «Основной закон об управлении государственными хозяйственными предприятиями и высшими хозяйственными объединениями со стороны трудовых коллективов». Он предусматривал создание рабочих советов

практически во всей экономике страны. Тито выступил на заседании скупщины. Теперь, сказал он, государственная собственность на средства производства переходит в руки трудовых коллективов, и это и есть «высшая» форма собственности. «Государственная собственность, — добавил Тито, — это низшая форма общественной собственности, а не высшая, как считают руководители СССР. Вот в чем наш путь в социализм, и это единственно правильный путь, когда речь идет об отмирании государственных функций в экономике»[437].

К середине 1950-х годов рабочие советы были созданы на большинстве югославских предприятий. Они переходили на хозрасчет и самофинансирование и получали почти полную самостоятельность в планировании — сами решали, какие товары им выпускать, как их реализовывать, куда направлять прибыль, какую зарплату устанавливать сотрудникам и т. д. При этом государство имело право ликвидировать предприятие или сменить его руководство, а когда оно находилось в тяжелом положении — брало на себя выплату минимальной зарплаты рабочим.

Хотя общегосударственное планирование сводилось к тому, что определяло основные направления развития народного хозяйства, государство довольно жестко следило за планами предприятий. И если они противоречили государственному плану, могло их отменять. Основную часть своей прибыли предприятия, как и прежде, отчисляли государству, которую оно направляло на различные общефедеральные цели. Рабочие советы обычно распоряжались не более чем 35 процентами прибыли, которые принадлежали «самоуправляющемуся предприятию».

По замыслу югославских теоретиков «самоуправленческого социализма» теперь предстояло измениться всей системе экономических отношений в стране. Государство должно было отказаться от жесткого планирования экономики и сочетать его с элементами свободного рынка. Скажем, торговлю предусматривалось полностью перевести на рыночные рельсы.

В начале 1950-х годов в Югославии все еще существовала карточная система распределения продуктов питания и промтоваров. В течение 1951–1952 годов власти сделали первые шаги к ее ликвидации. Были отменены все карточки и боны, а зарплату стали выдавать только деньгами. Одновременно товары начинали поступать в свободную продажу, но по завышенным, «рыночным» ценам. С 1 января 1952 года цены были окончательно «отпущены» и торговля стала свободной.

О реформе объявили заранее, и это вызвало сильное беспокойство в народе. Все опасались резкого роста цен. Тито не

раз говорил, что никакого роста не будет, а население от реформ не пострадает. Получилось, конечно, не совсем так: цены значительно выросли, и государство для поддержания спокойствия было вынуждено выплачивать компенсации некоторым слоям населения, хотя это и противоречило его курсу. Но впервые после войны магазины начали наполняться товарами, которые можно было купить в любое время и без всяких ограничений — только при наличии денег.

Между тем в сельском хозяйстве по-прежнему проходила коллективизация, хотя было очевидно, что она ни к чему не приведет. Джилас и Кардель призывали к роспуску кооперативов, но Тито колебался. Он пошел на уступки только в марте 1953 года, когда появилось постановление правительства о реорганизации кооперативов. В нем снимались все ограничения на выход крестьян из югославских колхозов. Уже к концу 1953 года площадь кооперативной земли уменьшилась в пять раз. Впрочем, при этом размеры частных участков земли ограничивались — они не могли превышать десяти гектаров (в отдельных случаях — пятнадцати). Это называлось «борьбой против кулацкой опасности». У богатых крестьян конфисковали более 280 тысяч гектаров земли, правда, государство выплачивало им компенсацию[438].

Теперь государство помогало как общественным, так и частным хозяйствам. Новый принцип гласил: не так важно, кто именно обеспечит население продовольствием — кооператив или частник, главное, чтобы продовольствия было в достатке. В январе 1954 года Тито заявил, что от укрепления крестьянских хозяйств прежде всего зависит прогресс на селе, а «частный производитель еще далеко не использовал все возможности своего хозяйства»[439]. В 1954 году была разрешена свободная купля и продажа земли (в пределах земельного максимума), «частникам» начали предлагать кредиты, помощь техникой, семенами, смягчили налогообложение крестьян. Другими словами, государство все больше и больше делало ставку на фермерский путь развития сельского хозяйства. Еще совсем недавно его бы назвали «кулацким».

Югославская «оттепель»

Новый курс югославского руководства проходил под лозунгом «ДДД» — «Децентрализация, Дебюрократизация, Демократизация». Но если с первыми двумя «Д» было все более или менее понятно, то с демократизацией — не очень. До какой степени может дойти демократизация при социализме?

Проблема политических реформ вставала перед Тито и его соратниками в полный рост. И надо отдать им должное — они на них пошли. Как выразился один югославский историк, в начале 1950-х начал «постепенно таять снег, который принесло после войны из Советского Союза». Запахло «оттепелью».

В октябре 1950 года было принято постановление правительства «Об экономии», по которому урезались привилегии партийной бюрократии. Ликвидировались спецмагазины и спецраспределители — они оставались только для самых высших чиновников. Но теперь им запрещалось получать больший паек, чем «количество продовольствия, предусмотренное для рабочих, занимающихся самым тяжелым физическим трудом». В народе ходили слухи, что это — результат американского давления, и Тито даже приходилось официально их опровергать.

Джилас и Кидрич считали, что вся партийно-государственная элита должна демонстративно покинуть правительственный район Дединье в Белграде и переселиться в обычные районы города. Но их предложения не прошли. У руководителей высшего уровня остались виллы и особняки, но теперь они должны были оплачивать их из собственных средств, в связи с чем им тут же повысили зарплату. Понятно, что все это были полумеры.

Но изменения в Югославии все же действительно происходили. В октябре 1952 года в Любляне прошел третий съезд Союза писателей Югославии. Его открыл всемирно известный писатель Иво Андрич. Однако основной доклад, имевший по-истине переломное значение в истории литературы социалистической Югославии, сделал другой известный писатель и поэт — Мирослав Крлежа.

Доклад Крлежи был настолько радикальным по тем временам, что существуют предположения, что он был написан по инициативе Тито, либо отредактирован им, либо, по крайней мере, прочитан перед съездом. Крлежа резко выступил против догматизма и обязательного метода «соцреализма» в литературе и призвал к свободе творчества. Съезд его единодушно поддержал.

Еще недавно такое было просто невозможно. Всего лишь четыре года назад, на V съезде КПЮ, партийные руководители метали молнии в различных представителей «вырождающейся буржуазной культуры» — кубистов, надреалистов, экзистенциалистов и прочих, не забыв даже Пикассо и Сартра. А в 1952 году гвоздем сезона в Белграде стала выставка современной французской живописи, участниками которой и были те самые «авангардисты всех мастей».

С середины 1951 года по всей стране начали проходить так

называемые «открытые партийные собрания», в которых могли участвовать все трудящиеся и на которых подвергались критике местные партийные и государственные чиновники — некоторых даже исключали из партии и отдавали под суд. Во все парторганизации было разослано письмо ЦК КПЮ, в котором подчеркивалось, что «развитие новых теоретических установок в КПЮ формируется на основе дискуссий и борьбы мнений». Особо указывалось, что «члены КПЮ имеют полное право свободно спорить и дискутировать о теоретических взглядах с любыми членами партии, независимо от того, какие они посты занимают»[440]. Это свое право члены партии могли теперь использовать вплоть до выступлений «либо в партийной, либо в другой печати».

Кульминацией «югославской перестройки» 1950-х стал VI съезд КПЮ, проходивший в Загребе 2–7 ноября 1952 года. Впервые в истории правящая коммунистическая партия объявляла на весь мир, что отделяет себя от государственного аппарата, отказывается от того, чтобы давать указания и инструкции органам власти, и собирается влиять на развитие общества с помощью своего морального и идейного авторитета.

Доклад Тито на съезде назывался символично: «Борьба коммунистов Югославии за социалистическую демократию». КПЮ, сказал он, фактически перестает быть партией в политическом значении этого слова. Теперь она — союз единомышленников, объединяющий наиболее сознательную часть югославского пролетариата и других трудящихся. Поэтому было внесено предложение о переименовании КПЮ в Союз коммунистов Югославии (СКЮ).

«Без демократии не может быть социализма», — торжественно провозгласил Тито под овации зала. Но тут же разъяснил, что это означает, что партия должна не отказываться от руководящих функций, а осуществлять их методами не принуждения, а убеждения. «Членство в Союзе коммунистов не дает никаких привилегий, — подчеркнул он, — а только налагает многие обязанности».

Решения VI съезда КПЮ — СКЮ вызвали неподдельный интерес на Западе и волну резкой критики на Востоке. Советская печать откликнулась на них констатацией, что «клика Тито еще больше увязла в болоте ревизионизма». Возмущало советскую сторону и то, что в югославской армии упразднили институт политических комиссаров.

Первая волна политических и экономических реформ была завершена к 1953–1954 годам. Именно тогда на Западе начали говорить о политическом течении в коммунизме под названием

«титоизм».

Однажды, в самый разгар конфликта с Советским Союзом, корреспондент американской газеты «Нью-Йорк таймс» спросил Тито: правда ли, что «титоизм» существует? «Не существует никакого титоизма, — возразил тот. — Мы лишь твердо придерживаемся теории Маркса и Ленина… Мы применяем эту науку в специфических условиях нашей страны»[441].

Тито всегда искренне считал себя марксистом и коммунистом. Его не смущало, что его марксизм в разное время выглядел по-разному. Он говорил, что марксизм должен творчески развиваться и, кто этого не понимает, тот вряд ли может считаться марксистом.

1 июля 1952 года с Тито очень долго беседовал Дедиер. «Что ты думаешь о „титоизме“?» — спросил он. «„Титоизм“ как отдельное идеологическое течение не существует, — заметил Тито. — Это все глупости. И я не из скромности так говорю… „Титоизм“ не существует, так как мы не добавили ничего нового в марксистско-ленинскую науку… Если бы „титоизм“ существовал, мы бы были ревизионистами, мы бы отреклись от марксизма. А мы марксисты, и я сам марксист, поэтому никак не могу быть „титоистом“. Вот Сталин как раз был ревизионистом, а мы продолжили идти правильным путем марксизма… В нашей стране существует социализм, и его нельзя называть „титоизмом“. За границей, после того как мы поссорились с русскими, считают, что существует новая модель (социализма. — *Е. М.),* но речь идет о том, что мы, в отличие от них, пошли по пути строительства социализма, а они с этого пути свернули»[442].

Однако при всех своих «демократических экспериментах» Тито никогда не подвергал сомнению некоторые из главных догм сталинского социализма. Например, однопартийную систему.

В марте 1952 года Тито принимал делегацию социалистической партии Франции. «Если есть социализм, то нет многопартийной системы. И наоборот: если есть многопартийная система — нет социализма», — категорически заявил Тито. Вскоре после встречи с французами Тито принимал индийских социалистов. И развил свою мысль. «В революционном обществе абсурдно говорить о многопартийной системе, — сказал он. — Эта система подразумевает существование многих программ, а здесь, у нас, существует только одна программа — строительство социализма… Тем, кто против этой программы, мы не можем позволить мешать ее осуществлению»[443]. Тито считал многопартийность атрибутом вчерашнего дня и устаревшего буржуазного общества. «Это было бы так, будто кто-то сделал новый автомобиль, но возила бы его упряжка», — говорил он.

Реформы, особенно создание рабочих советов, вызвали в Югославии прилив энтузиазма. По сравнению со сталинской системой социализма самоуправление действительно казалось живой и смелой идеей. Однако с течением времени в обществе наступало разочарование. Партия и не думала отказываться от своих руководящих функций в государстве. СКЮ по-прежнему был в Югославии «руководящей и направляющей силой»; на протяжении всего существования СФРЮ, независимо от того, какие бы реформы в ней ни проводились.

И все же Тито и другим югославским руководителям нельзя отказать в смелости — они первыми из находившихся тогда у власти коммунистов оказались способны не только критически переосмыслить догмы сталинского социализма в теории, но и попытались ликвидировать их на практике.

В результате «перестройки» в Югославии началось проведение очень интересного и важного для истории эксперимента — строительство иной, «не советской» и «демократической» модели социализма.

В начале 1953 года происшедшие в стране изменения были зафиксированы в Конституции ФНРЮ — Народная скупщина приняла соответствующие поправки к Основному закону от 1946 года. Одним из самых существенных новшеств было то, что основой общественного и политического устройства страны объявлялась «общественная собственность на средства производства, самоуправление производителей и экономики, самоуправление трудящихся…».

Высшим органом власти провозглашалась Союзная народная скущина. Правительство теперь называлось Союзным исполнительным вече. Наконец, вместо Президиума ФНРЮ — как формально коллективного главы государства — вводился пост Президента Республики. Его избирала Скупщина на основе предложений депутатов.

14 января 1953 года в Скупщине состоялись выборы президента. В истории осталось имя человека, который предложил кандидатуру Тито на этот пост. Это был депутат Йован Веселинов. Уже на последних его словах депутаты начали вставать, а когда он закончил, зал разразился овациями. За Тито проголосовали единогласно.

«Да здравствует Президент нашей Республики маршал Тито» — этот лозунг впервые появился как раз 14 января 1953 года на площади перед Скупщиной в Белграде, где уже к концу голосования собралось более двухсот тысяч человек. Отныне во главе Югославии встал генеральный секретарь ЦК КПЮ, председатель Союзного исполнительного веча, Верховный

главнокомандующий и Президент Республики Иосип Броз Тито.

«Улыбайся, Йованка!»

Весной 1952 года Тито женился в очередной и последний раз в своей жизни. Его новая избранница была на 33 года моложе его. К тому времени роман маршала и майора в отставке, домоправительницы его резиденции Йованки Будисавлевич продолжался почти шесть лет.

Официальная биография Йованки Будисавлевич гласит, что она родилась 7 декабря 1924 года в селе Печаны в хорватской области Лика в православной сербской семье. Она закончила четыре класса школы, а потом и вечернюю гимназию в Белграде. Для крестьянской девушки по тем временам это было очень хорошее образование.

Война стала настоящей трагедией для ее семьи. Сначала умер отец, потом мать. В одном из боев погиб брат Йованки, воевавший в партизанском отряде. Сама она в 17 лет вступила в Союз коммунистической молодежи, а позже тоже ушла в партизаны.

После войны Йованку наградили знаком «Партизанской Памяти 1941 года» — одной из самых почетных наград Югославии. Ее вручали только тем, кто участвовал в народно-освободительной борьбе с первого до последнего дня. Как утверждала сама Йованка, с августа 1941 года она работала в подполье, а весной 1942-го стала бойцом женского партизанского отряда, составленного из девушек — уроженок Лики.

Кандидатов в партизанки из Лики было так много, что среди них проходило даже что-то вроде конкурсного отбора. В итоге были организованы три женских отряда, в них отобрали 85 молодых девушек, средний возраст которых составлял 18 лет. Сначала бойцы отнеслись к девушкам весьма иронически — они были уверены, что те не выдержат тяжелых боев и переходов. Но вскоре признали, что были не правы. Достаточно сказать, что из этих 85 девушек погибли 35[444].

В 1943 году Йованка была ранена в ногу и переболела тифом. Она сделала неплохую военную карьеру — от рядовой партизанки до штабного офицера, после войны в звании майора работала в Генеральном штабе в Белграде и в штабе 1-й армии в Нише. В декабре 1945-го вышла в отставку и вернулась в свое родное село. Вскоре она снова появилась в Белграде, на этот раз уже в роли экономки, или домоправительницы, резиденции маршала Тито.

Почему же на этом месте оказалась именно Йованка? Говорили, что глава службы госбезопасности Ранкович приказал своим сотрудникам отобрать группу проверенных и надежных

девушек, которых можно использовать для работы в резиденции Тито. Из пятидесяти наиболее «надежных» сам Ранкович потом отобрал пятерых и лично представил их Тито. Ну а Тито уже обратил внимание на Йованку.

Йованка была очень красива. Среднего роста, стройная, с постоянной немного загадочной улыбкой на лице. Она всегда носила военную форму, и туго затянутый на талии ремень еще больше подчеркивал ее стройную фигуру. На голове у нее была неизменная пилотка-«титовка», но она не могла скрыть ее красивых темных волос, на которые все сразу же обращали внимание. «Я никогда не видел таких красивых волос, — восхищался Джилас. — А еще у нее были большие темные глаза, которые очень выгодно оттенял нежный румянец на смуглом лице. В глазах светились терпение, внимание и преданность»[445].

Йованка начала работать в резиденции Тито в 1946 году. Когда между ними завязался роман — точно неизвестно. В резиденции всегда было много молодых офицеров — сотрудников охраны и адъютантов, и они, естественно, не могли не заметить появление 23-летней красавицы. Однако Йованка игнорировала их. Между тем в окружении Тито вскоре стали поговаривать, что она спит не в своей комнате, а проводит ночи в покоях маршала.

Постепенно Йованку невзлюбили — ее называли «сельской девкой» и «расчетливой карьеристкой». Когда она по собственной инициативе готовила для Тито «домашнюю еду», офицеры из службы безопасности требовали, чтобы, перед тем как подать ее на стол маршалу, она сама пробовала все блюда. Такое отношение к себе она вынуждена была терпеть несколько лет, но никто не слышал от нее жалоб или возмущения.

Тито знал, как относится к Йованке его окружение, но не вмешивался. И до поры до времени не афишировал свою связь с ней. Личный врач Тито Александр Матунович считал, что маршал сомневался, что Йованке подойдет роль жены главы государства. «Как человек, который не прочитал ни одной книги вне школьной программы, будет поддерживать беседы о литературе? — писал Матунович. — Как человек, который ни разу не был ни на одной выставке, будет говорить о живописи, скульптуре и искусстве? Как человек, для которого главной одеждой была военная гимнастерка и „титовка“, сможет следить за тенденциями в развитии высокой моды? Много подобных вопросов Тито задавал сам себе»[446]. Так что пока Йованка продолжала исполнять свою роль любовницы-секретаря-домоправительницы. И так продолжалось до марта 1951 года, когда Тито серьезно заболел.

У него и раньше были проблемы с желчным пузырем, и он время от времени был вынужден садиться на диету. Однако на

этот раз приступ был таким сильным, что врачи даже стали поговаривать о смертельном исходе и настояли на операции.

Тито оперировали 19 апреля 1951 года в его резиденции на озере Блед в Словении. Операция прошла успешно. Когда он пришел в себя после наркоза, то первым делом спросил о Йованке: «Где мое солнце из Лики?»[447] Она приехала в Словению вместе с ним и была рядом, пока Тито выздоравливал.

Однажды министр обороны генерал Иван Гошняк во время прогулки с Тито предложил ему жениться. «Я уж несколько раз был женат. Как-то неловко. Вы-то как думаете?» — засомневался Тито. «Вы, товарищ Тито, глава государства, — возразил министр. — Вам нужен верный человек, который всегда был бы под рукой. Таким человеком может стать только супруга. Вот, к примеру, Йованка. Берите ее в жены».

Вскоре они действительно поженились. Точная дата их свадьбы тоже до сих пор является одной из многочисленных загадок в истории отношений Тито и Йованки. Считается, что это произошло в январе 1952 года. Тайная церемония состоялась на вилле «Дунавка» в небольшом хорватском городке Илок. Свидетелями на свадьбе были Ранкович — со стороны невесты, и генерал Иван Гошняк — со стороны жениха.

Много лет спустя Йованка показывала эту виллу врачу Тито Александру Матуновичу. «Здесь мы провели часть медового месяца, — рассказывала она. — Это были прекрасные дни. Пока другие не начали вмешиваться в нашу жизнь, мы были идеальной парой во всех отношениях. Я никому не позволяла готовить ему обед и ужин. Мне было приятно делать это самой. Он сердился и говорил: „Йованка, ты тратишь время на то, что могут сделать и другие. Лучше мы бы погулять пошли!“ Но у нас хватало времени на все, даже слишком. Ведь мы были молоды». «На этом месте, — продолжает Матунович, — я улыбнулся, подумав, что Тито тогда было уже 60 лет. Она поняла смысл моей улыбки и сказала: „Тито в свои 60 лет был крепче любого молодого человека“. Мне было приятно услышать это, так как ее слова подтверждали мои представления о сексуальности Тито, которая являлась важной чертой для характеристики его личности»[448].

Между тем народу о свадьбе «любимого учителя» ничего не сообщали, да и всем людям из своего окружения Тито сообщил об этом не сразу. Произошло это только в апреле 1952 года. В присутствии офицеров охраны и другого персонала своей резиденции Тито объявил, что они с Йованкой теперь муж и жена. Йованка покраснела и от смущения выбежала в другую комнату.

Она официально дебютировала в качестве «первой дамы» Югославии в сентябре 1952 года, когда Тито принимал

прибывшего с официальным визитом министра иностранных дел Великобритании Энтони Идена. На приемах и дипломатических раутах ее с любопытством разглядывали иностранные дипломаты и их жены, а она, по словам Джиласа, выглядела испуганной — как героиня из русских классических романов на своем первом балу.

Йованке пришлось много учиться и работать над собой, чтобы вписаться в круг самого высшего югославского, а потом и мирового общества. Она оказалась прилежной и способной ученицей, хотя ей, конечно, помогали. В распоряжении жены Тито были практически неограниченные средства для формирования своего, как бы сейчас сказали, имиджа. За ее гардеробом, например, следила модельер Клара Ротшильд из Будапешта. Потом были и другие модельеры и стилисты. Со временем у Йованки появились своя «администрация» и собственные бланки для официальных писем. Ее личным секретарем стала родная сестра Зора[449].

Военные обычно обращались к Тито «товарищ маршал», штатские — когда Тито был провозглашен президентом — «товарищ президент» или «товарищ Тито», его старые соратники — «товарищ Старый», а самые близкие люди — «Старый» и на «ты». Кардель временами называл Тито «Йожа». И только Йованка обращалась к нему: «Ты, Тито…»

Фотографии Тито в маршальской форме и Йованки в драгоценностях, дорогих платьях, мехах и шубах стали постоянно появляться в югославских и иностранных газетах и журналах. Особенно бросались в глаза те снимки, на которых она улыбалась. Ее «фирменную» улыбку в иностранных газетах так и называли — «юго-улыбка». Такая Йованка была для Тито не только женой, но и составной частью блеска и престижа той системы, которую он создал.

Им предстояли 25 лет совместной жизни, которая проходила далеко не всегда гладко, а закончилась и вообще драматически, но это было еще впереди. Тогда же Тито быстро понял, что на его иностранных гостей и партнеров по переговорам каким-то особенным образом действует загадочная улыбка на лице его жены. Поэтому перед приемами или переговорами он часто говорил ей: «Улыбайся, Йованка! Ты только улыбайся!»

ТИТО И ХРУЩЕВ, СПОРЫ О СОЦИАЛИЗМЕ

«Мы подождем и посмотрим». Смерть Сталина

Март 1953 года стал для Тито важнейшим этапом в биографии. Недавно избранный президент Югославии вместе со своей молодой женой Йованкой готовился к визиту в Великобританию. Это должен был быть первый визит Тито как руководителя страны за последние годы. Все пять лет, которые продолжалась конфронтация с Москвой, он ни на один день не покидал Югославию и не принимал у себя никого из руководителей других стран.

Но теперь Тито, как равного партнера, готовы были принять королева Великобритании Елизавета II и премьер-министр Уинстон Черчилль. Он должен был стать первым главой коммунистической страны, который ступил на землю Великобритании. Все это означало окончательное признание его режима Западом, а самого Тито — лидером международного масштаба. Сам Тито хотел завершить свой визит непременным подписанием договора о дружбе и сотрудничестве.

В начале февраля 1953 года Тито вызвал к себе начальника своей охраны генерала Жежеля и сказал, что поедет в Англию. Жежель растерялся. «Но как же мы туда поедем? — спросил он. — У нас нет таких самолетов, которые могли бы долететь до Англии». Тито ответил, что Черчилль обещает доставить его в Лондон чем угодно, однако он лично считает, что должен отправиться в Англию на югославском корабле. И поставил задачу: найти такой корабль. И вскоре его действительно нашли[450].

Это был учебный корабль югославских ВМС «Галеб» («Чайка»). В своей прошлой жизни он служил итальянским рефрижератором. После капитуляции Италии во Второй мировой войне попал к немцам, которые переделали его под вспомогательный крейсер. Но его вскоре потопила авиация союзников. Только в 1948 году корабль подняли югославы, которые решили сделать из него учебное военное судно. Перед визитом в Англию «Галеб» отремонтировали специально для маршала и его окружения. С этого времени он фактически стал личным кораблем Тито.

На «Галебе» Тито провел в общей сложности 318 дней, прошел 86 062 морские мили и принял более ста гостей. Это были всемирно известные люди — от королевы Елизаветы II,

Хрущева и Брежнева до актеров Ричарда Бартона, который в одном из фильмов сыграл самого Тито, и Кёрка Дугласа.

Тито уже готовился к отплытию, когда пришли первые сообщения о болезни Сталина. «Везде в Белграде можно было видеть, как сияют лица, — записал в дневнике Дедиер. — Конечно, не совсем правильно радоваться тяжелой болезни великого и кровавого противника, но народ не забывает, как он нас оскорбил»[451].

Однако Тито решил не отменять визит в Англию. Вечером 5 марта почти все югославское руководство собралось для его проводов. Он уезжал из Белграда в Черногорию поездом. Именно там, в бухте Зеленика залива Бока-Которская, его ждал «Галеб».

Время отплытия Тито в Англию и его маршрут считались строжайшей государственной тайной. «Галебу» предстояло пройти по узкому Отрантскому проливу. С одной стороны — берега враждебной Албании, с другой — Италии, с которой у Югославии не утихал ожесточенный спор из-за Триеста. Югославы не исключали возможных попыток покушения на жизнь Тито как со стороны албанцев, так и со стороны итальянцев. Кроме того, рассматривалась и возможность атаки советских подводных лодок. В целях конспирации газетам дали указание поместить сообщения, что президент находится в Боснии и Герцеговине, где осматривает строящиеся заводы.

Отплытие «Галеба» происходило быстро, без торжественных проводов. Югославская делегация состояла из одиннадцати человек, а также трех секретарей и переводчиков, четырех офицеров безопасности, пресс-секретаря, фотографа, кинооператора, двух врачей, медсестры, официанта, повара, парикмахера, костюмера и горничной. На первом этапе плавания «Галеб» сопровождали три военных корабля.

Пока корабль шел к берегам Англии, у Тито появилось несколько дней, чтобы спокойно обдумать последние события. О смерти Сталина он узнал уже на «Галебе». Корабль отошел от берега всего лишь на несколько десятков метров, и тут на борт пришла шифровка из Белграда. Начальник охраны Жежель буквально прибежал к Тито с криком: «Товарищ маршал, Сталин сдох!» — «Как это — сдох?» — не понял Тито. «Да так. Не может он умереть, как человек». Тут наконец Жежель протянул Тито телеграмму о смерти Сталина. Тито прочитал ее, помолчал, а потом сказал: «Да, я всегда знал, что он не умрет своей смертью»[452]. Вероятно, он был уверен в том, что Сталина «убрали».

Тито понимал, что сейчас Москве будет не до покушений на югославского лидера. Тогда, наконец, появились официальные

сообщения, что президент ФНРЮ совершит дружественный визит в Великобританию по приглашению британского премьера Черчилля.

Во время плавания Тито читал свежие донесения из Москвы. Поверенный в делах Югославии в СССР Джурич писал о церемонии прощания со Сталиным: «Потекли реки паломников, составленные в основном из представителей предприятий и учреждений. <…> Сталин выглядит страшно, посинел. Нет ни жалости, ни атмосферы поклонения подобной той, что в мавзолее Ленина», — отмечал он[453].

Дипломатический протокол требовал, чтобы руководству Советского Союза были принесены официальные соболезнования. Из Белграда пришли указания ограничиться минимальным выражением соболезнования — только в устной форме и только от имени правительства Югославии в связи со смертью главы правительства СССР. Правда, когда поверенный в делах Югославии Джурич отправился с этой миссией в советский МИД, его принял не глава министерства и не один из его заместителей, а всего лишь помощник замминистра. И на день позже большинства других дипломатов.

После некоторых раздумий Тито решил, что югославские дипломаты все-таки должны принять участие в похоронах Сталина. А во время траурной церемонии ошеломленные представители других стран увидели, как замминистра иностранных дел Яков Малик демонстративно протянул руку Джуричу. Тот посчитал этот поступок настолько важным, что в этот же день направил специальную депешу в Белград. «Складывалось впечатление, — отмечал Джурич, — что Сталин начал мешать, как только умер, и поэтому его быстро похоронили»[454].

Конечно же многие в мире ждали официальной реакции югославского руководства на смерть Сталина. Однако Тито молчал. Это было весьма многозначительное молчание. Возможно, он хотел обсудить новый расклад сил в мире с Черчиллем или считал, что Москва должна первой сделать шаг к улучшению отношений.

Когда «Галеб» проходил Гибралтарский пролив, англичане устроили Тито торжественную встречу. Его ждали три авианосца и три крейсера. В воздухе «Галеб» приветствовали военные самолеты, проносившиеся над ним, а корабли британского Королевского флота встречали его артиллерийским салютом нации в 21 залп.

В устье Темзы на «Галеб» поднялся Филипп, герцог Эдинбургский, супруг королевы Елизаветы II. Это был знак самого

высокого уважения к гостю Британии. В понедельник 16 марта, когда часы на башне Биг-Бена начал бить 16 часов, Тито сел в шлюпку и направился к берегу. На причале Вестминстерского дворца президента Югославии встречали премьер-министр Черчилль и глава МИДа Иден. После взаимных приветствий Тито обратился к британскому народу на английском языке, а потом обошел строй почетного караула королевских ВМС.

Британские газеты на первых полосах печатали сообщения о визите Тито и его большие фотографии. Интерес к визиту был огромен. Но были среди британцев и скептики. Писатель Ивлин Во, который когда-то острил на тему «Тито — это женщина», теперь посылал в газеты письма протеста против его приезда. «Единственный верный способ начать третью мировую войну — это способствовать возникновению полудюжины атеистических полицейских государств, преисполненных самодовольно-глупых идей национализма и жажды власти», — отмечал он. «Я становлюсь русским державником, — продолжал Во в другой статье. — …Ведь плоха не сама Россия, а коммунизм. Наша же политика заключается в том, чтобы подкармливать маленькие государства, чтобы они оставались коммунистическими, но ссорились с Россией»[455].

Встречи Тито и Черчилля проходили в довольно благодушной атмосфере. Со времени их последнего свидания в Неаполе прошло девять лет, и теперь Черчилль признался Тито, что в эти годы часто был на него «сильно зол» — особенно за Триест и острые речи, в которых он поминал Англию недобрыми словами. «А сейчас вы тоже на меня злитесь?» — улыбаясь, спросил его югославский президент. «Нет. Сейчас я вас люблю», — ответил Черчилль.

В резиденции премьера на Даунинг-стрит, 10, Тито показали комнату, в которой находились десятки различных географических карт. При помощи специальной аппаратуры карты могли двигаться в зависимости от того, какой регион в данный момент интересовал премьера.

Черчилль попросил карты Адриатического побережья и, указывая на них тростью, сказал, что Триест сейчас малоинтересен. Для него, говорил Черчилль, всегда были интереснее и важнее так называемые Люблянские ворота — узкий проход в Южных Альпах, образующий естественный коридор для перехода из Центральной Европы в Средиземноморье и на Балканы. Эти ворота, по словам Черчилля, всегда имели огромное стратегическое значение. На обеде, который в этот же день давал британский премьер, неожиданно для югославов появилось вино из Словении. «Это тоже связано с Люблянскими воротами?» —

спросил Тито, прочитав этикетку на бутылке. «Да, да. Это самые лучшие ворота для хорошего настроения», — пошутил Черчилль[456].

Несмотря на такую благодушную атмосферу, никаких договоров, на которые рассчитывал югославский президент, в Лондоне подписано не было. Однако британцы пообещали, что не допустят посягательств на Югославию. «Мы ваши союзники, — сказал Тито Черчилль, — и если на нашу союзницу Югославию кто-нибудь нападет, мы будем гибнуть вместе с вами». «Для меня и для всех нас это была торжественная клятва, — прокомментировал эти слова Тито. — Нам не нужны подписанные договоры». Он подтвердил, что Югославия не будет формально вступать в НАТО, но подчеркнул, что «ничто не помешает выполнить нам свои обязательства, не вступая в этот блок».

Тито публично ничего не говорил о возможных изменениях в Советском Союзе после смерти Сталина. Однако в разговорах они с Черчиллем обменивались мнениями на этот счет. Британский премьер писал президенту США Эйзенхауэру, что Тито «твердо уверен, что смерть Сталина не сделала мир безопаснее…». Тито дал и свою оценку соотношениям сил в новом советском руководстве: «Маленков и Берия держатся вместе, но Молотов завис»[457]. Эта оценка оказалась весьма точной.

Тито сумел расположить к себе англичан. В том числе и королевскую чету. На приеме в Букингемском дворце он вел непринужденную беседу обо всем с королевой Елизаветой и ее мужем герцогом Филиппом Эдинбургским. Иногда Тито переходил на английский язык. Он даже сел за рояль и сыграл Шопена, чем привел присутствующих в полный восторг. Правда, Тито и здесь не забывал, что он — коммунист. Во время обеда, когда в зал внесли блюда на золотых подносах, Тито начал хмуриться. «Что-то не так, господин президент?» — спросил его герцог Эдинбургский, сидевший рядом. «Да, я, конечно, понимаю, что в королевском дворце все должно быть роскошно, — ответил Тито по-английски, — но все-таки… эти золотые подносы… в этом голодном мире… Разве это не чересчур?» — «Да, вы правы, — ответил принц. — Они, наверное, слишком дорогие. Но, уверяю вас, сделаны из такого прочного материала, что их использование окупится многократно». Тито произвел такое сильное впечатление на королеву, что она якобы сказала: «Если этот человек — слесарь, то тогда я не английская королева».

Вечером 30 марта «Галеб» пришвартовался в Сплите, а на следующий день Тито специальным поездом прибыл в Белград. На центральной площади Братства и Единства его, по официальным данным, встречали 200 тысяч человек.

Свое молчание о событиях в Советском Союзе Тито нарушил только во время выступления на этом митинге. Говоря об умершем Сталине, он заметил, что «именно из-за него мы пережили самый трудный период в нашей истории, из-за него мы были в одиночестве, и под его диктовку советские руководители хотели раздавить Югославию, поработить, подчинить. Я считаю, — продолжал Тито, — что он очень скоро убедился, что ошибся и что другие ошиблись… Но он со всей силой вел „холодную войну“ и руководил ею, особенно против нашей страны».

Далее Тито перешел к анализу возможного курса нового советского руководства. «Не предпримут ли они, как более молодые и темпераментные, каких-либо непродуманных шагов, не ввергнут ли, возможно, мир в войну?» — спросил он. И сам же ответил, что не верит в это. По мнению Тито, они «будут все же добиваться, чтобы как-то найти выход из того тупика, в который завела их послевоенная политика». «Мы в Югославии были бы счастливы, если бы наступил такой день, когда они признают, что допустили ошибку в отношении нашей страны, — сказал он. — Нас бы это обрадовало. Мы подождем и посмотрим»[458].

Триест и первые контакты с Москвой

В первые месяцы после смерти Сталина казалось, что в советско-югославских отношениях все остается по-прежнему. В апреле 1953 года орган антититовской эмиграции в Москве газета «За социалистическую Югославию» поместила, например, статью «Белградский палач в гостях у английских правителей» — о визите Тито в Лондон[459].

Тито в это время не раз говорил, что не видит пока признаков улучшения отношений с Москвой. Но даже если это и случится, то, по его словам, возврата к прошлым отношениям уже не будет. «Никогда не произойдет того, чтобы мы стали довеском Советского Союза и он вернул прежние позиции, которые раньше имел в нашей стране», — заявил он 12 июня во время встречи на Бриони с бывшим американским послом в Москве Дэвисом.

6 июня из Москвы поступило предложение об обмене послами. В Белграде его поддержали. 16–17 июня на Бриони прошел Пленум ЦК СКЮ, на котором обсуждались перспективы отношений с Советским Союзом. Тито изложил основные тезисы югославской позиции: Югославия не купится на «любую улыбку с их стороны», нормальными отношения станут только после «прекращения провокаций на границах», «мы будем внимательно наблюдать за развитием событий». «Югославия, — подчеркнул

Тито, — единственная независимая страна и в отношении Востока, и в отношении Запада, и только в таком положении она сможет сыграть надлежащую роль»[460].

Два события, которые случились летом 1953 года, несколько затормозили улучшение отношений между Москвой и Белградом. Во-первых, это восстание 17–18 июня в Восточном Берлине, которое подавили советские войска. 18 июня «Бор-ба» поместила статью «Социалистические маски сбрасываются». «Массовость сопротивления, — писала газета, — показывает, что в этих странах в рабочие массы уже глубоко проникло осознание предательства со стороны руководства, построившего вместо социализма систему государственно-капиталистической диктатуры, подчиненную СССР как иностранной силе, которая не знает границ эксплуатации»[461].

Второе событие произошло в самой Москве и сразу же вызвало сенсацию во всем мире.

26 июня в Москве арестовали заместителя председателя Совета министров СССР и главу МВД Лаврентия Берию. Буквально за день до этого Берия обсуждал с главой правительства Маленковым текст послания, которое должен был передать главе югославских спецслужб Ранковичу новый представитель МВД СССР в советском посольстве в Белграде полковник Федосеев. В послании, написанном от имени Федосеева, «товарищу Ранковичу» передавался привет от «товарища Берия» и строго конфиденциально сообщалось, что «Маленков, Берия и их друзья стоят за необходимость коренного пересмотра и улучшения взаимоотношений обеих стран». Если же, подчеркивалось в документе, и «товарищ Тито» разделяет эту точку зрения, то было бы целесообразно провести конфиденциальную встречу особо на то уполномоченных лиц либо в Москве, либо в Белграде. «Товарищ Берия, — подчеркивалось в послании Ранковичу, — выразил уверенность в том, что об этом разговоре кроме Вас и товарища Тито никому не станет известно»[462]. Впервые Тито и Ранкович были названы в советском документе «товарищами», а не «бандитами» или «шпионами».

Однако это послание до Ранковича не дошло — Берию арестовали и расстреляли, а полковник Федосеев в Белград так и не прибыл — его тоже арестовали как «бериевца». На Пленуме ЦК КПСС 2–7 июля 1953 года бывшие соратники, клеймившие теперь Берию, ставили ему в вину замыслы установить связь с Тито и Ранковичем и «их бандой».

21 июля в столицу Югославии прибыл новый советский посол Василий Вальков. 30 июля на Бриони его принял Тито. Их встреча

продолжалась 35 минут. Глава ФНРЮ говорил сначала на сербскохорватском, а потом перешел на русский язык[463].

15 августа в резиденции Тито на озере Блед в Словении состоялся большой прием в честь аккредитованных в Югославии иностранных дипломатов. Впервые после 1948 года в нем участвовал и советский посол с супругой и несколькими работниками посольства. Супруга Тито, докладывал посол Вальков в Москву, специально разыскивала жену советского посла, чтобы поговорить с ней[464].22 сентября в Москву прибыл наконец и югославский посол. Еще больший толчок к сближению с Москвой югославам дали события вокруг Триеста.

8 октября 1953 года Англия и США заявили о передаче части Триеста (так называемой зоны «А») под управление Италии и выводе из нее своих войск. Югославы возмутились — они считали, что Триест должен принадлежать только им. Тито не раз говорил: Триест не отдадим!

8 октября по Югославии прокатилась волна демонстраций. Перед демонстрантами выступали Милован Джилас и Моше Пьяде. В толпе уже поговаривали о скором походе на Рим[465]..

Разъяренные манифестанты ходили по улицам, задевали иностранцев и громили помещения американских и английских информационных центров. Они скандировали лозунги: «Триест — наш!» и «Умрем, но из Триеста не уйдем!». Дедиер записал в своем дневнике: «Посольства подверглись нападению… Все разбито. Люди страшно возбуждены. Милиция, защищавшая английское посольство, била дубинками народ… Необычное сообщение Секретариата по внутренним делам, так как в нем говорится о провокаторских элементах. А это наиболее патриотически настроенные наши люди»[466].

Постепенно демонстрации стали превращаться в настоящие беспорядки. Тито заявлял, что если в зону «А» войдут итальянские войска, то и югославская армия сделает это. Джилас спросил его: «Как же мы будем стрелять в итальянцев, если их защищают американцы и англичане?» Тито ответил: «Мы войдем туда, если войдут итальянцы. А там посмотрим…» — «Что будет, если они откроют огонь?» — поинтересовался Джилас, имея в виду англичан и американцев. «Они не сделают этого, — уверенно ответил Тито. — Если же начнут стрелять итальянцы, то мы откроем ответный огонь»[467].

11 октября Тито выступил на трехсоттысячном митинге в столице Македонии Скопье. Он заявил, что югославские войска выдвигаются на полустров Истрия и входят в район Триеста в зону «Б».

Слушать радиотрансляции выступлений Тито собирались

жители и других городов. Одним из любимых занятий участников таких акций было сочинение различных стихотворных «кричалок». До нашего времени дошли некоторые из них: «Товарищ Тито, дай нам винтовки — фашисты подняли морды!» («Друже Тито, *дај* нам пушке, фашисти су дигли њушке»), «Но будет знать Америка, что Тито — из стали!» («Ал ће знати Америка, да је Тито из челика!»), «Зона „А“, зона „Б“, будут наши обе две!». Время от времени кто-нибудь кричал: «Чья зона „А“?» — «Наша!» — отвечала хором толпа. «А чья зона „Б“?» — «Наша!» — «А Триест?» — «Наш!!!» — «А чей Тито???» — «Наш!!!» — «А мы чьи???» — «Титовы!!!»[468]

В Словении и Хорватии уже началась частичная мобилизация. На полуостров Истрия двигались несколько танковых бригад ЮНА. В период кризиса в движение было приведено 50 процентов югославских танков и бронемашин[469].

18 октября Тито на совещании с Карделем и Джиласом сформулировал главные принципы югославской позиции по вопросу Триеста: если в зону «А» входят итальянцы, то туда же входят и югославы, югославы не будут сражаться против английских и американских войск, но если они попытаются обеспечить итальянцам занятие зоны «А», то дело может обернуться катастрофой. Как сказал Тито, «нет такого популярного человека, который мог бы сейчас в Югославии обуздать настроения народа»[470]. В этот же день газета «Борба» поместила на первой полосе большое интервью Тито британской газете «Обсервер»: «Мы однозначно расцениваем вступление итальянских войск в зону „А“ как агрессию против Югославии»[471]. Сотрудники советского посольства в октябрьские дни 1953 года обратили особое внимание на большое количество антизападных лозунгов среди демонстрантов. При этом антисоветских лозунгов не было вообще, а машины с советскими дипломатическими номерами даже приветствовали вполне дружелюбными жестами[472].

Советский представитель в ООН Андрей Вышинский еще 11 октября потребовал созвать Совет Безопасности в связи с событиями вокруг Триеста, так как «англичане и американцы нарушают условия мирного договора с Италией». Вместе с тем протесты Москвы вовсе не означали, что она готова поддерживать действия Тито. Да и в Белграде это понимали.

15 октября в газете «Политика» появилась статья Моше Пьяде, который предельно ясно заявил, что позиция СССР не соответствует интересам «ни Югославии, ни населения Триеста». А сходство югославских и советских взглядов на проблему Триеста он назвал «случайным и кажущимся»[473].

Во время кризиса Тито оказался в дипломатической изоляции. Претензии Белграда на Триест не поддержал никто. Во второй половине ноября части югославской армии, переброшенные к Триесту и итальянской границе, возвратились к местам своей постоянной дислокации, а стороны начали переговоры, которые продолжались еще более года.

Удачно начавшийся для Тито 1953 год заканчивался для него очень тревожно. Не успел отгреметь триестский кризис, как в стране заговорили о деле Милована Джиласа, которое потрясло не только югославское руководство — оно привлекло к себе внимание всего мира.

Джилас и Тито

К осени 1953 года Милован Джилас был одним из самых известных и популярных представителей югославского руководства. Иногда в западных газетах его даже называли «человеком номер два» в Югославии. Во время советско-югославского конфликта Джилас стал принципиальным критиком Советского Союза, указывая, что причина конфликта не в людях, а в тоталитарной системе, созданной в СССР, и в перерождении советского социализма в государственно-монополистический капитализм.

Как рассказывал потом сам Джилас, чем больше он критиковал советскую систему, тем больше понимал, что ее недостатки присущи и югославскому социализму. Это открытие, вспоминал он, неприятно поразило его.

В июне 1953 года состоялся очередной Пленум ЦК СКЮ. Как рассказывал Джилас, ему не понравилось, что он проходил на острове Бриони — в резиденции Тито, а также, что на Пленуме было заявлено — идея об отмирании партии в настоящее время неактуальна, поскольку это — дело далекого будущего. Подобные заявления он расценил как «остановку процесса демократизации в Югославии».

В октябре 1953 года Джилас тоже был на улицах Белграда — он выступал перед демонстрантами во время триестского кризиса. После выступления демонстранты несли его на руках. Именно в эти дни, на пике популярности Джиласа, в газете «Борба» появилась и первая из его статей, которые, в итоге, и привели к скандалу.

Вскоре статьи Джиласа, в которых он рассуждал о самых острых для Югославии проблемах, стали появляться регулярно. «Сегодня ни одна партия или группа, ни одни класс не может претендовать на роль единственного выразителя объективных

интересов общества, не может присваивать себе исключительное право „управлять“ развитием производительных сил», — писал он[474]. Джилас предлагал упразднить касту профессиональных политических работников, считал, что «главная задача социалистической, как и любой другой демократии, состоит в том, чтобы обеспечить свободное выражение идей и чтобы никто не подвергался преследованиям из-за своих взглядов»[475].

Статьи вызвали огромный интерес в югославском обществе. Никто не сомневался, что Джилас выражает официальную позицию, иначе как они могли быть напечатаны в главной югославской газете?

Тито ни разу не высказался по поводу этих статей. Однажды Джилас не выдержал и прямо спросил его, что он о них думает. Тито сказал, что статьи неплохие, но посоветовал больше внимания уделять проблемам молодежи и борьбе против буржуазии.

29 ноября 1953 года в Яйце отмечалось 10-летие создания АВНОЮ и присвоения Тито звания маршала. Тито, Джилас, Кардель и Ранкович вместе сфотографировались в городской крепости. Эта фотография югославской «большой четверки» станет последней.

Вскоре статьи Джиласа начали вызывать недоуменные вопросы. Писатель Мирослав Крлежа спросил его, показывает ли он статьи перед публикацией Тито. «Нет, — ответил Джилас, — ведь это не официальная позиция, а только мои личные размышления». — «Хорошо, если бы ты это все-таки делал», — возразил Крлежа. Более откровенно высказался председатель Народной скупщины Сербии Петар Стамболич. «Когда читаешь твои статьи, — сказал он Джиласу, — создается впечатление, что лучше всего просто послать все к черту».

Джилас писал теперь не о теоретических проблемах, а о повседневных вещах, которые очень хорошо были знакомы всем югославским гражданам. О том, что большинство партсобраний — напрасная трата времени. О том, что коммунисты оторвались от масс и уже не могут жить без разнообразных привилегий. Его взгляды стали казаться опасными даже его друзьям. «Надеюсь, мне никогда не придется терзаться философскими размышлениями, но позволь все-таки сказать тебе: то, что ты пишешь, идет во вред партии», — сказал ему как-то Ранкович. А Кардель так обозначил их разногласия: «Ты против партии, а я нет… Ты хочешь разрушить всю систему»[476].

Тогда же стали ходить слухи, что «Старый жутко зол» на Джиласа из-за его статей. Однако в поступках Тито это еще никак не проявлялось. Более того, 25 декабря Джиласа избрали

председателем Союзной Народной скупщины.

В январе 1954-го в журнале «Нова мисао» («Новая мысль») было напечатано эссе Джиласа «Анатомия одной морали». Теперь он довольно зло высмеивал нравы и личную жизнь представителей партийной элиты. 7 января в «Борбе» появилась последняя статья Джиласа — «Революция». А через три дня та же газета изумила всю страну заявлением Исполнительного комитета ЦК СКЮ о том, что взгляды Джиласа, изложенные в его статьях, противоречат мнению остальных членов Исполкома. Сообщалось также, что публикация статей Джиласа прекращается и что вопрос о них будет обсуждаться на Пленуме ЦК СКЮ 16 января[477]. Джилас написал письмо Тито. Через два дня его пригласили в Белый дворец.

Вместе с Тито Джиласа ждали Кардель и Ранкович. Когда Джилас сказал, что уже не может спать по ночам, Тито, попросив принести ему кофе, заметил, что «другие тоже не спят». Разговор получился резким, но отнюдь не враждебным. Джилас попытался объяснить, что видит свою задачу в дальнейшем развитии социализма, на что Тито возразил, что его позиция может дать повод критиканам для нападок на Югославию. «Твой случай, — сказал он, — наделает в мире не меньше шуму, чем наш конфликт с Информбюро».

Джиласу предложили подать в отставку с поста председателя Скупщины. Он, не медля, написал заявление об отставке. Когда они прощались, Тито пожал ему руку. Теперь оставалось только ждать Пленума.

Третий внеочередной Пленум ЦК СКЮ открылся 16 января 1954 года. Тито признал, что Джилас спрашивал его мнение о своих статьях и что он посоветовал ему продолжать их писать. Но «товарищ Джилас зашел слишком далеко», заметил он. «Я был одним из первых, кто заговорил об отмирании партии, — сказал Тито, — но я никогда не говорил, что это произойдет в конце месяца или через год-другой. Это не случится прежде, чем будет нейтрализован последний классовый враг»[478]. Особенно остро он критиковал Джиласа за его «Анатомию». Тито сказал, что Джилас написал ее специально, чтобы «мы, тот круг, на который он так нападал, не могли в моральном отношении с ним дискутировать на равных».

Трансляция Пленума велась по радио. Многие из югославов, сидящих в тот день у радиоприемников, испытали чувство потрясения и разочарования — они понятия не имели о разногласиях между Тито и Джиласом.

Свое заявление зачитал Джилас. Он частично признал свои ошибки — в том, что «идейно отошел» от своих товарищей по ЦК,

нарушил дисциплину, считал, что может высказывать свои личные взгляды, оставаясь на партийных и государственных постах. Однако резко опроверг «домыслы», что его критика была направлена против Тито.

Джилас сказал, что готов отречься от своих заявлений, если «руководство признает, что они нанесли политический или какой-либо другой ущерб». «Не хочу комментировать слова товарища Тито, — заметил Джилас. — Обязуюсь, что буду руководствоваться ими в политической работе»[479].

Почти все выступающие осуждали Джиласа. Моше Пьяде назвал «Анатомию одной морали» «политической порнографией». «Сейчас у Джиласа есть вилла, два автомобиля и все такое прочее, — с пафосом говорил он, — у него есть намного больше, чем у тех, кого он называет внушающей отвращение кастой избранных. Пока его близкие друзья изнемогают под тяжким бременем административной работы во имя государства и общества, он сидит в комфорте и пишет, и пишет. А затем развлекается, изображая из себя доброго демократа, и выпивает в кафе»[480]. Пьяде ехидно добавил, что за свои статьи Джилас получил гонорар в размере 280 тысяч динаров. Дедиер возразил ему, что Джилас перечислил эти деньги библиотеке города Никшич в Черногории, однако Пьяде заметил, что этот факт ничего не меняет. «Легко быть добродетелем для Никшича и зарабатывать себе этим популярность», — парировал он.

Фактически только Владимир Дедиер (член ЦК СКЮ с 1952 года) и бывшая жена Джиласа Митра Митрович пытались защищать его. Дедиер, чуть не плача, обращался к Тито: «Старый, не допусти раскола! Разве мы не были вместе в самых тяжелых сражениях? Не надо ссориться!» Тито иронически ответил на это: «Владо, ты можешь говорить свободно, только смотри не доведи до слез Центральный комитет!»

Сам же Джилас вел себя крайне непоследовательно — то в нем проявлялся характер бунтовщика, то он вдруг начинал признавать свои ошибки и, по меткому наблюдению Дедиера, был «похож на человека, который каялся с шапкой в руках». Он признал все свои ошибки и заявил, что именно Союз коммунистов представляет в Югославии главную антибюрократическую силу. И в этом смысле, сказал Джилас, Пленум «вернул ему веру в партию», а от его теории «ничего не осталось»[481].

Пленум расценил выступления и взгляды Джиласа как «вредные» и «антипартийные» и снял его со всех партийных и государственных постов. Сам он заявил, что вполне «заслужил исключение из Союза». «Пленум дает тебе возможность, — заметил Тито, — доказать, что твои сегодняшние заявления были

искренними». — «В этом не стоит даже сомневаться», — ответил Джилас.

И для него, и для Тито эти события стали не только политической, но и личной драмой. Они знали друг друга 17 лет, и Джилас считал Тито своим учителем и старшим товарищем. Позже Джилас объяснял свое «покаяние» на Пленуме отчасти и тем, что, с одной стороны, очень тяжело переживал разрыв со своими товарищами, а с другой — был морально раздавлен.

Если верить Джиласу, то он всерьез считал, что его могут сослать на Голый остров. Этого не произошло, но весной 1954 года его выселили из элитного белградского района Дединье в трехкомнатную квартиру в самом центре города, рядом со зданием Скупщины.

В газетах продолжалась критика в его адрес, а Тито на одной из пресс-конференций заявил, что Джилас «политически мертв». «Когда я услышал об этом, — писал Джилас, — то на меня нахлынуло нечто мощное и подсознательное, возникшее где-то в глубине моей некоммунистической древней черногорской родовой памяти. Нет, не бывать этому! Я никогда не сдамся!»[482] В апреле Джилас написал заявление в свою партийную организацию, что больше не считает себя членом СКЮ, и сдал свой партбилет номер четыре.

Оказавшись в опале, Джилас занялся литературной работой, но его пьесы и рассказы никто не публиковал. Даже библиотека города Никшича вернула ему те 280 тысяч динаров за статьи в «Борбе», которые он пожертвовал в ее пользу. В декабре 1954 года он дал интервью газете «Нью-Йорк таймс», в котором заявил, что в Югославии не существует свободы слова и дискуссий; монополия на власть в стране принадлежит только коммунистам, которые создали сталинистскую систему. Джилас назвал себя «демократическим социалистом», объяснив, что именно поэтому он и вернул свой партийный билет[483].

Интервью с похожими оценками дал иностранным журналистам и Дедиер. За свое выступление в защиту Джиласа его заставили объясняться на заседании Контрольной комиссии ЦК СКЮ, а затем уволили с должности преподавателя университета, где он читал историю народно-освободительной войны.

Когда Тито доложили о выступлениях Джиласа и Дедиера, он был возмущен. Он считал, что они нарушили свои обещания Пленуму. Против Джиласа и Дедиера возбудили уголовные дела, и 24 января 1955 года они предстали перед судом.

Суд, проходивший в закрытом режиме, признал их виновными в «преступной и враждебной антигосударственной

пропаганде» и приговорил Джиласа к полутора годам тюрьмы условно, а Дедиера — к шести месяцам тюрьмы, тоже условно.

Таким образом, в начале 1955 года Тито расстался с двумя близкими людьми и соратниками, один из которых был его первым биографом. В марте 1953 года вышла книга Дедиера «Очерки биографии Иосипа Броза Тито», а Джилас к тому времени уже начал писать главную книгу своей жизни — «Новый класс».

Тито в «стране чудес»

1954 год стал для Тито годом прорыва в международную политику. В апреле он совершает визит в Турцию. В июне — в Грецию. Греческая полиция накануне его приезда арестовала и выслала на остров Сирос местных коммунистов — сторонников Информбюро.

Но без инцидентов все же не обошлось. Члены молодежной коммунистической организации ЭПОН разбросали в Афинах листовки с лозунгами «Долой предателя Тито!» и «Тито, вон из Греции!». Ситуация складывалась парадоксальная: лидера социалистической страны, коммуниста, греческая полиция («орудие реакции и империализма») защищала от местных коммунистов.

День прибытия югославской делегации в Греции был объявлен выходным. На ипподроме прошли скачки на «Кубок маршала Тито».

Тито встречали король Павел II и премьер маршал Папа-гос. Во время официального обеда состоялся обмен орденами и подарками. Павел наградил Тито Большим крестом ордена Спасителя и преподнес ему шлем из Коринфа VI века. Тито не остался в долгу. Король получил орден Большой Звезды Югославии, а премьер-министр Папагос — орден Югославской звезды 1-й степени. Во время вручения награды королю возникли проблемы: его мундир украшало уже столько орденов, что для Большой Звезды не было места. Тито также подарил королю и королеве Фредерике двух племенных жеребцов.

Однако главным результатом визита стала договоренность о заключении военного союза Греции, Югославии и Турции. Точка в «сотворении» Балканского союза была поставлена в Югославии 9 августа. В словенской резиденции Тито на озере Блед министры иностранных дел трех стран подписали договор о союзе, сотрудничестве и взаимной помощи. Тито устроил прием для участников встречи.

В этом же году наконец-то решился вопрос о Триесте. На

конференции в Лондоне было принято решение, по которому зона «А» и сам Триест отходили к Италии, а зона «Б» и лишь очень небольшая часть зоны «А» —11,5 квадратного километра с населением три тысячи человек — к Югославии. На этот раз все произошло тихо и мирно — как будто и не было никаких демонстраций в Белграде и выдвижения югославских войск к итальянской границе.

Подписание Балканского пакта и урегулирование разногласий с Италией, казалось бы, создавали все условия для образования мощного «правого фланга» НАТО в Европе с участием Югославии. Однако эта идея так и осталась лишь идеей.

Во-первых, к этому времени югославы уже приняли твердое решение — оставаться вне военных и политических структур Атлантического блока. А во-вторых, отношения между Грецией и Турцией стремительно ухудшались. Они начали спор о будущем Кипра. Он в итоге не только положил конец Балканскому пакту, но и поставил под угрозу весь южный фланг НАТО в Европе. Ну а кроме того, у Тито появились другие интересы — в Азии и Африке.

Первой страной третьего мира, с которой подружился Тито, стала Эфиопия. Ее император Хайле Селассие был, по легенде, потомком царя Соломона и царицы Савской. Еще в 1953 году император попросил Тито прислать в Эфиопию югославских врачей, а летом 1954 года приехал в Белград сам. Вскоре после приема императора Тито и сам засобирался в дальнюю дорогу — покорять Азию. Его путь лежал в Индию и Бирму.

Подготовка к визиту длилась почти два месяца. Тито скрупулезно вникал во все детали предстоящей поездки. В архивах сохранился весьма любопытный документ — пожелания Тито по программе пребывания югославской делегации в Индии и Бирме.

«Если не получится с охотой в Индии, тогда надо иметь в виду Бирму. — Так начинаются эти пожелания. — Приготовьте клетки, так как я надеюсь раздобыть и привезти различных животных — попугаев, обезьян, газелей, антилоп, а также фазанов, которых имеется 20 видов»[484].

Потом Тито перешел к более серьезным вопросам. Он приказал доставить в Индию бронированный автомобиль «паккард» и выяснить, есть ли у индусов и бирманцев подобные машины. «Почему у нас нет стальных рубашек? — спрашивает далее Тито (он имел в виду бронежилеты). — За границей они есть у всех. И у меня должны быть, особенно в Бирме и Индии. Нужно сейчас же раздобыть восемь штук таких рубашек».

С собой в поездку югославы взяли 45 сундуков и чемоданов с

наградами и подарками — золотыми, позолоченными и серебряными предметами, а также произведениями народного искусства большой ценности[485].

До Индии решили плыть на «Галебе». Дорога предстояла долгая — более двух недель. «Галеб» сопровождали три корабля югославских ВМС. В самый разгар плавания из югославского посольства в Индии пришла телеграмма: индусы предлагали охоту на тигров на дрессированных слонах. Это предложение вызвало беспокойство в югославской делегации: как поведет себя слон, если тигр не будет убит и нападет на него? В итоге предложение на всякий случай решили отклонить.

Рано утром 15 декабря, пройдя восемь тысяч миль, «Галеб» бросил якорь в порту Бомбея. Тито был первым европейским лидером, который посещал Индию и Бирму, поэтому и принимали его торжественно. Еще роскошнее была встреча в Дели. В распоряжение Тито был предоставлен специальный поезд, который югославы прозвали «красным». В Дели его встречало все индийское руководство во главе с президентом Прасадом и премьер-министром Неру. Временной резиденцией Тито стал президентский дворец. Других членов делегации поселили во дворец делийского махараджи. Тито был недоволен: в резиденции ему предлагали только соки и лимонад — президент Прасад был принципиальным противником алкоголя. «Только жабы пьют воду», — ворчал Тито[486].

С 17 декабря 1954 года по 6 января 1955 года Тито ездил по Индии и знакомился с этой страной чудес. В Бенаресе — священном городе индуистов, расположенном на берегах Ганга, его посвятили в индуизм. Пока проходила церемония, Тито вполголоса заметил: «Что бы сказала моя бабка, если бы узнала, что я перешел в другую религию!» Эта мысль, видимо, не давала ему покоя, и позже он снова заметил: «Если бы отец узнал, что я перешел в буддисты (на самом деле в индуисты. — *Е. М.)* — мне бы настал конец»[487].

В Бирме президент Ба У вручил Тито высший орден страны, название которого переводилось как «Самая Славная награда Правды». Еще югославскому президенту было присвоено звание почетного доктора права Рангунского университета[488].

17 января 1955 года «Галеб» двинулся в обратный путь. В Югославию Тито вез экзотические подарки: двух леопардов, гималайского медведя, двух слонов, обезьяну, белок, попугаев, двух павлинов и трех питонов. Он лично кормил животных — особенно леопардов — и прогуливался с ними по палубе, с удовольствием снимая их на фотоаппарат и кинокамеру.

Тито заранее распорядился, куда именно передать

подаренных ему зверей. Для его резиденции предназначались леопарды, медведь, обезьяна, 14 попугаев и белка. Белградский зоопарк получил слонов, питона и павлинов, а вот зоопарку в Загребе пришлось довольствоваться только двумя питонами[489]. Тито хотел устроить у себя в резиденции личный зоопарк, но из этого ничего не вышло — не нашлось подходящего помещения. Часть животных в итоге отправили на Бриони, а других раздали зоопаркам.

Восточное путешествие югославского лидера продолжалось в общей сложности 73 дня, за которые «Галеб» прошел около 20 тысяч миль. Пока «Галеб» приближался к берегам Югославии, в окружении Тито напряженно обсуждали сценарии торжественной встречи «любимого маршала». Одна из идей состояла в том, чтобы поставить почетный караул вдоль всей железной дороги от Риеки до резиденции Тито в Белграде. План не удался: фабрики одежды просто не успевали за такое короткое время одеть в парадную военную форму необходимое количество бойцов ЮНА. Но и так возвращение Тито было пышным и помпезным. В Риеке его встречали 100 тысяч человек, в Загребе — 200 тысяч. На площади перед железнодорожным вокзалом в Белграде президента ждали 300 тысяч граждан.

В марте 1955 года, выступая в Скупщине и подводя итоги своего азиатского вояжа, Тито впервые сформулировал новый курс Югославии в мире — мирное сосуществование вне военных блоков, союз со странами, которые в эти блоки не входят.

И в Москве, и в Вашингтоне к восточному турне Тито отнеслись подозрительно. В столицах обеих стран считали, что он пытается создать некий «третий блок» (помимо НАТО и созданной в мае 1955 года Организации Варшавского договора во главе с Москвой). «Нам блоки не нужны, а меньше всего нужен „третий блок“», — отвечал на это Тито[490]. Но несколько лет спустя такая «третья сила» действительно появилась. И одним из ее отцов-основателей был Тито.

Хрущев в Югославии

Разрыв между Москвой и Белградом начинался с секретной переписки. Восстановление отношений тоже происходило по похожему сценарию. Почти полтора года (1954 и 1955) стороны обменивались письмами.

К весне 1954-го в советском руководстве все больше и больше обозначались два «крыла» — Молотов и Хрущев. Хрущев постепенно выходил на первые роли, и ему нужны были смелые прорывные шаги. В том числе и в области внешней политики, где

первую скрипку играл его главный конкурент, глава МИДа Молотов.

18 мая Президиум ЦК КПСС принял проект секретного постановления, в котором разрыв с Югославией впервые признавался ошибкой. Вина за разрыв возлагалась на Берию. Советскому послу в Белграде предлагалось добиться аудиенции у Тито и передать ему предложение о встрече представителей ЦК обеих партий[491]. Вскоре посол в Белграде Вальков передал Тито письмо из Москвы.

Ответ Вальков получил 11 августа. Югославское руководство соглашалось на обсуждение вопросов по нормализации межгосударственных отношений, но считало встречу представителей двух партий преждевременной. Югославов прежде всего раздражала деятельность антититовских эмигрантских организаций. В СССР и странах «народной демократии» проживали 1293 эмигранта, в распоряжении которых было шесть газет, а также радиостанция «Свободная Югославия».

Советская сторона пошла на уступки. 23 сентября 1954 года решением Президиума ЦК КПСС деятельность «Союза югославских патриотов» была признана «нецелесообразной», а работа газеты «За социалистическую Югославию» и радио «Свободная Югославия» прекращалась. Советские власти также принимали меры по прекращению антититовской пропаганды в советских изданиях.

Югославы это оценили. В очередном письме в Москву, написанном 16 ноября, впервые в советско-югославской переписке выдвигалась идея встречи руководителей двух стран.

31 января 1955 года с поста председателя Совета министров СССР был снят Маленков и на его место назначен Булганин. Это событие встревожило югославов — они делали ставку именно на Маленкова, а Хрущева считали более консервативным и «грубым» политиком. Неопределенность продолжалась до середины марта, когда Тито получил из Москвы очередное письмо за подписью «ЦК КПСС, Н. Хрущев». «Ваше предложение о личной встрече на самом высоком уровне отвечает пожеланию, выраженному в предыдущих наших письмах», — отмечалось в нем. В Москве просили югославов указать «конкретную дату и место встречи».

16 апреля в обстановке строжайшей секретности Тито вручил советскому послу запечатанный пакет с надписью «Н. С. Хрущеву», объяснив, что внутри находится ответ на последнее письмо из Москвы. Он сказал, что встречу на высшем уровне желательно организовать с 10 по 15 мая в Белграде или каком-либо другом пункте на Дунае — по усмотрению советских

руководителей.

В Москве эти предложения приняли. Желательной датой встречи называлось 23 мая. Советская сторона сообщала и состав своей делегации: первым был назван член Президиума Верховного Совета СССР и первый секретарь ЦК КПСС Хрущев, вторым — председатель Совета министров СССР Булганин. 14 мая в Москве и Белграде было одновременно опубликовано сообщение о предстоящих переговорах.

Советские руководители тщательно обсуждали все детали поездки, вплоть до отдельных реплик на возможные заявления югославов. В оппозиции оказался Молотов: он считал, что югославское руководство отказалось от принципов марксизма-ленинизма, и предлагал потребовать от Белграда выхода из Балканского пакта, присоединения к Варшавскому договору, прекращения преследований сторонников СССР. Но его позиция поддержки не нашла.

Не менее тщательно готовились к приезду советской делегации и югославы. Тито вникал во все детали предстоящих дискуссий с советской делегацией.

Поездка всего руководства СССР в недавно еще «вражескую» Югославию вызывала серьезную обеспокоенность у советского народа. На имя Булганина приходили, например, такие письма:

«Уважаемый товарищ Булганин!

Люблю Вас, как родное правительство, а Вас лично как брата. Поэтому и пишу Хорошо, что встретитесь с Югославией, но только не в Белграде.

Не верю я им. Они младше Вас, вот пусть и приезжают. Кроме того, за что им такая честь.

Простите, что пишу, но пишу от всего сердца, хотя знаю или, вернее, предполагаю, что эта записка к Вам не попадет. 14 мая 1955 г.»[492].

Неизвестно, доходили ли эти письма непосредственно до адресатов, но после некоторых колебаний они решили — в Белград все-таки ехать.

26 мая 1955 года советская делегация прибыла в Белград. К самолету подали трап, дверь в салон открылась, и в ней появился улыбающийся Хрущев. Он буквально сбежал по трапу. К нему по летному полю уже шел Тито. Хрущев снял шляпу, а Тито ему откозырял — он был в светло-голубом маршальском мундире. Потом они обменялись рукопожатием.

После взаимных приветствий Хрущев подошел к небольшой трибуне и начал говорить текст заготовленного выступления. Советский руководитель назвал Тито и его соратников «дорогими товарищами». Признав, что «добрые отношения» между Москвой

и Белградом «были нарушены», он заявил, что «мы искренне сожалеем о том, что произошло, и решительно отметаем все наслоения этого периода». По словам Хрущева, обвинения против югославских руководителей были сфабрикованы «врагами народа, презренными агентами империализма» (имелись в виду Берия и расстрелянный в 1954 году бывший глава МГБ Абакумов). Хрущев заявил, что советская делегация приехала «по-братски» обсудить все назревшие вопросы[493]. После этого он повернулся к Тито, явно ожидая от него ответных слов.

Однако сцены братского примирения не получилось. На летном поле воцарилась тишина. Был слышен даже бой часов на главном почтамте Белграда, удаленном от аэропорта Земун на несколько километров. Тито никакой речи так и не произнес. Когда Хрущев закончил выступление, он сказал переводчику: «Переводить не надо. У нас все знают русский язык». После чего пригласил советских гостей пройти к машинам.

Как рассказывал сын Хрущева Сергей, его отец потом часто вспоминал об этом эпизоде. Он говорил, что мозги у него тогда еще не перестроились и, выгораживая Сталина, он подставлял «козлов отпущения». Но с Тито этот номер не прошел[494].

Официальные переговоры начались на следующий день. Место для их проведения — в Доме гвардии — было выбрано югославами не случайно. Ведь именно здесь в июле 1948 года на V съезде КПЮ было сказано решительное «нет» обвинениям Москвы.

Переговоры открыл Тито. Он назвал советских гостей «господами». Хрущев тут же стал возмущаться, но Тито уточнил: «В конце переговоров увидим, будем мы обращаться друг к другу как „товарищи“ или все-таки как „господа“»[495].

Второй день переговоров, 28 мая, начался со взаимных любезностей. Тито попросил разрешения у Хрущева говорить сидя. «Хорошо, — ответил тот. — Конечно, товарищ Тито! Не обязательно стоять».

Но эпизоды взаимной любезности быстро сменялись такой же взаимной настороженностью. Тито не мог скрыть чисто человеческой обиды на Советский Союз за все те обвинения, которые совсем недавно сыпались на него и на Югославию.

«Что касается американской помощи, которую вы принимали, — говорил, например, Микоян, — то это мы, конечно, не имеем права осуждать. Мы это понимаем. Однако мы боялись, что вы пойдете путем политических уступок». «Не просто боялись, — подхватил Хрущев. — У нас была информация о том, где у вас находятся иностранные военные базы. Да, да, товарищи!»

«Этого в Югославии не было и не будет!» — резко возразил Тито, но Хрущев не дал ему закончить: «Мы считали, что капиталисты деньги даром не дают». Тито эти слова явно задели. «Но почему вы так думали? Почему вы считали, что мы можем быть против СССР вместе с западными странами?» — «Это простая логика, — ответил Хрущев. — Когда разразился конфликт, мы, так сказать, исходили из того, что вы не коммунисты, что вы отошли от Маркса и Ленина. Мы считали, что вы — одна из капиталистических, вражеских стран». «В такой сильной компартии вы и не могли тогда открыто выступать против коммунизма», — добавил кто-то из советской делегации.

«Как вы только такое могли сказать?! — возмутился Тито. — Меня бы и сам дьявол не заставил идти к какой-то другой системе! Я всю жизнь боролся за коммунизм, за социализм. Всю жизнь боролся! Я был революционером не за деньги! Я не за деньги сидел в тюрьмах! И мои товарищи тоже! Я не за деньги всю жизнь занимался революционной работой! Как бы я мог отречься от социализма? Как я мог отречься от самого себя? Почему вы так думаете? Как я мог бы отказаться от своего собственного „я“?»[496]

В первые дни переговоров стороны то и дело обращались к «прошлому». Хрущев доверительно рассказывал, в какой атмосфере они жили при Сталине. О том, что их подслушивали везде и всегда и микрофоны стояли даже у него под кроватью[497]. Он рассказал и о том, как планировался Берия. «Это не коммунист, это шпион, агент», — убеждал Хрущев югославов.

«Мы не из-за слабости приехали сюда… — продолжал он. — Злобствовали, злобствовали, называли вас фашистами и черт знает еще чем, потом приезжаем в таком составе. Слушайте, если бы у нас не было принципов, если бы мы не были марксистами и политиками, нам сейчас легче было бы продолжить старую линию, а не объяснять»[498].

Переговоры в Белграде продолжались 27–28 мая. Затем югославские и советские руководители отбыли из Белграда на правительственном поезде. Дорога пролегала на Ядран (Адриатическое побережье) через известные на весь мир курортные города Опатия и Риека, и потом — на Бриони. Большую часть пути делегации проехали на автомобилях. Гости искренне восхищались красотами Югославии, но многое их удивляло. Хрущев и Микоян недоумевали, почему на югославских курортах отдыхает столько иностранных туристов, которые могли шпионить в пользу различных разведок.

На Бриони Тито решил лично показать гостям свою резиденцию. Он подъехал к вилле советской делегации за рулем

открытого «кадиллака». Усадив в него Хрущева, Булганина и Микояна, лихо рванул с места, к ужасу советской охраны[499].

Картину «похищения» советских руководителей наблюдала большая группа югославских и иностранных журналистов. Репортеры бросились к своим фото- и кинокамерам. Один американский журналист, захлебываясь от восторга, говорил коллегам: «Господа, мне здесь больше нечего делать! За мои три снимка, как Тито возит Советы, я и моя семья смогут спокойно жить больше года!!!»

Вскоре сенсационные фотографии с Бриони облетели весь мир. И Тито, и Хрущев были довольны: обоим всегда льстило повышенное внимание журналистов. 30 мая Тито с Хрущевым и Булганиным совершили морскую прогулку на катере, посетив города Пула и Ровинь. Потом на автомобилях они прокатились по Хорватии и Словении, доехав почти до самых Альп. Там побывали в словенской резиденции Тито на озере Блед.

В Словении произошел инцидент, который мог сильно осложнить восстанавливаемые советско-югославские отношения. На встрече с руководителями Словении Хрущев вдруг начал так возвеличивать Сталина, что югославские руководители были шокированы. Много лет спустя он объяснял свои действия: «Мы делали все, чтобы выгородить Сталина, не сознавая того, что выгораживаем преступника… Когда мы затронули этот вопрос и сослались на Берия, то они стали улыбаться и подавать реплики. Это нас раздражало, и мы, защищая Сталина, вступили в большой спор, дошедший до скандала. Потом я публично выступал в защиту Сталина и против югославов. Сейчас ясно, что эти позиции были неправильными…»[500]

Из Словении делегация переехала в столицу Хорватии Загреб, а потом поездом выехала в Белград. Почти все это время Хрущев пытался уговорить Тито установить более тесное партийное сотрудничество. Он не хотел отказываться от своей главной цели — вернуть Тито в лагерь «братских стран социализма». Аргументы у советской стороны были такими: «В каждой роте есть командир. Если нет командира, значит, и нет роты… Только сильный социалистический лагерь во главе с Советским Союзом способен защититься от империализма»[501].

Но Тито вел свою игру. Он так и не дал однозначного ответа, заметив лишь, что такие вещи сразу не делаются, и предложил еще подумать. Хрущева это явно расстроило.

Югославы с самого начала визита хотели, чтобы его результаты были зафиксированы в форме какого-то документа, который бы определял принципы будущих отношений между двумя странами. Хрущев был не против.

Советская делегация привезла с собой проект своего заключительного заявления, а югославы подготовили свой. Когда же делегации обменялись проектами, то выяснилось, что они сильно различаются. Тогда Хрущев, к огромному удивлению югославов, согласился, чтобы документ по итогам визита готовился на основе югославского проекта.

В этом вопросе Хрущев решил уступить Тито. Он все-таки надеялся, что в будущем будет решен вопрос об укреплении партийных связей. А Тито, как мог, подогревал в нем это убеждение. Под конец визита он согласился направить в Москву письмо от имени ЦК СКЮ, в котором бы рассматривались отношения между КПСС и СКЮ.

В семь часов вечера 2 июня в Доме гвардии состоялось торжественное подписание декларации. Тексты документа на сербскохорватском и русском языках в красных кожаных переплетах вынесли в зал. От имени правительства Югославии декларацию подписал Тито, от имени правительства СССР — председатель Совета министров Николай Булганин.

Белградская Декларация констатировала единство взглядов или близкие позиции СССР и Югославии по международным вопросам. Конфликт 1948 года был довольно туманно назван «значительным расстройством во взаимоотношениях». Стороны выражали готовность отныне строить свои отношения на принципах полного равноправия, невмешательства во внутренние дела, взаимного уважения независимости и суверенитета, территориальной неприкосновенности и прекращения пропаганды и дезинформации[502].

Для Тито это был момент триумфа. Москва не только признала свои ошибки, но и приняла новую формулу отношений, признав в Югославии равноправного партнера, имеющего право на собственное мнение.

После церемонии обе делегации отправились на прием, который устроила советская сторона. Перед ужином состоялся концерт, в котором участвовали известные советские артисты, а когда гости сели за стол, то оперную певицу из Большого театра Галину Вишневскую посадили рядом с Хрущевым, Булганиным и Микояном — как раз напротив Тито и его жены Йованки. По замыслу советской делегации она должна была выступить как бы в роли хозяйки приема.

Вишневская вспоминала, что Тито был очень спокоен и сдержан. Зато Хрущев все время поднимал тосты и норовил расцеловаться с Тито. «Йося, да перестань ты сердиться. Ишь какой обидчивый! Давай лучше выпьем — кто старое помянет, тому глаз вон», — говорил он. Но Тито всем своим видом

показывал, что память у него хорошая. «Спокойно, по-хозяйски наблюдал он, как посланники великой державы перед ним шапки ломают, — отмечала Вишневская. — Чувствовалось, что ему хочется продлить удовольствие, что он давно ждал этого часа: нет-нет да и промелькнет в глазах ироническая ухмылка». После того как сама Вишневская произнесла (по указанию председателя КГБ Серова, который стоял у нее за спиной) тост за здоровье супруги Тито, советские руководители пустились в пляс, увлекая за собой и попавшихся под руку югославов. Но Тито к ним так и не присоединился[503].

Будущий югославский посол в Москве Велько Мичунович очень емко и точно подвел в своем дневнике итоги визита: «Поездка удалась, но разногласия остались»[504].

Тито в Москве

После визита советской делегации в Белград Москва продолжала делать в отношении Югославии дружелюбные жесты. В июле 1955 года посол СССР Вальков передал Тито письмо Хрущева о том, что СССР аннулирует свои требования о возврате югославского долга в сумме примерно 613 миллионов рублей (сюда же входил долг за предоставленное в годы войны вооружение на сумму 294 миллиона рублей)[505].

Советский Союз предоставил Югославии кредит в размере 30 миллионов долларов (хотя югославы просили 60 миллионов на 15–20 лет) на 10 лет, а также товарный кредит на 54 миллиона долларов для оплаты поставляемого из СССР сырья и продовольствия. В конце 1955 года Президиум ЦК КПСС запретил советской разведке вербовать югославских граждан.

С 14 по 25 февраля 1956 года в Москве проходил XX съезд КПСС. Делегация СКЮ на съезд не поехала: поскольку компартии «социалистического лагеря», с точки зрения югославов, не проявляли желания установить контакт с СКЮ. Но Тито послал в адрес съезда теплое приветствие, в котором пожелал съезду «успешной и плодотворной работы»[506].

В Белграде внимательно анализировали все то, что происходило на съезде. На его заседаниях присутствовал посол Югославии в Москве Видич. Вскоре в Белграде оказался и текст «секретного доклада» Хрущева о культе личности. Это произошло совершенно неожиданным для югославов образом.

После съезда посол Видич собрался домой — срок его работы в Москве закончился. В его честь был организован прощальный ужин, на который прибыл и сам Хрущев. После ужина он вынул из кармана небольшую книжечку и попросил Видича передать ее «товарищу Тито». «Он прочтет ее с интересом, — добавил Хрущев. — Думаю, что и вы, югославы, вряд ли бы лучше написали»[507]. Это и был текст доклада «О культе личности и его последствиях».

«Читка» «секретного доклада» Хрущева в Белграде происходила 14 марта на пленуме ЦК СКЮ. Правда, текст «на руки» не раздавали — читал доклад Моше Пьяде, а Тито комментировал отдельные его части.

«Ведь в „югославском деле“, — говорил Хрущев, — не было таких вопросов, которые нельзя было бы разрешить путем товарищеского партийного обсуждения. Для возникновения этого „дела“ не было серьезных оснований, вполне возможно было не допустить разрыва с этой страной. Это не значит, однако, что у

югославских руководителей не было ошибок или недостатков. Но эти ошибки и недостатки были чудовищно преувеличены Сталиным, что привело к разрыву отношений с дружественной нам страной».

Далее Хрущев привел пример, на который впоследствии ссылались десятки, если не сотни раз. «Мне вспоминаются первые дни, когда искусственно стал раздуваться конфликт между Советским Союзом и Югославией, — сказал он. — Однажды, когда я приехал из Киева в Москву, меня пригласил к себе Сталин и, указывая на копию письма, незадолго перед тем направленного Тито, спросил: „Читал?“ И, не дожидаясь ответа, сказал: „Вот шевельну мизинцем — и не будет Тито. Он слетит“… Но с Тито так не получилось. Сколько ни шевелил Сталин не только мизинцем, но и всем, чем мог, Тито не слетел. Почему? Да потому, что в споре с югославскими товарищами за Тито стояло государство, стоял народ, прошедший суровую школу борьбы за свою свободу и независимость, народ, который оказывал поддержку своим руководителям»[508].

Комментируя эти высказывания Хрущева, Тито сказал, что признание Москвой своих ошибок имеет огромное значение не только для Югославии и «всего мирового пролетариата, но и самого XX съезда КПСС». Товарищи в Советском Союзе, добавил он, заняты очень крупными и смелыми делами, и то, что они сделали на XX съезде, еще смелее, чем их приезд в Белград.

Правда, отметил Тито, вопрос отношений с Югославией на съезде был затронут довольно скупо. «Мне очень жаль, — продолжил он, — что… обойдена роль Югославии в мире — не буду говорить в сломе сталинской системы, но и в борьбе за мир, за правильные отношения между народами… Этим замалчиванием они желают нашу роль оспорить». Новому послу в СССР Велько Мичуновичу перед его отъездом в Москву Тито сформулировал задачу так: «С русскими не ссориться, но и не уступать им».

Мичунович играл роль посредника между Тито и Хрущевым. Именно ему, первому из иностранцев, Хрущев сообщил сенсационную новость, что принято решение о роспуске Коминформа. 17 апреля о роспуске Коминформа было объявлено официально. А еще через два дня в Белград пришло письмо от Хрущева, в котором тот предлагал Тито приехать в СССР 1 июня 1956 года. Югославов такие сроки устраивали.

Перед началом визита в Москве произошла еще одна политическая сенсация. С поста главы МИДа был снят Молотов — его сменил секретарь ЦК и главный редактор «Правды» Дмитрий Шепилов. Молотов считался одним из главных противников

Хрущева по вопросу нормализации отношений с Белградом, поэтому во всем мире его уход оценивался однозначно — югославы получили от Хрущева подарок[509]. Все с нетерпением ждали — оправдаются эти прогнозы или нет.

К предстоящей поездке в Москву в Белграде начали готовиться в мае 1956 года. «Никакого самолета!» — для начала категорически отрезал Тито. Он не хотел лететь в Москву, во-первых, по соображениям безопасности, а во-вторых, потому что плохо переносил дальние авиаперелеты. Он собирался ехать на своем «голубом поезде», но железнодорожная колея в Советском Союзе была шире югославской, а в поезде Тито не предусматривалась замена колес вагонов. В итоге решили: до границы СССР ехать на «голубом поезде», а потом пересесть на советский.

Тито ехал в СССР через Румынию, а не через Венгрию, где у власти все еще находился Матиаш Ракоши — один из самых одиозных восточноевропейских сталинистов и один из самых активных участников антититовской кампании. Охраняли президента Югославии более пятидесяти сотрудников службы безопасности. Каждый из них был вооружен двумя пистолетами — советским «ТТ» и немецким «вальтером», а также специальным приспособлением «бокс». Оно было похоже на кастет с острыми выступами[510]. Охрана Тито отправилась в Москву первым эшелоном, а за ним шел уже и сам «голубой поезд».

В нем находилось 77 человек. Кроме Тито и Йованки в Москву также ехали Кардель и Коча Попович с супругами, члены официальной делегации и многочисленное сопровождение. В его составе находилась также и родная сестра Йованки Зора Будисавлевич, которую назначили секретарем и личным переводчиком жены Тито. Еще один поезд, в котором находились автомобили, различное оборудование и 20 сундуков с наградами и подарками, шел через Венгрию и прибыл в Москву раньше Тито.

Советские представители встретили югославскую делегацию на пограничной молдавской станции Унгены. Официальная же церемония встречи Тито состоялась в субботу 2 июня на Киевском вокзале в Москве, в 17 часов. На вокзал приехало все советское руководство. Югославы даже перешучивались между собой: «Кто же у них в Кремле остался?»

Делегации на открытых машинах направились к резиденции Тито. В первой машине сидели он сам, Хрущев и Ворошилов. На улицах Москвы Тито встречало более миллиона человек. Все было подготовлено и тщательно спланировано. Однако югославам не могло не броситься в глаза искреннее проявление радости и дружелюбия, с которыми в Москве приветствовали Тито.

Временной резиденцией Тито стал особняк МИД СССР на улице Алексея Толстого, 17 (ныне улица Спиридоновка). Дворец был построен по проекту знаменитого архитектора Федора Шехтеля для жены миллионера Саввы Морозова Зинаиды. После революции здесь устроили Дом приемов для самых высокопоставленных зарубежных гостей.

На следующий день, в воскресенье, в резиденцию Тито приехал Хрущев. Он предложил югославскому президенту погулять по Москве. Тито согласился.

Очевидец вспоминает: «Стояло душное московское лето, я шел по Пушкинской площади и вдруг увидел некое скопление людей, которое передвигалось по скверу. Оказавшись в толпе зевак, я заметил, что всеобщее внимание привлекают два невысоких плотных мужчины. Это были Никита Хрущев и Иосип Броз Тито»[511].

Возможно, Хрущев и Тито как раз шли есть мороженое. Тито тогда вспомнил, что когда он жил в Москве перед войной, то часто заходил в кафе на улице Горького, где всегда было очень вкусное мороженое. Теперь они отправились туда с Хрущевым — почти без охраны. Окружающие не обращали на них внимания, им и в голову не могло прийти, что советский руководитель свободно разгуливает по улицам в компании недавнего «кровавого палача» и «предателя» Тито.

В кафе Тито сразу сел за стол и попросил официанта принести мороженое. Тем временем начальник его охраны Жежель осматривал помещение. Вдруг он с изумлением увидел за одним из столиков двух видных представителей югославской эмиграции — генерала Попиводу и бывшего югославского посла в Румынии Голубовича. Он тут же бросился к ним, однако Попивода и Голубович выскочили на улицу через раскрытое окно первого этажа[512].

Хрущев возмутился и тут же начал ругать своих людей — КГБ обещал на время визита взять югославских эмигрантов под особый контроль, Тито старался его успокоить. Но мороженое они все-таки попробовали. Правда, выяснилось, что ни у Тито, ни у Хрущева не оказалось при себе денег, и им пришлось занимать их у сопровождающих. Обратно в резиденцию Тито вернулся уже на автомобиле[513].

Накануне визита представители югославской госбезопасности вместе с сотрудниками КГБ осматривали объекты, которые Тито необходимо было посетить. Он должен был возложить венок к Мавзолею на Красной площади. Сложность ситуации для югославов заключалась, однако, в том, что вместе с Лениным в Мавзолее тогда находился и Сталин, и называлось сооружение

«Мавзолей Ленина — Сталина».

Один из сотрудников югославской службы безопасности направил перед визитом Тито такую телеграмму в Белград: «Эта старая падаль все еще находится в Мавзолее, и ежедневно тысячи людей проходят возле него. Его посмертная маска полна мрачного цинизма. Мы это видели. Страшно и ужасно выглядит. Мы выскочили оттуда как из пушки. Надеемся, что вы не будете смотреть. Достаточно того, что в наши обязанности входило увидеть это чудо».

Тито так и поступил. 4 июня он возложил венок к Мавзолею — к той его стене, к которой ближе всего находился саркофаг с телом Ленина. Надпись на венке гласила «Владимиру Ильичу Ленину — Иосип Броз Тито». Заходить внутрь Мавзолея он не стал. «Там лежал и этот гад Сталин, — записал в дневнике генерал Жежель. — Никто из нас не захотел его видеть. Нам это было противно. Жаль, что он находится в одной гробнице с Лениным»[514].

Вечером 5 июня Тито дал в своей резиденции ужин в честь советских руководителей, на котором произнес длинный тост на русском языке. Он сказал, что югославские коммунисты всегда верили в КПСС и не сомневались, что конфликт будет ликвидирован. Посыпались и ответные тосты. Говорили Хрущев, Булганин, Микоян, Ворошилов, даже Молотов[515]. Ворошилов, обняв Тито, заплакал. «Какой я дурак! — всхлипывал он. — Какие глупости я говорил по приказу Сталина! Мне за них сейчас стыдно… Простите, пожалуйста…»[516]

Тито еще два дня осматривал Москву, побывал на первой в мире АЭС в Обнинске, а вечером 6 июня отправился в Ленинград. Вернувшись из Ленинграда, он провел несколько раундов переговоров с Хрущевым и Булганиным, посетил Академию Генерального штаба, а вечером — Большой театр, где смотрел балет «Лебединое озеро». После спектакля Тито и Йованка поднялись на сцену, чтобы поблагодарить артистов. Аплодировали все: Тито — артистам, а они — ему.

Югославская делегация побывала также в Сталинграде, Краснодаре, Новороссийске, Сочи. В одном поезде с Тито ехали Хрущев и Микоян. Было очень жарко, температура в поезде зашкаливала за 30 градусов, однако Тито и советские руководители не обращали на это внимания. Они долго сидели в одном купе и, как дипломатично отметил все тот же Жежель, «были в хорошем настроении в соответствии с русскими обычаями»[517]. Говорят, что в одном из маленьких городов, через которые проезжали Тито и Хрущев, среди приветственных лозунгов был и такой: «Да здравствует дорогой товарищ Тито и

его клика!»

В Сталинграде югославского президента вышли встречать 400 тысяч человек. Везде была жуткая давка, особенно на Мамаевом кургане. «Все кордоны смяты, — вспоминал корреспондент ТАСС Владимир Еременко. — Я рвусь со своим красным тассовским удостоверением через толпу. Благо местные комитетчики меня знают, шепчут что-то московским, и те дают дорогу. Пробиваясь, вижу „затёртую“ в толпе супругу Тито. Йованка растерянно озирается, молит о помощи. Кричу комитетчикам, указываю глазами: „Выручайте!“ И сам рвусь к ней. „Ведь затопчут! И международный скандал…“ Наконец, вняли моим крикам. Комитетчики устроили коридор в толпе. Через него мы с Йованкой настигли первых лиц уже на вершине кургана»[518].

После Сталинграда состоялись поездки по колхозам и совхозам Краснодарского края, посещение Новороссийска, катание на яхте по Черному морю, поездка в Сочи. Гостеприимные хозяева показали югославам дачу Сталина под Сочи. Во время экскурсии вдруг заиграла музыка — кто-то поставил пластинку на проигрыватель. Вскоре и русские, и югославы, не исключая Тито, пустились в пляс. Зрелище танцующего Тито на даче умершего Сталина имело поистине символический характер[519].

«Замирение» с Югославией превратило Тито в один из персонажей советского фольклора. В популярной частушке тех лет пелось:

Дорогой товарищ Тито,
Ты теперь нам друг и брат,
Нам сказал Хрущев Никита,
Что ты ни в чем не виноват.

А среди интеллигенции ходили слухи, будто бы Тито поставил перед Хрущевым условие: выдать ему писателей и художников, которые рисовали на него карикатуры и писали на него эпиграммы. Называли имена Бориса Ефимова, Сергея Михалкова, Кукрыниксов, Ореста Мальцева и других.

Накануне приезда Тито в Москву советских деятелей литературы и искусства накрыла вторая волна запретов связанных с Югославией. Теперь запрещали те произведения, в которых хоть как-то упоминалось о «кровавом палаче» и «изменнике» Тито. Среди запрещенных были книги популярного тогда писателя Николая Шпанова, отмеченные Сталинскими премиями, стихи и басни Сергея Михалкова, статьи и памфлеты Константина Симонова, рисунки Кукрыниксов и Бориса Ефимова

или, например, сборник стихов некоего поэта Льва Галкина. В нем было и стихотворение с такими строчками:

Будь ты проклят, Тито,
Кончишь, как Бенито!

(то есть как расстрелянный, а потом и повешенный партизанами Муссолини). Одной из первых была изъята из библиотек «Югославская трагедия» Ореста Мальцева.

Теперь перед советскими «мастерами художественного слова» партия поставила новые задачи — крепить дружбу с Югославией. За выполнение этой задачи взялись все те же Сергей Михалков, Николай Тихонов, Константин Симонов и другие.

Но Хрущев и Тито обсуждали гораздо более важные проблемы. Советская сторона снова старалась вернуть Югославию в «социалистический лагерь», а Тито этому всячески сопротивлялся. Он назвал неприемлемым и сам термин «социалистический лагерь». Хрущев предложил взамен понятие «социалистический фронт», а Микоян, признав, что слово «лагерь» выглядит «отпугивающим», высказался за термин «содружество»[520].

Сделав эту уступку, Хрущев снова перешел в наступление. Он заявил, что если компартии будут действовать без согласования своих шагов, то это станет отказом от ленинских принципов и вообще приведет к краху коммунистического движения. «Вижу, — сказал Хрущев, — что вы хотите все-таки остаться вне лагеря». Тито тут же отреагировал: «Если мы и вне лагеря, то не вне социалистического мира»[521].

Тито был против, чтобы Югославия вступала в Организацию Варшавского договора. Сошлись на том, что в случае войны она выступит на стороне социалистических стран. Югославы отказались также вступить в СЭВ, хотя были и не против сотрудничества с его членами. В разгар дискуссии о будущем социализма и его формах, когда Микоян заявил, что «мы и вы не допускаем существования других партий», Тито под одобрительные реплики советской стороны заметил: «Правильно, мы тоже не допускаем, на что они нам нужны?»[522] Этот эпизод показал, что несмотря на все свои разногласия советские и югославские коммунисты придерживались весьма близких взглядов на внутреннее устройство различных моделей социалистического общества.

Хрущев старался показать югославам, что их настоящие друзья находятся в СССР и они не пожалеют для них ничего. Тито привезли на военный аэродром в подмосковной Кубинке и

показали почти все самые современные самолеты. Тито получил в Кубинке подарок — пассажирский самолет Ил-14, переоборудованный специально для полетов высшего государственного руководства. Советская авиатехника произвела на президента Югославии сильное впечатление, но на результаты визита это все равно не повлияло.

20 июня 1956 года в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца были подписаны итоговые документы визита. Сначала Булганин и Тито подписали заявление правительств двух стран, в котором были зафиксированы близость или совпадения позиций правительств по международным вопросам, а также желание укреплять дружбу и сотрудничество между СССР и Югославией. Потом Хрущев и Тито поставили свои подписи под документом, который стал называться Московской декларацией. Его полное название — «Декларация об отношениях между Союзом коммунистов Югославии и Коммунистической партией Советского Союза». Уникальность этого события заключалась в том, что в первый (и, кажется, в последний) раз в советской истории в Кремле, с соблюдением всех необходимых протокольных ритуалов, было заключено межпартийное соглашение о сотрудничестве.

«Обе стороны придерживаются взгляда, — говорилось в Декларации, — что пути социалистического развития в разных странах и условиях различны и что богатство форм развития социализма способствует его укреплению, и, исходя из факта, что и одной, и другой стороне чужда любая тенденция к навязыванию своего мнения в определении путей и форм социалистического развития, — согласились, что вышеупомянутое сотрудничество следует основывать на полной добровольности и равноправии, на дружеской критике и товарищеском характере обмена мнениями по спорным вопросам между нашими партиями»[523].

«Судя по поведению русских, — отмечал в дневнике югославский посол в Москве Мичунович, — им не остается ничего другого, кроме как, хотя бы на некоторое время, выражать удовлетворение результатами визита Тито, хотя, по моему мнению, они разочарованы. Они вложили в визит очень много, но эти большие инвестиции не оправдались»[524].

На приеме вечером того же дня русские, по свидетельству начальника охраны Тито Милана Жежеля, «изрядно напились»[525]. Хрущев как бы в шутку выговаривал Тито: «А вы, югославы, все-таки ревизионисты!» Тито только посмеивался[526]. Он в очередной раз добился того, чего хотел.

21 июня в 15 часов Тито и югославская делегация выехали на поезде из Москвы в Киев. Там произошло весьма любопытное

событие: Тито принял шестерых югославских офицеров, которые учились в Советском Союзе и остались здесь после начала конфликта 1948 года. Это была, пожалуй, первая встреча президента Югославии с политическими эмигрантами-«информбюровцами».

Для Хрущева эмигранты были подобны больному зубу. Он не знал, что с ними делать. Тито же категорически отказался обсуждать эту тему. Он сказал лишь, что желающие могут свободно вернуться в Югославию, но там с ними будет разбираться суд — как с государственными преступниками. Тогда у Хрущева появилась идея свести Тито и эмигрантов лицом к лицу. Это и произошло в Киеве.

Тито выслушал офицеров, но ничего обещать не стал. «Мы будем решать этот вопрос, когда вернемся в Югославию», — ответил он. Однако до его решения прошло еще немало времени, да и тем югославам, которые все же вернулись в свою страну, пришлось там несладко…

Поздно вечером 24 июня поезд с Тито прибыл на пограничную станцию Унгены. 27 июня Тито уже был в Югославии. По официальным данным, на его встречу в Белграде вышло более трехсот тысяч человек. «Сердечность, с которой нас встречали и которой мы были окружены, превзошла все наши ожидания», — заявил Тито на митинге.

«Они посеяли ветер, а пожали бурю». Бурный 1956-й

Примеру Москвы в нормализации отношений с Югославией последовали и другие страны социализма. Китай, который в 1949 году даже не ответил на официальное признание Белградом КНР, теперь прислал в Белград своего посла — генерала Ву Сиучяня.

Китайский посол был поражен роскошной, по его мнению, жизнью в Югославии. Ву Сиучянь в своем отчете в Пекин писал, что югославы, наверное, уже вплотную подошли к коммунизму, в то время как Китай пока еще только начинает строить социализм[527]. Если бы Тито знал об этой депеше, он наверняка был бы доволен ею.

Тито считал, что подписание Белградской, а потом и Московской деклараций имеет огромное значение не только для Югославии, но и для других социалистических стран. Ведь они закладывали в отношения между ними и СССР принцип равноправия больших и малых государств, и такая великая держава, как Советский Союз, обязалась эти принципы соблюдать. Однако в Москве считали, что принципы, зафиксированные в декларациях, действительны далеко не для всех.

Советское руководство опасалось, что югославский опыт в создании «национальной модели» социализма станет заразительным. А в Белграде, наоборот, всячески подчеркивали свое стремление увидеть именно такой вариант развития событий. Особенно Москву беспокоили поляки и венгры. Там «брожение умов» наблюдалось уже несколько месяцев, и Хрущев был уверен, что без «руки Тито» здесь не обошлось.

В Польше ситуация стала накаляться еще весной 1956 года. В марте умер руководитель Польши — сталинист Болеслав Берут. Поиск нового лидера еще больше способствовал брожению в стране. 28 июня начались массовые рабочие демонстрации в Познани. На митингах раздавались требования ввести самоуправление и создать «рабочие советы», как в Югославии. Волнения были подавлены армией и милицией. Погибли более семидесяти человек.

«Когда случились события в Познани, — говорил Тито, — у советских людей сразу же изменилось отношение к нам… Они думали, что виноваты в этом мы, югославы»[528].

Хрущев считал, что именно Тито сможет повлиять на ситуацию в Польше, а также в Венгрии, где обстановка тоже начала обостряться. В конце сентября он неожиданно для всех отправился «на отдых в Югославию», не взяв с собой почти никого, даже супругу Нину Петровну. Дома он сказал, что «обстановка в мире не располагает к путешествиям» и что «всякое может случиться»[529].

Тито радушно встретил Хрущева. Однако каждый из них оставался на своих позициях. Однажды на ужине Хрущев излагал свои взгляды на положение в мире. «Грубо говоря, есть „чистые“ и „нечистые“ страны, — говорил он. — „Чистые“ страны — это страны социалистического лагеря. А „нечистые“ — это капиталистические. Между ними такие как Бирма, Индия». — «А Югославию вы куда зачисляете?» — ехидно поинтересовался Тито. «И у вас есть „нечистые“ элементы, — не смутился Хрущев. — А я приехал сюда, чтобы искренне вести переговоры. Я хочу, чтобы у нас были самые лучшие отношения и чтобы в будущем не было конфликтов!» — «Не сердитесь, товарищ Хрущев, — успокоил его Тито, — мы вам верим»[530].

Тогда Хрущев пригласил Тито слетать с ним на несколько дней в Крым. Тем более что там как раз отдыхали венгры, в том числе тогдашний первый секретарь ЦК Венгерской партии трудящихся Эрне Гере и один из партийных руководителей Янош Кадар. Во время правления в Венгрии сталиниста Матиаша Ракоши Кадар сидел в тюрьме как «изменник родины». Тито согласился и приказал начальнику своей охраны срочно

готовиться к поездке. Отдых Тито в Крыму должен был продолжаться девять дней — с 27 сентября по 5 октября.

Александр Федоренко, комендант «госдачи № 1», которая располагалась на склоне горы Могаби в парке Нижней Ореанды и в которой проводил свой летний отпуск Хрущев, рассказывал о настоящей панике на «объекте», когда там узнали, что в Крым едут Хрущев и Тито. Он получил от начальства указание — срочно соорудить какой-нибудь вольер, потому что Хрущев и Тито везли с собой около сотни фазанов. Под вольер приспособили беседку в парке, обтянув ее металлической сеткой. Хрущев потом часто подходил к беседке и смотрел на подарок Тито[531].

В Крыму югославам устроили поистине королевский прием. Поприветствовать «товарища Тито» съехалось чуть ли не все советское руководство — Брежнев, Кириченко, Фурцева, первый замминистра обороны маршал Гречко, председатель КГБ Серов. Тито катали на яхте «Ангара», водили в погреба винного хозяйства «Массандра», где угощали самыми лучшими винами. В Крымском заповеднике Хрущев устроил для Тито настоящую царскую охоту на оленей, о чем сообщалось в газетах. Однако вышел казус — выяснилось, что недавно на Украине запретили отстрел оленей. После этого газеты перестали освещать охотничьи «забавы» руководителей СССР и их зарубежных гостей[532].

Переговоры в Крыму шли тяжело[533]. По большому счету, Тито тогда ни о чем не удалось договориться ни с Хрущевым, ни с венграми. В октябре первым секретарем ЦК ПОРП был избран бывший генсек ЦК партии Владислав Гомулка, который тоже имел репутацию «титоиста». При Сталине он был под арестом за «правонационалистический уклон». Но остановить демонстрации Гомулка уже не мог.

19 октября 1956 года в Польшу прибыли Хрущев, Молотов, Микоян, Каганович. На Варшаву уже двигались советские войска. Гомулка буквально умолял Хрущева остановить армию. Хрущев ему поверил и даже пошел на уступки. Был, например, отозван из Польши маршал Рокоссовский, назначенный еще при Сталине польским министром обороны. В Польше удалось предотвратить большое кровопролитие и оставить ее в рядах «социалистического лагеря».

Но тут вспыхнула Венгрия. Сталинский режим в Венгрии, во главе которого стоял Матиаш Ракоши, был одним из самых жестоких. Правда, в июле 1956 года Ракоши все-таки сняли со всех постов и отправили доживать в СССР, но исправить положение это уже не могло. Тем более что вскоре нашелся и

человек, который в глазах венгров олицетворял будущие перемены. Это был Имре Надь — бывший глава венгерского правительства и один из руководителей Венгерской партии трудящихся. Ранее его снимали с государственных постов и исключали из партийного руководства за «ревизионизм».

23 октября в Будапеште состоялась многотысячная демонстрация. На центральной площади города начали рушить памятник Сталину. Демонстранты попытались проникнуть в здание радиокомитета, чтобы зачитать свои требования. Охрана открыла огонь. К тому времени и демонстранты сумели раздобыть оружие и на их сторону перешли некоторые подразделения армии и милиции. Вечером 23 октября в Будапеште уже шли бои.

Утром в город были введены советские войска. В этот же день, 24 октября, Надь был назначен премьер-министром Венгрии, а Янош Кадар — первым секретарем ЦК ВПТ. Вооруженные столкновения продолжались, хотя Надь объявил о прекращении огня, договоренности о выводе из Будапешта советских войск и пообещал распустить органы безопасности.

29–30 октября начался отвод советских войск от Будапешта. Однако на улицах города началась настоящая охота за коммунистами и сотрудниками госбезопасности. Были зафиксированы случаи по-настоящему зверской расправы над ними.

30 октября правительство Имре Надя приняло решение о восстановлении в Венгрии многопартийной системы и создании коалиционного правительства из представителей коммунистов и некоммунистических партий. Было объявлено о предстоящем проведении свободных выборов. 1 ноября Надь заявил советскому послу, что поскольку, по его данным, в Венгрию вторглись новые советские военные части, то его страна выходит из Организации Варшавского договора и провозглашает себя нейтральной страной.

Хрущев сначала не мог решиться на приказ о решительном подавлении восстания силами советских войск. Он провел консультации с китайцами, поляками, чехами, болгарами и румынами, которые поддержали силовой вариант. Оставалось еще уговорить Тито — Хрущев считал его одним из главных режиссеров венгерских событий и заранее готовился к долгой дискуссии с ним.

Сначала Хрущев пригласил Тито в Москву. Однако Тито, сославшись на плохое самочувствие, сказал, что сейчас прилететь не может[534]. Тогда сам Хрущев полетел к Тито на Бриони.

Во второй половине дня 2 ноября Хрущев и Маленков

прибыли на самолете в югославский город Пула. Этот визит происходил в обстановке полной тайны, и советских гостей встречал и сопровождал только начальник охраны Тито генерал Жежель. У него был приказ Тито: доставить советских гостей на Бриони так, чтобы никто из посторонних не заметил их.

Сначала кортеж из нескольких машин, подпрыгивая на разбитых проселочных дорогах, доставил Хрущева и Маленкова к яхте «Подгорка». Далее путь продолжился на яхте по довольному бурному морю, под свист ветра. Когда они дошли до острова, Хрущев выглядел очень усталым, а Маленков едва держался на ногах от приступов морской болезни.

На Бриони их встретил Тито. Они обнялись и расцеловались как старые друзья. «В самолете мне было еще хуже, чем во время войны!» — пожаловался Хрущев. «А морская прогулка была еще хуже», — добавил Маленков[535].

Несмотря на усталость и наступавшую ночь, советские и югославские делегации сразу же приступили к переговорам. Вместе с Тито гостей принимали Кардель, Ранкович и посол в Москве Мичунович. Переговоры продолжались 10 часов, причем не велось никаких протоколов этой «тайной вечери».

Хрущева ждал приятный сюрприз — Тито почти без оговорок поддержал решение советского руководства о применении войск. «Надо разгромить контрреволюцию», — сказал он и начал горячо доказывать необходимость этого мероприятия[536].

Еще 31 октября была достигнута договоренность о создании нового правительства Венгрии во главе с Яношом Кадаром. План ввода советских войск в Будапешт, разработанный под руководством маршала Жукова, получил название «Вихрь».

Операция началась рано утром 4 ноября. Официально советские войска входили в город по приглашению нового правительства Кадара. Операция развивалась быстро — основные очаги сопротивления были подавлены за два-три дня, хотя отдельные бои продолжались еще почти две недели. Имре Надь и его соратники укрылись в югославском посольстве в Будапеште.

Югославы хотели вывезти Надя к себе, но в Будапеште и Москве были против этого. Там предлагали другие варианты: например, отправить Надя в Румынию. В Белграде требовали веских гарантий его безопасности. Переговоры затягивались, и Хрущев был крайне раздражен действиями Тито, считая, что тот ведет двойную игру[537].

В конце концов Янош Кадар дал письменные гарантии безопасности Имре Надя и других беженцев. Дальше произошло следующее. Вечером 22 ноября перед югославским посольством

остановился автобус. В него сели Имре Надь и другие венгры, находившиеся под защитой югославов. После этого автобус поехал прямо в ставку советского командования, где югославов вежливо попросили удалиться, а автобус с Надем в сопровождении двух советских танков отбыл в неизвестном направлении[538].

Югославское правительство в своей ноте осудило венгерские действия как нарушение предварительного соглашения, однако правительство Яноша Кадара ответило, что Надь и сопровождавшие его коллеги по их просьбе были отправлены в Румынию в соответствии «с их прежними пожеланиями удалиться на территорию другой социалистической страны».

Позже Надь был снова доставлен в Венгрию, где после тайного суда повешен 16 июня 1958 года вместе с двумя другими своими соратниками. Жестокость этого приговора изумила многих. Тито направил Кадару протест. 19 декабря 1958 года Генеральная Ассамблея ООН тоже осудила казнь Надя.

Для Тито это был сильный удар — он понимал, что его попросту обманули. Он обвинял во всем Хрущева. Но многие уверены, что главную роль в казни сыграл Янош Кадар. Хрущев якобы даже звонил в Будапешт с предложением помиловать бывшего премьера, но Кадар уперся.

После подавления восстания Тито заявил, что венгерские сталинисты виноваты сами — «они посеяли ветер, а пожали бурю». Вместе с тем он указал и на ошибки правительства Имре Надя. «Если бы правительство Надя решительно выступило против анархии и убийств коммунистов реакционными элементами… может быть, ситуация развивалась бы по другому, правильному пути и, может быть, дело не дошло бы до интервенции. А что сделал Надь? Он призвал народ к оружию против советской армии и обратился к западным странам с просьбой вмешаться»[539].

«Что сейчас меньшее зло? — спрашивал Тито. — Хаос, гражданская война, контрреволюция и новая мировая война или советская интервенция? Первое — катастрофа, а второе — зло. Если мы хотим спасти социализм в Венгрии, тогда мы должны и найти в себе силы сказать это: хотя мы и против вмешательства, но советская интервенция была нужна». Он подчеркнул, что Югославия будет поддерживать правительство Кадара, несмотря на то, что советские товарищи, по словам Тито, тоже несут ответственность за то, что видели и не исправили ошибки прежнего венгерского руководства[540].

Все это было так, но, как вспоминал сын Хрущева Сергей, казни Надя Тито никогда не простил ни Кадару, ни самому

Хрущеву. «Этот акт по справедливости навлек позор не только на голову Яноша Кадара, но и на голову отца, — писал Хрущев-младший. — В течение всех оставшихся лет призрак Надя стоял между отцом и Тито»[541].

«Новый экономический курс»

6 ноября 1956 года, выступая на заседании Исполнительного комитета ЦК СКЮ, Тито заявил: «Нужно иметь в виду, что основную роль и в Венгрии, и в Польше сыграл жизненный уровень. Русские здесь только форма. Не стоит с этим шутить, и не думайте, что это не может иметь отголоска и в нашей стране». Кардель же с нескрываемым ужасом добавил: «За 14 дней уничтожено все, что делали 10 лет»[542].

Если советские руководители считали, что участники восстаний в Польше и Венгрии во многом ориентировались на югославский опыт строительства «независимого социализма», то в Белграде не на шутку опасались, что и в самой Югославии может произойти что-то подобное. К тому времени энтузиазм, вспыхнувший в массах после объявления курса на «самоуправленческий социализм», иссяк.

Уровень жизни населения продолжал оставаться низким. 29 октября 1954 года в студенческом городке Белградского университета вспыхнул настоящий бунт. Он начался с того, что студентам повысили плату за общежитие и питание в столовой. Происходили стихийные выступления и в других городах Югославии.

Тито был очень обеспокоен ситуацией в стране. И прекрасно знал ее причину. Югославия, как и другие страны Восточной Европы, начала в послевоенные годы программу ускоренной индустриализации. Считалось, что без своей тяжелой промышленности социализм построить невозможно. Возведение металлургических, машиностроительных и оборонных предприятий требовало огромных средств и шло за счет тех отраслей экономики, которые позволили бы повысить уровень жизни населения. К середине 1950-х годов — еще до польских и венгерских событий — Тито уже понимал, что положение надо исправлять. Но как?

Сначала все происходило по старым, коммунистическим рецептам. Тито несколько раз публично объявлял, что в трудностях виноваты спекулянты, расхитители и агенты капитализма. Но этот номер не прошел. Все понимали, что никакие спекулянты не могли стать причиной всеобщего дефицита.

Надо отдать Тито должное — он тоже довольно быстро понял, что подобные методы уже неэффективны. 27 июля на митинге в городе Карловцы Тито провозгласил, что стране нужна передышка. «Прошло то время, когда мы спешили, — сказал он. — Мы должны на этот раз строить те предприятия, которые как можно скорее дадут продукцию… чтобы их продукция послужила подъему уровня жизни»[543]. Тито дал понять, что правительство намерено наконец-то прекратить индустриализацию за счет народа.

28 сентября 1955 года состоялось расширенное заседание Исполкома ЦК СКЮ. Оно констатировало критическую ситуацию в экономике и ухудшение положения трудящихся. Была названа и причина — чрезмерное увлечение строительством тяжелой промышленности. 27 ноября эти решения подтвердил и конкретизировал IV Пленум Союзного комитета ССТНЮ (Социалистический союз трудового народа Югославии), на котором выступил Тито. Главными задачами теперь провозглашались укрепление и постепенный рост жизненного уровня населения. Для этого планировалось стимулировать развитие отраслей, производящих предметы потребления, расширять жилищное строительство, поднять сельскохозяйственное производство. С другой стороны, провозглашался курс на экономию, рационализацию и модернизацию, борьбу с хищениями и расточительностью, повышение производительности труда. Обстановка в стране такова, предупредил Тито, что она может привести к очень тяжелым последствиям, а ответственность, добавил он, «в полной мере падет на нас»[544]. Политика, которую начало проводить югославское правительство с 1956 года, получила название «нового экономического курса».

«Новый экономический курс» был крайне противоречивым. С одной стороны, провозглашалась задача подъема уровня жизни населения, с другой — первые антикризисные меры ударяли как раз по большей части этого же населения.

В конце 1955 года было приостановлено строительство 389 объектов тяжелой промышленности. Работавшие на этих стройках люди лишались работы. Власти изыскивали различные способы, чтобы сократить число различных выплат и пособий. Увольнение работников могло происходить без выплаты двухмесячного пособия, которое в обязательном порядке полагалось увольняемому раньше.

Некоторая либерализация произошла в области сельского хозяйства и во внешней торговле. Но право свободно торговать с заграницей получили не более пяти процентов предприятий, к

тому же вся валютная выручка предприятий уходила в центр. Курс динара по-прежнему определялся не валютным рынком, а Народным банком Югославии. Тем не менее финансовая ситуация государства в 1956 году несколько улучшилась. Устранение «угрозы с Востока» и решение триестской проблемы снимали вопрос о войне. К 1956 году армию, насчитывавшую 500 тысяч человек, сократили на 100 тысяч. Началась и перестройка оборонных предприятий — теперь они пытались выпускать продукцию гражданского назначения.

Внешний долг Югославии к тому времени составлял около 400 миллионов долларов. Тито не раз подчеркивал, что трудности в стране связаны и с тем, что Югославии приходится оплачивать долги. Но это было не совсем так. Югославское правительство делало все, чтобы максимально отсрочить эти платежи. И Запад, на долю которого приходилась львиная доля югославских долгов, пошел Тито навстречу. В 1955 году платежи Югославии по внешнему долгу составили около 9 миллиардов динаров (около 30 миллионов долларов) вместо 16 миллиардов (примерно 80 миллионов долларов)[545].

Все средства, освободившиеся в результате этого, планировалось бросить на обеспечение «нового курса». За пять лет планировалось построить 200 тысяч квартир, повысить зарплату на 20–50 процентов для различных категорий рабочих. Провозглашалось, что именно личное потребление должно стать одним из основных показателей, по которому можно было бы судить о развитии экономики.

Однако все это были планы на будущее, а положительные результаты нужны были Тито и его окружению как можно скорее. Призрак венгерских событий витал у них перед глазами.

В этот сложный для Тито момент снова в центре внимания оказался Милован Джилас. Он нарушил свое политическое молчание и в нескольких интервью западным журналистам однозначно высказался в поддержку «венгерской революции». Джилас критиковал двойственное отношение к Венгрии югославского правительства, которое показало себя «не способным отойти от своих узких идеологических и бюрократических классовых интересов» и предало «те принципы равенства и невмешательства во внутренние дела, на которых основывались все его успехи в борьбе с Москвой»[546].

Это было еще не все. К этому времени Джилас уже закончил свою книгу «Новый класс», в которой доказывал, что существующие на тот момент социалистические общества на самом деле уже переродились в эксплуататорские и бюрократические системы. Речь шла не только о Советском

Союзе, но и о Югославии, и Джилас этого не скрывал.

Напечатать такую работу в Югославии было невозможно. Рукопись «Нового класса» тайно вывезли в Вену. Но, когда это случилось, Джилас уже сидел в тюрьме.

Формальным поводом для его ареста стала статья о венгерских событиях в британском журнале «Нью лидер». Утверждая, что Джилас нарушил свое обязательство воздерживаться от «враждебной пропаганды», власти отменили отсрочку исполнения приговора о тюремном заключении, вынесенного в прошлом году, и 12 декабря 1956 года Джилас был приговорен к трем годам заключения в условиях строгого режима.

Тем временем в Нью-Йорке был издан «Новый класс». На Западе книга произвела эффект разорвавшейся бомбы. Джилас тут же был назван «диссидентом номер один» во всем «восточном блоке». 11 августа 1957 года «Борба» заявила, что «Новый класс» написан «языком и психологией геббельсовской пропаганды»[547].

Против Джиласа возбудили еще одно уголовное дело — по обвинению во враждебной пропаганде и добавили ему срок — теперь он должен был отсидеть в тюрьме 7 лет в строгой изоляции. Его также лишили всех государственных наград, в том числе и высшего ордена страны — ордена Народного героя.

В тюрьме Джилас напишет книгу «Несовершенное общество: за новым классом» и выйдет на свободу в начале 1961 года. Его освободят условно. Однако вскоре он снова окажется в тюрьме. Для Тито он был постоянной головной болью.

Но это еще было впереди. Пока же Тито нужен был не только «кнут», который испытал на себе Джилас, но и «пряник» — быстрые и эффективные меры, которые быстро смягчили бы ситуацию. Поиск такого решения привел югославское руководство, можно сказать, к историческому шагу. Он стал определяющим для всего остального периода существования социалистической Югославии. 6 ноября 1956 года на заседании Исполнительного комитета ЦК СКЮ было принято решение резко увеличить импорт иностранных потребительских товаров, чтобы наполнить ими югославский рынок. Для этих закупок планировалось взять дополнительные кредиты за границей.

Тито и другие лидеры Югославии понимали опасность иностранной финансовой зависимости. И Восток, и Запад пытались с помощью кредитов оказывать давление на Югославию. После 1958 года, когда наступило новое «похолодание» в советско-югославских отношениях, Москва отказала Тито в кредитах, которые совсем недавно обещала. Однако из-за этого «похолодания» на Тито посыпались американские деньги. Но

когда в 1961-м Тито выступил в роли одного из «отцов-основателей» Движения неприсоединения, американцы решили, что он играет роль «руки Москвы» в третьем мире, и кредиты Югославии были значительно урезаны. Правда, к этому времени у Белграда уже снова наладились отношения с Москвой.

Благодаря такому искусному лавированию Тито, кредиты поступали в Югославию практически без перерыва. В 1957–1961 годах Югославия получила примерно 1,7 миллиарда долларов.

«Новый экономический курс» не решил всех социальных проблем. Многие рабочие были недовольны увеличением доходов государственных служащих и администрации предприятий. Было даже зафиксировано такое высказывание рабочего из города Обреновац: «Всех, кто сидит в канцеляриях, надо поубивать»[548]. Но при всем этом объявленная Тито «передышка» выполнила свою главную задачу. Уровень жизни населения повысился, и призрак повторения венгерских событий в Югославии, казалось бы, отступил.

Хрущев «отлучает» Тито от марксизма

1957 год стал временем напряженных, а порой и резких дискуссий между югославами и Москвой. «Для них мы ревизионисты, — заметил Тито на встрече с делегацией итальянской социалистической партии в апреле 1957 года. — Но некоторые „ревизионистские“ идеи они потихоньку у нас воруют»[549].

30 июля 1957 года приема у Тито попросил советский посол в Белграде Николай Фирюбин. Он передал югославскому президенту предложение Хрущева — встретиться наедине и обсудить все накопившиеся между ними проблемы. Тито согласился. Встречу решили провести в Румынии, в городке Снагов — в пятидесяти километрах от Бухареста. О предстоящей встрече знал только румынский руководитель Георгиу-Деж.

Тито отправился в Румынию на корабле по Дунаю. Тайная встреча с Хрущевым проходила 1–2 августа в одном из старинных замков Снагова. Этот город известен еще и тем, что в Снаговском монастыре, по преданию, был убит и тайно захоронен знаменитый господарь Влад Цепеш, граф Дракула, — самый знаменитый вампир всех времен и народов. Впрочем, мрачные легенды отнюдь не мешали Хрущеву и Тито. Наоборот — их настроение было приподнятым.

Тито остался доволен этой встречей. Вернувшись в Белград, он сказал своим соратникам, что «теперь мало что может помешать нашему всестороннему сотрудничеству и дружеским

отношениям». Однако он ошибался.

С 8 по 14 октября в Югославии находился министр обороны СССР, Маршал Советского Союза Георгий Жуков. Его принимали с почетом и уважением, называя в газетах не иначе как «легендарным полководцем». Жуков в телеграммах Хрущеву сообщал, что югославские руководители хотели бы «неограниченных дружеских взаимоотношений с Советским Союзом» в военной области, а вот в дружбу с США они «влезать не хотят».

И все же Тито высказал Жукову некоторые из своих обид на советское руководство. Например, в тезисах ЦК КПСС к 40-летию Октябрьской революции и среди упомянутых в них соцстран Югославия была поставлена на последнее место. Тито это задело. «Мы с вами по-настоящему дрались в дни Октября, во Второй мировой войне, многие сотни тысяч югославов сложили свои головы за наше общее дело, — говорил он, — а по тезисам не мы, а болгары активно боролись все время вместе с вами против империализма». Жуков возразил, что сначала перечисляются страны, входящие в социалистический лагерь, а потом уже и Югославия. Тито на это ответил: «Нам горько и обидно, когда речь идет о 40-й годовщине Октября. В других случаях мы не возражаем»[550]. «Я лично, — заключал Жуков, — считаю, что этот вопрос заслуживает того, чтобы его серьезно обсудили в ЦК КПСС».

Жукову показали авиадивизию, на вооружении которой находились американские истребители «Сейбр». При этом министр обороны Югославии Иван Гошняк откровенно говорил, что югославы хотят поскорее освободиться от американской военной помощи. Если советское правительство отнесется к югославам с пониманием, заметил Гошняк, то они могут передать советским товарищам в секретном порядке образцы новой военной американской техники — самолет «Сейбр», танк «Паттон»; тренажер для обучения полетам, радиолокационные средства и т. д. Жуков заверил, что советское руководство отнесется с должным вниманием к пожеланиям югославских товарищей[551].

На следующий день Жуков улетел в Албанию, и этот визит на Балканы стал «лебединой песней» знаменитого маршала. Когда он вернулся в Москву, то был снят со всех своих постов и уволен из армии по обвинениям в «бонапартизме и нарушении ленинского принципа руководства Вооруженными силами». Хрущев избавлялся от влиятельного конкурента в борьбе за власть. Осталось неизвестным, учел ли он рекомендации Жукова в отношении Югославии или ему в те октябрьские дни уже было

не до них…

Тем временем приближалось 40-летие Октябрьской революции. Накануне годовщины Тито принял корреспондента журнала «Огонек» Генриха Боровика и дал ему большое интервью. Тито подчеркнул, что революция «открыла новую эру в истории человечества… и оказала огромное влияние на революционное движение во всем мире». Он вспоминал и о своем участии в событиях Октября 1917 года, хотя и оговорился, что оно было «весьма скромным». Тито рассказывал о своей жизни в России с удовольствием — ему приятно было вспоминать дни своей бурной молодости. «Главное — что я был свидетелем всех этих событий и сам видел очень многое»[552], — сказал он.

7 ноября в газете «Борба» появилась большая статья Тито, посвященная 40-летию революции, в которой он писал, что «народы Югославии отмечают эту великую дату в истории вместе с народами Советского Союза, странами социализма и рабочим классом всего мира»[553].

Тито долго раздумывал — ехать ли ему в Москву на празднование 40-летия Октября? Сначала он склонялся к тому, чтобы ехать, но потом передумал.

В Москве как раз в ноябрьские дни должно было состояться очередное Совещание представителей коммунистических и рабочих партий мира, и Тито не очень-то хотелось видеться с некоторыми из его делегатов. В своем дневнике генерал Жежель записал размышления маршала, которыми тот делился с ним. «Не знаю, что и делать, — сомневался Тито. — Ехать ли в Москву? Я говорил об этом с Марко (Ранковичем. — *Е. М.)*. Ему это тоже не нравится, хотя он говорит, что мы должны были бы поехать на празднование 40-летия Октябрьской революции. Это правда… но я не хочу там встречаться с различными негодяями, такими, как, например, Энвер Ходжа. Не хочу ни с ним, ни с похожими на него вести никаких политических переговоров. Да пошли они к черту! Тексты Энвера Ходжи и сегодня печатают в Москве тиражами в сто тысяч экземпляров. Его статьи оскорбляют нашу историю и наш народ… Поэтому, Жежель, езжай в Белград и все останавливай без лишнего шума»[554].

Совещание компартий планировалось провести в два этапа. В первом, 14–16 ноября, должны были принять участие представители двенадцати партий. Приглашали и югославов. В ЦК СКЮ получили из Москвы проект декларации, которую должно было принять Совещание. Но, изучив этот проект, Тито и руководство СКЮ пришли к заключению, что он «не отвечает ни интересам социалистических стран, ни улучшению международной ситуации вообще». Югославы направили в

Москву подробное обоснование своей позиции:

1) ряд оценок в декларации противоречит позициям, которые занимает СКЮ в отношении военных блоков и социалистического лагеря, а кроме того, югославские коммунисты считают, что социализм сегодня неидентичен государственным границам социалистических стран;

2) СКЮ на руководящую роль СССР в рабочем движении смотрит иначе — он признает, что Советский Союз имеет самые большие обязанности и самую большую ответственность перед рабочим движением, однако это не значит, что он является арбитром в идейных, организационных и других вопросах борьбы за развитие и укрепление социализма в мире;

3) в декларации вопрос борьбы против ревизионизма поставлен с ног на голову, а некоторые определения означают косвенное осуждение позиций и практики СКЮ, а с другой стороны, не подвергается критике настоящая ревизия марксизма-ленинизма, которую произвели Сталин и другие догматики.

Но югославская делегация все-таки поехала в Москву — ее возглавлял Кардель. Хрущев попытался убедить его участвовать в работе Совещания и подписать декларацию, а когда понял, что из этого ничего не выйдет, разозлился и, как вспоминал Кардель, начал кричать и обвинять югославов в двурушничестве. «Если бы здесь был Тито, мы бы договорились, — сокрушался Хрущев. — Он бы наверняка подписал декларацию».

Когда Кардель, возвратившись в Белград, рассказывал Тито об этих разговорах, югославский президент довольно посмеивался. 6 декабря он принял на Бриони американского посла Ридлберга и заявил ему, что Югославия больше не будет принимать военную помощь от США, поскольку она наносит вред ее репутации как независимой страны. «Теперь будут недовольны и Эйзенхауэр, и эти, в Москве… — говорил Тито Карделю. — Товарищу Хрущеву это явно не понравится, так как у него теперь не будет „аргументов“ — они выбиты у него из рук»[555].

Однако югославы согласились участвовать во втором этапе Совещания в Москве 16–19 ноября, в котором принимали участие представители 64 партий. Совещание приняло Манифест мира, и делегация СКЮ вместе с другими партиями поставила под ним свою подпись. Содержание Манифеста у югославов не вызвало возражений.

В феврале 1958 года известный американский журналист Лео Сульцбергер спросил у Тито: кто на него оказал самое большое влияние? Тито ответил, что для него всегда был примером Ленин. «Для меня Ленин всегда был великим человеком, который умел творчески применять марксизм в революционной практике», —

заметил Тито[556].

Тито был уверен в том, что югославы тоже творчески применяют марксизм к современным условиям. Это касалось и нового проекта Программы СКЮ, которую должен был принять очередной, VII съезд партии. Она систематизировала концепцию югославского «самоуправленческого социализма» и в то же время существенно расходилась с Декларацией совещания коммунистических и рабочих партий, принятой в Москве в ноябре 1957 года.

В Программе осуждался как «сталинизм», так и «буржуазный ревизионизм». Осуждались «догматизм» и «бюрократизм». Отвергалась идея монополии какой-либо партии и страны в международных отношениях. Объявлялось, что «диктатура пролетариата» — «священная корова» для коммунистов — должна иметь временный характер на пути к отмиранию государства. Указывалось, что роль государства должна постоянно уменьшаться, а управление экономикой, культурой, социальной политикой постепенно передаваться «общественным органам».

Производители, трудовые коллективы и общественные организации объявлялись главными «носителями социалистического общественного развития». Цель социализма, подчеркивалось в проекте, состоит в обеспечении «освобождения труда и постоянного расширения свободы личности».

Ряд положений Программы носил, однако, весьма противоречивый характер. Ведущей силой социализма объявлялись «непосредственные производители» и общественные организации, но вместе с тем подчеркивалось, что СКЮ является «руководящей и ведущей» силой общества. Признавалась роль «рабочих советов», но тут же уточнялось, что они являются не более чем «массовой школой социализма». Провозглашалось право частной собственности для «индивидуальных производителей» и крестьян, но тут же определялась и задача государства: «эффективными административными мерами ликвидировать право на использование наемной рабочей силы». Говорилось о важности законов экономического развития и тут же о «решающей роли государства в формировании цен». Программа провозглашала свободу творчества в науке, искусстве, литературе и т. д., но предупреждала о недопустимости использования этой свободы в интересах реакционных сил[557].

В новой Программе СКЮ как в зеркале отразились все противоречия развития Югославии. Партия выступала за реформы, но только в тех границах, которые она сама же и определяла: однопартийная система и ограничение частной собственности.

Но проект Программы СКЮ резко выделялся на фоне других сухих и догматических коммунистических документов своим главным посылом: «Ничего из того, что уже создано, не может быть для нас настолько свято, что его нельзя заменить тем, что еще прогрессивнее, еще свободнее и еще человечнее». От Программы явно веяло «социализмом с человеческим лицом», о котором в полный голос заговорят только десять лет спустя.

Югославы заранее послали в Москву этот документ для ознакомления, хотя могли этого и не делать. В ответ они «получили по полной программе» — проект подвергся критике со стороны не только КПСС, но и других «коммунистических и рабочих партий». VII съезду СКЮ была устроена настоящая обструкция. 5 апреля 1958 года Тито получил письмо от ЦК КПСС за подписью Хрущева, в котором сообщалось, что делегация КПСС не будет присутствовать на съезде из-за несогласия с проектом Программы СКЮ. Вскоре залп по Программе дал главный советский теоретический журнал «Коммунист».

Почти все компартии соцстран решили не присылать свои делегации на съезд, а, по примеру КПСС, ограничились «наблюдателями». Приглашения были посланы также социалистам и социал-демократам, однако крупные партии отказались прислать свои делегации в знак протеста против поддержки Тито советской интервенции в Венгрию и ареста Джиласа. Таким образом, съезд начал работу в ситуации «полубойкота».

VII съезд СКЮ проходил в Любляне 22–26 апреля 1958 года. В нем принимали участие 1795 делегатов, которые представляли 775 тысяч членов СКЮ. С отчетным докладом от имени ЦК выступил Тито. Он сказал, что, к сожалению, «весьма ответственные руководители» соседних стран «не извлекают уроков из прошлого, а снова начинают точить старое и ржавое оружие Коминформа»[558].

Выступления Карделя и Ранковича были гораздо более резкими. Разразился даже скандал — «наблюдатели» начали покидать зал заседаний. На съезде остался лишь польский представитель, да и тот потом оправдывался, что в этот момент он как раз заснул[559].

Новая Программа СКЮ на съезде была принята, и это стало поводом для еще большего давления на Югославию с Востока.

Югославскому съезду придавалось столь важное значение, что Президиум ЦК КПСС поручил Хрущеву выступить на Пленуме ЦК с информацией об отношениях с Югославией и сущности «югославского ревизионизма»[560]. «Товарищеская критика» СКЮ и Югославии развернулась на всю катушку. Хрущев назвал

Югославию «троянским конем, с помощью которого западные империалисты хотят разрушить социалистический лагерь». Тито ответил ему в своем едком стиле. «Товарищ Хрущев, — сказал он, — часто повторяет, что социализм нельзя построить с американским зерном. Я думаю, что это может сделать каждый, кто знает, как его строить, а кто не знает… тот не построит его даже с собственным зерном»[561].

Был отменен готовящийся визит в Югославию председателя Президиума Верховного Совета СССР Ворошилова. На Белград снова попытались оказать экономическое давление. В каком-то смысле повторялась ситуация 1948 года.

Но теперь положение Тито было совсем не таким, как десять лет назад. Запад помогал ему деньгами и товарами — лишь бы он не перешел окончательно в «социалистический лагерь». Новые проблемы в отношениях между Белградом и Москвой вызвали в США и Западной Европе прилив энтузиазма. Там подумали, что Тито снова «качнулся» в сторону Запада, и решили подкрепить эти колебания материально. Как только стало известно о резком сокращении советской экономической помощи, на Югославию буквально тут же полился «дождь» американских, английских и французских кредитов. Только в 1959 году Югославия получила 170 миллионов долларов.

Западная помощь Югославии действовала на Хрущева как красная тряпка на быка. Но, по его словам, суть разногласий с югославами состояла в том, что «югославские ревизионисты отрицают необходимость международной классовой солидарности, отходят от позиций рабочего класса» и заявляют, что в мире существуют два блока, два военных лагеря, а они сами находятся «вне блоков». «Лидеры Союза коммунистов Югославии, — говорил он, — очень обижаются, когда мы говорим им, что они сидят на двух стульях. Они уверяют, что сидят на своем, югославском стуле. Но почему-то этот югославский стул очень поддерживается американскими монополиями! И именно поэтому от „внеблоковой“ позиции… основательно попахивает духом американских монополий, которые подкармливают „югославский социализм“». Политика югославских руководителей, заявлял он, «может привести к потере социалистических завоеваний югославского народа»[562].

Вслед за Хрущевым к критике программы присоединились и другие руководители социалистических стран, в первую очередь Мао Цзэдун. Но громы и молнии с Востока Тито не пугали. Как-то в узком кругу своих соратников Тито признался, что даже доволен тем, что вокруг новой Программы СКЮ поднялся такой шум — потому что он показал, что КПСС и ее союзники не могут

противопоставить югославам ничего нового — даже собственной новой программы, хотя уже три съезда КПСС подряд создавали комиссии по ее разработке. «Комиссии создают, а программы все нет», — иронически заметил Тито.

Летом 1959 года Тито принял в своей резиденции на Бриони группу бразильских журналистов. Среди прочих многочисленных вопросов они задали ему и такой: «К кому вы сейчас ближе — к США или к СССР?» Тито, усмехнувшись, ответил: «Географически мы ближе к СССР»[563].

Серо-буро-малиновая страна

Когда я был школьником, то любил рассматривать толстенную книгу «День мира», которая была у родителей. Эта книга выходила один раз в 25 лет (кажется, их было всего три) и рассказывала о том, как в разных странах люди провели один день. В той, которая была у нас, рассказывалось, помнится, о событиях 27 сентября 1960 года. Еще в ней имелась большая разноцветная карта мира. Страны социализма обозначались красным цветом, а капитализма — желтым. Среди них выделялось какое-то серо-буро-малиновое государство на юго-востоке Европы. Это была Югославия. И действительно — ведь тогда, при Хрущеве, она не совсем подходила под определение «капиталистической», но и до социализма с советской точки зрения недотягивала.

Тито обещал стране передышку и сдержал свое слово. Он очень точно уловил, что она нужна была населению именно сейчас, а не когда-нибудь в далеком будущем. Измотанному войной, индустриализацией, борьбой со Сталиным населению хотелось улучшения обычной жизни, и игнорировать это желание было трудно. И Тито в отличие от многих других коммунистических руководителей очень хорошо понимал политическое значение этого желания.

В конце 1950-х годов происходит бурный рост уровня жизни югославских граждан. К октябрю 1959 года было куплено 40 тысяч холодильников, что на 25 тысяч больше, чем в предыдущем году. Выросло также число приобретенных стиральных машин (12 тысяч против 7700), швейных машин (42 тысячи против 23 тысяч), телевизоров (12 тысяч против 6 тысяч) и т. д.[564] Началось регулярное вещание первого канала телевидения Югославии — из Загреба. Сначала телепрограммы могли смотреть всего лишь 300 владельцев телевизоров. Для просмотра телевизора жители города по вечерам собирались в кафе, куда набивалось по 100 человек.

Невероятными для соцстран темпами шли покупки частных автомобилей: с 1955 по 1961 год они увеличились в шесть раз и достигли 78 тысяч штук[565]. Тогда же (впервые в Восточной Европе) было подписано соглашение с итальянским автоконцерном «Фиат» о производстве в Югославии, а точнее, на предприятии «Црвена застава» («Красное знамя») в Крагуевце автомобилей «Фиат-750» и «Фиат-1300». Вообще после урегулирования вопроса о Триесте связи с Италией развивались очень быстро: итальянская популярная музыка, к примеру, быстро завоевала Югославию, а по образу и подобию знаменитого фестиваля в Сан-Ремо югославы стали проводить свои собственные музыкальные фестивали в Опатии, Загребе или Сплите. Именно из Италии первые получившие заграничные паспорта югославы привозили в свою страну в конце 1950-х джинсы, пластинки и другие предметы, символизирующие «разлагающийся Запад». Кстати, чаще всего югославы посещали для этих целей рынок «Понте росо» в Триесте. Югославы теперь приезжали в Триест фуникулером и автобусами на уикэнд или шоп-тур[566].

Когда-то молодой Иосип Броз пришел в Триест пешком из Любляны, надеясь устроиться здесь на работу, и в изумлении разглядывал огромные океанские лайнеры. Через 30 лет его войска с боями взяли этот город, а потом из-за него могла начаться и война между Италией и Югославией. Теперь же Триест стал символом «нового курса» Тито[567]. Граждане Югославии приезжали сюда за покупками или просто посидеть в ресторанах и барах.

Туризм становился все более выгодным и доходным делом, а обслуживание иностранцев — тем более. В Югославии, как в стране с ярко выраженными «мачистскими» традициями, все наиболее «престижные» места в этой отрасли стали занимать мужчины. Как-то на встрече с Тито делегация женщин пожаловалась ему, что в сугубо «женских» профессиях становится все больше и больше здоровенных мужчин. Тито согласился. «Иногда смотришь, как в ресторане здоровый мужик с широченными плечами несет маленькую тарелочку, и думаешь: а ведь он мог бы и бревно носить! — сказал он. — Когда я вижу таких мужчин… у меня возникает впечатление, что я на Ближнем Востоке, где тебе и постель готовит этакий „султан“ в красной шапке на голове»[568]. Справедливости ради надо заметить, что с того времени в бывшей Югославии мало что изменилось…

В Югославию зачастили западные звезды кино, эстрады и спорта: Ив Монтан с Симоной Синьоре, Вивьен Ли и Лоуренс Оливье, Диззи Гиллеспи со своим джаз-оркестром, известное

джазовое трио «Питерс систерс», звезда Голливуда Элизабет Тейлор, американские баскетболисты, которых в югославских газетах восхищенно называли «циркачами с мячом», и, наконец, футбольная сборная Италии. Югославы буквально разгромили одну из будущих сильнейших команд мира со счетом 6:1. Позже югославы так же легко разгромили в Белграде англичан — 5:0. Это ли было не доказательство успехов страны, которой руководил Тито?

Поскольку с конца 1950-х годов практически все югославы имели право свободного выезда из страны, безработные ринулись искать счастья и удачи все на том же Западе. Югославские «гастарбайтеры» (в дословном переводе с немецкого «рабочие-гости») на многие годы наводнили Германию, Австрию, Швецию, Францию.

Официально югославские власти не поддерживали такую эмиграцию. Но эмигранты присылали своим родственникам в Югославии деньги и вещи. В 1959 году денежные переводы из-за границы превысили 25 миллионов долларов, а стоимость привезенных из-за границы товаров — 10 миллионов долларов[569]. «Гастарбайтеры» тоже способствовали снижению социальной напряженности в стране.

Социальные расходы в этот период тоже росли быстрыми темпами. На одном из совещаний шла речь о том, что они растут так быстро, что это уже становится опасно для экономики страны — она их не выдержит. «Конечно, — ехидно заметил Тито, — ведь еще не все бывшие жандармы получили пенсии»[570].

Итак, «передышка» в Югославии действительно наступила. Но за счет чего? Ответ однозначен: в основном за счет иностранных кредитов. Но обратной стороной этой жизни стала растущая зависимость страны от финансовых вливаний Запада. Импорт рос неимоверно быстрыми темпами, а экспорт, наоборот, медленно. В этом смысле цель «нового экономического курса» — вывести Югославию на мировой рынок в качестве равноправного игрока с развитыми экспортными возможностями — оказалась полностью проваленной.

На одной из встреч Тито спросил у Хрущева, зачем он так ругает югославов. «Когда идет драка, палку не выбирают», — попробовал отшутиться советский руководитель. Но Тито, как ни странно, к его выпадам относился без злости и даже снисходительно. Однажды американский журналист поинтересовался, что он думает о Хрущеве. «Думаю, что этот человек хочет мира, — ответил Тито. — Сохранение мира и соревнование в области экономики — это, по-моему, главная идея Хрущева, и он считает ее своей миссией…» — «А как нам убедить

Хрущева, что и мы хотим мира?» — спросил американец. «Нужно разговаривать и еще раз разговаривать, — сказал Тито, — и тем самым устранить взаимное недоверие»[571].

И действительно, казалось, что Советский Союз и Запад стремятся найти общий язык и наладить сотрудничество. В сентябре 1959 года Хрущев совершил визит в Америку, который произвел настоящую сенсацию. Однако все испортил тайный полет американского разведчика U-2 над Советским Союзом, сбитого под Свердловском. В мире снова резко «похолодало».

В начале сентября 1960 года Тито решил поехать в Нью-Йорк на XV сессию Генеральной Ассамблеи ООН. Он добирался до Нью-Йорка на британском трансатлантическом лайнере «Куин Элизабет», который отходил из французского порта Шербур, до которого Тито доехал на своем «голубом поезде». На судне рядом с британским был поднят и югославский государственный флаг.

В Нью-Йорке Тито остановился в здании югославского представительства в ООН на Пятой авеню. Ситуация для службы безопасности маршала была очень сложной. Представители сербской и хорватской эмиграции проводили почти круглосуточные акции протеста. У здания представительства ФНРЮ в ООН дежурили эмигранты, которые кричали: «Палачи!», «Бандиты!», «Убийцы!» Были избиты двое сотрудников представительства. Дело осложнялось еще и тем, что губернатор штата Нью-Йорк Нельсон Рокфеллер заявил, что понимает чувства демонстрантов.

Возможность покушения на Тито рассматривалась всерьез. Для его охраны привлекли даже моряков югославских торговых судов, которые в эти дни пришли в Нью-Йорк. И не зря. 23 сентября перед зданием югославского представительства произошло настоящее побоище. В представительство постучались два человека с металлическими чемоданчиками, которые представились электриками. Охране они показались подозрительными, и она их не пустила. Однако их попытались втолкнуть внутрь демонстранты. Завязалась потасовка, к ней присоединились югославские моряки. Во время драки был убит один из эмигрантов. Демонстрации стали прекращаться, только когда югославы предприняли контрмеры — начали арестовывать родственников эмигрантов[572].

Тито выступил на Генеральной Ассамблее ООН 21 сентября — сразу после президента США Эйзенхауэра. Его речь, в которой он говорил о важности мирного сосуществования, сотрудничества и — особенно — роли в этом процессе «внеблоковых» стран, встретили тепло. Но не он стал «героем» этой сессии. К восторгу журналистов, на ней устроил настоящий спектакль Хрущев.

Хрущев выступил с двухчасовой речью, в которой громил США, империализм, колониализм и «поджигателей войны». Он прерывался только для того, чтобы отхлебнуть глоток «боржоми», который тут же рекомендовал попробовать всем присутствующим. Ораторы, которые полемизировали с Хрущевым, раздражали советского руководителя. «Чья бы корова мычала, а ваша бы молчала!» — выкрикнул он во время выступления американского представителя при обсуждении проблем деколонизации.

Когда же представитель Филиппин начал говорить о советской аннексии Прибалтики и подавлении восстания в Венгрии, советский премьер вдруг забарабанил кулаками по столу и затопал ногами. Вместе с ним барабанил и министр иностранных дел Громыко. Так продолжалось до тех пор, пока Хрущеву не предоставили слово.

На следующий день все повторилось. Хрущев вдруг снял с ноги башмак и начал колотить им по столу. Потом он объяснял свое поведение тем, что его возмутила речь главы МИДа франкистской Испании. Председатель-ирландец призывал его к порядку, но тут досталось и ему: Хрущев заявил, что народ Ирландии вскоре тоже «свергнет прислужников империализма» — таких как председатель. Позже Хрущев рассказывал, что когда барабанил кулаками по столу, то сломал свои часы. «Вот, думаю, черт, еще и часы из-за этого капиталистического холуя сломал, — говорил он. — И так мне обидно стало, что я снял ботинок и стал им стучать»[573]. В общем, скандал получился большой.

Тито сидел в зале как раз за Хрущевым, так что имел возможность видеть всю эту сцену вблизи. Он оставался невозмутим. Югославские журналисты предупредили Тито, чтобы он вел себя осторожнее, поскольку их американские коллеги держали под прицелом своих фото- и кинокамер всех, кто сидел рядом с Хрущевым, намереваясь зафиксировать их реакцию на «представление» советского премьера. «Ну, я-то уж точно не буду махать ботинком», — смеясь, ответил им Тито[574].

Однако фотографы его все-таки «поймали» — в тот момент, когда во время выступления одного из делегатов он о чем-то шептался с Хрущевым. Советский лидер то и дело оборачивался к Тито и делился с ним своими впечатлениями от происходящего в зале заседаний.

«Не могу видеть, как он ведет себя в ООН, — говорил потом Тито. — Он просто какой-то чудак. Как будто он не представляет великую державу. И ведь его непристойное поведение нравится на Западе. Хрущев просто не понимает, что его провоцируют. Грустно все это!»[575] Советская делегация была оштрафована за нарушение порядка на 10 тысяч долларов. Но, с другой стороны,

Хрущев понравился американцам. Миллионы телезрителей видели, как он стучал ботинком и кулаками, и в этом поведении американцы чувствовали искреннее проявление человеческих чувств. Это американцы могли понять и оценить[576].

Тито встречался с Хрущевым в Нью-Йорке дважды: 28 и 30 сентября. Журналистам он кратко сказал, что эти переговоры были «полезны и откровенны». На Генеральной Ассамблее Тито, Неру, Насер, Сукарно и президент Ганы Нкрума предложили проект резолюции, в которой требовали возобновления контактов между главами США и СССР в целях «снижения международной напряженности». Тито был доволен этой акцией — это было очень полезно «для имиджа» «третьей силы» в мире, которую к тому времени старался создавать президент Югославии и которая вскоре появится в облике Движения неприсоединившихся стран. За время пребывания в Нью-Йорке он провел встречи с главами государств и правительств более сорока стран.

Однако эта инициатива ни к чему не привела. Встречаться с Хрущевым отказался Эйзенхауэр, заявив, что сделает это только тогда, когда Советский Союз «вернется на путь мирных переговоров». Хрущев 3 октября, во время своего очередного выступления в ООН заявил: «Некоторые считают, что Хрущева и Эйзенхауэра нужно было бы запереть в комнате и держать их там запертыми, пока они не достигнут соглашения о разоружении. Но это наивно. Мы можем сидеть бесконечно, но если нет желания заключить соглашение, что вытекает из позиции Эйзенхауэра и тех кругов, которые его поддерживают, тогда из трубы не появится дым, как это бывает в Ватикане, когда выбирают папу»[577].

Тито был разочарован тем, что его инициативам достигла цели. Он решил раньше времени уехать из Нью-Йорка. 5 октября югославская делегация погрузилась на итальянский лайнер «Леонардо да Винчи» и отбыла домой. Обратный путь Тито провел за чтением записок командира американской атомной подводной лодки, которая совершила поход подо льдами на Северный полюс[578].

В это время начали обостряться разногласия между Москвой и Пекином. Дискуссии между СССР и КНР по многим проблемам — от осуждения культа личности Сталина до международных проблем — отразились и на межгосударственных отношениях обеих стран. Китай сократил объем своих закупок в СССР и странах — членах СЭВ. Среди советских специалистов в Китае начали распространять различные материалы с критикой КПСС. В ответ СССР в июле 1960 года отозвал из КНР всех советских специалистов. Вскоре дело дошло и до открытого конфликта —

гораздо более опасного для всего мира, чем конфликт с Югославией.

Тито наблюдал за начинающимся конфликтом между двумя крупнейшими компартиями со стороны. В Пекине критиковали Москву за «ревизионизм», а Москва обвиняла в «ревизионизме» югославов, но когда речь шла о критике Тито, тут они выступали единым фронтом.

26 декабря в своем выступлении в Скупщине Тито ответил Хрущеву и Мао: «Они утверждают, что мы объявили устаревшим марксизм-ленинизм, что мы отбросили его. Где они, интересно, прочитали, что мы отбрасываем марксизм-ленинизм, и почему они тогда не цитируют нас? Да потому, что не могут цитировать — ведь их утверждение есть всего лишь грубая ложь… А кто разорвал экономические соглашения, которые у нас были с социалистическими странами? Это были не мы! Кто, таким образом, нанес нам огромный ущерб, из-за которого мы оказались в чрезвычайно тяжелых условиях и вынуждены были искать замену этим соглашениям на другой стороне, на Западе?.. Разве кто-то имеет право обвинять нас в том, что мы обратились за помощью и сотрудничеством туда, где мы могли бы без всяких условий их получить, не подвергая опасности завоевания нашей революции? Никто не имеет права нас обвинять!»[579]

«На кой черт вам нужен этот лагерь?»

Пока Тито отбивался от советских обвинений в «ревизионизме», югославский «ревизионист» Милован Джилас сидел в югославской тюрьме Сремской Митровицы. Осенью 1959 года его начали мучить нервные припадки и кошмары во сне, и вообще его здоровье ухудшилось. По словам Джиласа, комендант тюремного блока уговорил его написать письма о пересмотре его дела руководству страны. И Джилас написал: сначала Карделю, а потом Ранковичу[580].

Через некоторое время ему принесли отпечатанное на машинке прошение о помиловании, и Джилас его подписал. Он обязался не предпринимать политических действий, идущих вразрез с законами ФНРЮ, а также «не пытаться нанести стране ущерб и не позволять никому в будущем переиздавать книгу „Новый класс“». Его освободили «условно-досрочно» 20 января 1961 года, поскольку он отбыл половину своего девятилетнего срока[581]. Вскоре он вернулся домой в Белград.

Сам Джилас, впрочем, говорил автору, что его освободили в связи с изменившейся международной обстановкой. Прежде всего из-за того, что отношения Тито с Хрущевым ухудшились и Тито

надо было сделать благородный жест по отношению к Западу, для которого Джилас оставался политическим заключенным. Джилас оказался на свободе, но снова принялся за старое. Вскоре он опять окажется за решеткой.

17–28 октября 1961 года в Москве проходил XXII съезд КПСС. В своих выступлениях на съезде Хрущев несколько раз упоминал о «югославском ревизионизме». Новая программа КПСС, принятая на съезде, недвусмысленно полемизировала с «ревизионистской» программой СКЮ и в каком-то смысле стала ответом ей[582].

Но в Югославии доклад Хрущева на съезде оценили — он открыто заговорил о преступлениях Сталина и его приближенных. Подводя итоги прений, Хрущев предложил соорудить в Москве памятник, чтобы «увековечить память товарищей, ставших жертвами произвола». Было принято и такое решение: «Признать нецелесообразным дальнейшее сохранение в Мавзолее саркофага с гробом И. В. Сталина, так как серьезные нарушения Сталиным ленинских заветов, злоупотребления властью, массовые репрессии против честных советских людей и другие действия в период культа личности делают невозможным оставление гроба с его телом в Мавзолее В. И. Ленина»[583]. 30 октября это решение было выполнено: тело Сталина вынесли из Мавзолея и похоронили в выкопанной рядом с ним могиле. Когда Хрущев 31 октября закрывал XXII съезд КПСС, в Мавзолее уже не было тела Сталина.

Через год после съезда, в ноябре 1962 года, в журнале «Новый мир» по прямому указанию Хрущева была опубликована прогремевшая на весь мир повесть Александра Солженицына «Один день Ивана Денисовича» — о жизни в сталинском концлагере. Хрущевская оттепель набирала обороты, а Солженицын с его повестью стали ее символом. Однако еще раньше «Ивана Денисовича» появилась другая книга, которая произвела в мире не менее громкую сенсацию. В ней шла речь не просто о сталинской эпохе, а о самом Сталине. Это были воспоминания Джиласа «Беседы со Сталиным».

Еще в тюрьме, а потом и после выхода на свободу Джилас писал свои мемуары о встречах с «вождем народов», с которым он дважды виделся лично и дважды — в составе югославских делегаций. Он сумел переправить свою рукопись в США, и в конце февраля 1962 года «Нью-Йорк таймс» начала печатать отрывки из его новой книги. Фактически повторялась история с «Новым классом».

7 апреля Джиласа арестовали, обвинив в том, что в «Беседах со Сталиным» он разгласил секретные сведения об отношениях между Югославией и СССР, а также между Югославией и

Албанией с Грецией. «Книгу расценили как неприятельскую пропаганду, разглашающую государственные тайны, — вспоминал Джилас, — хотя она не содержала ничего, что могло хоть как-то угрожать правительству и что перед тем не было опубликовано». Но за «Беседы со Сталиным» Джилас получил девять лет заключения. Его вернули в ту же самую тюрьму в Сремской Митровице.

Арест Джиласа вызвал волну возмущения в мире. Тито почти сразу же получил письма протеста и телеграммы, которые направили ему 16 депутатов-лейбористов из палаты общин британского парламента, 29 английских писателей, а также писатели и общественные организации других стран Западной Европы, США, Индии. Однако он их попросту проигнорировал[584].

Если бы автором книги был не Джилас, а кто-то другой, то, возможно, «Беседы со Сталиным» напечатали бы в Югославии большим тиражом. Сам Джилас, однако, считал, что снова стал жертвой внешнеполитических замыслов Тито. По его мнению, Тито как раз в то время старательно налаживал отношения с Хрущевым, и «Беседы со Сталиным» появились совсем некстати. В книге содержались такие подробности, которые при всей «десталинизации» в Советском Союзе «очерняли образ» не только Сталина, но и других известных советских и коммунистических деятелей. Да и напечатали ее в США — на деньги «классовых врагов»[585].

Тито хорошо помнил, как после принятия новой программы СКЮ Москва заморозила свою экономическую помощь Югославии. Он не собирался жертвовать наметившимся улучшением отношений с Советским Союзом из-за Джиласа. К тому же обсуждалась возможность очередного обмена визитами на самом высоком уровне (первым из них должен был стать визит в Белград советского министра иностранных дел Андрея Громыко).

Улучшение отношений было в интересах и Белграда, и Москвы: у Тито возникли трудности в отношениях с Западом, а у Хрущева — с Китаем и Албанией.

После «замирения» Хрущева и Тито в албанской верхушке возник ропот недовольства — во многом вся политика Энвера Ходжи строилась на критике «югославских изменников делу социализма». С конца 1950-х годов Ходжа переориентировался на более «левого» Мао. Фактически албанцы бросили вызов Кремлю.

Хрущев отреагировал эмоционально: были аннулированы предоставленные албанцам советские кредиты, заморожены новые, из Албании начали отзывать специалистов и фактически

высылать из СССР албанских студентов и военных. На XXII съезде КПСС Хрущев резко критиковал албанцев, причем наиболее грубые его высказывания пришлось даже исключить из стенограммы. Ходжа ответил: он осудил Хрущева за создание культа собственной личности, за примирение с «югославским ревизионизмом» и за антимарксистские взгляды вообще[586]. 25 ноября 1961 года Москва заявила, что отзывает своего посла из Тираны, и потребовала, чтобы албанский посол покинул Москву. Дипломатические отношения с Албанией оказались разорванными. «Главным другом» Албании вместо Советского Союза стал Китай.

Тем временем ухудшение отношений между СССР и Китаем продолжалось. После подписания в Москве в августе 1963 года Договора о частичном запрещении испытаний ядерного оружия Китай оценил его как «величайший обман, который одурманивает народы всего мира». Китайское правительство заявляло, что «проводимая Советским правительством политика есть политика объединения с силами войны для борьбы против сил мира… объединение с США для борьбы против Китая…»[587].

Эти заявления означали фактически разрыв между КНР и СССР Когда Хрущев и Тито начали улучшать отношения, китайская пропаганда злорадно констатировала, что два «ревизиониста спелись» и окончательно «сбросили свои маски». Югославским дипломатам в Пекине пришлось ежедневно выслушивать усиленные громкоговорителями ругательства и проклятия и «любоваться» на плакаты с карикатурами на Тито и «югославских ревизионистов»[588].

В сентябре 1962 года процесс улучшения советско-югославских отношений шел уже полным ходом. В Белград прибыл Председатель Президиума Верховного Совета СССР Леонид Брежнев. Тито и Брежнев говорили друг другу длинные тосты, и Брежнев оказался неплохим специалистом по этой части. На торжественном обеде, устроенном в его честь, он сидел рядом с Йованкой и бросал на нее по-мужски оценивающие взгляды. Брежнев не мог не заметить привлекательность супруги Тито.

Тито вместе с Брежневым проехались по стране. Побывали они и в резиденции Тито на Бриони, где югославский президент катал Брежнева на катере. К ужасу охраны, он встал за штурвал и они вдвоем унеслись в море. В конце десятидневной поездки по Югославии Брежнев передал Тито приглашение Хрущева прибыть на отдых в Советский Союз, и Тито его принял. Тито с Йованкой долго махали Брежневу руками, пока самолет не вырулил на взлетную полосу.

Вместо привычных для него путешествий в теплые края

зимой 1962 года Тито отправился в морозную Россию. 4 декабря 1962 года поезд прибыл на Киевский вокзал Москвы. Как и шесть лет назад, на перроне его ждал Хрущев со свитой. Правда, она за прошедшие шесть лет сильно изменилась — вместо Молотова, Маленкова, Ворошилова, Булганина рядом с ним были Брежнев, Косыгин и другие новые «официальные лица». Лишь Суслов и Микоян умудрились «вписаться» в новые времена.

Хрущев в очередной раз продемонстрировал Тито высокий уровень русского гостеприимства. Уже на следующий день после приезда он устроил для него охоту, а вечером пригласил в недавно построенный Кремлевский дворец съездов на оперу Верди «Бал-маскарад».

12 декабря, после нескольких дней переговоров и поездки в бывший Сталинград (теперь уже Волгоград), Тито присутствовал на заседании Верховного Совета СССР.

Это был редчайший, если не единственный, случай в советской истории, когда заседание высшего органа власти СССР было фактически посвящено президенту иностранного государства. Хрущев выступил на заседании с обширной речью о международной ситуации и большую ее часть уделил отношениям с Югославией. «Иногда утверждают, что Югославия — не социалистическая страна, — сказал он. — Но позвольте спросить: какая это страна?.. Известно, что в Югославии уже давно нет помещиков и капиталистов. Нет ни частного капитала, ни частных предприятий, ни помещичьих владений, ни частных банков. Мы видим, что югославские коммунисты и их руководители направляют свои усилия на развитие экономики, на упрочение завоеваний социализма. Таким образом, если исходить из объективных законов, из учения марксизма-ленинизма, невозможно отрицать, что Югославия — это социалистическая страна».

Тито, слушая это выступление, возможно, усмехался про себя. Создавалось впечатление, что Хрущев уговаривал себя: да, Югославия — социалистическая страна; да, Тито — настоящий коммунист! Фактически Хрущев был вынужден еще раз признать свое поражение в поединке с Тито.

Но, будучи опытным политиком, Тито не дал воли своим чувствам. На следующий день он выступил в Верховном Совете. Согласившись с оценками Хрущева, Тито заявил, что «поскольку между нами еще существуют некоторые разногласия, мы будем ликвидировать их вместе, с помощью конструктивного сотрудничества»[589].

«Отдых» Тито в СССР шел своим чередом. 18 декабря Тито и Хрущев вместе уехали в Киев. Частные разговоры между ними

были куда более откровенными. Однажды Тито прямо спросил Хрущева: «Ну на кой черт вам нужен этот лагерь?» — «Лагеря не надо!» — ответил Хрущев. «Зачем на наши отношения наклеивать этикетку „лагеря“? — продолжал Тито — Мы коммунисты, и вы коммунисты. Мы считаем, что нам нужно быть вместе, — ведь наши интересы совпадают: строительство социализма и мир во всем мире. Для этого не нужен никакой лагерь — это только наносит вред и вам, и нам». Хрущев, как рассказывал Тито, согласился[590].

27 декабря Тито выступил на заседании Исполкома ЦК СКЮ, рассказав о своих переговорах с Хрущевым, а через два дня посетил завод имени Иво Лола Рибара в городе Железник. Рабочие интересовались: о чем они говорили с Хрущевым наедине? Тито ответил: они договорились, что ссоры между ними повторяться больше не будут и что Хрущев наконец-то признал Югославию социалистической страной[591].

Это признание подкреплялось и материально, что для Югославии было чрезвычайно важно. Если в 1963 году ее экспорт в страны Восточной Европы составлял 27 процентов, а импорт 23 процента, то через год эти показатели выросли, соответственно, до 35 и 39 процентов[592]. В частности, в Югославию поступили пять новейших советских сверхзвуковых истребителей МиГ-21. И если товарооборот между ФНРЮ и США в 1961–1963 годах держался приблизительно на одном уровне (225 миллионов долларов), то советско-югославский товарооборот быстро рос и по соглашению от 4 октября 1962 года в следующем году должен был достичь уже 180 миллионов долларов[593].

Сближение Белграда и Москвы вызвало тревожную реакцию на Западе. Американский посол в Югославии Кенан посетил Тито. «Мы ничего не имеем против того, что вы улучшаете отношения с СССР, — сказал он, — но опасаемся, чтобы вы не потеряли свою независимость». — «Да не бойтесь вы за нашу независимость! — сердито ответил Тито. — Зачем нам улучшать отношения с одной страной и портить их с другой! Вы думаете, что мы настолько наивны, что не понимаем, как это глупо?»[594]

В начале 1960-х на Югославию продолжал литься «дождь» американских кредитов. За январь — май 1961 года ФНРЮ получила шесть кредитов на сумму 210,85 миллиона долларов, 28 апреля было заключено очередное соглашение о поставках в Югославию двухсот тысяч тонн пшеницы (30,4 миллиона долларов), а 1 июля — о покупке излишков сельскохозяйственной продукции США на сумму 33,6 миллиона долларов.

С другой стороны, на администрацию нового президента Джона Кеннеди оказывалось все большее давление.

Консервативные конгрессмены, политики, журналисты и избиратели все чаще задавали вопрос: ради чего США помогает коммунисту Тито? Кеннеди нелегко было объяснять, почему он воюет с коммунистом Кастро, а коммунисту Тито — помогает.

В ноябре 1962 года конгресс лишил Югославию режима наибольшего благоприятствования в торговых отношениях с США. Кеннеди было над чем поломать голову. Но боязнь «упустить» Тито окончательно все-таки взяла верх: 2 апреля 1963 года в послании конгрессу он предложил вернуть Югославии такой режим, принимая в расчет интересы национальной безопасности США.

Иностранные журналисты в это время часто спрашивали Тито: правда ли, что Югославия все сильнее склоняется к Востоку? Тито ответил, что это не так. «Вот, например, у президента Кеннеди есть прямая телефонная линия с Хрущевым, а у меня нет»[595], — иронически заметил он.

26 июля 1963 года сильное землетрясение превратило столицу Македонии Скопье в груду развалин. Погибли 1070 человек, около трех тысяч были ранены. Разрушенными оказались 75 процентов жилых домов, почти все школы и больницы, здания вокзала и почтамта.

Уже на следующий день Тито был в разрушенном Скопье. То, что он там увидел, потрясло его до глубины души — как будто на него из прошлого дохнула война. Тито было понятно, что сама Югославия с последствиями землетрясения не справится. 2 августа было принято решение — обратиться за помощью ко всему миру.

Через месяц после землетрясения в Скопье приехал Хрущев. Он прибыл в Югославию на отдых вместе с женой Ниной Петровной и детьми. На белградском аэродроме Хрущев и встречавший его Тито смотрелись забавно. Хрущев — в черном костюме, а Тито — в ослепительно белом. Эта деталь не осталась незамеченной журналистами, и они всячески обыгрывали ее в своих материалах, намекая на сохранявшиеся между ними контрасты. Впрочем, свои шляпы оба руководителя держали в руках, а солнце припекало достаточно сильно. Они подошли к микрофону, чтобы обменяться приветственными речами, но со стороны было видно, как они о чем-то тихо переговариваются. Между ними в это время происходил следующий диалог. «Может быть, шляпы наденем?» — спросил Хрущев. «Давайте», — согласился Тито. «Тогда вы, товарищ Тито, надевайте первым, а потом уж и я!» Тито надел шляпу, а Хрущев последовал его примеру[596].

Следующий день Хрущев и Тито несколько часов провели

наедине в саду Старого дворца. Они сидели в удобных плетеных креслах, перед ними стояли фрукты и напитки. У Тито были свои планы на этот визит. Он хотел показать Хрущеву, как устроено самоуправление на югославских предприятиях и как рабочие борются с бюрократизмом. Они не заметили, что давно уже должны были ехать на очередное мероприятие. Шеф протокола нервничал. Наконец он не выдержал и сказал, что им давно уже пора выезжать. «Вот, — сказал Хрущев, — это пример того, как бюрократы командуют даже нами, руководителями государств!» — «Но все же лучше, когда он думает о соблюдении программы, чем когда занимается политикой!» — возразил Тито. После этого они послушно пошли за «бюрократом» к машинам.

22 августа Тито и Хрущев прибыли в Скопье. Центральные улицы уже расчистили, и кортеж мог двигаться беспрепятственно. Хрущев говорил с военнослужащими советской инженерной части, которые участвовали в разборе завалов. Недалеко от советских солдат работали американцы, которые рассказали, как несколько постояльцев большого отеля, уцелевшие благодаря тому, что находились в подвале здания, где был расположен ночной клуб, после освобождения из-под обломков тут же поинтересовались: «Это война? И кто победил? Америка или Россия?»[597]

В восстановлении Скопье Тито принял личное участие. То, что он открыто и прямо попросил помощи у всего мира, во многом усилило симпатию к Югославии. Восстанавливать Скопье помогали почти 80 стран, размер пожертвований составил 37 миллионов динаров (более 9 миллионов долларов по тогдашнему курсу). Город был отстроен практически заново, строительными работами руководил известный японский архитектор Кэндзо Тангэ, а Пабло Пикассо подарил музею восстановленного Скопье свою картину «Голова женщины». 14 октября Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию № 1882, в которой отмечала, что «восстановление Скопье стало подлинным символом дружбы и братства народов».

Тем временем Тито возил Хрущева по стране. На Бриони он лично занялся досугом своего высокого гостя. Вечером, после экскурсии по резиденции, Тито сварил настоящий турецкий кофе, и Хрущев признался, что такого кофе он еще никогда не пил. Потом они смотрели фильм «Десант на Дрвар», и Тито комментировал происходящее на экране[598].

Когда Хрущев ездил по Югославии, его непосредственность не раз приводила к тому, что он оказывался в неловкой ситуации. В одной из своих речей, например, говорил о красоте местных женщин: «Капиталисты называют наших людей „рабами

коммунизма“. А вот мне приятно видеть таких „рабов“, и видеть, как они живут… Иногда посмотришь на такую „рабыню“… Ей, может, и мешает ее вес, но внешний вид явно свидетельствует о хорошей, обеспеченной жизни, о богатстве страны. Для женщин их вес, может быть, и лишний груз, но, что ни говорите, это свидетельствует о благосостоянии народа». Тут Хрущев, видимо, понял, что его немного занесло. «Особенно я хотел бы поприветствовать прекрасных югославских женщин и пожелать им счастья!» — закончил он свое выступление[599].

Тито устроил для Хрущева большую охоту. И советскому премьеру выпала удача — он подстрелил дикую свинью. Согласно обычаям его должны были «крестить» несколькими ударами палкой по «мягкому месту». Причем обряд «крещения» выполнял самый старый охотник — Тито. Хрущев не возражал. Он уперся руками о стол и терпеливо ждал «экзекуции». Тито взял бильярдный кий и, смеясь, обратился к присутствующим: «Вот бы это все снять (на кинопленку. — *Е. М.),* как вы думаете?» Все рассмеялись. «А как вы думаете, каким бы запахом тогда пахнуло на Югославию?» — не растерялся Хрущев.

Хрущев пробыл в Югославии десять дней, и эта встреча между ним и Тито была самой теплой и непринужденной. Похоже, они действительно сумели найти общий язык. Хрущев говорил Тито, что ему понравились югославские «рабочие советы» и что югославские рабочие сильно изменились по сравнению с его прошлым приездом.

Еще раз они увиделись в Ленинграде в июне 1964 года. Тито возвращался из Финляндии и по приглашению Хрущева заехал в СССР.

В середине октября 1964 года Тито находился в Каире, где совсем недавно закончилась II конференция глав государств и правительств неприсоединившихся стран. Там он узнал о новом советском космическом достижении — запуске корабля «Восход» с космонавтами Комаровым, Феоктистовым и Егоровым. Тито сразу же направил приветственную телеграмму Хрущеву. Однако она до Хрущева уже не дошла. Все телеграфные агентства мира вскоре сообщили: советский руководитель отправлен в отставку. Первым секретарем ЦК КПСС стал Брежнев, а Председателем Совета министров СССР — Алексей Косыгин.

В Каире взволнованный Насер спрашивал у Тито: не знает ли югославский президент, что именно происходит в Москве? Но Тито и сам испытывал чувство тревоги. Казалось бы — только-только они смогли найти с Хрущевым общий язык, и вот власть в Москве меняется! Как поведут себя новые руководители СССР?

Тито послал Брежневу приветственную телеграмму и с

нетерпением ждал ответа из Москвы. Через несколько дней пришел весьма теплый ответ. Но окончательно Тито стало понятно, что Москва не вернется к старому курсу, во время празднований очередной годовщины Октябрьской революции.

В Москву отправилась делегация во главе с членом Исполкома ЦК Велько Влаховичем. Ей был оказан весьма внимательный прием. В это же время на праздничный прием в советское посольство в Белграде пришел почти весь состав руководства СКЮ. Внимание, которое стороны проявляли по отношению друг к другу, свидетельствовало, что отношения между СССР и Югославией не будут радикально меняться.

В своем докладе на VIII съезде СКЮ, который проходил в Белграде 7–13 ноября 1964 года, Тито немало места уделил Хрущеву и его отставке. Он понимал, что должен обязательно что-нибудь сказать об этом человеке, к которому, несмотря на все их бурные споры, испытывал симпатию. «Хотя в последние годы у товарища Хрущева были известные ошибки и промахи, — сказал Тито, — он, находясь во главе партии и правительства, сыграл большую роль в процессе десталинизации и создании условий для более свободного выражения гражданами своего мнения. Он много сделал для сохранения мира во всем мире и в деле обуздания различных замыслов империалистов… И, пользуясь случаем, хочу отметить его большие заслуги в деле улучшения и нормализации отношений между Югославией и Советским Союзом»[600]. С Хрущевым они больше не встречались никогда, и подобных слов, которые сказал о нем Тито на съезде, бывший советский руководитель в своей стране и от своей партии при жизни уже никогда не услышал…

«В СТРАНЕ СОЛНЦА И ТОВАРИЩА ТИТО»

«Мы еще не настолько состарились…»

25 мая 1962 года Тито исполнилось 70 лет. Страна отмечала этот день как большой национальный праздник. Газеты писали о заслугах «товарища Тито», «легендарного маршала» и «великого сына народов Югославии», были выпущены специальные марки и почтовые конверты, как обычно, проведена Эстафета молодости, а популярная группа «Мостарские дожди» порадовала своих почитателей новым хитом, который так и назывался — «Эстафета».

В мае, когда расцветают розы,
Просыпается и мое сердце.
С миллионами других сердец
Пусть мое сердце станет эстафетой.

Пусть миллион сердец соберется
В одну большую дружную стаю.
И я в этой стае со всеми
Полечу к товарищу Тито…

И пусть Ему мое сердце расскажет,
Что, как колосья, у нас растут дети,
Как молодые рощи, как могучая рать,
В стране Солнца и товарища Тито[601].

Ко дню рождения Тито в Белграде был открыт Музей 25 Мая. По сути, это была выставка подарков «дорогому вождю» от рабочих, крестьян, молодежи, югославских и зарубежных делегаций, различных иностранных политиков. Музей в Белграде сохранился до наших дней.

Соратники Тито решили преподнести ему приветственный адрес на дорогом пергаменте, в котором перечислялись все его заслуги. Отмечалось, в частности, что Тито является «самым любимым сыном и самым любимым вождем каждого нашего народа и каждого человека в отдельности»[602].

Народ же на очередной всплеск культа личности Тито откликнулся анекдотами. Например таким. Вызывает учитель на уроке маленького И вицу (этот персонаж был да и остался в бывшей Югославии аналогом нашего Вовочки): «Скажи, Ивица,

кто самый великий человек в Югославии?» — «Товарищ Тито!» — быстро отвечает Ивица. «А в мире?» — спрашивает учитель. «Товарищ Тито!» — «Хорошо, — не унимается учитель, — ну а на кого ты хочешь быть похожим?» — «Конечно же на товарища Тито». «Молодец, — говорит наконец довольный учитель. — Садись, пять». Ивица садится, достает из портфеля фотографию «Битлз», долго смотрит на нее и тяжело вздыхает: «Извините, ребята, но карьера есть карьера».

Писательница Ирина Моргулес, для которой поездка в Югославию в середине 1960-х стала первым выездом за границу, вспоминала: «В Любляне, во дворце Хала Тиволи во время матча СССР — США (это был чемпионат мира по хоккею 1966 года. — *Е. М.),* Тито сидел напротив, нас разделяло хоккейное поле. Я попросила у одного из спутников бинокль и хорошо рассмотрела его и Йованку. Оба очень красивые. Недаром в кино эту овеянную партизанскими легендами пару сыграл еще при их жизни не менее звездный супружеский дуэт Ричард Бартон и Элизабет Тейлор»[603].

Однажды известный карикатурист Жуко Джумхор спросил у Тито: «А знаете, товарищ президент, что сказала моя мама, когда узнала, что вы женились? Она посмотрела на вашу с Йованкой фотографию в газетах и говорит: „Слава богу, что Тито женился! Потому что даже в этой Югославии кто-то будет приказывать ему!“». Все засмеялись, в том числе и Йованка. «А теперь признайся, Жуко, — сказал Тито. — Ты же все это придумал сам, просто не осмелился сказать, правда?» Что ответил журналист — история умалчивает.

Тито уже больше десяти лет прожил в браке с Йованкой. За это время она очень сильно изменилась — превратилась в первую даму Югославии, светскую красавицу и супругу всемирно известного политика. Ей исполнилось 38 лет, она немного располнела, но все равно не оставляла равнодушными президентов, премьеров, королей и их жен.

Но в окружении Тито ее не любили. С некоторыми из соратников мужа Йованка не смогла найти общий язык. Жена маршала и начальник его личной охраны, командующий Гвардией генерал Жежель, не переносили друг друга. Генерал был уверен, что именно она уговорила Тито отправить его в отставку.

Отставка Жежеля, который в буквальном смысле прожил с Тито 17 лет, произошла неожиданно. В октябре 1961 года его вызвал союзный секретарь по народной обороне генерал Иван Гошняк и сказал, что он назначается на новую должность — командующего пограничными войсками Югославии. Кроме того,

добавил Гошняк, «ты — единственный генерал, который не закончил военную академию, и тебе надо будет сделать это после назначения на новую должность».

Сам Тито так и не объяснил Жежелю, почему тот должен поменять свою работу, но сказал ему: «Ты уходишь на новую должность, но наши отношения не меняются. Они останутся такими же, пока мы живы». Маршал сдержал свое слово[604].

Между тем Тито поручил жене некоторые «руководящие функции». Йованка отвечала за работу персонала в администрации президента и его резиденциях. Она любила устраивать громкие разносы и читать нотации, часто подвергая сотрудников настоящим оскорблениям. В первую очередь она уволила всех молодых женщин, которые работали вместе с ней у Тито еще до того, как стала его женой.

Вынужден был уйти и начальник канцелярии Тито Йоже Смоле. Йованка обвинила его в том, что он тайком попивает виски Тито. Тито не стал разбираться, правда ли это, а попросил передать Смоле, чтобы тот ушел, потому что «Йованка не может его видеть». Правда, предложил ему на выбор должности посла в Швеции или Японии. Смоле выбрал Японию.

Личный врач Тито Александр Матунович вспоминал другой эпизод. У дверей резиденции Тито ждет машина. Наконец он выходит вместе с Йованкой. Шофер открывает Тито левую заднюю дверь машины, а его адъютант генерал Марко Рапо открывает правую заднюю дверь — для Йованки. Она придерживает дверь рукой и громко обращается к генералу: «Не трогайте дверь! Мне и так противно вас видеть, а вы еще пытаетесь мне открывать двери. Как вам не стыдно и где ваша генеральская честь, если вы появляетесь, хотя вам несколько раз было сказано, что я не могу вас видеть!» Йованка распалялась все больше: «Вы знаете, как вы выглядите? Вы толстый, жирный, грязный генералишка с птичьими мозгами!.. Убирайтесь, чтобы я вас больше не видела!»

Побледневший генерал наконец набрался храбрости и сказал: «Товарищ Йованка, я выполняю приказы Верховного главнокомандующего, а от него я такого приказа не получал!» — «Да ты не способен выполнять ничьих приказаний!» — отрезала Йованка и села в машину. Тито за все это время не сказал ни слова. После этого эпизода генерал-полковник Марко Рапо с маршалом больше нигде не появлялся. Его отправили в отставку, и он вскоре умер[605]. За все время пребывания Йованки у власти были уволены около тысячи человек. Но Тито с ней не спорил и в ее работу не вмешивался. К середине 60-х годов Йованка была уже не просто женой президента, но и влиятельной фигурой в

политическом окружении Тито.

Сохранилась фотография семьи Тито 1960-х годов. На ней маршал выглядит классическим добрым дедушкой. Рядом с ним два его сына — Жарко и Мишо и внуки.

Жарко Броз, бывший офицер Красной армии, получивший тяжелое ранение и два ордена, вел теперь довольно «рассеянный» образ жизни. В 1945 году он привез из Советского Союза свою невесту Тамару Вегер. У них родились двое детей — сын Йошка (названный так в честь деда) и дочь Златица. Впрочем, их «наличие» нисколько не стесняло Жарко, и за ним вскоре прочно укрепилась слава плейбоя. О его приключениях ходило множество рассказов, которые никак не могли радовать Тито. Говорили, например, что как-то в отеле «Бристоль» боснийского города Тузла, как раз перед приездом своего отца, Жарко устроил с друзьями настоящий кутеж, а когда ему выставили счет, небрежно бросил: «Пусть вам Старый заплатит!» Платить пришлось городским властям, а Жарко на следующий день переехал в город Зеница, где устроил такой же кутеж в отеле «Металлург»[606].

Дальше — больше. Жарко влюбился в юную красавицу Терезу Куюнджич из города Субботица, долго уговаривал ее выйти за него замуж, обещал бросить ради нее семью. В конце концов Жарко и Тереза поженились и в 1951 году у них родился сын Эдвард. Тито долго не разговаривал с сыном, но, как только начал привыкать к внуку и новому браку Жарко, того снова «понесло». Он развелся с Терезой и женился в третий раз — на враче Злате Елинек. От этого брака у него в 1955 году родилась дочь Светлана.

В архивах сохранился любопытный документ: 23 апреля 1965 года Тито выплачено пособие на внуков Йошку и Златицу в размере 7 тысяч 910 динаров[607]. Таким образом, Тито, видимо, настолько не доверял сыну, что до 1965 года даже положенные ему законом пособия на детей предпочитал получать сам.

Младший сын Тито Александр Мишо, родившийся в 1941 году, был полной противоположностью старшему брату. После того как его привезли в конце войны в Белград, он долго не мог привыкнуть к отцу и обращался к нему: «Эй, ты!» А свою мать Герту Хаас он увидел неожиданно — к нему в комнату вошла какая-то женщина в военной форме и начала его целовать. «От страха, — вспоминал Мишо, — я тогда спрятался под кроватью»[608].

Мишо всегда вел себя очень скромно, ничем не выделялся среди других. Он уехал учиться в Загребский университет и впоследствии иронически вспоминал, как на зависть всем своим

сверстникам ездил по городу на мотоцикле, который подарил ему греческий король. «Года через два, — рассказывал он, — папа подарил мне „фичу“ („фиат“, который производили в Крагуеваце на автозаводе „Црвена застава“. — *Е. М.)* и при этом напомнил, что я не должен забывать, что мои друзья ездят на трамвае и ходят пешком…»[609] Мишо закончил юридический факультет, выучил пять иностранных языков, стал работать в области внешней торговли.

Итак, жена, дети и внуки. Есть и друзья, которые остались в живых после войн и подполья. Нет только Джиласа, но с ним они разошлись раз и навсегда — политически.

…Один из югославских политиков, с которым мы разговаривали в Белграде еще в конце 1980-х годов, так определил политическую тактику Тито: «Два шага вперед, шаг назад». Это, считал политик, позволяло Тито постепенно делать Югославию свободнее, но не нарушать равновесия существующей системы. При этом он не скрывал, что при всех возможных дискуссиях и реформах две вещи должны оставаться незыблемыми — завоевания революции и руководящая роль СКЮ.

Несмотря на декларированное на съездах и пленумах «монолитное единство СКЮ во главе с товарищем Тито», в партии и ее руководстве в начале 1960-х годов стало заметно противостояние между «либералами-федералистами» и «консерваторами-централистами». Возглавляли эти «течения» ближайшие соратники и друзья Тито — соответственно, Кардель и Ранкович. И если начало реформ 1961 года можно было записать как очко в пользу «либералов», то потом «консерваторы» сравняли счет.

14 марта 1962 года на расширенном пленуме Исполкома ЦК СКЮ возникли острые дискуссии: как бороться с кризисом? «Если мы не сможем выбраться из него, то можем убираться к черту!» — сказал тогда Тито. «Либералы» и «консерваторы» предлагали разные способы. Тито принял сторону «консерваторов», выступив за ужесточение режима, но… оказался в меньшинстве. По некоторым данным, он даже подал в отставку. Как утверждала впоследствии Йованка, она ему подала идею — обратиться напрямую к народу и услышать его реакцию. «Тито, тебя избрал народ, а не руководство. Твоя сила в народе!»[610] Так это было или нет, но Тито действительно обратился к народу.

6 мая 1962 года Тито произнес большую речь в Сплите. Послушать его собрались 150 тысяч человек. Тито понимал, что от него хотят услышать объяснение возникшим проблемам в стране, и он дал его. Эти трудности, сказал Тито, есть «результат субъективных ошибок наших руководящих товарищей…

Некоторые коммунисты, — продолжал он, — забыли об интересах всего общества и думают только о своем узком круге».

«Некоторое время назад, — заявил Тито, — появилось мнение, что поскольку в стране происходит демократизация и децентрализация, то у коммунистов нет ни права, ни обязанности отвечать за внутреннее развитие нашей страны. Это ошибка! Мы еще раз должны понять, что именно коммунисты отвечают за развитие социализма…»[611]

Эту речь Тито в стране приняли хорошо, он фактически получил одобрение своего курса. Но к нему приходило много писем с просьбами открыто назвать тех, кто мешает развитию Югославии. «Если бы это были только отдельные люди, я бы их назвал, — говорил Тито. — Но их очень много: среди руководителей — снизу до самого верха. Поэтому невозможно сказать, что это ты, ты и ты. Если я бы назвал одних, то наверняка пропустил бы других»[612].

Интересно, что Тито почти повторил главную мысль сидевшего в тюрьме Джиласа: в соцстранах, не исключая самоуправленческой Югославии, появился новый специфический класс, живущий за счет трудящихся, — правящая партийно-государственная бюрократия.

Вскоре произошла история, которая демонстрировала «моральное разложение» некоторых руководящих коммунистов. Оказалось, что несколько десятков руководителей построили свои частные дома и виллы с помощью специальных и весьма выгодных кредитов, которые для обычных граждан были недоступны. Более того, выяснилось, что на строительстве некоторых из этих «объектов» использовался бесплатный труд заключенных. Как видно из протокола заседания Исполкома ЦК, мнения Тито и его соратников разошлись. Ранкович был за отставку виновных, осторожный Кардель — за то, чтобы «к делу отнестись внимательно», а Тито — за то, чтобы с виновниками «спокойно поговорить руководителям». В конце концов Тито решил передать дело на рассмотрение в республики. Это был явный сигнал к тому, чтобы его попросту замять. Что, собственно, и произошло[613].

Несмотря на это, Тито явно склонялся к курсу, который ассоциировался у многих с Ранковичем, — более жесткий контроль государства за экономикой, укрепление дисциплины, чистки партии. К тому же он помнил, что «либералы» во главе с Карделем в марте голосовали против него. Кардель считал, что это была вершина их разногласий с Тито, а речь маршала в Сплите считал «демагогией». Он уверял, что тогда Тито под нажимом Йованки принял решение об отставке[614].

Кстати, годом раньше с Карделем произошел странный случай. Он был ранен на охоте — дробь попала ему в спину. Стрелял председатель Народной скупщины Сербии Иован Веселинов. Дробь засела в опасной близости у позвоночника, и в случае неудачной операции Карделю угрожала бы полная неподвижность. До конца жизни он так и ходил с дробью в спине. Пошли слухи, что реформатора Карделя хотели убить консерваторы-сербы.

А потом Кардель неожиданно исчез. Вскоре выяснилось, что он уехал в Англию. «Кардель меня предал», — сказал Тито. Позвали Ранковича, который хотя и считался противником Карделя, но всегда имел репутацию честного и порядочного человека. Тот привел три причины, по которым Кардель мог уехать в Англию: сбежал на Запад, уехал на лечение после ранения или просто на отдых. Тито послал в Лондон одного из своих сотрудников, попросив его связаться с Карделем. Однако Кардель не только не стал ничего объяснять, но даже не подошел к телефону[615].

В июле 1961 года в Югославии торжественно отмечали двадцатилетие начала восстания против фашизма. Торжества должны были плавно перетечь в празднование двадцатилетия Ужицкой республики. В самом Ужице к этим датам несколько месяцев шло масштабное строительство.

Еще с 1946 года этот город носил название Титово Ужице. В Югославии стало традицией присваивать имя маршала городам, и в стране насчитывалось еще семь таких городов: Титов Дрвар, Титов Велес, Титова Кореница, Титов Врбас, Титова Митровица, Титово Веленье и, наконец, столица Черногории Титоград. Острые на язык югославы предлагали приделать такую же приставку к названию исторического для титовской Югославии города Яйце.

Титово Ужице к торжествам действительно сильно изменился. В центре города появилась большая и современная Партизанская площадь. А на ней — бронзовый памятник Тито в длинной военной шинели. Открытие монумента происходило пышно, на нем с речью выступил Ранкович. «Тито олицетворяет жизненную силу югославских народов, — заявил он. — Тито — это совесть наших народов»[616].

На следующий день в город приехал и сам Тито. Наблюдатели обратили внимание, что его встречало практически все руководство Югославии. За исключением Эдварда Карделя. И где он был — никто не знал.

По одним данным, Кардель к этому времени все-таки «вышел на связь» и направил запрос в Белград: нужно ли ему быть на

торжествах в Ужице? Ему якобы ответили, что в этом нет необходимости, и предложили продолжить лечение[617]. По другим — никаких сведений от Карделя Тито так и не получил. Он послал в Лондон близкого друга Карделя, председателя Сабора (парламента) Хорватии Владимира Бакарича. Его миссия была успешной — они вернулись в Югославию вдвоем. Кардель заявил, что ездил отдыхать и для этого ни у кого не обязан был спрашивать разрешения. Тито был настолько рад возвращению Карделя, что постарался как можно быстрее забыть это довольно странное происшествие. Поведение Тито, замечает британский историк Джаспер Ридли, наглядно демонстрировало все различия между режимами Сталина и Тито[618]. Впрочем, в этой истории до сих пор еще остается множество загадок.

Тем не менее именно Кардель стал одним из главных разработчиков новой Конституции Югославии, работа над которой началась в 1962 году. Она была принята 7 апреля 1963 года. Югославия стала называться Социалистической Федеративной Республикой (СФРЮ).

Высшим органом власти и общественного самоуправления объявлялась Скупщина. Декларировалось, что в состав СФРЮ входит шесть республик, а в состав Сербии — автономные края Воеводина и Косово и Метохия. Таким образом, их статус был поднят — с автономных областей до автономных краев.

Главой СФРЮ объявлялся Президент Республики. 220-я статья Конституции подчеркивала, что он избирается «сроком на четыре года и может быть выбран без перерыва еще на один срок». Впрочем, здесь же шло главное пояснение: «Для выборов на пост Президента Республики не существует ограничений для Иосипа Броз Тито»[619].

Сам Тито назвал сутью происходящих в стране перемен «переход от рабочего самоуправления к общественному», распространение самоуправленческих принципов на непроизводственную сферу. В официальных же учебниках истории Югославии Конституция 1963 года была названа «компромиссом» между «либеральным» и «консервативным» течениями в руководстве СКЮ[620].

Ранкович был вскоре назначен вице-президентом СФРЮ. Он, правда, номинально перестал быть непосредственным главой МВД и всемогущей УДБ, но его влияние в верхах явно выросло. Вряд ли кто-то тогда мог предположить, что это взлет перед падением.

«Главный турист Югославии». «Неприсоединение»

Если в самой Югославии к началу 1960-х нерешенные проблемы явно накапливались, то в международной политике Тито одерживал триумф за триумфом. До сих пор в республиках бывшей СФРЮ с грустью вспоминают, что при Тито эта небольшая даже по европейским меркам страна могла на равных говорить с великими державами и от ее позиции во многом зависела ситуация в различных регионах мира. И все потому, что в конце 1950-х годов Тито сделал ставку на пробуждающийся третий мир.

История предоставила Тито удачный шанс. В 1950-х годах на мировой арене появилась целая группа новых независимых государств, которые не присоединились ни к западному, ни к восточному лагерю. Говорят, что Мао Цзэдун первым назвал эти страны третьим миром. Позже Тито и его друзья из третьего мира придумали для этих стран еще и другое название — «неприсоединение».

Контакты Тито с индийским и бирманским премьерами Неру и У Ну, президентом Египта Насером, президентом Индонезии Сукарно и другими лидерами третьего мира стали регулярными. 19 июля 1956 года Тито, Насер и Неру выступили с совместным заявлением, осуждающим раздел мира на блоки. Это заявление стало важным шагом на пути создания будущего Движения неприсоединения — оно представляло собой принципиальную основу, на которой мог бы сплотиться третий мир. «Сплачивать» его Тито отправляется в декабре 1958 года. Снова на «Галебе». В историю это долгое плавание вошло под пышным названием «Путь мира».

«Путь мира» включал посещение Индонезии, Бирмы, Индии, Цейлона, Эфиопии, Судана, Объединенной Арабской Республики (Египта и Сирии). Потом Тито планировал отправиться еще в путешествие по странам Африки.

Делегация паковала чемоданы. Генерал Жежель с согласия самого маршала утвердил содержимое так называемых «чемодана номер один» и «чемодана номер два» — в них находились ценные подарки представителям «принимающих сторон». В первом — четыре мужские золотые табакерки и пять мужских золотых часов (два «Патека» и три «Шафхаузена»), Во втором — шесть золотых мужских табакерок и шесть золотых мужских часов (четыре «Шафхаузена» и два «Патека»)[621]. «Галеб» сопровождали эсминец «Сплит» и торговое судно «Ловчей». Эта эскадра тронулась в путь 2 декабря 1958 года.

Плавание прошло без происшествий. 22 декабря состоялась торжественная встреча Тито в порту столицы Индонезии. Под грохот артиллерийского салюта он сошел на берег, где его ждал

президент Сукарно. Тито был в белой маршальской форме, Сукарно — в форме адмирала кремового цвета, но держал над собой раскрытый темный зонтик от солнца. Цветы жене Тито преподнесла одиннадцатилетняя дочь Сукарно Мегавати. Вечером на ужин Сукарно пришел уже в мундире маршала авиации, что с некоторым недоумением было отмечено в донесении в Белград.

С 23 декабря для Тито началась очередная «восточная сказка». Он получил звание почетного доктора права Бандунгского университета, где на него надели мантию, профессорскую шапочку и тяжелую цепь. Им с Йованкой показали кратер потухшего вулкана, который извергался в 1886 году. На дне кратера индонезийцы выложили надпись: «Да здравствует индонезийско-югославская дружба!» Тито охотился в джунглях, а на «Галеб» доставили подарки: клетки с попугаями, обезьянами и пантерой — для зоопарка на Бриони. 28 декабря, после пребывания на острове Ява, «Галеб» доставил Тито и других югославов на остров Бали.

На Бали Тито встретил Новый год. Все учились танцевать индонезийские танцы, Сукарно с удовольствием приглашал Йованку. В конце бала все крепко расцеловались. Тито признался Жежелю, что «нигде уже лучше не будет, чем в Индонезии».

Затем «Галеб» взял курс на Бирму. Тито сидел на палубе и пытался приручить большого белого попугая, которого подарил ему Сукарно. Он заметил, что попугай чем-то испачкался, попросил спирт, вату и начал осторожно очищать ему перья. Попугай был недоволен и пытался цапнуть Тито за палец или руку, но тот продолжал постепенно приводить птицу в порядок. Потом на какое-то время он ушел в каюту, а на палубе появилась Йованка. Узнав, что муж так и не закончил чистить попугая, она приказала адъютанту принести ведро с водой, шампунь и хорошенько вымыть птицу. Тут появился Тито и, увидев, что делают с попугаем, который орал во весь голос, страшно рассердился, сказав, что птица может получить воспаление легких. Он отобрал у них птицу, ушел в ванную и высушил ее феном, потом отнес к себе в каюту[622].

В порту столицы Бирмы Рангуна Тито торжественно встретили президент У Ну и премьер генерал Не Вин. Для Тито был подан бронированный «ЗИС». Но Тито запротестовал: «В нем я чувствую себя как в клетке! Я не хочу прятаться, тем более что на улицах почти нет народа, совсем никого нет! Кого бояться?»[623]

Вскоре начались переговоры Тито с премьером Бирмы генералом Не Вином. Он произвел большое впечатление на Тито, который назвал его «будущим страны». Тито очень понравилось,

что Не Вин пытается проводить свою политику, а не следовать курсом «великих держав», которые окружают Бирму, — Китая и Индии. А вот президент У Ну его явно разочаровал. «Как может быть человек президентом, если он при этом играет и роль попа? — раздраженно говорил Тито своим соратникам. — Разве не грустно видеть, что, когда надо думать о государственных делах, он вдруг начинает молиться Будде?.. Все время молится и разговаривает сам с собой. Это же примитивно и слишком отстало».

После встреч и приемов в Рангуне Тито устроил ответный прием на «Галебе». На него были приглашены Не Вин и другие бирманские руководители. Не Вин пытался соревноваться с Тито в том, кто больше выпьет вина, но быстро проиграл. Когда корабль уже вышел в море, Тито сказал о нем: «Он хороший человек, потому что пьет. У Ну — не пьет, а этот не боится ни Будды, ни какой другой религии»[624].

13 января Тито прибыл в Мадрас, потом вылетел в Дели. Началась поездка по «волшебной Индии». Это действительно напоминало сказку: в индуистских храмах югославы с изумлением увидели огромное количество алмазов, рубинов и других драгоценных камней. Служители храмов проделывали над Тито различные манипуляции, которые полагались только очень высоким гостям. «Тут было 300 тысяч богов, а ты стал трехсоттысячепервым», — пошутил кто-то из югославов, а Йованка добавила, что наконец-то «обвенчалась» с Тито, чего не могла сделать до сих пор в Югославии.

Затем Тито отправился на Цейлон. От предложения хозяев осмотреть храмы Тито вежливо уклонился, заметив своим спутникам, что они ему «уже стоят поперек горла», а вот чайные плантации осматривал с большим интересом. «Что если и нам наши черногорские горы превратить в чайные плантации?» — заметил он. Его окружение вежливо посмеивалось — оно хорошо знало, что маршал предпочитает выпить рюмку ракии или бокал вина, а не чашку чаю — даже цейлонского[625].

Следующим «номером программы» была Эфиопия. 2 февраля 1959 года «Галеб» прибыл в эфиопский порт Масау. На следующий день Тито улетел в Аддис-Абебу, где его ждал царь Хайле Селассие. Накануне сотрудники югославской службы безопасности осмотрели город и, к своему изумлению, обнаружили в одном из магазинов книгу Джиласа «Новый класс». Хозяин, правда, уверял, что не знает, о чем эта книга. Ее изъяли из продажи.

Эфиопский монарх, зная вкусы Тито, устроил ему пятидневную охоту в саванне. Для Тито был построен

специальный «шатер» — со спальней, столовой, салоном, туалетом и душем с холодной и горячей водой. Рядом были еще две столовые, фильтры для воды, холодильник, электрогенератор. Район охоты Тито охраняли подразделения эфиопской армии, а для поисков животных был выделен вертолет.

После этой поездки в Эфиопию «легендарный маршал» и «Лев-победитель» Хайле Селассие стали большими друзьями. Югославские строители, инженеры и врачи почти постоянно работали в Эфиопии, а югославское оружие поступало на вооружение эфиопской армии.

Дружба Тито и Хайле Селассие продолжалась до самой загадочной смерти царя в 1975 году — по одной из версий, его задушили подушкой сторонники недавно пришедшего к власти местного «революционера» Менгисту Хайле Мариама. Тито еще не раз встречался с Хайле Селассие и подарил ему виллу на Бриони. Несколько раз на этой вилле селили других гостей югославского президента, и Тито посмеивался: «Царь об этом знает и, кажется, немного сердится»[626].

Впрочем, император не остался в долгу — Тито получил от него в подарок дворец в центре Аддис-Абебы. В нем долгое время находилось посольство Югославии, а сейчас — посольство Сербии.

После Эфиопии, а затем и Судана Тито встретился еще с президентом Насером — сначала в Египте, а потом они вместе поехали в другую часть Объединенной Арабской Республики — в Сирию. Возвратившись домой, Тито выступил на большом митинге в Белграде. «Мы посетили страны, в которых живет около шестисот миллионов человек, — сказал он. — Мы видели, что у этих шестисот миллионов существует одно-единственное желание — жить в мире, строить свою, лучшую жизнь… У нас на этом пути была одна-единственная цель — содействовать как можно большему сплочению тех сил в мире, которые борются за мир, которые хотят жить в мире и мирно развиваться». Он опроверг слухи, что Югославия хочет создать какой-то «третий блок»: «Мы против и двух, не говоря уже о третьем»[627].

«Кочующая дипломатия» приносила свои плоды — Тито становился в глазах мира одним из создателей новой политической реальности. Он окончательно пришел к выводу, что будущее Югославии как государства «мирового значения» находится в третьем мире. Тито считал, что третий мир сможет обеспечить Югославию необходимым сырьем и сделать ее менее зависимой как от США, так и от СССР, а югославские предприятия получат огромные рынки сбыта для своей продукции.

Тито с большой симпатией следил за развитием кубинской

революции. В августе 1959 года в Югославию прибыл один из ближайших сподвижников Фиделя Кастро команданте Эрнесто Че Гевара. Он совершал «мировое турне» в поддержку кубинской революции, и Югославия была первой из социалистических стран, в которых ему пришлось побывать. «Мы были поражены популярностью Тито в народе», — записал Че в своем дневнике, заметив, что она сопоставима с популярностью Насера в Египте или «нашего Фиделя»[628].

Два знаменитых партизана разных поколений встретились на Бриони 18 августа. Тито дал кубинцам несколько советов. В частности, рекомендовал объявить, что земля у богатых владельцев — особенно у американцев — будет выкупаться. Он посоветовал не трогать мелких и средних землевладельцев. «Куба находится рядом с Америкой, — сказал Тито, — и то, что в ней происходит, может повлиять на соседние страны».

Кубинцы просили оружия, а также тракторы, электрогенераторы и другую технику. Тито сказал, что проблем в этом не видит. Че Гевара извинился, что у Кубы пока нет в Югославии посольства. По его словам, Югославию, как социалистическую страну, немного боялись. «Лучше сказать — как коммунистическую страну!» — уточнил Тито[629].

Че Гевара пробыл в Югославии еще несколько дней, его очень заинтересовала система самоуправления. «Это совсем новое для нас явление», — признался он, пообещав обо всем рассказать на Кубе.

Однако, несмотря на теплый прием, Че, как оказалось, не особо проникся не только югославским, но и советским опытом. Гораздо ближе ему казалась китайская революция. С кубинским лидером Фиделем Кастро у Тито в дальнейшем сложились теплые, но противоречивые отношения. Тито поддержал кубинцев во время американской блокады и Карибского кризиса 1962 года. Куба стала одним из основных членов Движения неприсоединения, но, поскольку Кастро ориентировался на Москву, Тито считал Кубу «проводником советского влияния» в Движении.

В 1960 году Тито продолжил свой «марафон встреч и переговоров». В июле Тито встретился с сэром Уинстоном Черчиллем. Черчилль приплыл в Сплит со своей женой Сарой на яхте знаменитого миллиардера Аристотеля Онассиса.

Яхта пришвартовалась к небольшому причалу у виллы «Далмация». Знаменитому политику, а теперь и лауреату Нобелевской премии в области литературы 1953 года (выигравшему тогда у самого Хемингуэя) было уже 86 лет, и он с трудом передвигался, опираясь на толстую трость. Встречавший

Черчилля Тито поддерживал его под руку, сзади шли их жены.

Потом Черчилль пригласил Тито и Йованку на яхту. Их там встретил сам Онассис. Началась беседа, принесли напитки. Черчиллю плеснули на дно бокала немного виски. «Почему Вы налили себе так мало виски? — спросил Тито. — Вы же учили меня, что виски надо пить большими порциями!» — «Ну, это было тогда, когда мы оба были у власти, — ответил Черчилль. — Теперь же у меня ее нет, а Вы держите ее по-прежнему!»[630]

Это был третье и последнее свидание Тито и Черчилля. После смерти бывшего британского премьера в начале 1965 года Тито говорил в интервью французскому журналу «Пари матч»: «У меня о нем хорошее мнение как о государственном деятеле, если, конечно, не учитывать то, что он сделал против рабочего движения и особенно против молодой Советской республики во время интервенции. Однако, оценивая его деятельность через призму того, что он сделал во время прошлой войны, могу сказать, что считаю его одним из самых крупных политиков новейшего времени. И долго еще придется ждать, пока появится новая личность такого масштаба»[631].

Тито часто спрашивали, как он оценивает того или иного политика, с которым ему приходилось встречаться. Однажды он сказал, что очень ценит генерала де Голля, который сумел завершить войну в Алжире и вообще много сделал для Франции. «Я вижу, что он очень смелый человек, — сказал Тито. — Я люблю смелых людей, которые не боятся экспериментов»[632].

Но отношения с де Голлем у него не складывались. Де Голль ни разу не был в Югославии. Он, во-первых, не простил Тито расстрела Дражи Михайловича, с которым вместе учился во французской Военной академии и дружил. Время от времени де Голль, как будто назло Тито, публично называл Югославию Сербией, давая понять, что это государство он считает искусственным образованием. «Кажется, де Голль что-то имеет против меня, — удивленно говорил Тито. — Он упрямый человек!»[633]

Де Голль обвинял Тито и во вмешательстве в алжирские дела. Югославия поддерживала алжирских партизан, сражавшихся за независимость своей страны от Франции. Им передавались крупные партии оружия, алжирцы учились в югославских военных училищах, а раненые бойцы лечились в югославских госпиталях. Уже в конце политической карьеры де Голля возникла еще одна точка раздора: в 1967 году Тито поддержал арабов во время «шестидневной войны» с Израилем и разорвал с Тель-Авивом дипломатические отношения.

В феврале 1962 года Тито отправился в очередной «путь

мира». На этот раз — на «пылающий континент», как тогда называли Африку. В феврале 1961 года «Галеб» взял курс на Гану. После Ганы Тито посетил Того, Либерию, Гвинею, Мали, Марокко, Тунис и закончил свое путешествие по традиции у друга Насера в Объединенной Арабской Республике. Поездка по Африке длилась 76 дней, и за это время Тито в очередной раз открывал неизвестный до сих пор для себя мир.

Тито и президент Насер решили обратиться к главам государств третьего мира с предложением провести конференцию представителей стран, не входящих в военные блоки. Она должна была пройти в Белграде.

1 сентября первая конференция глав государств и правительств неприсоединившихся стран действительно начала свою работу в столице Югославии. В ней принимали участие 25 участников и три наблюдателя — Боливия, Бразилия и Эквадор. Этот день считается датой основания движения неприсоединения. «Эта встреча, — заявил Тито на открытии конференции, — должна донести до великих держав мысль, что судьба мира не может быть только в их руках»[634].

Конференция продолжалась шесть дней. Среди документов, которые она приняла, были письма к Хрущеву и Кеннеди с призывом начать переговоры о самых острых проблемах в мире.

Таким образом, в результате усилий Тито и его единомышленников на свет появилась, пожалуй, одна из самых необычных международных политических организаций, которая когда-либо существовала в истории. Движение неприсоединения объединяло не только государства с различными социальными системами, но и вообще страны, которые, казалось бы, существовали в разных измерениях — абсолютные средневековые монархии и социалистические республики. Рядом с коммунистами заседали те, кто их с наслаждением пытал и убивал, рядом с королями и шейхами — настоящие людоеды. Некоторые из участников движения испытывали друг к другу чуть ли не физическое отвращение. Но Тито, Неру, Насер и Сукарно сумели объединить и сплотить их всех.

Югославия была единственной европейской неприсоединившейся страной. Во многом и политика «неприсоединения» строилась по югославскому образцу — «ни Запад, ни Восток, но мирное сосуществование со всеми странами».

Со временем в движение неприсоединения вошли страны, в которых проживало 55 процентов населения Земли. На мировой арене и в ООН оно превратилось во внушительную силу, а Югославия, благодаря своему лидерству в движении, могла почти

на равных разговаривать с сверхдержавами. Несмотря на скромный дипломатический опыт, Тито стал одним из крупнейших и успешных дипломатов XX века — пока он был жив, его детище развивалось и крепло. В октябре 1964 года в работе второй конференции в Каире участвовали уже 47 стран и 10 наблюдателей. В работе следующей, в столице Замбии Лусаке, — 54 страны; в 1973 году в Алжире — 75 государств, в столице Шри-Ланки Коломбо в 1976 году — 86 участников, а в Гаване в 1979 году — 95 стран, не считая наблюдателей и гостей.

Югославские строители, инженеры, врачи, учителя и военные были теперь разбросаны по всему миру. В Эфиопии они строили ГЭС, в столице Габона Либревиле — здание Организации африканских государств, в Центрально-Африканской Империи — дворцовый комплекс императора Бокасса, который потом оказался людоедом, и т. д. В то же время на судоверфях в Сплите строились корабли для Индии, на заводе имени Раде Кончара в Загребе производили генераторы для Танзании и Кубы, на оружейных заводах Крагуевца — югославские версии автоматов Калашникова для Алжира и партизан Мозамбика.

Со временем Тито настолько полюбил свое детище в лице движения неприсоединения, что стал уделять ему чуть ли не большую часть своего времени. До восьмидесяти, а то и до девяноста процентов дипломатической активности Югославии уходило на связи со странами Азии и Африки[635].

Уже после смерти Тито и исчезновения основанной им страны в одном из сербских журналов появилась ироническая карта титовской Югославии, на которой ее столицей является Бриони и которая граничит с Танзанией, Эфиопией, Ираком, Индией, Египтом и Алжиром. Между ними каким-то чудом затесались другие «мелкие пограничные» страны — Западная Германия, Австрия и Италия.

В Югославии рассказывали такой анекдот. «Есть ли жизнь на Марсе?» — спрашивает американец у югослава. «Нет», — уверенно отвечает тот. «Откуда ты знаешь? — удивляется американец. — Даже современная наука не может ответить на этот вопрос». — «Не знаю насчет науки, — говорит югослав, — но, если бы там жили люди, Тито бы их обязательно навестил».

Был и другой анекдот — о том, как в музее восковых фигур выставили Ленина, Сталина и Тито. Под каждым из них стояли таинственные буквы «БТ». «Что это значит?» — удивленно спрашивали посетители. «Очень просто, — отвечал экскурсовод, — товарищ Ленин — большой теоретик, товарищ Сталин — большой террорист и товарищ Тито — большой турист!»

Вскоре Тито обратил свой взгляд на мало известные для себя части света — Южную и Северную Америку. Конечно, там была революционная Куба, но на Кубу Тито решил пока не ехать. Вероятно, он считал, что для этого у него еще будут возможности, а может быть, причиной этого были ярко выраженные в тот момент симпатии Кастро и Че Гевары к Китаю.

На этот раз Тито решил лететь самолетом. 18 сентября 1963 года он вылетел на реактивном DC-8 из Белграда. Первой страной на его пути стала Бразилия. Здесь не обошлось без неприятностей. Епископ Рио-де-Жанейро осудил Тито как атеиста и коммуниста, а губернатор провинции Гуанабара, в которой находится Рио, отказался его принимать. Так же поступил и губернатор провинции Сан-Паулу. Более того, визит Тито вызвал в Бразилии даже небольшой правительственный кризис — два правых министров подали в отставку в знак протеста против его приезда[636].

Затем были Боливия, Чили и Мексика. Прием Тито в Мексике вполне мог нейтрализовать тот неприятный осадок, который должен был остаться у него после Бразилии. Мексиканцы сделали все возможное, чтобы по пышности и театральности встречи оставить другие страны, где бывал Тито, далеко позади. Мексиканский президент Адольф Лопес Матеос рассказал, что в его стране существует легенда, будто когда-то Иосип Броз жил в Мексике под псевдонимом «товарищ Вивес». Во время интервью на мексиканском телевидении ведущий спросил Тито, правда ли это. Тито с огорчением покачал головой: «Нет, я никогда раньше не был ни в Мексике, ни в Южной Америке…»

Некоторые мексиканцы были разочарованы, но президент Матеос постарался их утешить. Он заявил, что Тито дорог мексиканцам потому, что соединяет в себе «те удивительные добродетели, которыми обладали вожди в борьбе за независимость Мексики: прозорливость ее основоположников Идальго и Морелоса, храбрость Сапаты, мудрость и решительность Франсиско Мадеры…»[637]. Кстати, после смерти Тито в Мехико ему поставили памятник.

После Мексики Тито отправился в США. На этот раз — по приглашению президента Кеннеди. Они встретились на лужайке Белого дома в Вашингтоне, куда Тито прилетел на вертолете. Это было лишь начало диалога. Тито был первым руководителем социалистической страны, который встретился с президентом США после Карибского кризиса.

Временная американская резиденция Тито находилась в Нью-Йорке, в знаменитом отеле «Уолдорф Астория». Перед отелем постоянно проходили демонстрации протеста югославских

эмигрантов, которые скандировали: «Тито — убийца!» Протесты раздавались и в конгрессе. Сенатор Додд, к примеру, заявил, что у Тито «руки по локоть в крови», а знаменитый ультраправый сенатор Голдуотер — что Тито тайно передает Москве каждый доллар, который получает от США. Возможно, что во время пребывания Тито в Америке ему грозила и смертельная опасность.

В 1961 году в Нью-Йорк из Германии кружным путем — через Африку и Южную Америку — прибыл сербский эмигрант Никола Кавая. Кавая закончил академию ВВС в Белграде, но вскоре присоединился к подпольной антикоммунистической группе, а потом и нелегально перешел границу с Австрией. По некоторым данным, там он был завербован ЦРУ. После приезда в США он со своими единомышленниками создали Сербское освободительное движение «Отечество», одной из главных целей которого стало покушение на Тито. «Мы создали лагерь, и я там тренировался в стрельбе из винтовки, — рассказывал позже Кавая. — Мишенью служил портрет Тито»[638].

Он говорил, что пытался убить Тито еще в Бразилии, Чили и Мексике, куда для маскировки прибыл под видом католического священника, но это оказалось невозможным — Тито слишком хорошо охраняли. Тогда Кавая решил убить его в США, и такой случай представился ему, когда Тито посещал военную базу Вильямсбург в штате Вирджиния. Однако, по его словам, их ждал неприятный сюрприз: Тито прилетел на базу вертолетом. «У меня не было противовоздушного оружия, — говорил Кавая. — Мы не ожидали, что Тито полетит вертолетом. Его хранил Бог или дьявол, и он его сохранил»[639].

Но в рассказы заговорщика поверили далеко не все. По одной версии, Тито тогда спасла плохая координация или конкуренция между американскими спецслужбами, и ФБР предотвратило планы, которые вынашивало ЦРУ с помощью Кавая. По другой, эти планы стали известны в администрации президента, и оттуда же поступило требование немедленно все остановить. По третьей, Кавая просто все выдумал. «Классическая балканская сказка, много драмы и мало правды», — процитировала газета «Нью-Йорк таймс» слова представителя ЦРУ.

Тито оставался в США до 25 октября. Ему удалось еще раз поговорить с президентом Кеннеди. Правда, только по телефону. «Мне, господин президент, очень неприятно то, что происходит перед вашим отелем, — сказал Кеннеди. — Поверьте, что я сделал все, что в моих силах». — «Не беспокойтесь о моей безопасности, — ответил Тито. — Вы тоже должны беречь себя!»[640]

Тито как в воду глядел. Прошло меньше месяца, и Кеннеди был убит в Далласе. Это было каким-то роковым совпадением — только-только в отношениях с США и СССР Тито нашел общий язык, как его партнеры исчезли с политической арены. Кеннеди — убит, а Хрущев — отправлен в отставку. Оставалось только надеяться, что новые руководители этих стран будут придерживаться прежних договоренностей.

На VIII съезде СКЮ в декабре 1964 года присутствовала делегация КПСС с кандидатом в члены Президиума ЦК Петром Демичевым. Впервые советская делегация посещала съезд югославских коммунистов. Тогда Тито подчеркнул, что изменения в советском руководстве — это внутреннее дело СССР. Демичев же передал Тито приглашение Брежнева приехать в СССР.

4 мая 1965 года уже сам Брежнев в личном послании Тито подчеркнул: «Мы постараемся, чтобы Ваше пребывание в Советском Союзе было интересным и приятным», а 18 июня Тито прибыл в Москву. Ему дали возможность побывать в местах своей молодости. Из Москвы он поехал в Минск, потом посетил Свердловск, затем отправился еще дальше на восток — в Иркутск и Братск, а оттуда — в Омск. «Я больше сорока лет назад уехал из Омска, — говорил он. — Тогда это был городок с деревянными домами… Насколько я помню, в нем был только один двухэтажный дом, в котором находился банк. И вот на первом этаже этого здания мы организовали секцию КПЮ, и там был ее штаб. Сейчас, пролетая над городом, я не мог его узнать. От того старого Омска не осталось и следа…»[641]

Тито тянуло в места, где он провел свою юность. «Почти сорок лет прошло, а все было как вчера», — не без грусти замечал он[642].

Однако некоторых из знакомых своей молодости Тито все-таки увидел. Он встретился с тремя рабочими, с которыми более сорока пяти лет назад работал на мельнице богатого киргиза Исайи Джаксанбаева в селе Михайловке. После взаимных приветствий и обмена воспоминаниями Тито пообещал, что в следующий раз обязательно заедет в саму Михайловку.

Ну а пока, после девяти дней путешествия по стране, Тито снова вернулся в Москву, где состоялись переговоры с Брежневым. Брежнев провожал югославскую делегацию до аэропорта «Внуково». Когда 1 июля Тито вернулся в Белград, то поспешил сообщить, что в Советском Союзе югославов приняли как «желанных родственников, которые приехали издалека». «Я хотел бы, чтобы все наши люди понимали, что в Советском Союзе сегодня нет никакой настороженности по отношению к нам, —

заявил Тито. — И я хотел бы, чтобы и в Югославии не было настороженности по отношению к Советскому Союзу».

Тито, история и «мастера культуры»

В декабре в Белграде неуютно и мокро. Время от времени начинает дуть пронизывающий холодный ветер «кошево». Тито, если не было срочных дел, старался в это время уезжать на Бриони. Зимой 1963 года он не изменил своей традиции. В небольшой фотолаборатории он проявлял пленки, отснятые во время поездки по Америке. Тито был страстный фотограф, но профессионалы никак не хотели признавать его своим, что Тито очень огорчало.

Иногда он работал в слесарной мастерской, иногда шел на кухню, чтобы самому приготовить для отдыхавших с ним друзей и гостей свое любимое блюдо — штрудели с яблоками. На этот раз к нему приехал англичанин Фицрой Маклин. Тот самый, который когда-то был главой британской военной миссии при Верховном штабе НОАЮ. Теперь Маклин был членом британского парламента и известным в Великобритании публицистом. Он не упустил случая, чтобы взять у Тито интервью. Оно было использовано для документального фильма «Жизнь и время президента Тито», который вскоре показала телекомпания Би-би-си.

Это был долгий и обстоятельный разговор. «Маршал, вы как марксист, вероятно, верите в исторический детерминизм? — спросил Маклин. — Думаете ли вы, что отдельные личности могут влиять на ход истории? Полагаете ли вы, что такие люди, как Ленин, Уинстон Черчилль, Гитлер, Сталин и вы сами, влияли на историю?» — «Наверное, влияли, — ответил Тито. — Но не стоит забывать, что отдельная личность не может черпать в самой себе всю силу и прозорливость, если за ней не стоит народ. Личность может стать исторической, если ее народ поддерживает и обеспечивает это влияние. Сама по себе личность эту роль получить не может». — «Но если бы вы начинали свою жизнь сначала, хотели бы вы в ней что-то изменить?» — «Думаю, что я бы пошел тем же путем. Может быть, по дороге что-нибудь и „поправил“. Могу только сказать, что жалею, что не смог сделать еще больше»[643].

Тито находился у власти уже больше пятнадцати лет, а за спиной у него была долгая и богатая событиями жизнь. Поскольку он считался «любимым вождем» и «легендарным полководцем», то его биографию и его работы обязательно изучали — начиная со школы.

В 1959 году появилось первое собрание сочинений Тито — девять томов. Потом они выходили неоднократно, и число томов в них все увеличивалось. Тито особо указывал, что ничего не менял в своих работах и документах, которые касались его друзей и соратников, ставших потом его политическими противниками, например о Хебранге, Жуйовиче или Джиласе.

Но, конечно, маршал лукавил. Он сам не раз лично приложил руку к изменениям в некоторых исторических документах. Такую «правку» Тито называл «авторизацией»[644]. Скажем, в 1942 году он направил донесение в Коминтерн, в Москву. Он писал, что вождь черногорских четников полковник Байо Станишич на митингах выкрикивает лозунги: «Долой черногорских коммунистов!», а также «Да здравствует Сталин и СССР!». Такой парадокс объяснялся просто — черногорцы всегда симпатизировали России, в том числе и коммунистической, и даже четники не могли не учитывать эти настроения народа, а вот своих коммунистов не любили. После войны Тито из донесения выкинул лозунг о Сталине и СССР. Получалось, что четники призывали только уничтожать коммунистов.

Постепенно из официальных курсов истории Югославии и СКЮ уходило все, что могло бросить тень на Тито и руководство партии.

В 1960-е годы начинается расцвет югославского официального кинематографа. Главной его темой стала народно-освободительная борьба. Особое место среди этих проектов занимала «Битва на Неретве» режиссера Велько Булаича. Фильм снимался по личному указанию Тито. Он читал сценарий и давал свои советы. Бюджет фильма был практически неограниченным. В нем участвовало десять тысяч солдат и офицеров югославской армии, за время съемок было уничтожено четыре специально построенных села, одна крепость, построен, а потом, согласно исторической правде, взорван 80-метровый металлический мост через реку Неретву. По некоторым оценкам, фильм стоил 12 миллионов долларов — невероятные деньги для Югославии того времени. В «Битве на Неретве» были заняты «звезды» мирового кино первой величины: Юл Бриннер, Орсон Уэлс, Сергей Бондарчук, Франко Неро, а также знаменитые югославские актеры.

Премьера «Битвы на Неретве» состоялась 29 ноября 1969 года в Сараеве — в специально открытом по этому случаю культурно-спортивном центре «Скендерия». На премьере присутствовали Тито, Софи Лорен, Омар Шариф. Афишу для фильма нарисовал Пабло Пикассо. Фильм был продан шестидесяти странам и номинирован на «Оскар» как «лучший иностранный фильм», но, к

разочарованию югославов, его так и не получил.

В 1971 году начал сниматься еще один масштабный фильм о войне — «Сутьеска». В нем шла речь о битве на реке Сутьеске летом 1943 года. Он был менее грандиозным, чем «Битва на Неретве», но зато его главным героем стал сам Тито, роль которого исполнял знаменитый голливудский актер Ричард Бартон. Он признавался, что эта роль была, наверное, самой худшей в его карьере. «Знаете, актеру исключительно тяжело играть роль другого актера», — объяснил он[645].

Тито умел находить общий язык со «звездами». Софи Лорен, Кёрк Дуглас, Марио дель Монако, Юл Бриннер, Вивьен Ли, Лоуренс Оливье и другие были от него в восторге.

Часто он принимал Кёрка Дугласа — вестерны с его участием Тито очень любил. Однажды он поинтересовался, как Дуглас снимается в трюках и погонях. «Об этом вам лучше спросить у режиссера и каскадеров, которые все это делали», — ответил актер. Тито разочарованно ответил, что в таком случае и он мог бы сниматься в боевиках[646]. При этом он не любил ни мелодрам, ни фильмов про войну. Злые языки утверждали: потому что ему в этих фильмах не находилось места.

Ему жаловались на то, что югославскую молодежь «захватил западный твист». Тито отмахнулся. «Они должны жить, как и живет молодежь, и мы не должны им мешать, — ответил он. — Если кто-то может сделать так, чтобы у него в каждой ноге было по два-три колена, — пусть будет»[647].

Сам Тито любил классическую музыку. В 1960 году он пригласил на Бриони известного итальянского оперного тенора Марио дель Монако. Но тот был явно не в голосе. «Синьор дель Монако, — сказал Тито, — перед тем как петь, всегда полезно перекусить. Вот, возьмите кусочек этой поросятины и увидите, как потом у вас все отлично получится!» Как ни странно, после еды у певца действительно появился голос. Гости были в восторге, а Тито — больше всех[648].

С дель Монако они встречались не раз, в том числе и в Италии. Но когда Тито спросили, что ему больше всего понравилось там, он не стал кривить душой. «Джина Лоллобриджида», — честно ответил он.

Осенью 1959 года встречи с Тито добилась известная югославская журналистка Зорица Мутавжич, писавшая на темы культуры и искусства. Она попросила разрешения посмотреть на произведения искусства и подарки, которые находятся в резиденции президента. Тито надел пальто и пошел лично показывать их.

Большинство из даров хранились в специальном павильоне —

музей, куда их потом перенесли, еще не был построен. Тито играл роль экскурсовода, а заодно рассказывал о том, что он любит, а что нет. «А какой ваш портрет или бюст нравится вам больше всего?» — спросила журналистка. «Этого добра здесь полно, — заметил Тито и показал на один из своих бронзовых бюстов. — Этот бюст мне всегда нравился, — сказал он. — Его сделал один старый американец, Джо Дэвидсон. Он умер несколько лет назад, хороший был человек!» Рядом с бюстом Тито стоял бюст Горького. «А вот эта вещь мне тоже очень нравится, — сказал маршал, — попрошу, чтобы его перенесли в мой кабинет. Я очень люблю Горького»[649].

С классиками югославской литературы его отношения были более сложными. Боснийский хорват Иво Андрич в королевской Югославии был дипломатом, а в 1939 году стал ее послом в гитлеровской Германии. После объявления Германией войны Югославии он вернулся в Белград — всего лишь за несколько часов до начала бомбардировки города 6 апреля 1941 года. Всю оккупацию он прожил в Белграде, практически под домашним арестом, но не разрешал печатать свои прежние работы. В это время он работал над знаменитой трилогией «Мост на Дрине», «Травницкая хроника» и «Барышня», которая появилась в 1945 году.

После войны, несмотря на «сомнительные» моменты в его биографии, Андрича выбрали депутатом Народной скупщины. В декабре 1954 года он вступил в СКЮ, хотя, по некоторым данным, после долгих уговоров[650].

Андрич никогда не был близок к Тито. В 1961 году его роман «Мост на Дрине» был номинирован на соискание Нобелевской премии в области литературы. Вторым кандидатом от Союза писателей Югославии был не менее крупный писатель Мирослав Крлежа — в отличие от Андрича, близкий друг Тито. Когда из Стокгольма пришла новость, что премию присудили Андричу — вся Югославия ликовала. Он стал первым югославом, который получил Нобелевскую премию, и к тому же сумел обойти таких писателей, как Джон Стейнбек и Грэм Грин.

Когда на Бриони, где в это время находился Тито, дошли сообщения, что премию получил югослав, в резиденции начали поднимать тосты за здоровье… друга Тито Мирослава Крлежи. Но утром выяснилось, что премию получил Андрич[651]. После триумфального возвращения Андрича из Стокгольма Тито его почему-то не принял. Потом он сделал это, но прием получился скромным — на 28 человек[652]. Но Тито, конечно, ценил талант Андрича. Когда в 1979 году писатель умер, Тито сказал, что его смерть — «великая потеря для многонационального искусства

Югославии, для всей страны».

А вот с Мирославом Крлежей Тито долгое время дружил. Однажды он был у Тито в гостях и обедал вместе с ним и Йованкой. Тито увидел, как его жена тянется за очередным куском хлеба, и заметил: «Слушай, Йованка, тебе не хватает? Ты ешь слишком много хлеба. Смотри, растолстеешь!» — «Почему ты не разрешаешь жене есть? — возразил Крлежа. — Смотри, когда я попаду на тот свет, то расскажу Богу, как ты своей жене даже хлеб запрещал есть!» — «Я-то с Богом договорюсь, доносчик!» — отшутился Тито[653].

Тито и Крлежа знали друг друга еще с 1927 года. Крлежа был коммунистом, но не очень дисциплинированным. Во время гражданской войны в Испании его спросили, почему он еще не там. «Я боюсь смерти, трупов и зловония, — ответил он. — С меня хватит того, что я повидал в Первую мировую войну в Галиции»[654]. Крлежа не присоединился и к партизанам Тито. Он прожил всю оккупацию в Загребе, столице Независимого Государства Хорватия. Власти предлагали ему сотрудничество, но Крлежа от него уклонился.

После войны Крлежа прославлял Сталина, потом, после 1948-го, выступал против него и, казалось бы, снова стал своим для коммунистов. Правда, в конце 1960-х они с Тито разошлись, однако Тито никогда с ним не рвал отношений. В 1979 году Крлежа сказал о маршале: «Пока Тито жив, иностранные войска не будут топтать нашу землю, а потом все будет зависеть от нас самих — от тех, кто останутся или возьмут власть». В этом он оказался прав.

В отличие от Андрича и Крлежи писатель Добрица Чосич был партизаном. А также коммунистом, ярым сторонником Тито и членом ЦК Союза коммунистов Сербии. «Партизанские» и исторические романы Чосича — «Солнце далеко», «Корни», «Разделы» и другие — были переведены на многие языки мира. Чосич был убежден, что «невозможно размышлять о Югославии, не подразумевая Тито». Однако в конце 1960-х он перешел в оппозицию Тито. Если Крлежа поддержал хорватских националистов, то Чосич — сербских. Вершиной его политической карьеры стал пост президента Союзной Республики Югославии, в которую входили уже только Сербия и Черногория, в 1992–1993 годах.

Ни Андрич, ни Крлежа, ни Чосич при Тито не испытывали серьезных препятствий в своей литературной деятельности. Это могли бы сказать о себе и многие другие писатели. Но это не означает, что Тито не проявлял совсем других, нелиберальных своих качеств. Когда ему это было нужно.

В 1964 году профессор Загребского университета Михайло Михайлов (его родители были эмигрантами из России) в порядке культурного обмена между Югославией и Советским Союзом уехал на полтора месяца в Москву, в МГУ. Там он познакомился с известными советскими писателями: Эренбургом, Леоновым, Ахматовой, Вознесенским, с Окуджавой и другими. Вернувшись в Югославию, Михайлов начал печатать в белградском журнале «Дело» большой очерк о своих московских литературных встречах. Очерк имел отчетливый антисталинский акцент, а некоторые из собеседников автора осмеливались критиковать и самого Ленина.

Публикация вызвала резкие протесты советской стороны. Тито, который балансировал между Востоком и Западом, обрушился на Михайлова как на человека, «клевещущего на дружественный Советский Союз». Вскоре Михайлов был арестован и просидел в тюрьме под следствием сорок дней[655].

На Западе поднялся шум, книгу Михайлова перевели на одиннадцать языков, а его самого под давлением западной общественности выпустили. В последующие годы его снова арестовывали и снова освобождали, пока в 1978 году не вручили загранпаспорт и не выдворили на Запад, лишив югославского гражданства. «Я… оказался единственным югославским диссидентом, „удостоившимся такой чести“, — говорил Михайлов. — В отличие от СССР, для Югославии это не было обычной практикой. Вернули мне гражданство только в 1989 году»[656].

В 1965 году произошло важнейшее событие для югославской культуры. Летом в страну из Лондона вернулся выдающийся сербский поэт и писатель Милош Црнянский. Он пробыл в эмиграции с 1941 года, но как признавал даже глава УДБ Ранкович, ничем себя там не запятнал.

Ему оказывали всевозможный почет и уважение. Его часто навещали деятели культуры, а высокопоставленные руководители приглашали на обеды. Встречался Црнянский и с Ранковичем. Однажды писателя спросили: «Когда Марина Цветаева вернулась в Россию, она вскоре совершила самоубийство. А когда вернулся Куприн, он наклонился и поцеловал родную землю. А вы что сделаете?» — «Ни то ни другое», — ответил писатель[657].

Црнянский давал интервью, выступал, но не говорил ничего такого, что могло бы как-то обидеть Тито. Во время одного из своих выступлений он сказал переполненной аудитории: «На этом месте я говорил 32 года назад. Что же, давайте теперь продолжим!»

Через некоторое время в канцелярию Президента СФРЮ

поступил отпечатанный на машинке памфлет на Црнянского. «Когда фашизм возвращается на мировую арену, к нам возвращается и Милош Црнянский, — начинался он. — Црнянский смело, открыто, без стыда и мук совести, обращается к огромной аудитории со словами: „На этом месте я говорил 32 года назад. Что же, давайте теперь продолжим!“ Хорошо, мистер Црнянский, давайте действительно продолжим. Но… необходимо припомнить, что именно вы и ваши единомышленники говорили 32 года назад».

Далее утверждалось, что писатель, будучи еще в 1929 году пресс-атташе югославского посольства в Берлине, проникся идеями фашизма. Его обвиняли в издании «фашистской» газеты в Югославии, в славословии Франко и Муссолини, в борьбе против марксизма в литературе. Авторы выражали удивление, что югославские газеты «восхваляют возвращение Црнянского». Это оскорбляет память погибших публицистов-коммунистов, утверждали они.

Тито прочитал этот памфлет. Более того, он своей рукой наложил резолюцию: «Хорошо бы это напечатать»[658]. Но вряд ли Тито мог беспокоить сам писатель и его взгляды. От Црнянского слишком веяло сербской патриархальностью, ему тогда уже было 72 года, и его возвращение из эмиграции приносило только дополнительные очки титовской Югославии. Скорее всего, причина была в области большой политики. Тито не мог не видеть оживления, которое испытали сербские круги от приезда писателя. Он, видимо, опасался, что это может перерасти в усиление «просербского» течения в партий но-государственном руководстве.

Несмотря на резолюцию Тито, памфлет против Црнянского так никогда и не был напечатан, и вряд ли сам писатель о нем знал. Он прожил в Югославии еще 12 лет и, хотя некоторые из его появившихся позже работ подвергались критике в газетах и журналах, не испытывал никаких политических притеснений. Он получил несколько престижных югославских и международных премий, еще при жизни был признан «выдающимся писателем» и скончался в 1977 году в Белграде.

ПОЗОЛОЧЕННАЯ ЭПОХА

«Работай, не работай, а радио играет!»

21 августа 1965 года Тито катал на своей яхте «Подгорка» руководителей испанской компартии Сантьяго Карильо и легендарную Пассионарию — Долорес Ибаррури. «Мы чувствуем себя здесь как в Испании», — заметил разомлевший на солнце Карильо. «Надеюсь, в свободной Испании, без Франко?» — уточнил Тито. Пляжи были заполнены множеством туристов. «Попробуйте хотя бы несколько миллионов туристов отобрать у Франко», — сказал, глядя на них, Карильо. «Испания получает почти миллиард долларов дохода от туризма ежегодно, — ответил Тито. — Это — чистая валюта. Доход от туризма всегда был самым легким: продаешь солнце, берег, море… Вот только к Франко ездят туристы с полными карманами, а к нам приезжают те, у которых немного денег»[659].

Этот разговор был отражением серьезных дискуссий, которые в это время шли в Югославии. В их центре оказался туризм — один из главных символов и главных источников дохода Югославии.

До конца 1950-х годов Югославия была закрытой для иностранцев страной. Она получала от иностранного туризма всего лишь 18 миллионов долларов в год, а расчеты показывали, что эти доходы могли бы возрасти до ста миллионов. Сторонники развития туризма говорили, что для этого нужно отменить для иностранцев въездные визы, продавать им динары по льготному курсу и начать вкладывать средства в улучшение туристической инфраструктуры.

«Консерваторы» во главе с Ранковичем выступили против. Ранкович был уверен, что вместе с туристами в страну понаедут иностранные шпионы. Но Тито после некоторых колебаний поддержал «туристов». В начале 1960-х годов для иностранцев начали отменять въездные визы, для них вводился льготный курс обмена динара на валюту. Иностранные туристы получали 300 динаров за доллар, в то время как по официальному курсу доллар стоил 50 динаров[660].

Правда, возмутились представители Союзного секретариата по иностранным делам. Они считали, что отмена виз должна происходить только на взаимной основе. Сторонникам этой идеи удалось осуществить ее — в Югославию без визы могли приезжать граждане тех стран, в которые свободно могли

въезжать югославы. Но к середине 1980-х годов у Югославии существовали соглашения о взаимном безвизовом передвижении с подавляющим большинством государств. Поэтому и югославский паспорт высоко котировался на черном рынке.

Итак, тысячи иностранцев поехали на отдых в Югославию. К середине 1970-х ее посещали более пяти миллионов иностранных туристов в год. Другими словами, на каждых четырех югославов приходился один турист[661].

Отношение к туризму стало предметом острых споров между «либералами» и «консерваторами» в югославском руководстве. Для его развития нужны были государственные инвестиции. Но куда их направлять? Для строительства отелей на Адриатике, как предлагали «либералы», или на сооружение заводов и фабрик в наиболее отсталых частях страны — в Южной Сербии, Македонии, Косове? К этим спорам примешивались и национальные противоречия. Представители «морских республик» — Хорватии, Словении (главные опоры «либералов») и примкнувшей к ним Черногории — были за «туризм». Сербия, Македония и Босния — за индустриализацию.

…Прошло уже 10 лет после введения в Югославии «нового типа» демократии — «самоуправления трудящихся». Официальная «История СФРЮ», изданная еще при социализме, открыто признавала: «Политическая власть была еще главной силой, которая регулировала почти все экономические процессы… То есть речь шла об остром противоречии между реальной ситуацией и тем, что провозглашалось в законах и документах СКЮ. Такое положение не могло сохраняться долго. Требовалось либо менять общественное устройство, либо отказываться от Программы СКЮ»[662].

Действительно, самоуправление осуществлялось во многом на словах. Скажем, в распоряжении предприятий оставалось в среднем лишь 26 процентов дохода. Еще 14 процентов шло в различные формирующиеся на предприятиях фонды. Соответственно, порядка 60 процентов заработанного полностью уходило непосредственно в распоряжение государства. Рабочие советы предприятий имели возможность распределять от 4,8 процента чистой прибыли в 1954 году до 9,2 процента в 1957-м. Впоследствии эта доля несколько увеличилась, но все равно оставалась минимальной.

Всем было ясно, что по-прежнему главную роль в управлении «самоуправленческими» предприятиями играют партийные комитеты. Росла и крепла особая прослойка, которая распоряжалась ими де-факто. В нее входили местные партийные руководители, директора и высшие технические специалисты

предприятий. Интересно, что в 1961 году только треть председателей рабочих советов были действительно рабочими, а остальные представляли, выражаясь современным языком, менеджерский и директорский состав.

Часто рабочие и служащие, видя, как живут их начальники, задавали себе вопрос: почему им можно, а нам нет? В октябре 1963 года Ранкович подготовил справку, в которой указывал, что за последние два года среди руководителей различных общественно-политических организаций выявлено 3462 преступления, связанных с хищениями, злоупотреблением служебным положением в личных целях, получением взяток и т. д. Ущерб государству оценивался в 400 миллионов динаров. Среди организаций назывались Союз бойцов и военных инвалидов, Союз профсоюзов, Красный Крест, Союз народной молодежи и даже некоторые организации Союза коммунистов[663].

Зарплаты трудящихся все меньше зависели от количества и, главное, качества их труда. Как и в Советском Союзе, чей опыт югославские руководители стремились критически преодолеть, в Югославии возникла целая «философия» отношения к работе и жизни вообще. Наиболее ярко она выражалась в ехидных народных поговорках: «Никто не может мне платить так мало, как мало я могу работать!» или «Работал, не работал, а радио играет!» («Радио не радио, свира ти радио!»)

Предприятия — в частности для того, чтобы повысить зарплаты своим работникам, — резко ограничили прием граждан на работу. А поскольку после войны в Югославии произошел всплеск рождаемости, то такие меры означали рост безработицы. Часть югославов, благодаря либерализации режима, получила возможность искать себе работу за границей, но все равно в 1964 году, по различным данным, от 250 до 420 тысяч человек не могли найти работу.

Значительную часть населения Югославии раздражало неравенство доходов между республиками. Так, например, в 1962 году национальный доход надушу населения составлял в Словении 378 тысяч динаров в год, в Хорватии — 232 тысячи, в Воеводине — 203 тысячи, в Сербии — 175 тысяч, в Черногории — 142 тысячи, в Боснии и Герцеговине — 137 тысяч, в Македонии — 134 тысячи, в Косове — 71 тысячу. То есть разрыв между Словенией и Косовом был более чем пятикратным[664]. Для большей полноты картины можно привести другие данные. В июне 1963 года Союзная скупщина установила, что зарплата Президента Республики должна составлять 400 тысяч динаров в месяц. В апреле 1965 года она была увеличена до 550 тысяч

динаров (по официальному курсу это составляло более 10 тысяч долларов)[665].

В марте 1961 года началась очередная реформа в экономической системе страны. Предприятиям предоставили право самостоятельно распоряжаться гораздо большей частью прибыли. Но каждый раз Тито сталкивался с одной и той же проблемой — ослабление роли государства вело бы к вопросу о том, зачем стране нужны сотни профессиональных коммунистов, руководящих политической и экономической жизнью? Югославское руководство ломало голову — как бы модифицировать социализм, но при этом сохранить руководящую роль компартии и, не дай бог, не «заразиться» вирусом капитализма. С начала 1960-х годов Югославия вошла в полосу перманентных реформ, которые продолжались до смерти Тито, а потом и до смерти всей страны.

В марте 1962 года состоялось необычное заседание Исполкома ЦК СКЮ, которое продолжалось целых три дня. Тито возмущался: «Люди не слепые, они видят, что и наверху не все в порядке». Он долго приводил вопиющие, по его мнению, факты. «Мы задолжали миллиард и не знаю сколько миллионов долларов, — говорил он. — Народный банк не может осуществлять необходимые платежи. Это нас компрометирует, получается, что мы не выполняем свои обязательства, и уже есть случаи отказа от прежних договоренностей с нами в Голландии и Америке. <…> В Италии находятся 200–250, не знаю точно, представителей наших фирм, которые заказывают и покупают там все, что подвернется под руку… <…> а только в декабре прошлого года количество непроданного оборудования отечественного производства выросло на 33 процента по сравнению с предыдущим месяцем… <…> В 1961 году из Америки, Швейцарии и Японии ввезено 2500 старых ткацких станков — некоторые из них выпущены еще в 30–40-х годах, — зачитывал он свой список. — А с другой стороны, „Текстильстрой“ в Загребе, который работает по лицензии бельгийской фирмы „Паканол“, не работал четыре месяца, потому что у него не было заказов… Ввезено 200 старых и новых автобусов, а у наших автобусных заводов заказов нет. Ввезено 1400 различных сельскохозяйственных машин и орудий, из-за чего наши фабрики были вынуждены снизить производство почти на 6000 тонн этих машин и орудий»[666].

В 1963 году прошла банковская реформа — фактически в Югославии появились коммерческие банки. В 1965 году для предприятий снизили налоги, они получили право отчислять государству значительно меньшую долю своего дохода,

возможность держать свободные средства в коммерческих банках и получать у них кредиты. Считалось, что если деньги перейдут к коммерсантам, то они смогут лучше ими распорядиться, чем чиновники-бюрократы.

Реформа расширяла возможности и мелкого частного бизнеса. Частники тоже получали возможность получать кредиты. А частники-крестьяне — возможность покупать тракторы и комбайны, которой до этого они были лишены.

Все эти изменения могли записать в свой актив «либералы». Но их успехи ограничивались серьезными социалистическими «противовесами». Скажем, если предприятие торговало с заграницей, то имело право оставлять себе только 7 процентов валютной выручки. Нерентабельных предприятий практически не было — власти старались их поддерживать, чтобы не увеличивалась безработица. В результате югославская экономика «кормила» примерно 20–30 процентов убыточных предприятий, а потеряли свои рабочие места из-за ликвидации предприятий лишь около 5,5 тысячи работников[667].

Наконец, большинство коммерческих банков оказалось в руках сербов — просто потому, что в Белграде было сосредоточено самое большое количество финансовых учреждений. В Хорватии и Словении этим были очень недовольны и говорили, что сербы направляют деньги только туда, куда им выгодно.

Все эти противоречия югославской экономики и общественной жизни несколько сглаживались финансовыми вливаниями Запада. Уровень жизни югославов рос, уровень потребления — тоже. Югославские магазины были наполнены иностранными товарами, да и отечественные предприятия старались не отставать от моды — прежде всего на ширпотреб и бытовую технику. По официальным данным, с 1956 по 1970 год уровень жизни вырос в три раза[668].

К концу 1960-х годов доход на душу населения составлял в Югославии 800 долларов США. Это было примерно в три раза меньше, чем в развитых европейских странах. Число безработных в 1969 году составляло 331 тысячу человек, а число работающих югославов за границей — 700 тысяч человек. Позже их число увеличилось до миллиона.

Хотя ФРГ прервала дипломатические отношения с Белградом в 1957 году после признания Тито ГДР (они были восстановлены только в 1968-м), тысячи югославских гастарбайтеров продолжали работать в Западной Германии и присылать своим родственникам в Югославию валюту.

Парадокс титовской Югославии состоял в том, что, будучи

одним из самых бедных государств Европы, в 1960-е годы она стала страной с потребительским обществом. Население захватила настоящая лихорадка потребления. Югославы строили дома, покупали автомобили, туристические поездки и вообще вовсю старались угнаться за своими западными соседями.

В декабре 1968 года корреспондент французского журнала «Пари матч» поинтересовался у Тито: «Если бы я был югославом, какой собственностью я мог бы владеть?» — «Если бы у вас были деньги, вы могли бы купить дом, — ответил Тито. — В Югославии не ликвидирована вся частная собственность. У сельских жителей и частично у жителей городов есть свои дома. Вы не смогли бы купить землю, если бы не стали сами ее обрабатывать. А если бы стали, то могли бы владеть наделом до десяти гектаров обрабатываемой земли. Могли бы купить мастерскую или, скажем, гостиницу с рестораном, но нанять не более пяти работников. Могли бы кроме квартиры купить дачу и так далее»[669].

«Правы были те, кто ограничивал выезд советских граждан за рубеж даже с туристскими целями, ох как правы! — вспоминала писательница Ирина Моргулес, побывавшая в Югославии в середине 60-х годов прошлого века. — Красивые и ухоженные (по сравнению с нашими) города. Потрясающие дороги, проложенные их студенческими строительными отрядами. Магазины забиты товарами и продуктами со всего мира, а цены такие, что, кажется, на сорок обменных рублей можно попросить всю Югославию завернуть в бумажку и увезти с собой. Мужчины изумлены тем, что питьевой спирт в трехлитровых банках продается за копейки в хозяйственных отделах универсамов»[670].

Сами же югославы относились к своим реалиям отнюдь не так восторженно. Неудивительно, что во второй половине 1960-х годов начинается настоящий расцвет эпохи фольклора, связанного с именем Тито. «Легендарный маршал» еще при жизни стал героем анекдотов, частушек, стихотворений и даже загадок, причем иногда довольно «неполиткорректных». Например: «Что такое четыре ноги и три руки? Ответ: это Тито и его сын Жарко».

В этом фольклоре отражались и священные темы: партизанская борьба, революция, партия, борьба со сталинизмом. Было много анекдотов о Тито и Сталине: «В одном доме на стену повесили портреты Тито и Сталина, а между ними — изображение Христа. Соседи говорят хозяину: как же можно их вешать рядом друг с другом? А хозяин отвечает: это и есть историческая правда. Ведь Христа-то распяли между двумя разбойниками».

Тито в анекдотах то встречается с лидерами других стран, то

с простыми крестьянами, то попадает на тот свет и беседует с Богом, то разговаривает со своими памятниками, то изменяет Йованке с Брижит Бардо, Софи Лорен или королевой Елизаветой, то принимает в партию быка. Например: «Приехали Тито и Йованка в гости к королеве Англии. Сидят во дворце на обеде в их честь. Йованка тихо говорит Тито: „Смотри-ка, а ведь Кардель золотые ложки ворует. Уже четыре украл! А ты чего сидишь? Я тоже такие хочу“. — „Неудобно, — отвечает Тито, — я же все-таки легендарный маршал, а ты меня ложки заставляешь воровать!“ Но Йованка не отстает. Тито в конце концов не выдерживает. „Ваше Величество! — говорит он. — Хотите, я покажу вам мой самый любимый фокус?“ Все, конечно, с готовностью соглашаются. „Смотрите, — начинает он, — я беру вот эти четыре ложки, кладу себе в карман. Считаю: раз, два, три… а теперь эти ложки в кармане у товарища Карделя!“».

В отличие от Брежнева, который с удовольствием слушал анекдоты о самом себе, Тито относился к ним сдержанно. Были люди, которые за анекдоты лишались работы, исключались из партии и имели другие неприятности, однако все же это случалось нечасто.

Кто бы мог тогда поверить, что через 30–40 лет многие из тех самых югославов, которые рассказывали эти анекдоты, будут совсем не против того, чтобы Тито воскрес. А 60–70-е годы назовут «золотой эпохой Югославии». Но, перефразируя Марка Твена, можно сказать, что та эпоха была не «золотой», а «позолоченной». И под слоем «золота» происходило много такого, что потом привело к исчезновению Югославии с карты мира.

Падение Ранковича и «демократизация»

Если почитать воспоминания, дневники и интервью бывших югославских руководителей, то создается полное впечатление, что югославская верхушка жила в обстановке непрекращающихся интриг. С начала 1966 года среди высокопоставленных партийцев начали распространяться слухи: Старый недоволен Марко, то есть Ранковичем.

Ранкович был вторым человеком в Югославии после Тито: он занимал пост вице-президента СФРЮ. Поговаривали, что он — «наследник Тито». Ранкович считался главой «консерваторов-централистов» — сторонником старых партизанских традиций и Югославии с мощным центром. Сербы видели в нем своего лидера. И хотя Ранкович уже не был руководителем всемогущего УД Б, но по-прежнему сохранял контроль над госбезопасностью в своих руках. Наконец, он считался «русофилом». В феврале 1964

года югославская делегация во главе с преемником Ранковича на посту главы УДБ Стефановичем побывала в Москве и выразила готовность передавать советской разведке информацию, представляющую интерес для СССР. Для этого в Белград был направлен советский офицер связи. Позже Ранковича и его сотрудников обвиняли в поддержании «слишком тесных отношений с КГБ»[671].

Причины не любить Ранковича имелись у многих. Словенцы и хорваты ворчали, что УДБ, как и весь Союзный секретариат по внутренним делам, захватили сербы. Некоторые сербы тоже были недовольны всесильным Ранковичем. К ним, в частности, относились такие люди, как глава Союзного секретариата по обороне Коча Попович и глава югославского правительства Петар Стамболич.

По другой версии, в «заговор» против Ранковича была вовлечена и Йованка Броз, которая якобы надеялась стать наследницей своего мужа. Недовольные возвышением Ранковича конкуренты объединились и решили действовать через Йованку, которая должна была убедить Тито, что Ранкович собирается отстранить его от власти.

Некоторые факты могли насторожить и самого Тито. Однажды, когда Ранкович ехал по городу, раздавались приветственные крики: «Лека — президент!» («Лека» — один из партийных псевдонимов Ранковича.) Рассказывали, что, когда делегация Союзного секретариата по внутренним делам была в Москве, один из ее членов на ужине поднял тост за «нового, молодого президента СФРЮ».

В начале июня 1966 года Тито собрал у себя в резиденции все югославское руководство, кроме Ранковича. Он сообщил, что военная контрразведка обнаружила подслушивающие устройства в его спальне[672]. Потом было объявлено, что «жучки» обнаружили и в его рабочем кабинете, и в комнате Йованки, и что телефонные разговоры Тито тоже прослушивались. Ответственность за это возложили на УДБ.

«Ранкович готовил государственный переворот!» — говорил Тито своим потрясенным соратникам и показывал им найденные микрофоны. Для расследования этого случая была организована комиссия Исполкома ЦК, которую возглавил македонец Крсте Црвенковски. Она пришла к выводу, что факт прослушивания разговоров Тито, а также Карделя и других высокопоставленных руководителей действительно имел место и что ответственность за это лежит на УДБ. Впрочем, сам Ранкович и его соратники категорически отрицали, что прослушка Тито — дело их рук. И даже противники Ранковича, которые были уверены, что УДБ

подслушивала их, сомневались, что он мог проделать то же самое с Тито. Выдвигались версии, что Ранкович просто не знал об этой операции УДБ.

16 июня состоялось заседание Исполкома ЦК, на котором Тито заявил, что необходимо созвать пленум ЦК СКЮ, чтобы рассмотреть «аферу Ранковича» и вопрос о «злоупотреблениях и деформации УДБ». Местом проведения Пленума объявлялись Бриони.

Члены ЦК стали съезжаться в адриатическую резиденцию Тито 30 июня. Приехал и Ранкович, который к этому времени уже подал в отставку с постов члена ЦК и члена Исполкома ЦК. Тито не захотел его видеть. Ранковичу стало плохо, и врач определил у него предынфарктное состояние.

Пленум начал работу 1 июля. Ранкович сидел в одиночестве — с ним избегали общаться. Тито зачитал доклад комиссии по расследованию деятельности УДБ. Он звучал как приговор — отмечалось, что под прикрытием службы безопасности была создана партийная фракция, которая «оказывала сопротивление экономической и общественной реформе». Этой «фракции» было присвоено длинное название «антисамоуправленческой бюрократически-централистской».

Он заявил, что УДБ превратилось в силу, «стоящую над партией и над обществом». Он говорил о том, что органы безопасности, «исходя из концепции контроля над всей общественной жизнью, создали разветвленную сеть из своих сотрудников в трудовых организациях и даже в СКЮ», и эта сеть отслеживала работу предприятий и организаций вплоть до инвестиций и кадровых вопросов. О том, что органы безопасности проводили операции по прослушиванию «честных и преданных социализму людей» с целью их дискредитации и в конечном счете отстранения их от должности[673]. Комиссия предложила реорганизовать УДБ, поставив его, как указывалось, «под контроль общества, так как самоуправление не терпит закрытых систем и организмов».

Во время выступления Тито воскликнул: «А не напоминает ли вам все это то, что когда-то происходило при Сталине? Я думаю, что это очень похоже»[674]. Никто не посмел продолжить аналогии, поскольку маршал попал бы тогда в весьма двусмысленную ситуацию. Ведь в Советском Союзе признали, что и Ежов, и Берия действовали с ведома Сталина. Вставал вопрос: если Ранкович — «югославский Берия» или «югославский Ежов», то кто был «югославским Сталиным»?

Ранкович признавал свою ответственность, но не признавал свою вину[675]. В отличие от него союзный секретарь по

внутренним делам Стефанович категорически отверг все обвинения в свой адрес и особенно в том, что УДБ подслушивало Тито. Кто-то из зала спросил: «Тогда объясни, откуда микрофоны в спальне Тито?» Стефанович ответил, что этот вопрос надо задать военной контрразведке, поскольку только она имела доступ в резиденцию Тито[676].

В итоге пленум принял отставку Ранковича с постов члена ЦК и Исполкома ЦК, а также обязал его подать в отставку с поста вице-президента СФРЮ. Из известных в Югославии людей мало кто имел смелость выступить в защиту Ранковича. Одним из них был писатель Добрица Чосич, который предупреждал, что «крах Ранковича» ударит и по самому Тито. «Без Вас Александр Ранкович значит не много, — писал он в письме маршалу, — но и Вы без него будете слабее… После этого падения и краха Александра Ранковича, боюсь, что Тито больше не будет Тито, а Союз коммунистов Югославии — тем, чем он сейчас видится всему миру»[677].

После Брионского пленума прошла чистка службы безопасности. Управление государственной безопасности было переименовано в Службу государственной безопасности (СДБ) и для нее, как и для всей страны, начался период затяжных реформ. В 1967 году собственные службы госбезопасности были созданы в каждой республике. Ликвидация единой службы, которая могла бы защищать конституционный порядок и обеспечить сохранение целостности и единства Югославии, как показало время, была серьезной ошибкой Тито. Республиканские органы безопасности обслуживали интересы местных руководителей и вели разведку не против потенциальных противников страны, а прежде всего друг против друга.

Устранение Ранковича привело к полному разгрому группы «консерваторов». В Югославии в очередной раз заговорили о «демократизации». И в какой-то степени она действительно произошла. В СКЮ была объявлена общепартийная дискуссия о дальнейшем развитии партии. На V пленуме ЦК в октябре 1966 года было объявлено о реорганизации руководящих органов партии. Тито из генерального секретаря превратился в председателя партии. (На сербскохорватском языке слова «президент» и «председатель» звучат одинаково — «председник», так что теперь его можно было называть просто «председник Тито».) Был образован Президиум ЦК из 35 человек — в качестве «коллективного руководства», 11 человек вошли в Исполком ЦК.

Но Тито высказался против идей, которые бы, по его словам, превращали СКЮ в партию социал-демократического типа. Особенно он возмущался предложением прекратить деятельность

партийных организаций на предприятиях. Как указывал Тито, «либерализм опасен точно так же, как и догматизм»[678].

Только раздались заявления о начале демократизации, как в сентябре 1966 года пошла новая волна расправы с Ранковичем и его соратниками. Вскоре они были исключены из Союза коммунистов. Было объявлено, что Ранкович и группа его сподвижников предстанут перед судом по обвинению в коррупции, организации репрессий, злоупотреблении служебным положением и прочих преступлениях. Однако Тито снова «скорректировал» курс — в декабре 1966 года заявил, что, учитывая заслуги Ранковича и его друзей перед партией и государством, следствие против них прекращено.

Этот шаг хорошо показывает характер Тито и принципы, которыми он руководствовался и в политике, и в жизни. Он не был кровожаден и мстителен, а исходил из своего понимания политической целесообразности. Если ему это казалось необходимым, не останавливался перед политическим уничтожением своих оппонентов. Однако их физическое уничтожение не являлось необходимым правилом.

После отставки Ранкович исчез из публичной жизни. Ему сохранили хорошую пенсию, но о нем практически забыли. Иногда бывший вице-президент и глава всемогущей службы безопасности появлялся в белградских ресторанах или кафе, и часто его там встречали аплодисментами.

Тихо и почти незаметно он прожил еще 17 лет, пережил Тито и умер в ночь на 20 августа 1983 года от сердечного приступа. Он был похоронен на Аллее народных героев на Новом кладбище в Белграде. Гроб с его телом, покрытый югославским флагом, везли на орудийном лафете в сопровождении военнослужащих югославской армии и военного оркестра. На похороны Ранковича пришли 100 тысяч человек. Когда гроб уже опускали в могилу, собравшиеся вдруг начали аплодировать. Аплодисменты переросли в настоящую овацию. «Лека — герой!» — такими криками проводили Ранковича. С его смертью ушла в историю и тайна настоящей причины их ссоры с Тито.

Друзья Джиласа возмущались: почему Тито отнесся к Ранковичу так мягко, в то время как Джилас, не совершивший фактически никаких преступлений, все еще сидел в тюрьме. Однако Джилас в самом начале был исключен «всего лишь» из ЦК, а не из партии, как Ранкович. К тому же он выбрал другой путь — бросил Тито открытый вызов.

Тем не менее 30 декабря 1966 года Джиласу неожиданно объявили, что он подлежит амнистии и освобождается из тюрьмы. Однако гражданские права и боевые награды ему не вернули.

За Джиласом наблюдали, но никаких жестких мер по отношению к нему не принимали. Осенью 1968 года он получил загранпаспорт и вместе с супругой отправился в поездку по Англии и США, затем посетил Австрию и Италию. Везде его встречали как героя и борца за свободу. В 1969 году в США вышла его книга «Несовершенное общество» — продолжение «Нового класса». В ней Джилас писал: «Чем быстрее будет разрушен миф о коммунизме, тем лучше для человечества». Все это привело к тому, что в 1970 году у него снова отобрали паспорт.

С тех пор югославский «диссидент номер один» 17 лет не имел права выезда из страны, хотя в западной печати время от времени появлялись его интервью, а зарубежные издательства выпускали его книги. Но в Югославии печатать его было запрещено. Первое интервью с Джиласом появилось в словенской газете «Младина» только в феврале 1988 года. С этого времени началось его возвращение в общественную жизнь на родине.

17 мая 1967 года Союзная скупщина СФРЮ единогласно избрала Тито президентом республики в пятый раз. «Это для того, чтобы Тито был похож на звезду, — отреагировал на это народный юмор, — у нее ведь тоже пять лучей».

«Белградский июнь» и «Пражский август»

Зимой 1968 года Тито, по традиции, отправился в азиатское турне: Афганистан, Пакистан, Камбоджа, Эфиопия, Египет, потом — Иран, Монголия, Япония.

Когда он возвращался в Югославию, то сделал краткую остановку в Москве. Во время встречи с Тито Брежнев вдруг поинтересовался: какой будет реакция в Югославии, если там вдруг взбунтуются студенты, ведь сейчас они бунтуют везде? «У нас такое невозможно», — ответил Тито[679]. И сильно ошибся.

Вечером 2 июня 1968 года в студенческом городке Белградского университета должны были состояться «культурно-развлекательные мероприятия» под названием «Караван дружбы-68» и «Микрофон — ваш!». Потом — концерт и танцы.

Когда собравшиеся студенты попытались попасть в зал, то выяснилось, что пускают туда только по пригласительным билетам. И только бойцов «трудовых бригад» — югославских студенческих стройотрядов. Студенты все-таки пытались попасть внутрь, у входа возникли потасовки, в здание полетели камни. Прибыла милиция, которая попыталась разогнать студентов с помощью дубинок. Но к месту столкновения подходило все больше и больше людей. Начались спонтанные митинги. На них говорили, что жить на стипендию невозможно, что жизнь в стране

дорожает. Кто-то предложил направиться в центр Белграда и предъявить Союзной скупщине студенческие требования. Вскоре колонна студентов, толкая перед собой пожарные машины, двинулась к центру города. К ней по дороге начали присоединяться и разбуженные горожане.

Однако милиция подтянула свои силы. Раздались выстрелы (милиция утверждала, что стреляла в воздух). Появились раненые. Демонстранты отступили обратно в студенческий городок. Вскоре туда ворвались милиционеры и, стреляя в воздух, разогнали студентов.

Рано утром в студенческом городке начался массовый митинг. Был образован Студенческий комитет действий. Он принял решение — провести митинг в центре Белграда и ознакомить власти со своими требованиями. Снова колонна студентов с портретами Тито, югославскими и красными флагами, а также лозунгами «Тито — партия!», «Есть ли у нас Конституция?», «Хотим работу!», «Долой социалистическую буржуазию!», «В нас стреляли!» двинулась по направлению к центру Белграда. Демонстранты пели Интернационал и «Товарищ Тито, мы тебе клянемся!». Портреты Тито соседствовали с портретами недавно убитого в Боливии Че Гевары.

Однако и на этот раз дорогу демонстрантам преградила милиция. Колонна остановилась. Милиция начала теснить студентов, снова раздались выстрелы. И снова студенты были вынуждены отступить к студенческому городку.

На следующий день Комитет действий выпустил заявление, в котором объяснил причины недовольства студентов и сформулировал их требования. Среди главных причин назывались расслоение и неравноправие в югославском обществе, безработица, фактическое свертывание демократии и самоуправления. Требования сводились к демократизации всех общественно-политических организаций, в том числе и Союза коммунистов, гарантии свободы публичных высказываний, демонстраций и собраний, демократического контроля над выборными политическими представителями. Студенты требовали смещения политической элиты, которая проповедовала социалистическую мораль, но вела жизнь «красной буржуазии». Белградский университет был провозглашен «Красным университетом имени Карла Маркса».

Так события 2–3 июня 1968 года переросли из банальных потасовок чуть ли не в студенческую революцию. «Белградский июнь» принял эстафету от студенческих бунтов 1968-го в Западном Берлине, США и, наконец, от знаменитого «Красного мая» в Париже. Ни Тито, ни другие руководители Югославии

этого явно не ожидали.

Реформы 1960-х годов создали парадоксальную ситуацию в стране. С одной стороны — квазирыночная экономика с присущими ей издержками в виде растущей безработицы, инфляции, роста цен. С другой — однопартийная система с жестким, несмотря на декларации о самоуправлении, политическим руководством, властью партийно-государственной бюрократии и культом Тито. С одной стороны, уровень жизни и потребления югославов действительно рос, вызывая зависть собратьев из Восточной Европы, с другой — весьма призрачные перспективы на жилье, работу и карьеру. «Партизанские» идеалы казались уже устаревшими, а развитие новых идей пресекала все та же партийная бюрократия.

По отношению к Тито в среде молодых бунтовщиков существовали различные настроения. Первые демонстрации прошли под его портретами. Но уже 3 июня, впервые после войны, на митинге в студенческом городке Нового Белграда ораторы публично призывали к отставке Тито. Студенты говорили о «сорока виллах Тито по всей Югославии», о «дворцах в Дединье», о «десятках черных „мерседесов“» и т. д. Один из старых лозунгов «Тито — герой!» студенты переделали в «Тито — буржуй!».

Когда начались демонстрации, Тито находился на Бриони. В первые дни волнений он отмалчивался. Тем временем забастовка охватила почти 50 тысяч белградских студентов.

Студенческий бунт носил ярко выраженную леворадикальную окраску. Если Тито начал экономические реформы, но о глубоких политических реформах даже слышать не хотел, то студенты требовали прямо противоположного. Политическим изменениям — «да», но либерализации экономики и ее последствиям — «нет». Большинство из участников «белградского июня» еще верили в социализм. Девизом студентов стали лозунги «Долой красную буржуазию!», «Долой князей от социализма!», «Больше школ, меньше автомобилей!», «Революция еще не окончена!». На здании ректората висел огромный портрет Че Гевары, а студенты пели сочиненный ими на основе знаменитого «Левого марша» Маяковского гимн:

Пусть солнце прорвется
В наши сердца,
И молния землю осветит,
Клячу истории загоним,
Левой! Левой! Левой!
В книгах читали про наших отцов,

Их мечты — это то, что нас греет,
Но сегодня пришел и наш черед,
Левой! Левой! Левой!
В наших глазах, как когда-то у них,
Звезда Коммуны восходит на небо,
Молодость — наша привилегия!
Левой! Левой! Левой![680]

К студентам Белграда присоединились студенты Сараева, Загреба, Любляны и других городов. Их публично поддержали представители интеллигенции, например известная поэтесса Десанка Максимович. Приходил к студентам и Джилас. Они вежливо говорили с ним, но дальше дело не пошло.

Больше всего власти опасались, что волнения охватят рабочих. Студенты выпустили несколько воззваний к рабочим, однако с огорчением увидели, что тем непонятна их идейная борьба. Большинство рабочих интересовали деньги, автомобили, цветные телевизоры — буржуазные ценности, против которых протестовали участники «белградского июня». Более того, на некоторых предприятиях создавались рабочие дружины — чтобы в нужный момент бросить их против студентов.

Все ждали, что скажет Тито. А он молчал. 9 июня состоялось заседание Президиума и Исполкома ЦК СКЮ. В 13.30 Тито объявил заседание закрытым, а потом вдруг сказал, что немного отдохнет и сделает заявление для телевидения. Эту новость сразу же передали все радиостанции и телеканалы.

Его приближенные считали, что маршал осудит организаторов волнений. В газете «Борба» даже начали готовить передовую статью, выдержанную в таком духе. Но выступление Тито смешало все карты. В тот день он продемонстрировал потрясающие способности политической эквилибристики.

Тито обратился к студентам тоном умудренного жизненным опытом отца. Признав, что события в Новом Белграде «ударили всем по головам», он заявил, что понимает недовольство студентов, что ни один коммунист не может обогащаться за счет других людей. «90 процентов студентов — это наша социалистическая молодежь, — заявил он, — которая не позволяет различным джиласам, ранковичам, маоцзэдунам и другим использовать заботу о студентах как предлог для того, чтобы осуществить свои цели». Об этой молодежи, сказал Тито, «мы недостаточно заботились».

Тито пообещал расследовать действия милиции и наказать виновных несмотря на их должности. «Более того, — подчеркнул

он, — если я не смогу решить эти проблемы, значит, я больше не должен буду занимать это место». Тито призвал студентов прекратить забастовку — ведь их проблемы взяли на себя руководители. «Наступило время для того, чтобы вернуться к занятиям, — сказал он. — Сейчас ведь время сдачи экзаменов, и в этом я желаю вам всяческих успехов. И было бы жаль, если это время для вас будет еще больше потеряно»[681].

Авторитет и харизма Тито сработали на все 100 процентов. Трудно себе представить, чтобы де Голль смог утихомирить бунтующую Сорбонну просьбой готовиться к экзаменам. А молодые югославские радикалы поверили Тито — уже на следующий день забастовка была прекращена.

Они, конечно, не знали, что, закончив читать телеобращение, Тито встал из-за стола и сказал: «Вот что значит, товарищи, не арестовать вовремя нескольких шалопаев!»[682] Кого — вскоре стало понятно.

Уже 26 июня, выступая на VI съезде Союза профсоюзов Югославии, Тито заявил: «Вы знаете, товарищи, что совсем недавно имели место выступления разных элементов. Появились и те, которыми нам приходилось заниматься в университетах и до студенческого бунта. Это — отдельные профессора, философы, всякие праксисовцы и другие догматики, в том числе и те, которые ответственны за деформации в Управлении государственной безопасности и т. д. Они все сегодня объединились… Это исходит не от студентов, а от тех людей, которые хотели бы создать эмбрион многопартийной системы, стать силой, которая могла бы говорить со Скупщиной и другими на равноправной основе. Более того, они идут дальше: отрицают роль рабочего класса как важнейшего фактора и основу нашего общества. Для них она уже в прошлом. Союз коммунистов для них ничего не значит. По их мнению, какие-то мудрецы, технократы должны стать на пьедестал и дирижировать своей палочкой, а все остальные будут безликой массой… Разве возможно, чтобы сегодня в нашей стране люди с такими идеями наступали, а мы спокойно смотрели бы на это и дальше? Почему они воспитывают наших детей в университетах и школах? Им там не место!» Здесь зал разразился бурной овацией[683].

Если с преподавателями и философами все более или менее понятно, то о «праксисовцах» стоит сказать несколько слов. Группой «Праксис» называли сообщество югославских неортодоксальных марксистов, которые издавали одноименный журнал. На его страницах кипели ожесточенные философско-политические дебаты.

В течение нескольких последующих лет члены «Праксиса»

были уволены с философского факультета Белградского университета по новому закону о «моральной и политической лояльности». Уволены были и другие преподаватели, поддержавшие студентов, а студенческие лидеры исключены из учебных заведений и лишены права выезда за границу. Участие в «белградском июне» стало для многих из них «черной меткой» на долгие годы, которая закрывала дорогу к карьере и хорошей работе. Некоторые потом были арестованы якобы за создание «враждебной организации с целью свержения конституционного строя»[684].

Июнь 1968 года стал в Югославии последней серьезной попыткой выдвинуть социалистическую альтернативу как советскому, так и титовскому социализму. В то время, когда в самой Югославии к «титоизму» все больше росло скептическое отношение, в мире к нему по-прежнему проявляли интерес.

…В мае 1968 года корреспондент «Нью-Йорк таймс» Сайрус Лео Сульцбергер спросил Тито: «Является ли то, что происходит сейчас в Чехословакии, последствием „титоизма“?» — «Речь идет не о титоизме, как Вы говорите, а о демократизации в этой стране», — ответил Тито[685].

Генеральным секретарем КП Чехословакии в январе 1968 года стал Александр Дубчек. С именем Дубчека связывают и знаменитую теперь Пражскую весну. В Чехословакии также обсуждали теперь плюсы и минусы самоуправления, изменения роли партии при социализме, расширения прав республик в составе федерации, было заявлено о стремлении обеспечить свободу слова, собраний и передвижений, установить строгий контроль над деятельностью органов безопасности. Предлагалось рассмотреть и югославский опыт в плане международной деятельности — как независимой (читай — от Москвы) социалистической страны.

В целом программа строительства чехословацкого «социализма с человеческим лицом» встретила вполне благосклонное отношение Тито. В апреле 1968 года он, как уже говорилось, встретился с Брежневым. Об этом разговоре он рассказал на X пленуме ЦК СКЮ в августе 1968 года. «Товарищ Брежнев довольно нервно говорил о событиях в Чехословакии. Что ее руководство ни на что не способно. Что оно выпустило все из своих рук. Что там буйствуют различные реакционные и вражеские элементы, которые оскорбляют Советский Союз. И все это, вероятно, предлог для подготовки интервенции западногерманских войск…

Я лаконично ответил: „Слушайте, у чехов — крепкая коммунистическая партия, у них — армия, которая входит в

Варшавский пакт и которая вооружена самым современным оружием, она может защитить свои границы. Что касается внутренних элементов, то у чешского рабочего класса тоже крепкие традиции, я это хорошо знаю. Он с этой проблемой справится“. (На этом месте, изображая реакцию и ответ Брежнева, Тито хлопнул ладонью по столу. — *Е. М.)* — „Как это справятся? Кто справится? Не могут они там справиться!“ Потом мы (югославы. — *Е. М.)* услышали еще одну тираду, и он (Брежнев. — *Е. М.)* сказал: „Уж поскольку до этого дошло, то и у вас может случиться то же самое. К вам глубоко проник капитализм, и вы его законодательно узаконили. Капитализм, иностранный капитал. У вас там разные элементы… Долгов на Западе много, около ста миллионов долларов. Безработица большая, вы посылаете рабочих за границу — там их несколько сотен тысяч, в Германии, других странах и так далее“. То есть он перечислил те проблемы, которые действительно существуют… Я согласился, что Чехословакии надо помочь, но мы против любого военного решения проблемы. Они были довольны, когда я сказал, что мы ей поможем, хотя не сказал, как именно. Но и они не сказали, как надо помочь»[686].

29 июля 1968 года советская и чехословацкая делегации во главе с Брежневым и Дубчеком встретились на пограничной станции Чиерна-над-Тиссой. Переговоры продолжались пять дней. Потом они продолжились в Братиславе с участием лидеров других социалистических стран.

Брежнев просил Тито повлиять на чехов: он считал, что Прага во многом оказалась под влиянием Белграда. 9 августа Тито приехал в Прагу. Там его встретили овациями. «Бациллы „титоизма“ распространяются по Восточному блоку», — заметил один из британских журналистов, следивший за визитом Тито.

Тито предупредил Дубчека, что в Москве недовольны, и посоветовал принять непопулярные меры против «выступлений контрреволюции». Дубчек ответил, что ситуация не настолько драматична, как это представляют в Советском Союзе.

Войска стран Варшавского договора начали входить в Чехословакию в ночь на 21 августа. Дубчек и другие руководители страны были интернированы и вывезены сначала на Украину, а потом в Москву.

Уже вечером 21 августа Тито созвал заседание Президиума ЦК СКЮ и резко осудил интервенцию в Чехословакию. Югославское телевидение передало обращение Тито к стране, в котором он сравнил происходящие события со сталинским давлением на Югославию в 1948 году. Он предупредил, что, возможно, и ей грозит опасность со стороны советского

вторжения, и заявил, что «мы сумеем защитить и отстоять независимость Югославии всеми имеющимися средствами»[687].

На площади Маркса и Энгельса в Белграде собралось более ста тысяч человек. Перед участниками митинга выступил второй человек в партии — секретарь Исполкома ЦК Миялко Тодорович, осудивший вторжение в Чехословакию. Митингующие держали лозунги «Руки прочь от Чехословакии!», «Танки в Чехословакии — атака на социализм!» и плакаты с портретами Сталина — под ними были подписи «Он бы это сделал!» — и портретами Ленина с подписями «Он бы так не сделал!». Демонстрации и митинги против вторжения в Чехословакию прошли по всей стране.

Из социалистических стран интервенцию осудили Китай, Албания и Румыния. Еще до вторжения в Москве подозревали Югославию, Румынию и Чехословакию в желании создать какой-то новый блок.

Румынский руководитель Николае Чаушеску был близок к панике. Он считал, что советские войска теперь вторгнутся в Румынию. 24 августа Чаушеску встретился с Тито в сербском городке Вршац и сказал, что вторжение в Румынию может произойти через югославскую территорию, уговаривал Тито заключить соглашение о совместной обороне. Однако Тито на это ответил: «Мы будем защищаться, если на нас нападут».

Чаушеску спросил: можно ли тяжелое вооружение румынской армии перебросить в Югославию в случае поражения Румынии? Тито ответил: «Мы поступим в соответствии с международными законами». Другими словами — перебросить-то вы его можете, но стрелять с нашей территории по советским войскам мы вам не позволим. Вообще-то Тито терпеть не мог Чаушеску, и только политическая целесообразность заставляла его сближаться с Румынией.

В 1968 году для Тито было важно понять, что Румыния не пропустит советские войска через свою территорию. Самой опасной представлялась граница с Венгрией, где стояли части Советской армии, которые за считаные часы могли дойти до Белграда и Загреба. «Будущее страны и социализма — под угрозой!» — под этим девизом проходила вся жизнь в Югославии в конце лета 1968 года.

Тито 23 августа собрал X Пленум ЦК СКЮ. Речь шла о том, что вторжение в Чехословакию — это компрометация социализма, торжество грубой силы над международным правом, что в СССР усиливаются неосталинистские тенденции, а социализм служит лишь фасадом для «прикрытия его великодержавных интересов». Писатель Оскар Давичо рассказал о случае, когда один из советских солдат совершил самоубийство. «Этот солдат серьезно

воспринял свою интернационалистическую ленинскую присягу, — сказал он, — но чехословацкий народ, который рисует на танках агрессора свастику, по-своему и правильно понял то, что произошло».

Тито, однако, призвал воздержаться от крайностей: страна может оказаться в блокаде со стороны социалистических стран, с которыми у Югославии сложились весьма прочные экономические отношения. Вместе с тем именно после событий 1968 года в Югославии была взята на вооружение концепция «общенародной обороны». Ее основой стали подразделения Территориальной обороны, сформированные в республиках, городах и т. д. Местные органы власти и предприятия должны были формировать отряды «вооруженного ополчения», в распоряжение которых передавались стрелковое оружие и легкая артиллерия. Считалось, что части Территориальной обороны могли быть поставлены под ружье и начать боевые действия в течение нескольких часов. Фактически в Югославии бралась за основу концепция партизанской войны. В начале 1990-х части Территориальной обороны сыграли одну из главных ролей в развале страны, фактически обратив имевшееся у них оружие против армии.

Верил ли сам Тито в возможность советской интервенции? Многие считают, что не верил. Но тезис об «угрозе с Востока» не исчезал в югославской политике до смерти маршала. Характерная для того времени история: сын возвращается домой со службы в армии. «Ну, расскажи, сынок, чему тебя там научили», — просит его отец. «Будем драться с болгарами и русскими до ножа» (то есть до рукопашной), — отвечает сын[688].

Конец 1960-х годов ознаменовался третьим и весьма глубоким кризисом в советско-югославских отношениях. Совсем недавно казалось, что Тито и Брежнев сумели найти общий язык. Тито в 1967 году приезжал на торжества по случаю 50-летия Октябрьской революции, как когда-то, еще во времена Сталина, наблюдал за парадом и демонстрацией с трибуны Мавзолея Ленина. С Брежневым у них установились неплохие личные отношения. Хотя советский руководитель был моложе Тито на целых 14 лет, они даже по характеру и привычкам чем-то напоминали друг друга. Оба — коммунисты, но не истерические фанатики или сухие догматики. Оба — фронтовики и партийные работники, но умеющие ценить радости жизни. И Брежнев, и Тито, пожалуй, могли бы посоперничать за звание «главного коммунистического плейбоя» того времени. Оба любили хорошие напитки, автомобили, красивых женщин, охоту, комфорт и вообще все то, что их более ортодоксальные товарищи до сих пор

называли «мелкобуржуазным уклоном». Однажды во время визита Тито в Советский Союз после официального ужина Брежнев, расслабившись, начал с чувством читать стихи. Закончив, он победоносно посмотрел на Тито. Тито, усмехнувшись, начал декламировать Пушкина на русском языке и читал его минут двадцать подряд[689].

Оба понимали — хотя и по-своему, — что их народы после войн, революций и других потрясений нуждаются в передышке. В мирной, спокойной, «обывательской» жизни. То, что произошло в августе 1968 года, разрушило складывающиеся отношения между ними. Тито был обижен тем, что в Москве не послушали его советов, более того — он считал, что его обманули: ведь Брежнев обещал ему не применять силу.

17 октября 1968 года советский посол в Белграде принес Тито письмо ЦК КПСС и Совета министров СССР с протестом против «антисоветской пропаганды в Югославии». Тито встретил посла холодно. Тот раскрыл папку и начал читать письмо. Тито прерывал его несколько раз возмущенными репликами: «Это ложь!», «Это чистые выдумки!», «Как вы осмеливаетесь читать эту блевотину?!» Когда же посол дочитал до конца, Тито сказал: «Теперь слушайте, я скажу вам свое мнение». Он говорил полчаса холодным и резким тоном. Обвинял Москву в том, что она позорит социализм, а в случае новой интервенции вообще погубит его. Говорил, что Советский Союз дал американцам предлог для вмешательства в дела других стран и что популярность компартий теперь будет падать. Сказал, что оскорблен он лично, поскольку в Москве не слушали его советов, «а я, знаете, все-таки старый коммунист». «Двадцать лет назад Советский Союз уже совершил большую ошибку, но, как я вижу, вы ничему так и не научились», — сказал он[690].

11 марта 1969 года начал работу IX съезд СКЮ. Делегация КПСС в Югославию не приехала. Однако на съезде присутствовали более шестидесяти делегаций.

На съезде Тито выступил за усиление партийного руководства. Теперь создавалось Исполнительное бюро Президиума ЦК. В его состав должны были входить по два представителя от каждой республики и по одному от автономных краев — всего 15 человек. Вскоре секретарем бюро стал 45-летний Стане Доланц.

Этот плотный словенец, носивший массивные очки, был секретарем партийного комитета Люблянского университета. Многие из его коллег по партийному руководству удивлялись, как легко ему удалось договориться с бунтующими студентами. По слухам, Доланц сказал им: «Если вы не разойдетесь, то сюда

придут сербские войска. Вам это надо?» После этого студенты разошлись. Доланцу еще предстояло сыграть важную и очень неоднозначную роль в последнем титовском десятилетии.

В своих резолюциях IX съезд в очередной раз указывал, что партия должна действовать как «живая и демократическая организация», и призывал к дальнейшей «всесторонней демократизации» СКЮ и всего общества.

Но официальная югославская пропаганда призывала граждан «сплотиться вокруг товарища Тито». На митингах ораторы говорили, что если Югославия снова окажется под угрозой, они займут свое место в строю — так же, как и в 1941 году.

Тито и его окружение теперь неизменно поддерживали в обществе опасения перед возможным «русским вторжением». Вот случай из повседневной жизни югославов 1970-х годов. Югославская семья — отец югослав, мать русская. Сын приходит из школы и рассказывает о военной подготовке. «Мы сегодня с „нашими“ воевали», — говорит он. «Наши» — это по маме, то есть советские[691]. Но пока в Югославии боялись «угрозы с Востока» и боролись с «информбюровцами», «догматиками», «этатистами», «либералами» и «анархистами», в стране во весь рост вставал новый и гораздо более серьезный противник Тито — национализм.

«Много писали, что Югославия распадется, когда я уйду»

Еще в 1962 году Тито заявил: «Мы решили национальный вопрос!» Югославия была самой многонациональной страной Европы — в ней проживало более двадцати народов и народностей — и всем им предоставлялись равные права. В Югославии появилось немало людей, которые считали себя именно «югославами». Власти поддерживали подобное «самоопределение», и сам Тито несколько раз заявлял, что ощущает и считает себя югославом. Жители Югославии любили тогда говорить, что у них в стране шесть республик — тут они загибали пальцы, — а все вместе они — как один кулак.

Но уже тогда в стране шли процессы, которые подтачивали это единство.

Словения и Хорватия оставались наиболее развитыми республиками. Близость к Западу, наличие морского побережья, на котором отдыхали миллионы иностранных туристов, развитие инфраструктуры давали солидные валютные доходы, большая часть из которых уходила в «общий котел» Югославии, что вызывало недовольство в этих республиках.

Югославское руководство еще с 1940-х годов взяло курс на выравнивание экономического и социального уровня развития всех регионов страны. К середине 1960-х годов объем промышленного производства по сравнению с довоенным 1940 годом в Черногории вырос в 21 раз, в Македонии — в 8,4 раза, а в Косове — в 5,6 раза. Но Словению и Хорватию они догнать не могли. Сильно отставали Сербия и Босния и Герцеговина[692].

Экономические реформы 1960-х годов еще больше усиливали процесс неравномерного развития республик. Большинство инвестиций направлялось туда, где они приносили быструю и более эффективную отдачу — в Словению и Хорватию, в то время как убыточные предприятия в Черногории, Македонии и Косове закрывались. Появились и внутренние «гастарбайтеры»: косовские албанцы и македонцы ехали на работу на север страны. Со временем различия в уровне жизни и оплаты труда увеличивались — к 1989 году в Словении средняя зарплата составляла 154 процента по отношению к среднему уровню по стране, в Хорватии — 101 процент, а в Косове всего лишь около 60 процентов[693].

Словенцы и хорваты говорили, что кормят всю страну, — зарабатывают больше всех, а получают из союзного бюджета лишь жалкие крохи, и их деньги оседают в сербских банках. В самой Хорватии росла эмиграция на Запад, что и породило хорватскую поговорку: «Деньги из Хорватии идут в низовья Савы, а люди из Хорватии — в верховья Савы». Сава — приток Дуная, и на месте слияния этих рек стоит Белград.

Еще в 1850 году сербские и хорватские филологи пришли к соглашению: сербы и хорваты говорят на одном языке, но на разных диалектах и пользуются для письма как кириллицей, так и латиницей. В декабре 1954 года сербские и хорватские лингвисты, писатели и общественные деятели подписали второе соглашение о единстве языка. В нем говорилось, что сербы, хорваты и черногорцы говорят на одном языке и что в нем равноправными признаются два диалекта — экавский и иекавский (если серб из Белграда произносил слово «молоко» как «млеко», то черногорец — как «млиеко»; хорваты произносят его также, как и черногорцы, но пишут латиницей).

По Конституции СФРЮ 1963 года единство языка было закреплено. Теперь он назывался «сербскохорватским/ хорватскосербским». Но 17 марта 1967 года известный загребский литературно-политический журнал «Глобус» напечатал декларацию нескольких хорватских литературных кружков (самым влиятельным из них был «Матица Хрватска»), которая требовала признания хорватского языка самостоятельным.

Декларацию подписали 13 хорватских писателей, среди них и Мирослав Крлежа — член ЦК СКЮ и друг Тито.

В ответ на это 42 сербских писателя опубликовали свое заявление. Они предложили признать сербский и хорватский языки самостоятельными, а сербских детей в Хорватии — в этой республике проживало более семисот тысяч сербов — учить только на сербском языке и на кириллице.

Эти события произошли после того, как на очередном Пленуме ЦК СКЮ Тито заявил, что у писателей слишком много свободы. «Мы пожимали плечами и думали, что никому не повредит, если всем позволим говорить и писать все, что они хотят, — сказал тогда Тито. — Но мы зашли слишком далеко. Мы, конечно, никому не будем вправлять мозги и указывать, что ему говорить, но и никому не позволим выступать или писать что-то против нашего общественного строя. Мы не позволим распространять идеи раздора, национальной нетерпимости и шовинизма… Коммунисты обязаны пресекать подобные действия…»[694] И вот теперь склока, устроенная писателями, касалась самой опасной в Югославии темы — национальной.

Тито был возмущен. Он нанес удары по обеим группам сразу. Сербским писателям сделали строгий выговор, а с хорватами обошлись еще круче. По непосредственному указанию Тито Мирослава Крлежу исключили из ЦК СКЮ. Его не спасла даже дружба с маршалом. Правда, как показало время, хорватов удалось успокоить ненадолго.

Осенью 1968 года резко ухудшилась обстановка в автономном крае Косово и Метохия. Участники выступлений требовали изменения национально-территориального устройства титовской Югославии.

Корни межнациональных противоречий в этом регионе уходили в далекое прошлое. Сербы называли эти места своей колыбелью — когда-то они были центром первых сербских государств. Значительная часть сербов покинула Косово во время османского господства. Репрессии против сербов совершались и во время Второй мировой войны, когда Косово входило в состав «Великой Албании», оккупированной и аннексированной Италией.

Косовские албанцы к концу 1960-х годов составляли примерно 67 процентов населения края, а сербы — 23,5 процента. Это был, как уже говорилось, один из самых отсталых районов страны. Ситуация в крае была сложной. Радикально настроенные албанцы хотели объединения с Албанией.

В марте 1967 года Тито совершил поездку по Косову. Он заявил, что Косово должно стать «примером края, где братство и

единство осуществится в полной мере», что противоречия развития Косова и Метохии «идут из прошлого» и их невозможно разрешить «сразу, за одну ночь, а только в ходе длительного процесса»[695].

27 ноября 1968 года в столице края Приштине начались демонстрации. Их участники вышли на улицы с флагами Албании и под лозунгами «Хотим республику!». Милиция стреляла в воздух и применяла слезоточивый газ. Были ранены 28 милиционеров и несколько десятков демонстрантов. Кроме лозунгов «Косово — республика!» звучали также и другие: «Хотим отделения!», «Хотим присоединения к Албании!».

Демонстрации застали Тито в городе Яйце, где проходили торжества по случаю 25-й годовщины II сессии АВНОЮ и где находились почти все югославские руководители. Тито спросили, что произошло в Косове. «Мало в каких странах не бывает таких случаев», — ответил он. После пресс-конференции Тито отправился на медвежью охоту[696].

Частично албанцам удалось добиться выполнения своих требований. В конституцию внесли поправки, по которым из названия края убрали старое сербское название «Метохия». Оно менялось на «Социалистический Автономный Край Косово». Признавался флаг косовских албанцев. По конституции автономные края получили право принимать собственные конституционные законы. Признавалось равноправие албанского и сербского языков в образовании. К середине 1970-х годов по числу студентов на каждые 100 жителей край Косово занимал в Югославии первое место.

Между тем служба государственной безопасности отмечала, что националистические настроения в Косове ширятся, охватывая ряды интеллектуалов, школьников и студентов. «В средних школах, средних специальных учебных заведениях, гимназиях и учительских школах молодежи легально преподают национализм, — подчеркивалось в одном из донесений. — Враждебность растет…»[697] Уже к 1971 году доля албанского населения увеличилась до 73,7 процента[698]. Стали учащаться случаи дискриминации неалбанских национальностей — в судах, при приеме и увольнении с работы. Среди албанцев все больше и больше распространялась идея так называемой «этнической чистоты» края. Сербов и черногорцев вынуждали уезжать: в 1961–1980 годах из Косова уехали 92 197 сербов и 20 424 черногорца[699].

Несмотря на весьма натянутые отношения Тито с Энвером Ходжей, между Косовом и Албанией с начала 1970-х годов начала проводиться политика «открытых дверей». Университету в

Приштине было дано право приглашать преподавателей из Албании, а студентам — учиться по албанским учебникам. По замыслу югославского руководства, это должно было убедить албанцев Косова, что их жизнь лучше жизни в соседней Албании. Но на деле все оказалось по-другому: в Косове быстро распространялись проалбанские настроения. Руководству СФРЮ ничего не оставалось, как увеличивать финансовую помощь краю в надежде «залить» денежным потоком разгорающееся пламя сепаратизма. Однако это получалось плохо.

Вообще, вся история социалистической Югославии сопровождалась смелыми экспериментами в национальной политике. Нациями были признаны македонцы и черногорцы, а также представители исламской церкви. Их стали называть Мусульманами (название национальностей в сербскохорватском языке пишется с заглавной буквы).

Большое число мусульманского населения всегда было главной особенностью югославской республики Босния и Герцеговина. Ее столица Сараево не зря считалась «самым восточным городом Европы» из-за множества мечетей и исторического центра Башчаршии, где и в середине XX века человек ощущал себя словно в каком-нибудь городке Оттоманской империи. Боснийские мусульмане отличались весьма свободными нравами.

Английский журналист Ричард Уэст, побывав в Сараеве в конце 1970-х годов, писал: «Боснийские мусульмане любят приударить за женщинами не меньше, чем посидеть за чаркой… В витринах Сараева, как и по всей Югославии, выставлены откровенно порнографические издания… Даже серьезные журналы считают полезным делом поместить на обложке голую красотку и отвести под эротику несколько последних страниц. В одном таком журнале, имевшем на развороте изображение нефа, одновременно совокупляющегося с двумя женщинами, была напечатана интересная, содержательная статья, в которой ставился вопрос, не захотят ли советские мусульмане повторить исламский пуританизм Афганистана и Ирана. Автор полагал, что эта проблема стоит перед Советским Союзом, а не Югославией»[700].

Автор впервые побывал в Боснии и Сараеве на несколько лет позже Уэста. В городе прошла Зимняя Олимпиада 1984 года, чем боснийцы очень гордились. Сараево был настоящим городом контрастов во всех смыслах — эротические журналы продавались рядом с мечетями. Висели портреты Тито и партийные (красные) флаги. Студенты из мусульманских семей довольно скептически отзывались об исламе. С коммунизмом они тоже не связывали

своего будущего. В основном говорили о своих возможных перспективах на Западе.

Во время предыдущих переписей населения большое число жителей страны заявляли о себе как о «сербах-мусульманах», «хорватах-мусульманах» или «македонцах-мусульманах». Немало среди приверженцев ислама было и тех, кто называл себя «югославами». В 1961 году в Югославии насчитывалось более миллиона граждан, которые считали себя мусульманами. 10 марта 1970 года Исполнительное бюро Президиума ЦК СКЮ постановило, что во время предстоящей переписи населения эти люди могут называть себя «Мусульманами в смысле национальности». Особо указывалось, что необходимо четко различать «приверженцев исламского вероисповедания и Мусульман по национальности». Однако чуть позже это решение скорректировали: указывалось, что признавать себя Мусульманами могут только жители Боснии и Герцеговины, а также Санджака, говорящие на сербскохорватском языке[701].

По переписи населения 1971 года мусульмане оказались третьим по численности народом Югославии после сербов и хорватов (позже их оттеснили с этой позиции албанцы). Результаты были такими: сербы — более 8,1 миллиона человек; хорваты — более 4,5 миллиона; мусульмане — более 1,7 миллиона; словенцы — около 1,7 миллиона; албанцы — более 1,3 миллиона; македонцы — около 1,2 миллиона; черногорцы — около 510 тысяч; венгры — более 477 тысяч; турки — 128 тысяч человек; 273 тысячи объявили себя югославами. Большинство из мусульман действительно проживали в Боснии, в которой стали одним из трех «титульных» народов республики[702].

Вряд ли Тито мог тогда представить, что все эти эксперименты в национальной области превратятся в мины замедленного действия, которые взорвутся в начале 1990-х годов и обратят все результаты многолетнего труда маршала в груду развалин.

В начале 1969 года в Словении разразилась так называемая «дорожная афера». Югославское правительство взяло за границей очередной кредит для строительства дорог. Словения запротестовала — она считала, что ей из этого кредита выделили слишком мало средств. Словенские коммунисты во главе со Станетом Кавчичем заявили, что республика не хочет быть только источником средств для развития отсталых республик и автономных краев. Тито предупредил словенских руководителей, что своими действиями они «ставят под угрозу монолитность Югославии». Кавчич был осужден за «либеральные тенденции» и отправлен в отставку.

Но «федералисты» все громче и громче говорили о необходимости реформы югославской федерации. Это означало — нужно еще больше усилить позиции республик за счет полномочий Союзного центра.

В марте 1970 года Тито собрал заседание Исполнительного бюро Президиума ЦК. Оно продолжалось три дня. Центральный доклад сделал главный идеолог реформы федерации Кардель. Партийные руководители всех республик согласились начать реформу.

Сегодня, через сорок с лишним лет, когда федеративной Югославии больше не существует, по архивным документам можно наблюдать, как югославские руководители сами подпиливали сук, на котором сидели. В апреле 1970 года Кардель предложил подумать о том, как будет меняться система командования в Югославской народной армии, где команды отдавались только на сербскохорватском языке. «Это очень серьезная политическая проблема», — заметил он. «Это необходимо изучить», — поддержал его Тито. «Берем решительный курс на равноправное положение языков народов и народностей в ЮНА», — заключил Кардель. Тито согласился[703].

Через два месяца на встрече с руководством Македонии Тито говорил, что не следует бояться того, что у каждой республики может появиться фактически собственная армия — Территориальная охрана. Она даст возможность республикам почувствовать себя более защищенными. Последнее звучало весьма двусмысленно. От кого они должны чувствовать себя защищенными? Не от соседних ли югославских республик? «В этом есть гарантия, что потом, в будущем, никто не сможет подумать о какой-нибудь гегемонии», — говорил Тито[704]. Но, как показало будущее, он сильно ошибся.

…В мае 1970 года Тито исполнилось 78 лет. Несмотря на бодрость, энергичность и сохраняющуюся любовь к жизни в полном объеме, он все же начинал чувствовать возраст. Он пополнел, его беспокоило сердце; появились проблемы с печенью, и врачи посадили его на диету. Но Тито не всегда следовал их рекомендациям.

Он мог выкуривать до 120 сигарет в день. От курения у Тито стало слабеть зрение, и врачи предупредили, что если он не бросит курить, то может вообще ослепнуть. Сын Тито Мишо Броз рассказывал, что под давлением врачей его отец все-таки бросил курить, но после этого стал раздражительным и рассеянным. Тито не курил более года, а потом стал покуривать сигары[705], иногда Тито ходил, опираясь на трость — он страдал от ишиаса. Впрочем, свои недомогания он не скрывал только перед самым

близким окружением — другие о них не знали[706].

В 1970 году Тито впервые стал публично обсуждать вопрос о том, что будет со страной после его смерти. В сентябре он выступал перед политическим активом Загреба. Активисты услышали, как маршал вдруг начал рассуждать, что нужно предпринять после того, как он умрет. В зале повисла мертвая тишина, а Тито между тем спокойно и по-деловому описывал, что может случиться в Югославии, если сейчас не принять срочных мер. «За границей много писали о том, что Югославия распадется, когда я уйду, — говорил он. — Да и у нас было много спекуляций на тему: кто придет на мое место?.. Чтобы в нашем социалистическом содружестве не возник такой кризис, который многие хотели бы видеть, мы должны провести реорганизацию (власти. — *Е. М.)*. Мы должны сделать все, чтобы наше социалистическое содружество — Югославия — оставалось крепким вне зависимости от того, кто будет сидеть на этом месте»[707].

Идея Тито заключалась в следующем: необходимо еще при его жизни создать новый, коллективный орган высшей государственной власти. Таким органом стал Президиум СФРЮ. После смерти маршала его ехидно называли «коллективным Тито».

Президиум должен был состоять из девяти человек — шестерых руководителей республик, двоих руководителей автономных краев и руководителя СКЮ. Каждый из них избирается в Президиум сроком на пять лет. Из членов Президиума СФРЮ каждый год избирается председатель, выполняющий функции главы государства. Тито этот план поддержал. Позже принцип его формирования изменился. В Президиум входили 22 человека: по три от каждой республики, по два — от автономных краев. Члена Президиума сроком на семь лет выбирали республиканские скупщины и скупщины автономных краев.

Поскольку Президиум СФРЮ должен был быть сформирован еще при жизни Тито, возникал вопрос: что делать с ним самим? Кардель предлагал ввести пост заместителя председателя Президиума — чтобы «облегчить работу товарища Тито, который по конституции не подлежит ротации». Кардель, вероятно, рассчитывал, что этот пост может достаться ему.

В апреле 1971 года Тито заговорил о сложении с себя части своих полномочий. «Я физически не смог бы выполнять эту работу больше года, — сказал Тито. — Я сделаю об этом заявление и разъясню причины, по которым не хотел бы быть председателем больше года»[708]. И кто знает, возможно, так бы и

получилось, если бы не события, которые укрепили в нем опасения, что без него не справятся.

Поправки к Конституции вносились четыре года подряд — с 1967 по 1971 год. Они серьезно расширили права республик и автономных краев: те получили экономическую и политическую самостоятельность. Однако, когда принятие поправок закончилось, Тито не выступил с обещанным заявлением. Он так и остался и президентом, и председателем Президиума СФРЮ. Ситуация в стране не располагала к тому, чтобы Тито удалялся на покой или хотя бы частично отходил от государственных дел.

«Хорватская весна» и «сербские либералы»

День 7 апреля 1971 года был самым обычным рабочим днем для югославского посольства в Стокгольме и посла Владимира Роловича. До того момента, пока в здание посольства не ворвалась группа молодых людей. Двое из них открыли ураганный огонь из автоматов. Ролович был тяжело ранен и через восемь дней скончался. Террористов схватили. Ими оказались члены хорватской эмигрантской организации «Хорватское революционное братство» усташи Миро Баришич и Анджелько Брайкович.

Бывший «поглавник» хорватских усташей Анте Павелич после войны избежал суда, уехал в Италию, потом — в Аргентину, потом — в Доминиканскую Республику, потом — в Испанию Франко. В самом конце 1959-го один из самых кровавых диктаторов в истории умер в Мадриде от болезни.

За время эмиграции Павелич основал организацию «Хорвате кое освободительное движение», но роль активных борцов с Тито взяло на себя молодое поколение хорватских усташей-эмигрантов. Они создали несколько радикальных группировок — в Канаде, Австралии, Швеции, Австрии, Западной Германии. В Австралии обосновалась одна из самых непримиримых организаций — «Хорватское революционное братство».

Активность усташей впечатляла. Они проводили теракты в самой Югославии и за границей — против югославских официальных лиц. Покушение на Роловича стало самой дерзкой операцией усташей.

Убийцы Роловича Баришич и Брайкович 18 августа 1972 года бежали из шведской тюрьмы Кумла. Но вскоре снова были пойманы. Однако 15 сентября группа усташей захватила шведский пассажирский самолет, на борту которого находились 86 пассажиров, и потребовала освобождения участников покушения на Роловича. Шведский премьер Улоф Пальме

выполнил их требования. Усташей доставили к захваченному самолету, и на нем они улетели в Испанию. В 1990-х годах они вернулись в независимую Хорватию, где были встречены как герои.

Усташи были одними из первых террористов, которые начали проводить акции на авиатранспорте. В январе 1972 года они взорвали самолет югославской компании ЮАТ. Погибли все, кроме стюардессы Весны Вулович, которая упала с высоты более десяти тысяч метров, но чудом осталась жива.

По некоторым данным, с одобрения Тито югославские спецслужбы стали предпринимать ответные акции против хорватских боевиков за границей. Специалисты-«ликвидаторы» сумели уничтожить несколько видных лидеров усташей. В общем, режим Тито вел с новым поколением усташей настоящую войну, которая продолжалась до самого распада Югославии. Тогда бывшие террористы и эмигранты возвращались на родину, где их окружали почетом и уважением. Усташи считали себя победителями в многолетней войне с Тито.

В начале 1970-х хорваты доказывали, что более 50 процентов валюты Югославия получала именно от Хорватии, но в саму республику поступало только 7 процентов. В феврале 1971 года хорватский экономист Шиме Додан заявил, что в Австро-Венгрии за пределами Хорватии тратили 55 процентов хорватских доходов, в королевской Югославии — 46 процентов, а при Тито — 63 процента. «Таким образом, — заключил он, — для хорватов СФРЮ является еще большим эксплуататором, и поэтому менее приемлема, чем Австро-Венгрия или старая Югославия»[709].

Почти все происходившие общественно-политические процессы в Югославии в конечном счете сводились к национальному вопросу. Поэтому время от времени возникали различные причудливые союзы и коалиции. Например, хорватских либералов и хорватских националистов. Сербских демократов и сербских националистов. Словенских коммунистов-реформистов и словенских националистов. Косовских (албанских) сталинистов-подпольщиков и албанских националистов. Конечно, эти коалиции не являлись легальными, юридически оформленными организациями — в титовской Югославии это было невозможно, — а представляли идейные союзы национальных интеллектуалов с представителями партийных активистов и местного населения. В Хорватии подобный союз получил название «Маспок» (сокращение от хорватского *«masovni pokret»,* то есть «общественное движение»).

«Маспок» выступал за демократизацию и либерализацию общественной жизни в стране. Но иногда его формы принимали

явно националистический характер: замазывались надписи на кириллице, звучали оскорбительные реплики в адрес сербов и т. д. Время от времени в воздухе как бы материализовывался призрак былой национальной вражды, которая привела к массовой резне сербов при Павеличе.

Весной 1971 года руководство Союза коммунистов Хорватии обвинило союзное правительство во вмешательстве в дела республики. Пока в Белграде переваривали эти обвинения, на первый план снова вышли студенты. 12 мая 1971 года более тысячи митингующих студентов Загребского университета выдвинули требования: урегулировать вопрос о хорватских отчислениях в союзный бюджет, придать хорватскому языку официальный статус в Югославской народной армии (ЮНА), решить вопрос о службе хорватских призывников в пределах своей республики, начать процесс постепенного превращения СФРЮ в Союз югославских социалистических самоуправляющихся республик. Эти события считаются началом «хорватской весны».

Другим центром «Маспока» стала «Матица Хрватска» (литературно-научное и просветительское общество, основанное еще в 1842 году), превратившаяся в настоящую оппозицию СКЮ. Печатный орган «Матицы Хрватски» газета «Хрватски тьедник» пользовалась огромной популярностью. Ее тираж достиг ста тысяч экземпляров. Основные политические тезисы хорватского национализма состояли в следующем: Югославия — тюрьма для Хорватии; Хорватию грабили и грабят; сербы в Хорватии имеют преимущества перед хорватами; хорватский язык преследуется; необходимо укрепить и сделать самостоятельным хорватское государство, а хорватов в ней — единственными носителями суверенитета; хорватское государство должно быть государством «классового мира»; хорватские коммунисты совершили акт национального предательства, и среди них можно доверять только тем, которые составляют «прогрессивное ядро» и способны проводить курс на «национальное освобождение» и участвовать в «национальном возрождении». Так оценивали хорватские коммунисты программу организации. Указывалось, что «Матица Хрватска» считает, что руководство Союза коммунистов Хорватии «в сущности, согласно» с ее основными тезисами[710].

Тогдашние хорватские руководители Савка Дабчевич-Кучар (в то время — единственная в Европе женщина, которая занимала пост главы правительства) и ее соратники Мико Трипало и Перо Пиркер были представителями «молодого поколения» югославских коммунистов. Они считались убежденными «либералами-федералистами» и долго пользовались

покровительством Тито. Дабчевич-Кучар называли «Белой розой Хорватии» и на манер старых партизанских песен пели:

Товарищ Тито, милый брат,
К нам вернись, ведь ты хорват,
Товарищ Тито, брось Йованку,
Возьми в жены нашу Савку!

Однажды Тито, когда ему прочитали эти «стихи», посмеялся, а потом задумчиво спросил: «Кстати, а сколько Савке лет?» Хорватским руководителям тогда не было еще и пятидесяти[711].

В мае 1971 года Тито уже проявлял недовольство хорватскими руководителями. Ему вторил и самый главный «либерал» Эдвард Кардель. Однажды он сказал, что «лучше русские танки в Загребе, чем ваша „дабчаковщина“»[712]. Насчет «русских танков» — это не казалось слишком большим преувеличением. КПСС и СССР решительно выступили на стороне Тито.

Брежнев 30 апреля 1971 года позвонил Тито на Бриони во время пленума ЦК СКЮ. Выразив озабоченность ситуацией в Югославии, он сказал, что «основы социализма и единство государства находятся под угрозой», и предложил помощь. «Мы свои проблемы решим сами», — ответил тогда Тито и пригласил Брежнева в Югославию.

Тито тут же использовал этот звонок и сообщил о нем участникам пленума. В зале наступила мертвая тишина: 1948 год еще никто не забыл. 4 июля Тито приехал в Хорватию и там, в местечке Брежице под Загребом, устроил настоящий разнос республиканскому руководству. Тито снова упомянул о звонке Брежнева. «Вы хоть понимаете, что, если начнутся беспорядки, здесь сразу же окажутся чужие? — говорил он. — Я бы предпочел восстановить порядок силами нашей армии, чем позволить кому-нибудь другому сделать это…»[713]

Тито открыто пугал хорватов «русскими танками», хотя и сам побаивался их. Странный звонок Брежнева он связывал с просоветскими симпатиями некоторых высших офицеров ЮНА. Боялся он, что Москва может сговориться с руководителями «хорватской весны» убрать его и расчленить Югославию. Но, как утверждает в своих воспоминаниях Савка Дабчевич-Кучар, советская помощь для хорватов была неприемлема, поскольку они считали «советскую модель коммунизма еще хуже нашей».

Тито дал хорватам понять, что они своим поведением загоняют себя в угол. «Под маской „национальных интересов“ готовится дорога в ад, — говорил он, — дело может дойти и до

контрреволюции… В некоторых селах сербы от страха начинают вооружаться и устраивать военные учения… Мы что, снова хотим получить 1941 год?»[714] «Мне уже надоела власть, однако, раз дело дошло до такой ситуации, я и не подумаю уходить», — расставил Тито все точки над «i»[715].

Во время перерыва Тито подошел к Савке Дабчевич-Кучар и Мико Трипало, обнял их за плечи и, улыбаясь, сказал: «Сейчас вам в Хорватии аплодируют больше, чем мне!»[716]

В августе 1971 года с Тито для интервью встретился знаменитый итальянский писатель Альберто Моравиа. Он начал с того, что спросил у Тито: в чем, по его мнению, причина напряженной ситуации в Югославии?

«Причину нужно искать в различиях экономического развития отдельных республик, — ответил Тито. — Сейчас мы приступаем к реорганизации нашей государственной системы. Мы хотим решить эту проблему тем, что предоставляем еще большие политические и структуральные права всем нашим народам. Этот процесс реорганизации встречает сопротивление элементов с централистскими амбициями, которые, в свою очередь, используют поддержку тех стран и правящих групп, которые не хотят видеть единую и самоуправленческую Югославию…»[717]

Любопытная деталь: этот очерк-интервью Альберто Моравиа напечатали сначала в итальянском журнале «Эспрессо», а потом перепечатали в югославских газетах. Причем полностью, включая и те его места, где автор не слишком лестно отзывался о Тито, — что он пополнел или что пьет утром много виски.

В сентябре 1971 года Тито прибыл в Загреб. В аэропорту, где его встречало все хорватское руководство, военный оркестр исполнил югославский гимн. Когда он закончился, Тито повернулся и уже хотел идти, но оркестр грянул старинную хорватскую песню «Наша прекрасная родина», — неофициальный гимн республики (сегодня это уже официальный гимн независимой Хорватии), которую пели на своих митингах участники «Маспока». Тито очень удивился, но дослушал ее до конца.

Центр Загреба был настолько переполнен встречающими, что машины не могли проехать. Тогда Тито и хорватские руководители продолжили свой путь пешком.

«Старое поколение» хорватского руководства было склонно к «жесткому» решению проблемы «Маспока». Такого же мнения придерживались военные, в том числе и Союзный секретарь по народной обороне генерал Любичич (серб по национальности). Тито колебался. Перед отъездом из республики он заявил, что

опасность национализма в Хорватии преувеличена.

Тито торопился в Белград, чтобы встретить там Брежнева. Это был его первый визит в Югославию в качестве генсека ЦК КПСС. И — первая поездка советского лидера в СФРЮ после трех лет «похолодания» в советско-югославских отношениях, вызванного интервенцией в Чехословакию. Этот визит, да еще в сложившейся обстановке, имел огромное значение.

Брежнев прилетел в Белград 22 сентября. Они с Тито тепло расцеловались при встрече, а потом вместе в открытом «мерседесе» отправились в город.

Но на переговорах не все проходило гладко. Однажды разозлившийся Брежнев с силой бросил пачку сигарет на стол, и они, рассыпавшись, едва не упали на колени Тито. В другой раз Брежнев вскочил из-за стола и воскликнул: «Да чего же вы хотите?!» — «Суверенитет!» — ответили на это югославы. «Не надо, пожалуйста, на меня давить! — возбужденно продолжал Брежнев. — Кто-нибудь из вас разве может подумать, что я против суверенитета Югославии!» Тут вмешался Тито и примирительно заметил: «Не надо ссориться»[718].

Советская делегация выдвинула свои «семь пунктов» нормализации отношений: углубление политического сотрудничества и преодоление всех разногласий; развитие экономических отношений; расширение сотрудничества с СЭВ; углубление межпартийного сотрудничества, в особенности в борьбе против империализма и колониализма; усиление совместного сотрудничества с развивающимися странами; не допускать слишком критических материалов друг о друге, поскольку у обеих сторон есть сильные и слабые стороны; и, наконец, о принятии позиции советской историографии относительно национально-освободительной борьбы народов Югославии во время Второй мировой войны. При этом Брежнев чуть ли не «со слезами на глазах» опроверг «распространяемое в Югославии мнение о том, что Советский Союз намеревается [на нее] напасть».

Тито потом сказал своему окружению: «Русские нас опять хотят не мытьем так катаньем вернуть в Восточный блок. Брежнев нас немного поругал, но мы уже к этому попривыкли»[719].

В подписанном после визита заявлении содержались общие слова о верности принципам, зафиксированным в документах 1955 и 1956 годов. Практически ничего не выдавало того напряжения, в котором проходили переговоры. Брежнев улетел в Москву 25 сентября. Тито считал, что переговоры в определенной степени разрядили напряжение в отношениях с Москвой. Несмотря на это 2–10 октября в Югославии состоялись

крупнейшие в истории страны военные маневры «Свобода-71», в которых принимало участие около четырехсот тысяч военнослужащих и бойцов Территориальной обороны.

В октябре Тито отправился в большое заграничное турне — Иран, Индию, Египет и США, Канаду и Великобританию. В Вашингтоне президент Никсон интересовался деталями визита Брежнева в Югославию. Югославский президент довольно откровенно рассказал об их переговорах и заметил, что Москва в последнее время проводит гибкую внешнюю политику. Тито сказал, что когда он поделился с Брежневым своими планами о визите в Америку, генсек одобрил эту идею. Тито, в свою очередь, одобрительно отозвался о намерениях Никсона посетить в 1972 году Китай и СССР[720]. В середине ноября маршал вернулся в Югославию и узнал, что ситуация в Хорватии ухудшилась — там шли митинги и забастовки.

29 октября студенты в Загребе выдвинули требование о приеме Хорватии в ООН. Его авторы ссылались на то, что в ООН входят советские республики Украина и Белоруссия. А Союз студентов Хорватии грозил забастовкой и требовал, чтобы валюта, которую хорватские «гастарбайтеры» зарабатывали за границей и привозили домой, оставалась исключительно в распоряжении республики. Узнав об этом, Тито сказал: «Долго же они будут этого ждать! Скорее Сава развернется и потечет обратно к Триглаву!» (Триглав — гора в Словении, самая высокая точка в СФРЮ. — *Е. М.)*[721] Однако 22 ноября забастовка все же началась. Звучали все новые требования — например, о том, чтобы перенести Главный штаб югославского флота из Белграда в Сплит.

На этом терпению Тито пришел конец. Он объявил, что 1 декабря состоится заседание Президиума ЦК. 29 ноября, когда в Югославии отмечался «главный» праздник — День республики, Савка Дабчевич-Кучар выступила по телевидению и призвала студентов прекратить забастовку.

На встречу с Тито прибыли 19 членов хорватского руководства. Дискуссия с небольшими перерывами продолжалась 16 часов. Тито поставил перед хорватами всего лишь одно условие: они должны отречься от националистов. Дабчевич-Кучар, Трипало и Пиркер категорически отказались.

Тито уговаривал их и всех вместе, и по одному. Он убеждал их в том, что движение протеста в Хорватии переродилось в контрреволюцию и приведет к развалу федерации. Однако это ничего не дало. В 11 часов утра 1 декабря уставшие и невыспавшиеся Тито и хорватские лидеры уже сидели на заседании Президиума ЦК. Тито говорил первым. Он обвинил

хорватское руководство в потворстве национализму и сепаратизму, заявив, что оно было «довольно либерально» по отношению к тому, что фактически является «контрреволюцией», признал, что некоторые их экономические требования имеют смысл, однако не могут служить оправданием антиконституционной деятельности. Причина всего этого, сказал он, в недостатке «марксистского образования»[722]. Савка Дабчевич-Кучар и Мико Трипало отрицали, что «Маспок» — контрреволюционное движение.

Через несколько часов заседание прервали, объявив, что по телевидению будет передано выступление Тито. Однако выступления хорватов в эфир не передали. Когда заседание возобновилось, они заявили, что больше не видят смысла в обсуждении — ведь переданная речь Тито фактически ставила в нем точку. После этого они уехали в Загреб. Вскоре им позвонил Тито и предложил написать заявления об отставке[723].

Студенты ответили на отставку акциями протеста. Каждый митинг завершался арестами. К концу декабря арестовали более тысячи человек.

475 человек получили административные судимости, высылку из Загреба, денежные штрафы. 35 активистов, в том числе и студенческие лидеры, были приговорены к тюремному заключению. «Матица Хрватски» была запрещена. В январе 1972 года сотрудники госбезопасности проверили на благонадежность всех рядовых членов «Матицы», из которых было арестовано 189 человек. Среди арестованных оказался и генерал по имени Франьо Туджман — будущий первый президент независимой Хорватии.

Во время войны Туджман был партизаном и закончил ее в звании майора. Потом занимал различные штабные должности и писал работы по военной истории. В 1961 году Туджман стал самым молодым генералом ЮНА.

В 1960-х годах он занимал пост директора Института истории рабочего движения в Хорватии. Туджман принимал участие в деятельности «Матицы Хрватски» и подписал знаменитую декларацию о языке. За это его исключили из партии. В 1972 году его арестовали, но благодаря вмешательству Тито Туджман просидел в тюрьме лишь несколько месяцев. Он оставался диссидентом до самого развала Югославии.

В СКХ началась тотальная чистка: со своих постов были сняты около четырехсот руководителей разного уровня. По официальным данным, различные меры партийного воздействия применили к 947 членам СКХ, в том числе к 69 членам ЦК. Из Союза был исключен 741 человек[724]. Бывшие лидеры

«хорватской весны» приводили, впрочем, другие данные. Савка Дабчевич-Кучар утверждала, что из партии было исключено около 70 тысяч человек, за три года — с 1969-го по 1971-й было возбуждено всего 1449 уголовных дел, а в первую половину 1972-го — 3606, причем 2289 приходилось на Хорватию[725].

Сами лидеры остались на свободе, но тоже были исключены из партии и лишены престижной работы. Савка Дабчевич-Кучар вышла на пенсию в 1975 году — тогда ей было всего 52 года. Трипало же был вынужден уйти на пенсию в 45 лет. За ними было установлено плотное наблюдение. К политической деятельности они смогли вернуться только после распада Югославии.

…Еще в мае 1971 года, когда «хорватская весна» была в самом разгаре, Тито заявил, что представители других республик должны извлечь уроки из событий в Хорватии. Он жаловался и на сербское руководство, которое тоже ведет себя слишком либерально по отношению к «контрреволюционным силам». Тито говорил, что «контрреволюционеры» окопались в Белградском университете, в газете «Студент» и сатирическом журнале «Јеж». Он упомянул о неком «заговоре генералов», который якобы готовится против него в Белграде. Тито сказал, что располагает информацией о том, что член Исполнительного бюро серб Миялко Тодорович в разговоре с советскими дипломатами заявил, что в югославском руководстве существует раскол. Из этого Тито сделал вывод о возможных связях сербского руководства с Москвой. «В Белграде, — сказал он, — против меня ведется кампания, поэтому я и не возвращаюсь в Белград».

На заседании Исполнительного бюро, где Тито выступил с этой речью, не было сербских представителей. Решили позвать председателя Скупщины Югославии Милентия Поповича. Тито повторил все обвинения в адрес сербского руководства. Вернувшись в Белград, Попович умер от сердечного приступа. Тито был на его похоронах. Поповичу посмертно присвоили звание Героя Социалистического Труда.

Вскоре после случившегося председатель ЦК Союза коммунистов Сербии Марко Никезич попросил Тито срочно принять его. Разговор, который продолжался более четырех часов и в котором принимали участие 18 сербских руководителей, начался с недоуменных и даже дерзких вопросов маршалу: что означают его обвинения в адрес сербов; почему другие партии могут быть самостоятельными, а сербская нет; откуда у Тито данные о «заговоре»? Тито реагировал нервно. «Я, наверное, имею право на контроль… — ответил он. — Какая самостоятельность?.. Должен быть единый Союз коммунистов!» В конце концов он заявил, что обратится к народу и вообще создаст новую партию.

Тито спросили: что он имеет в виду, когда говорит о создании новой партии. Тито ответил, что создаст ее «из рабочего класса». На это ему возразили, что большая часть рабочего класса находится в Белграде, а он, Тито, постоянно говорит о нем как о центре неприятельской активности. В итоге Тито попытался взять себя в руки и снизить напряжение. «Давайте все это положим в архив», — предложил он. Сербы с ним согласились, но между собой говорили, что этот разговор Тито им никогда не забудет[726].

Тито, как известно, сменил сербское руководство в 1968 году — за то, что оно не смогло предотвратить студенческие демонстрации. Однако время показало, что новые сербские лидеры оказались людьми весьма «либеральных» взглядов. Особенно бывший Союзный секретарь по иностранным делам Марко Никезич, который стал председателем ЦК СК Сербии. Он скептически высказывался о «священной корове» титовской Югославии — самоуправлении, называя его «разновидностью „культурной революции“, цель которой была не в ослаблении политической мощи, а, наоборот, в его усилении». Имелась в виду, разумеется, мощь партии. Никезич выступал за «более эффективные и современные методы управления в экономике». Дальнейшие перспективы в Сербии связывали с созданием так называемых «локомотивов развития» — крупных финансово-промышленных корпораций, управляемых по стандартам западного бизнеса. Такая концепция требовала подготовки новых профессиональных кадров — управленцев, технократов и специалистов в своей области, а вовсе не партийных работников. Никезич открыто говорил, что сербам не следует строить иллюзий в отношении единства Югославии, если и дальше будет считаться, что Сербия — это основа Югославии. «Если Югославия действительно нужна, то она должна быть нужна всем, а не только сербам», — заявлял он[727].

Однако сербское руководство во главе с Никезичем интересовала вовсе не политическая или национальная доминация. Речь шла о доминации финансово-экономической. В Сербии, особенно в Белграде, находились штаб-квартиры крупнейших югославских экспортно-импортных компаний, а также самые крупные в стране банки. Сербия настаивала на сохранении единства и централизованности управления этими компаниями, в то время как Хорватия и Словения яростно требовали «национализации» этого капитала, раздела его между всеми республиками. По сути, сербы хотели видеть Югославию как территорию, на которой господствовали бы крупные, современные и высокотехнологичные корпорации — наподобие

японских. И конечно, предполагалось, что эти корпорации будут в большинстве своем управляться сербами.

Никезич считал, что при изменении экономической политики Сербии не потребовалась бы никакая помощь извне — в том числе и для развития Косова. Он даже сказал Тито, что в Сербии есть потенциал, который при правильном использовании смог бы обеспечить развитие пяти Сербий[728].

Сербское руководство действовало тоньше хорватских «национальных либералов». В республике не было такого ярко выраженного националистического угара. Если хорваты видели свою силу в народной поддержке, то сербы — в капитале. Но сербские либеральные коммунисты хорошо понимали своих хорватских коллег, хотя националистическая окраска «Маспока» сделала невозможным создание единого фронта действий между сербами и хорватами. Но даже при этом в Белграде осудили разгон студенческих демонстраций и отставку партийного руководства в Загребе.

После неприятного для него разговора с сербским руководством в мае 1971 года Тито некоторое время обдумывал ситуацию. 29 сентября 1972 года было опубликовано «Письмо Председателя СКЮ и Исполнительного бюро Президиума ЦК СКЮ всем коммунистам Югославии». В нем отмечалась опасность, которая исходит от сил, которые «действуют вопреки интересам рабочего класса, социализма и самоуправления»[729].

9 октября началась встреча югославского руководства во главе с Тито с руководителями Сербии и СКС. Тито говорил первым. Указав, что отношения между ЦК СКС и Президиумом ЦК СКЮ «не были хорошими», он отметил, что «между нами существуют идеологические расхождения». «Большая часть враждебной нам печати за границей пишет о том, что на одной стороне находится Тито, а на другой Никезич и что Никезич возглавляет прогрессивное течение, а я — консерватор и чуть ли не сталинист…» — сказал Тито. Он обвинил сербских руководителей в том, что они слишком либерально относятся к «классовым врагам»[730].

Встреча продолжалась четыре дня. На стороне Тито было партийное и государственное руководство, а также часть сербских лидеров. Однако случилось невероятное — Тито проиграл. Биограф Тито Перо Симич, который в то время был одним из «комсомольских» руководителей Сербии и присутствовал на встрече, подсчитал, что в поддержку Тито выступили только 16 человек, в то время как за сербское руководство — 30[731]. Тито, увидев, что его не поддерживают, решил не выступать в тот день с заключительной речью. Зато в газетах и местных

парторганизациях началась кампания против сербского руководства. Тито пришлось бросить на чашу весов весь свой авторитет, чтобы справиться с непокорными сербами, и ему это в конце концов удалось.

В итоге на Пленуме ЦК СКС 21 октября 1972 года Марко Никезич и секретарь ЦК Латинка Перович подали в отставку. После этого началась настоящая чистка во всей Сербии. И не только в Сербии, но и во всей стране шли чистки против «праксисовцев», «технократов», «анархолибералов», просто «либералов», «локалистов», «этатистов» и других «уклонистов». По некоторым оценкам, работы лишились около шестидесяти тысяч человек. Подобные мероприятия были проведены в Словении и Македонии[732].

События начала 1970-х годов сыграли важнейшую роль для дальнейшего развития Югославии. Сумев одержать временную победу над национализмом, Тито вместе с тем под корень вырубил все ростки «демократического социализма» и новых представлений о будущем страны. В глазах многих югославов он сам теперь превратился в «консерватора» и даже «сталиниста».

Открытое, по сравнению с другими социалистическими странами, югославское общество постаралось закрыть окна и форточки для различных «весенних ветров». 28 декабря 1972 года в Югославии были запрещены продажа и распространение девяти крупнейших западных газет и журналов — «Файнаншел таймс», «Дейли телеграф», «Ди Вельт», «Карьера де ла Сера» и других[733].

В начале 1970-х победу в Югославии одержало старое, «партизанское» поколение коммунистов. У власти находились только «проверенные „титоисты“», снова оживился ортодоксальный марксизм и вернулся культ личности Тито, который в бурных 1960-х годах несколько ослабел.

В погоне за Нобелевской премией

В мае 1972 года, по случаю 80-летия, Тито получил второй орден Народного Героя Югославии. Торжества продолжались почти весь месяц. И если раньше говорили, что без Тито не было бы партии, социализма или побед в войне, то теперь его возводили почти на уровень Бога. Со сцены читали такие стихи: «Тито, нашей земли милое дитя! Нас бы не было, если бы не было тебя!» В Белграде открылась огромная выставка «Тито — мысль и дело». Газета «Борба» с гордостью отмечала, что книги Тито выдержали 900 изданий общим тиражом 4,5 миллиона экземпляров[734].

25 мая «Борба» весь номер — двадцать полос — посвятила

дню рождения Тито[735]. Некоторые страницы газеты были напечатаны в цвете, что по тем временам было еще большой редкостью и далеко не дешево.

На стадионе ЮНА в Белграде по устоявшейся в последние годы традиции 25 мая провели помпезное празднование Дня молодости. Зарубежные комментаторы ехидно отмечали, что вход Тито в украшенную цветами президентскую ложу стадиона и овации десятков тысяч собравшихся зрителей походили на описания античных историков о торжествах, которые проводили императоры Рима. Собравшиеся на стадионе приветствовали Тито «живым букетом из тел», из которых была составлена надпись «Спасибо тебе за свободу — спасибо тебе за мир!». Затем «букет тел» превратился в восемь цветков, каждый из которых символизировал десятилетие жизни Тито. В этом представлении участвовали девять с половиной тысяч юношей и девушек[736].

Газеты сообщали о подарках, которые преподносили Тито представители республик, городов, народов и народностей. В Белграде президенту решили присвоить звание почетного доктора Белградского университета. Это был уже одиннадцатый диплом почетного доктора, который получил Тито. До этого были дипломы университетов Рангуна, Бандунга, Аддис-Абебы, Алжира, Сантьяго-де-Чили, Галифакса, Улан-Батора, Загреба, Любляны и Ниша[737]. «Борба» сделала многозначительный вывод: «Творческое и жизненное наследие Тито давно стало предметом изучения в университетах всех континентов»[738].

На волне всех этих торжеств Тито отправился с официальным визитом в Советский Союз, где пробыл с 5 по 10 июня. В Москве к нему проявили максимум внимания.

Визит Брежнева в сентябре 1971 года в Югославию, а теперь и визит Тито в Советский Союз символизировал, что процесс сближения между Москвой и Белградом снова пошел. Заместитель заведующего международным отделом ЦК КПСС Анатолий Черняев записал в своем дневнике о визите Тито: «Был в Москве со своей Йованкой (которая стала несколько громоздкой, но еще в свои 60 с лишним вполне аппетитная, да и к тому же в мехах и бриллиантах… Демонстративное радушие, дружба, уважение, даже некоторое почтение к нему — событие примечательное. Английская газета „Observer“ писала, что визит означает, что в новой обстановке (речь идет о визите президента США Никсона в СССР в мае 1972 года, во время которого, в частности, был подписан Договор ОСВ-1. — *Е. М.),* когда „великие“ договорились о *status quo,* Тито уже невозможно будет так ловко балансировать между „двумя“, как это он делал 20 лет с лишним. Вот он и сделал выбор (учитывая свои внутренние

трудности)… Однако я вижу и другое: отныне югославский ревизионизм перестает быть фактором нашей внутренней идеологической политики. Им теперь можно пугать только на ушко!.. В своей публичной речи на „Шарикоподшипнике“, опубликованной в „Правде“, он трижды говорил „о самоуправлении“, очень много — о невмешательстве и суверенном праве каждого, один раз, но веско — о разнообразии форм социализма, о социализме вне границ как общемировом явлении, а не как о системе государств, и т. д., и ни разу о заслугах Советского Союза в мировых делах, о советско-американском сдвиге»[739].

Из Советского Союза Тито привез еще одну награду — орден Ленина. Но в это же самое время решался вопрос о гораздо более престижной награде, которую должен был получить маршал.

…В 1972 году югославская дипломатия начала грандиозную спецоперацию. Она называлась «выдвижение кандидатуры Тито на соискание Нобелевской премии мира». В мае этого же года предложение об этом «озвучил» председатель парламента Люксембурга Пьер Грегуар. Правда, он сделал это не в качестве государственного руководителя, а как председатель Международного комитета по изучению причин и последствий Второй мировой войны. К Грегуару присоединился и руководитель Союза участников движения Сопротивления Карл Ибах. Конечно, тот факт, что кандидатуру Тито предложили представители общественных организаций, несколько снижал весомость заявки, но тем не менее фамилия югославского президента была названа.

Почти все дипломатические и политические силы СФРЮ были теперь брошены на то, чтобы провести работу с известными политиками, общественными деятелями, представителями науки и культуры, которые могли бы поддержать кандидатуру Тито. Необходимо было найти не менее тридцати таких людей. В югославские посольства во всех концах света полетели срочные телеграммы. 7 декабря 1972 года рабочая группа составила список «желательных лиц», которые могли бы предложить кандидатуру Тито. Первым в списке шел канцлер ФРГ Вилли Брандт. С ним у Тито сложились теплые отношения. Брандт считал Тито «диктатором», но по достоинству оценивал масштаб его личности. Он не раз говорил, что Тито заслуживает уважения своей борьбой против оккупантов, против сталинского давления и, наконец, своими попытками создать на Балканах современное федеративное государство[740].

За Брандтом шли другие хорошие друзья и знакомые Тито: премьер-министр Индии Индира Ганди, царь Эфиопии Хайле

Селассие, президент Танзании Джулиус Ньерере, президент Чили Сальвадор Альенде, президент Финляндии Урхо Кекконен, президент Кипра архиепископ Макариос, президент Сенегала Леопольд Сенгор и другие. Но следовало «обеспечить поддержку» кандидатуре маршала и в социалистических странах — Румынии, Польше, Венгрии и СССР.

Сбор «группы поддержки» шел не слишком легко. Во-первых, выяснилось, что на текущий, 1972 год кандидатура Тито уже не «проходит» — срок подачи заявок уже прошел. Комитет по присуждению Нобелевской премии в Осло предложил югославам ориентироваться на следующий, 1973 год. Во-вторых, возникли неожиданные трудности в самой Югославии — кандидатуру маршала наотрез отказались поддержать Римско-католическая и Сербская православная церкви.

Зато в качестве «тяжелой артиллерии» в поддержку Тито выступил лауреат Нобелевской премии Иво Андрич. В начале 1973 года он направил в Осло письмо с обоснованием, почему именно Тито заслуживает премии. «Борьба за мир была и остается в основе всего его существования… — писал Андрич. — Все существование и все действия новой Югославии были направлены на защиту мира и свободы человека, а их инициатором и руководителем был Тито»[741].

Список политиков, государственных и общественных деятелей, ученых и деятелей искусства, которые все же поддержали кандидатуру Тито, оказался довольно внушительным — более ста человек. Среди них: 14 глав государств, правительств и министров, в том числе Сальвадор Альенде, архиепископ Макариос, Джулиус Ньерере, принц Камбоджи Сианук и другие[742]. Не оправдались надежды югославов в отношении Индиры Ганди, Вилли Брандта, Хайле Селассие, Урхо Кекконена. Не было в списке советских деятелей и деятелей социалистических стран. Зато Тито поддержали такие звезды кино и театра, как Чарли Чаплин, Акира Куросава, Лоуренс Оливье, Ингмар Бергман. Как пошутил один из журналистов, у Тито было больше шансов получить «Оскар», а не Нобелевскую премию.

Несмотря на популярность Тито в мире, несколько обстоятельств были против него. Во-первых, Тито был коммунистом. Некоторые из его хороших друзей конфиденциально признавались югославским дипломатам, что если они поддержат маршала, то их не поймут в их странах, а также их западные союзники. Во-вторых, поддерживать его не горели желанием и европейские интеллектуалы, не простившие ему разгрома движений протеста, чистки университетов и

репрессий против югославских писателей. И наконец, югославы предлагали присудить Тито премию, так сказать, по сумме заслуг, а не за какую-то конкретную акцию, что тоже было слабым местом в его номинировании. Тем не менее шансы у Тито были.

Голосование в Комитете по присуждению премии норвежского парламента (стортинга), которое проходило 16 октября 1973 года, представляло собой настоящую политическую интригу. Соперниками Тито были госсекретарь США Генри Киссинджер и министр иностранных дел Демократической Республики Вьетнам Ле Дык Тхо — их номинировали за прекращение войны во Вьетнаме.

В Комитете большинство представляли Норвежскую рабочую партию, с которой у югославов сложились теплые отношения. По договоренности с ними представители партии должны были голосовать за Тито, поэтому югославы не без оснований рассчитывали на победу. Но они просчитались.

Два голоса были поданы за Тито, и два — против него. Последней голосовала представительница Рабочей партии Осе Лионс. Фактически в ее руках оказалась судьба Нобелевской премии. И вопреки всем ожиданиям она высказалась против Тито. Премию получили Киссинджер и Ле Дык Тхо.

Что же заставило Осе Лионс голосовать именно так? Об этом в республиках бывшей Югославии спорят до сих пор. Одна из версий гласит, что причиной стала поддержка Тито арабских стран в арабо-израильских конфликтах 1967 и 1973 годов, в которых Югославия помогала арабам оружием. Якобы Лионе и ее муж принадлежали к «произраильскому лобби» в Норвегии[743]. Но истинные причины этого поступка остались неизвестными. Сама Лионе их так и не объяснила.

Надо сказать, что Норвежская рабочая партия потом заявила, что не считает выбор Комитета правильным. Да и вообще реакция на присуждение премии Киссинджеру, чья страна много лет вела войну во Вьетнаме, в мире вызвала недоумение. «Нью-Йорк таймс» писала, что премия фактически присуждена «не за мир, а за войну», а «Монд» язвительно заметила, что с таким же успехом можно было дать ее Гитлеру и Чемберлену за Мюнхенские соглашения о разделе Чехословакии в 1938 году. Принять награду отказался один из лауреатов — Ле Дык Тхо, поскольку «сайгонский режим и США» продолжали войну в Южном Вьетнаме. В общем, все закончилось скандалом[744].

Но Тито это никак помочь уже не могло. Малоизвестный депутат парламента Норвегии помешала осуществиться мечте «любимого маршала» и «великого борца за мир».

«Политика» напечатала сообщение о присуждении

Нобелевской премии 17 октября на третьей странице без каких-либо упоминаний о Тито. В качестве «утешительного приза» маршал в 1973 году получил премию Неру «за международное взаимопонимание».

ПОСЛЕДНЕЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

«Я могу со дня на день уйти, а меняться ничего не будет»

В 1974 году Югославия вошла в новую стадию проводимого Тито эксперимента. 21 февраля была принята новая Конституция страны.

По мнению ее авторов, она должна была заложить основы нового «югославского федерализма» — когда федеральный центр отказывается от большей части своих экономических, политических и других полномочий в пользу участников федерации. Республики и даже автономные края превращались в «квазигосударства», при этом права автономных краев Косово и Воеводина были фактически приравнены к правам республик. За федеральным центром оставались лишь вопросы внешней политики, обороны и координации хозяйственного развития.

Конституция упраздняла всеобщие и прямые выборы органов власти. Вводилась так называемая «делегатская система». Избиратели должны были голосовать за «делегации», а кто из этих делегаций будет работать в том или ином государственном органе, решали уже не они, а их руководители, то есть партийные комитеты.

Другая идея заключалась в том, чтобы каждый трудящийся принимал участие в деятельности различных «ячеек самоуправления». Вскоре были созданы тысячи таких организаций — от объединений в общественных банях или, скажем, на собачьих площадках до объединений на крупнейших предприятиях и даже в целых отраслях.

Появление этих «ячеек» привело к росту бюрократии. К концу 1970-х годов на административных должностях в них работали 45 тысяч человек[745].

Новая конституция устанавливала сразу два органа, обладающих функциями главы государства: Президиум СФРЮ и Президента Республики, который в то же время являлся Председателем Президиума СФРЮ. При этом Президентом Республики мог быть избран только Тито. 333-я статья гласила, что Скупщина СФРЮ может избрать Иосипа Броз Тито Президентом Республики с «неограниченным действием мандата»[746]. Но подразумевалось, что в случае смерти президента (читай — Тито) функции главы государства будет выполнять Президиум СФРЮ.

Но пока Тито был в очередной раз избран президентом. Это произошло 16 мая 1974 года. Его мандат не был ограничен никаким сроком. Интересно, что в конституции не упоминалось название гимна страны. Дело в том, что им были недовольны неславянские народы Югославии, прежде всего албанцы. Они возмущались тем, что гимном является мелодия с названием «Гей, славяне!».

По замыслу Тито, новое устройство страны должно было выбить из рук националистов большую часть козырей, однако вскоре стало ясно, что этот фокус не удался. Республики больше ругались между собой, чем договаривались, и каждая из них тянула одеяло на себя. Общефедеральный рынок раскалывался, республики охотнее сотрудничали с заграницей, чем друг с другом. Их границы закрывались для товаров-конкурентов от собратьев по федерации.

Тито, даже несмотря на весь свой огромный жизненный опыт, не смог предусмотреть, что и партия начнет расслаиваться по национальному признаку. Правящая партократия, быстро почуяв, куда ветер дует, стала расслаиваться на отдельные «местные партократии», в руках которых находились внушительные инструменты власти. Наблюдатели за границей, да и внутри страны все чаще говорили, что югославская федерация все еще существует только благодаря одному фактору — самому Тито.

27–30 мая в Белграде проходил X съезд СКЮ. На нем состоялось назначение Тито на пост председателя партии — и тоже «без ограничения срока мандата». Тито назвал съезд «съездом победы», «самым лучшим съездом в истории нашей партии», который «как свет факела блеснул во всем мире»[747]. Когда стихли овации, все вдруг услышали плач, который раздавался с первого ряда, где сидела Йованка Броз. Все решили, что она плачет от радости за Тито, и овации возобновились с новой силой. Между тем есть и другое объяснение этим слезам.

Йованка очень хотела попасть в ЦК. «Другие, как Чаушеску, своих жен двигают наверх… — говорила она врачу Тито Александру Матуновичу. — Не вижу причин, по которым я не могла бы занять важную должность в партийном аппарате или государственных органах. Думаю, никто не сможет продолжить политику Тито лучше меня, потому что эту политику мы вместе осмысливали и проводили»[748].

Перед съездом она обратилась к нескольким руководителям с просьбой выдвинуть ее кандидатуру при выборах в ЦК, и они ей это обещали. Но Тито прямо не высказал своего отношения к этой идее, и Йованку так и не выдвинули. Только немногие знали, что в отношениях Тито и Йованки назревал кризис…

31 июля — 1 августа в Хельсинки проходила церемония подписания Заключительного акта по безопасности и сотрудничеству в Европе. Президенты, премьер-министры, министры иностранных дел и члены делегаций 35 стран толкались в тесных кулуарах. Брежневу или американскому президенту Форду охрана расчищала дорогу. Тито же шел всегда один, в сопровождении лишь своего адъютанта генерала Рапо. Но вся толпа государственных деятелей «с уважением расступалась перед ним, как Красное море перед Моисеем»[749]. Тито был среди них живой легендой. Единственным еще живым руководителем из тех, кто сумел дать отпор Гитлеру.

7 октября 1975 года Тито принял на Бриони делегацию представителей вооруженных сил СФРЮ. Он весьма откровенно расставил все акценты в отношении внешней угрозы Югославии:

«С США у нас очень хорошие отношения. Они даже нас уверяют, что они „наш зонтик“, несмотря на то, что мы такие, какие мы есть. (Смех в зале.) Я, конечно, в это не верю. Так как знаю, что движение неприсоединения — это бельмо на глазу США. Неприсоединение — это также бельмо на глазу другой страны — СССР, несмотря на то, что они нас уверяют, будто ничего против него не имеют…

Я также ценю, что сейчас нам с Востока не угрожает опасность… Ценю, что СССР не пойдет на авантюру против Югославии, которая имеет такое влияние в мире, такие вооруженные силы и такой единый народ». Впрочем, заметил он, «наше негативное внутреннее поведение, раздоры, ссоры усиливают аппетиты противников внутри и вне страны»[750].

Но Тито волновали не только внутренние раздоры, он опасался и тех, кто бежал за границу и там не прекращал борьбы с ним. Тем более что сторонников Информбюро он так и не простил. В середине 1970-х годов около двух сотен «информбюровцев» все еще не прекращали своей активной деятельности. В Югославии их считали «рукой КГБ».

В конце марта 1974 года в Белграде получили сведения, что в Черногории готовится проведение съезда так называемой «Новой КПЮ», в которой, по некоторым данным, состояло около шестисот человек. Сотрудники госбезопасности арестовали всех делегатов в одном из частных домов города Бар — их было 12 человек. К тому времени съезд уже успел утвердить программу, устав и декларацию о создании «Новой КПЮ». Но настоящий международный скандал вызвало похищение одного из лидеров югославской эмиграции Владо Дапчевича[751].

В 1955-м, после нескольких лет, проведенных в тюрьме, Дапчевич бежал в Албанию, а потом и в Советский Союз. Позже

он переехал в Западную Европу.

В эмиграции он разгружал вагоны, подметал улицы и пытался вести «революционную пропаганду» среди югославских «гастарбайтеров». По утверждениям бывшего главы румынской службы государственной безопасности — Секуритате — Йона Пачепы, слухи об активности Дапчевича беспокоили Тито и он во время одной из встреч с Чаушеску на Бриони обсуждал с ним план его нейтрализации. Тогда возникла идея заманить его в Румынию, там арестовать и передать в руки югославов[752].

Дапчевича удалось выманить в Бухарест. Там его похитили и отправили в Югославию, где приговорили к смертной казни, но заменили ее на 20 лет заключения. В 1988 году его освободили и выслали из страны. Дапчевич вернулся в Югославию через два года, где и умер в июле 2001-го.

Похищение Дапчевича вызвало много шума. На Западе заговорили о «боевиках Тито» — раньше о них писали, что они расправляются только с усташами. Однако советское руководство откликнулось на «дело Дапчевича» неожиданной поддержкой Тито. В ноябре 1975 года в Москве с визитом побывал Кардель, и 27 ноября «Правда» в передовой статье резко раскритиковала «информбюровцев». На этом фактически закончилась поддержка антититовской коммунистической позиции со стороны СССР и КПСС.

Несмотря на некоторое сближение с Москвой, Тито долго колебался: ехать ли ему на конференцию коммунистических и рабочих партий в Берлин. И только в самый последний момент решил ехать. Когда Тито вошел в зал, члены делегаций начали вставать, аплодируя, — многие не рассчитывали увидеть его здесь[753].

В Берлине Тито встретился с Брежневым. В архивах сохранилась запись их разговора, который коснулся и арестованного Дапчевича. Брежнев сказал, что ему, вообще-то, неинтересна эта тема и лучше поговорить, например, о Мао Цзэдуне[754].

В этой беседе участвовал и секретарь Исполнительного бюро Президиума ЦК СКЮ Стане Доланц. К середине 1970-х годов в окружении Тито осталось очень мало людей из «старой гвардии». Пьяде и Кидрич умерли, Джилас и Ранкович превратились в противников, другие отошли от активных дел, занимая различные «почетные» должности. Только Кардель еще оставался рядом, но и он все более погружался в теоретические исследования и писал мемуары.

Тито вынужден был искать новых людей. Среди них были и уже упомянутый Стане Доланц, и генерал Никола Любичич, с

1967 года возглавлявший Союзный секретариат по народной обороне. Эти два человека во второй половине 1970-х годов стали самыми влиятельными представителями югославского руководства. Настолько влиятельными, что многие обвиняли их в том, что они фактически подчинили Тито своей воле и стали настоящими «серыми кардиналами» его политики. Говорили, например, что они сами решали, кого Тито примет, а кого — нет.

Слухи также гласили, что Доланц и Любичич метят в наследники Тито, поэтому уже сейчас стараются ограничить круг общения маршала и «замкнуть» все его контакты со страной на себя. Возможно, что такие намерения у них действительно существовали, но Тито никому не позволял контролировать себя.

В январе 1976 года корреспондент загребской газеты «Виесник» Дара Янкович в интервью с Тито задала ему волнующий всех вопрос: как бы вы, товарищ Тито, прокомментировали разговоры о том, что случится с Югославией после вашей смерти? Тито ответил: «Да, уже давно высказываются различные предположения о том, что будет в Югославии после меня… У нас, как вы знаете, существует коллективное руководство… Оно на деле, на практике, уже много лет показывает себя эффективным. Поэтому я могу со дня на день уйти, а меняться ничего не будет»[755].

В 1974–1975 годах была перестроена главная резиденция Тито в Дединье. Здесь возвели целый комплекс, состоящий из самой резиденции, канцелярии, служебных и подсобных помещений. Был построен и знаменитый теперь Дом цветов — зимний сад — с кабинетами для работы и отдыха Тито. Площадь Дома цветов составляет более девятисот квадратных метров, он состоит из трех частей, центральную из которых занимают оранжереи. Для Тито построили также закрытую террасу, с которой открывается превосходный вид на Белград. Некоторые из представителей окружения Тито утверждают, что в перестройке его резиденции и сооружении Дома цветов самое активное участие принимала Йованка и что по ее замыслу все служебные помещения были соединены между собой подземными ходами. Так что когда они с Тито прогуливались по парку, то не встречали озабоченных повседневными делами служащих администрации[756].

Тито пришлось по душе это место. Неслучайно он завещал похоронить себя именно здесь, среди роз, которые особенно любил.

Любовь, интриги и развод

Тито и Йованка жили вместе уже больше двадцати лет. Время брало свое: Тито старел и начинал болеть, а его жена находилась в самом расцвете своих сил. Она была не просто супругой президента, но важной политической фигурой. У нее были свои сферы деятельности, куда до поры до времени даже Тито не вмешивался: например протокол или кадровая политика в администрации президента. Многие считали, что примером для Йованки была жена румынского лидера Николае Чаушеску Елена, которая получила официальные посты в партии и государстве и превратилась во второго по значимости человека в партийно-государственной иерархии. Кстати, Елена и Йованка находились в приятельских отношениях, что не мешало им соперничать в области нарядов и украшений.

В окружении Тито Йованку не любили — за ее вздорный и надменный характер. Некоторые даже удивлялись, как Тито может жить с ней? Парадокс заключался в том, что с ней ему было действительно трудно, но без нее — еще труднее.

Тито до самого конца жизни был неравнодушен к молодым симпатичным женщинам. Несмотря на то что ему перевалило за 80, он сохранял образ покорителя дамских сердец и немного плейбоя. О любовных связях маршала в Югославии ходило много слухов.

В 1973 году на работу в администрацию Тито устроились сестры Радойка и Дарьяна Грбич — физиотерапевты. Первой было 22 года, а второй 20 лет. По иронии судьбы, Дарьяну привела Йованка. Но потом она на время «уступила» ее Тито, но назад так и не получила.

Каждая из сестер Грбич работала «вахтовым методом» — 15 дней на дежурстве, 15 дней отдыха. Они два раза в день делали Тито массаж — в любом месте страны и мира. Во время массажа никому не разрешалось входить в помещение. Кроме массажа Тито полагались и другие процедуры — гидротерапия, электротерапия, плавание и своего рода «аквааэробика» — упражнения в бассейне.

Маршал очень ценил сестер Грбич, говорил, что они не только хорошо знают свое дело, но и хорошо образованны. Радойка больше любила психологию и философию, а Дарьяна — искусство и литературу, и Тито во время сеансов вел с ними интересные беседы. Все это не нравилось Йованке. В конце концов Тито не выдержал: ему надоели постоянные вмешательства в его дела, излишняя навязчивость жены и ее ревность. Более того, семейные неурядицы переросли в подозрения, что Йованка ему «политически неверна».

Как и почему это произошло, трудно сказать. Версия Йованки

сводится к тому, что она старалась защитить Тито от тех, кто метил на его место, и стала жертвой их клеветы. Противоположная версия гласит, что она сама собиралась занять место наследницы президента, что и стало причиной опалы. Существует еще и третье предположение: у жены Тито проявлялись признаки душевной болезни, которые и стали причинами всех ее поступков.

Если верить личному врачу Тито Александру Матуновичу, президент однажды пожаловался ему, что Йованка делает записи о нем, и — кто знает, — может быть, опубликует их в один прекрасный день за границей. И он предстанет перед всем миром как неприятная и негативная в историческом плане личность. «На каждую мелочь, которая ей во мне не нравится, она говорит: „Тито, что о тебе скажет история?“ И я спрашиваю себя: а что она обо мне знает?»[757]

Летом 1973 года подозрения Тито были столь сильны, что он приказал службе госбезопасности наблюдать за Йованкой. Выяснилось, что она якобы читает секретные документы, которые Тито берет для работы домой, а также подслушивает разговоры мужа с его соратниками.

В январе 1974 года Тито распорядился создать партийную комиссию, которая расследовала бы «случай товарища Йованки». Заседание проходило в «охотничьем домике» в Караджорджево. Йованка все категорически отрицала и вела себя очень странно. Она то плакала, то смеялась, впадала то в состояние эйфории, то ярости и истерики. Она говорила, что в окружении Тито находятся только негодяи и шпионы, и прославляла «товарища Тито». Тито открыто сказали, что Йованка, скорее всего, хочет власти. Тито ответил: «Я ничего не имел бы против, если бы она была способна на это. Но она не способна»[758].

Йованка заявила, что у нее есть «компромат» на тех, кто устроил всю эту акцию, и когда она его опубликует за границей, это будет «политической бомбой». «Если так, покажи эти бумаги мне», — сказал Тито. «Почему именно тебе?» — «Потому что я твой супруг и секретарь Коммунистической партии Югославии!» От волнения Тито ошибся в названии своей должности и даже в названии партии — он был тогда председателем СКЮ. Она причитала: «Товарищ Тито, я живу с тобой тридцать лет, а ты для меня ничего не сделал!» Тито, видимо, не выдержал. «А Четвертый Пленум!» — воскликнул он. «Тогда ничего не было!» — закричала Йованка и выбежала из комнаты. Потрясенные члены комиссии молчали — им стало ясно, ради кого была устроена вся история со свержением всемогущего Ранковича, который считался наследником Тито.

Когда же Йованка вернулась, Тито решил снизить напряжение: «Мы здесь уже долго сидим. Пойдемте-ка на прогулку, а потом на обед». Комиссия в очень осторожной форме рекомендовала Тито развестись. Тито, однако, не решился этого сделать. «Если бы я их послушался, что бы я сейчас делал без Йованки?» — скажет он доктору Матуновичу полтора года спустя[759].

Тито любил и жалел Йованку. Он понимал, что он перед ней в долгу. «Йованка из-за любви ко мне осталась без детей, без материнства, — сказал он однажды. — Она потеряла зачатого ребенка, потому что в то время мне было совсем не до детей»[760]. Он не сказал, когда это произошло, но в его голосе и во всем поведении угадывалось сочувствие к ней. Он был сыт по горло ее выходками, но стоило ей написать ему письмо и признать, что она была не права, и Тито возвращался в зону ее влияния.

Его личные чувства боролись в нем с подозрениями в ее «политической неверности». Разбирательство партийной комиссии по «делу товарища Йованки» не прекращалось еще несколько лет. Забегая вперед скажем, что ни к каким выводам комиссия так и не пришла. Ей удалось не дать ответа на два вопроса, которые больше всего интересовали Тито: стояли ли за Йованкой какие-либо люди из югославского руководства и действительно ли она хотела занять его место? Вместе с тем Тито пытался найти ей какое-нибудь конкретное дело, и весной 1975 года Йованке было предложено стать руководителем югославского Красного Креста и вообще заняться гуманитарной деятельностью. Однако она отказалась, заявив, что ее место — в политике, но все же начала заниматься благотворительностью.

В январе 1975 года окружение Тито встревожилось не на шутку. В своей записке руководитель администрации президента Александр Шокарац отмечал, что «существует реальная опасность здоровью и жизни товарища президента, поскольку Йованка может выстрелить в него, ударить его каким-нибудь тупым предметом» и носит с собой в сумочке пистолет[761]. Врачи Тито опасались за ее психику и до уточнения диагноза предлагали «отстранить» ее от президента. Решение было принято быстро — необходимо реформировать структуру администрации Тито. Так, чтобы в ней не было места для Йованки.

Затем делегация югославского руководства отправилась в Черногорию, где отдыхали Тито и Йованка. Тито согласился с их предложениями. Делегаты отправились к Йованке и потребовали, чтобы она вернулась в Белград. Как ни странно, она согласилась. В Белграде ее ознакомили с новой структурой администрации президента. Ей ничего не оставалось, кроме как признать свое

поражение. С тех пор она всегда говорила, что такие люди, как Доланц, Любичич, Стамболич, Кардель (он все это тоже одобрил), и стали причиной их разлада, а также смерти Тито и развала Югославии.

Но даже не эти события послужили поводом для их первого «развода». Поздним вечером одного апрельского дня 1975 года Тито в домашних тапочках в сопровождении адъютанта сбежал из своей резиденции в Белый дворец[762]. Скандал якобы произошел из-за того, что Тито, по совету врачей, просил Йованку обследоваться у психиатра. Йованка возмутилась и обвинила Тито в том, что он живет с одной из сестер Грбич. Потерявший терпение Тито с силой ударил своей тростью по столу так, что сломал ее, и потом, что называется, «хлопнул дверью»[763].

Он вызвал в Белый дворец Стане Доланца и Петара Стамболича, сказал, что больше не в силах выносить скандалы своей жены, и попросил сообщить Йованке, чтобы она хотя бы на время оставила его в покое. Йованка кричала, что ее хотят поссорить с мужем, но все-таки согласилась пока не тревожить Тито. Однако уже на следующий день написала ему письмо. Вскоре после этого они помирились.

Новый, 1976 год они встречали вместе в Загребе. 31 декабря были на приеме в отеле «Интерконтиненталь», затем их ждал прием в Народном театре, где собралась уже вся политическая элита Хорватии. Ожидалось награждение Йованки: по инициативе Тито ее представили к ордену Югославской Звезды «за заслуги перед народом». Однако «новогоднего подарка» не получилось — Йованка вдруг отказалась принимать орден, потому что вручать его ей должны были руководители Хорватии, а не Тито. Тито с тяжелым сердцем распорядился отменить церемонию награждения[764].

Разлад в их отношениях, видимо, все же действительно усугублялся «политическими» подозрениями Тито. Во время визита в Загреб Тито с женой ехал по городу в открытом автомобиле и приветствовал собравшийся народ. Йованка же встала и ехала стоя. Создавалось впечатление, что встречали именно ее. Был и такой случай. В Белград прибыл генсек компартии Японии Миямото с супругой. Как и полагается, для жен была предусмотрена отдельная программа, однако Йованка села рядом с Тито и начала беседу с Миямото сама. Тито раздраженно попросил ее удалиться.

В августе 1976 года Тито находился в Коломбо на встрече глав государств и правительств движения неприсоединения. Там он себя плохо почувствовал и не смог встретиться с несколькими иностранными делегациями. По государственному протоколу его

должен был заменить заместитель в делегации. Но это сделала Йованка. Кстати, Тито стало плохо именно после ссоры с ней.

Прежде чем рассказать об этой ссоре, следует представить еще одного человека, чье имя уже упоминалось ранее. Это врач Тито Александр Матунович. Через 20 с лишним лет после смерти Тито он опубликовал несколько весьма сенсационных и противоречивых книг о нем. Он, например, утверждал, что стал для Тито и Йованки кем-то вроде конфидента, с которым они иногда делились своими семейными тайнами. Ничего необычного в такой ситуации нет, но следует оговориться, что содержание разговоров, которое воспроизвел Матунович в своих мемуарах, остается на совести автора.

Однажды поздно вечером в октябре 1976 года Йованка попросила Матуновича зайти к ней. Он нашел ее грустной и подавленной. Причина была в новостях из Китая: там, после недавней смерти Мао, арестовали его жену. «Я знаю, что меня ждет такая же судьба, — сказала Йованка. — Я позвала вас посоветоваться: что сделать, чтобы и меня не постигла та же участь после смерти Тито?»

Она много говорила о том, что у нее нет друзей. «Когда Тито умрет… многие были бы счастливы увидеть гордую Йованку униженной или даже за решеткой», — говорила она. Затем разговор перешел на политические темы, и Йованка заявила, что именно ей принадлежит идея проведения политики неприсоединения и главная роль в подавлении национализма в Хорватии. Тито, по ее словам, тогда встал на сторону хорватов, и только она смогла переубедить его. «Тито сейчас все приписывает себе… Вы не знаете его. Тито — злобная змея. Националистическая змея», — сказала Йованка.

Она просила Матуновича помочь ей. «Мне нужна политическая должность. Скоро одиннадцатый съезд, и это последний шанс… Вы знаете многих югославских руководителей… Вы должны им указать на мои политические и государственные заслуги и просить, чтобы они предложили мою кандидатуру в ЦК».

На следующий день доктор рассказал Тито об этом разговоре. «С каких пор вы занимаетесь кадровыми вопросами, товарищ доктор?» — спросил президент. «Это означает „нет“, товарищ президент?» — спросил Матунович. Тито ничего не ответил. Все стало ясно. Матунович спросил, следует ли ему отказаться от дальнейших бесед с его женой. «Нет, разговаривайте. Вы мне даже облегчаете ситуацию, потому что мне меньше канители», — ответил на это маршал[765].

В августе 1976 года Тито отправился на очередной саммит

движения неприсоединения в Коломбо. В столице Шри-Ланки для него приготовили президентские апартаменты на восьмом этаже отеля «Интерконтиненталь». Рядом были помещения его врачей, охраны, адъютантов, секретаря и массажистки Дарьяны Грбич. На этом же этаже жила Йованка.

Однажды вечером, после того как Дарьяна сделала Тито массаж, появилась Йованка и потребовала, чтобы та «выметалась», и попыталась буквально вытолкать ее из номера Тито. Президент вынужден был их разнимать, а потом даже дал Йованке пощечину. У него от волнения прихватило сердце, так что он не смог встретиться с иностранными делегациями[766].

На следующий день Тито переехал на «Галеб», который стоял в бухте. Здесь был отдельный вход в его апартаменты, через который к нему и входила Дарьяна.

Последний раз Йованку видели «в свете» 14 июня 1977 года — на приеме в честь премьер-министра Норвегии. После этого она исчезла из виду. Знаменитый американский журналист Уолтер Кронкайт даже спросил во время своего интервью с Тито о его жене. Югославский президент ответил, что хотя у него и в 85 лет крепкие нервы, но и они уже не выдерживают ворчания его жены[767]. На этот раз все были убеждены, что они разошлись.

Хотя официально о расставании Тито и Йованки никогда не сообщалось, ее отсутствие было быстро замечено югославами. Объяснения того, «куда подевалась товарищ Йованка», были в народе самыми противоречивыми. Одно из них гласило, что все дело в молодой любовнице Тито. Другое — что сама Йованка завела себе любовника, генерала Йованича (своего партизанского командира во время войны). Говорили, что жена Тито работала на советскую разведку. Предполагали, что развод — это результат борьбы различных группировок в окружении Тито, которые боролись за место его преемника. Наконец, ходили слухи, что Йованка чуть ли не открыто потребовала у Тито, чтобы он назначил ее своей «наследницей», а он в ответ ее арестовал.

Ни одна из этих версий не соответствовала истине в полной мере, а некоторые из них, как, например, шпионаж, являются полной фантазией. Конечно, устранение Йованки объективно было выгодно группировке ее противников в югославском руководстве во главе со Стане Доланцем. Именно он был свидетелем конфликта, который стал поводом для окончательного развода Тито с женой.

Этот конфликт произошел накануне визита Тито в СССР, Северную Корею и Китай в августе — сентябре 1977 года. Когда Тито с Доланцем обсуждали детали предстоящей поездки, в кабинет ворвалась Йованка и стала требовать, чтобы из состава

делегации вычеркнули нескольких человек, в том числе ненавистную ей Дарьяну Грбич.

Вспыхнул скандал. Доланц рассказывал, что супруги использовали такие выражения, что даже у него, выросшего в шахтерских бараках, «уши вяли». Когда Доланц попытался сказать Йованке, что ее ревность ни к чему хорошему не приведет, та отмахнулась. «Как вы не понимаете, что я не могу ревновать 85-летнего старика? — заявила она. — Здесь дело в другом — в происках иностранных разведок». Она считала, что массажистки Тито работали на зарубежные спецслужбы[768].

Тито не взял Йованку с собой. Это было полной неожиданностью для принимающих югославскую делегацию сторон. Рядом с Тито была не Йованка, а молодая красивая блондинка, и журналисты сбились с ног, пытаясь ответить на вопрос: кто эта женщина? Это была Дарьяна Грбич. В окружении Тито открыто говорили, что она являлась любовницей маршала, хотя и была его моложе на 60 лет.

Но Тито не забывал о Йованке, звонил ей несколько раз, а из поездки привез множество дорогих подарков. После возвращения в Белград он распорядился разложить их на столе и позвать Йованку. Доктор Матунович так описывает эту сцену: «Когда она вошла, то спросила: „Зачем ты звал меня, Тито?“ — „Я хотел передать тебе подарки. Посмотри, что тебе нравится?“ Йованка подошла к столу, взяла скатерть за угол и резко потянула на себя. Все подарки слетели на пол. „От тебя мне ничего не нужно!“ — сказала она. Тито был изумлен. Он обратился к секретарю: „Соберите все эти подарки и отнесите их в библиотеку!“ Затем удалился, даже не посмотрев на Йованку»[769]. Это был конец.

Йованка осталась жить в резиденции на Ужичкой, 15, а Тито переселился в Белый дворец. Но известно, что Тито регулярно звонил ей, поздравлял ее с Новым, 1978 годом, интересовался ее здоровьем, делами. При жизни Тито Йованка не испытывала никаких материальных проблем. Некоторые из тех, кто знал Тито, утверждают, что не ее не пускали к президенту, а она сама не хотела видеть его. И если бы она захотела — никакое окружение не могло бы препятствовать этой встрече.

Однажды, уже после их «развода, Тито прогуливался по саду Белого дворца со своим секретарем Тихомиром Тичей Станоевичем. Он спросил у него, давно ли он видел Йованку. Секретарь ответил, что видел ее совсем недавно. Тито вдруг остановился и начал рвать цветы в саду. Он вручил букет Станоевичу, сказав: „Передай от меня Йованке“»[770].

«Если бы я надел на себя все ордена, то был бы похож

на Бокассу»

Последние месяцы своей жизни Тито прожил, в общем-то, одиноким человеком. Единственное живое существо, которое всегда было рядом с ним, был его пудель Билл. Ночью он забирался к президенту в кровать и грел ему ноги. Билл был потомком пары пуделей, которых подарил Тито еще президент Кеннеди.

Несмотря на одиночество, Тито был окружен множеством людей, которые заботились о его жизни и безопасности. Особенно большая ответственность ложилась на тех, кто отвечал за здоровье и питание маршала. Интересно, что в первые 25 лет после войны у Тито фактически не было личных врачей. И только в 1970-х годах их количество стало быстро расти: сначала их было двое, потом трое, потом четверо, они работали «вахтовым методом» — двое по две недели. За всю жизнь Тито сменил 14 персональных медиков. Но он не был дисциплинированным пациентом.

Долгое время четверо врачей Тито дежурили через день. В их обязанность входило разбудить Тито в 5.30 утра, поинтересоваться его самочувствием и дать ему необходимые лекарства. Затем он шел на массаж, потом получал инсулин и садился завтракать. Дежурный врач должен был также наблюдать за приготовлением еды для президента и пробовать ее. Вечерний массаж проходил в 19.00, после чего Тито смотрел какой-нибудь фильм. Это прочно вошло у него в привычку.

Когда Тито засыпал, дежурный врач должен был несколько раз заходить к нему в спальню и контролировать его состояние. Это Тито очень не нравилось, он жаловался, что не может спать, если кто-то ходит у него по комнате. Была идея поставить в его спальне телекамеру, но Тито ее категорически отверг. Его можно было понять — у него и так почти не осталось частной жизни.

В конце жизни за президентом присматривали шесть врачей, два анестезиолога, два физиотерапевта (сестры Грбич) и три медика, отвечавшие за различную аппаратуру. Итого — 13 человек. Плюс различные службы в других ведомствах. Был создан Химико-токсикологический институт, который занимался химическим, бактериологическим и токсикологическим анализом продуктов, из которых для Тито готовили пищу.

Что же касается пищи, то Тито, как настоящий житель Балкан, с трудом представлял свою жизнь без обильной и «тяжелой» крестьянской еды. Он больше всего любил жареную свинину. Обычно для него и его гостей зажаривали крупных свиней — весом в 50–60 килограммов. Его личный повар Бранко

Трбович вспоминал, что еще когда свинья жарилась, Тито приходил, тайком отрезал большие куски жирной свинины и с огромным удовольствием съедал их тут же с куском хлеба[771].

Пока они не рассорились, Йованка тоже следила за ним. Иногда они вместе садились на диету, но даже тогда не могли отказаться от яичницы с салом, домашней колбасы или жареного ягненка.

В мае 1977 года Тито исполнилось 85 лет и его в третий раз представили к ордену Народного Героя. Отмечалось также 40-летие его избрания генсеком КПЮ. Газеты объявили о начале выхода 40-томного собрания сочинений Тито.

Предисловие Тито к своим сочинениям было напечатано в югославских газетах, и в мире его сразу же заметили. В нем маршал предложил реабилитировать руководство КПЮ во главе с Миланом Горкичем, репрессированное Сталиным. Он впервые упомянул о Горкиче после многих лет молчания. Но по-прежнему непримиримо относился к Хебрангу и Джиласу. «Джилас и сейчас не стесняется наносить вред своей Родине, в которой пользуется всеми правами бывшего руководителя», — писал Тито[772].

Джилас продолжал правозащитную деятельность и сильно раздражал югославские власти. «Он немного шизофреник, — заметил как-то Тито, — …и охотно сел бы в тюрьму. Он ждет, что опять окажется в центре внимания всего мира… Но мы не можем терпеть это бесконечно, мы должны его остановить»[773].

Тито представили программу мероприятий по дискредитации Джиласа. Проблема представлялась актуальной, поскольку в Нью-Йорке должны были выйти мемуары Джиласа «Война». В этой книге он рисовал далеко не ту историю войны, которую изучали в югославских школах, а образ маршала Тито значительно отличался от канонического.

В связи с этим в югославских газетах планировалась публикация статей и воспоминаний участников войны о том, каким был Джилас на самом деле, о его ренегатстве и борьбе против партии, а также письма тех, чьих родителей или родственников Джилас расстрелял во время войны. Пропагандистские операции планировались и для заграницы. Предлагалось, например, собрать все послевоенные статьи Джиласа, в которых он прославлял Сталина, и опубликовать их[774].

Возможно, Джиласу снова пришлось бы сидеть в тюрьме, но в октябре 1977 года в Белграде открывалась Конференция по безопасности и сотрудничеству в Европе, и Тито, чтобы создать у иностранных делегатов позитивное впечатление о Югославии, объявил амнистию. На свободу были выпущены 725 заключенных

(из них 218 «политических»)[775]. Что касается Джиласа, то за него, по слухам, вступилась Маргарет Тэтчер — в то время лидер консервативной оппозиции в Британии. В декабре 1977 года Тито принимал ее в Белграде и был буквально очарован ею. «Я вообще-то не доверяю женщинам, которые вмешиваются в политику», — заметил он при этом. «А я и не вмешиваюсь, — ответила она. — Я и есть сама политика». Тито пришел в восхищение от этого ответа. Во время разговора Тэтчер довольно цинично объяснила ему, что Джилас в тюрьме будет для Тито куда большей проблемой, чем на свободе, потому что в отношениях Югославии и Запада могут возникнуть сложности. Тито принял этот аргумент, и Джиласа не арестовали[776].

Тем временем торжества по случаю 85-летия Тито продолжались. Сам он с присущим ему юмором как-то заметил, что от всех этих почестей он чувствует себя царьком африканского племени. Однажды, встречаясь с коллективом фабрики по производству орденов, Тито сказал, что у него скопилось более 90 орденов, из них 16 югославских наград. И если бы он их все надел, то пришлось бы их цеплять даже на спину. «Я стал бы похож на Бокассу», — посмеивался маршал. (Жан-Бендель Бокасса — в 1966–1979 годах президент, потом император Центрально-Африканской Республики (Империи). Отличался любовью к роскоши и наградам. По слухам, был людоедом.) А еще, продолжал Тито, «у меня есть 12 золотых и бриллиантовых ожерелий, которые очень искусно сделаны. Особенно одно, которое мне подарил персидский шах. Из Кореи тоже хорошее, но от шаха — богаче»[777].

Новость о новой награде пришла и из Москвы. Тито был награжден орденом Октябрьской Революции. В августе он отправился в большое турне по СССР, Северной Корее и Китаю. Самое важное место среди этих стран занимал, конечно, Китай, с которым у Югославии наконец-то налаживались отношения после почти 30-летней вражды с недавно умершим Мао.

В Советском Союзе Тито несколько дней провел на Байкале и, как вспоминали сопровождавшие его сотрудники, оттуда несколько раз звонил в Белград — интересовался, как дела у Йованки. Потом он двинулся дальше на Восток.

«Ни одна страна еще не оказывала маршалу Тито такого грандиозного приема, как КНДР», — отмечали западные информационные агентства. Югославский президент находился в Северной Корее с 24 по 30 августа. Во многом благодаря Югославии Пхеньян в 1975 году стал членом движения неприсоединения, и теперь Ким Ир Сен демонстрировал, что не забыл поддержки Тито.

Вся столица КНДР в буквальном смысле встречала Тито. Но апогеем, окончательно поразившим югославов, стало выступление перед маршалом пятидесяти тысяч корейских детей, которые пели югославские партизанские песни на сербскохорватском языке, танцевали югославские танцы и были одеты в костюмы югославских народов. Коронным номером их программы стала песня «С маршалом Тито», но была и песня о «товарище Йованке». Тито горячо аплодировал. Тысячи корейцев с помощью разноцветных флажков «рисовали» то портреты Тито в маршальской форме, то герб и флаг Югославии, то различные картины и лозунги на двух языках.

«В Корее Ким Ир Сен — это всё, — говорил Тито. — Дисциплина очень жесткая. Люди его обожествляют, но это не может, наверное, считаться какой-то диктатурой. Это менталитет».

Новый китайский лидер Хуа Гофен устроил Тито не менее торжественную встречу. На площади Тяньаньмэнь в Пекине собралось более миллиона человек. Хуа Гофен публично назвал его «товарищем Тито». Тито высказал готовность помочь китайцам сблизиться с восточноевропейскими странами, западными «еврокоммунистами» и «неприсоединившимися государствами», пробовал заинтересовать их идеей самоуправления. Китайцы вежливо кивали, но большого энтузиазма по этому поводу не выказывали.

Тито рассказывал в Белграде о своих впечатлениях. «Китайцы считают нас самой прочной страной в Европе… А с Мао Цзэдуном мы наконец-то нашли общий язык. Я его посетил», — говорил Тито, имея в виду мавзолей Великого Кормчего, в котором тот лежал уже почти год.

Вскоре после возвращения с Востока он отправился еще в один длительный визит — во Францию, Португалию и Алжир. Некоторое время он отдыхал в роскошном отеле на юго-западе Франции. Владелец отеля Мишель Жерар был восхищен Тито: особенно после того, как увидел его завтрак. В шесть часов утра Тито ел суп, колбасу, вареное мясо и жареных цыплят. Днем у него на обед было еще восемь блюд, а вечером он съел еще «чорбу» — густую похлебку и выпил несколько стаканов чая с творожниками.

Перед отъездом Тито сердечно поблагодарил Жерара и вручил ему подарки. Но, когда уехала последняя машина с членами делегации, Жерар вдруг понял, что ему ничего не заплатили. Возмущенный хозяин отеля отослал счет президенту Франции Жискару д'Эстену, заявив журналистам, что «кто-то из президентов должен ему заплатить»[778]. Конечно, югославы

потом оплатили все счета, но, как говорится, осадок у хозяина остался.

Между тем Тито все чаще задумывался о том, что будет в Югославии после его смерти.

21 декабря, в день ЮНА, он принимал на Бриони делегацию военных. После встречи, на обеде, Тито сказал: «Мы сделали все, чтобы, когда я уйду, ничего не случилось, а даже стало бы еще лучше»[779]. В другой раз он отправился на охоту в охотничьи угодья Белье — к северу от Белграда. Часть этого хозяйства находилась в Воеводине, а часть — в Хорватии, но, по инициативе Тито, Скупщина приняла закон, по которому оно превращалось в национальный парк, принадлежавший всей Югославии. После охоты он попросил Миодрага Зечевича пообещать ему, что после его смерти он сделает все возможное, чтобы не дать республикам разделить национальный парк. «Если им представится случай, они растащат его на куски, — сказал он. Потом, подумав, добавил: — Они ведь могут много чего еще растащить»[780].

В марте 1978 года Тито посетил с официальным визитом США, а на обратном пути заехал в Великобританию, где, в частности, был приглашен на ужин к королеве Елизавете в Букингемский дворец. За столом они вели непринужденную беседу. Королева интересовалась его впечатлениями о Китае и Советском Союзе. «Мы с Брежневым — хорошие друзья, — сказал Тито. — Меня Брежнев называет моим первым именем — Иосип. Часто он повторял мне: „Иосип, нам нужен мир, мир, мир. Я хочу мира, чтобы была возможность как можно больше предложить своему народу“… Я лично верю, что Брежнев хочет мира… Жаль, что у него плохо со здоровьем». — «А вы, господин президент, прекрасно выглядите», — сказала королева. «Труд меня всегда освежает, — ответил Тито. — Особенно труд на свежем воздухе. Дела на моей плантации идут превосходно. В прошлом году у нас вообще был отличный урожай, мы побили мировой рекорд по урожайности пшеницы — от 40 до 60 центнеров с гектара. И кукуруза отлично уродилась. Мы собрали больше десяти миллионов тонн». — «У меня тоже есть ферма, где мы выращиваем кукурузу и получаем отличные урожаи, — заметила Елизавета. — Хотя наши результаты не так высоки, как ваши — около сорока центнеров с гектара». Они нашли общий язык[781].

Во время этой поездки Тито вновь и вновь задавали вопрос: что будет с Югославией после вас? «В Югославии существует прочное единство, несмотря на то, что это многонациональная страна, — говорил он в интервью американскому тележурналисту Уолтеру Кронкайту. — Югославская армия — одна из самых сильных в Европе. У нас существует общенародная оборона, в

которую входит огромное число людей, и, по закону, каждый должен быть готов к обороне страны… Югославия может поставить под ружье восемь миллионов человек, а восемь миллионов — это не шутка, особенно если учесть, что югославы привыкли воевать».

20 июня 1978 года в Белграде открылся XI съезд СКЮ. На нем присутствовали 2283 делегата и 112 иностранных делегаций — рекорд за всю историю съездов югославских коммунистов. Тито выступил с центральным докладом «Союз коммунистов в борьбе за дальнейшее развитие социалистической, самоуправленческой и неприсоединившейся Югославии». Неумолимая статистика указывала, правда, на другое: к концу 1978 года насчитывалось около восьмисот тысяч безработных; около миллиона работали за границей; еще примерно 1,8 миллиона человек были заняты частично или фиктивно. За последние четыре года внешний долг вырос с 3,2 до 14,5 миллиарда долларов. На оплату кредита и процентов по нему ежегодно уходило столько же средств, сколько на все пенсионное и социальное обеспечение. Если в 1976 году экспорт покрывал 66 процентов импорта, то в 1979-м — только 49 процентов. Экспорт на западный рынок, где за свои товары Югославия получала твердую валюту, упал с 36 до 23 процентов. Зато вырос экспорт в СССР и страны Восточной Европы — с 30 до 48 процентов. Но на этих рынках югославы получали не валюту, а сырье и другие товары[782].

Конечно, Тито знал, что дела в стране обстоят далеко не лучшим образом, и не раз говорил об этом. Но проходило некоторое время, и в его заявлениях снова звучали ноты безоблачного оптимизма. В декабре 1978 года он принимал в своей охотничьей резиденции в Караджорджево делегацию рабочих. После разговора о положении дел на предприятии, зарплатах и т. д. он похвастался: «Я на днях убил 32 вепря, огромных! А на прошлой неделе убил еще 12 штук. Все это будем продавать в Германию, и дорого — шесть тысяч марок. Это отличное мясо». Тито завершал год в хорошем настроении[783].

1979 год: все в последний раз

Если сравнить 1979 год с другими годами в биографии Тито, то можно сказать, что он ничем особым не выделялся. Но почти все, что он делал в этот год, он делал последний раз в своей жизни.

Год начался тревожными сообщениями из Кампучии (название государства Камбоджа в 1976–1989 годах). В 1975 году к власти в Камбодже пришли «красные кхмеры» во главе с Пол

Потом. В стране установился режим жесточайшего террора против большинства населения, в результате которого к 1979 году было уничтожено почти 3,5 миллиона человек.

У «красных кхмеров» были напряженные отношения с соседним Вьетнамом — в основном из-за пограничных споров. Армии обеих стран совершали рейды в глубину чужой территории. В январе 1979 года вьетнамские войска, начав большое наступление, заняли столицу Кампучии Пномпень и свергли режим Пол Пота.

Этот региональный конфликт, однако, разросся до масштабов международного. За Вьетнамом стояла Москва, за «красными кхмерами» — Пекин. Обстановка в мире резко обострилась. Несмотря на то что вьетнамцы, свергнувшие Пол Пота, сразу же начали рассказывать всему миру об ужасах режима «красных кхмеров», большинство членов ООН осудили «вьетнамскую агрессию». В общий «антивьетнамский фронт» объединились США, Западная Европа, Китай и Югославия. Главную роль в этом сыграли геополитические соображения — опасения, что Советский Союз с помощью Вьетнама расширяет сферу своего влияния в Азии.

В начале 1979 года в Югославии началась жуткая паника. В газетах открыто писали, что после Кампучии советские войска войдут в Югославию. Население скупало продукты в магазинах. Зачем вся эта паника была нужна Тито? Вероятно, угроза «советского вторжения» должна была сплотить общество вокруг вождя и его соратников. Этот способ придумал не Тито, но он его использовал не раз.

То, что сам Тито не верил в возможность советского вторжения, косвенно подтверждает хотя бы тот факт, что в самый разгар паники он отправился в очередной длительный заграничный вояж. За две недели Тито посетил Кувейт, Ирак, Сирию и Иорданию, в то время как в Югославии «психоз опасности» по-прежнему не утихал.

Пока Тито был на Востоке, 10 февраля 1979 года умер от рака кишечника его ближайший соратник и один из возможных наследников Эдвард Кардель.

К концу жизни Кардель превратился в пессимиста. На XI съезде СКЮ он буквально шокировал делегатов, когда произнес речь о том, что положение в Югославии напоминает ситуацию накануне революции. Да и в частных разговорах автор трех конституций и множества законов Югославии, один из главных теоретиков «самоуправленческого социализма» теперь говорил, что «наша система страшна и ошибочна»[784].

Когда Кардель умер, Тито был в Дамаске. Он заявил, что

«глубоко потрясен известием о смерти нашего дорогого товарища Эдварда Карделя», с которым его связывали четыре десятилетия «труда и борьбы на тяжелом и честном революционном пути», и что в его лице он всегда имел «надежный оплот». Но это заявление выглядело казенным и сухим. Странно, что Тито не смог найти более человеческих слов на смерть своего друга.

В Югославии был объявлен трехдневный траур. 12 февраля Кардель был кремирован, а на следующий день урну с его прахом захоронили на кладбище Народных героев в Любляне. Тито на похороны не успел — он приехал только 14 февраля.

16 мая Тито прибыл с дружественным визитом в Москву. При встрече они с Брежневым расцеловались как старые друзья.

Тито было 87 лет, Брежневу — 73. У обоих — серьезные проблемы со здоровьем. Но югославский президент казался по крайней мере не старше советского генсека. Тито видел состояние Брежнева, и чисто по-человечески ему было жаль своего советского коллегу. «Не хотел бы я, чтобы и со мной случилось такое», — заметил он, когда югославы были одни. Брежнев уже был серьезно болен и после двух рюмок с трудом улавливал нить беседы. По правилам этикета главы государств обмениваются речами в конце обеда, под шампанское. Но служба протокола решила сделать это в самом начале трапезы — учитывая состояние генсека. Тито все понял и виду не подал. Но и тогда Брежнев два раза прочел один и тот же текст. Он смотрел непонимающими глазами на бумажку, но не догадался ее перевернуть[785].

Впрочем, когда Брежнев начинал вести себя вполне адекватно, между ними разгорались споры. Брежнева возмущали антисоветская кампания в югославской печати и спекуляции на тему о возможном советском нападении на Югославию. Из последних сил он снова (в который уже раз за последние годы!) довольно резко сказал Тито: «Как Верховный главнокомандующий я официально заявляю, что нет никаких, ни учебных, ни реальных, планов нападения на Югославию». Тито сделал вид, что на этот раз уж точно поверил ему.

Не обошлось и без «обязательного номера» программы. Для югославского лидера была организована «царская охота» в подмосковном охотничьем хозяйстве Завидово: Брежнев и Тито стреляли оленей и кабанов. Тито получил в подарок ружья, инкрустированные драгоценными камнями. Потом, во время очередного застолья, гость и хозяин говорили и о положении в коммунистическом движении. Москву тогда очень беспокоило сближение Тито с «еврокоммунистами». «Ну что ты, Иосиф (Брежнев называл Тито именно так. — *Е. М.),* связываешься с

этими пацанами? — укорял Брежнев. — Они же жизни не знают, а пытаются нас поучать. Придумали там какой-то „еврокоммунизм“. Ни черта он не стоит». — «Какой там „еврокоммунизм“? — делано удивился Тито. — Нет и не может быть никакого регионального, местечкового коммунизма. Он един и всеобъемлющ. А „еврокоммунизм“ — это евроглупость». — «Верно, Иосиф, дураки они, — подхватил Брежнев. — Учиться им еще и учиться». Председатель КГБ Андропов распорядился, чтобы эти слова Тито стали известны лидерам «еврокоммунизма»[786]. Они поняли, что он не присоединится к «еврокоммунизму» — маршал и здесь решил остаться сам по себе.

В государственных делах Тито встретил свой официальный день рождения: 25 мая 1979 года ему исполнилось 87 лет. Все было, как обычно: праздничные выпуски газет, песни, стихи. Утром — поздравления от соратников и пионеров, которые тоже спели ему песни о нем самом. Вечером — торжества по случаю Дня молодости на стадионе ЮНА. Тито видел церемонию празднования своего дня рождения последний раз в жизни.

Эхо праздничных торжеств еще катилось по всей Югославии, а Тито снова отправился в путешествие. 28 мая он поехал в Алжир. Затем — в Ливию. Потом посетил Мальту. После Мальты он почувствовал себя уставшим. «Все. Больше никуда не поеду. Надоело мне все», — заявил он. Но эта минута слабости быстро прошла.

14 августа Тито дал большое интервью газете «Борба» — одно из последних в своей жизни. Разговор шел в основном о проблемах движения неприсоединения[787]. Тито был единственным из основателей неприсоединения, кто еще оставался в живых, и ситуация, сложившаяся с его детищем, тревожила его. Все больше амбиций и претензий на лидерство в движении заявлял Фидель Кастро. Тито опасался, что если неприсоединившиеся страны поддержат Кастро, то со временем движение превратится в сателлит Москвы и потеряет свой авторитет «третьей силы» в мире.

Опасение за судьбу движения было так велико, что Тито в конце августа 1979 года, вопреки запрету врачей, полетел в Гавану, где должна была открыться VI Конференция глав государств и правительств неприсоединившихся стран.

Конференция прошла в острых дискуссиях между приверженцами двух линий. Кастро требовал осудить Китай — за его интервенцию во Вьетнам. Однако Тито настаивал на том, чтобы движение осталось нейтральным. У него в этом вопросе были и личные интересы: Югославии только-только удалось нормализовать отношения с Китаем.

В тот же день, когда Тито прилетел на Кубу, его посетил Кастро. Разговор между ними продолжался долго, но к единому мнению они так и не пришли. Разногласия между ними проявлялись и в ходе заседаний. Например, Кастро предложил исключить Египет из движения неприсоединения за то, что он заключил мирный договор с Израилем. Когда об этом узнал Тито, была уже глубокая ночь, но он сразу же приехал на заседание и попросил слова. Кастро сказал, что перед ним записаны еще 13 человек. Но все вдруг стали уступать Тито свою очередь. Югославский президент взял слово и повернулся к Кастро: «Ты хочешь уничтожить Неприсоединение. Египет — один из основателей движения, это суверенная страна, и она имеет право заключать договоры с кем угодно. Если эта конференция закончится без заключительного документа, я в следующем году соберу конференцию в Белграде, но тебя там уже не будет!» Тито аплодировали почти 15 минут. Кастро был вынужден уступить — Египет остался членом движения неприсоединения.

На следующее утро началось пленарное заседание, и на нем президент Гвинеи Секу Туре больше 20 минут говорил об «огромной роли президента Тито в деле неприсоединения». Когда он закончил свою речь, со своих мест встали все 110 глав государств и правительств и устроили Тито получасовую овацию. «Было впечатление, будто все происходит на нашем партийном съезде», — вспоминал один из членов югославской делегации[788]. Кастро аплодировал вместе со всеми. Несмотря на их разногласия, он уважал Тито и отдавал ему должное.

Последнее заседание конференции, на котором должна была быть принята заключительная декларация, началось в 9 часов вечера 7 сентября. В итоге заключительная декларация получилась именно такой, какой хотели ее видеть Тито и его союзники.

Конференция в Гаване стала, по сути, «лебединой песней» Тито. Но пока его ждал обычный рабочий график президента страны. 23 сентября Тито торжественно открыл памятник Рабочему батальону, который 29 ноября 1941 года прикрывал отступление партизан и Верховного штаба из Ужицы к Санджаку. 2 октября он выступил на торжественном открытии 34-й сессии Международного валютного фонда, Международного банка реконструкции и развития и Международной финансовой корпорации, которая проходила в Белграде. 11 октября принял президента Италии Сандро Петриньо.

Конечно, Тито в этом году находил время и для отдыха, в том числе и для своей любимой охоты. Осенью он убил самого большого в своей жизни медведя — его вес превышал 400

килограммов.

15–18 октября Тито провел в Косове. Он передвигался только на бронированном «мерседесе», еду для него готовили личные повара. Тито должен был встретиться с делегацией косовских сербов, но по соображениям безопасности на этой встрече не появился, послав на нее вместо себя одного из сербских руководителей[789].

Внук Тито Иосип (Йошка) в это время служил в антитеррористическом подразделении, обеспечивающем безопасность президента, и сопровождал своего деда в этой поездке. В Косове, говорил он, происходили многочисленные антититовские провокации. Например, косовары привязали портрет Тито под хвостом у осла и водили его по улицам[790]. Тито, по словам его внука, раньше получал тщательно отобранную информацию о событиях в крае и только во время этой поездки осознал, какая опасность грозит Югославии от местных сепаратистов.

Впрочем, поведение Тито в Косове не подтверждало этого рассказа. Он сделал несколько довольно спокойных заявлений о том, что укрепление отношений с Албанией стало бы важным вкладом в дело стабильности в Косове. «Важным фактором в этом сотрудничестве, — заметил Тито, — является многочисленная албанская народность в Югославии, а она могла стать таковой только потому, что ее конституционное положение позволяет ей быть хозяином своей судьбы и своего будущего»[791].

Через две недели после поездки в Косово Тито отправился в Румынию. Там он находился со 2 по 4 ноября и вел переговоры со своим невольным союзником Чаушеску.

Между тем положение в стране становилось все серьезнее. 7 ноября на совместном заседании Президиума СФРЮ и Президиума ЦК СКЮ огласили экономические и финансовые итоги года. Они производили мрачное впечатление. Если с 1960 по 1970 год рост производительности труда составлял 4,9 процента в год, то с 1971 по 1979 год —2,3 процента. При этом личные доходы граждан за последние пять лет увеличивались на 30 процентов быстрее, чем рост производительности труда. В 1978 году экспорт мог покрывать лишь 49 процентов импорта. За счет чего же тогда росли личные доходы? Ответ — в следующих цифрах. Внешняя задолженность страны выросла за 10 лет почти в 7 раз — с 2,1 миллиарда в 1970 году до 14 миллиардов долларов в 1979-м.

20 декабря Народный банк Югославии под грифом «Государственная тайна!» прислал Тито информацию о положении дел во внешней торговле. Положение почти

катастрофическое, говорилось в ней. Негативное торговое сальдо в 1979 году может поставить рекорд — превысить три миллиарда долларов. Экспорт в стагнации, валютные запасы страны тают. В 1977 году граждане сняли со своих валютных счетов для поездок за границу и заграничного шопинга 700 миллионов долларов, а в 1979-м —1,2 миллиарда долларов. И хотя число иностранных туристов в Югославии растет, валютные доходы не увеличиваются. Это означает, что валюта «утекает» из страны[792].

Эти итоги года стали на самом деле итогами 35-летнего правления Тито. Понимал ли это он сам? Не мог не понимать. «В последние годы жизни мне часто казалось, что Тито находится в плохом настроении, — вспоминает его переводчик Иван Иваньи. — Я бы сказал, что он как будто снимает маску, которую носил, когда выступал перед общественностью. Тогда я думал, что причина в физических болях, которые он испытывал. Сейчас же я уверен в том, что он предвидел распад Югославии и дела всей своей жизни и не знал, что предпринять, чтобы предотвратить это. Он располагал гораздо большими, чем другие, данными о положении в стране и благодаря своему жизненному опыту и политическому инстинкту предчувствовал беду. Когда он повторял „берегите братство и единство как зеницу ока своего“, мне эта фраза казалась слишком пафосной и лишней — разумеется, будем беречь! Сейчас же я думаю, что это был последний крик его души»[793].

Во второй половине декабря Тито приехал в Караджорджево. Здесь, как сообщают официальные биографические хроники маршала, он несколько раз встречался с высшими военачальниками страны. Бывший генерал ЮНА Бранко Йеркич вспоминал, что Тито плохо себя чувствовал и с трудом ходил, хотя в разговоре оставался тем же. Он действительно говорил о трудном положении в стране. Особенно Йеркичу врезались в память слова президента о том, что ситуация в Югославии похожа на ту, что была перед войной, в 1941 году, и что в ближайшее время может разразиться серьезный военный конфликт в Азии, но у агрессора в этом конфликте не будет шансов на победу.

Тогда, утверждает Йеркич, еще никто из югославских военных не знал, что Советский Союз на днях введет свои войска в Афганистан. Слова Тито выглядели настоящим пророчеством[794].

Шел разговор и о сложной ситуации в мире. Генералы докладывали Тито, что Запад рассчитывает втянуть Москву в новый этап гонки вооружений, чтобы СССР экономически продержался максимум до 1990 года (эти расчеты, кстати, практически оправдались).

«Не думайте, что я вообще исключаю возможность войны, — заметил в этом месте Тито. — Не исключаю. Мне кажется, что все идет к этому… Поэтому наши граждане и бегут из страны с валютой, чтобы успеть ее потратить, а то пропадет», — пошутил он.

В один момент военные забеспокоились по поводу состояния Тито: «Вы устали, товарищ президент. Почему бы вам не прилечь?» — «Если тебе, Никола, хочется спать, так иди и ложись! — ответил Тито. — А я пойду в постель, когда захочу!»[795]

В конце встречи Тито сказал: «Армия, во-первых, должна сохранять тот статус, какой она имеет сейчас, а во-вторых, должна быть бдительной — не только по отношению к внешней угрозе, но и к другим тоже, по отношению ко всем угрозам. Желаю вам, чтобы наступающий год был первым годом, когда мы смогли бы не только выбраться из стагнации, но и двинуться вперед». — «Только вы берегите свое здоровье!» — раздались голоса. «Что касается моего здоровья, то мне оно не мешает, — сказал Тито. — Чем больше забот, тем лучше я себя чувствую»[796].

После обсуждения государственных вопросов началась неофициальная часть. Принесли шампанское, выпили за Новый год, югославскую армию, а генералы подняли тосты за здоровье Тито. Затем был торжественный обед, но Тито на него не остался.

Вечером Союзный секретарь по народной обороне генерал Любичич устроил в честь Тито торжественный ужин. Маршал пришел на него, но оставался недолго. Около 11 часов вечера он ушел отдыхать.

24 декабря Тито встретился с представителями руководства Словении. Маршал обозначил одну из главных проблем — экономия во всех областях: «Валютные резервы в прошлом году уменьшились с 3,2 миллиарда долларов до скромных двух миллиардов, а валюты мы разбазариваем на визиты за границу, в Японию или какую-нибудь Тунгуссию, и все больше наших граждан ездят на отдых в Грецию».

Словенцы пожелали Тито счастливого Нового года и крепкого здоровья и преподнесли подарок — золотую копию римской монеты 225 года н. э., выпущенной в честь разгрома императором Марком Аврелием вандалов. «Это единственный в мире экземпляр, — с гордостью говорили Тито словенцы. — А за оригинал, говорят, можно получить больше миллиарда динаров, это почти бесценная вещь». — «Большое спасибо, — ответил Тито. — Это еще один экспонат для музея»[797].

28 декабря Тито записал новогоднее телеобращение к

гражданам Югославии.

Он собирался встречать Новый год в своей словенской резиденции «Брдо код Краня», туда уже были приглашены представители руководства страны. Как всегда, к Тито пригласили музыкантов и певцов — скрипачку Панту Паунеску, певца и флейтиста Шефика Хасаницу и гармониста Вукашина Вучетича. Они выступали перед Тито и его гостями уже почти 30 лет и очень ему нравились.

Однако в самый последний момент — то ли вечером 30-го, то ли утром 31 декабря — всем приглашенным сообщили, что программа меняется: Тито не поедет в Словению, а останется в Караджорджево и встретит Новый год в кругу семьи и нескольких товарищей из партийно-государственного руководства. Для них была подготовлена скромная музыкальная программа.

Тито ждали почти два часа, он появился только около половины двенадцатого ночи, а с ним — его внучка Златица. Тито сел в кресло, и выступление началось. «Мне показалось, что в этот момент он очень печален и очень одинок, — вспоминала о той новогодней ночи Златица Броз. — Тогда я встала и, несмотря на протокол, сама поздравила его, а потом села рядом с ним»[798].

Тем временем по телевидению начали передавать новогоднее обращение Тито к гражданам страны, записанное им 28 декабря. Тито сказал, что следующий год будет годом «большой активности и экономии, годом строгой дисциплины и ответственности», призвал граждан приложить все усилия, чтобы преодолеть «сегодняшние трудности». «Передаю всем трудящимся, нашей молодежи и пионерам, военнослужащим Югославской народной армии и службы безопасности, всем гражданам нашей страны самые сердечные новогодние поздравления» — такими были последние слова Тито[799].

Музыканты доиграли свои песни и тоже поздравили Тито с Новым годом. Потом Тито встал, и, пройдя мимо них, вышел из зала. Это показалось им очень странным — раньше он здоровался с каждым из них и поздравлял с праздниками. В следующий раз они увидели Тито уже на его похоронах. Там они тоже играли его любимые песни[800].

Долгая смерть и «похоронная разрядка»

1 января 1980 года ТАНЮГ распространило следующее сообщение:

«Встреча Нового года в Караджорджево

Караджорджево, 1 января (ТАНЮГ). Президент Республики Иосип Броз Тито встретил Новый год в Караджорджево, в

сердечной атмосфере, хорошем настроении и в кругу семьи. Вместе с ним Новый год встретили и его ближайшие соратники, руководители Социалистического Автономного Края Воеводина и другие.

Точно в полночь президент Тито поднял бокал и, поздравляя присутствующих, выразил уверенность, что в 1980 году будут достигнуты еще большие успехи в развитии нашего социалистического самоуправленческого содружества. Затем президент Тито пожелал всем больших успехов в труде»[801].

Вскоре появилось еще одно сообщение:

«Новогодний обед

Караджорджево, 1 января (ТАНЮГ). Президент Республики Иосип Броз Тито дал во вторник в Караджорджево обед, на котором, кроме членов его семьи, были и товарищи, которые вместе с ним встречали Новый год.

„Надеюсь, что и следующий Новый год мы будем встречать вместе“, — сказал Тито, но тут же предупредил, что „этот год будет тяжелым“. „Нам нужно больше работы, больше дисциплины, больше экономии, — продолжал он. — Я уверен, что вы со мной согласитесь, если я скажу, что мы встречаем 1980 год едиными, такими же, какими были в войне и в послевоенный период. Благодаря этому единству мы ничего не боимся. Поднимаю этот бокал за счастье и процветание нашей страны, за ваше здоровье, товарищи. Ваше здоровье!“»[802].

Два дня о Тито ничего не сообщалось. Но 3 января ТАНЮГ распространило новую информацию:

«Любляна, 3 января (ТАНЮГ). По совету врачебного консилиума Президент Республики Иосип Броз Тито поступил вчера в Клинический центр Любляны для обследования кровеносных сосудов ног»[803].

В мире еще царила атмосфера новогодних праздников, поэтому мало кто испытал беспокойство, прочитав это сообщение. Тем более что через три дня Тито выписался из больницы. Но на этот раз в новостях уже проскальзывали тревожные нотки:

«Любляна, 6 января (ТАНЮГ). После обследования кровеносных сосудов ног Президент Республики Иосип Броз Тито выписан сегодня из Клинического центра в Любляне. Состояние пациента требует дальнейшего интенсивного лечения». Сообщение было подписано консилиумом из восьми самых известных югославских врачей[804].

Тито уехал в свою словенскую резиденцию «Брдо код Краня». Следующий день принес менее оптимистические новости:

«Любляна, 7 января (ТАНЮГ). Врачебный консилиум завершил сегодня в „Брдо код Краня“ консультации с

профессором доктором Майклом Дебейки (США) и профессором доктором Маратом Князевым (СССР) о состоянии здоровья и дальнейшем лечении Президента Республики Иосипа Броз Тито. После осмотра и консультации президент Тито пригласил на обед профессоров Дебейки, Князева, участников консилиума и личных врачей…»[805]

Если учесть, что в Югославию были срочно приглашены выдающийся кардиохирург Майкл Дебейки и не менее выдающийся специалист в области сосудистой хирургии Марат Князев, можно было предположить, что поставлен вопрос об операции и положение достаточно серьезное. Это вскоре подтвердилось.

«Любляна, 12 января (ТАНЮГ). Состояние здоровья Президента Республики Иосипа Броз Тито не улучшилось и после предпринятых интенсивных методов лечения. В такой ситуации врачебный консилиум предложил провести — в самое ближайшее время — хирургическую операцию на кровеносных сосудах левой ноги»[806].

«Любляна, 13 января (ТАНЮГ). Президент Тито сегодня вечером поступил в Клинический центр Любляны, где будет проведена операция на сосудах левой ноги»[807].

Что же произошло с Тито, почему ему вдруг потребовалась операция?

Все уже привыкли к тому, что газеты много лет подряд писали о прекрасном физическом состоянии Тито и о его неисчерпаемой энергии. И во многом это было правдой. Тито старался следить за собой: делал зарядку, ходил на прогулки, иногда даже пытался соблюдать диету.

Однако возраст и прожитые годы все же давали о себе знать. Врачи не раз настаивали на том, чтобы он бросил курить и употреблять алкоголь, но Тито хватало ненадолго, и вскоре он возвращался к своим прежним привычкам и по-прежнему мог выкурить несколько пачек сигарет в день.

Медики не раз говорили ему, что большое количество жареного мяса, колбас, сала, острых специй, вина и крепких напитков не приведет ни к чему хорошему, но Тито смотрел на их советы сквозь пальцы. Он любил приводить в пример Черчилля, который не вынимал сигары изо рта, любил коньяк и терпеть не мог спорт, а прожил 90 лет. Тито его почти догнал.

Но в 1973 году он перенес инфаркт. В середине 1970-х у него обнаружили диабет. В 1975-м врачи заявили, что ему необходимо регулярно колоть инсулин. Тито и Йованка воспротивились. «Вы хотите сделать из Тито тяжелобольного человека, — говорила его жена медикам. — Инъекции требуют регулярного контроля за

сахаром в крови, и Тито ничего другого не остается, как постоянно колоться». Йованка настаивала, чтобы Тито лечили таблетками, а если они не помогают, то их «надо заменить». Тито поддержал жену: «Йованка права, без работы я не могу». Однако на этот раз медики настояли на своем.

В 1976 году у Тито появились проблемы с печенью, иногда побаливало сердце. Во время визита в Данию на торжественном обеде у датской королевы Маргрете у Тито случился сердечный приступ. Югославские врачи оказали ему помощь. Когда же они попросили сообщить о случившемся и личному врачу королевы, та ответила: «Господа, я не настолько богата, чтобы иметь личного врача». Это чрезвычайно удивило югославов, которые привыкли к тому, что у любого их руководителя есть собственный доктор[808].

В 1979 году Тито почувствовал боль в левой ноге. Врачи обнаружили у него на ноге закупорку кровеносных сосудов — это было скорее всего проявлением одного из осложнений диабета. Тито действительно плохо себя чувствовал на новогоднем празднике — он понимал, что на этот раз самому ему с болезнью не справиться.

Клинический центр в Любляне по тем временам соответствовал всем международным медицинским стандартам. Тито поместили на седьмом этаже клиники, вход туда для посторонних был полностью закрыт.

14 января появилось очередное сообщение о состоянии здоровья Тито:

«Любляна, 14 января (ТАНЮГ). Президент Республики Иосип Броз Тито прошлой ночью был прооперирован в клинике сердечно-сосудистой хирургии Клинического центра в Любляне. Операция проведена на кровеносных сосудах левой ноги. Президент Тито перенес операцию хорошо. Послеоперационное состояние нормальное»[809].

Югославские руководители делали все возможное, чтобы убедить население страны, что Тито чувствует себя хорошо. В январе 1980 года в Югославии было неспокойно. Белград осудил ввод советских войск в Афганистан, и точно так же, как и в начале прошлого года после событий в Кампучии, начался чуть ли не массовый психоз — русские вот-вот нападут и на Югославию. Многим уже чудились советские танки на улицах югославских городов. «Власти молчат, с нарастающим психозом молчаливо соглашаются, — записывал в дневнике советский военный атташе в Белграде полковник Жук. — Уже обмазывают грязью окна и двери жилого дома советского посольства на Калемегдане (район в Белграде. — *Е. М.)*. Советским

представителям на предприятиях не рекомендуют ходить без сопровождения… Довели, наконец, людей до паники: население закупает муку, сахар, консервы, магазины пустеют. Изымаются вклады из банков, особенно девизные (валютные. — *Е. М.)*… Директора предприятий жалуются на невозможность выполнения планов из-за призывов рабочих-резервистов»[810]. Болезнь Тито еще больше усиливала нервозность и напряжение.

После 14 января руководители СФРЮ в один голос уверяли, что президент идет на поправку. Однако 21 января ТАНЮГ сообщило: Тито ампутировали левую ногу.

Что на самом деле происходило в те январские дни в Клиническом центре Любляны и что именно привело к резкому ухудшению состояния Тито — до сих пор является тайной. Сразу же после смерти югославского президента история его болезни и документы о лечении были засекречены на 75 лет и будут открыты только в 2055 году. Поэтому пока что приходится довольствоваться версиями.

Вероятно, Тито предложили два варианта лечения. Югославские врачи выступали за ампутацию — так как воспаление на ноге угрожало возникновением и развитием гангрены. Однако кардиохирург Майкл Дебейки предлагал другой способ. Он считал, что ампутация конечности у 88-летнего пациента, страдающего диабетом, грозит серьезными осложнениями — в первую очередь отказом работы почек. По мнению Дебейки, можно было бы восстановить кровоток в больной ноге с помощью искусственных шунтов.

Сначала Тито сделали операцию по установке шунтов, но она по каким-то причинам не дала результата. Тогда была произведена частичная ампутация, а на оставшейся части ноги Тито снова попытались установить шунты. Но вскоре, как и предупреждал Дебейки, у пациента начались осложнения. Дебейки и после смерти Тито считал, что без ампутации он мог бы прожить еще несколько лет[811].

Согласно другой версии, главная причина смерти Тито состояла в том, что он слишком долго не соглашался на ампутацию. Его уговаривали и врачи, и родственники, в частности сыновья Жарко и Мишо и внук Йошка. Однако Тито сначала не поддавался на уговоры и, когда к нему в палату кто-нибудь заходил, он делал вид, что спит. Только 20 января он скрепя сердце согласился на операцию. Но было уже поздно.

Наконец, еще одна версия сводится к тому, что Тито был обречен в любом случае. Он был старым и больным человеком, и медики уже просто не могли вернуть ему молодость и здоровье. По одним данным, Тито сам подписал документ, в котором

соглашался на ампутацию, по другим — это сделал его старший сын Жарко.

Говорят, что когда Тито пришел в себя после наркоза и увидел врачей в масках и шапочках, то не удержался от шутки. «Я что, оказался среди космонавтов?» — спросил он. Один из югославских руководителей на вопрос иностранных корреспондентов о здоровье Тито ответил: «Мы ждем, что Старый вот-вот потребует свою любимую сигару»[812].

23 января появились фотографии: Тито в больнице со своими сыновьями Жарко и Мишо, все трое улыбаются.

29 января были опубликованы официальные сообщения, что Тито перевели из блока интенсивной терапии в обычную палату. В это время началась работа по изготовлению протеза для Тито. Люблянский архитектор Игорь Луначек получил задание разработать проект специального помещения для физиотерапии в словенской резиденции Тито «Брдо код Краня». Планировалось, что здесь югославский президент будет учиться ходить на протезе[813].

Тито тем временем принял членов Президиума СФРЮ Лазара Колишевского и Стевана Дороньского. потом генерала Любичича. Виделась ли с Тито в это время Йованка — точно неизвестно. В Архиве Республики Словения сохранилось письмо, которое она направила члену Президиума СКЮ Душану Драгосавцу 19 января — накануне операции по ампутации ноги Тито. В нем она пишет, что сидит у телефона и все время ждет, что кто-нибудь ей позвонит и расскажет, как себя чувствует Тито. Она жаловалась на жизнь, но не выражала прямого желания посетить Тито в больнице[814]. По одним данным, ей предлагали это сделать, но она отказалась, однако сын Тито Мишо утверждал, что она все-таки приходила к его отцу[815].

Газеты заполнили телеграммы и письма с пожеланиями скорейшего выздоровления «любимому товарищу Тито». В Белград и Любляну их приходили тысячи. «Мне пять лет, и я очень тебя люблю. Не болей больше никогда!» — писал мальчик Даниэль Прокич. Тито посылали стихи, песни, рисунки и вышивки. Черногорский поэт Милика Павлович отмечал, что «недостаточно слов „Желаю тебе быстро выздороветь“, но в нашем языке нет лучших слов».

«Твое дело будет жить вечно, но ты должен выздороветь. Добавь к своим победам еще одну — победу над болезнью!» — автор этой телеграммы подписался как «Последний пулеметчик из Кадиняче». Очевидно, эта подпись должна была о чем-то говорить Тито. Пассажиры самолета авиакомпании ЮАТ, который летел в Австралию, обещали Тито, что будут бороться за мир,

братство и единство и за границей, а футболисты команды «Црвена звезда», уже находившиеся в Австралии, писали: «И здесь мы чувствуем твою любовь и твое великое дело». Были и такие письма: «Дорогой кум, желаю тебе скорейшего выздоровления и счастливой жизни, чтобы ты нас еще долго вел дорогами побед, мира и социализма, так как ты — гордость нашей страны и наш гений. Твой кум Густич Неради с семьей из Печи».

Ветеран войны и участник АВНОЮ Живан Джорджиевич закончил свое письмо призывом: «Вперед, и только вперед, товарищ Тито!» А крестьяне из села Уздолье под городом Книн выразили свои чувства совсем просто: «Да хранит тебя Бог, товарищ Тито, на счастье всем нам!»

Письма приходили из Италии, Австрии, Ирака, Ливии, Бразилии, Швеции, Франции, США, Японии. В письме из английского города Кентиштаун (оно оказалось без подписи) были деньги — два фунта стерлингов. «Я знаю, что этого недостаточно, — писала неизвестная женщина, — но это все, что я могу сделать. Прошу Вас, купите на эти деньги цветы и поставьте их в комнату президента Тито… Я посылаю их потому, что еще со времени последней войны, когда я была совсем молодой девушкой, поражалась его храбрости. С тех пор как я узнала о его болезни, я молюсь за его выздоровление»[816].

Еще десять дней консилиум врачей сообщал, что президент выздоравливает и проходит реабилитацию. 11 февраля в отчетах снова появилась обеспокоенность. Консилиум сообщил, что Тито простудился и у него появились проблемы с почками. 14 февраля ТАНЮГ распространило «молнию»:

«Любляна, 14 февраля (ТАНЮГ). В ходе прошлой ночи состояние здоровья Президента Республики Иосипа Броз Тито было критическим. После предпринятых мер лечения появилось некоторое улучшение, однако состояние остается очень тяжелым. Предпринимаются необходимые медицинские меры»[817].

Потом появились новые проблемы — у Тито начало развиваться воспаление легких. 2 марта ТАНЮГ сообщило об ослаблении сердечной деятельности. 26 марта медицинский консилиум распространил заявление:

«Любляна, 26 марта (ТАНЮГ). Общее состояние здоровья Президента Республики Иосипа Броз Тито очень тяжелое. Воспаление легких постепенно проходит, но температура остается повышенной. Функция почек не восстанавливается. Сердечно-сосудистая система в относительно стабильном состоянии. Интенсивное лечение продолжается»[818].

В то время, когда выходили бюллетени о состоянии здоровья Тито, из города Нови Сад 24 марта стартовала очередная

«эстафета молодости». Эстафета двигалась к Белграду, чтобы 25 мая, как и в прошлые годы, закончиться пышной и торжественной церемонией в честь «дорогого вождя».

Что чувствовал сам Тито в это время? Понимал ли он, что происходит с ним?

По одним данным, 14 февраля Тито впал в кому, из которой уже не вышел до самой смерти. По другим, он время от времени приходил в сознание и даже разговаривал, не терял надежду на излечение. Есть, однако, и версия, что Тито умер в середине февраля, а югославское руководство еще почти три месяца скрывало это событие, не решаясь объявить о нем народу.

Впрочем, в эту версию большинство историков не верят. Другое дело, что Тито в середине февраля действительно находился гораздо ближе к смерти, чем к жизни. 14 февраля в обстановке строгой тайны в Белграде собрался Президиум СФРЮ. На этом заседании был разработан сценарий похорон Тито. Потом его и использовали — когда Тито действительно умер.

В середине апреля у Тито появились признаки желтухи и серьезное нарушение работы печени. В медицинских сводках его состояние оценивалось как «критическое», «исключительно критическое» и иногда — «очень тяжелое». 23 апреля сообщалось, что Тито с вечера предыдущего дня «находится в шоке», 24-го — что он впал в коматозное состояние. Иностранные журналисты, наводнившие Любляну, были уверены, что Тито доживает последние часы. Он боролся со смертью из последних сил.

3 мая наступило небольшое улучшение. Но утром 4 мая его состояние снова резко ухудшилось. «Домработник» Йожеф Оселий, который присматривал за палатой Тито и за ним самим до последних минут, после рассказывал, что около трех часов дня Тито на несколько минут пришел в сознание и даже сказал несколько слов, но понять их было невозможно[819]. О чем он хотел сказать? О чем думал, если, конечно, еще был в состоянии думать? Что его мучило в последние секунды жизни? Все это осталось тайной.

Врачи сделали еще одно усилие. С помощью зонда, введенного в вену на руке, они пробовали провести электростимуляцию сердца, но и это тоже не помогло.

Тито умер 4 мая 1980 года в 15 часов 5 минут.

В тот же день эту новость сообщили стране. Страна была в шоке. Самым ярким подтверждением этого стали события во время футбольного матча в Сплите между местным «Хайдуком» и белградской «Црвеной звездой».

На 43-й минуте матч был прерван и диктор сообщил футболистам и почти пятидесяти тысячам зрителей весть о

смерти Тито. Футболисты и судьи столпились в центре поля. По лицам здоровенных мужиков из обеих команд (что символично: и сербов, и хорватов) текли слезы. Некоторые из них, закрыв лица руками и содрогаясь от рыданий, падали на газон. Заплакали и судьи, а зрители встали со своих мест и запели «Товарищ Тито, мы тебе клянемся, что с твоего пути мы не свернем!».

В ночь на 5 мая группа врачей провела вскрытие тела Тито. Результаты были зафиксированы в протоколе на шестидесяти машинописных страницах. Основной болезнью Тито было признано «генерализированное хроническое заболевание кровеносных сосудов, которое следует связать со старостью президента и с сахарной болезнью». Причиной смерти, по результатам исследования, стал отказ сердечно-сосудистой системы.

Церемония всенародного прощания с Тито началась уже на следующий день после его смерти. Утром 5 мая с Тито прощалась Любляна. Затем гроб с его телом поместили в вагон президентского «голубого поезда», который отправился в Белград. Вдоль железной дороги стояли тысячи людей, на станциях устраивались прощальные митинги.

Многие приходили на эти митинги «по разнарядке» — от предприятий или других организаций, но не меньшее количество людей пришли попрощаться с Тито искренне. Тито находился во главе Югославии почти 36 лет, и многие уже просто не представляли, как страна будет жить без него.

Утром 6 мая «голубой поезд» прибыл в Загреб. Здесь был запланирован большой митинг. Офицеры гвардии, составлявшие почетный караул, вынесли гроб из вагона и установили на площади, на которой проходил митинг. Все югославские телеканалы вели из Загреба прямой репортаж. Комментатор Загребского телевидения сказал, что гроб покрыт югославским флагом, однако он ошибся: по какой-то причине флага на нем не было. Позже в этом увидят своего рода «дурное предзнаменование» в отношении судьбы Югославии. И это был, кстати, не единственный подобный «знак»…

После митинга под звуки сирен и гудков «голубой поезд» отбыл в Белград. В нем ехали и сыновья Тито Жарко и Мишо со своими семьями, а также «эстафета молодости». В 17.00 поезд прибыл на Белградский вокзал. Оркестр заиграл русский революционный марш «Вы жертвою пали в борьбе роковой». Под звуки этого марша гроб с телом Тито вынесли из вагона и установили на площади Братства и Единства, где начался прощальный многотысячный митинг. На этот раз гроб действительно покрыли югославским флагом. Но как только были

сказаны первые слова, внезапный порыв ветра сорвал флаг с гроба. Четверо офицеров гвардии снова накрыли им гроб, а режиссеры прямой трансляции постарались дать в эфир другую «картинку».

Гроб с телом Тито для прощания выставили в здании Скупщины — в самом центре Белграда. За три дня и три ночи с маршалом попрощались более пятисот тысяч человек. Кто-то отдавал последнее приветствие, подняв сжатый кулак — как во время гражданской войны в Испании, кто-то крестил гроб или крестился сам, кто-то кланялся Тито или вставал на колени. Было несколько случаев, когда люди теряли сознание. Но похороны Тито останутся в истории по другой причине.

Смерть Тито помогла осуществить его главную политическую цель — построить мир без военных блоков и вооруженного противостояния. Правда, этот мир просуществовал всего лишь два с небольшим дня, и всего лишь в одном отдельно взятом месте — в Белграде. Но зато в то время, когда в ООН входили 154 страны, хоронить Тито приехали 209 делегаций из 127 стран. Среди них: 31 президент, 4 короля, 5 наследных принцев, 6 вице-президентов, 7 председателей парламентов, 22 премьер-министра и 13 вице-премьеров, 47 министров иностранных дел[820]. Присутствовали делегации 22 коммунистических и 36 социалистических партий, а также 15 национально-освободительных движений. Из известных государственных лидеров не было только президента США Джимми Картера (США представляли вице-президент и госсекретарь, а также мать самого Картера), президента Франции Жискара д'Эстена и Фиделя Кастро. Но все равно можно было сказать, что в самый разгар холодной войны Тито хоронил весь мир.

Премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер возложила к гробу Тито венок из белых маргариток, Леонид Брежнев — из фиолетовых орхидей, а итальянский президент Сандро Петриньи — из пальмовых и лавровых листьев. Лидер португальских коммунистов Алваро Кульял приветствовал Тито, подняв над головой сжатый кулак, а президент Замбии Кеннет Каунда вместе с венком положил к гробу стихи собственного сочинения. Палестинский лидер Ясир Арафат положил на гроб руку и в буквальном смысле рыдал несколько минут. Не сдержал слез даже Саддам Хусейн. Это были действительно самые масштабные похороны XX века. Как написала одна западная газета, тогда в Белграде победила «похоронная разрядка».

8 мая гроб с телом Тито вынесли из Скупщины, и похоронная процессия через весь город направилась в Дединье, к его дому. Процессия медленно двигалась по Белграду. Иногда — под звуки

оркестров, иногда — просто под барабанную дробь. Над городом проносились военные самолеты, отдавая последние почести маршалу. За гробом Тито шла его семья, среди которой была и одетая во все черное Йованка. Ей тоже разрешили принять участие в похоронах.

Сам Тито еще при жизни размышлял о том, где должна находиться его могила. Сначала он хотел, чтобы его похоронили на Сутьеске — рядом с десятью тысячами погибших во время войны партизан, которыми он командовал. Однако в конце концов он передумал, завещав похоронить себя в Доме цветов на Ботичевой улице в Дединье.

Гроб с Тито опустили в могилу около трех часов дня. Йованка, стоявшая между его сыновьями Жарко и Мишо, разрыдалась. На могилу положили строгую белую мраморную плиту с простой надписью: «Иосип Броз Тито, 1892–1980». Впрочем, через 25 лет один из организаторов церемонии рассказал, что в тот день могилу Тито покрыли всего лишь деревянным макетом надгробия, а саму плиту из белого мрамора успели изготовить лишь к утру следующего дня[821].

С этим надгробием связано множество легенд и слухов. Говорили, что Тито перед смертью покаялся и попросил похоронить его по католическому обряду, поэтому на его могиле не было обязательной для коммуниста звезды. Говорили, что белая мраморная плита — это свидетельство принадлежности к масонской ложе, а значит, и подтверждение слухов о том, что Тито был масоном. Говорили также, что уже после распада Югославии белградские «черные копатели» вскрыли могилу и украли знаменитый перстень маршала с бриллиантом, с которым он был якобы похоронен. В общем, легенды не оставляли Тито и после смерти.

12 лет могилу Тито круглосуточно охранял почетный караул из двух гвардейцев. В 1992 году этот югославский «пост номер один» сняли. В 90-х годах прошлого века во время постоянных войн и конфликтов в Югославии, как в Сербии, так и в Хорватии, не раз обсуждали идею перезахоронения останков Тито в его родном селе Кумровац. Сербский националист Воислав Шешель, к примеру, грозился чуть ли не лично выкопать «вампира из Дединье». Однако Тито, даже мертвый, устоял и на этот раз: он и сегодня по-прежнему лежит на своем месте, в Доме цветов.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Наследство и наследники

Сначала казалось, что при всех проблемах и трудностях в Югославии почет и уважение, которыми был окружен Тито, сохранятся навсегда. Президиум СФРЮ, к которому перешло коллективное руководство страной, провозгласил новый лозунг: «И после Тито — Тито!» Над ним, впрочем, сразу же стали ехидничать. Говорили, что Тито оказался настолько гениальным, что управляет страной даже из могилы.

В 1982 году в Дединье открыли громадный Мемориальный центр «Иосип Броз Тито». В него вошли бывшая резиденция маршала, парк, охотничий домик, Дом цветов, музей подарков Тито. Здесь находилась уникальная коллекция из двухсот тысяч экспонатов, рассказывающих о жизни и деятельности Тито, в том числе и подарки, которые ему дарили представители различных стран мира.

В 1984 году был принят «Закон об оскорблении памяти Тито» — наказания за преступления подобного рода существенно ужесточались. В 1989-м югославские ветераны войны выдвинули его кандидатуру на присвоение звания Народного Героя в четвертый раз. Но властям югославских республик было уже не до награждений мертвого Тито.

В 1981 году в Косове прошли массовые протесты албанцев, но они выходили на демонстрации еще с портретами вождя. В середине 1980-х в обращении появилась купюра в 5 тысяч динаров с изображением Тито. Народ тут же прозвал ее «мртвак» («покойник»), «Покойник» для того времени был самой крупной купюрой, но удержал это место недолго. Через несколько лет инфляция достигала уже тысячи процентов в год, цены в магазинах — миллионов и миллиардов динаров.

В 1983 году югославское правительство фактически признало, что никогда не сможет отдать иностранные долги. Контроль над долгами и кредитами перешел в руки Международного валютного фонда. Пенсии сократились более чем на 40 процентов, а зарплата — на 35 процентов. Уровень жизни югославов, которым Тито всегда гордился как доказательством преимуществ «самоуправленческого социализма», понизился на треть.

В Сербии после смерти Тито недовольно говорили: «Словении досталась его коллекция автомобилей, Хорватии — его яхты и

Бриони, а нам только его скелет». Сербская интеллигенция считала, что при хорвате Тито ущемлялись интересы их республики, а автономным краям специально дали такие широкие права, чтобы ослабить Сербию. Тогда был популярен такой анекдот. «Когда умер Тито, представители всех югославских народов заспорили между собой — где его хоронить? Каждая республика предлагает похоронить его у себя, и объясняет почему. Только представитель Сербии молчит. „А ты чего молчишь?“ — спрашивают его. „Да мне все равно, — отвечает он, — только не хороните его в Иерусалиме. А то одного там похоронили, а он взял да и воскрес“».

Осенью 1987 года в результате так называемой «антибюрократической революции» к власти в Сербии пришел Слободан Милошевич. При Тито он был способным технократом — директором крупного концерна «Техногаз», председателем правления белградского банка, потом перешел на партийную работу. Милошевич обещал сербам восстановить их права, особенно в Косове, и в этом нашел горячую поддержку населения. Новая конституция Сербии, принятая осенью 1990 года, свела статус Воеводины и Косова только к культурной автономии, лишив их всех элементов государственности. За это Сербию обвинили в «гегемонизме», а албанцы начали кампанию гражданского сопротивления, которая затем перешла в вооруженную борьбу.

Несмотря на то что отношение к Тито в Сербии становилось все более отрицательным, в одном Милошевич был прямым наследником Тито — он до самого конца выступал за сохранение югославской федерации. Его режим представлял причудливое сочетание титовского коммунизма и сербского национализма. В центре Белграда продавалась различная атрибутика четников — черные флаги с черепом и скрещенными костями, портреты Дражи Михайловича. При нем впервые в Югославии вышли книги Джиласа и началось обсуждение ранее запретных тем югославской истории. Центральной улице Белграда, с 1945 года называвшейся улицей Маршала Тито, было возвращено старое имя — улица Короля Милана.

Милошевич о Тито ничего плохого не говорил и на уговоры перезахоронить его не поддался. Хотя Мемориальный центр «Иосип Броз Тито» порядком захирел, а потом и вообще был упразднен. На части его территории теперь находилась резиденция самого Милошевича, где он проживал до своего свержения в 2000 году, а на другой был создан Музей истории Югославии, к которому относится и Дом цветов с могилой Тито.

30 января 1990 года в Белграде прошел XIV и последний в

истории съезд СКЮ. На нем «партия Тито» развалилась окончательно. Ее республиканские организации начали менять свои названия. Союз коммунистов Словении стал «Партией демократического обновления», СК Хорватии — «Партией демократических перемен», СК Боснии и Герцеговины — «Социалистической демократической партией». В Сербии и Черногории коммунисты переименовались в социалистов, в Македонии — в социал-демократов. Бывшие коммунисты с треском проиграли на первых многопартийных выборах зимой и весной 1990 года в Словении, Хорватии и Боснии.

В Хорватии победила партия Хорватское демократическое сообщество (ХДС) во главе с Франьо Туджманом. Тем самым, который был арестован еще во время «хорватской весны», но благодаря вмешательству Тито долго в тюрьме не задержался.

В 1981 году Туджман был арестован еще раз и просидел в тюрьме три года. На этот раз — за свою книгу, изданную в США. В ней Туджман весьма двусмысленно писал о «Независимом Государстве Хорватия» и усташах. Многие увидели в книге чуть ли не оправдание их преступлений, хотя Туджман это впоследствии отрицал. После отсидки, когда его выпустили за границу, он обзавелся связями с хорватскими эмигрантами, которые помогли ему создать партию ХДС.

После победы на выборах парламент избрал его президентом Хорватии. Он почти сразу же объявил цель своего курса: отделение от Югославии. Хорватия объявлялась «национальным государством хорватского народа».

Поскольку никакой автономии и никаких гарантий семисоттысячному сербскому населению в Хорватии предоставлять теперь никто не собирался, а риторика ХДС явно попахивала выступлениями усташей пятидесятилетней давности, то перед сербами снова встал призрак резни, которую они пережили во время войны. Сербы начали вооружаться. Первые столкновения в Хорватии начались уже летом 1990 года, а когда летом 1991-го Туджман объявил о выходе Хорватии из состава Югославии, вспыхнули в полную силу. Югославия неотвратимо катилась к гражданской войне, которая вскоре действительно началась.

До этого была еще краткая война в Словении. Новое словенское правительство, также объявившее о выходе из состава Югославии, приказало частям республиканской Территориальной обороны взять под контроль казармы ЮНА и пограничные-таможенные посты на границах республики. Тогда вмешалась армия. Боевые действия длились чуть более недели. Под давлением международного сообщества югославские войска

вынуждены были отступить. В ходе переговоров было принято решение о выводе ЮНА из Словении в течение трех месяцев.

В Хорватии война между хорватами и хорватскими сербами, которых поддерживали ЮНА и Сербия, продолжалась еще три с лишним года, в ходе ее погибли как минимум 30 тысяч человек.

…Несмотря на то что Туджман последовательно уничтожал дело Тито, к нему самому он относился с уважением и старался ему подражать. Туджману тоже присвоили звание маршала, он тоже носил белый маршальский мундир. О Тито и Туджмане ходил такой анекдот. Встречаются они в аду. «Привет, диктатор!» — говорит Туджман. «Привет, имитатор!» — отвечает ему Тито.

При Туджмане не тронули музей Тито и памятник ему в его родной деревне Кумровац. Летней резиденцией президента Туджмана стала резиденция Тито на Бриони. Потом, после смерти хорватского президента в 1999 году, архипелаг открыли для туристов. Слонов из зоопарка продали немецкому миллионеру, других зверей тоже раздали по зоопаркам и частным коллекциям.

Яхту Тито «Галеб» летом 2000 года за 750 тысяч долларов купил греческий миллионер Джон Пол Папаниколау. Однако в Хорватии посчитали сделку незаконной, и в 2007 году корабль был провозглашен «национальным достоянием» республики. Греческий бизнесмен с таким решением не согласился и подал в международный суд. Тяжбы продолжаются по сей день.

…Самой жестокой оказалась война в Боснии и Герцеговине, где мусульмане, сербы и хорваты так перемешались между собой, что разделить территорию страны по национальному признаку было невозможно.

На выборах 1990 года в республике победила Партия демократических действий, представляющая в основном интересы мусульманского населения, а президентом вскоре стал Алия Изетбегович — бывший диссидент, написавший «Исламскую декларацию», распространявшуюся в Югославии нелегально.

На референдуме 29 февраля 1992 года большинство мусульман и хорватов проголосовали за независимость. Сербы референдум бойкотировали. Еще раньше они объявили о создании «Сербской республики БиГ». В том случае, если Босния выйдет из состава Югославии, заявили они, то их республика в ней останется.

7 апреля США и ЕС признали независимость Боснии и Герцеговины. Сразу же после этого в республике начались ожесточенные бои. Война закончилась только в декабре 1995 года. Босния стала причудливым государственным образованием, состоящим из Мусульмано-Хорватской федерации и Сербской

республики, мало доверяющих друг другу.

По некоторым данным, югославская война 1991–1995 годов унесла жизни двухсот тысяч человек.

27 апреля 1992 года Сербия и Черногория образовали Союзную Республику Югославию. Вскоре в Косове начала действовать партизанская «Освободительная Армия Косова» (ОАК), которой помогала Албания. Антипартизанские действия сербских властей стали поводом к военному вмешательству НАТО — для Запада Милошевич в Сербии давно уже был как кость в горле.

Дальше были бомбардировки Белграда, ввод в Косово миротворцев, и фактическое отделение Косова от Сербии. В феврале 2008 года парламент Косова провозгласил бывший югославский край независимой республикой. Ее признали около семидесяти государств. В мае 2006 года черногорцы на референдуме проголосовали за независимость своей страны. Перестал существовать и последний югославский союз — Сербии и Черногории.

К этому времени никого из тех, кто возглавил распад Югославии, уже не было в живых. Туджман умер в 1999-м, Изетбегович — в 2003 году. Милошевич был свергнут осенью 2000 года и умер в тюрьме Международного трибунала в Гааге в марте 2006-го. Если существует загробная жизнь, то Тито наверняка потребует от них объяснений, что случилось с Югославией, которую он так долго и упорно создавал.

Каждый год в день смерти Тито на могилу приходят его родственники. У них всегда были сложные отношения. Поэтому и время посещения могилы маршала они поделили между собой.

Старший сын Тито Жарко после смерти отца жил в Белграде. До конца жизни он получал советскую, а потом и российскую военную пенсию. Он умер в 1995 году. У него остались трое детей — Йошка, Златица и Светлана.

Младший сын Мишо после развала Югославии стал дипломатом, одно время работал в посольстве Хорватии в Москве. У него двое детей — дочь Саша и сын Андрей и двое внуков.

Самый активный из потомков Тито — это, пожалуй, его внук Йошка. Хотя уместнее его было бы называть сейчас Иосипом Брозом Младшим. Ему уже почти 70 лет, но он часто дает интервью, участвует в документальных фильмах и делится воспоминаниями о деде, в правоте которого никогда не сомневался. Осенью 2009 года он объявил, что создает в Сербии новую коммунистическую партию и продолжит борьбу за дело своего деда.

Время от времени между наследниками Тито вспыхивали споры из-за наследства знаменитого предка. Впрочем, делить им формально было нечего.

Тито распоряжался огромным имуществом, имел большие гонорары от издания своих книг. Ему не составило бы большого труда завести счета в банках Швейцарии, как поступают многие диктаторы, да и просто высокопоставленные чиновники.

Но Тито был одним из редких государственных деятелей, которого не интересовало личное богатство. Он любил роскошь и комфорт, но лично у него не было ничего. В этом он был похож на своего врага Сталина, хотя тот ходил в старых сапогах, а Тито — с бриллиантовым перстнем на пальце. Они оба больше богатства ценили власть.

Все имущество Тито, которым он пользовался, считалось государственной собственностью. Говорят, что сыновьям Жарко и Мишо достались в наследство всего лишь несколько костюмов. По слухам, он завещал лишь разделить гонорары от своих изданных в будущем книг на три части: Йованке и двум сыновьям.

Несколько лет назад дочь Мишо Броза — Саша, режиссер и бывший директор театра в хорватском городе Пула, отстояла в суде право распоряжаться изображениями и работами Тито. «Тито — это знаменитый бренд, — объяснила она. — А семья ничего с этого не имела… Зато кое-кто из тех, кто производят все это, не симпатизируют Тито, но зато на нем хорошо зарабатывают». Это правда — изображения Тито появлялись на рекламных плакатах автомобилей, яхт и даже колбасы одного из хорватских мясокомбинатов. Так что озабоченность его потомков вполне понятна. Они, кстати, заявили, что доходы от своего права на «бренд» собираются тратить на различные гуманитарные программы — прежде всего на больницы для детей.

О других членах большой семьи Тито слышно гораздо меньше. Сын Мишо Андрей закончил МГУ, работает в одной из крупных хорватских компьютерных компаний. В Белграде жизнь скромной пенсионерки ведет дочь Жарко Златица.

Третий сын Жарко — Эдвард Броз, который тоже жил в Загребе, долго скрывался от полиции — за аварию, которую он устроил в пьяном виде. В начале 2008 года его задержали, потом отпустили под подписку, и он снова исчез.

Иногда в поле зрения репортеров светской хроники попадает правнук Тито — сын Йошко Броза Небойша. Он увлекался автогонками и владеет автобусным предприятием в Белграде, а несколько лет назад был задержан по обвинению в незаконном хранении оружия. Потом, правда, его освободили.

Недавно ушлые журналисты разыскали и сестер Грбич.

Оказалось, что они живут в Белграде. Радойка до недавнего времени преподавала в Высшей медицинской школе, а Дарьяна уже вышла на пенсию. «Да, я была близка с Тито, — заявила она несколько лет назад в одном из интервью. — …Он был в первую очередь моим пациентом. А такие отношения невозможны без доверия. Что касается вопроса о том, была ли я его любовницей, то это я не буду комментировать»[822].

Все дети и внуки маршала стараются не общаться с Йованкой, что в общем было трудно — последние 30 лет Йованка провела фактически под домашним арестом.

Уже в июле 1980 года, через три месяца после смерти Тито, сотрудники службы безопасности пришли в дом на Ужичку, 15, где она тогда жила, и после обыска переселили ее в другое место, на бульвар Мира. Ей объяснили, что дом Тито, где она три года прожила одна, — это государственная собственность и все вещи в нем — тоже. Ей разрешили взять с собой только личные вещи, а все остальное, в том числе и ее знаменитые драгоценности, которым завидовали первые дамы всего мира, тоже оставались в собственности государства.

Дом, куда переселили Йованку, раньше использовался для приема иностранных гостей. Ей выписали небольшое государственное пособие, предоставили машину с шофером, домработницу и садовника. После чего постарались, чтобы о ней все забыли.

В декабре 1985 года Йованка написала открытое письмо депутатам Скупщины, в котором утверждала, что Тито был вовсе не так равнодушен к материальным ценностям, как об этом говорят. Он, по ее словам, оставил завещание, которое власти якобы скрыли, утверждая, что все его имущество принадлежит государству и партии. Йованка даже составила список имущества, которое, по ее убеждению, принадлежало не государству, а им с Тито, и, значит, теперь должно перейти к наследникам президента. Это — несколько ковров, библиотека, коллекция картин, гобелены, более десяти югославских и иностранных наград, коллекции марок, охотничьих ружей, среди которых было и несколько ее собственных. А также — часы, перстни, запонки, зажигалки, табакерки, зажимы для галстуков, которые принадлежали лично Тито, подарки, которые ему дарили на дни рождения. Также, по мнению Йованки, семье должны были перейти несколько автомобилей из гаража маршала, виноградники в его родном селе Кумровац и на Бриони, фруктовый сад на том же архипелаге и, наконец, деньги — 600 миллионов старых динаров, которые лежали на счете Тито в Белградском банке.

Она обратилась в суд с требованием вернуть это имущество семье маршала. Потом добавила к списку еще полученные ими в подарок или купленные ей лично вещи — 8 золотых часов, 19 золотых цепочек и подвесок, 12 золотых поясов, запонок, пуговиц и брошей, 37 золотых ожерелий, 36 золотых и платиновых браслетов, 10 женских золотых колец и т. д.[823]

По некоторым оценкам, стоимость всего имущества составляла 16 миллионов долларов. Однако 27 декабря 1985 года был принят закон «Об имуществе, находящемся в государственной собственности, которое связано с жизнью и делом Тито». Он был очень коротким и состоял из четырех статей и 239 слов. Йованка получила свои личные вещи и украшения, однако дома, резиденции, автомобили, яхты, коллекции картин и прочее были провозглашены собственностью государства. По этому же закону Йованке была наконец назначена пенсия — 173 тысячи 79 тогдашних югославских динаров. По тем временам это была одна из самых больших пенсий в стране. Журналисты ехидно назвали этот закон «Lex Jovanka», что в переводе с латыни означает «Закон Йованки».

Йованке в итоге удалось кое-что отсудить у государства. Ей вернули: 106 ожерелий, 57 брошей, 63 драгоценных камня, 68 браслетов, 22 кольца, 13 женских часов. Кроме того, ей возвратили различные отрезы тканей, общая длина которых составила 1,1 километра, и много других вещей[824].

Йованка считала, что ее изолировали за то, что она слишком много знает о политических наследниках Тито. Она жаловалась, что все эти годы у нее не было даже документов, и обвиняла власти, что они не платят положенную ей за Тито президентскую пенсию. Уже развалилась Югославия, к власти в Сербии пришел Слободан Милошевич, который вскоре вселился в их бывший дом на Ужичкой, 15, а она все жила отрезанная от всего мира.

Вскоре дом, куда ее переселили, пришел в полнейшую негодность: большинство его помещений обветшали и грозились обвалиться в любой момент. Из всех людей, которым ее разрешали видеть, были лишь приставленный к ней охранник и ближайшие родственники. В 1999 году дом был поврежден во время натовских бомбардировок Белграда, во время дождей у него протекала крыша.

Даже в 2001 году, когда режим изоляции был фактически отменен, Йованка почти не выходила из дома. Она говорила, что ей трудно ходить и ездить на общественном транспорте. Старая машина, которая была в ее распоряжении, сломалась, а новую власти ей так и не дали[825]. Она утверждала, что поэтому не может ездить и на могилу мужа. Правда, в другом интервью

Йованка говорила, что не хочет встречаться у могилы мужа с теми, кто травил ее все последние годы[826].

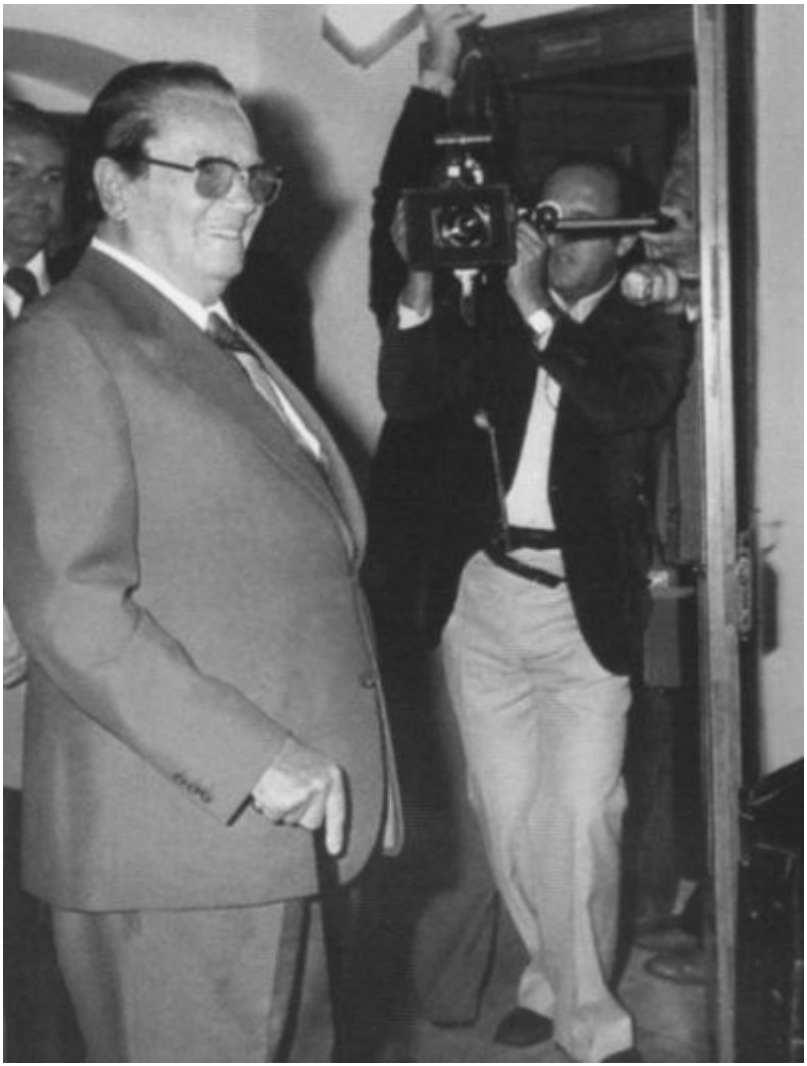
Только 6 июля 2009 года ей вернули документы и гарантировали полную свободу и снятие слежки. Йованку посетили сербские министры внутренних дел и социального обеспечения. Ей вручили также заграничный паспорт и объявили, что ее пенсия теперь будет составлять 500 евро в месяц. Кроме того, она ежемесячно будет получать 1100 евро за «причиненные государством неудобства». Обещали ей также отремонтировать дом.

Тут же, правда, в обществе начали раздаваться ехидные комментарии: сербские власти вспомнили о вдове Тито, чтобы продемонстрировать перед Европой свою приверженность демократии и правам человека — ведь Белград очень хотел бы вступить в Европейский союз. Но тем не менее 30 лет одиночества для вдовы Тито кончились. «Теперь я надеюсь, что моя мечта отправиться в путешествие наконец станет реальностью», — сказала она. По количеству прожитых лет Йованка почти догнала Тито, которого, как она признавалась, любила с того самого дня, когда увидела в первый раз.

Тито, конечно, давно уже стал фигурой не только мирового, но и космического масштаба — ведь астероид номер 1550, открытый в 1937 (!) году, сейчас носит его имя. Но интересно, что бы больше оценил он сам: память о нем как о «государственнике» и «любимом маршале» или же такое признание женщины, с которой у него было связано столько счастливых и тяжелых минут и которая, несмотря на все их скандалы и взаимные упреки, испытала после его смерти муки тридцатилетнего и полного одиночества?

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Дом в селе Кумровац, в котором родился Иосип Броз



Тито посещает свой дом в селе Кумровац

Иосип Броз на службе в австро-венгерской армии. По некоторым данным, снимок сделан на сербском фронте в 1914 году

Иосип Броз (первый слева) в форме члена клуба «Соколы» 1911 г.

С женой Пелагеей и сыном Жарко. 1928 г.

Полицейская фотография, сделанная в день ареста Броза. 4 мая 1928 г.

Иосип Броз (слева) и Моше Пьяде в тюрьме Лепоглава.1929 г.

Мандат делегата конгресса Коминтерна на имя Фридриха Вальтера. 1935 г.

Германские войска вступают в Загреб. 10 апреля 1941 г.

Террор в Югославии: хорватский усташ с отрубленной головой сербского четника

Генерал Дража Михайлович, руководитель сербских четников. 1943 г.

Најрада од 100.000 рајхсмарака у злату!

100.000 Рајхсмарака у злату добиће онај који доведе жива или мртва комунистичког вођу Тита.

Овај злочинац бацио је земљу у највећу несрећу. Као бољшевички агент, овај секретар цркве, лопов и друмски разбојник хтео је да организује у земљи совјетску републику, а к тоне је убрзано да је он позван да „ослободи" народ. За остварење тога циља он се спрема у шпанском грађанском рату и у Совјетској Унији, где је упознао све терористичке методе ГПУ-а, нетаде скрнављења културе и животињског уништавања људских живота.

Ова његова „ослободилачка акција", која је имала да утре пут бољшевизму, том најгрозничем политичком режиму на свету, одузела је имање, добро па и живот хиљадама људи. Она је само пореметила мир сељака и грађанина и бацила земљу у неописиву беду и невољу. Порушене цркве и спаљена села трагови су којима је он прошао.

Стога је овај опасни бандит у земљи уцењен са 100.000 Рајхсмарака у злату.

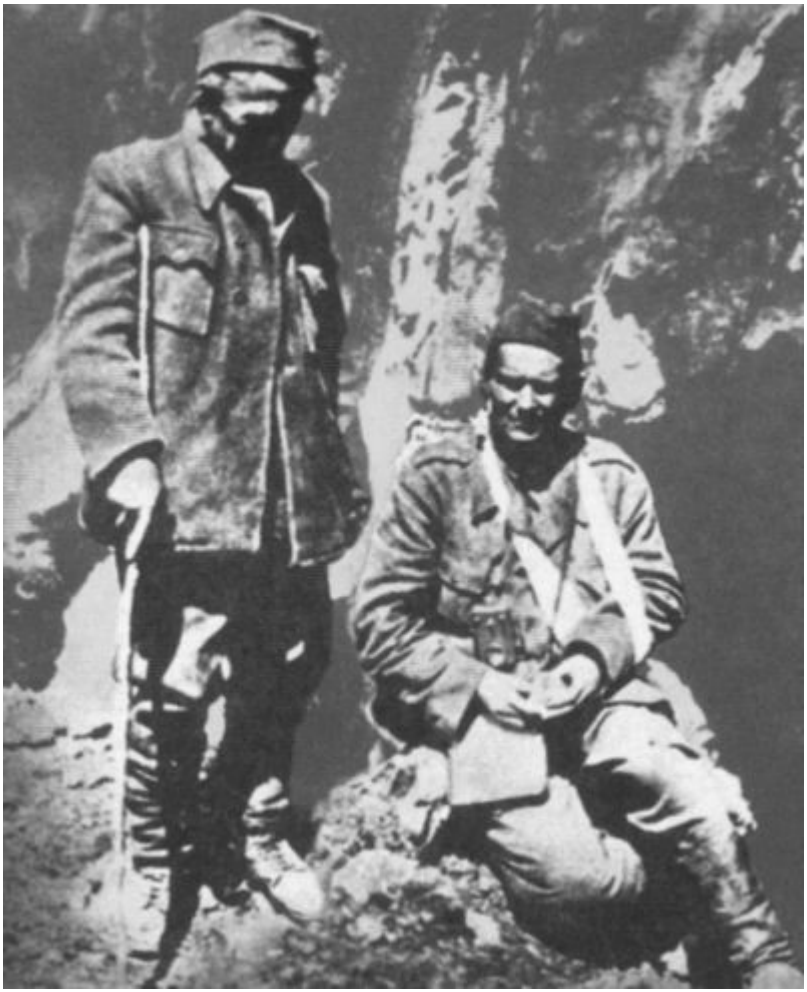
Онај који докаже да је овог злочинца учинио безопасним или га преда најближој немачкој власти не само што ће добити награду од 100.000 Рајхсмарака у злату, него ће тим извршити и једно национално дело јер ће ослободити народ и отаџбину од бича бољшевичког крвавог терора.

Врховна Заповедница немачких трупа у Србији

Немецкая листовка, обещающая 100 тысяч рейхсмарок золотом тому, кто доставит «живого или мертвого» Тито. 1943 г.

Тито и овчарка Люкс. 1942 г.

Тито и овчарка Тигр. 1944 г.



Тито (справа) после ранения в битве на реке Сутьеске. 1943 г.

Тито (в центре) с Александром Ранковичем (слева) и Милованом Джиласом.1943 г.

Тимо. 1944 г.

Партизаны вступают в Загреб. Май 1945 г.

Тимо. 1945 г.

Тито подписывает Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Югославией. Москва, 11 апреля 1945 г.

Награждение Тито советским орденом «Победа» в посольстве СССР в Югославии. Сентябрь 1945 г.

Тито в своем кабинете. 1946 г.

Первомайская демонстрация в Белграде. 1946 г.

Народный танец «коло» вместе с маршалом. 1947 г.

Тито в часы отдыха

Одна из советских карикатур на «кровавого палача Тито». 1952 г.

Даворьянка Паунович (Зденка)

Герта Хаас

Йованка Будисављевић

Тито и Йованка

Одна из официальных фотографий. 1949 г.

Тимо. 1970-е гг.

Тито, Черчилль и глава британского МИДа Иден. Лондон, март 1953 г.

Первый визит Тито в СССР после конфликта со Сталиным. Маршала приветствуют в Ленинграде. Июнь 1956 г.

Тито встречают в Камбодже

Тито и царь Эфиопии Хайле Селассие

Тито и Хрущев на знаменитой сессии ООН, когда советский руководитель стучал по трибуне башмаком

Маршал и королева Великобритании Елизавета II

Тито в центре подготовки американских астронавтов

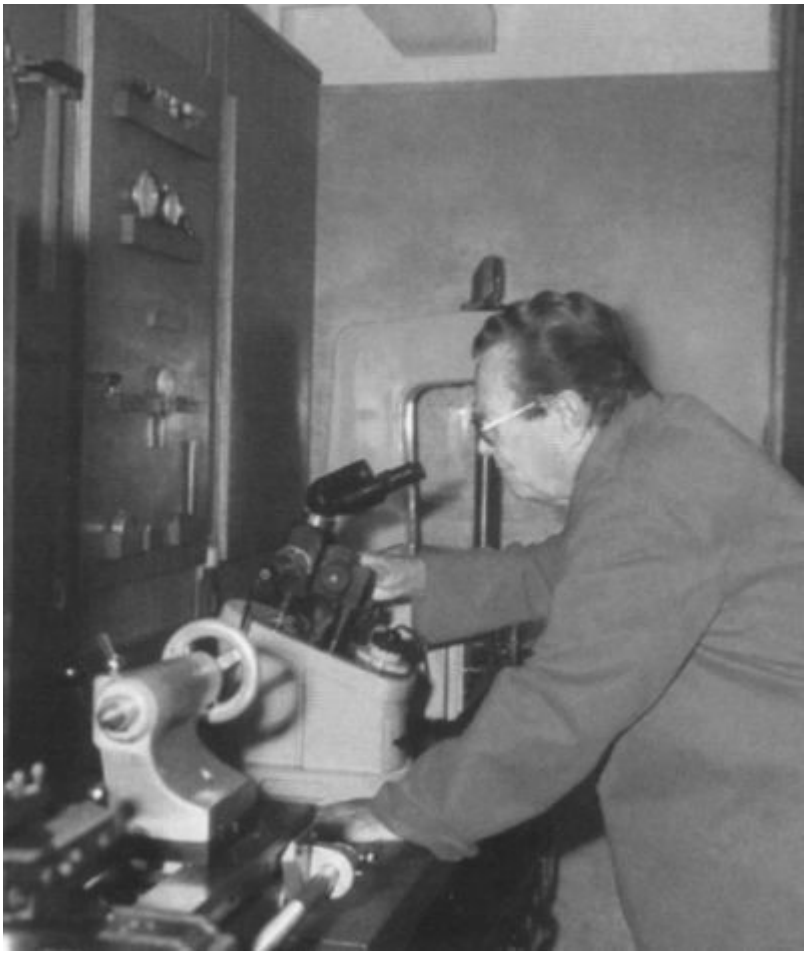
Тито, Фидель Кастро и гаванские сигары

Охота — любимый отдых

В кабинете Тито всегда находилась часть его охотничьих трофеев со всего мира

Тито и Брежнев — оба были азартными охотниками…

…и оба любили красивых женщин. Брежнев и Йованка Броз



В свободное время Тито любил вспомнить молодость и поработать в своей личной мастерской

Тито и Йованка Броз принимают в резиденции на Бриони Софи Лорен и Карло Понти

Так рождались многочисленные изображения маршала. Тито позирует скульптору

«Любимый маршал»

и «товарищ президент» на полотнах картин

Тито избран президентом «без ограничения срока мандата». Май 1974 г.

Иосип Броз Тито. 1979 г.

«Осень» маршала…

«Осень» маршала…

Тито и Йованка еще вместе. На отдыхе с одним из своих пуделей и шашлыками

Тито — глава большой семьи. Но Йованки на снимке уже нет

Торт для «любимого маршала»: Тито в последний раз отмечает свой день рождения. Май 1979 г.

Одна из последних фотографий. После ампутации ноги Тито в больнице навещают его сыновья Жарко и Мишо. Февраль 1980 г.

Фотография, которая обошла весь мир. Только что во время футбольного матча между командами «Хайдук» (Сплит) и «Црвена звезда» (Белград) объявили о смерти Тито. 4 мая 1980 г.

Прощание с Тито

«Похоронная разрядка». Руководители более двухсот делегаций мира, прибывших на похороны Тито, стояли рядом на одной трибуне

Йованка на могиле Тито. 2001 г.

«Если вы сделали при жизни что-то полезное, это вас переживет… Люди никогда не забывают хороших дел государственных деятелей». Иосип Броз Тито

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИОСИПА БРОЗ ТИТО

1892, 7 мая — в хорватском селе Кумровац в семье Франьо и Марии Броз родился Иосип Броз.

1905 — заканчивает четвертый класс начальной школы.

1907 — в городе Сисак работает сначала официантом, а потом подмастерьем в слесарной мастерской.

1910 — вступает в Социал-демократическую партию Хорватии и Славонии и Союз рабочих-металлистов. Участвует в первых рабочих демонстрациях.

1912, август — 1913, осень — работает на предприятиях Чехословакии, Германии, Австрии.

1913 — призван в армию Австро-Венгрии.

1914–1915 — участвует в боях Первой мировой войны на сербском и русском фронтах. Попадает в плен.

1915–1917 — находится в лагерях военнопленных в Чувашии, Сибири и на Урале.

1917— совершает побег из плена, пробирается в Петроград. Участвует в июльских демонстрациях большевиков. Снова отправлен в лагерь военнопленных. Совершает побег и вступает в Красную гвардию Омска.

1918 — после падения советской власти в Омске скрывается в селе Михайловка, где работает машинистом на мельнице. Венчается с Пелагеей (Полиной) Белоусовой.

1920— вступает в югославскую секцию омской организации РКП(б). Заключает брак с Пелагеей Белоусовой. Вместе с ней возвращается в Хорватию. Вступает в Компартию Югославии.

1923 — избран членом Окружного комитета КПЮ Беловарского округа.

Арестован за «коммунистическую пропаганду».

1924, *2 февраля* — у Иосипа и Пелагеи Броз родился сын Жарко.

1927— назначается секретарем профсоюза рабочих-металлистов Загреба, а затем и всей Хорватии.

Июль — избирается организационным секретарем горкома КПЮ Загреба.

14 июля — арестован, приговорен к семи месяцам тюрьмы. До рассмотрения апелляции оставлен на свободе. Переходит на нелегальное положение.

1928, *25–26 февраля* — на VIII конференции загребской организации КПЮ избран секретарем городского комитета.

4 августа — арестован, на «процессе бомбометателей» осужден на пять лет каторги.

1929, февраль — 1934, март — отбывает тюремный срок.

1934, *июль* — нелегально едет в Вену, где встречается с членами ЦК КПЮ.

2 августа — пишет докладную записку в ЦК КПЮ, которую впервые подписывает псевдонимом «Тито».

Декабрь — избран членом политбюро ЦК КПЮ.

29 декабря — решением политбюро направлен на работу в Москву.

1935, февраль — 1936, октябрь — первое посещение СССР.

1936, *19 апреля* — официально расторгает брак с Пелагеей Броз.

13 октября — вступает в брак с немецкой коммунисткой Йоаганной Кениг (псевдоним Эльза Люция Бауэр).

16 октября — уезжает из СССР в Югославию для нелегальной работы.

1938, *май* — в Югославии создается «временное руководство КПЮ».

Сентябрь — декабрь — находится в Москве.

30 декабря — встречается с руководителем Коминтерна Димитровым, который дает ему три месяца, чтобы доказать, что КПЮ «добросовестно проводит указания» Коминтерна.

1939, *февраль — август* — находится на нелегальной работе в Югославии.

Конец августа — с «отчетом о проделанной работе» выезжает в Москву.

26 ноября — возвращается в Югославию.

1940 — живет в Загребе под именем инженера Славко Бабича с женой Марией Шарич (Герта Хаас).

15 октября — в рекомендациях о проведении партконференции впервые назван «секретарем ЦК КПЮ».

19–23 октября — на V конференции КПЮ избран генеральным секретарем ЦК КПЮ.

1941 — знакомится со студенткой Белградского университета Даворьянкой Паунович.

6 апреля — нападение Германии на Югославию.

10 апреля — возглавляет созданный Военный комитет ЦК КПЮ.

27 июня — возглавляет созданный Главный штаб народно-освободительных партизанских отрядов Югославии (НОПОЮ).

16 сентября — выезжает из Белграда на освобожденную партизанами территорию в Западной Сербии;

19 сентября — встречается с руководителем четников

полковником Дражей Михайловичем;

26–27 сентября — Главный штаб НОПОЮ переименован в Верховный штаб, получает звание Верховного главнокомандующего.

1942, *январь — май* — партизанская «Фочинская республика».

Июнь — Тито принимает решение совершить переход из Черногории в северо-западную Боснию, чтобы создать там новую освобожденную территорию.

26–27 ноября — в городе Бихач проходит учредительное заседание Антифашистского веча народного освобождения Югославии (АВНОЮ).

1943, *20 января* — начало наступления немецких войск и их союзников против «Бихачской республики».

Март — битва на реке Неретве; переговоры с немцами об обмене пленными.

Июнь — битва на реке Сутьеске.

24 августа — партизаны занимают город Яйце.

29–30 ноября — в Яйце проходит вторая сессия АВНОЮ. Приняты решения об основных принципах, на которых будет создана новая Югославия. Тито присвоено звание маршала.

1944, *январь* — Тито переносит столицу освобожденной территории в город Дрвар.

25 мая — немцы высаживают десант в Дрваре с целью захватить Тито.

3 июня — советские военные самолеты перебрасывают Тито в итальянский город Бари. Оттуда Тито переезжает на остров Вис.

21 сентября — 4 октября — Тито находится в СССР, где встречается со Сталиным.

25 октября — Тито приезжает в освобожденный Белград.

6 ноября — награжден орденом Народного Героя Югославии.

1945, *7 марта* — в Белграде создается правительство Демократической Федеративной Югославии во главе с Тито.

9 сентября — награжден высшей советской военной наградой — орденом «Победа».

29 ноября — Югославия провозглашена Федеративной Народной Республикой.

1948, *27 марта* — Тито получает письмо Сталина и Молотова с обвинениями в адрес югославского руководства.

12–13 апреля — Пленум ЦК КПЮ выражает поддержку Тито.

29 июня — опубликована резолюция Информбюро «О положении в Коммунистической партии Югославии».

21–28 июля — V съезд КПЮ одобряет курс Тито.

1949, *9 июля* — на Голом острове в Адриатическом море

открыт концлагерь для сторонников резолюции Информбюро.

16–19 ноября — на заседании под Будапештом Коминформ принимает резолюцию «Югославская компартия во власти шпионов и убийц».

1950, *июнь* — начало эксперимента с «рабочим самоуправлением».

2 ноября — Тито делает первую запись в своем дневнике.

1952, *январь* — Тито женится на Йованке Будисавлевич.

2–7 ноября — в Загребе проходит VI съезд КПЮ. КПЮ переименована в Союз коммунистов Югославии (СКЮ).

1953, *14 января* — Тито избран Президентом ФНРЮ.

16–21 марта — находится в Великобритании, встречается с британским премьером Уинстоном Черчиллем.

1954, *16 января* — выступает на внеочередном Пленуме ЦК СКЮ, посвященном делу Милована Джиласа.

12–18 апреля — находится с официальным визитом в Турции.

2–6 июня — посещает Грецию.

7 *октября* — председательствует на заседании правительства, на котором решено одобрить Соглашение с Италией об урегулировании проблемы Триеста.

1955, *январь — февраль* — находится с визитами в Индии и Бирме.

27 мая — 2 июня — принимает советскую делегацию во главе с Хрущевым и Булганиным.

1955, *11 декабря* — ***1956,*** *6 января* — визиты Тито в Эфиопию и Египет.

1956, *1–22 июня* — находится с визитом в СССР.

2–3 ноября — тайный визит Хрущева и Маленкова в резиденцию Тито на Бриони. Переговоры о событиях в Венгрии.

1957, *1–2 августа* — Тито и Хрущев встречаются «один на один» в Румынии.

1958, *19 апреля* — повторно избран Президентом ФНРЮ.

22–26 апреля — проходит VII съезд СКЮ, на котором принята новая Программа СКЮ. Тито избран генеральным секретарем партии.

1958, 23 декабря — 1959, 6 марта — совершает «путь мира» по странам Азии; посещает Индонезию, Бирму, Индию, Цейлон, Египет, Сирию, Судан, Эфиопию и Грецию.

1960, *20 сентября — 11 октября* — участвует в заседании Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке.

1961, *28 февраля — 22 апреля* — посещает с визитами Гану, Того, Либерию, Гвинею, Мали, Марокко, Тунис, ОАР.

1–6 сентября — открывает Конференцию глав государств и правительств неприсоединившихся стран, которая проходит в

Белграде.

1962, *6 мая* — выступает в Сплите на 150-тысячном митинге, на котором критикует «деформации общественных отношений» в Югославии.

3–20 декабря — совершает поездку по Советскому Союзу.

1963, *7 апреля* — принята новая Конституция страны.

18 сентября — 25 октября — посещает Бразилию, Чили, Боливию, Мексику. Встречается с президентом США Джоном Кеннеди.

1964, *3–16 октября* — участвует в работе второй сессии Конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран в Каире.

7–13 декабря — участвует в работе VIII съезда СКЮ. В очередной раз избран генеральным секретарем.

1965, *18 июня — 1 июля* — находился в СССР с официальным визитом.

1966, *19–20 июня* — объявляет, что в его резиденции обнаружены подслушивающие устройства. «Дело Ранковича».

1967, *27 января — 4 февраля* — визиты в СССР и Венгрию.

17 мая — избран президентом республики пятый раз подряд.

Июнь — июль — участвует в совещаниях коммунистических и рабочих партий социалистических стран в Москве и Бухаресте.

1968, *7 января — 5 февраля* — находится с визитами в Афганистане, Пакистане, Камбодже, Индии, Эфиопии и ОАР.

8–30 апреля — посещает Японию, Монголию, Иран и СССР.

29 июня — выступает по телевидению с обращением к югославским студентам.

21 августа — осуждает ввод войск стран Варшавского договора в Чехословакию.

1969, *11–15 марта* — участвует в работе IX съезда СКЮ. Избран председателем партии.

1970, *26 января — 27 февраля* — посещает Танзанию, Замбию, Эфиопию, Кению, Судан, ОАР и Ливию.

Сентябрь — предлагает создать коллективный орган власти, который заменил бы его после смерти.

1971, *апрель* — начало выступлений студентов в Загребе.

1–2 декабря — требует от хорватских руководителей «отречься от национализма». Хорватское руководство отправлено в отставку. Подавление студенческих выступлений.

1972, *24 мая* — награжден вторым орденом Народного Героя Югославии.

По случаю 80-летия награжден советским орденом Ленина.

5–10 июня — находится с официальным дружественным визитом в СССР.

9–13 октября — встречается с руководством Сербии. Сербское руководство уходит в отставку.

Декабрь — начало кампании по выдвижению Тито на соискание Нобелевской премии мира.

1973, *2–10 сентября* — участвует в работе IV Конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран в Алжире.

16 октября — голосование в Комитете по присуждению Нобелевской премии мира. Тито премию не получает.

1974, *январь* — по указанию Тито создается партийная комиссия для расследования поведения его супруги — «товарища Йованки».

21 февраля — принята новая Конституция СФРЮ. Тито провозглашен пожизненным президентом республики.

27–30 мая — X съезд СКЮ. Тито избран председателем СКЮ «без ограничения срока мандата».

1975, *29 июля — 1 августа* — возглавляет югославскую делегацию на Конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе в Хельсинки.

1976, *10–22 марта* — посещает Мексику, Панаму, Венесуэлу и Португалию.

29–30 июня — во главе югославской делегации участвует в работе Конференции коммунистических и рабочих партий Европы в Берлине.

16–19 августа — возглавляет югославскую делегацию на V Конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран, которая проходит в Коломбо (Шри-Ланка).

1977, *16 мая* — награжден третьим орденом Народного Героя Югославии.

14 июня — Йованка Броз последний раз появляется «в свете» — на приеме в честь премьер-министра Норвегии.

16 августа — 7 сентября — визиты в Китай и КНДР.

Сентябрь — Тито и Йованка расстаются.

1978, *7–9 марта* — посещает США.

10–11 марта — находится с рабочим дружественным визитом в Великобритании, где его принимает королева Елизавета II.

20–23 июня — в Белграде проходит XI съезд СКЮ — последний, в котором принимает участие Тито.

1979, *1—12 февраля* — посещает Кувейт, Ирак, Сирию и Иорданию.

16–21 мая — находится с визитом в СССР.

28 мая — 5 июня — посещает Алжир, Ливию и Мальту.

29 августа — 9 сентября — участвует в работе VI

Конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран, которая проходит в Гаване.

15–18 октября — совершает поездку в Косово.

2–4 ноября — находится с визитом в Румынии.

28 декабря — записывает новогоднее телеобращение к гражданам Югославии.

31 декабря — встречает Новый год в кругу семьи и друзей в своей резиденции Караджорджево.

***1980,** 3 января* — прибывает в Любляну на медицинское обследование.

5 января — выписан из больницы после обследования.

13 января — оперирован в Клиническом центре в Любляне.

20 января — ампутация левой ноги. Ухудшение состояния здоровья.

4 мая — скончался в Клиническом центре Любляны.

8 мая — похоронен в Белграде в саду своей резиденции — Доме цветов.

ЛИТЕРАТУРА

Архивы

Российский государственный архив социально-политической информации (РГАСПИ)

Архив внешней политики МИД РФ (АВП МИД РФ)

Литература на иностранных языках

Броз-Тито Й. Говори и чланци. Загреб, 1959. Кн. 1–9.

Josip Broz Tito. Autobiografska kazivanja. Cetinje, Skopje, Beograd, Ljubljana, 1982. T. 1–2.

Josip Broz Tito. Intervju. Zagreb, Beograd, 1980.

Adamović M. Brozovi strahovi. Kako je čuvan Tito I pokušaji atentata. Beograd, 2001.

Bilandžić D. Historija Socijalističke Federativne Republike Jugoslavije. Glavni procesi. 1918–1985. Zagreb, 1985.

Cenčić V. Enigma Kopinić knj. 1–2, Beograd, 1983.

Cenčić V. Titova posljednja ispovejtst. Beograd, 2001.

Čavoški K. Tito. Tehnologija vlasti. Dosije, Beograd, 1991.

Četvrti plenum Centralnog komiteta Saveza komunista Jugoslavije. Beograd, 1966.

Čulilivić F. Okupatorska podjela Jugoslavije. Beograd, 1970.

Dedijer V. Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. Rieka, Zagreb, Beograd, 1980. T. 1–3.

Dedijer V. Tito Speaks. His Self-Portrait and Struggle with Stalin. 1953.

Đilas M. Pad nove klase. Povest o samorazaranju komunizma. Beograd, 1994.

Đilas M. Druženje s Titom. Beograd, 1990.

Đilas M. Tito. Beograd, 1994.

Djilas M. Wartime. New York, 1977.

Djilas M. Rise and Fall. London, 1985.

Dabčević-Kućar S. 71: hrvatski snovi i stvarnost. II. Zagreb, 1997.

Dimittijević B. JNA ot Staljina do NATO pakta. Beograd, 2005.

Dragi predsedniče Tito. Beograd, 1980.

Husić D. Princ Politbiroa. Beograd, 1988.

Kardelj E. Borba za priznanje i nezavisnost nove Jugoslavije: Sećanja. Beograd, Ljubljana, 1980.

Ivanji I. Titov prevodilac. Beograd, 2005.

Krzisnik-Bukić V. Cazinska buna: 1950. Sarajevo, 1991.
Kuljić T. Tito: sociološkoistorijska studia. Beograd, 1998.
Kuljić T. Tito. Zreljanin, 2005.
Lopušina M. KGB protiv Jugoslavije. Beograd, 2002.
Malaparte C. Kaputt. Firenze, 1964.
Maclean F. Eastern Approaches. London, 1949.
Marković D. Istina o Golom otoku. Beograd, 1987.
Matunović A. Jovanka Broz. Titova suvladarka. Beograd, 2007.
Mićunović V. Moskovske godine. 1956–1958. Zagreb, 1977.
Muravdzić Z. Tito I umetnici. Beograd, 1977.
Obradović M. «Narodna demokratija» u Jugoslaviji. 1945–1952. Beograd, 1995.
Osolnik B. Med svetom in domovina. Spomini. 1945–1981. Novo Mesto, 1992.
Petranović B. Revolucija I kontrarevolucija u Jugoslaviji. 1941–1945. Beograd, 1983.
Pacepa J. Red Horizons: Chronicles of a Communist Spy Chief. London, 1988.
Petranović B., Dautović S. Jugoslovenska revoljucija I SSSR. Beograd, 1988.
Petranović B. Revolucija I kontrarevolucija u Jugoslaviji. 1941–1945. Beograd, 1983.
Pisma CK KPJ i pisma CK SKP(b). Beograd, 1948.
Pomirenje Jugoslavije I SSSR-a. 1953–1955. Tematska zbirka dokumenata. Podgorica, 1999.
Program Saveza komunista Jugoslavije. Beograd, 1976.
Prva decenija radničkog samoupravljanja. Beograd, 1960.
Ridli D. Tito: Biografija. Novi Sad, 1998.
Simić P. Tito: Agent Kominteme. Beograd, 1990.
Simčič M. Žene u titovoj sjeni. Zagreb, 2008.
Simčič M. Tito bez maske. Beograd, 2010.
Se Ids G. Witness To A Century. New York, 1987.
Štaubringer Z., Popović M. Tito u anekdotama. Beograd, 2006.
Štaubringer Z. Titovo istorijsko «пе» staljinizmu. Beograd, 1976.
Štaubringer Z. Titova rezidencija. Beograd, 1970.
Statistički godišnja FNRJ, 1958. Beograd, 1958.
Subota M. Kako smo zabavljali Tita. Beograd, 2010.
Titova poslednja bitka. Beograd, 1981.
Thatcher M. The Path to Power. London, 1995.
Trboviić B., Cosiić I. Titov kuvar. Beograd, 2005.
Vukmanoviić-Tempo S. Revolucija, koja teče. Beograd, 1971. T 1–2.
Wilson D. Tito's Yugoslavia. Cambridge, 1979.

Вучковић З. Сећања из рата. Крагујевац, 2001.

Димитриевић Б. Грађански рат у миру. Улога армије и службе безбедности у обрачуну са политичким противницима Титовог режима 1944–1954. Београд, 2003.

Николић К. Тито говори што народ мисли. Београд, 2006.

Новаковић А. Како је Тито разбијао тикве. Београд, 2004.

Рауш С. Бихаћка операција новембра 1942. Београд, 1950.

Ситић П. Тито — тајна века. Београд, 2010.

Ситић П., Деспот З. Тито. Строго поверљиво. Архивски документи. Београд, 2010. Београд, 2010.

Ситић П. Тито и НАТО. Успон и пад друге Југославије. Београд, 2008.

Титов дневник. Београд, 2009.

Устав Федеративне Народне Републике Југославије. Београд, 1946.

Устав Социјалистичке Федеративне Републике Југославије. Београд, 1963.

Цветковић С. Између спрпа и чекића. Београд, 2006.

V Конгрес КПЈ. Београд, 1948.

Литература на русском языке

Адибеков Г. Коминформ и послевоенная Европа. М., 1994.

Байерляйн Б. Предатель — ты, Сталин! Коминтерн и коммунистические партии в начале Второй мировой войны. 1939–1941: утраченная солидарность левых сил. М., 2011.

Васильева Н., Гаврилов В. Балканский тупик? Историческая судьба Югославии в XX веке. М., 2000.

Вишневская Г. Галина. История жизни. М., 1991.

Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. М.; Новосибирск, 1997. Т. 1–2.

Гайдар Е. Дни поражений и побед. Сочинения: В 2 т. М., 1997.

Георгий Жуков: Документы. М., 2001.

Гибианский Л. Советский Союз и новая Югославия. 1941–1944. М., 1987.

Гиренко Ю. Сталин — Тито. М., 1991.

Голованов А. Дальняя бомбардировочная: Воспоминания Главного маршала авиации. 1941–1945. М., 2007.

Голяховский В. Путь хирурга: Полвека в СССР. М., 2005.

Городецкий Г. Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз. М., 2008.

Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992.

Дробязко С., Романько О., Семенов К. Иностранные формирования Третьего рейха. М., 2009.

Едемский А. От конфликта к нормализации: Советско-югославские отношения в 1953–1956 гг. М., 2008.

Ефимов Б. Десять десятилетий. М., 2000.

За Балканскими фронтами Первой мировой войны /Отв. ред. В. Н. Виноградов. М., 2002.

История Югославии. М., 1963. Т. 1–2.

Крамола. Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневе. 1953–1982 гг. Рассекреченные документы Верховного суда и Прокуратуры СССР /Под ред. В. А. Козлова и С. В. Мироненко. М., 2005.

Лаврентий Берия. 1953: Документы. М., 1999.

Мальцев О. Югославская трагедия. М., 1952.

Маркович Д. Голый остров. М., 2001.

Оглашению не подлежит: СССР — Германия. 1939–1941: Документы и материалы. М., 1991.

Отношения СССР (России) с Югославией. 1941–1948 гг.: Документы и материалы. М., 1998.

Очерки истории российской внешней разведки. М., 2003.

Пилько Н. Словения в годы оккупации. 1941–1945. СПб., 2009.

Прозументщиков М. Большой спорт и большая политика. М., 2004.

Раскольников Ф. Кронштадт и Питер в 1917 году. М., 1990.

Ривели М. А. Архиепископ геноцида. Монсеньор Степинац, Ватикан и усташская диктатура в Хорватии 1941–1945. М., 2011.

Сталин и холодная война /Отв. ред. А. Чубарьян. М., 1997.

Симонов К. В эти годы. М., 1951.

Симонов К. Глазами человека моего поколения. М., 1988.

Симонов К. Югославская тетрадь. М., 1945.

Смирнова Н. История Албании в XX веке. М., 2003.

Слуцкий Б. Записки о войне // О других и о себе. М., 2005.

Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953: Документы. Т. 1. 1944–1948. М., 1999.

Судоплатов П. Разведка и Кремль. М., 1996.

Суходрев В. Язык мой — друг мой: От Хрущева до Горбачева. М., 1999.

Тимофеев А. Русский фактор. Вторая мировая война в Югославии. 1941–1945. М., 2010.

Тимофеев А. Сербские союзники Гитлера. М., 2011.

Уэст Р. Иосип Броз Тито. Власть силы. Смоленск, 1997.

Ходжа Э. Титовцы: Исторические записки. Тирана, 1983.

Хрущев Н. С. Время. Люди. Власть: Воспоминания. М., 1999.

Хрущев С. Рождение сверхдержавы. М., 2000.

Шарый А. После дождя: Югославские мифы старого и нового века. М., 2002.

Шахин Ю. Югославия на пути модернизации. 1947–1961. М., 2008.

Черняев А. Совместный исход: Дневниковые записи: 1972–1991 годы. М., 2008.

Черчилль У. Вторая мировая война. М., 1991. Кн. 1–3.

Статьи и публикации в СМИ

Гајић Ј. Четири деценије од студентског протеста // Политика. 11.05.2008.

Ђорђевић М. Историја титоизма. Политика. 6.12.1994.

Bošnjak B. Poslednja ljubavnica Josipa Broza živi u Beogradu // Standard Magazin. 21.03.2007.

Branković B. I Kastro je video Tita//Дневник. 30.12.2010.

Dimitrović R. Krvavo nedeljno jutro u gradu Karkahente //Pecat. 22.07.2010.

Djermano Senjajević čićo. Trodnevna radost // Novi list. 7.10.2010.

Đukić S. Tito i ’68. Politička akrobatika *I I* Политика. 26.05.2008.

Đukić R. Nobel — Titova izgubljena ofanziva //Вечернье новости. 29.09.2003.

Lopušina M. Bio opasniji od Karlosa *I I* Вечернье новости. 12.11.2008.

Krivokapić B. Pucanj u Kardelja (a ubistvo Rankovića) // Побједа. 29.09.2006.

Lalić V. Draza Mihajlovic na strasnom sudu. Pres magazine. 2009. 21 jun.

Skrozza T. Potomci I naslednici Josipa Broza Tita // Vreme. br. 957. 7.05.2009.

Smiljić N. Manekeni lošeg ponašanja // Вечернье новости. 24.11.2003.

Miljutinović M. Staljin pokopan u Zemunu *11* Danas. 10.05.1988.

Pismo piše Andrić // Вечернье новости. 29.09.2003.

Popov N. Beogradski jun 1968 // Вечернье новости. 23.06.2008.

Popović R. Nigde «gvozdene zavese» // Вечернье новости. 15.02.2008.

Stamenković D. Zavera ranije skovana // Вечернье новости. 20.01.2003.

Stanković S. Yugoslavia in 1977 // OSA — Radio Free Europe

Zlatica Broz: Tito je bio i dedek i državnik // Blic. 4.05.2010.

Vučićević D. Maršalu «na uvce» // Глас явности.

Бондарев Н. Московский период в биографии Иосипа Броз Тито: через коминтерновские структуры к руководству КПЮ. 1935–1936 //Диссертация на соискание степени кандидата исторических наук. М., 2007.

Бухаркин Н., Гибианский Л. Первые шаги конфликта // Рабочий класс и современный мир. 1990. № 5.

Гибианский Л. У начала советско-югославского конфликта // Рабочий класс и современный мир. 1990. № 2.

Днепров Г. Заметки о югославской внешней политике // Новое время. 7.09.1962.

Доронина И. «В XXI век я смотрю с надеждой»: Интервью с М. Михайловым // Дружба народов. 2000. № 2.

Жирнов Е. Пропущенные через Тито // Коммерсантъ-Власть. 3.04.2001.

Жук А. Записки военного атташе в Югославии // Военно-исторический архив. 2005. № 5.

Куге А. Судьба вдовы: Где жила последние 30 лет Йованка Броз // Радио «Свобода». 1.07.2009.

Латышев Л. Жаркое лето 1948 года // Открывая новые страницы… Международные вопросы: события и люди / Сост. Н. В. Попов. М., 1989.

Львовский М. Крымские забавы советских генсеков // Сегодня. 22.08.2008.

Марьина В. Г. Димитров и Кремлевские вожди: 1934–1948 гг. // Международный исторический журнал. 2000. № 12.

Моргулес И. Записки обжоры // Уральская новь. 2002. № 12.

Резепов Е. Президент и его женщина // Русский мир. 2009. № 2.

Романенко С. «Хорватская весна» и советско-югославские отношения на рубеже 1960–1970-х годов // Славяноведение. 2008. № 3.

Сальков А. Проблема Юлийской Крайны (Венеции-Джулии) в советской международной политике. 1918–1945 гг. // Российские и славянские исследования: Научный сборник. Минск, 2009. Т. 4.

Семенов И. Царские охоты советских вождей // Родина. 2008. № 8.

Славин Г. Об откликах в СССР на восстание в Югославии. 1941 г. // Советское славяноведение. 1972. № 4.

Фролов В. Иосип Броз Тито в Омске // Омская правда. 17–18.07.1990.

Сетевые публикации и ресурсы

http://www.rusarchives.ru/evants/exhibitions/stalin_tito_f/33.shtm

www.litrossia.ru/archive/73/history/1712.php

(http://archive.svoboda.org/programs/hd/2003/hd.092 603. asp)

Glišić V. O sukobu Stambolića i Rankovića/ //Pecat. 7.01.2010 // http://www.pecat.co.rs/2010/01/o-sukobu-stambolica-i-rankovica/

Ардов М. Горестные заметки //http://st-rexnikolas.narod.ru/book/GZ/ page2. html

Блюм А. Запретные книги русских писателей и литературоведов. 1917–1991. Индекс советской цензуры с комментариями //http://www.opentextn.ru/censorship/russia/sov/libraries/books/blium/ilp/

Бондарев Н. Иосип Броз Тито на службе Коминтерна: Тайны биографии лидера Югославии //www.otechestvo.org.ua/main/20078/2311.htm

Гуськова Е. Албанское сецессионистское движение в Косове // http://www.guskova.ru/w/wars/2003— mar

Космач Е. Дж. Кеннеди и Югославия: выработка внешнеполитического курса США // http://www.srpska.ru/article.php?nid = 13 273&sq = $sq

Лошиц Ю. Генерал Дража и товарищ Тито // www.liveintemet.ru/users/3048019/post 116416261/

Медведев Р. Хрущев: Политическая биография // http://www.Modern-Lib.ru/books/medvedev_roy_aleksandrovich/ns_hruschev_politicheskaya_bi-ografiya/readl

Миличевич П. О письмах Сталина и Молотова Тито и Карделю в 1948 году // http://postrana.narod.ru/revpage7.html

Николич М. 1968: студенческий протест в Югославии //http://scepsis.ru/library/id_1420.html

Романенко С. «Перестройка» и/или «самоуправленческий социализм»? М. С. Горбачев и судьба Югославии //Славянский альманах. 2006. //http://slav-almanakh.narod.ru/2006/Romanenko.htm

Романько О. За фюрера и поглавника. Вооруженные силы «Независимого государства Хорватия» и хорватские добровольческие формирования во Второй мировой войне (1941–1945)// http://lib.rus.ec/b/213756/read

Старинов И. Мины замедленного действия: Размышления партизана-диверсанта // http://lib.ru/MEMUARY/STARINOW/zapiski2.txt

Травин Д., Маргания О. Европейская модернизация //http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Trav/22.php

notes

Примечания

1

Josip Broz Tito. Autobiografska kazivanja. Cetinje, Skopje, Beograd, Ljubljana, 1982. T. 2. S. 223.

2

Совершенно секретно. 1999. № 7. С. 123.

3

Dedijer V. Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. Rieka, Zagreb, 1980. T.2.S. 151.

Dedijer V. Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. Rieka, Zagreb, 1980. T. 1.S. 25.

5

Ситић П., Деспот З. Тито. Строго поверљиво. Архивски документи. Београд, 2010. С. 40, 41.

Dedijer V. Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. Rieka, Zagreb, 1980. T.1.S. 22.

Ibid. S. 527.

Dedijer V. Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. Rieka, Zagreb, 1980. T. 1.S. 41–47.

Ibid. S. 47.

Dedijer V. Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. Rieka, Zagreb, 1980. T. 1. S. 534.

Ridli D. Tito. Biografija. Novi Sad, 1998. S. 54.

12

Josip Broz Tito. Autobiografska kazivanja. Cetinje, Skopje, Beograd, Ljubljana, 1982. T. 1.S. 24.

13

Dedijer V. Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. Rieka, Zagreb, 1980. T. 1. S. 247.

Ситић П. Тито — тајна века. Београд, 2010.С.28.

15

Dedijer V. Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. Rieka, Zagreb, 1980. T. 1. S. 33, 247.

16

Josip Broz Tito. Autobiografska kazivanja. Cetinje, Skopje, Beograd, Ljubljana, 1982. T. 1 S.33,34,63,64.

17

Josip Broz Tito. Autobiografska kazivanja. Cetinje, Skopje, Beograd, Ljubljana, 1982. T. 1 S.38.

18

Ibid.

19

Ibid.

Dedijer V. Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. Rieka, Zagreb, 1980. T. 1. S. 68,68.

21

Josip Broz Tito. Autobiografska kazivanja. Cetinje, Skopje, Beograd, Ljubljana, 1982. T. 1. S. 45.

Ситић П. Тито — тајна века. Београд, 2010. С. 31.

Simčič M. Zene u titovoj sjene. Zagreb, 2008. S. 92.

24

Цит. по: *Гиренко Ю.* Сталин — Тито. М., 1991. С. 19.

Фролов В. Иосип Броз Тито в Омске //Омская правда. 1990. 17–18 июля.

Josip Broz Tito. Autobiografska kazivanja. Cetinje, Skopje, Beograd, Ljubljana, 1982. T. 1.S. 45.

Ibid. S. 50.

Simčič M. Zene u titovoj sjene. Zagreb, 2008. S. 94.

Dedijer V. Tito Speaks. His Self-Portrait and Struggle with Stalin. 1953. P. 38, 39.

Ситић П. Тито — тајна века. Београд, 2010. С. 34.

31

Ситић П. Тито — тајна века. Београд, 2010. С. 34.

Ridli D. Tito: Biografija. Novi Sad, 1998. S. 73.

Dedijer V. Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. Rieka, Zagreb, 1980. T. 1.S. 121.

Цит. по: *Ridli D.* Tito: Biografija. Novi Sad, 1998. S. 78.

35

Цит. по: *Ситић П. Тито — тајна века. Београд, 2010.* С. 35.

История Югославии. М. 1963. Т. 2 С.73.

Dedijer V. Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. Rieka, Zagreb, 1980. T. 2.S. 275.

Ridli D. Tito. Biografija. Novi Sad, 1998. S. 95.

Simčič M. Žene u titovoj sjene. Zagreb, 2008. S. 98.

Dedijer V. Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. Rieka, Zagreb, 1980. T. 1.S. 164.

41

Ibid. S. 169.

Josip Broz Tito. Autobiografska kazivanja. Cetinje, Skopje, Beograd, Ljubljana, 1982. T. 1.S. 87,88.

43

Цит. по: *Гиренко Ю.* Сталин — Тито. М., 1991. С. 35.

Ridli D. Tito: Biografija. Novi Sad, 1998. S. 106.

Ibid. S.210.

Dedijer V. Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. Rieka, Zagreb, 1980. T. 1.S. 217–218.

Цит. по: *Гиренко Ю.* Сталин — Тито. М., 1991. С. 38.

Цит. по: *Гиренко Ю.* Сталин — Тито. М., 1991. С. 45.

49

Цит. по: *Ситић П. Тито — тајна века. Београд, 2010.* С. 69.

Ibid. C. 49.

51

Бондарев Н. Московский период в биографии Иосипа Броза Тито: через коминтерновские структуры к руководству КПЮ. 1935–1936 //Диссертация на соискание степени кандидата исторических наук. М., 2007. С. 108, 109.

Бондарев Н. Московский период в биографии Иосипа Броза Тито: через коминтерновские структуры к руководству КПЮ. 1935–1936 //Диссертация на соискание степени кандидата исторических наук. М., 2007. С. 126–163.

Ridli D. Tito: Biografija. Novi Sad, 1998. S. 112.

Ситић П., Деспот З. Тито. Строго поверљиво. Архивски документи. Београд, 2010. С. 63, 64.

Cenčić V. Enigma Kopinić. Beograd, 1983. T. 1. S. 91.

Гиренко Ю. Сталин — Тито. М., 1991. С. 43.

Cenčić V. Enigma Kopinić. Beograd, 1983. T. 1. S. 102.

Фролов В. Иосип Броз Тито в Омске //Омская правда. 1990. 18 июля.

59

Dedijer V. Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. Rieka, Zagreb, 1980. T. 2. S. 322, 323.

Цит. по: *Гиренко Ю.* Сталин — Тито. М., 1991. С. 70.

61

Ситић П. Тито — тајна века. Београд, 2010. С. 77.

Гиренко Ю. Сталин — Тито. М., 1991. С. 70.

Simčič M. Žene u titovoj sjeni. Zagreb, 2008. S. 99—108.

Ситић П. Тито — тајна века. Београд, 2010. С. 74.

65

Бондарев Н. Московский период в биографии Иосипа Броза Тито: через коминтерновские структуры к руководству КПЮ (1935–1936)// Диссертация на соискание степени кандидата исторических наук. М., 2007. С. 222–224.

Бондарев Н. Московский период в биографии Иосипа Броза Тито: через коминтерновские структуры к руководству КПЮ (1935–1936)// Диссертация на соискание степени кандидата исторических наук. М., 2007. С. 233.

Dedijer V. Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. Rieka, Zagreb, 1980. T. 1.S. 552.

Dedijer V. Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. Rieka, Zagreb, 1980. T. 1.S. 552.

69

Ситић П., Деспот З. Тито. Строго поверљиво. Архивски документи. Београд, 2010. С. 70.

Старинов И. Мины замедленного действия: размышления партизана-диверсанта. http://lib.ru/MEMUARY/STARINOW/zapiski2.txt

Dedijer V. Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. Rieka. Zagreb, 1980. T. l.S. 552.

Danas. 2.07.1986.

73

Цит. по: *Simić P.* Uto. Agent Kominteme. Beograd, 1990. S. 78.

Dedijer V. Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. Rieka, Zagreb, 1980. T. l.S. 237.

Dedijer V. Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. Rieka, Zagreb, 1980. T. l.S. 136.

Цит. по: *Гиренко Ю.* Сталин — Тито. М., 1991. С. 57.

Там же. С. 57, 58.

Цит. по: *Simić P.* Tito. Agent Kominteme. Beograd, 1990. S. 146.

Ridli D. Tito: Biografija. Novi Sad, 1998. S. 126.

Dedijer V. Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. Rieka, Zagreb, 1980. T. l.S. 240.

81

Ibid.

82

Цит. по: *Ситић П. Тито — тајна века. Београд, 2010.* С. 104–109.

Ibid. C. 110–112.

Josip Broz Tito. Autobiografska kazivanja. Cetinje, Skopje, Beograd, Ljubljana, 1982. T. l.S. 211.

Ibid. S.214.

Ситић П. Тито — тајна века. Београд, 2010. С. 99.

Цит. по: *Гиренко Ю.* Сталин — Тито. М., 1991. С. 65, 66.

Цит. по: *Simić P.* Tito. Agent Kominteme. Beograd, 1990. S. 165.

Ситић П. Тито — тајна века. Београд, 2010. С. 102.

Цит. по: *Гиренко Ю.* Сталин — Тито. М., 1991. С. 71.

Simić P. Tito. Agent Kominteme. Beograd, 1990. S. 171.

Цит. по: *Dedijer V.* Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. Rieka, Zagreb, 1980. T. 2. S. 325.

Ibid. S. 127.

94

Цит. по: *Байерляйн Б.* Предатель — ты, Сталин! Коминтерн и коммунистические партии в начале Второй мировой войны. 1939–1941: Утраченная солидарность левых сил. М., 2011. С. 218.

Цит. по: *Cenčić У.* Enigma Kopinić. Beograd, 1983. T. 1. S. 121.

Josip Broz Tito. Autobiografska kazivanja. Cetinje, Skopje, Beograd, Ljubljana, 1982. T. l.S. 121.

Josip Broz Tito. Autobiografska kazivanja. Cetinje, Skopje, Beograd, Ljubljana, 1982. T. l.S. 223.

Цит. по: *Гиренко Ю.* Сталин — Тито. М., 1991. С. 75.

Simčič M. Žene u titovoj sjeni. Zagreb, 2008. S. 136.

100

Судоплатов П. Спецоперации: Лубянка и Кремль. 1930–1950. М., 1998. С. 178.

101

Цит. по: *Гиренко Ю.* Сталин — Тито. М., 1991. С. 86.

Вестник МИД СССР. 1989. № 15. С. 55–63.

Там же. С. 55–69.

Там же. С.180

105

Dedijer K Tito Speaks His Self-Portrait and Struggle with Stalin. 1953. P. 134.

Dedijer V. Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. Rieka. Zagreb, 1980. T. l.S. 268.

107

Отношения СССР (России) с Югославией. 1941–1948 гг.: Документы и материалы. М., 1998. С. 37–38, 52.

Цит. по: *Гиренко Ю.* Сталин — Тито. М., 1991. С. 91.

109

Josip Broz Tito. Autobiografska kazivanja. Cetinje, Skopje, Beograd, Ljubljana, 1982. T. l.S. 253.

110

Цит. по: *Гиренко Ю.* Сталин — Тито. М., 1991. С. 94.

111

Dedijer V. Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. Rieka, Zagreb, 1980. T. 1. S. 274.

112

Dedijer V. Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. Rieka. Zagreb, 1980. T. 2. S. 388.

Ibid. S. 275.

Bilandžić D. Historija Socijalističke Federativne Republike Jugoslavije. Glavni procesi. 1918–1985. Zagreb, 1985. S. 43.

115

Романько О. За фюрера и поглавника. Вооруженные силы «Независимого государства Хорватия» и хорватские добровольческие формирования во Второй мировой войне (1941–1945) // http://lib.rus.ec/b/213756/read

116

Ривели М. А. Архиепископ геноцида. Монсеньор Степинац, Ватикан и усташская диктатура в Хорватии 1941–1945. М., 2011. С. 41.

117

Уэст Р. Иосип Броз Тито. Власть силы. Смоленск, 1997. С. 106–107.

118

Ривели М. А. Архиепископ геноцида. Монсеньор Степинац, Ватикан и усташская диктатура в Хорватии 1941–1945. М., 2011. С. 41, 99—100.

119

Čulilivić F. Okupatorska podjela Jugoslavije. Beograd, 1970. S. 324.

Malaparte C. Kaputt. Firenze, 1964. C. 429.

121

Байерляйн Б. Предатель — ты, Сталин! Коминтерн и коммунистические партии в начале Второй мировой войны. 1939–1941: утраченная солидарность левых сил. М., 2011. С. 410.

Štaubringer Z., Popović M. Tito u anekdotama. Beograd, 2006. S. 66.

123

Dedijer V. Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. Rieka, Zagreb, 1980. T. 1. S. 305–306.

Лошиц Ю. Генерал Дража и товарищ Тито // www.liveintemet.ru/users/3048019/post116416261/

Ridli D. Tito: Biografija. Novi Sad, 1998. S. 160.

126

Цит. по: *Гиренко Ю.* Сталин — Тито. М., 1991. С. 110.

127

Цит. по: *Байерляйн Б.* Предатель — ты, Сталин! Коминтерн и коммунистические партии в начале Второй мировой войны. 1939–1941: утраченная солидарность левых сил. М., 2011. С. 535.

Ridli D. Tito: Biografija. Novi Sad, 1998. S. 161.

129

Лошиц Ю. Генерал Дража и товарищ Тито // www.liveintemet.ru/users/3048019/post116416261/

Цит. по: *Гиренко Ю.* Сталин — Тито. М., 1991. С. 112.

Ситић П. Тито — тајна века. Београд, 2010. С. 154.

132

См., например: *Гибианский Л.* Советский Союз и новая Югославия. 1941–1944. М., 1987. С. 40–41.

Djilas M. Wartime. New York. 1977. P. 96.

Petranović B. Revolucija I kontrarevolucija u Jugoslaviji. 1941–1945. Beograd, 1983. S. 300.

Josip Broz Tito. Autobiografska kazivanja. Cetinje, Skopje, Beograd, Ljubljana, 1982. T. l.S. 281.

Ibid. S. 283.

Djilas M. Wartime. New York, 1977. P. 118–119.

Вучковић З. Сећања из рата. Крагујевац, 2001. С. 187.

Djilas M. Wartime. New York, 1977. P. 121.

Цит. по: *Гиренко Ю.* Сталин — Тито. М., 1991. С. 128.

Ridli D. Tito: Biografija. Novi Sad, 1998. S. 165.

Ibid. S. 166–167.

143

Štaubringer Z., Popović M. Tito u anekdotama. Beograd, 2006. S. 74–75.

Djilas M. Wartime. New York, 1977. P. 176.

Simčič M. Žene u titovoj sjeni. Zagreb, 2008. S. 136.

146

Цит. по: *Гиренко Ю.* Сталин — Тито. М., 1991. С. 135–136.

http://www.rusarchives.ru/evants/exhibitions/stalin_tito_f/33.shtm

148

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 595. Л. 25.

149

Dedijer V. Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. Rieka, Zagreb, 1980. T. l.S. 324.

Dedijer V. Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. Rieka, Zagreb. 1980. T. l.S. 325.

Ibid. S. 329.

Dedijer V. Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. Rieka, Zagreb, 1980. T. 1. S. 335.

153

Рауш С. Бихаћка операција новембра 1942. Београд, 1950.

Josip Broz Tito. Autobiografska kazivanja. Cetinje, Skopje, Beograd, Ljubljana, 1982. T. l.S. 341.

155

Славин Г. Об откликах в СССР на восстание в Югославии. 1941 г. // Советское славяноведение. 1972. № 4.

Dedijer V. Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. Rieka, Zagreb, 1980. T. l.S. 359.

157

Ситић П., Деспот З. Тито. Строго поверљиво. Архивски документи. Београд, 2010. С. 105–106.

http://sr.wikipedia.org/sr/OiHKa: BTito_potemica.jpg

159

Цит. по: *Гиренко Ю.* Сталин — Тито. М., 1991. С. 150.

160

Цит. по: *Уэст Р.* Иосип Броз Тито. Власть силы. Смоленск, 1997. С. 186.

Симонов К. Югославская тетрадь. М., 1945.

Djilas M. Wartime. New York, 1977.

163

Цит. по: *Гиренко Ю.* Сталин — Тито. М., 1991. С. 154.

Ridli D. Tito: Biografija. Novi Sad, 1998. S. 194.

Simčič M. Žene u titovoj sjeni. Zagreb, 2008. S.131.

Ibid. S. 126.

167

Цит. по: *Гиренко Ю.* Сталин — Тито. М., 1991. С. 157.

Josip Broz Tito. Autobiografska kazivanja. Cetinje, Skopje, Beograd, Ljubljana, 1982.T. l.S. 352–353.

169

Ibid. S. 357.

Djilas M. Wartime. New York, 1977. P. 248.

Ridli D. Tito: Biografija. Novi Sad, 1998. S. 196.

Dedijer V. Tito Speaks. His Self-Portrait and Struggle with Stalin. 1953. P. 11–12.

173

Цит. по: *Гиренко Ю.* Сталин — Тито. М., 1991. С. 159–160.

Dedijer V. Tito Speaks. His Self-Portrait and Struggle with Stalin. 1953. P. 302.

175

Черчилль У. Вторая мировая война. М… 1991. Кн. 3. С. 258.

Maclean F. Eastern Approaches. London, 1949. P. 402.

177

Ibid. P. 402–403.

Цит по: *Гиренко Ю.* Сталин — Тито. М., 1991. С. 159–166.

Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 15.

Josip Broz Tito. Autobiografska kazivanja. Cetinje, Skopje, Beograd, Ljubljana, 1982.T. l.S. 373.

181

Гиренко Ю. Сталин — Тито. М., 1991. С. 170.

Dedijer V. Tito Speaks. His Self-Portrait and Struggle with Stalin. 1953. P. 204–205.

Djilas M. Wartime. New York, 1977. P. 363.

Цит. по: *Ситић П. Тито — тајна века. Београд, 2010.* С. 164.

185

Štaubringer Z., Popović M. Tito u anekdotama. Beograd, 2006. S. 85.

Черчилль У. Вторая мировая война. М., 1991. Кн. 3. С. 263.

Голованов А. Дальняя бомбардировочная: Воспоминания Главного маршала авиации. 1941–1945. М., 2007. С. 508.

Черчилль У. Вторая мировая война. М., 1991. Кн. 3. С. 265–268.

189

Цит. по: *Гиренко Ю.* Сталин — Тито. М., 1991. С. 185.

Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 18.

191

Там же. С. 47.

Там же. С. 51–59.

193

АВП РФ. Ф. 012. Оп. 5. П. 70. Д. 251. Л. 13.

194

Война и рабочий класс. 1944. № 11.

Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 63.

Ridli D. Tito: Biografija. Novi Sad, 1998. S. 209.

Kuljić T. Tito. Zreljanin, 2005. С. 302–308.

Djilas M. Wartime. New York, 1977. P. 346.

Josip Broz Tito. Autobiografska kazivanja. Cetinje, Skopje, Beograd, Ljubljana, 1982. T. l.S. 377.

Ibid. S. 378–380.

Ibid. S. 380.

202

Цит. по: *Николић К.* Тито говори што народ мисли. Београд, 2006. С. 40.

Josip Broz Tito. Autobiografska kazivanja. Cetinje, Skopje, Beograd, Ljubljana, 1982.T. l.S. 381,382.

Голованов А. Дальняя бомбардировочная: Воспоминания Главного маршала авиации. 1941–1945. М., 2007. С. 509, 510.

Djilas M. Wartime. New York, 1977. P. 392, 393.

Голованов А. Дальняя бомбардировочная: Воспоминания Главного маршала авиации. 1941–1945. М., 2007. С. 212–214.

Dedijer V. Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. Rieka, Zagreb, 1980. T. l.S. 378.

Черчилль У. Вторая мировая война. М., 1991. Кн. 3. С. 380.

209

Dedijer V. Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. Rieka, Zagreb. 1980. T. l.S. 378–379.

Черчилль У. Вторая мировая война. М., 1991. Кн. 3. С. 381.

Уэст Р. Иосип Броз Тито. Власть силы. Смоленск, 1997.С.233

Ridli D. Tito: Biografija. Novi Sad, 1998. S. 223.

213

Štaubringer Z., Popović M. Tito u anekdotama. Beograd, 2006. S. 115.

Maclean F. Eastern Approaches. London, 1949. P. 518.

Dedijer V. Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. Rieka, Zagreb, 1980. T. 1.

Старинов И. Мины замедленного действия: размышления партизана-ди-версанта // http://lib.ru/MEMUARY/STARINOW/zapiski2.txt

217

Черчилль У. Вторая мировая война. М., 1991. Кн. 3. С. 448, 449.

Djilas M. Wartime. New York, 1977. P. 422.

219

Dedijer V. Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. Rieka, Zagreb, 1980. T. 3. S.138

Ibid. S. 646.

221

Adamović M. Brozovi strahovi. Kako je čuvan Tito I pokušaji atentata. Beograd, 2001. S. 14.

222

Политика. 28.10.1944.

Гиренко Ю. Сталин — Тито. М., 1991. С. 254.

Слуцкий Б. Записки о войне //О других и о себе. М., 2005. С. 75.

Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 67.

Ситић П., Деспот З. Тито. Строго поверљиво. Архивски документи. Београд, 2010. С. 141.

Ibid. C. 143, 144.

Kardelj E. Borba za priznanje i nezavisnost nove Jugoslavije: Sećanja. Beograd, Ljubljana, 1980. S. 67.

Джилас М. Лицо тоталитаризма. М… 1992. С. 78.

Джилас М. Лицо тоталитаризма. М… 1992. С. 82–85.

231

Красная звезда. 15.04.1945.

Ривели М. А. Архиепископ геноцида. Монсеньор Степинац, Ватикан и усташская диктатура в Хорватии 1941–1945. М., 2011. С. 157–158.

Гибианский Л. Сталин и триестинское противостояние 1945 г.: за кулисами первого международного кризиса холодной войны / *Гибианский Л.* Сталин и холодная война. М., 1997. С. 44–62.

Цит. по: *Гиренко Ю.* Сталин — Тито. М., 1991. С. 275.

235

Цит. по: *Гиренко Ю.* Сталин — Тито. М., 1991. С. 278.

Очерки истории внешней разведки. М., 2003. С. 307.

237

Правда. 10.09.1945.

Гибианский Л. Советский Союз и новая Югославия. 1941–1947 гг. М., 1987. С. 166.

Димитриевић Б. Грађански рат у миру. Улога армије и службе безбедности у обрачуну са политичким противницима Титовог режима 1944–1954. Београд, 2003. С. 18–19.

Ridli D. Tito: Biografija. Novi Sad, 1998. S. 240.

Димитриевић Б. Грађански рат у миру. Улога армије и службе безбедности у обрачуну са политичким противницима Титовог режима 1944–1954. Београд, 2003.С. 33.

Ситић П. Тито — тајна века. Београд, 2010. С. 212.

Цит. по: *Ridli D.* Tito: Biografija. Novi Sad, 1998. S. 240.

Дуга. 1990. Бр. 424. С. 119–120.

245

Цит. по: *Dedijer V.* Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. Beograd, 1980. T. 3. S. 163.

Слуцкий Б. Записки о войне // О других и о себе. М., 2005. С. 64.

Димитриевић Б. Грађански рат у миру. Улога армије и службе безбедности у обрачуну са политичким противницима Титовог режима 1944–1954. Београд, 2003. С. 51–85.

248

Борба. 13.09.1945.

Bilandžić D. Historija Socijalističke Federativne Republike Jugoslavije. Glavni procesi 1918–1985. Zagreb, 1985. S. 101–105.

Цветковић С. Између спрпа и чекића. Београд, 2006. С. 326–327.

251

Николић К. Тито говори што народ мисли. Београд, 2006. С. 110.

252

Политика. 10.09.1945.

253

Ситић П., Деспот З. Тито. Строго поверљиво. Архивски документи. Београд, 2010. С. 184.

254

Политика. 21.09.1945.

255

Политика. 02.12.1945.

Ситић П. Тито — тајна века. Београд, 2010. С. 210.

Устав Федеративне Народне Републике Југославије. Београд, 1946.

258

Политика. 02.02.1946.

*Димитриевић Б. Грађански рат у миру. Улога армије и службе безбедности у обрачуну са политичким противницима Титовог режима 1944–1954. Београд, 2003.*С. 88.

Тимофеев А. Русский фактор. Вторая мировая война в Югославии. 1941–1945. М., 2010. С. 292.

Ridli D. Tito: Biografija. Novi Sad, 1998. S. 248.

Lalić V. Draža Mihajlović na strasnom sudu // Pres magazin. 2009. 21 jun.

263

Уэст Р. Иосип Броз Тито. Власть силы. Смоленск, 1997. С. 342.

Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 95.

Ridli D. Tito: Biografija. Novi Sad, 1998. S. 252.

Štaubringer Z., Popović M. Tito u anekdotama. Beograd, 2006. S. 131.

Selds G. Witness To A Century. New York, 1987. P. 432.

Simčič M. Žene u titovoj sjeni. Zagreb, 2008. S. 141, 142.

Ibid. S. 143.

Josip Broz Tito. Autobiografska kazivanja. Cetinje, Skopje, Beograd, Ljubljana, 1982. T. 2. S. 25.

Dedijer V. Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. Rieka, Zagreb, 1980. T. 1. S. 436–437.

Ситић П., Деспот З. Тито. Строго поверљиво. Архивски документи. Београд, 2010. С. 203.

Ситић П. Тито — тајна века. Београд, 2010. С. 222.

Adamović M. Brozovi strahovi. Kako je čuvan Tito I pokušaji atentata. Beograd, 2001. S. 32–38.

275

Цит. по: *Гиренко Ю.* Сталин — Тито. М., 1991. С. 307–314.

Kardelj E. Borba za priznanje i nezavisnost nove Jugoslavije: Sećanja. Beograd, Ljubljana, 1980. S. 102.

Гиренко Ю. Сталин — Тито. М., 1991. С. 315.

Dedijer V. Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. Rieka, Zagreb, 1980. T. 1. S. 442.

Очерки истории российской внешней разведки. М., 2003. С. 313.

280

Цит. по: *Бухаркин Н., Гибианский Л.* Первые шаги конфликта // Рабочий класс и современный мир. 1990. № 5. С. 160, 161.

281

Там же. С. 162.

Цит. по: *Бухаркин Н., Гибианский Л.* Первые шаги конфликта // Рабочий класс и современный мир. 1990. № 5. С. 162.

283

Dedijer V. Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. Rieka, Zagreb, 1980. T. 1. S. 655, 656.

284

Политика. 11.11.1944.

285

Там же. 12.11.1944.

Там же. 24.05.1946.

287

Николић К. Тито говори што народ мисли. Београд, 2006. С. 296, 297.

Ситић П., Деспот З. Тито. Строго поверљиво. Архивски документи. Београд, 2010.С. 208.

Đilas M. Pad nove klase. Povest o samorazaranju komunizma. Beograd, 1994.S.106,263

290

Симонов К. Глазами человека моего поколения. М., 1988. С. 173–175.

291

Интервью М. Джиласа автору.

Štaubringer Z. Titovo istorijsko «пе» staljinizmu. Beograd. 1976. S. 64.

Dedijer V. Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. Rieka, Zagreb, 1980. T. 3. S. 165.

294

Ходжа Э. Титовцы: Исторические записки. Тирана, 1983. С. 294.

Там же. С. 295–202.

Там же. С. 357.

Ходжа Э. Титовцы: Исторические записки. Тирана, 1983. С. 103.

Гибианский Л. У начала советско-югославского конфликта // Рабочий класс и современный мир. 1990. № 2.

299

Там же.

Васильева Н., Гаврилов В. Балканский тупик. Историческая судьба Югославии в XX веке. М., 2000. С. 217.

Гиренко Ю. Сталин — Тито. М., 1991. С. 325.

Гибианский Л. У истоков советско-югославского конфликта // Рабочий класс и современный мир. 1990. № 2.

303

Цит. по: *Васильева Н., Гаврилов В.* Балканский тупик. Историческая судьба Югославии в XX веке. М., 2000. С. 222.

Josip Broz Tito. Autobiografska kazivanja. Cetinje, Skopje, Beograd, Ljubbljana. 1982. T. 2. S. 25.

305

Цит. по: *Dedijer V.* Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. Beograd, 1980. T. 3. S. 309.

306

Правда. 28.01.1948.

Цит. по: *Гибианский Л.* У начала советско-югославского конфликта// Рабочий класс и современный мир. 1990. № 2.

Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 118.

309

Цит. по: *Гиренко Ю.* Сталин — Тито. М., 1991. С. 334.

Бухаркин Н., Гибианский Л. Первые шаги конфликта // Рабочий класс и современный мир. 1990. № 5.

311

Цит. по: *Гиренко Ю.* Сталин — Тито. М., 1991. С. 334.

Там же. С. 337–338.

313

Там же. С. 339.

Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 122.

315

Там же. С. 124–132; *Dedijer V.* Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. Beograd, 1980. T. 3. S. 123, 288–299, 311–317; *Kardelj E.* Borba za priznanje i nezavisnost nove Jugoslavilje: Sećanja. Beograd, Ljubljana, 1980. S. 111–120.

Марьина В. Г. Димитров и Кремлевские вожди. 1934–1948 гг. // Международный исторический журнал. 2000. № 12.

Марьина В. Г. Димитров и Кремлевские вожди. 1934–1948 гг. // Международный исторический журнал. 2000. № 12.

Новая и новейшая история. 1996. № 2. С.101.

319

Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. М.; Новосибирск, 1997. Т. 1.С.756

Марьина В. Г. Димитров и Кремлевские вожди. 1934–1948 гг. // Международный исторический журнал. 2000. № 12.

Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 133.

Dedijer V. Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. Beograd, 1980. T. 3. S. 259–260.

Ibid. S. 592.

Dedijer V. Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. Beograd, 1980. T. 3. S. 304–306.

325

Цит. по: *Гиренко Ю.* Сталин — Тито. М., 1991. С. 348.

Там же. С. 350.

327

Цит. по: *Гиренко Ю.* Сталин — Тито. М., 1991. С. 353–356.

Латышев Л. Жаркое лето 1948 года // Открывая новые страницы… Международные вопросы: события и люди / Сост. Н. В. Попов. М., 1989. С. 129, 130.

Вопросы истории. 1992. № 4, 5. С. 125, 126.

330

Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1943. М.; Новосибирск, 1997. Т. 1. С. 788, 800.

Цит. по: *Гиренко Ю.* Сталин — Тито. М., 1991. С. 359.

Josip Broz Tito. Autobiografska kazivanja. Cetinje, Skopje, Beograd, Ljubbljana, 1982. T. 2. S. 24.

Josip Broz Tito. Autobiografska kazivanja. Cetinje, Skopje, Beograd, Ljubbljana, 1982. T. 2. S. 24.

Pisma CK KPJ i pisma CK SKP(b). Beograd, 1948. S. 33–36.

Josip Broz Tito. Autobiografska kazivanja. Cetinje. Skopje, Beograd, Ljubbljana, 1982. T. 2. S. 22, 23.

Dedijer V. Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. Beograd, 1980. T. 3. S. 373–377.

Цит. no: *Husić D.* Princ Politbiroa. Beograd, 1988. S. 106.

Dedijer V. Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. Beograd, 1980. T. 3. S. 381–382.

Kardelj E. Borba za priznanje i nezavisnost nove Jugoslavije: Sećanja. Beograd, Ljubljana, 1980. S. 128.

340

Цит. по: *Гиренко Ю.* Сталин — Тито. М., 1991. С. 367; *Dedijer V.* Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. Rieka, Zagreb, 1980. Т. 1. S. 383.

Dedijer V. Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. Rieka, Zagreb, 1980. T. 1. S. 485–486.

342

РГАСПИ. Ф. 558. Оп… 11. Д. 399. Л. 3-16.

343

Там же. Л. 1–2.

Цит. по: *Гиренко Ю.* Сталин — Тито. М., 1991. С. 370.

Kardelj E. Borba za priznanje i nezavisnost nove Jugoslavilje: Sećanja, Beograd, Ljubljana, 1980. S. 129.

Интервью М. Джиласа автору.

Pisma CK KPJ i pisma CK SKP (b). Beograd, 1948. S. 26–27.

Arhiv Josipa Broza Tito. 1-3-6-656.

Josip Broz Tito. Autobiografska kazivanja. Cetinje, Skopje, Beograd, Ljubbljana, 1982. T. 2. S. 24.

Ibid.

Ibid.

Đilas M. Druženje s Titom. Beograd, 1990.

353

Arhiv Josipa Broza Tito. 1-3-6-656. Л. 1.

Dedijer V. Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. Rieka, Zagreb, 1980. T. 1. S. 497.

Цит. по: *Гиренко Ю.* Сталин — Тито. М., 1991. С. 382–385.

356

Правда. 29.06.1948.

Adamović M. Brozovi strahovi. Kako je čuvan Tito I pokušaji atentata. Beograd, 2001. S. 55.

Правда. 6.03.1990.

359

Цит. по: *Гиренко Ю.* Сталин — Тито. М., 1991. С. 387.

360

Политика. 2.07.1948.

361

Борба. 3.07.1948.

V Конгрес КПЈ. Београд, 1948. С. 148–159.

363

Латышев Л. Жаркое лето 1948 года // Открывая новые страницы… Международные вопросы: события и люди /Сост. Н. В. Попов. М., 1989. С. 129, 130.

ћорћевић М. Историја титоизма. Политика. 6.12.1994.

Dedijer У. Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. Rieka, Zagreb, 1980. T. l.S. 506,507.

V Конгрес КПЈ. Београд, 1948. С. 866.

Миличевич П. Осторожно — ревизионизм! // http://postrana.narod.ru/revsod.html

Едемский А. От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953–1956 гг. М., 2008. С. 36.

Димитриевић Б. Грађански рат у миру. Улога армије и службе безбедности у обрачуну са политичким противницима Титовог режима 1944–1954. Београд, 2003.С.150

Đilas M. Tito. Beograd, 1994. C. 81–83.

Markovic D. Istina o Golom otoku. Beograd, 1987. S. 16, 17.

Ситић П. Тито — тајна века. Београд, 2010. С. 242.

Ibid.

Титов дневник. Београд,2009. С. 152, 153.

Шахин Ю. Югославия на пути модернизации. 1947–1961. М., 2008. С. 117.

Адибеков Г. Коминформ и послевоенная Европа. М., 1994. С. 150–151

377

Политика. 6.11.1948.

Николић К. Тито говори што народ мисли. Београд, 2006. С.334

Đilas M. Druženje s Titom. Beograd, 1990.S.38-39

Николић К. Тито говори што народ мисли. Београд, 2006. С. 305.

381

Борба. 20.11.1944.

Štaubringer Z., Popović M. Tito u anekdotama. Beograd, 2006.

Dedijer V. Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. Rieka, Zagreb, 1980. T. l.S. 655.

Цит. по: *Николић К.* Тито говори што народ мисли. Београд, 2006. С. 329.

Ivanji I. Titov prevodilac. Beograd, 2005. S. 30.

Едемский А. От конфликта к нормализации: Советско-югославские отношения в 1953–1956 гг. М., 2008. С. 43.

387

Правда. 30.09.1949.

Marković D. Istina o Golom otoku. Beograd, 1987. S. 254.

389

Dedijer V. Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. Beograd, 1980. T. 3. S. 457.

Шахин Ю. Югославия на пути модернизации. 1947–1961. М., 2008. С. 82.

391

Dedijer V. Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. Beograd, 1980. T. 3. S. 460.

Титов дневник. Београд, 2009. С. 21.

Ibid. C. 57, 58.

Васильева Н., Гаврилов В. Балканский тупик: Историческая судьба Югославии в XX веке. М., 2000. С. 258.

Титов дневник. Београд, 2009. С. 65, 66.

Dedijer V. Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. Beograd, 1980. T. 3. S. 443.

Титов дневник. Београд, 2009. С. 67.

Титов дневник. Београд, 2009. С. 89.

399

Очерки истории российской внешней разведки. М., 2003. Т. 5. С. 315.

Dedijer V. Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. Rieka, Zagreb, 1980. T. 1. S. 648.

Судоплатов П. Разведка и Кремль. М., 1996. С. 390–394.

Титов дневник. Београд, 2009. С. 28, 40,67,84.

Титов дневник. Београд, 2009. С. 115–116.

Там же. С. 22–24.

Васильева Н., Гаврилов В. Балканский тупик. Историческая судьба Югославии в XX веке. М., 2000. С. 266.

Титов дневник. Београд, 2009. С. 12.

См.: *Шахин Ю.* Югославия на пути модернизации. 1947–1961. М., 2008. С. 69.

Krzisnik-Bukić V. Cazinska buna: 1950. Sarajevo, 1991.

Шахин Ю. Югославия на пути модернизации. 1947–1961. М., 2008. С. 148–149.

Броз-Тито Й. Говори и чланци. Загреб, 1959. Кн. 7. С. 41, 55.

Титов дневник. Београд, 2009. С. 79.

Dimittijević B. JNA ot Staljina do NATO pakta. Beograd, 2005. S. 239.

Васильева Н., Гаврилов В. Балканский тупик: Историческая судьба Югославии в XX веке. М., 2000. С. 268.

Шахин Ю. Югославия на пути модернизации. 1947–1961. М., 2008.

415

Очерки истории российской внешней разведки. М.,2003. Т.5. С. 316–317

Цит. по: *Едемский А.* От конфликта к нормализации: Советско-югославские отношения в 1953–1956 гг. М., 2008. С. 53.

417

Там же.

Цит. по: Титов дневник. Београд, 2009. С. 167.

419

Там же. С.94.

Правда. 6.10.1952.

Титов дневник. Београд, 2009. С. 25.

422

Политика. 23.07.1945.

Ivonji I. Titov prevodilac. Beograd, 2005. S. 82.

Dedijer V. Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. Rieka, Zagreb, 1980. T. l.S. 654.

Ibid. S. 655.

Trboviić B., Cosiić I. Titov kuvar. Beograd, 2005. S. 27.

ŠtaubringerZ., Popović M. Tito u anekdotama. Beograd, 2006.

Титов дневник. Београд, 2009. С. 55.

429

Николић К. Тито говори што народ мисли. Београд, 2006. С. 289.

Đilas M. Druženje s Titom. S. 69, 133.

Титов дневник. Београд, 2009. С. 34.

Броз-Тито Й. Говори и чланци. Загреб, 1959. Кн. 6. С. 86, 147, 195.

Kuljić T. Tito: sociološkoistorijska studia. Beograd, 1998. S. 25.

Ситић П., Деспот З. Тито. Строго поверљиво. Архивски документи. Београд, 2010.С. 535.

Броз-Тито Й. Говори и чланци. Загреб, 1959. Кн. 5. С. 251.

Цит. по: *Husić D.* Princ Politburoa. Beograd, 1988. S. 116.

Броз-Тито Й. Говори и чланци. Загреб, 1959. Кн. 5. С. 251.

Шахин Ю. Югославия на пути модернизации. 1947–1961. М., 2008. С. 115.

Броз-Тито Й. Говори и чланци. Загреб, 1959. Кн. 9. С. 49.

Ситић П. Тито — тајна века. Београд, 2010.С.251

Титов дневник. Београд, 2009. С. 138.

Dedijer V. Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. Beograd, 1980. T. 3. S. 610.

443

Цит. по: *Ситић П. Тито — тајна века. Београд, 2009*. С. 255, 295.

Simčič M. Žene u titovoj sjeni. Zagreb, 2008.S.167

Đilas M. Druženje s Titom. Beograd.1990. S. 148–149.

Matunović A. Jovanka Broz. Titova suvladarka. Beograd, 2007. S. 21.

Simčič M. Žene u titovoj sjeni. Zagreb, 2008. S. 182.

Matunović A. Jovanka Broz. Titova suvladarka. Beograd, 2007. S. 21–22.

449

Matunović A. Jovanka Broz. Titova suvladarka. Beograd, 2007. S. 21–22.

Adamović M. Brozovi strahovi. Kako je čuvan Tito I pokušaji atentata. Beograd, 2001. S. 63.

451

Dedijer V. Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. Beograd, 1980. T. 3. S.614

Adamović M. Brozovi strahovi. Kako je čuvan Tito I pokušaji atentata. Beograd, 2001. S. 64.

453

Цит. по: *Едемский А.* От конфликта к нормализации: Советско-югославские отношения в 1953–1956 гг. М., 2008. С. 58.

Там же.

Уэст Р. Иосип Броз Тито. Власть силы. Смоленск, 1997. С.309.

Šlaubringer Z. Titovo istorijsko «ne» staljinizmu. Beograd, 1976. S. 145–147.

Цит. по: *Едемский А.* От конфликта к нормализации: Советско-югославские отношения в 1953–1956 гг. М., 2008. С. 61.

Броз-Тито Й. Говори и чланци. Загреб, 1959. Кн. 8. С. 52.

459

Правда. 5.05.1953.

Там же. С. 96–99.

461

Борба. 18.06.1953.

Лаврентий Берия. 1953. Документы. М., 1999. С. 222–223.

Едемский А. От конфликта к нормализации: Советско-югославские отношения в 1953–1956 гг. М., 2008. С. 130.

Там же. С. 153.

465

Уэст Р. Иосип Броз Тито. Власть силы. Смоленск. 1997. С. 314–315.

Dedijer V. Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. Beograd. 1980. T. 3. S. 626.

Djilas M. Rise and Fall. London, 1985. P. 65–66, 335–336.

Dedijer V. Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. Beograd, 1980. T. 3. S. 628.

www.oklop.net23.net/jna/1950-1957.htm.

Dedijer V. Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. Beograd, 1980. T. 3. S. 631.

471

Борба. 18.10.1953.

Едемский А. От конфликта к нормализации: Советско-югославские отношения в 1953–1956 гг. М., 2008. С. 165.

473

Политика. 15.10.1953.

Борба. 20.12.1953.

475

Борба. 22.12.1953.

Husić D. Princ Politbiroa. Beograd, 1988.S.141–146.

477

Борба. 10.01.1954.

Husić D. Princ Politbiroa. Beograd, 1988. S. 150–157.

Цит. по: *Dedijer V.* Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. Beograd, 1980. T. 3. S. 535–536.

Цит. по: *Husić D.* Princ Politbiroa. Beograd, 1988. S. 169–170.

Dedijer V. Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. Beograd, 1980. T. 3. S. 540.

Đilas M. Druženje s Titom. Beograd, 1990. S. 166.

Husić D. Princ Politbiroa. Beograd, 1988. S. 188, 189.

Adamović M. Brezovi strahovi. Kako je čuvan Tito I pokušaji atentata. Beograd, 2001. S. 117.

Ситић П. Тито — тајна века. Београд, 2009. С. 261.

Šlaubringer Z., Popović M. Tito u anekdotama. Beograd, 2006. C. 149.

Ibid. S. 150.

Цит. по: *Ситић П. Тито — тајна века. Београд, 2009*. С. 261.

Adamović M. Brozovi strahovi. Kako je čuvan Tito I pokušaji atentata. Beograd, 2001. S. 160.

Šlaubringer Z., Popović M. Tito u anekdotama. Beograd, 2006. C. 152.

Едемский А. От конфликта к нормализации: Советско-югославские отношения в 1953–1956 гг. М., 2008. С. 229–230.

http://archive.svoboda.org/programs/hd/2003/hd.092603.asp

493

Правда. 27.05.1955.

Хрущев С. Рождение сверхдержавы. М., 2000. С. 73.

Dedijer V. Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. Beograd, 1980. T. 3. S. 567.

Šlaubringer Z. Titovo istorijsko «ne» staljinizmu. Beograd, 1976. S. 105–106.

Dedijer V. Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. Beograd, 1980. T. 3. S. 580.

Pomirenje Jugoslavije 1 SSSR-a. 1953–1955. Tematska zbirka dokumenata. Podgorica, 1999. S. 470.

Dedijer V. Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. Beograd, 1980. T. 3. S. 589.

Цит. по: *Гиренко Ю.* Сталин — Тито. М., 1991. С. 409–410.

501

Kardelj E. Borba za priznanje I nezavisnost nove Jugoslavije: Sećanja. Beograd, Ljubljana, 1980. S. 147.

502

Борба. 3.07.1955.

503

Вишневская Г. Галина. История жизни. М., 1991. С. 166, 167.

Dedijer V. Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. Beograd, 1980. T. 3. S. 594.

505

Едемский А. От конфликта к нормализации: Советско-югославские отношения в 1953–1956 гг. М., 2008. С. 493.

506

Борба. 20.02.1956.

507

Цит. по: *Едемский А.* От конфликта к нормализации: Советско-югославские отношения в 1953–1956 гг. М., 2008. С. 549.

Известия ЦК КПСС. 1989. № 3.С. 154

Mićunović V. Moskovske godine. 1956–1958. Zagreb, 1977. S. 77–81.

Adamović M. Brozovi strahovi. Kako je čuvan Tito 1 pokušaji atentata. Beograd, 2001. S. 172–173.

511

Ардов М. Горестные заметки. http://st-rexnikolas.narod.ra/book/GZ/page2.html

Adamović M. Brozovi strahovi. Kako je čuvan Tito I pokušaji atentata. Beograd, 2001. S. 181–182.

Šlaubringer Z. Titovo istorijsko «пе» staljinizmu. Beograd. 1976. S. 133.

Adamović M. Brozovi strahovi. Kako je čuvan Tito I pokušaji atentata. Beograd, 2001. S.171, 182.

515

Mićunović V. Moskovske godine. 1956–1958. Zagreb, 1977. S. 83–85.

Šlaubringer Z. Titovo istorijsko «ne» staljinizmu. Beograd, 1976. S. 133.

Adamović M. Brozovi strahovi. Kako je čuvan Tito I pokušaji atentata. Beograd. 2001. S. 183.

www.litrossia.ru/archive/73/history/1712.php

Adamović M. Brozovi strahovi. Kako je čuvan Tito I pokušaji atentata. Beograd, 2001. S. 192.

Blazević J. Suprostavljanja…i ljudi — za novu Jugoslaviju po svijetu. Zagreb, Beograd, Sarajevo, 1980. S. 556.

Ibid. S. 558.

522

Цит. по: *Едемский А.* От конфликта к нормализации: Советско-югославские отношения в 1953–1956 гг. М., 2008. С. 567.

523

Правда. 21.06.1956.

Micunović V. Moskovske godine.1956–1958. Zagreb, 1977. S. 91.

Adamović M. Brozovi strahovi. Kako je čuvan Tito I pokušaji atentata. Beograd, 2001. S. 194.

Цит. по: *Едемский А.* От конфликта к нормализации: Советско-югославские отношения в 1953–1956 гг. М., 2008. С. 574.

527

Ситић П. Тито и НАТО. Успон и пад друге Југославије. Београд, 2008. С.82

Josip Broz Tito. Autobiografska kazivanja. Cetinje, Skopje, Beograd, Ljubljana, 1982. T. 2. S. 40, 43.

Хрущев С. Рождение сверхдержавы. М., 2000. С. 154.

Šlaubringer Z. Titovo istorijsko «пе» staljinizmu. Beograd, 1976. S. 156.

Львовский М. Крымские забавы советских генсеков // Сегодня. 22.08.2008.

Семенов И. Царские охоты советских вождей // Родина. 2008. № 8.

Josip Broz Tito. Autobiografska kazivanja. Cetinje, Skopje, Beograd, Ljubljana, 1982. T. 2. S. 41.

534

Ситић П. Тито и НАТО. Успон и пад друге Југославије. Београд, 2008. С.86.

Цит. по: *Adamović M.* Brozovi strahovi. Kako je čuvan Tito 1 pokušaji atentata. Beograd, 2001. S. 213.

Хрущев С. Рождение сверхдержавы. М., 2000. С. 176.

Там же. С.179.

538

«О событиях в Венгрии». Информация председателя КГБ СССР в ЦК КПСС об архивных материалах о деятельности венгерского руководителя Имре Надя. http://militera.lib.rU/h/lavrenov_popov/33.html)

Josip Broz Tito. Autobiografska kazivanja. Cetinje, Skopje, Beograd, Ljubljana, 1982. T. 2. S. 48.

Ibid. S. 49–53.

Хрущев С. Рождение сверхдержавы. М., 2000. С. 180.

Шахин Ю. Югославия на пути модернизации. 1947–1961. М., 2008. С. 219.

543

Броз-Тито Й. Говори и чланци. Загреб, 1959. Кн. 10. С. 236, 237.

Там же. С. 321.

Statistički godišnjak FNRJ, 1958. Beograd, 1958. S. 109.

Цит. по: *Husić D.* Princ Politbiroa. Beograd, 1988. S. 191.

547

Борба. 11.08.1957.

Шахин Ю. Югославия на пути модернизации. 1947–1961. М., 2008. С. 238, 252.

Šlaubringer Z. Titovo istorijsko «ne» staljinizmu. Beograd, 1976. S. 178–181,185.

550

Георгий Жуков. Документы. М. 2001. С.175.

Там же. С. 176, 177.

Josip Broz Tito. Intervju. Zagreb, Beograd, 1980. S. 87–98.

553

Борба. 7.11.1957.

Adamović M. Brozovi strahovi. Kako je čuvan Tito I pokušaji atentata. Beograd, 2001. S. 222–229.

Šlaubringer Z. Titovo istorijsko «пе» staljinizmu. Beograd, 1976. S. 195.

Josip Broz Tito. Intervju. Zagreb, Beograd, 1980. S. 112.

Program Saveza komunista Jugoslavije. Beograd, 1976.

Šlaubringer Z. Titovo istorijsko «пе» staljinizmu. Beograd, 1976. S. 200.

Ситић П. Тито и НАТО. Успон и пад друге Југославије. Београд, 2008. С.88.

Романенко С. «Перестройка» и/или «самоуправленческий социализм»? М. С. Горбачев и судьба Югославии // Славянский альманах. 2006. http://slavalmanakh.narod.ru/2006/Romanenko.htm

Ridli D. Tito: Biografija. Novi Sad, 1998. S. 322.

562

Правда. 28.01.1959.

Цит. по: *Staubringer Z.* Titovo istorijsko «пе» staljinizmu. Beograd, 1976. S. 200,207.

Цит. по: *Шахин Ю.* Югославия на пути модернизации. 1947–1961. М., 2008. С. 243.

565

Цит. по: *Шахин Ю.* Югославия на пути модернизации. 1947–1961. М., 2008. С. 243.

Уэст Р. Иосип Броз Тито. Власть силы. Смоленск, 1997. С. 358.

Ситић П. Тито и НАТО. Успон и пад друге Југославије. Београд, 2008. С.103.

Šlaubringer Z., Popović M. Tito u anekdotama. Beograd, 2006. S. 175.

569

Цит. по: *Шахин Ю.* Югославия на пути модернизации. 1947–1961. М., 2008. С. 245.

Šlaubringer Z., Popović M. Tito u anekdotama. Beograd, 2006. S. 172.

Josip Broz Tito. Intervju. Zagreb, Beograd, 1980. S. 203, 204.

Adamović M. Brozovi strahovi. Kako je čuvan Tito I pokušaji atentata. Beograd, 2001. S. 311–318.

573

Суходрев В. Язык мой — друг мой: От Хрущева до Горбачева. М., 1999. С. 122–124.

ŠlaubringerZ. Titovo istorijsko «пе» staljinizmu. Beograd, 1976. S. 212.

Adamović M. Brozovi strahovi. Kako je čuvan Tito I pokušaji atentata. Beograd, 2001. S. 324.

Медведев Р. Хрущев. Политическая биография // http://www.ModernLib.ru/books/medvedev_roy_aleksandrovich/ns_hruschev_politicheskaya_biografiya/read_l)

Цит. по: *Šlaubringer Z.* Titovo istorijsko «пе» staljinizmu. Beograd, 1976. S. 213

Adamović M. Brozovi strahovi. Kako je čuvan Tito I pokušaji atentata. Beograd, 2001. S. 333.

Цит. по: *ŠlaubringerZ* Titovo istorijsko «пе» staljinizmu. Beograd, 1976. S. 216.

Husić D. Princ Politbiroa. Beograd, 1988. S. 197.

Ibid. S. 198.

Романенко С. «Перестройка» и/или «самоуправленческий социализм»? М. С. Горбачев и судьба Югославии // Славянский альманах. 2006. http://slav-almanakh.narod.ru/2006/Ronianenko.htni

583

XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза: Стенографический отчет. М., 1961. Т. 3. С. 362.

Ridli D. Tito: Biografija. Novi Sad, 1998. S. 332.

585

Из интервью М. Джиласа автору.

Смирнова Н. История Албании в XX веке. М., 2003. С. 321–325.

Медведев Р. Хрущев. Политическая биография // http://www.ModernL.ib.ru/books/medvedev_roy_aleksandrovich/ns_hruschev_politicheskaya_biografiya/read_l

Ситић П. Тито и НАТО. Успон и пад друге Југославије. Београд, 2008. С.94.

Štaubringer Z. Titovo istorijsko «пе» staljinizmu. Beograd, 1976. S. 237.

Štaubringer Z. Titovo istorijsko «пе» staljinizmu. Beograd, 1976. S. 237.

591

Борба. 30.12.1962.

Васильева Н., Гаврилов В. Балканский тупик? Историческая судьба Югославии в XX веке. М., 2000. С. 278.

593

Борба. 5.10.1962.

Štaubringer Z. Titovo istorijsko «пе» staljinizmu. Beograd, 1976. S. 237.

Josip Broz Tito. Intervju. Zagreb, Beograd, 1980. S. 236.

Цит. по: *Štaubringer Z.* Titovo istorijsko «пе» staljinizmu. Beograd, 1976. S. 243.

597

Уэст Р. Иосип Броз Тито. Власть силы. Смоленск, 1997. С. 341–342.

Štaubringer Z. Titovo istorijsko «пе» staljinizmu. Beograd, 1976. S. 246.

Ibid. S. 249.

Ibid. S. 269.

www.ftn-zagoije.org/crveni…/josip-broz-tito

Ситић П. Тито — тајна века. Београд, 2010. С. 260.

603

Моргулес И. Записки обжоры // Уральская новь. 2002. № 12.

Adamović M. Brozovi strahovi. Kako je čuvan Tito I pokušaji atentata. Beograd, 2001. S. 338–341.

Matunović A. Jovanka Broz. Titova suvladarka. Beograd, 2007.

Smiljić N. Manekeni lošeg ponašanja // Вечернье новости. 24.11. 2003.

607

Ситић П., Деспот З. Тито. Строго поверљиво. Архивски документи. Београд, 2010.С. 229.

Skrozza T. Potomci I naslednici Josipa Broza Tita // Vreme. Br. 957. 7.05.2009.

Ibid.

Matunović A. Jovanka Broz. Titova suvladarka. Beograd, 2007. S. 135.

611

Борба. 7.05.1962.

Šlraubringer Z., Popoviić M. Tito u anekdotama. Beograd, 2006. S. 175.

Ситић П. Тито — тајна века. Београд, 2010. С. 269.

Matunović A. Jovanka Broz. Titova suvladarka. Beograd, 2007. S. 136.

Ridli D. Tito: Biografija. Novi Sad, 1998. S. 341.

Krivokapić B. Pucanj u Kardelja (a ubistvo Rankovića) // Побједа. 29.09.2006.

Ibid.

Ridli D. Tito: Biografija. Novi Sad, 1998. S. 341–342.

619

Устав Социјалистичке Федеративне Републике Југославије. Београд, 1963.

Bilandžić D. Historija SFRJ. Glavni procesi. 1918–1985. Zagreb, 1985. S. 296.

621

Adamović M. Brozovi strahovi. Kako je čuvan Tito I pokušaji atentata. Beograd. 2001. S. 240.

Adamović M. Brozovi strahovi. Kako je čuvan Tito I pokušaji atentata. Beograd, 2001. S. 255–260.

Ibid. S. 269, 270.

Ibid. S. 273.

Ibid. S. 282.

Ситић П. Тито — тајна века. Београд, 2009. С. 263.

627

Цит. по: *Štaubringer Z.* Titovo istorijsko «пе» staljinizmu. Beograd, 1976. S. 206.

Пако Игнасио Тайбо II. Гевара по прозвищу «Че». М., 2000. С. 374.

629

http://blog.b92.net/text/1514/Razgovor-Tito-Che-Guevara-18-augusta-1959

630

Цит. по: *Уэст Р.* Иосип Броз Тито. Власть силы. Смоленск, 1997. С. 403.

Josip Broz Tito. Intervju. Zagreb, Beograd, 1980. S. 326.

Цит. по: *Šlaubringer Z.* Titova rezidencija. Beograd, 1970. S. 114.

Ibid. S. 271.

Ibid. S. 220,221.

Ситић П. Тито — тајна века. Београд, 2009. С. 264.

Ridli D. Tito: Biografija. Novi Sad, 1998. S. 336.

Цит. по: *Štaubringer Z.* Titovo istorijsko «пе» staljinizmu. Beograd, 1976. S. 250.

Lopušina M. Bio opasniji od Karlosa *I I* Вечернье новости. 12.11.2008.

639

Ibid.

Štaubringer Z. Titovo istorijsko «пе» staljinizmu. Beograd, 1976. S. 252.

Ibid. S. 272.

Josip Broz Tito. Intervju. Zagreb, Beograd, 1980. S. 96.

Josip Broz Tito. Intervju. Zagreb, Beograd, 1980. S. 232–253.

Ситић П. Тито — тајна века. Београд, 2010. С. 270.

Ситић П. Тито — тајна века. Београд, 2010. С. 345.

Trboviić B., Cosiić I. Titov kuvar. Beograd, 2005. S. 110.

Štaubringer Z., Popović M. Tito u anekdotama. Beograd, 2006. S. 174.

Ibid. S. 288.

Muravdzić Z. Tito I umetnici. Beograd, 1977. S. 5–7.

650

Pismo piše Andrić // Вечернье новости. 29.09.2003.

Trboviić B., Cosiić I. Titov kuvar. Beograd, 2005. S. 38.

652

Pismo piše Andrić // Вечернье новости. 29.09.2003.

653

Štraubringer Z., Popović M. Tito u anekdotama. Beograd, 2006. S. 277.

Уэст Р. Иосип Броз Тито. Власть силы. Смоленск, 1997. С. 341–342.

Доронина И. «В XXI век я смотрю с надеждой»: Интервью с М. Михайловым // Дружба народов. 2000. № 2.

Там же.

Popović R. Nigde «gvozdene zavese» *I I* Вечернье новости. 15.02.2008.

НИН. Вг. 2821.20.01.2005.

Šlaubringer Z. Titovo istorijsko «пе» staljinizmu. Beograd, 1976. S. 282–283.

Ridli D. Tito: Biografija. Novi Sad, 1998. S. 342–343.

661

Страны мира. Справочное издание. М., 1977. С. 347.

Bilandžić D. Historija SFRJ. Glavni procesi. 1918–1985. Zagreb, 1985. S. 245.

663

Ситић П., Деспот З. Тито. Строго поверљиво. Архивски документи. Београд, 2010. С. 223–225.

Травин Д., Маргания О. Европейская модернизация // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Trav/22.php

665

Ситић П., Деспот З. Тито. Строго поверљиво. Архивски документи. Београд, 2010. С. 222–227.

Ситић П. Тито — тајна века. Београд, 2010. С. 265–266.

Травин Д., Маргания О. Европейская модернизация//http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Trav/22.php

Bilandžić D. Historija SFRJ. Glavni procesi. 1918–1985. Zagreb, 1985. S. 387.

Josip Broz Tito. Intervju. Zagreb, Beograd, 1980. S. 325.

Моргулес И. Записки обжоры // Уральская новь. 2002. № 12.

671

Очерки истории российской внешней разведки. М.,2003. Т.5. С.445.

Stamenković D. Zavera ranije skovana // Вечернье новости. 20.01.2003.

«Četvrti plenum Centralnog komiteta Saveza komunista Jugoslavije». Beograd, 1966. S. 15–18.

Bilandžić D. Historija SFRJ. Glavni procesi. 1918–1985. Zagreb, 1985. S. 332.

«Četvrti plenum Centralnog komiteta Saveza komunista Jugoslavije». Beograd, 1966. S. 32,33.

Ibid.

«Tito. Crveno i crno» //Документальный фильм. Сербия, 2007.

Ситић П. Тито — тајна века. Београд, 2010. С. 265–276.

Đukić S. Tito i ’68. Politička akrobatika // Политика. 26.05.2008.

Đukić S. Tito i ’68. Politička akrobatika // Политика. 26.05.2008.

Popović R. Nigde «gvozdene zavese» // Вечернье новости. 15.02.2008.

Đukić S. Tito i ’68. Politička akrobatika // Политика. 26.05.2008.

683

Цит. по: *Popov N.* Beogradski jun 1968 // Вечернье новости. 23.06.2008.

Николич М. 1968: студенческий протест в Югославии // http://scepsis.rn/library/id_l420.html.

Josip Broz Tito. Intervju. Zagreb, Beograd, 1980. S.295.

«Tito. Crveno i crno» // Документальный фильм. Сербия, 2007.

687

Политика. 23.08.1968.

688

Жук А. Записки военного атташе в Югославии // Военно-исторический архив. № 5. 2005. С. 103.

Titov prevodilac. Beograd. 2005. S. 102.

«Tito. Crveno i crno» //Документальный фильм. Сербия, 2007.

691

Жук А. Записки военного атташе в Югославии // Военно-исторический архив. 2005. № 5. С. 112.

692

Васильева Н., Гаврилов В. Балканский тупик: Историческая судьба Югославии в XX веке. М., 2000. С. 281.

693

Там же. С. 282.

Ridli D. Tito: Biografija. Novi Sad, 1998. S/351-352/

695

Цит. по: *Bilandžić D.* Historija SFRJ. Glavni procesi. 1918–1985. Zagreb, 1985. S. 334.

Ситић П., Деспот З. Тито. Строго поверљиво. Архивски документи. Београд, 2010. С. 257–258.

Гуськова Е. Албанское сецессионистское движение в Косове / http://www.guskova.ru/w/wars/2003-mar.

Ситић П. Тито — тајна века. Београд, 2010. С. 283.

Гуськова Е. Албанское сецессионистское движение в Косове / http://www.guskova.ru/w/wars/2003-mar.

Уэст Р. Иосип Броз Тито. Власть силы. Смоленск, 1997. С. 388, 389.

Ситић П. Тито — тајна века. Београд, 2010. С. 298.

Bilandžić D. Historija SFRJ. Glavni procesi. 1918–1985. Zagreb, 1985. S. 297,350.

Ситић П. Тито — тајна века. Београд, 2010. С. 299.

Там же.

Ridli D. Tito: Biografija. Novi Sad, 1998. S. 358.

Ivanji I. Titov prevodilac. Beograd, 2005. S. 105.

Bilandžić D. Historija SFRJ. Glavni procesi. 1918–1985. Zagreb, 1985. S. 373.

Ситић П. Тито — тајна века. Београд, 2010. С. 301.

Ridli D. Tito: Biografija. Novi Sad, 1998. S. 358.

Bilandžić D. Historija SFRJ. Glavni procesi. 1918–1985. Zagreb, 1985. S. 421.

Matunović A. Jovanka Broz. Titova suvladarka. Beograd, 2007. S.108.

Dabčević-Kučar S. 71: hrvatski snovi i stvarnost. II. Zagreb, 1997. S. 600.

713

Цит. по: *Wilson D.* Tito's Yugoslavia. Cambridge, 1979. P. 203, 204.

Dabčević-Kučar S. 71: hrvatski snovi i stvarnost. Zagreb, 1997. Knj. I. S. 160, 181.

Simčič M. Tito bez maske. Beograd, 2010. S. 411.

Ridli D. Tito: Biografija. Novi Sad, 1998. S. 362.

Josip Broz Tito. Intervju. Zagreb, Beograd, 1980. S. 339–343.

Ситић П. Тито — тајна века. Београд, 2010. С. 303.

719

Романенко С. «Хорватская весна» и советско-югославские отношения на рубеже 1960—1970-х годов // Славяноведение. 2008. № 3.

Ситић П., Деспот З. Тито. Строго поверљиво. Архивски документи. Београд, 2010. С. 286–290.

721

Štraubringer Z., Popović M. Tito u anekdotama. Beograd, 2006. S. 209.

Wilson D. Tito's Yugoslavia. Cambridge, 1979. P. 206.

Ridli D. Tito: Biografija. Novi Sad, 1998. S. 365.

Bilandžić D. Historija SFRJ. Glavni procesi. 1918–1985. Zagreb, 1985. S. 429.

725

Романенко С. «Хорватская весна» и советско-югославские отношения на рубеже 1960—1970-х годов // Славяноведение. 2008. № 3.

Ситић П. Тито — тајна века. Београд, 2010. С. 307–309.

Ситић П. Тито и НАТО. Успон и пад друге Југославије. Београд, 2008. С.110.

Simčič M. Tito bez maske. Beograd, 2010. S. 418.

Bilandžić D. Historija SFRJ. Glavni procesi. 1918–1985. Zagreb, 1985. S. 433.

Ibid. S. 433–435.

Ситић П. Тито — тајна века. Београд, 2010. С. 310.

Романенко С. «Хорватская весна» и советско-югославские отношения на рубеже 1960—1970-х годов // Славяноведение. 2008. № 3.

733

Ситић П., Деспот З. Тито. Строго поверљиво. Архивски документи. Београд, 2010. С. 333.

734

Борба. 26.05.1972.

735

Борба. 25.05.1972.

736

Борба. 26.05.1972.

737

Политика. 31.05.1972.

738

Борба. 31.05.1972.

739

Черняев А. Совместный исход. Дневниковые записи. 1972–1991 годы. М., 2008. С. 21.

Цит. по: *Ivanji I.* Titov prevodilac. Beograd, 2005. S. 55.

Đukii R. «Nobel — Titova izgubljena ofanziva» // Вечернье новости. 29.09.2003.

Ситић П., Деспот З. Тито. Строго поверљиво. Архивски документи. Београд, 2010. С. 302–305.

Đukić R. «Nobel — Titova izgubljena ofanziva» // Вечернье новости. 3.10.2003.

Ibid.

Ситић П. Тито — тајна века. Београд, 2010. С. 316.

746

Борба. 22.02.1972.

Ситић П. Тито — тајна века. Београд, 2010. С. 317.

Matunović A. Jovanka Broz. Titova suvladarka. Beograd, 2007. S. 125.

Ivanji /. Titov prevodilac. Beograd, 2005. S. 123.

Ситић П., Деспот З. Тито. Строго поверљиво. Архивски документи. Београд, 2010. С. 386.

Lopušina M. KGB protiv Jugoslavije. Beograd, 2002. S. 136.

Pacepa J. Red Horizons: Chronicles of a Communist Spy Chief. London, 1988.

Ivanji /. Titov prevodilac. Beograd, 2005. S. 124.

Ситић П., Деспот З. Тито. Строго поверљиво. Архивски документи. Београд, 2010. С. 388–390.

Josip Broz Tito. Intervju. Zagreb, Beograd, 1980. S. 572.

Matunović A. Jovanka Broz. Titova suvladarka. Beograd, 2007. S. 90–91.

Matunović A. Jovanka Broz. Titova suvladarka. Beograd, 2007. S. 116–117.

Ibid. S. 153.

Simčič M. Žene u titovoj sjeni. Zagreb, 2008. S. 190, 205.

Matunović A. Jovanka Broz. Titova suvladarka. Beograd, 2007. S. 23.

Simčič M. Žene u titovoj sjeni. Zagreb, 2008. S. 206.

Ibid. S. 226.

Ridli D. Tito: Biografija. Beograd, 1998. S. 375.

Ibid. S. 379.

Malunović A. Jovanka Broz. Titova suvladarka. Beograd, 2007. S. 118–128.

Ibid. S. 207–210.

Уэст Р. Иосип Броз Тито. Власть силы. Смоленск, 1997. С. 404.

Simčič M. Žene u titovoj sjeni. Zagreb, 2008. S. 228.

Matunović A. Jovanka Broz. Titova suvladarka. Beograd, 2007. S. 253.

Ridli D. Tito: Biografija. Beograd, 1998. S. 376.

Simčič M. Tito bez maske. Beograd, 2010.S.130.

772

Борба. 24.05.1977.

773

Ситић П., Деспот З. Тито. Строго поверљиво. Архивски документи. Београд, 2010. С. 420–421.

Ibid. S. 423–427.

Stanković S. Yugoslavia in 1977 // OSA — Radio Free Europe.

Thatcher M. The Path to Power. London, 1995. P. 370–371.

777

Ситић П., Деспот З. Тито. Строго поверљиво. Архивски документи. Београд, 2010. С. 445.

Ситић П., Деспот З. Тито. Строго поверљиво. Архивски документи. Београд, 2010. С. 448.

Ситић П. Тито — тајна века. Београд, 2010. С. 340.

Ridli D. Tito: Biografija. Beograd, 1998. S. 377.

781

Ситић П., Деспот З. Тито. Строго поверљиво. Архивски документи. Београд, 2010. С. 481–482.

Ситић П. Тито — тајна века. Београд, 2010. С. 349, 342.

783

Ситић П., Деспот З. Тито. Строго поверљиво. Архивски документи. Београд, 2010. С. 515.

Ситић П. Тито — тајна века. Београд, 2010. С. 318.

785

Факты. 23.12.2010.

Жирнов Е. Пропущенные через Тито // Коммерсантъ-Власть. 3.04.2001.

Josip Broz Tito. Intervju. Zagreb, Beograd, 1980. S. 659–672.

788

Djermano Senjajević čićo. Trodnevna radost // Novi list. 7.10.2010.

Trboviić B., Cosiić I. Titov kuvar. Beograd, 2005. S. 178.

Vreme. 6.05.2000.

791

Политика. 17.10.1979.

792

Ситић П., Деспот З. Тито. Строго поверљиво. Архивски документи. Београд, 2010. С. 516–518.

Ivanji I. Titov prevodilac. Beograd, 2005. S. 106.

Simčič M. Tito bez maske. Beograd, 2010. S. 47–48.

Ibid. S. 49.

Цит. по: *Ситић П., Деспот З.* Тито. Строго поверљиво. Архивски документи. Београд, 2010. С. 523–526.

Цит. по: *Ситић П., Деспот З.* Тито. Строго поверљиво. Архивски документи. Београд, 2010. С. 529.

798

Zlatica Broz: Tito je bio i dedek i državnik // Blic. 04.05.2010.

799

Борба. 1.01.1980.

800

Vučićević D. Maršalu «na uvce» // Глас явности. 05.06.2000.

801

Tanjug. 1.01.1980.

802

Tanjug. 1.01.1980.

803

Tanjug. 3.01.1980.

804

Tanjug. 6.01.1980.

805

Tanjug. 7.01.1980.

806

Tanjug. 12.01.1980.

807

Tanjug. 13.01.1980.

Simčič M. Tito bez maske. Beograd, 2010. S. 88.

809

Tanjug. 14.01.1980.

810

Жук А. Записки советского военного атташе в Югославии // Военно-исторический архив. 2005. № 6.

Simčič M. Tito bez maske. Beograd, 2010. S. 77.

Titova poslednja bitka. Beograd, 1981. S. 57.

Simčič M. Tito bez maske. Beograd, 2010. S. 82.

Simčič M. Žene u titovoj sjeni. Zagreb, 2008. S. 230.

Ridli D. Tito: Biografija. Novi Sad, 1998. S. 378.

Titova poslednja bitka. Beograd, 1981.

817

Tanjug. 14.02.1980.

818

Tanjug. 26.03.1980.

Simčič M. Tito bez maske. Beograd, 2010. S. 68.

820

НИН. 18.05.1980.

Simčič M. Tito bez maske. Beograd, 2010. S. 90.

822

Bošnjak B. Poslednja ljubavnica Josipa Broza živi u Beogradu // Standard Magazin. 21.03.2007.

823

Политика. 21.06.2009.

Simčič M. Žene u titovoj sjeni. Zagreb, 2008. S. 226, 259.

825

Политика. 17.06.2009.

826

Политика. 24.05.2009.